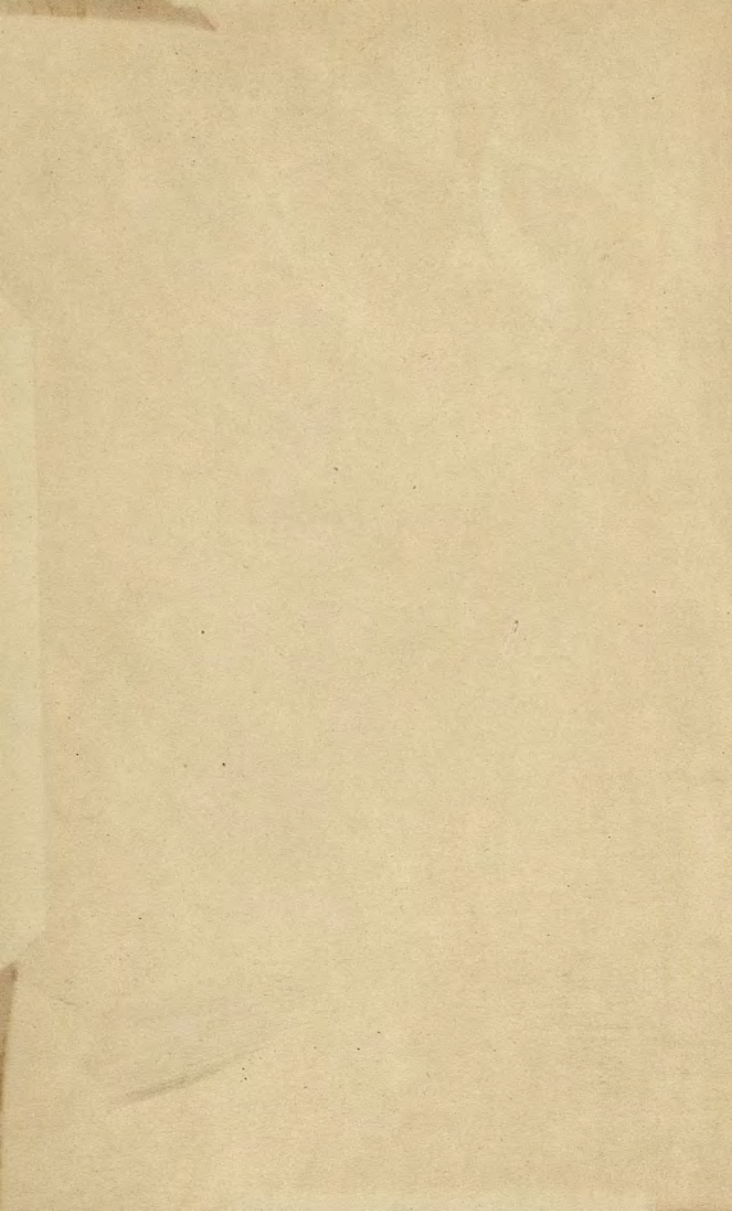

116 $\frac{4}{85}$

116 ⁴/₈₅

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ

ДО И ВО ВРЕМЯ ПОСЛѢДНАГО МЯТЕЖА

1831—1863 г.

(Извлеченіе изъ „Вѣстника западной Россіи“).

ВИЛЬНА.

Въ типографіи Р. М. Ромил.

—

1866.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стран.

Вмѣсто предисловія.

ГЛАВА 1-я.	Польскіе выходцы.— Симпатіи къ Франціи.— Тайныя общества.— Франція при Людовикѣ Филиппѣ.— Эмиграція.— Польскія депо.— Польскій комитетъ.— Польскій національный комитетъ.— Князь Чарторыйскій.— Эмиграція примыкаетъ къ революціонерамъ.— Законъ 9 апрѣля.— Парижъ, центръ совѣщаній европейскихъ революціонеровъ.— Буонарроти.— Парижскій бунтъ 6 іюня.— Польскій національный центральный комитетъ.— Польскіе агенты въ Англіи.— Требованія эмиграціи отъ французскаго правительства.— Польскій сеймъ въ Парижѣ.— Распри съ французскимъ правительствомъ.— Португальскія предложенія.— Неудачныя попытки къ общей европейской революціи.— Поляки въ Швейцаріи.— Неудачи Бема.— Проектъ польскаго легіона.— Требованія отъ Бадена интервенціи въ пользу поляковъ.— Изгнаніе изъ Франціи польскихъ коноводовъ.— Савойская экспедиція.— Мятежъ въ Ліонѣ.— Козни противъ указа 4-го сентября 1834 года	4
— — 2-я.	Новое направленіе дѣятельности эмиграціи.— Общества.— Партіи.— Фамилія Чарторыйскихъ.— Графъ Ледуховскій.— Мѣрославскій.— Заботы о польскомъ органѣ.— Польскія школы.— Пронски Чарторыйскихъ.— Журналъ 3-го мая.— Польскій комитетъ.— Централизація	55
— — 3-я.	Бемъ и его теорія	93
— — 4-я.	Затишье революціонныхъ явленій.— Положеніе партій.— Эмиссары.— Симеонъ Конарскій.— Царство Польское, Познань и Галиція.— Подземная дѣятельность польской эмиграціи.— Распространеніе революціонной литературы.— Сближеніе партій эмиграціи.— Князь Адамъ Чарторыйскій	101
— — 5-я.	Подготовленія къ общей европейской революціи 1846 года.— Дворянство въ Галиціи.— Подземныя работы.— Польскія интриги.— Эмиссары и агенты.— Князь Чарторыйскій и Мѣрославскій.— Стремленіе обоихъ провести другъ друга.— Назначенія предъ мятежемъ.— Инструкція Мѣрослав-	

скаго.—Замыселъ новыхъ сицилійскихъ вечереень.—
Ловкій обманъ аристократіею эрц-герцога Ферди-
нанда.—Его приказъ съ запрещеніемъ крестьян-
скихъ сборовъ.—Арестъ заговорщиковъ въ Позна-
ни.—Неудачная попытка къ мятежу въ Галиціи.—
Объщанія крестьянамъ и побіеніе крестьянъ.—
Сельское населеніе не дается въ обманъ.—Рѣз-
ня пановъ.—Неистовства 115

ГЛАВА 6-я. Значеніе Кракова.—Вступленіе и изгнаніе австрій-
цевъ.—Семидневныя судьбы Кракова:—Избраніе
въ президенты графа Водзицкаго—его проклама-
ціи и низверженіе.—Диктаторъ Тысовскій, его
прокламаціи и низверженіе.—Диктаторъ Вишнев-
скій, его прокламаціи и низверженіе.—Возвраще-
ніе власти диктатору Тысовскому и его прокла-
маціи.—Успѣхи и торжества въ Краковѣ.—Вѣсть
о посылкѣ изъ Варшавы конно-мусульманскаго
полка.—Бѣгство диктатора.—Вторичное избраніе
графа Водзицкаго—его прокламаціи.—Занятіе Кра-
кова русскими войсками.—Оцѣнка событій поль-
скою эмиграціею въ Парижѣ.—Письмо къ князю
Меттерниху 151

— — 7-я. Планы революціонеровъ на 1848 годъ.—Зло-
ба и замыслы противъ Россіи.—Революціонные
элементы въ Европѣ.—Какъ польская эмиграція
смотрѣла на европейскихъ революціонеровъ.—
Польскія инструкции для приготовленія общей ре-
волюціи 181

— — 8-я. Весеннія событія 1848 года.—Разливъ рево-
люціи по Европѣ.—Познанскія событія.—Борьба
между нѣмецкою и польскою національностями.—
Мѣрославскій и его неудачи.—Галиційскія собы-
тія.—Евреи.—Графъ Францъ Стадіонъ.—Львов-
скія демонстраціи.—Крестьяне.—Графъ Голухов-
скій и народова гвардія.—Краковъ.—Прага и
Дрезденъ 197

— — 9-я. Настроеніе умовъ послѣ весеннихъ событій
1848 г.—Любезности къ полякамъ.—Князь Чар-
торыйскій въ Познани.—Польскіе протесты и разо-
чарованіе.—Трудное положеніе Австріи.—Поло-
женіе Галиціи въ теченіи лѣта.—Возобновленіе
мятежей въ Вѣнѣ и въ Львовѣ.—Участіе поля-
ковъ въ возстаніи венгерскомъ.—Кошутъ и Гер-
гей.—Мнѣніе Высоцкаго о его землякахъ 222

— — 10-я. Эмиграція послѣ 1849 года.—Преобладаніе Лам-
берова отеля.—Восточная война.—Неудачное до-

	магательство польскаго легіона.— Михайлъ Чайковскій.— Польская неурядица и польская интрига	251
ГЛАВА 11-я.	Внутренняя жизнь эмиграціи.— Устройство демократическаго товарищества.— Уставъ.— Сношенія съ туземцами.— Централизація, осуждаемая поляками.— Значеніе Ламберова отеля.— Организація заговорнаго дѣла.— Внушенія къ крамоламъ.— Взаимная ненависть.— Слѣдствіе посѣщенія Государемъ Варшавы.— Усиленная дѣятельность.— Крестьянскій вопросъ.— Сношенія съ ренегатами.— Обширные замыслы.— Сводъ программъ къ мятежу 1863 года	264
— — 12-я.	Первые труды Шедо-Ферроти на пользу польской sprawy.— Протесты эмиграціи.— Крестьянская реформа.— Чарторыйскій, Мѣрославскій и Герценъ	349
— — 13-я.	Ламберовъ отель и общество польской молодежи.—хлопоты старой эмиграціи ввязаться въ дѣло.— Временная комиссія.— Временный комитетъ.— Маркизъ Велепольскій.— Комитетъ соединенія.— Разладъ между Мѣрославскимъ и ренегатами	365
— — 14-я	Польская эмиграція во время мятежа.— Фазисы мятежа.— Мѣрославскій и Герценъ.— Князь Владиславъ Чарторыйскій и Шедо-Ферроти.— Заключение	375

Приложеніе.

I	395
II	399
III	405
IV	411

О п е ч а т к и.

Стран.	строки	напеч.	читать.
33	снизу 8	умѣль	успѣль
44	— 18	Луибланъ	Луи Бланъ
46	— 3	Орманъ	Арманъ
47	— 1	на	не
48	сверху 11	офицеръ	офицеры
—	снизу 7	карты	книги
72	сверху 12	герцогъ	герцога
88	снизу 13	беспокойной	беспокоющей
100	— 6	должны	не должны
123	— 4	Комераста	колориста
124	сверху 2	неодуманныя	необузданныя
132	— 3	поймался	попался
144	— 7	были	эти были
151	снизу 8	цойскъ	войскъ
—	— 2	чтобы	что
162	сверху 1	не	но
190	— 10	тщательными	тщеславными
185	— 16	борьбы толчки	толчки
188	снизу 3	яороля	короля
229	сверху 24	земельную	земельную
—	— 25	воскликнула	воскликнула
247	сверху 4	си	со
—	— 5	о	и
256	— 24	ихъ	ея
364	— 3	ихъ точно прежнихъ	ихъ прежнихъ
365	снизу 3	огамечтаем	мечтаемого

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ ДО И ВО ВРЕМЯ ПОСЛѢДНЯГО МЯТЕЖА 1831-1863 г.

(Вмѣсто предисловія).

Эмиграція имѣла неоспоримо главное вліяніе на послѣдній польскій мятежъ. Объ ней мы имѣемъ только отрывочныя журнальныя свѣдѣнія; но какъ ея дѣятельность во многомъ разясняетъ подготовительную, подземную работу къ событіямъ 1863 года, то можемъ сказать, что безъ ближайшаго знакомства съ заграничною агитаціею польскихъ выходцевъ едва ли возможна вѣрная оцѣнка самаго мятежа, едва ли возможенъ вѣрный взглядъ на все, тайно дѣйствовавшія въ немъ пружины.

При современномъ изслѣдованіи съ разныхъ сторонъ послѣднихъ плачевныхъ польскихъ событій, полагаемъ что краткій очеркъ, представляющій въ связи жизнь и дѣятельность польской эмиграціи 1831 года, не будетъ лишень своего интереса, и читатели захотятъ спуститься съ нами въ ту подземную фабрику, которая по всей Европѣ завела конторы для сбыта своихъ произведеній. Мы попросимъ читателей пробѣжать по тѣмъ мастерскимъ, изъ которыхъ выходили враждебныя общественному спокойствію и благосостоянію, связанныя между собою, манифестаціи, демонстраціи, бунты, мятежи и революціи нашего времени.

Изучивъ уставы подземнаго общества, проповѣдующаго блаженную свободу, уравниленіе правъ, имуществъ и общее благоденствіе, съ одной стороны мы увидимъ компанію заводчиковъ, проживающихъ богато, комфортно и благополучно, совершенными баричами или джентельменами,—увидимъ этихъ, своего рода винокуровъ, развращавшихъ массы для выгоднаго сбыта своихъ издѣлій; а съ другой стороны увидимъ работниковъ, которые прокармливаются трудно наживаемою копѣйкою, но за то морально откармливаемыхъ

великими идеями, несбыточными, какъ противными природѣ человека. Эти работники въ потѣ лица трудятся за опасною работою и складываютъ свои буйныя головы, кидаясь въ бездну и увлекая тысячами жертвы, ими искушенные или ослѣпленные.

ГЛАВА I.

Польскіе выходцы. — Симпатіи къ Франціи. — Тайныя общества. — Франція при Людовикѣ Филиппѣ. — Эмиграція. — Польскія дено. — Польскій комитетъ. — Польскій національный комитетъ. — Князь Чарторыйскій. — Эмиграція примыкаетъ къ революціонерамъ. — Законъ 9 Апрѣля. — Парижъ — центръ совѣщаній европейскихъ революціонеровъ. — Буонапароти. — Парижскій бунтъ 6-го Іюня. — Польскій національный центральный комитетъ. — Польскіе агенты въ Англіи. — Требования эмиграціи отъ французскаго правительства. — Польскій сеймъ въ Парижѣ. — Распри съ франц. правительствомъ. — Португальскія предложенія. — Неудачныя попытки къ общій европейской революціи. — Поляки въ Швейцаріи. — Неудачи Бема. — Проектъ польскаго легіона. — Требования отъ Бадена интервенціи въ пользу поляковъ. — Изгнаніе изъ Франціи польскихъ коноводовъ. — Савойская экспедиція. — Мятежъ въ Ліонѣ. — Козни противъ указа 4-го сентября 1834 года.

Польскіе выходцы. При неудачахъ возстанія 1831 года, поляки во множествѣ искали спасенія за границею, — по одиночкѣ и цѣлыми партіями они переходили рубежъ Имперіи. Тѣснимые русскими, польскія войска искали спасенія за границами владѣнія Австріи и Пруссіи. При отрядахъ находились и мѣстные ревнителы, частію бывшіе въ составѣ войскъ, частію къ нимъ примкнувшіе, скомпроментированные предъ русскимъ правительствомъ своимъ участіемъ въ бывшемъ мятежѣ.

Первый пріютъ выходцы нашли въ Галиціи и Пруссіи. Въ Галиціи мѣстные поляки, съ открытыми объятіями, принимали своихъ земляковъ; принимали ихъ многіе и изъ австрійскихъ служащихъ, по чувству состраданія; многіе выходцы, перешли границу, не имѣя рубашки на тѣлѣ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Въ Пруссіи правительство отвело выходцамъ богатую провинцію Куячъ, и назначило имъ, на первое время, денежное

вспомоществованіе довольно значительное, такъ что офицеры получали до 20 талеровъ въ мѣсяцъ. По прошествіи года въ Маріенбердеръ прибылъ адъютантъ короля, графъ Каницъ, отобралъ свѣдѣнія о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ каждаго выходца. Изъявившіе намѣреніе переѣхать на жительство въ другія государства Европы, были перевезены на казенный счетъ; тѣже, которые испрашивали для себя отъ русскаго правительства амнистію, остались въ Пруссіи, при томъ же пособіи отъ казны, хотя амнистію нѣкоторые получили только въ 1834 и 1835 годахъ.

Симпатіи въ Франціи. Солдаты, крестьяне, дворовые, попавшіе за границу, составлявшіе по выраженію одного поляка *plebs* эмиграціи, большею частию остались въ Галиціи и Пруссіи; остальные почти всѣ потянулись далѣе на западъ: въ Швейцарію, Бельгію, Англію и преимущественно во Францію. Во Франціи ожидали ихъ наибольшія симпатіи; тамъ и политическое положеніе страны общало дальнѣйшимъ ихъ предпріятіямъ наибольшіе успѣхи. Франція притягивала къ себѣ польскихъ выходцевъ далекимъ зарепомъ своихъ революціонныхъ пожаровъ; поляки спѣшили туда обогрѣться, послѣ потушеннаго пожара на родинѣ. Франція дѣйствительно въ то время была метрополіею всѣхъ революціонныхъ настроеній.

Тайныя общества. XVIII столѣтіе было столѣтіемъ мира для Европы, воевала лишь на ея окраинахъ устраивающаяся Россія; войны Фридриха Великаго были единственныя, которыя кратковременно отрывали европейскія общества отъ внутренняго, мирнаго, быстраго ихъ развитія. На произведеніяхъ литературы того времени отразилась эта работа къ общественному устройству и много вопросовъ оставили писатели XVIII столѣтія ярко брошенными и блѣдно разрѣшенными. Общество искало практическаго пути къ примѣненію новыхъ теорій; молва указывала на масонскія ложи; таинственность дѣйствовала обаятельно; въ ложахъ искали ключа премудрости. Въ образованныхъ классахъ общества изученіе Руссо, Дидеро, Вольтера было модное занятіе, а *франъ-масонъ* модное званіе. Ложи множились повсемѣстно; онѣ манили къ себѣ любопытныхъ и добродушныхъ, честолюбивыхъ и тщеслав-

ныхъ; была тогда мода на печатки съ Адамовою головою, на лопатки и молоточки, въ видѣ брелоковъ; нося ихъ масса массоновъ все оставалась чающею окончательнаго раскрытія послѣдняго слова загадки. Ложи въ рукахъ массоновъ должны были перестроить общество, а покаместъ сближеніемъ въ ложахъ онѣ устраивали самихъ массоновъ; ими для нѣкоторыхъ образовывались тѣ связи, которыя облегчали путь къ общественной карьерѣ и честолюбивые обращали менѣе дальнорукіхъ— въ слѣпныя орудія своихъ видовъ. Безъ усвоенія опытностью практической жизни, изъ книгъ вычитываемыя гипотезы превращались въ пестрый наборъ истинъ и софизмовъ, и во многихъ красноречивыхъ, ловкихъ *ораторахъ* побѣдителяхъ на словахъ, проявлялась та самонадѣянность, отъ которой было уже не далеко и до честолюбивыхъ замысловъ—стать преобразователями общественнаго строя. Сѣть тайныхъ обществъ разстилалась по Европѣ; дава хлопотала внутри сопки, и вотъ она разлилась въ видѣ грозной французской революціи, заключившей минувшее столѣтіе.

Бурю разбушевавшихся стихій могла укротить только мощная воля Наполеона; но слишкомъ крутъ былъ поворотъ, чтобы могло наступить совершенное затишье, даже и послѣ многолѣтнихъ кровопролитныхъ войнъ. Волненія продолжались, тѣмъ болѣе что подъ желѣзною рукою Наполеона родились новые тайные кружки, съ цѣлью освобожденія родины отъ его гнета, въ Италіи—карбонары, въ Германіи—множество союзовъ подъ фирмами разныхъ добродѣтелей; а колоссъ былъ опрокинутъ русскимъ народомъ, безъ всякихъ тайныхъ обществъ; въ Россіи идея была не искусственно привитая, но была собственностью народа, сознававшего свою силу и необходимость освобожденія отъ пришлецовъ.

Италія имѣла тоже свою національность неискусственную, но своеобразную, тысячелѣтія прожившую, ограждаемую съ трехъ сторонъ моремъ и съ четвертой Альпами. Италія видѣла у себя иноземцевъ или завоевателей, пользовавшихся ея безсиіемъ, или путешественниками изучающими ея творенія. Послѣ вѣнскаго конгресса, весь развитой классъ жаждалъ соединенія и независимости; соединеніемъ Италіи онъ надѣялся на снзу къ отставанію независимости, а съ независимостью онъ ожидалъ преж-

пятаго народнаго благосостоянія и богатства временъ италянскихъ республикъ. Въ Германіи люди науки тоже не были довольны, и съ кафедръ университетовъ гейдельбергскаго, іенскаго, гессенскаго и юрбургскаго они изливали свое неудовольствіе на вѣнскій конгрессъ, устроившій нѣмцевъ, вовсе не такъ какъ надумался каждый изъ профессоровъ; они доказывали молодежи выводами, со временъ едва ли педопотопныхъ, что необходимъ совершенный переворотъ для возможнаго развитія народнаго благоденствія; да кромѣ того, по ихъ личному убѣжденію, въ профессорахъ университетовъ скрывались истинные понимающіе дѣло государственные люди, что упускали изъ виду государи Германіи, при выборѣ и назначеніяхъ своихъ министровъ. Въ университетахъ студенты были самые крайніе революціонеры; но если профессоры всю свою жизнь оставались подъ обаяніемъ французской печати, то ихъ слушатели отъ истинной науки откидывали бредни, съ послѣднимъ прощальнымъ студенческимъ кутежомъ, возвращаясь въ среду того положительнаго, практическаго народа, который равными шагами идетъ впередъ, медленно, но твердо. Не шумные восторги производили творенія Гейне въ Германіи. Нѣмцы смотрѣли на него какъ на своего, ими балуемаго, *enfant terrible* и, съ удовольствіемъ встрѣчая каждое новое его произведеніе, съ улыбкою спрашивали: «Was schwazt er wieder da? Смѣшивая стремленіе молодой Франціи съ сожалѣніями старой, масса населенія Германіи въ революціонныхъ выходкахъ французовъ, постоянно, не безъ нѣкотораго основанія, думала видѣть, что домогательство на владѣніе Рейномъ было постоянною въ нихъ заднею мыслью. Въ прирейнскихъ только провинціяхъ, соѣдство Франціи приводило нѣсколько умы въ броженіе, да и тамъ общества болѣе находили на мирные клубы, гдѣ болѣе занимались разсужденіями о событіяхъ совершавшихся, нежели проэктами для будущаго.

Франція при Людовикѣ Филиппѣ. Франція представляла другое зрѣлище. По возстановленіи Бурбоновъ, она успокоилась, но не на долго. Правительство, въ долгой разлуцѣ съ страной, забыло, что великая нація — славолюбива и дорого цѣнитъ свое прошедшее. При Наполеонѣ, она вписала столь-

ко подвиговъ въ свою исторію; она такъ дорожила всякимъ памятникомъ своей славы, что она глубоко была оскорблена тѣмъ, что, послѣ постигшихъ бѣдствій, ее хотѣли даже лишить права гордиться тѣмъ, что въ столицахъ Европы развивались ея знамена. Легитимисты были до того ослѣплены, что хотѣли 1815 г. непосредственно придвинуть къ 1789; даже въ исторіи, преподаваемой дѣтямъ королевской фамиліи, Наполеонъ былъ названъ *généralissime des armées de S. M. le roi Louis XVIII.*

Легитимисты не хотѣли понять потребности идти впередъ и направлять далѣе развитіе XIX вѣка, а хотѣли оставаться съ положеніями и обычаями, какъ съ парадными кафтанамъ столѣтія, уже безвозвратно канувшаго въ вѣчность. Недовольныхъ во Франціи была не партія, но цѣлый слой общества; образовалось множество тайныхъ кружковъ, съ особенными оттѣнками своихъ цѣлей и своихъ домогательствъ, которыя преимущественно были по своему настроенію или республиканскіе, или бонапартистскіе. Оппозиція правительству была такъ вселика, что партіи нерѣдко даже помогали другъ другу, и, сливаясь, составляли одно революціонное цѣлое, жаждущее общаго переворота. Много было честолюбцевъ домогавшихся выдти въ люди, которые пользовались этимъ расположеніемъ умовъ и работали въ тѣни, но чело-вѣка, на высотѣ требованія времени, не было, и долгое время въ главѣ революціонеровъ стоялъ, вѣчно искавшій опоры и руководителя, тщеславный вѣтреный старикъ, съ головою созданною носить напудренный парикъ подъ фригійскимъ колпакомъ—пресловутый маркизь Лафайетъ.

Давно корона искушала младшую линію Бурбоновъ, давно она готовила для себя путь къ престолу подземными интригами; Людовикъ Филиппъ наконецъ перешагнулъ въ Тюльери; но броженіе умовъ не затихло; осторожный до робости и расчетливый до скупости, Людовикъ Филиппъ навсегда остался въ разладѣ съ націею. Онъ или не понималъ ее, или не могъ до нея подняться; твердою рукою онъ не схватилъ бразды правленія, но въ безпрестанныхъ колебаніяхъ, королемъ французовъ какъ прежде герцогомъ орлеанскомъ,—онъ продолжалъ занеживать, когда было

нужно дѣйствовать. Какой ореолъ могъ окружать его власть въ глазахъ французовъ, когда король лично для себя нуждался въ присяжныхъ адвокатахъ. Масса консерваторовъ его только берегла, но не уважала, король долго идя оцупью, наконецъ рискнулъ искать въ ней опоры.

Революціонеры не были довольны совершеннымъ ими переворотомъ въ 1830 году. Конституціонное правительство *короля французовъ* не удовлетворяло республиканцевъ, а бонапартисты хотѣли Наполеона II, а не герцога орлеанскаго. Обѣ партіи усердно, въ связи, хлопотали произвести новую революцію, откладывая до позднѣйшаго времени разрѣшеніе вопроса — быть ли во Франціи Республикѣ или герцогу рейхштадскому.

Польскіе выходцы, являсь во Францію примкнули сперва къ бонапартистамъ, которыми руководилъ генераль Ламаркъ. Еще до мятежа 1830 г., тайныя общества Польши усердно поддерживали сношенія со всѣми тайными обществами Европы, дабы расположить общественное мнѣніе къ польскому дѣлу. Самые надежные пути — были сношенія между боевыми товарищами, старыми Наполеоновцами Франціи и Польши. Бонапартисты близко принимали къ сердцу дѣло поляковъ, вліяли на всю революціонную партію вообще, что въ 1831 г. уже нѣсколько и обнаружилось ¹⁾.

1) Лафайетъ 21 апрѣля 1831 году, между прочимъ, писалъ Лелевелю изъ Парижа въ Варшаву: «Давно ищу я случая благодарить Васъ за всѣ письма, которыми Вы меня почтили, и которыя я исполнѣ оцѣниваю. Участіе столь важное и столь значительное, которое вы лично принимали въ вашей дивной революціи внушило мнѣ тѣ чувства къ вамъ, при которыхъ я только съ великою радостью могъ получить заявленія вашей ко мнѣ довѣренности и вашего уваженія; увѣрю васъ, что они взаимны и я позволяю себѣ надѣяться, что вы отвѣтите мнѣ тою же дружбою, которую я отъ полнаго сердца возимѣлъ къ вамъ.

Смѣлость и настойчивость вашего гражданскаго самоотверженія, слава вашихъ неимовѣрныхъ военныхъ подвиговъ исполнили вселенную удивленіемъ и уваженіемъ къ полякамъ. Съ перваго дня симпатіи Франціи вамъ принадлежали, но вы завоевали симпатіи всѣхъ націй; вы деретесь за независимость и цивилизацію Европы. Мое усердіе къ вамъ еще болѣе увеличивается отъ тѣхъ сообщеній, которыя вы мнѣ доверили въ вашемъ письмѣ отъ 27 февраля.

Варшавскіе клубисты ¹⁾ тоже заискивали связи съ французскими революціонерами ²⁾.

Лафайетъ учредилъ во Франціи общество друзей поляковъ (les amis des Polonais), коего дѣятельность была направляема *центральнымъ французскимъ комитетомъ*; рядомъ съ нимъ существовало *общество цивилизаціи*, тоже содѣйствующее польскимъ замысламъ, управляемое своимъ комитетомъ, наконецъ и общество *католическаго агенства* принимало участіе въ митѣжѣ поляковъ.

Комитетъ Лафайета затѣвалъ, во время мятежа 1831 года, экспедицію въ Литву. При содѣйствіи общества цивилизаціи, онъ собралъ подпискою до 400,000 франковъ, но деньги поступали медленно, экспедиція не удалась, приготовленное оружіе осталось на храненіи въ Белгій до востребованія, а остальные деньги поступили уже по усмиренію самого мятежа.

Всѣ общества, принимавшія участіе въ польскомъ мятежѣ, неоднократно во время борьбы представляли французскому правительству просьбы о вооруженномъ вмѣшательствѣ. Аббатъ Афръ, въ послѣдствіи архіепископъ парижскій, членъ католическаго агенства, былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ ходатаевъ за поляковъ.

Не многіе изъ выходцевъ искали службою или трудами упрочить средства къ своему существованію за границею; большинство жило или предусмотрительно спасеннымъ своимъ состояніемъ, или субсидіями заграничныхъ правительствъ, помощью добытою у западнаго милосердія и обильно—высылаемыми изъ края поддержками туземцевъ. Ведя жизнь праздную, они имѣли довольно досуга для того, чтобы предаваться разнымъ несбыточнымъ мечтамъ и проэктамъ и спеціальнымъ своимъ занятіемъ сдѣлали повсемѣстную поддержку всякихъ революціонныхъ волненій.

1) Члены демократическаго клуба подъ предсѣдательствомъ *Деллеволя* въ Варшавѣ,—источникъ всѣхъ интригъ и раздоровъ, бывшихъ тамъ въ теченіи всего мятежа 1831 года.

2) Его Члены были Лафайетъ, Даніель, Сентъ-Антуанъ, Мангаръ, Бертенъ, Шартенъ, де Сулицынь и Жюльенъ.

Революціонныя тайныя общества въ Европѣ получили въ польскихъ эмигрантахъ сильное подспорье,—ихъ числительностью, ревностью, эксцентричностью и фанатизмомъ.

Эмиграція. Трезвономъ велерѣчивыхъ фразъ польская эмиграція болѣе тридцати лѣтъ расшевеливала умы, вызвала за сочувствіемъ и развязывала кошельки своихъ туземныхъ земляковъ. Съ увлеченіемъ и легковѣріемъ поляки, жившіе въ Царствѣ и по областяхъ бывшей рѣчи посполитой, прислушивались къ искусительнымъ рѣчамъ, и пособіями всякаго рода, пожертвованіями, складчинами и постоянными взносами поддерживали эмиграцію, которая наконецъ и привела ихъ къ мятежу 1863 г. Тридцать лѣтъ польская нація самовольно наклеивала на себя этотъ ядовитый пластырь, который высасывалъ ея силы и соки и въ замѣнъ того заражалъ все тѣло. Тридцать лѣтъ эмиграція руководила поляковъ во всѣхъ тѣхъ выходкахъ, за которыми слѣдовали тяжкія бѣдствія — галиційская рѣзня, казни эмисаровъ, ссылки и заключенія соприкосновенныхъ виновныхъ, наконецъ всѣ плачевныя слѣдствія мятежей и революцій. Невольно рождается вопросъ: нынѣ послѣ сильнаго новаго урока 1863 года, когда взаимная злоба партій эмиграціи и правительственныя слѣдственныя комисиі раскрыли большею частью всѣ происки, интриги, алчность, раздоры и зависть эмигрантовъ, станутъ ли поляки благоразумно изслѣдовать сущность звонкихъ словъ, сблизятъ ли они ихъ съ послѣдствіями, взвѣсятъ ли тридцатилѣтніе совѣты и обѣщанія съ совершившимися событіями, поймутъ ли они чужой обманъ своекорыстныхъ честолюбцевъ и собственное самообольщеніе,—наконецъ, въ польскомъ обществѣ возьметъ ли постепенно перевѣсъ голосъ меньшинства истинныхъ патріотовъ, а у сихъ послѣднихъ достанетъ ли на столько гражданскаго мужества, чтобы убѣдить большинство, что послѣ столѣтнихъ попытокъ, пора понять—что нельзя вѣчно идти противу теченія, пора понять—что всѣ кудрявые и размахистые планы—одни воздушные замки,—однѣ коварныя мечты, пора понять—что вся работа, основанная на лицемѣріи, лжи и обманѣ есть зданіе, возводимое на песокъ, и что для блага будущихъ поколѣній, пора некрендо имъ соединиться

съ Россіею, гордиться тѣмъ что «слились въ славянскомъ морѣ» съ народомъ, который смѣло говорить:

«Иль намъ съ Европой спорить ново?»

Въ этой массѣ полуофіціальныхъ и тайныхъ печатанныхъ, литографированныхъ и писанныхъ документовъ, относящихся до польской эмиграціи, которые событіями послѣдняго мятежа обратились въ историческіе документы,—находятся обильныя данныя, обрисовывающія какъ лицевую ея сторону, такъ и изнанку. На первой высокопарные отчеты засѣданій, ярые воззванія, съ гонкою за эффектами, доктринальные софизмы, расточеніе всякаго рода лжи и обмановъ, усилія распалять воображеніе, потемнить понятія и-прикрытіе всего этого ярко блестящими декораціями, а по временамъ отвратительнымъ цинизмомъ. Таковъ характеръ литературныхъ произведеній польской эмиграціи!

А рядомъ съ ними—произведенія другого рода, рисующія дѣйствительную жизнь польской эмиграціи, лѣтописные труды совершившихся событій, переписка изъ житейскаго ея обихода, свѣдѣнія, сообщаемыя личностями, участвовавшими въ этой сложной, подземной затаенной работѣ. Точно на ярмарку тщеславія прибывшая многочисленная странствующая труппа, которая яркими красками подновляетъ вѣтхія картонныя кулисы и которой актеры въ тоже время ссорятся изъ за ролей Цезарей, Катилинъ, Цицероновъ, Брутовъ, Дантоновъ, Рабесьеровъ, Талейрановъ, Косцюшекъ, Домбровскихъ, Гарибальди и т. д. и т. д., и сводя героевъ всѣхъ столѣтій, какъ въ балаганной пьесѣ «chansons populaires de la France,—хотятъ чтобы площадный водевиль обратился въ классическій chef d'oeuvre.

Всѣ партіи, раздиравшія Польшу во время мятежа своими раздорами, явились за границу, и воспѣвая: «еще Польша не сгинела», продолжали прежнюю дѣятельность. Эта дѣятельность попрежнему представляетъ постоянно двѣ рядомъ идущія работы: одна—взаимная борьба между партіями, другая—затѣи къ достиженію независимости Польши.

„Каждая нація, писала самодовольно польская эмиграція предъ послѣднимъ мятежемъ, имѣетъ свой типъ, по кото-

рому можно угадать самые тайные закулисы основной ее мысли. Свободная нація является міру со всеми органами своего быта, полностью своей жизни,—нація же угнетаемая—вооруженными манифестациями, мятежами или выдѣломъ отъ себя части своихъ согражданъ, которые должны связывать ее внѣшнія сношенія съ внутренними. Таковы были барская конфедерация, возстаніе Косцюшки, польскіе легіоны, заговоры послѣ 1815 года, наконецъ эмиграція послѣ 1831. Исключить эмиграцію изъ историческихъ событій это значило бы тоже что съ 1831 года Польшу признать политически умершею“.

„Сеймъ 4 Марта 1831 года постановилъ равнозаконность своихъ рѣшеній независимо отъ мѣста засѣданій. Если магнаты, по своему малодушію, въ этомъ декретѣ видѣли уловку, чтобы укладывать свои чемоданы при всякихъ неусѣхахъ на театрѣ войны или волненій въ Варшавѣ, то мы—подпрапорщики, студенты, офицеры, чиновники, выборные члены сейма, журналисты, члены клубовъ, члены національнаго правительства предпочли покорности Россіи удаленіе за границу, дабы подобно Косцюшко и Домбровскому, быть представителями польскаго дѣла за границею. Французская эмиграція имѣла цѣлью возстановленіе законной династіи, испанская поддержку претендента, итальянская революціонное начало; польская же эмиграція,—это національный ковчегъ, въ который Провидѣніе собрало все касты, все сословія, со всехъ областей соединило элементы, все чувства, все мысли, чтобы отъ крушенія спасти народъ, предназначенный къ великимъ подвигамъ для себя самого и для всего человѣчества. „Репутація личностей, которыя ее составили, ихъ значеніе въ общественномъ мнѣніи для интересовъ Европы, съ самаго начала воздвигли для польской эмиграціи незыблемый политическій пьедесталь.“

„Она, ставъ на этотъ пьедесталь, настойчивою работою и самопожертвованіями всякаго рода, мало того что проникла тайны пружины народнаго богатства достигаемаго путемъ промышленности и торговли, и условія общественнаго изобилія изученіемъ и изслѣдованіями общественнаго устройства разныхъ государствъ,—но она дошла до новаго познанія истиннаго социальнаго порядка. Эмиграція цѣлымъ рядомъ совершенныхъ ею дѣлъ и ее усилій, стала изображеніемъ полной свободы дѣйствій и мысли, которая подлежитъ ответственности только предъ Создателемъ и собственною совѣстью. Эмиграція себя выработала трудами и самопожертвованіями, и она, въ своей средѣ, въ прахъ разбила всякій антагонизмъ“.

„Дѣянія эмиграціи представляютъ изумительное цѣлое чудныхъ примѣровъ возвышенности чувствъ и солидарности цѣли. Все экзотичнѣйшій эмиграціи въ Португалію, Савойю, Ажиръ, Египетъ, Турцію, Италію, героическая мысль возстанія 1846 года, ее дѣятельность, наэлектризованная надеждою служить національному дѣлу въ революціяхъ 1848 г. и въ послѣдней крым-

ской войнѣ,—развѣ не доказали міру сколько ей чужды всякіе эгоистическіе виды и всякіе личные своскорыстные расчеты? Польская эмиграція всегда протестовала противъ великой лжи и увлеченій, противъ всякихъ правъ, которыя достигаются рожденіемъ,—противъ домогательствъ монополій и богатства, которыя стремятся къ тому, чтобы половина человечества утопала въ роскоши, а другая была въ нищенствѣ потому только, что слѣпому случаю такъ было угодно. Сравнимъ эмиграцію въ ея началѣ и нынѣ (въ 1862 году,—какой колоссальный прогрессъ! Права сословій, опѣка человека по его роду, а не по его заслугамъ, исчезли; простой солдатъ и простой крестьянинъ становятся равно дворянами, а дворянинъ ровно ничѣмъ, если только его не возвысятъ способности. Люди изъ среды такъ называемой сволочи становятся представителями націи, и если не могли рѣчью имъ незнакомою то по крайней мѣрѣ жестами, они передавали иностранцамъ—благородные подвиги польскихъ героев и варварства врага. Бѣдный работникъ, нѣкогда обреченный всю жизнь возиться съ топоромъ и съ сохою, садится нынѣ на одну ученическую лавку съ сыновьями знаменитѣйшихъ фамилій, и вмѣстѣ съ ними совершенствуется въ наукахъ и художествахъ. Одни пошли впередъ, другіе отстали; но тщетный былъ бы трудъ, при общемъ равенствѣ, искать нынѣ того малѣйшаго оттънка между польскими эмигрантами, которымъ кто либо былъ бы обязанъ древнимъ пергаментамъ. Нынѣ въ эмиграціи не спрашиваютъ: кто были твои предки, но какія личныя твои достоинства, что ты сдѣлалъ для отечества? Откуда же привился этотъ характеръ эмиграціи? отвѣчаемъ: онъ привился неумоимою работою и безпредѣльнымъ самоотверженіемъ. Политическая неусыпная борьба—доставить соотечественникамъ ихъ національную независимость—такова высокая цѣль польской эмиграціи“.

Въ какую злоую насмѣшку обращаются эта мечты и самохвальство, когда разсмотримъ матеріалы другаго рода, относящіяся къ самимъ дѣламъ. Вмѣсто самопожертвованій, согласія, единства, любви къ родинѣ, усиленныхъ работъ къ благоденствію соотечичей, готовности личныя преимущества и достояніе принести на алтарь родины, встрѣчаемъ только вражду къ Россіи, раздоръ партій, гонку за титулами, состояніемъ, вліяніемъ выходцевъ, интриги, козни, своскорыстные расчеты эгоизма, предательства, словомъ весь сумбуръ, который погубилъ рѣчь нополитую. Сведемъ по возможности въ краткій очеркъ послѣдовательную дѣятельность польской эмиграціи, столь вліявшую на польскія событія.

Польскіе выходцы преимущественно направлялись во Францію. Къ концу года, въ одномъ Парижѣ, было 80 человекъ быв-

шихъ депутатовъ, сенаторовъ, журналистовъ; а во всей Франціи къ 1 января 1832 г. уже насчитывалось 2828 поляковъ.

Депю были въ Парижѣ, Авиньонѣ, Безансонѣ, Буржѣ, Шатору, Люксемъ, Поа и Лонъ ле Солниѣ.

Польскія депо 1832 г. Людовикъ Филиппъ, не желая имѣть всю эту многочисленную компанію безпокойныхъ умовъ въ Парижѣ, въ которыхъ тамъ и безъ нихъ въ то время не было недостатка, назначилъ еще кромѣ Парижа семь городовъ, для пребыванія эмигрантовъ, въ которыхъ были устроены такъ называемыя польскія депо, и отъ французскаго правительства было ассигновано постоянное имъ пособіе въ 2 милліона франковъ ¹⁾.

Поляки положительно не любятъ дѣйствительнаго міра. Нѣкогда римляне провозгласили «Римъ тамъ, гдѣ римскій сенатъ»,—вовсе не собираясь назначить мѣстомъ сбора сенаторамъ, во владѣніяхъ независимаго царя понтійскаго; поляки же твердо рѣшились держаться за декларацію сейма 4 марта 1831.

Убѣжденные, что постановленія польскихъ сеймовъ, сеймиковъ, комитетовъ и конфедерацій сколько для самихъ поляковъ необязательны, столько должны имѣть полную законную силу въ глазахъ всѣхъ европейскихъ правительствъ,—они за границу продолжали играть „въ правительство“ и оттуда дѣлать свои распоряженія къ возстановленію и возобновленію Польши. Впрочемъ еще Домбровскій въ 1794 году, послѣ разбитія Косцюшки, нашелъ, по страннымъ своего рода военнымъ соображеніямъ, самымъ практическимъ средствомъ для дальнѣйшей защиты отечества,—очистить Польшу и съ остатками польскихъ войскъ перебраться во Францію; подобно тому и послѣдній польскій сеймъ, основываясь на рѣшеніи своего засѣданія 4-го марта въ Варшавѣ оставивъ страну, сталъ устраниваться въ Парижѣ, для принятія дальнѣйшихъ правительственныхъ мѣръ.

Польскій Комитетъ. *Бокавентура Немейскій*, добывавшійся въ теченіи всего мятежа 1831 года высшаго мѣста революціоннаго правительства, въ ночь на 27 авгу-

1) Наибольшее было для генераловъ въ мѣсяцъ по 300 фр., наименьшее было для солдатъ служащихъ при офицерахъ, по 22 фр.

ста, во время очищенія уже Варшавы польскими войсками, наконецъ попалъ въ президенты и въ этомъ качествѣ 6 ноября 1831 года, возстановилъ, изъ прибывшихъ къ тому времени членовъ, польское правительство, изъ пяти лицъ: себя, *Лелевеля*, *Федора Моравскаго*, *Воловскаго* и *Тимовскаго*. Пенересенное на французскую почву это новое правительственное учрежденіе, дабы не затронуть французскую щекотливость, приняло скромное имя польскаго комитета.

Польскій комитетъ занялся сначала судьбою выходцевъ, протоколомъ перваго своего засѣданія положилъ оказывать имъ всякое пособіе, облегчить имъ сношенія съ разными сочувствующими французскими обществами и ходатайствовать объ нихъ у правительства *Людвика Филиппа*.

Польскій національный Комитетъ. Лелевель принялся за прежнія интриги, въ Парижъ прибывали новые выходцы; посвященные имъ въ дѣйствія польскаго комитета, вновь прибывшіе осуждали его дѣйствія, его членовъ упрекали въ робости, въ излишнемъ смиреніи, порицали ихъ, что они роняютъ въ глазахъ самихъ французовъ значеніе польской національности, не умѣя пользоваться шаткимъ положеніемъ французскаго правительства. Кончилось тѣмъ, что польскій комитетъ Бонавентуры *Немолевскаго* палъ, просуществовавъ едва мѣсяць: 8-го декабря составилъ новый комитетъ, принявшій названіе *Національнаго польскаго комитета*; изъ прежнихъ членовъ въ немъ остался только одинъ *Лелевель*.

Избранные члены были *Лелевель*, *Звѣрковскій*, *Ходзько*, *Солтыкъ*, *Питкевичъ*, *Хулъвичъ*, *Крейцеръ*, *Гуровскій* и *Кремповецкій*. Комитетъ помѣстился въ улицѣ Годо де Моруа № 26.

Національный комитетъ началъ дѣйствовать гораздо съ большею смѣлостью; онъ положилъ что Европа должна формально заявить Россіи о своей интервенціи въ пользу Польши, что выходцы составляютъ особую конгрегацію, которая принимаетъ названіе *польской эмиграціи*, и что дѣятельность всѣхъ ея членовъ должна сосредоточиваться въ національномъ польскомъ комитетѣ Парижа. Для этой цѣли изъ Парижа были высланы агенты по всѣмъ депю, для образованія въ каждомъ особаго со-

вѣта; всѣ совѣты должны были сноситься съ парижскимъ комитетомъ.

Князь Чарторыйскій. Въ тоже время въ Парижѣ пріютились люди другой партіи, которые вовсе не намѣревались подчиняться національному комитету, а напротивъ хотѣли сами подчинить своему вліянію и его и всю эмиграцію.

Князь *Чарторыйскій*, послѣ разгрома мятежа прибылъ въ Парижъ. 1831 годъ сдѣлалъ огромную брешь въ той популярности, которою князь прежде пользовался въ массѣ польскаго общества. Когда бѣдствія слѣдуютъ за неблагоприятными за-тѣями, то, по древнему обычаю шляхетства, одна партія называетъ другую предателями *ойчизны* и измѣнниками и одна на другую сваливаетъ причину неудачъ. Лишь только, послѣ внезапнаго—вспыхнувшего мятежа, по нормальному, относительному положенію силъ Россіи и Польши, успѣхи утверждались за русскимъ оружіемъ, вся ярость клубистовъ въ Варшавѣ, обратилась на аристократическую партію, и особенно на ея главу—князя *Чарторыйскаго*. Событіями $\frac{15}{3}$ Августа и бѣгствомъ въ лагерь *Скржинецкаго*, лишенный дальнѣйшаго участія въ революціонномъ правительствѣ, князь *Чарторыйскій* сталъ въ Парижѣ опять лицомъ къ лицу съ враждебными ему клубистами, которые не переставали взваливать на плечи его и его приверженцевъ претерпѣнные пораженія и бѣдствія. Не отвѣчая съ своей высоты на возгласы горлалившихъ противниковъ, князь *Чарторыйскій* мало по малу началъ разыгрывать роль развѣнчаннаго короля. Благодаря благоразумной его предусмотрительности, огромное его состояніе не понесло большого ущерба,—за нимъ остались его галиційскія помѣстья, капиталы заблаговременно были переведены за границу, и еврей *Бреза* успѣшно перевезъ въ Парижъ драгоценности, оставленные закопанными въ Пулавахъ.

Князь *Чарторыйскій* въ Rue St. Louis en Ile въ Парижѣ купилъ, въ послѣдствіи, великолѣпный отель Ламберъ. Выходцы, магнаты Польши, спасшіе послѣ крушенія свое состояніе, или разорившіеся, составляли дворъ князя; семейныя связи, пышные пріемы, открытые утонченные обѣды и разныя поддержки удовле-творяли и національной гордости и національному тщеславію, и

въ усердныхъ приверженцахъ, готовыхъ составить его партію, недостатка не было.

Въ тоже время вырывалъ онъ изъ рукъ клубистовъ множество выходцевъ, на устахъ которыхъ замирали повторенія ярыхъ, направляемыхъ противъ него порицаній. Онъ нашелъ вѣрное средство, отъ котораго рѣдѣли враждебныя ему ряды: указывая на новыя средства къ возстановленію Польши, въ дальнемъ будущемъ, онъ многимъ зажималъ ротъ своими заботами въ настоящемъ объ эмигрантахъ; своими связями и средствами, къ вѣщей злобѣ и зависти противниковъ, *Чарторыйскій* существенно облегчалъ гораздо болѣе участь выходцевъ, чѣмъ всѣ псевдоофициальные правительственные комитеты, которые официальными путями обращались къ разнымъ управленіямъ казеннымъ и частнымъ. Онъ тотчасъ озаботился дать средства къ образованію дѣтей, закинутыхъ на чужбину, польстивъ господствующимъ чувствамъ родителей, давъ образованію не только чисто польское направленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ подготавливающее къ будущей борьбѣ. Князь *Чарторыйскій*, начавъ съ ложнаго пути свою политическую дѣятельность въ западной Россіи, шелъ по этому пути до конца, извращая понятія юношества, и льстя страстямъ въ настоящемъ; новымъ поколѣніямъ дорогою цѣною пришлось за то расплачиваться въ будущемъ.

Графы *Замойскіе*, *Платеры*, *Ледуховскій*, *Малаховскій*, *Олизаръ*, *Моравскіе*, *Баржиковскій*, *Княжевичъ* и генералы *Денбингскій*, *Хржановскій* и многіе другіе составили зерно аристократической партіи эмиграціи, которая, руководимая княземъ *Адамомъ*, работала на своей особенной почвѣ. Состоя изъ личностей болѣе образованныхъ, подготовленныхъ къ обращенію въ высшихъ слояхъ общества, болѣе знакомыхъ съ политическими дѣлами, болѣе способныхъ слѣдить за ходомъ событій и ихъ оцѣнивать, — эта партія шла своимъ путемъ, болѣе или менѣе въ разные времена вліяла на остальную эмиграцію и вмѣстѣ съ нею привела къ мятежу 1863 года.

1832 годъ былъ тягостнымъ для *Людвика Филиппа*. Революціонная партія до того усилилась, что съ каждымъ днемъ

утверждалось мѣненіе о близкомъ низверженіи конетитуціонной монархіи короля французовъ.

Эмиграція примыкаетъ къ революціонерамъ. Польскій національный комитетъ, организуя эмиграцію, вошёлъ немедленно въ ближайшія сношенія съ тѣми коноводами такъ называемой революціонной партіи Франціи, которые заседали въ ея камерахъ: *Лафайетомъ*, *Ламаркомъ*, *Гарнье Пажесомъ* и *Мангеномъ*. Польскіе эмигранты, не колеблясь, приступили къ участию въ заговорахъ противъ правительства, которое дало имъ пріютъ. Сперва они примкнули къ бонапартистамъ, которыхъ руководители были *Ламаркъ*, *Эксельманъ*, *Бертанъ*, *Тьеръ*, *Лаллеманъ*, *Водрей* и друг. Безпокойная дѣятельность поляковъ была такъ велика, что она обратила на себя особое вниманіе полиціи; министерство видѣло необходимость принять противъ безпокойныхъ гостей какія либо рѣшительныя мѣры.

Законъ 9 апрѣля. Поляки никогда не упускаютъ случаевъ окольными путями слѣдить за правительственными распоряженіями. Негодованіе, гнѣвъ и бѣшенство были страшныя при громовой вѣсти, что слабое, по ихъ мѣненію, министерство, въ столь ими прославляемой свободной Франціи, составило проектъ закона, для внесенія на утвержденіе палатъ, по которому эмигранты передаются въ вѣдѣніе министра внутреннихъ дѣлъ и отдаются подъ надзоръ полиціи, т. е., что они должны проживать въ мѣстахъ имъ указанныхъ и отлучаться не иначе, какъ съ разрѣшенія полиціи, а дабы она могла слѣдить за точнымъ исполненіемъ закона, то каждый выходецъ обязанъ ежеднѣвно являться въ полицейскую префектуру для заявленія своей личности. Франція, за свои субсидіи, хотѣла по крайней мѣрѣ, чтобы незваные гости не могли нарушать ея спокойствія, развѣзжая по Франціи праздными агентами заговоровъ и творцами мятежей.

Законъ уязвлялъ національное тщеславіе эмигрантовъ и перечилъ ихъ замысламъ. На совѣщаніи 5 апрѣля, между членами національнаго польскаго комитета и членами оппозиціи французскихъ камеръ, было рѣшено всѣми присутствующими, въ томъ числѣ 27-ю французами депутатами, энергически протестовать противъ этого, столь обиднаго для поляковъ, зако-

на и воспрепятствовать его утверждению; одинъ только *де Садъ* предложилъ требовать, чтобы дѣйствіе закона было отерочено на годъ, въ полной увѣренности, что въ теченіи этого года революціонная партія порѣшитъ съ властью Людовика Филиппа.

Не смотря на бурное засѣданіе палаты французскихъ депутатовъ 9 апрѣля, не смотря на пламенные рѣчи *Лабайета*, *Ламарка*, *Гарнье Пажеса* и *Мангена*, изображавшія несправедливость и стѣсненіе для польскихъ выходцевъ предлагаемаго закона, онъ былъ принятъ; оставалось для его утвержденія согласіе палаты перовъ. Тогда нѣкоторые изъ бывшихъ въ Парижѣ членовъ прежняго сейма представителями польской эмиграціи за общую подписью *) обратились (17 апрѣля) къ каждому изъ перовъ Франціи съ просьбою не одобрять закона.

(*) Подписали (по алфавитному порядку) *Антоній Жлусевичъ*, *Адамъ Колюшко*, *Янъ Ледуховскій*, *Іоакимъ Делевель*, *Осдоръ Моравскій*, *Цезарь Платеръ*, *Владиславъ Плитеръ*, *Антоній Прищипицескій*, *Родольфъ Вьшницкій*, *Францискъ Воловскій*, *Іосифъ Зенковичъ*. Вотъ главные мотивы этого письма:

„Г. Перъ! Польскіе выходцы, читаемъ мы между прочимъ въ этомъ письмѣ, заброшенные на французскую землю, съ прискорбіемъ узнали что камера депутатовъ приняла въ своемъ засѣданіи 9 Апрѣля законъ, который не только уничтожаетъ ихъ надежду на спокойствіе и безопасность, но который уязвляетъ ихъ въ чувствѣ національнаго достоинства, предоставляя ихъ надзору и произволу полиціи. Обращаемся къ интервенціи благородной палаты, которая гордится, считая васъ, милостивый государь, въ составѣ своихъ членовъ“.

„Законъ былъ утвержденъ въ камерѣ депутатовъ, слабымъ большинствомъ, составленнымъ изъ трети членовъ, имѣющихъ право утверждать законъ, но палата никогда не можетъ справедливымъ и истиннымъ сдѣлать то, что несправедливо и не истинно. Всякій человекъ съ сердцемъ пойметъ, что министерское предложеніе не только не политично, но что оно нарушаетъ то уваженіе, на которое всегда имѣютъ право, справедливость и несчастіе, отдавая самовластію полиціи изгнанниковъ, жертвъ ими незаслуженныхъ бѣдствій“.

„Тщетно министерскіе ораторы намекаютъ на необходимую предусмотрительность правительства, дабы изгнанники не поддерживали спокойные умы, желающіе войны, которая одна можетъ возвратить выходцамъ ихъ отечество; но развѣ старцы и люди науки, да жаждущіе быть включенными въ легіонъ, военные, могутъ внушать какія либо опасенія“?

Но потраченное въ этомъ письмѣ краснорѣчіе не принесло пользы; законъ былъ утвержденъ, и, къ большому еще гнѣву эмигранціи, полиція, можетъ быть, особенно досадовавшая на безпкойныхъ поляковъ, относительно ихъ однихъ особенно была строга и взыскательна.

Парижъ-центръ совѣщаній революціонеровъ. Парижъ былъ узломъ въ которомъ путемъ масонскихъ ложъ, сходились всѣ нити тайныхъ европейскихъ революціонныхъ обществъ. Онъ сдѣлался центромъ молодой Европы; тамъ собирались и совѣщались главы революціонныхъ партій молодой Франціи, молодой Германіи, молодой Италіи и старой Польши; тамъ обсуждались средства общаго революціею, такъ называемою революціонерами, солидарностью всѣхъ европейскихъ народовъ, доставить торжество демократической партіи; тамъ наконецъ, жилъ весьма немногимъ извѣстный старикъ, товарищъ дѣтства Наполеона, патріархъ карбонаровъ, *Буонаротти*, который содержалъ себя уроками музыки и былъ могучимъ двигателемъ революціонеровъ. Руководимый многолѣтнею опытностью, онъ соображалъ разныя комбинаціи для тайныхъ союзовъ, кото-

„Революціонные законы не могутъ имѣть мѣста при правительствѣ законномъ и конституціонномъ. Министерскій проекутъ своей порочной редакціею можетъ имѣть другую ненавистную (odieux) цѣль. Предлагаемымъ закономъ, онъ хочетъ подѣйствовать на выходцевъ при выборѣ подчиненія ему или опасенія быть вывезеннымъ изъ Франціи“.

„Такова можетъ быть скрытая цѣль и затаенное намѣреніе, внушенное требованіями нашихъ злѣйшихъ враговъ—мы ясно видимъ что только противъ поляковъ новый законъ былъ направленъ; патріоты Италіи, Португаліи и Испаніи двадцать мѣсяцевъ спокойно проживали и пользовались французскимъ гостепріимствомъ, и только прибытіе поляковъ вызвало подобныя стѣсненія“.

„Господинъ Перъ, вы застѣдаете въ Палатѣ, которая въ средѣ своей заключаетъ цвѣтъ народной славы, вы не можете остаться равнодушными къ чувствамъ чести и великодушія вашей націи“.

Многое еще написано въ этомъ письмѣ, напоминаетъ о гостепріимствѣ, оказываемомъ прежде французамъ въ Польшѣ, о взаимныхъ чувствахъ любви, привязанности и симпатіи Франціи и Польши.

рые, составивъ многочисленное общество, были бы послушнымъ и поворотливымъ орудіемъ въ рукахъ коноводовъ, и, незнакомые между собою, представляли бы безопасность отъ общаго раскрытія всей подземной работы, при случайномъ раскрытіи какой либо его части. Въ Парижѣ создавались планы для общихъ дѣйствій, которыя взаимною поддержкою должны были, по мнѣнію честолюбивыхъ строителей воздушныхъ замковъ, поставить ихъ въ главѣ народовъ. *Ледевели, Мадзини, Кавеньяки*, въ кабинетѣ *Лафайета*, передѣлывали человѣческія общества и, каждый про себя, создавалъ для себя роль *Бонапарта*, въ новомъ исправленномъ изданіи, согласно личнымъ мнѣніямъ и влеченіямъ каждого. Старый *Лафайетъ* восторгался и проливалъ слезы умиленія, а старый *Буонарроти*, патріархъ тайныхъ обществъ, проповѣдывалъ осторожность и придумывалъ преисподнійшія системы для удачи заговоровъ.

Глава карбонаровъ, верховный руководитель таинственной ихъ дѣятельности, *Буонарроти* не довѣрялъ, чтобы тѣ оппозиціонныя правительству партіи могли достигать цѣли, которыя открыто ведутъ свои препія и печатаютъ имена своихъ руководителей. Только тѣ общества, по его мнѣнію, могутъ разсчитывать на успѣхъ, которыя работаютъ скрыто, и даже если существованіе самаго общества не безъизвѣстно правительству, то по крайней мѣрѣ, оно должно быть направляемо руководителями, облеченными въ непроницаемую тайну.

Бунтъ въ Парижѣ 6 іюня. Смерть генерала *Ламарка* не остановила революціонныхъ дѣйствій, напротивъ мятежъ на улицахъ Парижа, при похоронахъ этого генерала 6 іюня, и пораженіе революціонеровъ еще болѣе наэлектризовали ихъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ; они спѣшили доказать, что дѣло ихъ не проиграно. Дѣятельнымъ участіемъ къ возбужденію кровопролитій 6 іюня, поляки оказали имъ особенную услугу; надо было дорожить этимъ союзникомъ, поощрить и наградить его, и представители оппозиціи, члены камеръ, самыми буйными рѣчами, на первыхъ послѣдовавшихъ засѣданіяхъ, снова потребовали отмѣны закона 9 апрѣля.

Съ своей стороны и эмиграція видѣла слабость власти Людовика Филиппа, въ колебаніяхъ и полумѣрахъ правительства, даже и послѣ одержанной на улицахъ Парижа побѣды, и она, тѣмъ съ большею настойчивостью готова была содѣйствовать государственному перевороту во Франціи. Солтыкъ въ іюль 1832 года отправился въ депо въ Шаторо, и тамъ со всѣми бывшими офицерами польскихъ войскъ заключилъ формальную конвенцію, по которой эмиграція облызвалась помогать и въ назначенный часъ заявить себя за партію демократическую-бонапартическую. Конвенція была подписана въ замкѣ Лолу генерала Бетрана.

Кончина герцога Рейхштатскаго была ударомъ для партіи Бонапартистовъ; она должна была уступить первенство партіи республиканцевъ. Это обстоятельство не осталось безъ вліянія на эмиграцію и измѣнило ходъ ея дѣятельности.

Національный центральный комитетъ. Съ уменьшеніемъ значенія бонапартистской партіи, поляки военные видѣли необходимость озаботиться о большей собственной самостоятельности. Польскіе генералы и офицеры находили что въ польскомъ комитетѣ военное сословіе не имѣетъ достаточно представителей и требовали новаго избранія; совѣтъ парижскаго депо тоже неохотно подчинялся бывшему центральному комитету. Вслѣдствіе разлада и неудовольствій, 25 октября 1832 года образовался новый комитетъ подъ названіемъ *національнаго и центральнаго комитета польской эмиграціи*; его предсѣдателемъ былъ генералъ *Дверницкій*, а въ составъ вошли прежде бывшіе члены сейма: *Моравскій, Ледуховскій, Воловскій, Еловицкій, Звѣрковскій*, и неизбѣжный *Лелевель*, генералы *Уминскій и Сыравскій* и журналисты *Плихта, Губбе и Ворцель*.

Князь *Чарторыйскій* наружно держалъ себя далеко отъ всѣхъ продѣлокъ эмигрантовъ и опасался ихъ выходовъ; онъ всѣчески старался найти имъ какое либо боевое занятіе въ междоусобицахъ Португаліи и Испаніи, въ Алжирѣ или Египтѣ, или по крайней мѣрѣ сформированіемъ строго дисциплинированнаго польскаго легіона, изъ выходцевъ бывшихъ военныхъ, въ составѣ французскихъ войскъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опасался, чтобы въ

случаѣ разлива революціоннаго пожара, готоваго вспыхнуть во Франціи, ему не останется въ сторонѣ; онъ назначилъ потому съ своей стороны личности, которыя сблизились съ французскими партіями, готовящими государственный переворотъ. Графы *Платеры* и *Княжевичъ*, къ которымъ присталъ бывший маршалъ послѣдняго сейма графъ *Островскій*, не только вошли въ сношенія съ главными коноводами, друзьями *Лафайета*, но даже съ второстепенными дѣателями *Вожеръ*, *Аржансономъ*, *Маркизомъ Пюсрвобъ*, *Виконтомъ Крменекимъ* и друг.

Дѣятельность новаго комитета. Подобно тому какъ старшая линія Бурбоновъ, утративъ престолъ, въ изгнаніи требовала соблюденія самаго строгаго этикета, довольствуясь призраками власти и тѣмъ думала поддержать обаяніе своихъ силъ и значеній; такъ, живя въ мірѣ фантазій, и польская эмиграція тѣшилась засѣданіями, протоколами, постановленіями, адрессами, отчетами и благоговѣніемъ къ этимъ работамъ легковѣрныхъ туземныхъ своихъ соотчичей (1).

Новый комитетъ, назвавшійся 25 октября 1832 года центральнымъ національнымъ, въ первомъ своемъ засѣданіи постановилъ: 1) независимость Польши, на основаніи акта сейма 25 января 1831 года, объявившаго польскій престолъ свободнымъ; 2) присоединеніе къ Польшѣ Литвы, Бѣлоруссіи и Украины, на основаніи акта тогоже сейма отъ 5 мая 1831 года; 3) принятіе вѣнскихъ трактатовъ для возстановленія Польши, но въ случаѣ дипломатическихъ переговоровъ, комитетъ предоставлялъ себѣ право требованія границъ болѣе обширныхъ.

(1) *Делевелъ* написалъ цѣлый рядъ прокламацій ко всѣмъ странамъ Европы для поддержанія симпатій къ Польшѣ; онъ самъ написалъ прокламаціи къ нѣмцамъ, русскимъ, американцамъ, италіанцамъ, венгерцамъ, евреямъ, камерамъ Франціи и Англіи, протестъ противъ раздачи русскимъ войскамъ ордена *virtuti militari*, противъ органическихъ статутовъ, составленныхъ для Польши, противъ нападенія пруссаковъ на польскихъ солдатъ, противъ закона 9-го апрѣля 1832 года, которымъ польскіе эмигранты во Франціи отдавались подъ надзоръ полиціи.

Польскіе агенты въ Англіи. Съ своей стороны князь *Чарторыйскій* не оставлялъ своими посѣщеніями и сношеніями съ вліятельными дипломатическими лицами заявлять необходимость заступничества Европы за Польшу, опираясь на трактаты 1814 г. и съ этою цѣлью послалъ графа Владислава *Платера* и *Ньжцевича* въ Англію.

Броженіе умовъ во Франціи ободряло дѣятельность эмиграціи; она парила среди надеждъ и обширныхъ плановъ, рассчитывала на общую европейскую войну—тѣмъ болѣе, что вся Франція, кромѣ короля, начинала воспламеняться войною и первый его министръ, вліяніемъ *Чарторыйскаго*, убѣдился въ пользѣ сформированія польскаго легіона, который могъ бы своимъ вліяніемъ на Польшу, принести существенную выгоду военнымъ предпріятіямъ Франціи. *Казимиръ* *церье* дѣйствительно съ подобнымъ предложеніемъ обратился къ эмиграціи.

Благопріятныя извѣстія изъ Англіи еще болѣе распаляли надежды эмиграціи. Ничего не щадя для того, чтобы расшевелить англичанъ въ свою пользу, закупая журналистику, разсѣвая клеветы на мнимое варварство и угнетенія Польши Россіей, увлекаая митинги помощью образовавшагося въ Англіи общества «друзей поляковъ», — агенты *Чарторыйскаго* достигли того, что *Фергюссонъ*, *Эвансъ* 1) и *Будлей Стюартъ* дѣятельно настаивали о внесеніи польскаго вопроса на обсужденіе парламента и заказали два богатыхъ польскія знамена въ даръ эмиграціи сочувствующихъ англичанъ 2) и адресъ отъ нихъ къ польской націи.

Въ Англіи нація слишкомъ высоко цѣнитъ свои матеріальныя интересы чтобы приводить въ исполненіе всякіе возможные мечтательные планы. Англичанинъ даетъ себѣ полную волю увлекаться на митингахъ, громкими возгласами одобрять всякія ему краснорѣчиво проповѣдуемыя предложенія, потому что на рѣ-

1) Эвансъ въ Польшѣ имѣетъ огромный металлическій заводъ, который въ 1831 году обратился въ оружейныя матерскія, и въ 1862—3 годахъ въ этомъ же заводѣ, подъ фирмою Эванса, тоже заготовлялось оружіе для мятежниковъ. *Ред.*

2) Переданы торжественно польскому комитету въ Парижѣ, при полномъ его засѣданіи 25 марта 1833 года.

шенія своихъ митинговъ онъ смотритъ только какъ на заявленіе правительству: «принять къ свѣдѣнію», совершенно ему довѣряетъ и убѣжденъ, что камеры въ парламентѣ, со всѣми пужными данными обсудятъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и останутся только на томъ, что англійской націи существенно выгодно и что всѣ громкія слова европейскихъ національностей, стремленій, прогресса, свободы, интеллигенціи, общественнаго развитія, на отечественный языкъ островитянъ переведутся словами: *выгодныя мѣры для расширенія англійской промышленности и для утвержденія англійскаго могущества и господства*; потому англичанинъ ни чуть не сердится, если избранный имъ представитель въ палатахъ подаетъ голосъ противный его личному убѣжденію. За митингомъ въ пользу мирной политики Брайта слѣдуетъ не съ меньшими рукоплесканіями и возгласами одобренія другой, въ пользу воинственной политики Палмерстона; но государственные люди польской эмиграціи увлекались вмѣстѣ съ крикунами Англіи.

Требованія эмиграціи. Убѣжденный, что государственнымъ людямъ Англіи ничего не остается болѣе какъ слѣдовать рѣшеніямъ нѣсколькихъ импровизированныхъ для пріѣзжихъ гостей митинговъ, національный центральный комитетъ въ своемъ засѣданіи 24 ноября 1832 года составилъ адресъ палатѣ депутатовъ, который требовалъ, ни больше, ни меньше, какъ вооруженнаго заступничества Франціи и поднятія, буде нужно, трехцвѣтнаго знамени къ войнѣ, не для завоеваній или удовлетворенія славоблюбія, но справедливой войны за свободу. Вслѣдъ за этимъ адресомъ появились тучи прокламацій, манифестацій и протестовъ, а маршалъ графъ *Островскій*, завидуя возрастающему вліянію партіи *Чарторыйскаго*, на ея успѣхи въ Англіи и на его пущенный въ ходъ проектъ польскаго легіона, думалъ нанести за границу рѣшительный роковой ударъ *Чарторыйскому* открытій сеймъ въ Парижѣ, и для присутствія необходимаго числа депутатовъ, вызвалъ проживающихъ въ Англіи, Бельгіи и Швейцаріи 1).

1) Постановленіями ¹⁹/₇ и ¹³/₂₅ февраля 1831 г. въ Варшавѣ, всякій актъ сейма признается законнымъ, даже и изданный за границею, если только на немъ присутствуютъ 33 депутата.

Подобныя выходки эмиграціи выпудили французское правительство объявить о продолженіи дѣйствія закона 9 апрѣля.

На это постановленіе эмиграція отвѣтила протестомъ, подписаннымъ 28 бывшими депутатами, а центральный комитетъ приготовилъ формальный манифестъ, подписанный 17-го сенаторами и 28-го депутатами. Напечатанный въ 1000 экземплярахъ (подъ заглавіемъ: „A Messieurs les pairs et les députés de la France, ou quelques notes sur l'état actuel de la Pologne sous la domination russe“), манифестъ былъ разосланъ членамъ обѣихъ камеръ, перамъ, депутатамъ и журналистамъ; за этимъ манифестомъ комитетъ утвердилъ брошюру, написанную *Гюфманомъ*, „котораго искусное перо было изъ замѣчательнѣйшихъ въ средѣ польскихъ эмигрантовъ.“ Эта брошюра (подъ заглавіемъ: la nationalité polonaise détruite, ou lettre d'un polonais aux députés de la France), была разослана подобно манифесту.

Польскій сеймъ въ Парижѣ 1833 январь. Къ этому времени съѣхались въ Парижъ вызванные *Островскимъ* депутаты, и 22 января, въ залѣ дома *Лиффйета*, наскоро приспособленной для засѣданія, *Островскій* занялъ мѣсто маршала, и сеймъ былъ открытъ. Сеймъ долженъ былъ начать съ постановленія о своей законности. Къ большому удивленію, въ собравшихся членахъ обваружилось несогласіе. *Партія Чарторыйскаго*, которая въ сеймѣ видѣла новое орудіе постоянного ей противодѣйствія, заявила что сеймъ тогда только можетъ быть признанъ законнымъ, если всѣ засѣдающіе члены, безъ исключенія, сами признаютъ его таковымъ; *Островскій* же утверждалъ, что для этого достаточно согласія большинства, а три члена представили свое особое мнѣніе, что этотъ вопросъ не долженъ быть возбуждаемъ, такъ какъ онъ однажды былъ утвержденъ постановленіемъ сейма въ Варшавѣ.

Послѣ продолжительныхъ преній, мнѣніе *Островскаго* одержало верхъ, не безъ заявленнаго однакоже протеста приверженцевъ *Чарторыйскаго*, указывавшихъ что постановленія подобнаго сейма не могутъ быть законы, если сами законодатели не соглашаются признать таковымъ свое въ немъ участіе. Памят-

никомъ этого торжественно открытаго сейма сохранился только протоколъ, заключающій утвердительную декларацію возникшаго вопроса.

При всей того времени шаткости правительства *Людовика Филиппа*, оно съ опасеніемъ стало всматриваться во всё дѣйствія новыхъ противниковъ, беспокойныхъ незваныхъ гостей, которые стали распоряжаться какъ бы у себя дома и угрожали устройствомъ въ государствѣ государства, и къ тому же государства, стоящаго въ тѣсномъ союзѣ со всей оппозиціей правительству. Все министерство, и въ особенности министръ внутреннихъ дѣлъ *Аргу*, было раздражено эмиграціею, которая, какъ бы издѣваясь надъ слабостью правительства, на постановленіе о продолженіи закона 9 апрѣля отвѣчала адресомъ и созваніемъ сейма.

Распри съ франц. правительствомъ. Правительство *Людовика Филиппа* постановило удалить изъ Франціи какъ самыхъ беспокойныхъ эмигрантовъ, такъ и весь центральный комитетъ; но безъ энергическаго исполненія, это постановленіе обратилось въ полумѣру. *Губбе*, *Гюфману* и *Уминскому* было приказано выѣхать изъ Франціи, равно и всѣмъ членамъ центрального комитета; но *Воловскій* и *Моравскій* вышли изъ комитета и остались въ Парижѣ, равно какъ и самые главные дѣятели *Делевель*, *Зверковскій* и *Ворцель*, которые доказали, что они въ послѣднихъ засѣданіяхъ комитета не участвовали. Эмиграція постановила вести свои дѣла въ такой тайнѣ, чтобы французское правительство, не знакомое съ личностями, было поставлено въ тупикъ,—не зная истинныхъ коноводовъ, было бы поставлено въ недоумѣніе кого преслѣдовать, и распространяя строгости на всю эмиграцію, давало бы какъ-бы законный поводъ къ протестамъ и жалобамъ предъ обществомъ на угнетенія невинныхъ изгнанниковъ мѣстною администраціею.

Правительство *Людовика Филиппа* было дѣйствительно поставлено въ затруднительное положеніе. Оно видѣло, что существуютъ дѣятельныя тайныя сношенія между эмигрантами и туземными революціонерами, что, потому, существуетъ сильная партія, которая старается возбудить симпатію къ полякамъ въ об-

щественномъ мѣнѣніи, и что всякія мѣры самосохраненія, принимаемыя правительствомъ, порождаютъ новыя неудовольствія ничѣмъ не стѣсняющимися перетолкованіями, которыя клонятся только къ порицаніямъ существующей власти. Правительство терялось, при общественномъ того времени настроеніи Франціи, въ изысканіи благовидныхъ предлоговъ къ избавленію себя отъ эмиграціи. До ушей правительства доходили свѣдѣнія объ огромныхъ вновь замышляемыхъ планахъ всѣхъ европейскихъ революціонеровъ, при особенно дѣятельномъ участіи польскихъ эмигрантовъ; имъ предложили намеками переселиться въ Алжиръ, но они отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ. Не много болѣе пользы принесло предложеніе *Донъ-Педро*, за которое горячо ухватилось французское министерство, но вся его поддержка португальскихъ предложеній и принятія имъ мѣры не привели къ желаемому успѣху.

Португальскія предложенія. Въ февралѣ 1833 г. *Донъ-Педро* въ междоусобной войнѣ съ *Донъ-Мигуэлемъ*, думалъ усилить свои войска сформированіемъ польскаго легіона. Кавалеръ *Гама-Махада* былъ посланъ въ Парижъ и обратился къ князю *Чарторыйскому*, считая его главою польской эмиграціи. Князь *Чарторыйскій* былъ съ своей стороны очень доволенъ занять неугомонныхъ эмигрантовъ. До него доходили слухи, что прежніе клубисты готовили какіе то новые обширные замыслы, новыя бѣдствія едва пріютившимся выходцамъ: но онъ понималъ, что при ненависти къ нему большей части старыхъ своихъ противниковъ его вмѣшательство только испортитъ дѣло: онъ отказался отъ прямого участія и направилъ португальскаго эmissара къ генералу *Бему*, который уже прежде, по выходѣ за границу, предлагалъ *Донъ-Педро* личныя свои услуги. Бемъ согласился, и для ближайшихъ переговоровъ отправился въ Португалію.

По движеніямъ эмиграціи и замѣчаемой какой-то судорожной ея дѣятельности, французское правительство догадывалось, что что-то важное готовится втиши.

Дабы съ своей стороны побудить эмигрантовъ принять приглашенія привезенныя въ Парижъ кавалеромъ *Гама Махада*,

французское правительство объявило камерѣ депутатовъ 6 апрѣля объ уменьшеніи субсидій польскимъ выходцамъ и что впредь ими будутъ пользоваться только не имѣющіе права на амнистію русскаго правительства 2 ноября (30 октября) 1831 года. Эта декларация произвела страшный взрывъ; центральный комитетъ, поддерживаемый *Лафайетомъ*, *Бинвономъ*, *Фраси* и *Гарнье-Пажесомъ*, представилъ министерству и въ камеры депутатовъ записки, которыми испрашивалъ:

1) чтобы французское правительство положительно высказало свое мѣненіе о русской амнистіи и,

2) чтобы субсидіи были уплачиваемы въ прежнемъ размѣрѣ и, чтобы комитетъ для ревизіи и контроля ассигнуемыхъ суммъ исключительно былъ составленъ изъ поляковъ.

На эту записку министръ внутреннихъ дѣлъ *Аргу* отвѣтилъ 12 апрѣля, что правительство соглашается на выдачу пособія только тѣмъ, которые переселились въ предѣлы Франціи, а расходъ ассигнуемыхъ суммъ отъ французскаго правительства можетъ быть исключительно подчиненъ только его собственному контролю.

Пока французское правительство переговаривалось съ эмиграціею о легіонѣ для Португаліи, подготовленные ею затѣи разыгрались плачевно.

Попытки въ общей европейской революціи. Въ теченіи 1832 года эмиграція заботилась устроить правильныя и непрерывныя сношенія съ земляками (1). Эти сношенія должны были заключаться 1) въ доставленіи самыхъ подробныхъ мѣстныхъ свѣдѣній изъ Польши, Западнаго края Россіи, Познани, Галиціи

(1) Первые сношенія производились съ слѣдующими лицами: Въ *Варшавѣ* съ *Маціевскимъ* и *Мержевскимъ*, членами кредитной комисіи, бывшимъ офицеромъ *Пржездецкимъ* и *Сейделемъ*; въ *Каменцѣ* съ графомъ *Владиславомъ Красновскимъ*; Въ *Леопольдѣ* съ полковникомъ *Крудзенемъ*, *Горскимъ*, *Слатвинскимъ* и *Макровскимъ*; въ *Познани* съ *Коссецкимъ*, *Рачинскимъ* и *Дзедускимъ*; въ *Гнезнѣ* съ *Адельнау* и въ *Краковѣ* съ *Менцишевскимъ*.

Князь Чарторыйскій употреблялъ для своихъ сношеній еврея *Брезу*.

и Кракова и 2) въ превращеніи въ деньги всѣхъ оставленныхъ эмигрантами имуществъ, которыя могли быть спасены и въ переводѣ капиталовъ за границу. Съ помощью завязавшихся сношеній были сдѣланы и нѣкоторыя подготовленія къ новому мятежу.

Иосифъ Заливскій, подпоручикъ школы подпрапорщиковъ, поднявшій знамя бунта 17 ноября 1830 года былъ полковникомъ въ числѣ эмигрантовъ. На него было возложено вторично поднять Польшу къ мятежу.

По мнѣнію эмиграціи мятежъ 1831 года не удался потому, что Польша рассчитывала на свою регулярную армію, которая уступая столь много своею численностью военнымъ силамъ Россіи, окончательно была приведена въ невозможность продолженія борьбы. Не тотъ былъ бы исходъ войны, толковали эмигранты, если бы она была ведена какъ война народная, если бы было поднято все населеніе способное носить оружіе, а войска служили бы только опорными точками возстанія. Въ подобной борьбѣ, веденной по образцу Гверильясовъ, русскія войска, лишенные отовсюду подвозовъ и снабженій, были бы приведены въ безсиліе, и имъ оставалось бы только одно, поспѣшно очистить Польшу.

Заливскій долженъ былъ, съ сотнями двумя отчаянныхъ, кинуться въ Польшу и начать тамъ партизанскую войну, призывая чрезъ ксендзовъ населеніе къ оружію, и разлить пламя новаго мятежа на театрѣ прежняго, съ прибавленіемъ Галиціи и Познани. Въ тоже время другая горсть поляковъ должна была перебраться во Франкфуртъ-на Майнѣ и, съ помощью нѣмецкой молодежи, возбуждаемой историкомъ Ротекомъ, Винкеромъ и Дютлингеромъ, бывшихъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ парижскими революціонерами, — овладѣть резиденціей сейма германскаго союза и оттуда разлить революцію по всей Германіи.

Дѣпо безансонскихъ эмигрантовъ, въ главѣ которыхъ стоялъ полковникъ *Оборскій*, какъ ближайшее, — должно было переехать въ Швейцарію, и въ свободной республикѣ, найдя безопасный

пріють, выжидать оттуда дальнѣйшій ходъ событій. Эти эмигранты, въ числѣ 488, должны были устремиться туда, куда требуютъ обстоятельства. Сильное народное возстаніе въ бывшихъ польскихъ областяхъ и революція по всей Германіи должны были быть сигналомъ для рѣшительныхъ дѣйствій революціонной партіи во Франціи. При единовременно поднятой Франціи, правительству оставалось бы или бѣжать, или идти за общимъ теченіемъ и объявить себя въ главѣ наступательныхъ революціонныхъ дѣйствій на Европу; тогда сильная французская армія явилась бы за Рейнъ покровительницею всеобщаго народнаго возстанія, къ которому примкнули бы италянцы, поднятые своими карбонарами.

Приготовленія къ революціи дѣлались въ величайшемъ секретѣ и весь планъ долженъ былъ сохраняться въ тайнѣ, пока самыя дѣйствія его не обнаружатъ. Въ концѣ марта начались движенія и дѣйствія: къ 1-му апрѣлю всѣ были на мѣстахъ. По пріѣздѣ уже полковника Оборскаго въ Швейцарію, было обнародовано слѣдующее его воззваніе изъ Безансона, на которомъ было выставлено число 7 апрѣля,—слѣдующій то есть, день, за объявленіемъ сокращенія субсидій.

Соотечественники !

«Долгъ, отчаніе, общіе интересы, наши сердца, наши чувства, и предопредѣленное свыше назначеніе поляковъ, насъ призываютъ сражаться за свободу Германіи. Вы не можете не раздѣлять нашихъ убѣжденій; если мы не воспользуемся близостью границы, чтобы предпринять эту экспедицію, мы измѣнили бы самимъ себѣ.

Нашимъ предпріятіемъ мы указываемъ народамъ путь ко всеобщей солидарности; мы великодушіемъ платимъ имъ за ихъ неблагодарность.

Оставляя Францію, мы не отдѣляемся отъ польской эмиграціи. Вы всегда найдете насъ готовыми содѣйствовать вамъ; но до восторжествованія революціи, мы смотримъ на васъ какъ на резервъ: и такъ оставайтесь во Франціи, въ ожиданіи тѣхъ успѣховъ, которые увѣнчаютъ наши усилія; но если насъ постигнетъ

гибель, откажитесь отъ насъ, но живите и работайте для нашего святаго національнаго дѣла.“

Президентъ полковникъ *Людвигъ Оберскій*.

Секретарь подполковникъ *Михаэль Янчковскій*.

Непосвященные въ планы революціи эмигранты недоумѣвали въ своихъ депо: они видѣли какія то безпокойныя ожиданія и совѣщанія своихъ коноводовъ. Первые газетныя извѣстія и посланіе *Оберскаго* еще болѣе увеличивали это недоумѣніе, пока не разсѣяли его нѣсколько подробнѣйшія извѣстія о повсемѣстной неудачѣ.

Въ платьяхъ простолюдиновъ, 80 эмигрантовъ, въ теченіи марта, пробрались въ *люблинское* воеводство, 15 въ *камышское* и 25 въ *плицкое*. При первыхъ произведенныхъ безпорядкахъ изъ первой партіи 20 были захвачены правительствомъ, изъ нихъ три были казнены. Искателямъ приключеній осталось искать спасенія въ бѣгствѣ и укрываться въ лѣсахъ; для скорѣйшей поимки лѣсныхъ героевъ выплачивалось крестьянамъ за всякаго взятаго съ оружіемъ по 500 злотыхъ.

Полиція въ Австріи и Пруссіи обратила удвоенное вниманіе на путешественниковъ, особенно съ французскими паспортами, и въ Польшѣ скоро все затихло, кромѣ слѣдственныхъ комиссій судившихъ захваченныхъ. *Залиескій* былъ схваченъ австрійцами и въ строгомъ заключеніи просидѣлъ въ казематѣ до 1848 г.

Покушенія во Франкфуртѣ не были удачны: около сотни революціонеровъ всѣхъ націй прибыли во Франкфуртъ, обезоружили ночью караулы городской стражи, вольнаго города, и завладѣвъ имъ, во всѣ концы Германіи раскинули прокламаціи, призывая сочувствующихъ поддержать безразсудное ихъ дѣло. Но изъ нѣмцевъ никто не тронулся, и прежде нежели *Оберскій* умѣлъ двинуться изъ Швейцаріи во Франкфуртъ прибылъ баталіонъ регулярныхъ войскъ, отъ приближенія котораго революціонеры разбѣжались.

Поляки въ Швейцаріи. Прибытіе въ Швейцарію въ это время безансонскаго депо и пріютъ, данный ему швейцарскими властями, обратили на себя вниманіе германскихъ дворовъ, у которыхъ завязалась переписка съ швейцарскимъ правительствомъ; отъ него требовали объясненій.

Въ Швейцаріи была своя полонофильская партія. Изъ членовъ тамошнихъ массонскихъ ложъ образовались комитеты съ благотворительною для поляковъ цѣлью въ *Бернѣ*, *Лозанѣ*, *Поректруи*, *Женевѣ*, *Цюрихѣ*, *Гларусѣ*, *Люцернѣ*, *Аргговіи* и *Сенъ-Галленѣ* (1). Но если полонофилы готовы были на разныя пожертвованія, то масса населенія, съ своей стороны, начала тяготиться этими гостями, которые не походили на прежнихъ поляковъ—путешественниковъ, щедрою рукою сыпавшихъ золотомъ; эти, напротивъ, сами требовали пропитанія, и, для предупрежденія безпорядковъ, исполнительный совѣтъ долженъ былъ назначить всякому, объявившему себя немущимъ, пособіе на пропитаніе.

Швейцарское правительство, видя, что ни во вѣнскихъ, ни во внутреннихъ отношеніяхъ пребываніе поляковъ не устраиваетъ дѣлъ Швейцаріи, постановило 9-го мая: 1) обратиться къ французскому правительству о дозволеніи полякамъ—эмигрантамъ возвратиться во Францію, 2) распределить ихъ, до полученія отвѣта, по кантонамъ, 3) немущимъ выдавать пособія, но не болѣе какъ по 6 бацовъ въ сутки, и выдачу эту прекратить со дня полученія разрѣшенія изъ Франціи или одиночнаго выбытія и 4) пригласить эмигрантовъ просить французское правительство съ своей стороны о дозволеніи имъ возвратиться.

Вслѣдъ за этимъ постановленіемъ швейцарскаго правительства, ему была доставлена отъ германскаго союза дипломатическая нота, отъ 15 мая 1833 года, въ которой было изложено, что германскій сеймъ, обязанный заботиться о сохраненіи общественнаго спокойствія Германіи, имѣетъ право требовать, чтобы дружественныя съ нею державы противудѣйствовали учрежденію въ нихъ притона заговорщиковъ (*foyer de conspirateurs*), которые возбуждали бы постоянныя опасенія и требовали постоянныхъ мѣръ для отраженія вторженія людей, замышляющихъ произведеніе безпорядковъ. Сеймъ, потому, не сомнѣвается что

(1) Замѣчательнѣйшіе сторонники были въ Бернѣ Нейгаузъ, Отъ, Шпелъ, Фетиринъ, Ландотъ, Шнейдеръ, Обри и Гюнцгеръ, въ Куртлари президентъ Морель, Аббатъ Кютагъ въ Поректрюи; въ Лозанѣ Монаръ, Рако, Келеръ, Ривіеръ и Ружъ.

швейцарское правительство не поставитъ германскій союзъ въ необходимость обратиться къ мѣрамъ, предписываемымъ заботою собственнаго спокойствія, а употребитъ зависящія отъ него средства противудѣйствовать продѣлкамъ поляковъ, проживающихъ въ Швейцаріи, и ясно обнаружившихъ свои замыслы происшествіями, бывшими во Франкфуртѣ 3 апрѣля.

Нота франкфуртскаго сейма испугала эмиграцію; эта нота предъ лицомъ европейскихъ обществъ, разоблачала источникъ волненій, раскрывала затаиваемые замыслы; нужно было удачно увернуться отъ послѣдствій неудачной попытки, произвести оборотъ въ понятіяхъ Европы и отуманить ее. Съ этою цѣлью, поляки 20 мая подали швейцарскому правительству сообразный новымъ обстоятельствамъ адресъ, не стѣняясь много объ истинѣ. Онъ былъ за подписью полковника *Оборскаго*, 7-ми довѣренныхъ лицъ и скрѣпленъ секретаремъ, для сообщенія документу официальнаго характера, которымъ эмиграція, въ глазахъ европейской публики, а особенно въ глазахъ своихъ земляковъ, усиленно хлопотала придавать какой то правительственный характеръ своимъ постановленіямъ 1).

Огромная была разница въ тонѣ этого адреса, сравнительно съ тѣмъ кичливымъ безансенскимъ воззваніемъ, которымъ поляки собирались облагодѣтельствовать Германію. Выходцы теперь выдавали себя за несчастныхъ, угнетенныхъ Франціею, которые пришли въ свободную Швейцарію искать пріюта и работы, которыхъ европейскіе кабинеты хотятъ ихъ лишить. Въ опроверженіе взводимыхъ на нихъ обвиненій, они наивно приводили въ оправданіе, что если они прибыли въ Швейцарію не вооруженными, то какіе же могли быть ихъ замыслы на общественное спокойствіе Европы.

„Въ началѣ прошедшаго (апрѣля) мѣсяца,“ читаемъ мы между

1) Адресъ 20 мая 1833 года въ Поретрью былъ подписанъ полковникомъ *Людвигомъ Оборскимъ* и *Казимиромъ Пашковичемъ*, подполковникомъ *Иваномъ Лелеселемъ*, Артиллеріи капитаномъ *Карломъ Штольцманомъ*, капитанами Францомъ *Гордашевскимъ*, Феликсомъ *Новосельскимъ*, поручикомъ *Федоромъ Стефанскимъ* и Емерикомъ *Станевичемъ*, скрѣпленъ секретаремъ капитаномъ *Константиномъ Зальскимъ*.

прочимъ въ этомъ длинномъ адресѣ, „гореть поляковъ, преслѣдуемая жестокостями и угнетеніями французскаго правительства, въ своемъ отчаяніи, бросилась въ Швейцарію, далеко не предвидя, что европейскіе кабинеты воспользуются этою рѣшимостью, вынужденною крайностью бѣдствія, чтобы выставить эмигрантовъ опасными правительствамъ. Мы изложимъ вамъ причины нашего прибытія; вѣрные традиціонному гостепріимству, вы приняли несчастныхъ, а великодушіе кантоновъ успѣшило дать намъ средства къ существованію. Вздохнувъ свободно, послѣ столькихъ преслѣдованій, пользуясь въ Швейцаріи защитою законовъ, въ чемъ Франція намъ грубо такъ отказала,—едва приступили мы къ присканію средствъ къ будущему мирному нашему существованію, какъ германскій союзъ, къ крайнему нашему удивленію и крайней нашей горести, придаетъ нашему спокойному здѣсь прибытію видъ вооруженнаго вторженія, приписываетъ намъ какіе-то имъ воображаемые замыслы, обвиняя насъ во франкфуртскихъ событіяхъ 3 апрѣля, вводитъ на насъ какіе-то призраки заговоровъ, усиливается лишить вашего покровительства и заставить васъ, на вашей свободной землѣ, устроить систему инквизиціи.“

„Мы видимъ съ радостью, многоуважаемые граждане, съ какою осторожностью вы принимаете эти, ни чѣмъ не доказанныя, обвиненія со стороны германскаго союза. Вы сами могли убѣдиться, что мы прибыли безъ оружія, а потому какой вѣры заслуживаютъ ложныя извѣстія, которыя было угодно распространять на счетъ насъ. Наши враги сильны и опасны. Правительства, хладнокровно смотрѣвшія на нашу бышую борьбу 1831 года, къ которой насъ вынудило отчаяніе, съ ожесточеніемъ насъ теперь преслѣдуютъ, сначала изъяснивъ намъ обманчивое сожалѣніе и предложивъ намъ обманчивое гостепріимство.

„Представители швейцарскаго народа! гореть поляковъ, изгнанныхъ, несчастныхъ, всѣми отвергаемыхъ, испрашиваетъ у васъ покровительства противъ дипломатическихъ преслѣдованій; на васъ полагаемъ мы всю надежду. мы вѣримъ, что вы ей неизмѣните и не предоставите насъ мщенію палачей нашего отечества“.

Неудачи Бема. Бемъ въ это время былъ въ Опорто, и тамъ 19 мая заключилъ конвенцію, которая 24-го мая и была подписана *Донъ-Педро*. Статьи этой конвенціи были слѣдующія:

1) «Для службы е. в. королевы португальской, будетъ устроенъ корпусъ войскъ не превышающій 3200 человекъ, подъ именемъ легіона королевы.

2) Этотъ корпусъ будетъ имѣть польскихъ начальниковъ, польскій мундиръ и польскія командныя слова, военные законы французскіе, а кокарду португальскую.

3) Всякій, вступающій въ этотъ корпусъ полякъ, получаетъ гражданскія права Португаліи.

4) По взятіи Лиссабона, легіонъ можетъ или оставаться на службѣ Португаліи или прійти въ другое государство на средства, которыя ея величествомъ будутъ назначены.

5) При легіонѣ должно быть учреждено военное училище.

6) 24 Поляка должны быть приняты въ португальскую морскую школу, и за тѣмъ служить на португальскомъ флотѣ.

7) Всякій офицеръ и рядовой, по окончаніи войны, безпрепятственно получаютъ, если пожелаетъ, отставку.

8) Конвенція должна быть выполнена до 31-іюля 1833 года, въ противномъ случаѣ она перестаетъ быть обязательною.»

Бемъ возвращаясь въ Парижъ весьма довольный заключенною имъ конвенціею. По его мнѣнію эмиграціи ничего не оставалось желать лучшаго. Бывшіе военные и вся молодежь, участвовавшая въ шайкахъ, особенно литовскихъ и эмигрировавшая за границу, мечтали, что они будутъ имѣть безбѣдное содержаніе, участвуя въ войнѣ, будутъ поддерживать боевое свое настроеніе, военное училище будетъ рассадникомъ для подготовленія офицеровъ поляковъ, весь отрядъ будетъ готовый—опытный кадръ для скорого образованія, въ случаѣ новаго возстанія, новой польской арміи (обстоятельство весьма важное при уtratѣ національных военныхъ регулярныхъ войскъ), наконецъ,—при своихъ собственныхъ моряхахъ, эмиграція при первой потребности, закупивъ нѣсколько кораблей, всегда можетъ перенестись моремъ къ берегамъ Самогитіи. Въ Парижѣ ждало *Бема* и его сообщниковъ разочарованіе.

По возвращеніи въ Парижъ, генераль *Бемъ* 24 іюня 1833 года, послѣ всѣхъ неудачъ эмиграціи, думалъ угодить ей и издалъ шесть прокламацій; четыре были съ воззваніемъ, въ пятой заключалось изложеніе будущей организаціи легіона, а въ шестой условія для желающихъ поступить въ его составъ.

Центральный комитетъ, былъ въ дурномъ расположеніи послѣ неудачъ въ Польшѣ и во Франкфуртѣ, озлобленъ и на французское правительство—за сокращеніе субсидій, и на *Бема* за его самовольныя сношенія съ *Донъ-Педро*, и на *Чарторыйскаго*. Графъ *Островскій*, все считавшій себя маршаломъ сейма, дога-

дывался, что, въ сношеніяхъ *Бема* съ французскимъ правительствомъ, князь *Адамъ* стоялъ за кулисами и двигалъ переговорами; мнимый маршалъ немедленно поднялъ на ноги центральный комитетъ,—влиятельнѣйшія личности *Лелевеля*, *Земьковскаго* и *Ворцеля*, а для привлеченія на свою сторону литвиновъ онъ наэлектризовалъ *Домейко*; появился рьяный протестъ противъ конвенціи *Бема*; во всё депо было сообщено о самовольномъ присвоеніи Бемомъ власти и приглашеніе съ своей стороны ниспровергнуть на первыхъ же порахъ его коварные замыслы.

На *Бема* со всѣхъ сторонъ посыпались ярые нападки раздраженныхъ эмигрантовъ. «Я вовсе не имѣлъ никакихъ намѣреній посягать на права эмиграціи, отвѣчалъ *Бемъ*. Заключенная мною конвенція обязательна только для тѣхъ лицъ, которыя сами пожелаютъ поступить въ легіонъ. Это право, полагаю, принадлежитъ мнѣ наравнѣ со всякимъ другимъ выходцемъ. Я надѣялся оказать услугу эмиграціи, большею частью состоящей изъ людей привыкшихъ къ дѣятельной военной жизни. Дѣло *Донны Маріи* есть дѣло конституціонное; кромѣ того оно имѣетъ особенное значеніе,—оно діаметрально противурѣчитъ видамъ и интересамъ Россіи. Образованіе польскаго легіона дало бы намъ средства обойтись безъ милостыни французскихъ субсидій, а легіонъ былъ бы готовъ служить современемъ и дѣлу Польши.»

«По какому праву, возражали противники, генералъ *Бемъ*, ничѣмъ не уполномоченный, заключаетъ конвенцію, когда польская эмиграція имѣетъ свой центральный національный комитетъ,—комитетъ, который заботится о ея нуждахъ и интересахъ? Какъ смѣлъ онъ, безъ согласія комитета, вступитъ въ переговоры съ иностраннымъ дворомъ?»

«Проектъ вербовки поляковъ въ португальскую службу есть повтореніе прежнихъ дипломатическихъ самообольщеній, которыя столько повредили національному возстанію. Эмиграція не должна оставлять Франціи,—этого сердца европейскихъ политическихъ событій.»

Намеки на *Чарторыйскаго* были слишкомъ ясны, чтобы онъ могъ оставить ихъ безъ возраженія. Онъ написалъ къ *Бему*

письмо, въ которомъ откровенно изъяснялъ свое содѣйствіе къ образованію польскаго легіона для Португаліи и доказывалъ всѣ выгоды этого плана для польскаго дѣла. Съ своей стороны *Бемъ* разослалъ къ эмигрантамъ своихъ эмиссаровъ *Михаловскаго*, *Держановскаго*, *Хемлицкаго* и *Урбанскаго* и самъ отправился посѣтить польскія депо. Приемы, сдѣланные ему и его эмиссарамъ, были различны; въ депо же города Буржа ожесточеніе было такъ велико, что совѣтъ мѣстной эмиграціи послалъ Бему депутацию съ предложеніемъ немедленно выѣхать изъ города, а одинъ изъ этихъ депутатовъ даже выстрѣлилъ въ него изъ пистолета.

Бемъ не только видѣлъ, что разладъ съ комитетомъ препятствуетъ исполненію конвенціи къ назначенному сроку, и что должно отказаться отъ мысли польскаго легіона; но что комитетъ настойчиво ведетъ свои интриги къ тому, дабы удержать во Франціи даже и его приверженцевъ, изъявлявшихъ желаніе, безъ всякой конвенціи, отправиться съ нимъ искать счастья и славы въ Португаліи. Результатомъ всѣхъ этихъ интригъ было то, что *Бемъ*, съ немногими соотчичами, отправился къ *Донъ Педро* и поступилъ въ отрядъ волонтеровъ, собранный *Эвансомъ* изъ шотландцевъ и ирландцевъ. Въ этомъ отрядѣ *Урбанскій* дослужился до чина полковника, а *Бемъ*, по взятіи Лисабона, съ своими друзьями, перешелъ въ Италію и принялъ участіе въ тамошнихъ междоусобіяхъ.

Генералы *Дверницкій*, *Раморинъ* и *Уминскій*, въ сношеніяхъ съ великимъ парижскимъ комитетомъ, были весьма довольны удаленіемъ *Бема* послѣ франкфуртской неудачи. Въ то время тайно создавались новые еще обширѣйшіе планы поднять Европу начиная съ Рейна Италію и южную Францію; въ этомъ предпріятіи эти генералы готовили для себя мѣсто *Бема*, имѣвшаго много своихъ поклонниковъ между эмигрантами: они боялись встрѣтить лишняго и опаснаго соперника.

Проектъ польскаго легіона. Комитетъ, не смотря на колебанія французскаго министерства, все еще надѣялся на сформированіе польскаго легіона. Министерство съ одной стороны склонялось на его учрежденіе чувствуя, при существовавшемъ

тогда во Франціи броженіи умовъ, что правительство легко можетъ быть поставлено въ то положеніе, что ему европейская война только будетъ якоремъ собственнаго спасенія. Правительство разсчитывало съ одной стороны на выгоду моральнаго значенія легіона относительно Польши, но съ другой стороны министерство опасалось именно того, что имѣли въ виду польскій комитетъ и всѣ революціонеры для подземныхъ своихъ плановъ. Подобный легіонъ былъ бы постоянно и совершенно готовымъ организованнымъ корпусомъ, къ услугамъ и поддержкѣ французской революціонной партіи.

Правительство Людовика Филиппа думало, что побѣдою 6 іюня 1832 г. оно начинаетъ укрѣпляться, и исподоволь начало проводить мѣры для ослабленія враждебныхъ партій. Когда исчезла надежда на удаленіе польской эмиграціи въ Португалію, тогда военный министръ хотѣлъ собрать (*localiser*) эмигрантовъ и разбѣянныхъ по Франціи безпокойныхъ поляковъ и поставить подъ ближайшій правительственный надзоръ. Въ видѣ опыта, онъ предложилъ комитету составить кадры польскаго легіона, но комитетъ отказался потому, что правительство вмѣняло въ условіе, чтобы поступающіе положительно и письменно обязались служить тамъ, гдѣ будетъ предписано. Но подобныя условія, по которымъ они могли бы быть высланы для дѣйствій въ Алжиръ, во все не улабылись эмигрантамъ, а еще менѣе соотвѣтствовали расчетамъ и предположеніямъ ихъ коноводовъ.

Слишкомъ обширное поприще раскидывалось для плановъ и фантазій коноводовъ польской эмиграціи, чтобы они могли рѣшиться какъ на удаленіе значительной части эмигрантовъ въ Португалію, такъ и на рискованное согласіе образованія французскимъ правительствомъ польскаго легіона по идѣе предлагаемой Чарторыйскимъ.

Коноводы эмиграціи обмѣнивали услуги польскихъ выходцевъ у европейскихъ революціонеровъ, на ихъ содѣйствія къ частому напѣминанію о судьбѣ Польши, разными лже-провозглашеніями о ея бѣдствіяхъ, и тѣмъ къ возбужденію въ общественномъ мнѣніи полонофильскихъ симпатій. А что главные мастера революціон-

наго дѣла умѣли ловко вести эти козни, и умѣли находить ловкихъ и ретивыхъ подмастерьевъ, въ томъ можемъ убѣдиться, если вспомнимъ, какъ даже русскіе, бывшіе за границею, возвращались оттуда, сѣбно увѣренные въ мнимыхъ угнетеніяхъ поляковъ русскимъ правительствомъ, въ то время какъ русское правительство охраняло спокойствіе населенія, не щадяло ему попадавшихся въ руки революціонныхъ агентовъ, и принимало мѣры противъ ихъ продѣлокъ.

Обработывая общественное мнѣніе, коноводы домогались свои интриги усилить и дипломатическими оттяжками, дабы не упустить ни малѣйшаго средства, которое могло бы способствовать затѣваемому дѣлу.

Требованія баденской интервенціи. Верховный комитетъ всѣхъ тайныхъ козней велъ обширнѣйшую переписку, *при оказіяхъ*, съ профессорами и журналистами Европы и при этихъ невидимыхъ нитяхъ *Ротекъ, Велькеръ и Дюмлингеръ*, вслѣдствіе порученій посланнаго съ эмиссаромъ Игнатіемъ *Домейко* въ засѣданіи баденской камеры, 2 сентября 1833 года, подражая англійскому парламенту, потребовали *интервенціи баденской дипломатіи въ пользу польской національности.*

Савойская экспедиція. Осенью 1833 года особенно были въ ходу приготовленія италіанскія; вмѣстѣ съ экспедиціями Заливскаго и Франкфуртскою одновременно должна была подняться и молодая Италія, которая опоздала приготовленіями; прибывшіе поляки въ Швейцарію не теряли надежды. Послѣ первыхъ апрѣльскихъ неудачъ они всѣми средствами старались тамъ удержаться, или вѣрнѣе коноводы всѣми силами хотѣли ихъ тамъ удержать: поляки должны были выставить первыхъ бойцевъ для Италіи. Буонаротти находилъ экспедицію преждевременною; италіанскій народъ былъ доволенъ своею судьбою; при всѣхъ успѣхахъ слово *tedesco* не было ненавистно между народомъ, потому было нужно сперва подготовить народъ къ враждѣ и искусственно поселить въ него новыя желанія; при общественномъ строѣ Италіи затронуть религіозную сторону было невозможно, да клерикальное пособіе потребовало бы своихъ вознагражденій, что все не входило въ

расчеты коноводовъ, стремившихся сосредоточить всю власть въ своихъ рукахъ; Буонаротти не надѣялся на успѣхи воскресныхъ народныхъ изданій, среди малограмотнаго, подъ благодатнымъ небомъ и на роскошной землѣ лѣниваго народа; манифестаціи систематически веденныя по мнѣнію Буонаротти оставались единственнымъ путемъ, которымъ можно было сдѣлать народъ болѣе воспріимчивымъ къ поддержанію какихъ нибудь внезапныхъ выходовъ; но петербургскій Мадзини надѣялся на свои силы, онъ рекрутировалъ молодую Италію изъ учащейся молодежи и въ молодыхъ италіянскихъ войскахъ, составленныхъ изъ растасованныхъ прежнихъ наполеоновскихъ, по вновь образованнымъ владѣніямъ Италіи. Отъ Альповъ до Сиціліи, по всему полуострову, Мадзини группировалъ кружки молодой Италіи, которыя пытались тайно провозимыми листами его журнала, издаваемого въ Марсели. Способъ веденія войны отдѣльными шайками былъ принятъ какъ такой, при которомъ *можетъ проявиться всякое патріотическое вдохновеніе и добродѣтельные порывы не могутъ быть придавлены гнетомъ военныхъ принятыхъ правилъ.* Таково было мнѣніе этихъ пересозданій вѣка, столько же способныхъ къ вѣрному взгляду на военное дѣло, сколько быть государственными людьми и благодѣтелями человѣчества.

Изгнаніе польскихъ коноводовъ. Послѣ кровавой тризны по Ламаркѣ, Парижъ нѣсколько притихъ, но Франція была видимо волнуема подземною работою,—по городамъ бывали мятежныя вспышки, особенно въ Ліонѣ. Правительство натякалось и на неуловимые слѣды польской дѣятельности, и, не находя личностей, принимало мѣры противъ цѣлой эмиграціи. Леслевель, Зепърковский и Ворцель, попавъ въ вышшіе слои молодой Европы, дорожа пребываніемъ въ Парижѣ, официально выписались изъ числа членовъ польскаго комитета, за ними выбыли и другіе. Комитетъ таялъ, Моравскій и Воловскій перебѣжали въ лагерь Чарторійскаго и въ первой половинѣ 1833 года комитетъ состоялъ изъ 5-ти членовъ,—генераловъ Дверницкаго, Сьравскаго, бывшаго депутата Ледуховакаго, Еловицкаго и журналиста Плихты.

Полиція, найдя средство послѣдовательно ближе ознакомить-ся съ личностями эмиграціи, указывала правительству болѣе безпокойныхъ и опасныхъ. Въ іюлѣ 1833 года *Ворцелю*, *Пулавскому*, *Чапскому*, *Якишевскому*, *Янушкевичу* и *Грушевскому* было приказано оставить Францію, а въ августѣ было приказано также выѣхать *Делевелю* и *Ходзько*. Относительно всей эмиграціи были приняты строгости, начавшіяся съ того, что министерство назначило въ каждое депо новыхъ начальниковъ изъ эмигрантовъ, ему рекомендованныхъ партіею *Чарторыйскаго*; новые начальники были весьма дурно приняты, особенно въ *Буржеракъ*, гдѣ вновь присланный, бывший полковникъ *Подчаскій*, былъ объявленъ измѣнникомъ при первой встрѣчѣ и едва спасся отъ смерти. Эти буйства имѣли послѣдствіемъ, что эмигранты изъ 7 депо были разсѣяны по 136 городамъ и новымъ депо были подчинены самому бдительному контролю полиціи: каждый эмигрантъ еженедѣльно былъ непремѣнно обязанъ лично являться въ полицію.

Въ самомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ префектурѣ полиціи было устроено особое полицейское отдѣленіе для польской эмиграціи, получившее названіе *центрального комитета*—названіе, которымъ правительство хотѣло уронить собственно польскій комитетъ, корчившій изъ себя какое-то учрежденіе самозванца—правительства, безъ владѣній. Французскій полицейскій комитетъ, подъ видомъ повѣрки справедливости присвоиваемыхъ эмигрантами разныхъ прежнихъ своихъ чиновъ и титуловъ, по которымъ они получали вспомоствованія отъ французскаго правительства,—долженъ былъ ближе ознакомиться съ личностями, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нашелъ изъ среды той же эмиграціи агентовъ, которые, продавая свои услуги, сообщали полиціи о разныхъ затѣяхъ своихъ земляковъ. Нѣсколько предваренныхъ замысловъ заставили эмигрантовъ догадаться о тайномъ надъ ними надзорѣ, и они съ своей стороны выставяли *дозорцевъ*, которые въ примыкающихъ къ префектурѣ улицахъ полиціи сторожили тѣхъ изъ земляковъ, которые туда являлись чаще. Полиція однако дозналась и о существованіи этихъ наблю-

датель, и два изъ нихъ *Василевскій* и *Ласкій* были схвачены и заключены въ февралѣ 1834 года.

Полицейскій комитетъ получалъ допесенія какъ отъ мѣстныхъ властей изъ Ліона, такъ и отъ посольства изъ Швейцаріи, что особенная какая-то глухая дѣятельность тамъ проявляется между эмигрантами; въ началѣ 1834 года загадка разъяснилась.

Савойская экспедиція. Для возстанія Италіи генералъ *Рамарино*, идолъ молодыхъ италіанцевъ, былъ назначенъ для руководства *Мадзини* въ военныхъ распоряженіяхъ. Рамарино, италіанецъ по рожденію, былъ тотъ самый, который съ отдѣльнымъ корпусомъ, закупленный Чарторыйскими послѣ паденія Варшавы, отказался исполнять приказанія польскаго главнокомандующаго и ушелъ сложить оружіе въ Австрію. Рамарино былъ посланъ въ Ліонъ и тамъ, лѣтомъ 1833 года, долженъ былъ вербовать и приготовить шайку, въ то время, какъ другая шайка готовилась, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ *Мадзини*, въ самой Швейцаріи. *Рамарино* было выдано 40,000 франковъ на издержки. «*Мадзини*, пишетъ *Луибланъ* (панегиристъ демократическихъ революціонеровъ) устроилъ заговоръ въ Савойѣ съ изумительною дѣятельностью; онъ вошелъ въ сношенія съ политиками, нѣмцами и даже швейцарскими карбонарами; онъ закупилъ ружья, изучалъ планъ настоящей кампаніи и въ пламенныхъ письмахъ возбуждалъ парижскихъ демократовъ предпринять диверсію. Онъ сдѣлалъ болѣе, чтобы склонить ихъ: онъ указывалъ имъ на негодующую Италію, какъ на побѣдительницу, онъ раздувалъ вѣроятія на успѣхъ съ цѣлью его увеличить и предполагалъ торжество, съ цѣлью достигъ его; легко вѣрится тому, чего пламенно жаждешь. Руководители республиканской партіи въ Парижѣ были готовы на энергическое содѣйствіе савойской экспедиціи; но патріархъ новой карбонаріи—Буонаротти ее осудилъ, какъ слишкомъ смѣлую и запачканную аристократическою примѣсью.»

Получивъ деньги, *Рамарино* не торопился приготовленіями и наконецъ изъ Ліона уѣхалъ въ Парижъ. Нетерпѣливый *Мадзини* бѣсился на проволочки; тайна могла раскрыться; полицей-

скіе агенты являлись въ Женеву; озабоченное французское посольство предлагало безансонскимъ эмигрантамъ пособія и деньги на путевыя издержки, если они захотятъ вернуться во Францію; многіе соглашались, инымъ приходилось существовать только расчетливою милостынею швейцарскихъ патріотовъ, и они грозили отъѣздомъ; между конспираторами являлось разочарованіе.

Рамарино въ Парижѣ, подѣ вліяніемъ своего прежняго патрона *Чирпторыйскаго*, еще менѣе былъ настроенъ къ рискованнымъ предпріятіямъ. Отысканный посланными *Мадзини*, *Рамарино* объявилъ имъ, что въ Ліонѣ ничего не приготовлено и возвратилъ изъ 40,000 франк. 10,000 франковъ. *Мадзинисты* однако тѣмъ не удовольствовались и принудили генерала прибыть въ Швейцарію. Кое-какъ составленная экспедиція, въ началѣ 1834 года, при взаимномъ недовѣріи коноводовъ, полгода послѣ предположеннаго времени, испытавъ на первыхъ шагахъ много неудачъ,—наконецъ двинулась въ Савойю двумя колоннами,—одну велъ *Рамарино*, другую полковникъ *Грабскій*. Возмутивъ Савойю, они должны были вторгнуться даѣе, въ Ломбардію, пройти и поднять всю Италію; нѣсколько дней колонны инсургентовъ гуляли по Савойи, въ суровое время года. Непривычная къ походамъ, италіянская молодежь едва передвигалась; одни только поляки не унывали, но скоро всѣми овладѣло мрачное раздумье: ни одинъ восторженный крикъ населенія не привѣтствовалъ искателей приключеній; по деревнямъ ихъ встрѣчали только удивленными глазами. *Рамарино* объявилъ что его обманули, что при подобномъ положеніи дѣлъ предпринять что нибудь, значило бы погубить даромъ цвѣтъ италіянскаго юношества. Слова *Рамарино* были сигналомъ къ разсѣянію инсургентовъ; туземцы спѣшили по домамъ, поляки—возвратиться въ Швейцарію; всѣ боевыя дѣйствія ограничились нѣсколькими выстрѣлами, сдѣланными во время фальшивой тревоги. Плачевная экспедиція имѣла и жалкія послѣдствія. Въ Парижѣ *Рамарино* ждался, что съ нимъ поступили предательски, но еще болѣе явилось противъ него обвиненій въ измѣнѣ, а польскій комитетъ прибавилъ «что надъ нимъ еще тяготѣетъ подозрѣніе относительно его по-

слѣднаго начальствованія въ Польшѣ, что онъ еще не доказалъ невозможности—исполнить предписаніе генералиссимуса о присоединеніи къ арміи, стоявшей у Модлина.

Митежъ въ Могнѣ. Революціонеры въ Парижѣ готовили предпріятію *Мадзини* въ Италіи могущественную диверсію во Франціи.

Безъ сомнѣнія революціонная партія во Франціи, усиленная тысячами польскихъ эмигрантовъ, была сильнѣе чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ. Тамъ заводчики революціоннаго дѣла подъ знаменемъ Лафайета, подъ руководствомъ Буонаротти, болѣе всего имѣли средства вести дѣло съ успѣхомъ.

Ихъ цѣль была совершеннымъ переворотомъ всего государственнаго и общественнаго устройства, стать прямо въ главы новаго замышляемаго правительства, а средства были къ ихъ услугамъ; одни засѣдали въ палатахъ ¹⁾, другіе давали тонъ журналистикѣ ²⁾. Первые своими рѣчами могли тормозить правительственную машину, топтать въ грязь своими перетолковываніями всякія мѣры правительства, сколько-бы онѣ для блага страны не были полезны; составляя постоянную оппозицію министерству, порицая всякія распоряженія, они били на то, чтобы уронить правительство, въ глазахъ Франціи и въ публикѣ, посвящаемой газетами во всѣ пренія палатъ, возбуждать недовѣріе къ власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ журналисты, поддерживая ихъ на столбцахъ журналовъ, не щадя самыхъ ярыхъ нападокъ на правительство, проводили новыя свои мечтательныя теоріи, новыя соціальныя идеи, которыя должны перестроить общественный организмъ и льстили грубымъ страстямъ, лукавому властолюбію честолюбцевъ, корыстолюбивымъ и любостыжательнымъ влеченіямъ массъ и грубымъ наклонностямъ къ самоуправству и разгулу черни.

Высшее образованіе, распространенное несоразмѣрно съ тре-

1) Въ числѣ ихъ Горнье-Нажесъ, Могенъ, Войе д'Аржансонъ, Дюонъ Одри де Пюираво, Годефруа Кавеньякъ, Виньертъ.

2) Въ числѣ ихъ Орманъ Карель, издатель журнала *le National*, Кабе издатель „*le Populaire*“, Кашуа Лемеръ и Родде-журнала „*Bon sens*“, Ансельмъ Пететенъ, издатель *Precurseur de Lyon*.

бoвaнiями страны, доступное и немущей бездарности, на столько увеличилось число людей, презиравшихъ снискиванiе средствъ къ существованiю физическимъ трудомъ, что соотвѣтствующая ихъ образованiю работа отъ конкуренцiи давала скудные вознагражденiя; въ этомъ числѣ было множество личностей по способностямъ и положительнымъ ихъ знанiямъ не соотвѣтствующими той тщеславной самоувѣренности, которая сильно была въ нихъ развита. Недостиженiе самолюбивыхъ желанiй, эти люди приписывали неправильному государственному устройству; они не жаловались, по обыкновенiю, на судьбу, но, обрабатываемые журналистикою, стали въ ряды недовольныхъ, полагая что непременно улучшить свой личный бытъ, содѣйствуя государственному перевороту. Вся молодежь, всѣ воспитанники учебныхъ заведенiй легко воспламеняемые и увлекаемые, подъ влiянiемъ броженiя умовъ, всегда склонные, какъ неопытные юноши, быстро кидаться на всякiя либеральныя ученiя, питались современною подстрекающею литературою, и стали преимущественно способны быть пушечнымъ мясомъ, какъ выражаются французы, для видовъ коноводовъ, словами и выходками проводить ихъ идеи въ низшiе классы и готовить народъ быть воспрiимчивѣе къ усвоенiю проповѣдей эксцентрическихъ журналистовъ.

Къ этому то слою преимущественно принадлежали члены всѣхъ революцiонныхъ обществъ, какъ то: „*правъ человека, прогресса*“ и т. д.; изъ этого слоя, на карбонарскихъ началахъ Буонаротти образовались тайные кружки, другъ другу незнакомые, которые спускались въ народную чернь и проводили заразу въ понятiя. Эти кружки въ данное мгновенiе должны были, послушные приказанiямъ высшей ими невѣдомой власти, руководить и направлять дѣйствiя открытаго мятежа. Въ одномъ Парижѣ тайный верховный комитетъ насчитывалъ до 200 дѣйствующихъ кружковъ, которые распространились по многимъ городамъ Францiи, въ Дижонъ, Клермонтъ, Шалонъ, Сентъ-Этьенъ, Безансонъ, Гренобль, Лионевиль, Нанси и другихъ. Общество правъ человека (*la Société des droits de l'homme*) было особенно дѣятельно.

За молодежью наибольшiй контингентъ нужно было искать на

въ земледѣльческомъ сословіи, но среди болѣе склонной къ разврату городской черни; города съ болѣе расширенною фабричною промышленностью, могли особенно выставить болѣе бойцевъ для мятежныхъ замысловъ.

Къ большому неудовольствію революціонеровъ, въ войска было труднѣе проводить заразу; командиры въ войскахъ Франціи прошли сквозъ продолжительную школу боевой дисциплины и въ головѣ ихъ былъ тотъ складъ, при которомъ не вязалось военное іерархическое повиновеніе съ революціоннымъ братаніемъ конспираторовъ и въ войскахъ сохранялся духъ старыхъ полковъ. Унтеръ-офицеръ былъ именно тотъ классъ въ которомъ революціонеры во Франціи имѣли наибольшее вліяніе, ихъ приманивали офицерскими эполетами и командирскими должностями въ республиканскихъ войскахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ развитыхъ личностяхъ состава войскъ военная слава,—наслѣдіе Наполеона слишкомъ шевелила задушевные струны старыхъ и молодыхъ войковъ, чтобы они могли оставаться не чувствительными къ магическому имени; бонапартистовъ было множество; но революція бонапартистовъ могла идти только путемъ, которымъ Наполеонъ въ 1815 году прошелъ отъ Фрежюса до Парижа; не того хотѣлось коноводамъ ни новой Европы, ни новой Франціи; имъ хотѣлось общественнаго переворота, а не орловъ на знаменахъ. Со смертью герцога Рейхштатскаго замерли и всякіе порывы этой партіи.

Обработывая чернь, отуманивши далѣе умы простолюдиновъ и распаляя страсти готовили ихъ къ боямъ на баррикадахъ. Въ то время, какъ печатались цѣлыми тучами народъ подзадоривающія брошюры и народные карты, офанатизированные просвѣщенные члены общества *правъ человека*, съ достаточною поддержкою надежды на личныя выгоды, являлись въ праздничные дни въ блузахъ среди народныхъ гульбищъ, и раздавая по усмотрѣнію даромъ или за безцѣнокъ произведенія революціонной печати, разъясняли фабричнымъ работникамъ и мастеровымъ, что живутъ они плохо и бѣдно, потому что хозяева, выжимая изъ нихъ сокъ, поль-

зуются перевѣсомъ своего состоянія и, его умножая потомъ бѣдныхъ, утопають въ роскоши и обиліи.

Они проводили въ простолюдинахъ понятія, что для блага народа нужно такое правительство, которое не остановилось бы предъ такою общественною перестройкою страны, при которой все дѣлалось бы для общаго благоденствія, и фабрикантъ съ рабочими дѣлился бы своими баришами.

Исподоволь народъ былъ подготовляемъ къ мятежамъ демонстраціями и манифестаціями; то всѣ портные, то всѣ кузнецы, то всѣ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровые отказывались разомъ отъ работы, шумными толпами наставая на уменьшеніе времени работъ и съ сокращеніемъ работы на увеличеніе имъ жалованья.

Коноводы въ Парижѣ хотѣли одного—*власти*, а ихъ бойцы готовы были дѣйствовать одинаково во Франціи, Германіи, Италіи, или Польшѣ, не смотря на различія цѣлей, которыми члены революціоннаго комитета прикрывали свои замыслы. Они провозглашали необходимость для Франціи и Германіи государственныхъ переворотовъ, для Италіи-ея соединенія, для Польши-отторженія ея бывшихъ областей отъ Россіи, Австріи и Пруссіи, и на всѣ затаенныя побужденія была накинута мантия соціальныхъ реформъ для благоденствованія человѣчества.

Революціонеры опоздали приготовленіями италіянскоі экскедиціи къ франкфуртскимъ продѣлкамъ, а возобновленіемъ мятежей во Франціи опоздали къ безцвѣтной прогулкѣ по Савойи: но слишкомъ много было нетерпѣливыхъ взволнованныхъ умовъ, чтобы отложить до болѣе удобнаго времени, и во Франціи безпорядки возобновились; частыя манифестаціи подготовляли мятежъ. Альберъ и журналистъ Апсельмъ Пететенъ были главными коноводами. Для послѣдняго толчка, *Кавеньякъ* и *Арманъ Карель*, собираясь изъ Парижа въ Ліонъ, желали чтобы съ ними ѣхалъ—на показъ революціоннымъ знаменемъ, воспѣтый революціоннымъ гимномъ, «сѣдовласый Лафайетъ ¹⁾». Болѣзнь его задержала;» крайне сожалью, отвѣ-

¹⁾ C'est Lafayette en cheveux blancs.

чалъ онъ, что не могу лично раздѣлять опасности столь *отважнаго и почтеннаго* предпріятія, но я этихъ господъ снабжу письмами, которыя имъ будутъ полезны и уполномочиваю ихъ представиться моими наперстниками.» Въ тоже время изъ Парижа писали въ Ліонъ: «Парижъ, подобно Ліону, не нуждается въ сдерживаньи,—напротивъ онъ сильно нуждается въ подстрека- тельствѣ; впрочемъ, въ случаѣ надобности, мы васъ поддержимъ.»

Такъ, колебаніями и нерѣшительностью, Людовикъ допустилъ, что дѣйствительно внутри Франціи революціонная партія образовала свое государство. Чувствуя шаткость своихъ правъ на престолъ, онъ хитро соображаемыми изворотами, думалъ на немъ утвердить свою династію, и довелъ до того, что для мнимаго блага будущихъ поколѣній, провозглашаемаго честолюбцами и мечтательными утопистами, современники утратили всякую вѣру въ безопасность настоящаго, въ безопасность ихъ жизни и бѣ- ществъ. Работы пріостанавливались, теченіе правильной жизни общества честнымъ спокойнымъ трудомъ было парализовано, и кровь лилась на мостовыхъ городовъ Франціи. Жадно мирное насе- леніе ждало конца бѣдствій, конца постояннымъ своимъ трево- жнымъ волненіямъ. Въ то время какъ внутри страны ученія революціонныхъ коноводовъ развращали народную нравственность и распаляли страсти, внѣ своихъ предѣловъ, униженная Франція теряла всякое значеніе и на ея дипломатическихъ сношеніяхъ того времени отразилось то неуваженіе европейскихъ кабинетовъ, которое было естественнымъ отношеніемъ ихъ къ правитель- ству, не уважающему само себя. Глубоко скорбѣло о томъ большинство, здоровая часть населенія,—въ то время, какъ о ре- волюціонившееся меньшинство, вопреки самой Франціи, столь щекотливой ко всему, что касается славы народа, какъ бы радо- валось униженію Франціи. Послѣдствія были бы еще печальнѣе, собственно для самыхъ жителей Франціи, если бы подобное те- ченіе дѣлъ продолжалось долѣе. Въ такую-то школу для окон- чательнаго своего воспитанія, попала польская эмиграція!

Съ 9 по 13 апрѣля 1834 года четыре дня лилась кровь на улицахъ Ліона. «Отважное и почтенное» предпріятіе заключа-

лось въ томъ, что работникамъ внушали мысль, что они живутъ въ бѣдности, а хозяева—фабриканты богато, что нужно установить другое правительство, которое уравнило бы барыши, и для того работникамъ друзьями народа будутъ розданы ружья, а войска ими приготовленные не станутъ стрѣлять въ братьевъ, а напротивъ протянуть имъ руку помощи. Войска штыками брали баррикады, артиллерія громила улицы, гранаты лопались на площадяхъ; даже внутри зданій совершались лютыя убійства въ борьбѣ между ожесточившимся солдатомъ и разсвирѣпѣвшимъ работникомъ; взаимно работникъ и солдатъ упрекали себя въ измѣнѣ и страшныя сцены убійствъ остались на долго памятными жителямъ Ліона. Поляки хвалились, что они выставили самыхъ неустрашимыхъ коноводовъ поднятымъ къ мятежу работникамъ. Одинъ изъ нихъ, Рогинскій, былъ схваченъ въ самомъ азартѣ среди его уличныхъ подвиговъ.

Большинство съ омерзеньемъ отвернулось отъ этихъ сценъ ужасовъ; общественное мнѣніе взяло сторону порядка, мятежи прекратились и только покушеніе на Людовика Филиппа, адская машина Фіески (29 Іюля 1835 года) и выстрѣлъ Алибо (25 Іюня 1836) указывали, какимъ путемъ революціонная партія думала идти далѣе, разочарованная въ успѣхъ баррикадъ и въ надеждѣ увлечь войска, искушая въ нихъ унтеръ офицеровъ.

Послѣ ліонской бойни, революціонная партія во Франціи затихла; въ затаенной работѣ она принялась набираться новыми силами. За новую работу принялись и польскіе эмигранты, своею трехлѣтнею дѣятельностью заявившіе самыя неотъемлемыя права на званіе дѣятельныхъ союзниковъ современныхъ революціонеровъ.

Козин противъ указа 4 сентября 1834 года. Въ совѣщаніяхъ руководителей молодой Европы коноводы польской эмиграціи пользовались особеннымъ значеніемъ. Они въ своемъ распоряженіи имѣли всегда многочисленныхъ бойцовъ; польскіе эмигранты—были кадры для формированія новобранцами всякихъ мятежныхъ сборищъ; понятно, потому, что коноводы эмиграціи дорожили ея численностью, располагая этими кондотьерами XIX вѣка, готовыми поддержать всякую революцію. Извѣстія изъ

края лѣтомъ 1834 г. поразили польскій комитетъ; онъ понялъ угрожавшую ему опасность и немедленно принялъ свои мѣры.

Указомъ ¹³/₂₅ февраля 1832 г. эмигранты были призываемы въ Россію для отвѣтовъ и оправданій при наряженныхъ судахъ. За ихъ отсутствіемъ, комисіи продолжали свою работу и въ 1834 году ее окончили. Изъ числа арестованныхъ, 23 лица найдены особенно виновными и присуждены къ разнымъ наказаніямъ. Изъ отсутствующихъ особенно виновными было найдено 265 лицъ, заслуживающихъ казни или каторжныя работы. Эмиграцію извѣщали изъ Варшавы, что для всѣхъ остальныхъ фельдмаршалъ полагаетъ просить амнистію. Коноводы знали, что множество изъ эмигрантовъ какъ были увлечены въ мятежъ, такъ были увлечены и за границу,—большинство—изъ боязни взысканія; имъ надоѣла скучная скитальческая жизнь, многіе тяготились ею. При первыхъ полученныхъ изъ Варшавы свѣдѣніяхъ, комитетъ заставилъ писать всѣ самыя искусныя свои перья; поставили на ноги самыхъ ярыхъ приверженцевъ революціи. Письма и агенты съ готовыми адрессами польскому комитету полетѣли изъ Парижа во всѣ кружки эмигрантовъ—распалить снова ихъ страсти, новыми узами связать ихъ съ эмиграціею, прежде нежели точныя распоряженія русскаго правительства будутъ извѣстны; даже для большаго подзадориванія умовъ былъ сочиненъ лже-манифестъ для поляковъ самый унижительный, который будто-бы уже написанъ въ Петербургѣ, и эмигранты своими подписями, въ теченіи августа мѣсяца, покрыли разосланныя деклараціи,—всѣ доставленныя обратно въ Парижъ ранѣе обнародованія истиннаго манифеста.

Въ этой деклараціи эмигранты заявляли, что они клянутся въ вѣчной враждѣ и мести русскому царю, что они возвратятся въ отечество не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ, и что въ какое бы время ни послѣдовала первая вспышка, она будетъ сигналомъ общаго возстанія всѣхъ областей бывшей Польши. Были эмигранты, которые въ своихъ письмахъ въ край, заявляли искреннее свое сожалѣніе о поспѣшности въ подписи деклараціи, особенно когда они прочли обнародованную амнистію отъ

4—16 сентября 1834 года, которою, действительно, кроме 265 человекъ, найденныхъ главными преступниками, со всѣхъ прочихъ сняты были всякія взысканія за ихъ политическія вины, и объявлено что никакимъ дальнѣйшимъ слѣдствіямъ они болѣе не подвергаются. Названные 265 человекъ были приговорены къ изгнанію навсегда изъ предѣловъ Имперіи, а въ случаѣ самопроизвольнаго ихъ возвращенія, они подвергались исполненіямъ приговора судной комиссіи. Въ списокъ особенно виновныхъ преступниковъ заключалось 126 подпрапорщиковъ бывшей варшавской школы, 1 полковникъ (Скржинецкій), 1 майоръ, 1 капитанъ, 36 поручиковъ и подпоручиковъ бывшихъ въ рядахъ польскихъ войскъ, 48 нижнихъ чиновъ, 29 студентовъ и учениковъ, 4 журналиста и 24 члена бывшего польскаго сейма; изъ числа 165—семь были приговорены къ ссылкѣ, 249 къ повѣшенію, въ томъ числѣ Іоакимъ Лелевель, и девять къ отсѣченію головы,—въ ихъ числѣ былъ варшавскій сенаторъ, воевода, членъ администратіоннаго совѣта, князь Адамъ Чарторыйскій.

4—16 септември 1881 г. в София, България. Високоуважаем, аз имам честта да Ви уведомявам, че Вашето писмо от 10 септември е получено. Благодаря Ви за интереса, който проявявате към нашата работа. В отговор на писмото Ви от 12 септември, аз Ви изпращам списък на книгите, които са в наличност в Библиотеката на Българския Църковен Съюз. Ако желаете, мога да Ви изпратя и по-подробна информация за всяка една от тях. Също така, ако желаете, мога да Ви изпратя и списък на книгите, които са в наличност в Библиотеката на Българския Църковен Съюз. Ако желаете, мога да Ви изпратя и по-подробна информация за всяка една от тях. Също така, ако желаете, мога да Ви изпратя и списък на книгите, които са в наличност в Библиотеката на Българския Църковен Съюз.

ГЛАВА II-я.

Новое направленіе дѣятельности эмиграціи.—Общества.—
Партіи.—Фамилія Чарторыйскихъ.—Графъ Ледуховскій.—
Мѣрославскій.—Заботы о польскомъ органѣ.—Польскія шко-
лы.—Проескы Чарторыйскихъ.—Журналъ 3 мая.—Польскій
Комитетъ—Централизація.

Съ прекращеніемъ мятежей во Франціи, эмиграція приняла другое направленіе для своей дѣятельности, и, устройствомъ своей организаціи, теоретическою обработкою своихъ плановъ, нѣкото-рою послѣдовательностью своихъ работъ и своими сношеніями съ обществами, оказывавшими ей сочувствіе, мало по малу наэлек-тризовала, себя снова и почла себя опять достаточно сильною, чтобы съ успѣхомъ вступить въ борьбу съ общественнымъ по-рядкомъ.

Польскій комитетъ находилъ, что лучший путь для возбужде-нія симпатій въ Европѣ есть путь масонскихъ ложъ и потому онъ особенно силился оставаться съ ними въ сношеніяхъ и до-могался объ образованіи изъ среды ихъ особыхъ комитетовъ, ко-торые принимали названіе *польскихъ*. вспомошествованія, по-лучаемыя отъ нихъ эмиграціей, не были важны матеріальною поддержкою, но эмиграція особенно цѣнила ихъ, какъ поддержку моральную, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія Европы.

Комитетъ вошелъ особенно въ близкія сношенія во Франціи съ ложами нераздѣльной Троицы въ Парижѣ, *Veritas*—въ Нанси, французско-шотландскою въ Мецѣ, *Non plus ultra* въ Буржѣ, друзей наукъ—въ Шатору, постоянной дружбы—въ Безансонѣ, съ обществами католическаго агенства, *Civilization, aide toi, le ciel t'aidera* и интернаціональнымъ, въ которомъ, рядомъ съ отдѣленіями англійскимъ и американскимъ, устроилось и отдѣленіе польское. Въ Великобританіи *Polnish friends societys* устроились въ Лондонѣ¹⁾, Гулль, Бирмингамъ, Нью-Кастелъ, Шеффилдъ, Ноттингамъ, Лидъ, Горкъ, Манчестеръ, Песле, Норвичъ, Эдинбургъ, Дубаниъ и Глазговъ. Лондонское общество соборало въ 1833 году 10,116 фр., отправленныхъ въ Швейцарію; гульское основало журналъ *the polnish record*; бирмингамское велѣло выбить медаль въ память мятежа 1831 года, а въ Эдинбургѣ и Глазговѣ общества праздновали годовщину мятежа 17 (29) ноября.

Въ Германіи тоже устраивались польскіе комитеты и первые присылки денегъ были изъ Франкфурта и Штутгарда, 1763 фр.; эмиссаръ *Шардеръ* собралъ въ Геттингенѣ, Аурихѣ, *Штаде* и Силабрюкѣ 875 фр., а въ Дрезденѣ *Потоцкая* собрала 2730 франк.

Кромѣ польскаго комитета, эмигранты образовали многія общества. Эти общества начали возникать со времени прибытія эмигрантовъ во Францію, и съ 1834 года получили особенное развитіе.

Первое по времени было литовское и руссинскихъ областей; его основалъ графъ *Цезаръ Платеръ* 10 декабря 1831 года²⁾. Цѣль общества была—доказать исторически и статистически, что національность этихъ земель должна быть польская и принскивать для того всѣ нужные документы. Первоначально общество состояло изъ 10 членовъ, въ числѣ ихъ были: Олизаръ, Тышкевичъ, Домейко, Герубовичъ, Л. Красицкій, Незабитовскій и Володковичъ. Потомъ число членовъ возрасло до 35 и наконецъ до 117. 25 (13) марта, день годовщины возстанія Литвы, былъ установленъ для общихъ собраній. Общество постановило имѣть постоянныхъ своихъ эмиссаровъ для поддержанія сношеній съ Англіею и Германіею, и для этой цѣли назначило *Брониковскаго, Воронича, Л. Домейку* и *Бржозовскаго*. Князь *Чарторыйскій* съ

1) Въ лондонскомъ обществѣ было 13 членовъ, въ томъ числѣ Дудлей Стюартъ Марперъ, Эвансъ, Кампбелъ и Бульверъ.

2) Статутъ принятъ и утвержденъ обществомъ 10 марта 1832 г.

своей стороны составилъ 9 апрѣля 1832 года *Литературное польское общество*, которое должно было собирать всѣ докумен-ты, относящіяся къ исторіи Польши послѣднихъ столѣтій, и изъ нихъ обрабатывать матеріалы для приготовленія будущности Польши. Общество должно было состоять изъ 24 дѣйствительныхъ членовъ, кромѣ того имѣло членовъ почетныхъ и корреспондентовъ, и раздѣлялось на два отдѣленія — литературы и наукъ. Президентомъ былъ *Чарторыйскій*, вице-президентомъ *Федоръ Моравскій*. 3 мая и 24 ноября были дни, назначенные для торжественныхъ актовъ ¹⁾. Общество устроило другое — вспомогательное, и отъ него зависящее, въ Лондонѣ, котораго предсѣдателемъ былъ *Ширма*.

Въ Декабрѣ 1832 года генералъ *Пацъ* устроилъ общество — *братства*, съ благотворительною цѣлью, помогать нуждающимся эмигрантамъ; членами его могли быть безразлично мужчины и дамы; дамы приносили обществу особенную пользу успешнымъ сборомъ милостыни и разныхъ пожертвованій. Основанное въ декабрѣ 1833 года, общество въ первый годъ выслало 11,293 фр. въ Швейцарію, 14,326 въ Лондонъ и 3830 въ Америку.

Чарторыйскій, *Пацъ*, *Цезарь Платеръ*, *Кляжевичъ* и *Немцевичъ* учредили въ 1833 году новое общество *воспитательное* (des études). Цѣль этого общества была образованіе молодаго польскаго поколѣнія дѣтей, какъ эмигрантовъ, такъ и привозимыхъ изъ края, въ духѣ національномъ польскомъ и въ подготовленіи будущихъ дѣятелей ойчизны. Первоначальный планъ былъ тотъ, чтобы постоянно 30 молодымъ людямъ, выбраннымъ изъ числа самыхъ способныхъ, доставлять средства образованія себя въ военномъ искусствѣ, артиллеріи, инженерныхъ наукахъ, администраціи, медицинѣ, хирургіи, гражданской архитектурѣ и построекѣ, горномъ искусствѣ, литьѣ орудій, порохомъ и оружейномъ дѣлѣ; для того содѣйствовать ихъ помѣщенію въ соотвѣтствующія будущей спеціальности юношей, правительственныя заведенія, и кромѣ того, для первоначальнаго образованія, учредить училище на 40 польскихъ мальчиковъ. Для необходимыхъ издержекъ *Пацъ* пожертвовалъ въ основной капиталъ 50,000 фр., *Чарторыйскій* 20,000; кромѣ того было положено обратиться за пособіями къ благотворителямъ во всѣ главнѣйшіе города Европы и

1) По отчету 3 мая 1833 года члены доставили въ теченіе года въ періодическія изданія статьи: 43 политическихъ, 51 литературную и 65 по разнымъ предметамъ и приготовили 15 медалей и астамповъ.

Америки и особенно къ богачамъ землякамъ крал. Первыя попытки помѣстить юношей поляковъ въ спеціальныя заведенія Франціи не были удачны; только одного удалось пристроить въ литейную Тулузы, потому обществомъ было нанято 5 профессоровъ, которые обучали военнымъ наукамъ въ особо нанятомъ помѣщеніи, снабженномъ библіотекою и моделями. За тѣмъ князю *Чарторыйскому* удалось помѣстить еще двухъ—въ военную школу—*Юсифа Висоцкаго* и *Людвига Мырославскаго*. Отецъ Мырославскаго былъ кавалеромъ ордена почетнаго легіона и нѣкогда былъ адъютантомъ маршала *Даву* ¹⁾.

Послѣ 1834 года число обществъ стало быстро возрастать, упоминаемъ о знаменательнѣйшихъ для жизни эмиграціи.

Общество *воскресшихъ* (змартвыхъ станцы), или обыкновенно называемыхъ *резюррекціонистами*, было основано четырьмя ксендзами и монахами: *Исронимомъ Кайсевичемъ*, *Губбе*, *Семененко* и *Александромъ Яловицкимъ*. *Кайсевичъ* былъ прежде военнымъ, и шрамъ, память прежняго званія, не безобразилъ его лица. Онъ всходилъ на амвонъ вдохновеннымъ проповѣдникомъ, его рѣчи привлекали многочисленныхъ слушателей; не смотря на его убѣжденіе, что духовенству не прилично участвовать въ замыслахъ революціонеровъ, *Губбе* былъ человекъ весьма осторожный, который думалъ про себя и наружно и лично ни въ какія козни не вмѣшивался; *Семененко*, съ необузданнымъ краснорѣчіемъ, дѣятель безпокойный и ретивый, обратилъ даже на себя вниманіе французскаго правительства и нѣсколько лѣтъ удаленъ былъ въ Алжиръ; *Александръ Яловицкій* былъ настоящій двигатель всего общества, почему его и называли министромъ иностранныхъ дѣлъ этой духовной конгрегаціи. Сынъ помѣщика волинской губерніи, онъ, въ возстапіи 1831 года, потерялъ отца и брата, и съ другимъ братомъ *Эдуардомъ* вышелъ во Францію. Послѣ ссоры съ графомъ *Ледуховскимъ*, вызванный имъ на поединокъ, онъ укрылся отъ него въ сутану. Онъ сталъ извѣстенъ эмиграціи своимъ сочиненіемъ „*Мое воспоминаніе*.“ Безъ краснорѣчія *Кайсевича*, безъ способностей *Семененки*, безъ обаянія суровой жизни *Губбе*, *Александръ Яловицкій* своею самоувѣренностью, дерзостью, хвастливымъ балагурствомъ, заставлялъ эмигрантовъ сравнивать волинцевъ съ гасконцами; *Яловицкій* не останавливался ни на

1) 16 лѣтній *Людвигъ Мырославскій* участвовалъ въ кампаніи 1831 г. въ званіи адъютанта при своемъ отцѣ, который командовалъ полкомъ.

какихъ средствахъ для достиженія цѣли и, къ негодованію эмиграціи, онъ вырвалъ у всѣхъ обществъ самыя лакомыя добычи, предоставляемыя сочувствіемъ земляковъ-туземцевъ эмигрантамъ. Его похождения съ такъ называемою *маткою Макриною* въ свое время надѣлали много шума.

Этому обществу была предоставлена въ Парижѣ одна изъ каплицъ церкви Сенъ-Рокъ, а потомъ оно помѣстилось въ Римѣ при церкви св. Клавдіи.

Резюррекціонисты положили себѣ проводить ультрамонтанскія стремленія; угождая аристократамъ и демократамъ эмиграціи, они говорили демократамъ, что они хотятъ подвести католическія принципы подъ демократическія требованія, а когда ихъ упрекали приверженцы Ламберова отеля, они въ отвѣтъ проводили съ амвона такія мысли духовной нетерпимости, которыя «были вполне достойны проповѣдей эпохи дракъ за инвеституры»¹⁾.

Замѣчательнѣйшіе сторонники этой партіи были *Козьмянъ*, *Валеріанъ Вілжоловскій*, поэтъ *Богданъ Зальскій* и его братъ *Іосифъ*.

Выгоднѣйшая отрасль занятій резюррекціонистовъ было сватанье. Эмигранты въ Парижѣ, усерднымъ посѣщеніемъ польской каплицы, могли попасть въ списокъ жениховъ тѣмъ богатымъ невѣстамъ, которыя изъ края переѣзжая во Францію, не могли на чужбинѣ не послушать земляковъ проповѣдниковъ и имена которыхъ, для составленія вѣдомости невѣстамъ, исправно доставлялись ксендзами, корреспондентами изъ края.

При соперничествѣ эмиграціи съ революціонною Франціею того времени, эмигрантамъ были нужны свои *Анфантенъ* и свои *Сен-Симонисты*; явились *Товіянскій* и *мессіанисты*, замѣчательные тѣмъ, что въ число ихъ попалъ и поэтъ *Мицкевичъ*.

Общество *мессіанистовъ* стало общество модное; оно было основано *Товіанскимъ*, котораго политическая дѣятельность прошла чрезъ многоразличныя отбѣйки. Адвокатомъ въ Вильнѣ, онъ въ ней сперва проводилъ коммунистскія идеи: общее пользованіе и уравниваніе состояній. Виленскіе остряки ему оппозировали тѣмъ, что при некрасотѣ его жены и его вѣчныхъ

1) «Истинные ученики Лойолы, говорили эмигранты, ихъ противники, искушая наслажденіями рай и пугая муками ада, святотатствуя словомъ ойчизна и приятно щекоча обветшалыми традиціями, они накладываютъ свое амбарго и на отживающихъ свой вѣкъ богатыхъ барынь и на молодыхъ ихъ наслѣдницъ.»

розысканіяхъ денегъ въ займы, теорію его можно почесть эгоистическою. Онъ явился за тѣмъ мистикомъ, сверхъестественными таинствами преобразившійся въ св. Петра, а жена его въ св. Филомелу. Въ Вильнѣ его посадили въ сумасшедшій домъ; но какъ онъ былъ пациентъ тихій, безъ всякихъ припадковъ бѣшенства и буйства, то былъ скоро выпущенъ на свободу. *Товіянскій* не былъ уличенъ въ мятежныхъ продажахъ 1831 года и, по водвореніи порядка, уѣхалъ сперва въ Петербургъ, потомъ въ Познань, посѣтилъ Саксонію, Бельгію и наконецъ пріютился въ Парижъ. Онъ выдавалъ себя за пророка, ниспосланнаго Провидѣніемъ къ преобразженію поляковъ. Видя необходимость, для большаго успѣха, завербовать изъ числа эмигрантовъ, какое нибудь громкое имя, которымъ можно было бы увлекать остальныхъ, добыть пышную выѣску, какъ говорили въ Парижѣ польскіе выходцы, его противники, *Товіянскій* обратился въ 1841 г., но не успѣшно, къ *Скржинецкому*, принятому генераломъ въ бельгійскую службу. Въ своихъ поискахъ, онъ старался сблизиться съ разочарованнымъ *Мицкевичемъ*, своимъ путемъ доходившимъ до мистическаго настроенія. Излеченіе *Товіанскимъ* жены *Мицкевича* было приписано чудотворной его силѣ; поэтъ предался пророку, который проповѣдывалъ, что ему свыше дано назначеніе просвѣтить поляковъ. Будучи профессоромъ литературы славянскихъ языковъ, *Мицкевичъ* съ кафедры хотѣлъ популяризовать, подъ именемъ мессіанизма, новую философскую и социальную доктрину и издалъ въ эту цѣль сочиненіе *l'église officielle et le messianisme.*¹⁾ Въмѣсто курса по программѣ, *Мицкевичъ* до того увлекся на лекціяхъ, что ему отказали отъ кафедры. За *Мицкевичемъ* въ школы *Товіанскаго* примкнули *Богданъ Зальскій*, *Антонъ Горецкій*, генералъ князь *Гедройцъ*, полковники *Ружицкій* и *Каменскій* и нѣкоторые другіе.

Польскій комитетъ съ неудовольствіемъ видѣлъ, что, пользуясь тѣмъ вліяніемъ, которое чудеса всегда имѣютъ на массы, *Товіянскій* увеличивалъ быстро число своихъ адептовъ; въ расчеты коноводовъ вовсе не входило намѣреніе въ эмиграцію вводить поднебесное настроеніе и подъ рукою были распущены слухи, что *Товіянскій* не что иное, какъ тайный агентъ русскаго правительства, имѣющій порученіе привести эмиграцію обратно въ край,

1) *Мицкевичъ* доказывалъ, что польская нація имѣетъ свыше предопредѣленіе быть новымъ мессіей для всѣхъ народовъ.

а въ тоже время и самъ *Товіанскій* довелъ до крайняго предѣла свои эсцентрическія выходки; онъ однажды явился послѣ обѣдни въ церкви *Notre dame* и тамъ положительно провозгласилъ себя мессіею челоѣчества и Польши. Въ августѣ 1842 года онъ былъ высланъ изъ Франціи; его приверженцы утверждали, что онъ за 10 дней предсказалъ кончину герцога Орлеанскаго.

Во время новаго разгара въ Европѣ революціонныхъ событій въ 1848 году, *Товіанскій* появился въ Римѣ, въ главѣ своихъ приверженцевъ, и тамъ хотѣлъ произвести манифестацію съ цѣлью вынудить папу согласиться на его доктрину и согласно ей измѣнить догматы. Вынужденный удалиться изъ Рима, онъ переехалъ въ Швейцарію и молва о немъ затихла.

Общество *Vincent de Paul* преимущественно составлялось изъ женщинъ, которыхъ коноводы революціи хотѣли обратить въ орудія коммунистической пропаганды.

Изъ всѣхъ ревнителей польскаго мятежа 1831 г., только въ партіи клубистовъ находились люди, которые, демократическими идеями или увлекали другихъ или другими были увлекаемы; не входило въ расчетъ первыхъ, чтобы ихъ истинная мысль была проникнута. а еще менѣе были способны вторые понять сущность дѣла. Клубисты, главою которыхъ былъ *Лелевель*, переселись во Францію, составили общество, принявшее названіе демократическаго. Попавъ подъ опеку французскихъ революціонеровъ, эмиграція проникалась ихъ идеями и, какъ демократическое общество, въ уравненіи состояній, понимала соціальное развитіе: братство, равенство и свобода были ихъ принятымъ девизомъ.

Весьма понятно—что эмигранты, которыхъ большинство жило правительственными субсидіями и частными вспомошествованіями, мало по малу пропитывались этими, для нихъ весьма выгодными, теоріями, и общество демократическое, особенно поддерживаемое обществомъ молодой Европы, усиливалось числомъ членовъ, поглощая цѣлымъ образомъ маленькія образовавшіяся общества, стало наконецъ самое многочисленное, сдѣлалось цѣлою партіею и имѣло наибольшее значеніе. Общество имѣло свои засѣданія въ Поатсе и 17 (29) ноября, годовщину мятежа 1830 года. днемъ своихъ торжественныхъ собраній и изложенія актовъ. Хотя *Лелевель*, вынужденный оставить Францію, переселился въ Бельгію, но долго онъ оставался ея незримымъ главою. Изъ подъ его пера или вліянія вышло множество статей, вызывающихъ за симпатіями Европы къ полякамъ и особенно къ демократической пар-

тін емиграції, которую другіе эмигранты, ихъ противники, называли, школою общественной ненависти, общественной зависти и общественного наглаго деспотизма массъ, которая на край наслала тучу бѣдствій съ своими эмиссарами *Воловичемъ, Чернымъ Завишею и Конарскимъ*. Они подкрѣпляли свои доводы словами Талеярана, что «нѣтъ звѣря гаупфе польскаго якобинца.»

Общество *мирной демократіи* признавало за основаніе «права чловѣка», принятое французскою революціею 1789 г.; но избѣгая всякихъ насильственныхъ догматовъ соціального катехизиса, это общество, къ которому примкнули люди, искавшіе въ трудѣ и взаимной помощи разрѣшенія общественнаго благосостоянія, было не богато числомъ членовъ и пользовалось еще меньшимъ вліяніемъ.

Наконецъ создалось еще общество *соединенія* (звѣдоченя), которое хотѣло примирить даже два самые взаимно ненавидящіе лагеря—аристократическій и демократическій, или, какъ даже въ самой эмиграціи говорилось, *бѣлыхъ и красныхъ*: «Мы не хотимъ унижить шляхетство до простолюдиновъ, было лозунгомъ этого общества, но хотимъ народъ возвысить до шляхетства. Основателемъ этого общества былъ Викентій *Тышкевичъ*, братъ бывшаго подольскаго предводителя дворянства.

Различныя общества эмигрантовъ, съ цѣлью возстановленія Польши, сходясь въ существенной мысли того пути, которымъ они полагали достигнуть этого возстановленія и дальнѣйшаго характера жизни независимой Польши, образовали партіи *демократическую и клерикальную, или ультрамонтанскую*; кромѣ ихъ существовала еще третья, менѣе значительная числомъ членовъ, но значительная тѣмъ обаяніемъ, которое она имѣла на эмиграцію, вопреки всѣхъ усилій коноводовъ демократической партіи, и тою существенною поддержкою, которою она ловко умѣла притягивать къ себѣ демократовъ, хотя бы и чрезъ заднія двери Ламберовскаго отеля, это была партія князя *Чарторыйскаго*, такъ называемая *аристократическая, или дипломатическая*. Всѣ магнаты, ушедшіе въ эмиграцію, применили къ партіи *Чарторыйскаго*, равно и генералы *Дембинскій, Хржановскій* и *Бемъ*, бывшіе сенаторы, много депутатовъ сейма, много старыхъ офицеровъ бывшихъ польскихъ войскъ; много ярыхъ крикуновъ на засѣданіяхъ въ Поатье, въ то же время занескивали въ Парижѣ чести попасть въ салоны или въ обѣденную залу Ламберовскаго отеля, а болѣе немущіе заучали удобную минуту по-

дать умильную просьбу о помощи или ходатайствѣ. Увлеченія и духъ, которымъ хвастало большинство польскихъ эмигрантовъ давали явную многочисленность партіи демократической, но за то увлеченія доставляли партіи *Чарторыйскаго* много тайныхъ сторонниковъ.

Демократическая партія знала что въ средѣ ея скрывается много предателей, и она не скупилась нападками на Ламберовскій отель. «Четвертая генерація *Чарторыйскихъ* пишетъ Владиславъ *Мицкевичъ*, мѣтитъ въ королѣ Польши, они подъ словами: возстановленіе Польши понимаютъ только утвержденіе за ихъ династією польскаго престола. Не нося короны, Чарторыйскіе въ эмиграціи хотѣли разыгрывать Стюартовъ..» Что они хотѣли разыгрывать роль Стюартовъ это неоспоримо, но что они въ глазахъ поляковъ ее дѣйствительно и разыгрывали, неоспоримо тоже. Поляки пишутъ: *Чарторыйскіе* утверждали предъ европейскими кабинетами, что они одни и ихъ приверженцы имѣютъ вліяніе въ Польшѣ, а предъ поляками, что они одни имѣютъ ухо въ кабинетахъ.» На сколько кабинеты довѣряли *Чарторыйскимъ* рѣшить трудно; но что поляки туземцы тридцать лѣтъ сѣбно вѣрили дипломатическимъ нотамъ Ламберовскаго отеля, это не подлежитъ сомнѣнію. Князь *Адамъ* умѣлъ вести политическую интригу и располагалъ большими средствами поддерживать свое значеніе. Аристократическія польскія фамиліи, при обширныхъ связяхъ *Чарторыйскихъ*, родственныхъ и общественныхъ, увеличивали его доходы постоянными взносами. Сто тысячъ франковъ послалъ князь *Савьга*, на новоселье эмиграціи. Магнаты видѣли въ князѣ *Адамѣ* единственнаго кормчаго, который сѣмѣетъ причалить къ берегамъ прежней рѣчи посполитой, который сѣмѣетъ навести на Европу китайскую тѣнь существующей Польши, съ баншательнымъ дворомъ за 300 миль отъ Варшавы, съ политическими агентами и секретарями «d'un roi, qui n'est pas de ce bas monde», какъ выразился одинъ англійскій дипломатъ. Въ Ламберовскомъ отелѣ было три отдѣленія особенной канцеляріи, въ Парижѣ существовалъ центральный правительственный комитетъ, который долго не бунтовалъ явно только потому, что опасался публичнаго скандала, и который разсылалъ бумаги за нумерами и оффиціальными печатями, хотя эти бумаги чрезъ границы пол-Европы приходилось посланнымъ, съ лихорадкою въ сердцахъ, перевозить зашитыми въ подкладкахъ; благодаря князю *Чарторыйскому*, поляки имѣли въ Парижѣ свои ученые общества, свои учебныя заведенія, свои стипендіи. Обаянія было много для людей, не

искавшихъ сущности, а любившихъ и желавшихъ жить въ міръ фантазій.

При этой обстановкѣ Ламберовскаго отеля не только магнаты, но множество другихъ богатыхъ фамилій, корчившихъ магнатовъ, вносили себя въ списки ежегодныхъ данниковъ казначейства Ламберовскаго отеля, дабы Польша могла имѣть свою представительность предъ глазами Европы. Кромѣ того, для частныхъ затѣй, дѣлались весьма учтивыя, сильно-патріотическія приглашенія. Одинъ познанскій землевладѣлецъ, заразившійся расчетливостію у сосѣдей нѣмцевъ, простодушно, при разныхъ соображеніяхъ веденія сельскаго хозяйства, приводитъ что на долю патріотическихъ пожертвованій должно отнести $\frac{1}{10}$ изъ получаемого дохода; но эти доходы текли въ казначейство Ламберовскаго отеля и мало денегъ изъ края перепадало эмигрантамъ. При утвердившемся теченіи дѣлъ, до 500 франковъ въ годъ съ субсидіями и сборами приходилось бѣднѣйшимъ, но каждый демократъ, проповѣдывавшій гражданскія добродѣтели самопожертвованія, лишенія и уравниеніе состояній, лично для себя находилъ и приличныя, смягчающія обстоятельства, и злоба брала невольныхъ членовъ демократической партіи, что богатый путешественникъ изъ края, съ предупредительною улыбочкою вынималъ билетъ въ 1000 фр. въ пользу посѣщаемыхъ имъ польскихъ учреждений, и съ досадою искалъ на письменномъ столѣ монету въ 5 франковъ, чтобы скорѣе отдѣлаться отъ незваннаго посѣтителя, который, переступая порогъ номера парижскихъ гостиницъ рекомендовался словами: «нехъ бендзе похваіоны Іезусъ Христусъ.» Крупный акціонеръ обществъ желѣзныхъ дорогъ, *Чарторыйскій* выхлопоталъ то, что эмигранты по особымъ свидѣтельствамъ ѣздили за половинную цѣну, но за этими свидѣтельствами они должны были обращаться въ особую его канцелярію. На полученіе мѣстъ по найму не только при управленіяхъ желѣзныхъ дорогъ, но и въ другихъ правительственныхъ мѣстахъ, рекомендательныя письма *Чарторыйскаго* имѣли значеніе, а онъ не только являлся всегда привѣтливымъ хозяиномъ для этихъ гостей, но иногда и личнымъ ходатаемъ. При неожиданномъ бѣдствіи, эмигрантъ могъ всегда рассчитывать на вспомошествованіе изъ Ламберовскаго отеля, если и не щедрое, то не менѣе того дорогое, когда на чужбинѣ большого взять не гдѣ. При быстро охлаждавшемъ сочувствіи къ прибывшей эмиграціи, кошельки частной благотворительности перестали раскрываться, а призывы къ общественной, начали надобдѣть; наконецъ въ *Чарторыйскомъ* эми-

гранты видѣан самаго усерднаго и щедраго покровителя воспитанія ихъ дѣтей.

По одинокѣ притягивая эмигрантовъ, *Чарторыйскій* дѣйствовалъ и на всю эмиграцію вообще закупленными газетами и журналами. Въ его чертоги, въ среду высшаго европейскаго общества, попадающіе литераторы, за извѣстную плату, весьма благосклонно относились о полякахъ, почтительно вплетая въ свои статьи имя князя *Чарторыйскаго*; а что тщеславные охотники до наполеондоревъ, скованныхъ изъ польскихъ злотыхъ, и блюдолизы принадлежать всѣмъ націямъ, въ томъ еще недавно имѣлъ случай убѣдить насъ-происхожденія неизвѣстнаго, съ именемъ италіанскимъ, съ претензіями быть русскимъ и съ головою, преисполненною польскими тенденціями и польскими софизмами, Г. Шедо Феретти, авторъ панфлета «Que fera-t-on de la Pologne» панфлета изливающегося изъ варшавскихъ мечтаній и изъ творенія *Чарторыйскаго* *Exposé des affaires de la Pologne en décembre 1863*, и служащаго ему непосредственнымъ продолженіемъ.

Мохнацкій писалъ свою *Историю польской революціи 1830 г.*; если не подъ вліяніемъ, то при заискиваніяхъ *Чарторыйскаго*, князь *Адамъ* не пропускалъ ни одного случая заявить Европѣ и полякамъ, что въ его особѣ свѣтается лучезарная глава польской эмиграціи.

Первый, который думалъ вступить въ соперничество съ *Чарторыйскимъ*, былъ графъ Иванъ Ледуховскій. Хотя графъ Иванъ Ледуховскій въ числѣ своихъ предковъ считалъ двухъ палатиновъ и четырехъ кастелановъ, но многіе изъ соотечественниковъ опровергаютъ его право на графскій титулъ. Во время революціи онъ былъ выборнымъ отъ города Анджеіова и подполковникомъ въ войскахъ. Онъ былъ изъ шумливѣйшихъ членовъ сейма и любилъ жить бойко; на родинѣ онъ послѣдовательно прожилъ два огромныя имѣнія, за границею подрался съ *Яловицкимъ*, однимъ изъ основателей резюррекціонистовъ. *Чарторыйскій* любилъ угощать у себя промотавшагося графа, чтобы въ демократической партіи имѣть своего чоловічка. *Ледуховскій* въ партіи *Чарторыйскаго* хотѣлъ быть alter ego, какъ говорили эмигранты, но тамъ были свои люди и роль втораго князя *Адама* неоспоримо принадлежала его племяннику графу Владиславу *Замойскому*. Въ началѣ сороковыхъ годовъ *Ледуховскій* окончательно разошелся съ *Ламберовскимъ* отеломъ.

Старуха графиня *Малаховская*, урожденная *Сангушко*, не имѣя наслѣдниковъ, въ 1841 году, пріѣхала умирать въ Парижъ и, какъ

истая патріотка, хотѣла завѣщать эмиграціи 8 милліонѣвъ франковъ. Увивались около старой графини всѣ партіи, особенно *Чарторыйскіе* и резюррекціонистовъ, но графъ *Иванъ Ледуховскій* одержалъ верхъ и вѣдѣствіе духовнаго завѣщанія, оспариваемаго эмигрантами, выиграннымъ процессомъ 8 милліонѣвъ были ему отщитаны.

Съ новымъ состояніемъ разыгрались въ немъ новые планы—стать главою и руководителемъ демократической партіи, и подорвать вліяніе *Чарторыйскаго*. Въ помощь своей головѣ, онъ призвалъ генерала *Дверницкаго*, а помочь ему раззориться въ третій разъ, нашлось много охотниковъ. Генералъ *Дверницкій* былъ воякъ старыхъ временъ, нѣкогда лихой полковою командиръ, въ которомъ полкъ души не чужалъ, хоть онъ и прокучивалъ по временамъ казенныя деньги; за то въ минуты поворота счастья за карточнымъ столомъ, онъ дѣлался выгирьшемъ съ полкомъ,—офицеровъ и солдатъ угощалъ на славу. Старикомъ—эмигрантомъ, онъ все хотѣлъ разбогатѣть, и женился въ Парижѣ на дочери живописца Брока, спустивъ въ рулетку назначенное ей приданое. Графъ *Ледуховскій*, въ своей щедрой расточительности, на первыхъ порахъ своего новаго счастья, изъ наслѣдства *Малиховской*, подарилъ ему 200,000 франковъ. У *Дверницкаго* завелась уже тогда юная семья, и онъ жилъ на 300 франк. въ мѣсяцъ ему выплачиваемыхъ въ видѣ субсидіи французскимъ правительствомъ. Нежданное счастье измѣнило взгляды его на жизнь: онъ сталъ расчитавъ, провозился нѣсколько времени съ *Ледуховскимъ* и, предвидя плохой конецъ, купилъ имѣнье въ Галиціи и уѣхалъ туда съ семьею.

Ледуховскій роздалъ около миліона франковъ, болѣе или менѣе значительными кушамъ, знаменитѣйшимъ личностямъ демократической партіи, какъ дары отъ умершей графини *Малаховской*, за патріотическія ихъ заслуги. Слѣдствіемъ этихъ щедротъ было то, что многіе изъ вліятельнѣйшихъ демократовъ стали его усердными приверженцами, а за собою увлекали и другихъ; они не щадили похвалъ безкорыстію графа, который такъ честно исполнялъ ему одному объявленную волю покойницы.

Соперничая съ *Чарторыйскимъ*, онъ тоже возымѣлъ мысль завести польское учебное заведеніе, разомъ пожертвовалъ на это учрежденіе 200,000 франковъ и обратился ко всѣмъ источникамъ края, европейской благотворительности и эксплуатаціи прибивающихъ польскихъ путешественниковъ и, заведя сперва польское отдѣленіе близъ Парижа, основанное въ 1842 г. при частномъ пан-

сіонъ въ Шатильонъ на Сентъ, скоро перенесъ его въ самый Парижъ и преобразовалъ его въ самостоятельное учебное заведеніе, въ собственномъ помѣщеніи, на Батиньольскомъ бульварѣ, извѣстное подъ именемъ польской школы.

Ярлы поборникъ демократическихъ принциповъ и общаго уравненія, *Ледуховскій* получивъ новое состояніе купилъ въ окрестностяхъ Парижа великолѣпный замокъ Ириси и зажилъ по старому, польскимъ магнатомъ. Тамъ окруженный подобострастными демократами прихлебниками, *Ледуховскій* доказалъ надъ своими сторонниками, какъ съ прокламаціями безусловной свободы мнѣній можно согласить деспотическое угнетеніе свободы слова; держа 50 лошадей на конюшнѣ, онъ уравнивалъ сословія и состоянія, сажая кучера и выезднаго своего лакея на козлы экипажа, на которыхъ имъ также удобно и мягко было сидѣть какъ и ему самому въ каретѣ, онъ призывалъ ихъ обоихъ непосредственно за собою прилагать свои подписи въ постановленіяхъ демократическаго общества. Въ этихъ случаяхъ, онъ предъ своимъ именемъ не выставлялъ своего графскаго титула, на что обращалъ вниманіе своихъ собесѣдниковъ и указывалъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ полякъ долженъ кидать пыль въ глаза французамъ, сдѣлавъ знаменитой артисткѣ Рашель, за ея участіе въ представленіи въ пользу нуждающейся эмиграціи, подарки цѣною въ два раза превышавшіе самый сборъ. Въ Батиньольской школѣ онъ являлся величественнымъ учредителемъ и щедрымъ меценатомъ. На подобострастіе въ ней служащихъ отиѣчалъ онъ милостивыми привѣтами; на скачкахъ и народныхъ праздникахъ, онъ хотѣлъ удивить парижанъ, и онъ рикшетировалъ 5 франковиками по Сентъ и отъ множества самодурствъ раззорился въ конецъ, во время паденія Людовика Филиппа; вмѣстѣ съ его замкомъ Ириси рухнуло и его значеніе. Онъ переѣхалъ въ маленькую комнату, за которую съ небогатою содержательницею гостиницы не могъ даже расплачиваться; кончилось тѣмъ, что его имя вычеркнули изъ свѣта Батиньольской школы.

Когда изъ Брюсселя демократическою партіею управлялъ *Лелевель*, а въ Парижѣ съ ея поприща сходили *Ледуховскій* и *Дверницкій*, тогда ихъ мѣсто занялъ, сдѣлавшійся столь извѣстнымъ по неудачамъ польскимъ геніемъ революцій, *Людвигъ Мьрославскій*.

Въ чинѣ подпоручика польскихъ войскъ, онъ перешелъ въ 1831 году въ Галицію, кончилъ воспитаніе во Франціи, въ военной школѣ и въ 1836 заявилъ себя писателемъ. Прибывъ

въ Парижъ, онъ пріютился подъ крыло Ламберовскаго отеля и, продолжая труды Мохнацкаго, издалъ въ 1838 году на польскомъ языкѣ три книги о революціи 1831 года; но Ламберовскій отель скоро произнесъ надъ нимъ свой судъ, назвавъ *Мырославскаго* фантазеромъ и краснобаемъ.

Полякамъ, которые поставили себѣ за правило предъ лицомъ Европы всякій польскій талантъ прокричать невиданнымъ гениемъ, было достаточно бойкаго слога, нѣскольکو смѣлыхъ мыслей и удачныхъ новыхъ сужденій, чтобы прокричать *Мырославскаго* величайшимъ военно-политическимъ мыслителемъ. *Мырославскій*, въ которомъ, при громкихъ рукоплесканіяхъ соотечей, вскружилась голова и разыгрывалось честолюбіе, скоро увидѣлъ что онъ среди аристократической партіи, въ замѣнъ богатства, рода, связей и свѣтскости, можетъ принести только множество не сбыточно—дерзкихъ плановъ и никакою логикою неукротимую необузданность рѣчи. Замѣтя, что въ партіи Чарторыйскихъ ему предстонтъ только подвизаться на поприщѣ литературномъ, въ толпѣ людей, прямо или намекомъ прославляющихъ *Чарторыйскихъ*, онъ, подобно *Луи Блану*, изъ аристократическаго лагеря перекинулся въ діаметро противоположный и скоро составленное имъ общество изъ самыхъ крайнихъ демократовъ сдѣлалось извѣстно въ Версаи. Учредитель его, на зло Ламберовскому отелю, назвалъ это общество *сволочью* (шул). Этому обществу суждено было скоро повести за собою всю демократическую партію, а при успѣхахъ въ революціонныхъ интригахъ *Мырославскаго*, аристократическая партія повторяла, что никто лучше этого кондотьера не изучилъ значенія словъ Дантона, что для достиженія цѣли надо дерзости, дерзости и еще дерзости (*de l'audace, de l'audace et encore de l'audace*).

Когда всѣ революціонныя партіи увидѣли, что на долгое время нужно отложить новыя попытки къ возбужденіямъ успокоенной Европы, въ это время для эмиграціи возникъ вопросъ, къ чему послужатъ всѣ ихъ затѣи, когда перемретъ одна часть эмигрантовъ, состарится другая, и Польша, предоставленная сама себѣ, забудетъ о той ненависти, которую они поклялись вѣчно питать къ Россіи?

Не довольствуясь издаваемымъ съ 1 января 1838 года въ Парижѣ, на польскомъ языкѣ, журналомъ «Молодая Польша» эмиграція искала расширить кругъ своихъ органовъ. «Быстро съ каждымъ годомъ увеличивается число нашихъ умирающихъ эмигрантовъ, говорилъ Лелевель въ 1840 г; еще 26 лѣтъ считаль-

ческой жизни, оставшіеся въ живыхъ будутъ ли способны къ какому либо предпріятію, а въ эти 20 лѣтъ, съ послѣдовательнымъ уменьшеніемъ ревностныхъ патріотовъ, останутся на ногахъ болѣею частью люди, которыхъ въ дѣло могутъ быть употреблены руки, а не голова. Неужели предоставлять ойчизну самой себѣ, смотрѣть какъ она будетъ преобразовываться въ Москву, неужели вѣкъ повторять жестоку ю насмѣшку, что полякъ мудръ только послѣ бѣды? Мы опоздали съ хорошимъ управленіемъ, поздно начали дѣйствовать съ самоувѣренностью, опоздали съ заговорами, неужели намъ опоздать и съ дѣятельнѣйшею пропагандою? вмѣстѣ съ эмиграціею умрутъ сеймы, комитеты, конфедераціи, союзы и демократическія общества, вмѣстѣ съ эмиграціею исчезнетъ это трогательное изображеніе (?) судьбы Польши. Другіе народы возстановлялись прежними династіями, но мы лишены этой опоры потому, что законность престолонаслѣдія есть такая вещь, которую нельзя *поддѣлать*. Мы не можемъ рассчитывать на новое поколѣніе эмиграціи: оно, особенно послѣ смерти родителей, утратитъ привязанность къ событіямъ, коихъ не было свидѣтелями; что можетъ понуждать ихъ къ сокровенной дѣятельности?»

«Одно средство можетъ вполнѣ поддержать эмиграцію, это журналъ. Какая главная цѣль эмиграціи? пропаганда и укрѣпленіе въ обществѣ мнѣнія о самобытной Польшѣ. Всѣ акты политическіе и религіозные для заявленія своей жизни, должны имѣть свой органъ. Безъ журнала, идея есть мертвая буква. У насъ есть журналъ, но этотъ журналъ мы-эмигранты пишемъ только для самихъ себя; мы не должны никогда забывать всю важность для насъ общественнаго мнѣнія, а нашъ органъ читается весьма немногими. Если намъ удастся иногда о себѣ напомнить, то по чужой милости; физически и нравственно мы живемъ милостыню. Мы должны напоминать о себѣ ежедневно, ежедневно, изыскивать средства и умѣть напомнить объ себѣ при всякомъ обстоятельствѣ, сколько нибудь возбуждающемъ общественное вниманіе Европы, а не довольствоваться тѣмъ, что о насъ вспоминаютъ французскіе пазаты подавая адреса, да иногда шумные англійскіе митинги.»

«Всѣ мнѣнія, всѣ секты имѣютъ свои журналы, которыми зываютъ къ общественному мнѣнію, стараются расположить его въ свою пользу, а мы съ посохомъ стоимъ у дверей европейскаго ареопага и считаемъ себя счастливыми, когда упросимъ кого либо изъ судей напомнить объ насъ словечкомъ, а при нынѣшнихъ временахъ, мы не всегда можемъ и того добиться, развѣ только

если у нихъ нѣтъ своего собственнаго важнаго дѣла на очереди. Возникъ восточный вопросъ, хотъ бы кто нибудь однимъ словомъ упомянулъ о Польшѣ; политики рѣшаютъ дѣло о насъ безъ насъ, потому что у насъ нѣтъ стула въ журнальномъ ареопагѣ. Зачѣмъ, спросить, нуженъ теперь журналъ, когда эмиграція дѣлаетъ все, что ей возможно; безъ журнала еще можно обойтись лѣтъ 20. Но развѣ мы недостаточно уже прежде опаздывали? Мы въ 1791 году только подумали начать учиться благоустроенному управленію, когда его должно было уже имѣть; въ 1806 году ждали, какого рода помощь будетъ намъ отъ чужеземцевъ, когда нужно было самимъ немедленно приступить къ дѣйствию; въ 1830 году мы только начали изучать науку заговора массъ. Журналъ должно издавать на французскомъ языкѣ, чтобы его читали поляки и читала вся Европа; его должно издавать на суммы брала, потому что нужныхъ для того 600.000 франковъ эмиграція не можетъ удѣлать, получая отъ разныхъ правительствъ ежегодно всего 2½ милліона франковъ. Обратимся къ нашей аристократіи; если изъ числа туземцевъ нашихъ богатыхъ соотчичей найдется нѣсколько человекъ, которые внесутъ эту сумму, то это будетъ доказательствомъ, что наша аристократія богата не одними частными домашними добродѣтелями и что она исправилась. Если же аристократія откажется, то, дабы мы могли у всѣхъ и всегда ходатайствовать о польскомъ процессѣ, обратимся къ массамъ, требуя хотъ немного отъ каждаго.»

«Если заговоръ нѣсколькихъ сотъ юношей могъ быть сохраненъ нѣсколько лѣтъ въ тайнѣ, то неужели извѣстное число взрослыхъ подписчиковъ не сумѣетъ сохранить ее; а если спросить какъ пересылать подписныя деньги, отвѣтимъ „*черезъ перваго жида*.“ Можемъ сказать, погибнетъ народъ, который не подкрѣтитъ во время гаснущую эмиграцію,—погибнетъ народъ, который не вѣритъ въ силу общественнаго мнѣнія, и не имѣя меча, будетъ пренебрегать могучимъ звукомъ трубы пропаганды.»

Это посланіе изъ Брюсселя, которое приписываютъ *Лелевелю* и изъ котораго мы привели замѣчательнѣйшія мѣста, было выводомъ всѣхъ опасеній эмиграціи въ концѣ тридцатыхъ годовъ. Оно породило живые толки, какъ эмиграціи продолжать ожесточенную ненависть къ Россіи, за гробовою доскою послѣднихъ выходцевъ. Никто не оспаривалъ пользы польскаго журнала на французскомъ языкѣ, но всякій хотѣлъ эксплуатировать съ наибольшею для себя выгодною, слова *Лелевели*; продолжать эмиграцію, воспитыв-

вая ея молодое поколѣніе въ чисто польскомъ духѣ, было мнѣніе многихъ, которые обзавелись семьями, или къ которымъ семьи прибыли изъ края. Возможность поддерживать надежды на возстановленіе Польши династією—была мысль, которая улыбнулась и за которую ухватились *Чарторыйскіе*.

Лелевель самъ, по видимому, не замѣтилъ, какъ онъ много-знаменательно проговорился, высказавъ сожалѣніе—что династію *нѣтъ возможности поддѣлать*; такъ какъ династію поддѣлать было нельзя, то *Чарторыйскіе* приняли еще настоятельнѣйшія мѣры занять вакантное мѣсто развѣнчанной династии и приучить къ этой мысли соотчичей.

Учрежденіе *Батиньольской* школы *Ледуховскимъ* было первымъ слѣдствіемъ желанія продлить эмиграцію, и мысль эта до того понравилась полякамъ, что богатыя пожертвованія потекли изъ края, и число воспитанниковъ школы увеличилось до 300. Въ этомъ числѣ были и присланные для воспитанія изъ края юноши. Школа, послѣ покупки соседнихъ домовъ, получила обширное помѣщеніе, имѣла директора, инспектора, 30 профессоровъ, богатую библіотеку, имущества на 2½ милліона франковъ. Совѣтъ *Батиньольской* школы составляли бывшій 1831 года министръ *Бернацкій*, писатели *Мицкевичъ*, *Зальскій*, генералы *Дверницкій*, *Справскій*, *Хржановскій*. Школа велась чисто въ польскомъ духѣ; доbazательствомъ тому можетъ служить то, что однажды воспитанникъ, уговорившій другихъ кинуть составляемый противъ учителя заговоръ, подвергся наказанію отъ начальствующаго за то, что мѣшается не въ свое дѣло. Въ революціонную эпоху 1848 года преподаваніе почти остановилось; учителя и ученики въ классахъ большую часть класснаго времени проводили въ распѣваніи польскихъ революціонныхъ пѣсней.

Князь *Чарторыйскій*, съ устройствомъ *Батиньольской* школы, устроилъ другую такъ называемую *Монъ-Парнаескую*. Всѣ ученики, съ особенными успѣхами, кончивъ курсъ въ первоначальной, и слушая курсъ въ высшихъ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ Франціи, должны были пройти курсъ подъ вліяніемъ *Чарторыйскаго* и убѣдиться о его значеніи въ эмиграціи. Въ *Монъ-Парнаеской* школѣ они имѣли столъ, квартиру и особыя лекціи, направленные къ поддержанію въ нихъ полной польской національности.

Съ своей стороны княгиня *Чарторыйская* (урожденная *Салъга*, въ одной изъ пристроекъ своего огромнаго дома, отдала помѣщеніе и устроила женскій институтъ для воспитанія 60 до-

черей польскихъ эмигрантовъ, въ которомъ онѣ не только находили пріютъ и образованіе, но и по выходѣ изъ института оставались на попеченіи княгини, а бѣдныхъ дѣвицъ она пристроивала гувернантками въ богатыхъ польскихъ домахъ, или другими средствами устраивала ихъ будущую судьбу.

Семейными связями князь *Адамъ* хотѣлъ закрѣпить и поддержать блескъ своего дома; старшаго своего сына Витольда онъ хотѣлъ женить на герцогинѣ *Теба*, нынѣшней Императрицѣ французовъ, и отправилъ его на службу въ Испанію; но больной юноша ни въ чемъ не имѣлъ тамъ успѣха. Второй его сынъ *Владиславъ* женатъ на дочери испанской королевы Христины и—*Муносъ—герцогъ Ріансаресъ*. Дочь князя Адама вышла за мужъ за графа Ивана Дзялынскаго, сдѣлавшагося извѣстнымъ своимъ участіемъ въ заговорѣ послѣдняго мятежа.

Съ затишьемъ въ 1834 году въ Европѣ, послѣ бывшихъ мятежей, во время, такъ сказать, мирное для эмиграціи, вліяніе *Чарторыйскаго* росло, число приверженцевъ Ламберова отеля стало замѣтно умножаться; туда поляки являлись и съ визитами и на поклонъ, что вліяніе его становилось шире, можетъ служить доказательствомъ то, что воспитатели Батиньольской школы, которой основателями и дальнѣйшими руководителями были люди демократической партіи, кончили тѣмъ, что своихъ воспитанниковъ въ торжественные дни стали посылать съ поздравленіемъ въ Ламберовскій отель.

При своихъ династическихъ стремленіяхъ и особенно при вліяніи его племянника, честолюбиваго графа Владислава *Замойскаго* (въ 1831 года начальника штаба *Ромарино*) и брата его *Андрея*, князь *Адамъ* поддался, и уговоренный своими приверженцами, согласился тайно вѣнчаться польскимъ королемъ, къ великимъ насмѣшкамъ польскихъ ультрадемократовъ.

Въ память этого событія, графъ Владиславъ *Замойскій* заказалъ вычеканить медаль, а съ 10 декабря 1839 года началось изданіе польской газеты подъ заглавіемъ «3 мая»,—исключительный органъ Ламберовскаго отеля.

Конституцію 3 мая 1793 года *Чарторыйскіе* признаютъ своимъ произведеніемъ, якоремъ спасенія Польши, еслибъ она единодушно ее приняла и выполняла, и множествомъ позднѣйшихъ комментаріевъ изображаютъ ее верхомъ совершенства. Восточный вопросъ, приводившій въ столкновеніе европейскіе кабинеты, могъ окончиться войною, а какъ князь *Чарторыйскій* признавалъ возможность возстановленія Польши только съ помощью европей-

ской войны, то дабы, при воинственном настроеніи большой части эмиграціи ему не остаться на сторонѣ и привлечь къ себѣ болѣе эмигрантовъ, — журналъ, «3-го мая», въ первомъ своемъ появившемся номерѣ, начинать съ вопроса возстановленія Польши.

Такъ какъ журналъ «3 мая» имѣлъ большое вліяніе на революціонное настроеніе всѣхъ поляковъ, такъ какъ въ немъ формулированы организація и характеръ будущихъ ихъ возстаній, то для ближайшаго съ нимъ знакомства приводимъ изъ него нѣсколько выдержекъ, которыя ясно указываютъ направленіе журнала.

«3-е мая, есть названіе нашего журнала. Этотъ день, результатъ событій, начавшихся реформами *Чарторьскихъ*, и окончившихся знаменательнѣйшимъ польскимъ сеймомъ, который заключалъ собою эпоху республиканскаго избранія короля, беззаконной олигархіи пановъ, повсемѣстной анархіи шляхты, постыдной неволи народа и унижительной слабости государства. Смѣло принимаемъ мы 3 Мая за эмблему нашего изданія; потому, что журналъ этотъ будетъ говорить въ духѣ той новой эпохи, которая въ великомъ днѣ 3 мая, послѣ долгаго боренія съ предрассудками, самолюбіемъ, безмысліемъ и вѣншимъ вліяніемъ, на народномъ сеймѣ, въ постановленіяхъ, бывшихъ проявленіемъ просвѣщенной воли націи, выразилась: 1) возвращеніемъ и присвоеніемъ коронѣ принадлежащихъ ей вѣвѣ и привилегій, т. е. уваженія въ достоинствѣ, силы въ дѣйствованіи, незыблемости и независимости въ престолонаслѣдованіи; 2) уменьшеніемъ слишкомъ значительнаго вліянія несправедливой силы аристократіи; 3) распространеніемъ и на униженный классъ народа шляхетскаго права, впрочемъ значительно ограниченнаго, и тѣмъ самымъ 4) отворяющаго народу врата къ вольности. Такимъ образомъ 3 мая, какъ законъ имѣющій обязательную силу для польскаго народа, будетъ законною подпорою нашихъ политическихъ мнѣній.»

«При томъ 3 мая, начиная собою новую эпоху, былъ еще днемъ революцій, и ибо каждая новая эпоха начинается революціею. На нашу помянутую революцію стремительно напали: *старые республиканскіе элементы и чуждые интересы* пограничныхъ государствъ. Эти обѣ войны, народъ, состоящій изъ 20 милліоновъ, (??!) и опирающійся на браугольномъ камнѣ 3 мая, уже нѣсколько разъ выдерживалъ, и нынѣ вновь приготавливается къ новымъ битвамъ. Хотя до сихъ поръ эти войны имѣли печальное окончаніе, но съ теченіемъ времени народъ польскій все будетъ болѣе укрѣпляться и собирать си-

лы, ибо внутренний непріятель часъ-отъ-часу долженъ ослабѣвать, (?) а конституція 3-го Мая сильнѣе вкоренится въ духѣ поляковъ.

Первая война произведенная революціею 3-го Мая была самая слабая, потому что элементы старой республики грозно проявились въ торговичкой конфедераціи, потому что мы искали и надѣялись на помощь Пруссіи, и наконецъ, потому что конституція 3-го мая сдѣлала великую ошибку, представивъ корону польскую иноземному царственному дому.

Другая война—Косцюшшинская—была разительнѣе и сильнѣе потому, что приверженцамъ стараго правленія не дозволили сопротивляться общему желанію; не искали иноземной помощи, хотя и ошибочно вѣрили въ добросовѣстный неутраитетъ непріятелей, особенно же потому, что народное возстаніе, отчасти выполнило конституцію 3 мая, сосредоточивъ власть въ лицѣ диктатора.

Третья война, которую произвело ноябрьское возстаніе, была еще упорнѣе и сильнѣе. Причины тому нужно искать въ долгомъ практическомъ испытаніи польскимъ народомъ пользы постановленій, мало отличающихся отъ конституціи 3-го мая, въ народѣ развилась идея монархизма, а въ массахъ поляковъ проявилась великая склонность къ порядку и послушанію. Одного только условія не доставало для обезпеченія, для полнаго успѣха революціи 3-го мая, именно: прекращенія внутреннихъ дразгъ, соединенія во едино всѣхъ силъ народа такъ, чтобы цѣлыя ихъ массы ринулись на внѣшнихъ непріятелей. Для полученія этихъ результатовъ нуженъ былъ видимый король, король воплощенный, живой, съ короною храбраго Сигизмунда на головѣ, король, который не входилъ бы и не могъ бы входить ни въ какіе переговоры съ врагами касательно ихъ притязаній на Польшу; король, который одинаково властвовалъ бы въ Вильнѣ, въ Кіевѣ, (??!!) въ Львовѣ и въ Познани (!?!), какъ и въ Варшавѣ, который бы немедленно двинулъ войска къ предѣламъ древнихъ своихъ достояній въ Литвѣ, Россіи и Пруссіи, завоеванныхъ непріятелями, который остался бы королемъ и по паденіи Варшавы, съ одинаковою властью передъ рядами регулярной арміи и передъ полчищами новобранцевъ; однимъ словомъ: который былъ бы королемъ и въ городахъ, и въ горахъ, и въ лѣсахъ. Этого то послѣдняго условія не доставало послѣднему возстанію; потому что ошибка конституціи 3 мая еще не была исправлена въ понятіяхъ

самого народа, и онъ не хотѣлъ узнать челоуѣка, находящагося среди сыновъ Польши, котораго самое Провидѣніе предназначало въ короли, за услуги трехъ поколѣній его предковъ.

Нынѣ насъ ожидаетъ еще одна, война исполинская, послѣдняя! Всѣ силы нашего народа, соединенныя подъ одною хоругвею, получившія правильную организацію чрезъ введеніе вышеупоминаемаго пункта конституціи 3 Мая, т. е. монархическихъ формъ правленія, выступать на смертный бой. Тогда-то демократическая монархія, Польша, съ видимымъ королемъ во главѣ, со всѣми средствами своихъ сыновъ, вступитъ въ рѣшительную сѣчу, для рѣшенія вопроса: быть или не быть.

Журналъ нашъ будетъ имѣть слѣдующія четыре цѣли:

1) Основываясь на конституціи 3 мая, онъ будетъ защищать монархическія формы правленія, въ духъ демократической наклонности народа и будетъ поддерживать необходимость отечественной династіи, и развивать вопросъ о классахъ народа, угнетенныхъ бывшимъ республиканскимъ хаосомъ.

2) Усматривая въ фамиліи князей Чарторыйскихъ, прославившейся дѣяніями трехъ поколѣній своихъ членовъ, Богомъ предназначенную, королевскую польскую династію, — мы предполагаемъ торжественно поддерживать мысль объ избраніи на тронъ этого рода, тѣмъ болѣе, что таковое избраніе одно лишь можетъ обезпечить успѣхъ возстанія.

3) Конституція 3 мая, этотъ краеугольный камень общественной жизни польскаго народа, основываясь на важности вліянія, какое религія имѣетъ на челоуѣчество и признавая то священное и великое предназначеніе, какое народъ нашъ имѣетъ въ судьбахъ католической церкви, — освятила и упрочила ея права. А потому мы, соболѣзнуя о бѣдствіяхъ понесенныхъ нашею церковью въ години политическихъ несчастій нашихъ, тѣмъ усерднѣе, тѣмъ пламеннѣе займемся состояніемъ вселенскаго (!) костела, потрясеннаго въ нашемъ отечествѣ.

4) На землѣ нѣтъ духа безъ материн, нѣтъ души безъ тѣла. Такъ пусть же въ болѣзняхъ и въ крови Польша возродится отъ Польши. Прошло время упованій на помощь чужеземцевъ: желѣзо есть въ нѣдрахъ нашей земли, кровь кипитъ у насъ въ жилахъ: народное возстаніе—одна наша надежда".

За тѣмъ журналъ издалъ длинный трактатъ о народномъ возстаніи и системѣ веденія партизанской войны, изъ котораго тоже возьмемъ нѣсколько выдержекъ.

«Многіе предполагаютъ, что для возстановленія Польши должно только удалиться изъ отечества, и съ нетерпѣніемъ ожидать

покуда обстоятельства, съ помощію вліянія кабинетовъ или народовъ, довершать остальное. Мы же, которые желаемъ безусловнаго возстановленія Польши, возстановленія безъ чуждой помощи, мы хотимъ народнаго возстанія и, усматривая, что одни только монархическія формы могутъ подвигнуть массы народа, общая ему лучшую будущность, мы подтверждаемъ, что знаменемъ будущей войны необходимо должна быть отечественная династія королей въ лицѣ князя *Адама Чарторыйскаго*.

2) Надобно сначала составить партизанскія партіи, а потомъ производить нечаянныя нападенія.

3) *Королевство прусское*, относительно силы своей въ покоренной части Польши, превосходитъ тѣ части, которыя принадлежатъ отдѣльно Россіи и Австріи, ибо нѣны польскія провинціи значительно оцѣмечались.

4) *Что касается до положенія Австріи* въ покоренныхъ ею польскихъ провинціяхъ, то, съ перваго изгяда можно убѣдиться въ его шаткости и въ удобности, съ какою поляки могутъ изгнать своихъ притѣснителей. Въ Галиціи австрійцы не имѣютъ ни крѣпостей, ни магазиновъ, ни арсеналовъ.

5) Относительно русскихъ войскъ, въ покоренныхъ ихъ оружіемъ областяхъ польскихъ, принимая въ разсужденіе, что русскія войска находятся тамъ, какъ въ завоеванномъ краѣ, и въ случаѣ возстанія, могутъ получать помощь только изъ внутренности Имперіи, очевидно первымъ основаніемъ дѣйствій (базисомъ) этихъ войскъ будетъ р. Днѣпръ.

6) Нужно обратить вниманіе на пункты особенно важныя, какъ узлы сообщеній, столь замѣчательныхъ въ этой странѣ безпрерывныхъ дифелеевъ, а именно: на сѣверъ отъ Полѣся: Шавли, Вильну, Докшицы, Витебскъ, Минскъ, Несвижъ, Слонимъ и Пинскъ. Къ югу и западу отъ Полѣся мѣстность открытѣе, страна населеннѣе, дорогъ болѣе, а потому въ стратегическомъ отношеніи онѣ менѣе замѣчательны, и важнѣйшими тамъ пунктами суть мѣста непріятельскихъ складовъ и центры администраціи, каковы къ югу отъ Полѣся: Житомиръ, Брацлавъ, Каменецъ-Подольскій, Меджибожъ, Староконстантиновъ, Острогъ и Дубно, а на западѣ Серадзъ, Коло и Ленчица.

7) Военныя средства, кои русская армія нынѣ получаетъ изъ польскихъ областей, должны прекратиться, при началѣ народной войны, когда начальники возстанія будутъ съ жителями поступать строже, нежели самый непріятель.

8) Всѣ правила народной войны можно выразить слѣдующи-

ми немногими словами: не должно вступать въ правильныя сраженія большими массами, ибо чѣмъ многочисленнѣе народныя дружины, тѣмъ болѣе успѣхъ сраженій подчиняется условіямъ тактики и, слѣдовательно, регулярныя войска всегда болѣе имѣютъ вѣроятности въ одержаніи побѣды, а потому должно стремиться къ возможному истребленію отдѣльных отрядовъ и одиночныхъ людей. Это великое правило, кромѣ преимуществъ въ военномъ отношеніи, имѣетъ еще важнѣйшія въ политическомъ смыслѣ: оно придаетъ народной войнѣ свойственный ей кровавый характеръ.

9) Въ войнахъ за угнетенную независимость всѣ средства хороши, если онѣ ведутъ къ цѣли.—Генераль Хржановскій въ важномъ своемъ сочиненіи «О войнѣ партизанской», между многочисленными примѣрами, заимствованными изъ исторіи приводитъ слѣдующій:» На мызу Грошенъ пришелъ взводъ русской пѣхоты; владѣлецъ мызы Томасъ, нѣкогда служившій въ арміи, принялъ ихъ радушно и, помѣстивъ на ночлегъ въ одной обширной комнатѣ, накормилъ, напоилъ, и когда русскіе улеглись спать, то поставилъ въ комнату нѣсколько черепковъ съ зажевною сѣрою. Удушливые пары умертвили всѣхъ до одного. Тѣла были скрыты въ лѣсу, и оружіе припрятано»

10) Въ провинціяхъ покоренныхъ Пруссіею, партизанская война одолѣть непріятеля не можетъ. Въ этихъ провинціяхъ вся надежда должна быть полагаема на ландверовъ; эти многочисленные и пламенные сыны Польши безъ сомнѣнія при первомъ случаѣ станутъ подъ знамена народнаго возстанія, недожидая покуда новая іенская битва потрясетъ основанія монархіи Гогенцоллеровъ.

11) Всѣ члены эмиграціи почти единогласно согласились въ томъ, что Польша сама собою возстать не можетъ, и дѣло, въ теченіи 3 лѣтъ, идетъ единственно о вопросѣ: кому она будетъ одолжена своимъ возрожденіемъ? Одни увѣряютъ, что революція народовъ должна спасти погибшую нашу независимость; другіе, напротивъ, ожидаютъ этого результата отъ политики европейскихъ кабинетовъ. Но, въ послѣднія минуты своей жизни, безсмертный *Мохнацкій*, огненнымъ перомъ разилъ мнѣнія двухъ партій нашихъ эмигрантовъ, той, которая называлась «демократическою» и другой, которой дали имя «дипломатической». Изъ глубины растерзанной души этого великаго патріота, вырвались слѣдующія слова, полныя вѣры и надежды, послѣднія вѣнчики его генія: «такъ какъ въ Польшѣ

жизнь еще несовсѣмъ угасла и великій духъ любви къ отечеству еще оживляетъ эту страну славы (?) и терпѣнія, то цѣлая Польша *можетъ и должна возстать сама собою.*“

Эту высокую мысль впервые пустило въ свѣтъ сочиненіе: «Страна и эмиграція», изданное въ 1835 году, а нашъ «третій мая» наслѣдовавъ, по великомъ публицистѣ, идею о народномъ возстаніи, о власти инсurreкціи, о королѣ польскомъ, — вооруженный ею, смѣло выступилъ на попріище своего служенія. Уже большая часть эмигрантовъ, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, кои не лишились надлежащей бодрости, вѣрують въ послѣднія слова *Мохнацкаго*, а между молодежью только и разговора, что о возстаніи, о надеждѣ на собственныя силы народа, и о кровавыхъ побойщахъ среди степей, горъ и вѣковыхъ лѣсовъ родимой Польши. Уже близка минута этой тяжелой борьбы; вѣщая кровь не даромъ такъ сильно закипѣла въ жилахъ нашихъ, и у тѣхъ, намъ близкихъ, юношей, кои въ годину горькаго скитанія нашего, успѣли уже подрости на родимомъ пепелищѣ. Но, возблагодаримъ Провидѣніе, за то, что оно сію великую идею произвело отъ чистаго источника! Напрасно наши молокососы теоретики, эти *vitium демократической республики*, стараются присвоить себѣ такое вдохновеніе! Великій Мохнацкій сказалъ сію великую истину! Это его достояніе!

Безсмыслиныя всякій проповѣдующій о спасеніи Польши чрезъ революцію народовъ, не имѣлъ въ виду чувства самосохраненія; но отъ такой индивидуальной жажды войны, еще далеко до систематическаго убѣжденія въ достаточности средствъ нашего народа къ собственному освобожденію. Развѣтіемъ этого-то убѣжденія мы и обязаны *Мохнацкому*. Сочиненіе: «Страна и эмиграція», какъ выше было сказано, первое огласило его народу, а «третье мая» трудилось и трудится потому же самому направленію.

12) Нашъ *Мохнацкій*, этотъ ясный и глубокий умъ, сказалъ предъ ноябрьскою революціею: «ежели вы до начала возстанія не изберете власти, то я не стану ни во что мѣшаться, спокойно закурю трубку, и буду смотрѣть, какъ на другой день васъ будутъ вѣшать»

Такимъ образомъ каждое индивидуальное, частное возстаніе, безъ власти, подкрѣпляющей послушаніемъ цѣлой массы народа, будетъ *лишь простымъ бунтомъ*; его легко смирять, и онъ повлечетъ за собою одни бѣдствія; ибо противорѣчитъ разомъ и правиламъ мудрой политики, и постановленіямъ церкви, ко-

торая всегда служить основою зданіи христіанскихъ обществъ. А потому мы здѣсь скажемъ, что каждый полякъ, тогда только можетъ дѣятельно, съ оружіемъ въ рукахъ, дѣйствовать противъ нашихъ враговъ, когда ему это разрѣшить власть, происходящая или отъ наслѣдственнаго права, или по силѣ обстоительствъ, или по Божію указанію, или наконецъ по знаменательному положенію какой либо фамиліи въ средѣ нашего народа. Только эта власть въ правѣ взять на свою отвѣтственность неиспроверженіе настоящаго положенія дѣлъ; она только одна можетъ построить зданіе нашей народности на развалинахъ общественности противунаціональной. Затѣмъ всѣ проявленія, или честолюбія, или отчаянія, и даже самой патріотической нетерпѣливости, незаконны въ основаніяхъ, бѣдственны по послѣдствіямъ, противо-общественны, противо-христіански, неблагоразумны. Самопожертвованіе, мученичество и смерть, конечно, могутъ снискать имъ помилованіе за грѣхъ; но объяснить и оправдать его никогда не могутъ. Имена Завиши и Конарскаго, какъ поэтическія воспоминанія, на вѣки вѣковъ пребудутъ исполненнымъ мѣриломъ и бѣдствій нашего народа, и усилій его духа. Эти мученики чисты отъ злыхъ навѣтовъ, но и ихъ подвигъ не потрясетъ нашихъ основаній. Въ самомъ дѣлѣ, и ихъ героическій конецъ, и кровь товарищей, увлеченныхъ ими передъ судилища москалей, не доказываютъ ли ясно истину всего сказаннаго нами?

13) Два правила должны вкорениться въ умахъ нашихъ соотечественниковъ: 1) обязанность каждаго быть готовымъ къ возстанію; 2) обязанность повиноваться власти, управляющей духомъ народа, и ничего, безъ ея приказанія, не принимать.

Въ какомъ бы отношеніи мы ни стали разсматривать настоящее наше положеніе, какую бы мы ни тронули сторону народнаго чувства, всюду мы увидимъ потребность скораго возстанія. Выгоды, внутренняя сила, честь, самая вѣра, все вопіетъ: возстаньте! къ оружію!

Что касается до выгодъ возстанія, то онѣ очевидны.—Непріятель насъ раззоряетъ, истребляетъ, силится переродить.

14) Кто не захочетъ теперь выступить съ оружіемъ на непріятеля, тотъ уподоблялся бы животному, упорствующему выдти изъ стойла, объятаго пламенемъ. *Внутренней силы мы имѣемъ достаточно: 320000 поляковъ комплектуютъ ряды нашихъ враговъ; у насъ гумны полны хлѣбомъ; поля*

плодоносны; желѣзо есть въ нѣдрахъ нашей земли, а огнестрѣльное оружіе развѣ мы не можемъ исторгнуть изъ рукъ москалей и нѣмцевъ?

Но въ нравственномъ отношеніи представляется еще болѣе причинъ, побуждающихъ насъ къ возстанію. Мы уже истомили свѣтъ нашими бѣдствіями; высокое (?!) мужество наше возродило симпатію великихъ народовъ; а долготерпѣніе и плаксивое усыпленіе въ неволѣ уничтожатъ эту симпатію. Усилія послѣдней брани за независимость, снискали намъ уваженіе Европы, (?) и, прежде нежели послѣднее эхо ея можетъ замолкнуть, Польша вновь загремитъ, потрясетъ усыпающую Европу, иначе бѣда намъ! Лавры столькихъ вѣковъ завянутъ, ежели ихъ не вспрыснутъ свѣжею кровію; проклятіе народное поразитъ того, кто мало заботится объ этомъ сокровищѣ. Да и, наконецъ, долго ли намъ скитаться по свѣту, съ чужими паспортами, инкогнито, подъ именемъ пруссаковъ, австрійцевъ, москалей? Долго ли не имѣть пріюта, ни у себя на родимомъ пепелищѣ, ни у чужестранцевъ, не смѣть привлечь на землю для минутнаго отдохновенія?

15) Готовность къ возстанію,—но не одна сердечная готовность, на которую у насъ никогда не было недостатка, а благо-разумная готовность! Деньги въ ящикъ! Не сорить ими, не употреблять на пустыя увеселенія, изъ угожденія нашему врагу: ибо кто нынѣ расточаетъ свои доходы, тотъ крадетъ у народной казны. Когда отечество въ неволѣ, тогда у сыновъ его нѣтъ ни собственности, нѣтъ увеселеній, все принадлежитъ страдающей матери. Ежели ни какіе частные заговоры, ни чье личное хотѣніе не въ состояніи, не могутъ и не должны брать на свою отвѣтственность жребія нашего отечества, то тѣмъ рѣшительнѣе каждый полякъ обязанъ возложить свои упованія на власть, коей долженъ повиноваться: она будетъ знать, когда и какимъ образомъ изречи великое слово возстанія! Въмѣсто несчастнаго шептаній съ эммисарами, такъ щедро и такъ бесполезно проливающимися свою и своихъ товарищей кровь, каждый благомыслящій полякъ долженъ относится туда, гдѣ въ явѣ, предъ лицомъ Польши и Европы, находится королевская власть, учрежденная не вчера, не нынѣ, а давнымъ давно, не случаємъ, а ходомъ времени, заслугами трехъ поколѣній, и правилами посвященными ими въ душахъ цѣлаго народа.

Повиновеніе власти и совершенное посвященіе себя дѣлу оте-

чества, т. е. король и возстаніе, должны быть отсела вѣрою и эмблемою всякаго истиннаго поляка.

16) *Повторяемъ: для всѣхъ насъ теперь, всегда и всюду, двѣ главныя обязанности—готовиться къ возстанію и повиноваться власти*; изъ нихъ проистекаютъ всѣ частности, содержащія кодексъ правилъ, долженствующій руководить вѣрнаго сына отечества.

Эти двѣ идеи должны умѣрять горячее усердіе однихъ, быть ручательствомъ въ успѣхѣ для хладнокровной разсудительности другихъ и единственною стихіею, матеріею для занятій, предпріятій и усилій всѣхъ насъ безъ исключенія. Въ самомъ дѣлѣ, и по положенію нашему и по природѣ человѣческаго сердца, есть два рода патріотизма въ нашемъ народѣ: въ одномъ господствуетъ энтузіазмъ; въ другомъ разсудительность беретъ верхъ, и оба нынѣ равно безпокойны, бесплодны и лишены возможности дѣйствовать съ успѣхомъ. Оба равно ошибаются—и тотъ кто кипитъ жаждою мщенія, готовъ тотчасъ лѣтъ въ сѣчу, думаетъ только о возстаніи, а не о средствахъ упрочить успѣхъ возстанію, кто желаетъ только битвы, а не расчитываетъ какъ бы выбиться изъ яра,—равномѣрно и тотъ, кто рѣшительно опасается всякаго новаго возстанія. Для нихъ обоихъ необходимо совершенное уразумѣніе двухъ вышеприведенныхъ идей: оно направитъ ихъ силы, успокоитъ духъ, покажавъ и цѣль, и средства, и ручательства успѣха будущаго возстанія.

Приготовленіе къ возстанію заключается въ трехъ предметахъ: 1) готовность нравственная, 2) готовность матеріальная, состоящая въ собираніи денежныхъ средствъ и распространеніи надлежащаго направленія умовъ, *но отнюдь не посредствомъ заговоровъ, кои только бесполезно подвергаютъ опасности*, а поддержаніемъ надлежащаго патріотизма въ равныхъ и дружескимъ обращеніемъ съ подвластными; и 3) готовность, основанная на признаваніи власти и на послушаніи къ ней, къ той власти, въ рукахъ коей находится тайна возстанія и освобожденія, которая должна быть и есть, какъ мы уже сказали, уздою для усердныхъ, ручательствомъ для благоразумныхъ, и фактомъ для всѣхъ.

Повиновеніе сей высшей власти не заключается въ непосредственномъ сношеніи съ нею, а въ немедленной готовности, по полученіи повелѣній, къ бунту. Нужно только, чтобы каждый признавалъ ее въ сердцѣ и вѣрилъ, что она существуетъ, мыслить и подвизаться.

16) Признавай короля и будь готовъ, а когда придетъ благоприятная минута, вѣрь, что сдѣлаешь все, что нужно. Вотъ это наше правило мы представляемъ въ глаза тѣмъ, кои, говоря о насъ, напечатали слѣдующее: «факція неизвѣстная по своимъ правиламъ, ни по числу своихъ членовъ, собирающаяся не подъ знаменемъ идеи, а у ногъ какого-то лица.» Что касается до нашихъ правилъ, онѣ извѣстны; а изъ нихъ главные суть: *король* и *народное возстаніе*; что же касается числа нашихъ членовъ, то положимъ, что оно не извѣстно; ибо мы не считаемъ ихъ *поштучно*, не сообщаемъ подписокъ, а говоримъ цѣлому народу. Пусть наступитъ часъ борьбы, и тогда мы не станемъ исчислять нашихъ; весь народъ польскій будетъ нашимъ.

17) Державы, кои будутъ поздравлять Польшу съ освобожденіемъ, поздравятъ ея начальника какъ короля, а тѣ, кои станутъ защищать свои незаконныя права, необходимо должны будутъ сражаться съ нимъ какъ съ королемъ польскимъ.

18) Безъ сомнѣнія, каждый полякъ, даже и тотъ, кто всѣ надежды свои возлагаетъ на помощь иноземцевъ, долженъ согласиться, что въ случаѣ войны за нашу независимость внѣ предѣловъ нашего отечества, для окончательнаго освобожденія его, необходимо народное возстаніе; равномерно онъ долженъ будетъ согласиться, что чѣмъ важнѣе будутъ успѣхи сего послѣдняго, тѣмъ усерднѣе станутъ помогать намъ европейскіе пріятели; а потому очевиднымъ дѣлается, что всѣ усилія каждаго вѣрнаго поляка, въ настоящее время должны клониться къ пріуготовленію себя и своихъ для дѣйствованія въ будущемъ возстаніи. Нынѣ отечество требуетъ только этого условія отъ своихъ сыновъ; кто не думаетъ объ этомъ, тотъ не выполняетъ святѣйшаго своего долга. Готовьтесь, «ибо не вѣсте ни дня ни часа», ибо не знаете минуты, когда Господь спуститъ десницу, и покинеть бразды войнъ народовъ! (??).

Съ другой стороны, признавайте власть короля, и, слушая гласъ его, умѣряйте ваши порывы. Онъ знаетъ, когда подать знакъ!!!

19) Вѣроятно, старые республиканскіе элементы еще несовершенно истреблены въ сердцахъ нашихъ; еще насъ мучатъ непрерывныя подозрѣнія, и мы не можемъ освободиться отъ желанія гибельной опеки *частныхъ выгодъ* надъ общою пользою. Въ государствахъ, гдѣ вполне развиты административныя идеи, министръ иностранныхъ дѣлъ однимъ словомъ «не скажу» замыкаетъ уста любопытныхъ депутатовъ. Въ Англіи, напримѣръ,

всякій убѣжденъ, что завѣдываніе заграничными сношеніями требуетъ секрета, который вполнѣ вѣряется лицамъ находящимся у кормила правленія: тамъ всякій знаетъ, что бываютъ случаи, когда и правительство самаго могущественнаго народа, принуждается дѣйствовать съ величайшею скрытностію. Правительство отдаетъ отчетъ народу послѣ совершеннаго окончанія дѣла, а до тѣхъ поръ ни народъ, ни депутаты его, а тѣмъ болѣе никто изъ частныхъ лицъ, не имѣютъ права, и никогда не рѣшаются мѣшаться въ распоряженія министровъ.

Ежели сильныя націи слѣдуютъ этому правилу, то что должно сказать о насъ, кои только украдкою можемъ пробираться въ ареопагъ, рѣшающій судьбы Европы? Намъ должно отдать въ полное распоряженіе власти все дѣла, вѣдѣнію ея подлежащія.

20) Князь *Адамъ*, въ послѣдней рѣчи своей сказалъ, что онъ желалъ чтобы слово «возстаніе» было написано на всѣхъ хижинахъ и дворцахъ; а мы къ этому прибавимъ: и послушаніе ему, какъ королю нашему. Король и возстаніе составляютъ всю загадку нынѣшней политики, а будущія судьбы Богъ держитъ въ своей десницѣ. Нынѣ достаточно имѣть только непрерывную мысль о королѣ и возстаніи: о возстаніи мысль—дѣятельную, о королѣ—страдательную, т. е. способную произвестъ послушаніе и самоотверженіе въ минуту надобности; а до тѣхъ поръ ограничивающуюся однимъ ожиданіемъ. Король не начнетъ дѣла безразсудно, онъ даже не станетъ бесполезно говорить съ своимъ народомъ; онъ желаетъ единственно, чтобы народъ зналъ своего короля и былъ готовъ, а сносится будетъ съ тѣми лишь особами, съ коими надлежитъ. Простой поселянинъ, который вѣритъ, что мы имѣемъ короля, несравненно умнѣ всѣхъ нашихъ напыщенныхъ философовъ—самоучекъ. Французскій король, спасшійся съ поля сраженія, одинъ безъ всякой свиты, постучалъ у воротъ замка, и на вопросъ, кто пришелъ? воскликнулъ: «счастіе Франція!!!»

21) Знаменитый Оконель произнесъ къ своимъ соотечественникамъ рѣчь, въ которой убѣждая ихъ на денежную складку, называлъ деньги главнымъ *первомъ войны* и принималъ добровольныя пожертвованія за мѣру усердія каждаго, за мѣру дѣятельной готовности, за истинный и выразительный знакъ патріотизма.

22) Ежели бѣдная Ирландія, которая ни народонаселеніемъ, ни богатствомъ, ни историческими воспоминаніями, ни славою, ни вышнимъ предназначеніемъ (хотя она имѣетъ свое, и весьма

значительное) не может равняться съ нашимъ отечествомъ; ежели Ирландія, которой знаменитѣйшія фамиліи, или переродились въ англичанъ, или происходятъ изъ Англіи, будетъ въ состояніи собрать трудовыя копѣйки, для образованія народнаго капитала; то чего не можетъ сдѣлать Польша? только пожертвованія могутъ устранишь тѣхъ вельможныхъ потомковъ древнихъ гетмановъ и сановниковъ, коихъ имѣнія покрываютъ половину королевства? Каждая такая фамилія возвысилась заслугами своихъ предковъ.

23) Довольно, кажется, мы подчиняли себя вѣжливостію и complimentами, скажемъ же хоть разъ правду. Не болтать и фанфоронить должно; всѣ эти выходки, фанфоронады безплодны, напротивъ надобно думать, какъ бы вліяніемъ, деньгами и всегдашнею готовностію, способствовать успѣху нашего предпріятія. Съѣсть на коня всякій съумѣетъ, но всякій ли будетъ въ состояніи дѣйствовать такъ, какъ должно? Ежели ты искренній, истинный и усердный патріотъ, такъ употребляй всѣ имѣющіяся у тебя средства; ибо за каждое изъ нихъ, какъ казначей за всякую копѣйку дашь отчетъ Богу и отечеству.

24) Воскликнемъ къ *католикамъ*: къ оружію! *Еретики* (?) вяжутъ вашихъ епископовъ и оскверняютъ костелы (!) *Къ Шляхтѣ*: къ оружію! теперь вы ниже нѣмецкаго холопа! *Къ аристократамъ*: къ оружію! на васъ станутъ возить воду, и бить васъ палками! Съ тѣми же словами мы обращаемся и къ ремесленникамъ, приводимымъ русскими на одну степень съ жидами, и, къ нѣжнымъ полякамъ: ахъ! вы хлопочете о вашихъ дѣтихъ, а вѣдь изъ нихъ со временемъ будутъ московскіе солдаты.

Съ намѣреніемъ бросаемъ соль на раны народа; пусть грызетъ живое мясо; жаримъ подошвы, пусть проснется изъ гибельной летаргій. Народъ хочетъ войны, мы хотимъ, чтобъ онъ исполнилъ свою волю. Знаемъ волю, жаждемъ дѣла.

25) Мы полагаемъ, что пренебрегать разнѣчными соображеніями интересовъ Европы, и не стараться войти съ ними въ общеніе, было бы верхомъ неблагоразумія;—выгоды нашего отечества требуютъ его включенія въ общую систему политики, какимъ бы то ни было образомъ, помощію ли войны, мира, какого либо отдѣльнаго трактата, или наконецъ нарушенія онаго; въ этомъ мы несходствуемъ съ образомъ мыслей отчаянныхъ студентовъ, вопіющихъ противу всякихъ сношеній съ существующими правительствами.

26) Тенерь, когда несогласія европейских государств, по поводу восточныхъ дѣлъ, угрожаютъ близкою войною, мы спрашиваемъ какъ можетъ она застать нашу родину? Готовую, по первому знаку, взяться за оружіе, мгновенно воспрянуть отъ Познани до Кіева. Все это такъ; но развѣ не была уже Польша въ подобномъ состояніи при Наполеонѣ? Да, еще болѣе, не имѣла ли она тогда своей арміи, своей казны, своихъ знаменъ? И что же она совсѣмъ тѣмъ получила? Почему, играя видную роль въ каждой битвѣ, не отмежевала себѣ упоминанія ни въ одномъ трактатѣ? Потому, повторяемъ, и сторазъ будемъ повторять, что она не имѣла власти; была странною, гдѣ находились всѣ элементы государства, но государства не было; была безъ представителя, однимъ словомъ—не осязаема.

27) Что значили бы мы, если бы судьба не даровала намъ человѣка, столь высоко стоящаго? Онъ одинъ нынѣ можетъ представлять наши интересы, и за насъ, за всю Польшу, трактовать съ Европою. Онъ хоругвь наша. Если бы его не было, кто сталъ бы въ главѣ націи? Не поэтическая ли централизація? Не проэктъ ли комитета соединенія?

28) Въ случаѣ всеобщей войны на материкѣ Европы, для спасенія Польши необходимо, дабы одинъ человѣкъ могъ сказать предъ лицомъ ратоборцевъ: «я власть, у меня подъ ружьемъ 20 милліоновъ храбрыхъ, трактуйте со мною». На этотъ постъ не могутъ возвести ни таланты, ни даже военные успѣхи; на немъ можетъ стоять только тотъ, кто уже тамъ стоитъ, и всѣмъ извѣстенъ. Народъ обязанъ его признать»

Въ то время, какъ аристократическая партія хотѣла подобными статьями подъ искушающею маскою возвращенія независимости Польши, вкоренить въ понятіе эмиграціи и мѣстныхъ поляковъ ту мысль, что фамилія *Чарторыйскихъ* есть знамя, къ которому должны примкнуть всѣ истые патріоты, демократическая партія въ своемъ польскомъ журналѣ, издаваемомъ въ Лондонѣ, подъ заглавіемъ „*Демократъ*“, проводила совершенно противоположныя идеи, доказывая, что всѣ бѣдствія причинены Польшѣ ея магнатами и что возстановленіе Польши должно быть соединено съ совершеннымъ преобразованіемъ ея общественнаго быта.

Послѣ того какъ французская полиція стала бдительно слѣдить за эмигрантами, Польскій Комитетъ, потерявъ всякое значеніе; революціонные коноводы перешли въ другія, болѣе глубокія норы. Засѣдать въ польскомъ комитетѣ, этомъ вер-

ховномъ учрежденіи несуществующаго правительства, дало только поводъ къ безпокойствамъ со стороны полиціи, и комитетъ велъ одни текущіе дѣла объ эмигрантахъ, сносясь съ другимъ польскимъ комитетомъ,—комитетомъ французской полиціи; а изъ другихъ официальныхъ его актовъ мы имѣемъ только одинъ—сообщеніе палаты депутатовъ отъ 25 Января 1835 г., что польская эмиграція разрѣшаетъ Франціи не платить по счетамъ, которые можетъ быть будутъ предъявлены русскимъ правительствомъ, за разныя снабженія французскими войсками во время войны 1806, 1807 и 1812 годовъ!

Все значеніе для революціонныхъ плановъ, которые имѣлъ прежде польскій комитетъ, перешло въ управленіе (централизацию) демократическаго общества. Участвуя, съ глубокою таинственностью, въ совѣщаніяхъ европейскихъ революціонеровъ, имѣя въ лицѣ сперва *Делевеля*, потомъ *Мьрославскаго* ретивыхъ представителей Польши,—члены централизаціи задавали публично объявляемые и необъявляемые вопросы на разрѣшеніе и конкурсъ людямъ своей партіи касательно средствъ возстановленія и будущаго устройства однажды возстановленной Польши. Въ числѣ первыхъ находились слѣдующія:

1) Какія внутреннія силы общественнаго положенія Польши въ отношеніи политическомъ и социальномъ?

2) Какъ должна быть организована высшая власть во время возстанія и какія права могутъ быть ей предоставлены?

3) Какіе принципы должны быть приняты для войскъ повстанія, съ точки зрѣнія политическаго?

4) Какую должно дать гарантію народу, чтобы доказать ему, что возстаніе есть его собственное дѣло?

5) Какія были причины неудачи предшествовавшихъ возстаній?

6) Какіе принципы должны быть приняты для устройства общинъ социальнаго нормальнаго положенія для Польши?

7) Какіе принципы должны руководить законодательною властью при основаніяхъ демократическихъ?

8) Какія измѣненія должны быть произведены для преобразованія Польши относительно права собственности, съ цѣлью полного удовлетворенія народа, доставленія каждому совершеннаго благосостоянія и развитія національнаго богатства?

Разрѣшеніе этихъ вопросовъ проявилось въ тучѣ брошюръ, которыя остались памятникомъ ярыхъ бреднѣй эмиграціи.

Для секретныхъ вопросовъ былъ избранъ особый комитетъ, въ которомъ разсматривались положеніе революціоннаго настроенія края, отчеты тайныхъ агентовъ, разрѣшеніе вопросовъ какъ усилить это настроеніе, инструкціи отправляемымъ въ Россію французамъ, сношенія съ мѣстными ревнителями и назначеніе эмиссарами людей вполне испытанныхъ и надежныхъ.

»Приверженцы *Ламберовскаго* отеля говорили: демократическая партія не довольствуется тѣмъ, что простолюдина хочеть надѣлать поземельною собственностью; она кромѣ этого хочеть еще застраховать навсегда его благосостояніе. Собственникъ мало того что однажды долженъ отдать пролетарію часть своего состоянія, имъ или его предками пріобрѣтеннаго; но и впредь долженъ дѣлиться плодомъ своихъ трудовъ, дѣятельности, знанія и искусства съ дѣляемымъ, безпечнымъ и безтолковымъ. Всѣ прудоновскія теоріи низвергаются въ прахъ предъ учеными трактатами мудрецовъ Поатье. Подобныя тенденціи только могутъ вести къ обнищанію страны, а не къ ея процвѣтанію; отъ нихъ разбѣгутся всѣ трудолюбивые; это сѣмя разрыва общества и паденія всякаго просвѣщеннаго развитія, облагораживающаго натуру человѣческую. Смыслъ опредѣлений членовъ, руководителей демократическаго общества до того уродливъ, что изъ пяти тысячъ своихъ сторонниковъ, къ которымъ примкнуло все отрпеніе эмиграціи, они, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не нашли даже тысячи человѣкъ, которые рискнули-бы подписать разосланную ими прокламацію отъ 4 декабря 1836 года.»

Имѣемъ подъ рукою слѣдующія извлеченія изъ этой прокламаціи.

„Всѣ люди, дѣти одной природы и имѣютъ одинаковыя права и обязанности, потому на нихъ должно смотрѣть какъ на родныхъ братьевъ, дѣтей одного создателя и членовъ одного семейства человѣчества.“

„Всякая привиллегія, подъ какимъ бы именемъ она ни существовала, есть похищеніе изъ обязанностей общаго права; это отрицаніе равенства, посягательство на природу. Братство, свобода и равенство три солидарные принципа, ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть затронутъ безъ уничтоженія остальныхъ.“

„Польша имѣетъ неслѣтныя, не тронутыя силы народа; ими Польша должна возвратить свою независимость. Мы не проповѣдуемъ убійства и разрушенія, но если возобновленіе Польши не можетъ обойтись безъ насильственныхъ толчковъ и если народъ будетъ призванъ творить судъ, то мы изъ за горсти привилегій не пожертвуемъ благоденствіемъ 20 милліоновъ и пролитая кровь братьевъ падеть на главу настойчивыхъ шляхет-

ныхъ безумцевъ, для которыхъ чувство своекорыстнаго эгоизма выше общественнаго блага и интересовъ отечества.“

Для дѣятельности демократической партіи, коноводы дали ей сѣдующую исходную точку: прежніе руководители поляковъ не сознавали, чѣмъ народъ можетъ быть одушевленъ; возстановленія Польши можно достигнуть только общеою соціальною революціею. Не должно искать помощи иноземцевъ, которая настъ только связывала бы; если будетъ европейская война, то мы ею можемъ воспользоваться, какъ союзники, а не какъ подчиненные, обязанные послѣ, въ родѣ благодарности за стороннюю помощь, исполнять чужія прихоти и требованія. Дѣйствительно, коноводы стремясь къ власти единственный къ ней путь находили въ мятежѣ, потому предусмотрительно и заблаговременно они избѣгали того, чтобы никакимъ законнымъ и правильнымъ путемъ Польша не могла быть преобразована. Эти то опасенія, въ виду громаднхъ преобразованій начатыхъ нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ, — съ Его возшествія на престолъ, и были, какъ увидимъ, въ послѣдствіи самою подстрекающею для коноводовъ причиною къ ретивымъ ихъ усиліямъ произвести мятежъ, разыгравшійся въ 1863 году.

Для повсемѣтнаго вербованія сторонниковъ по всемъ областямъ, гдѣ жили поляки, особымъ комитетомъ демократической партіи были рассылаемы агенты, а для согласія въ дѣйствіяхъ — составлены статуты. Вся дѣятельность должна была сосредоточиваться въ главномъ управленіи партіи, которая потому была названа „централизаціею.“ Ея пребываніе, въ 1840 году, было перенесено изъ Поатге въ Версаль, какъ мѣсто ближайшее къ Парижу, и въ тоже время устраненное отъ бдительнаго глаза, для всякихъ сборищъ съ тайными совѣщаніями, безпкойной парижской полиціи.

Въ 1835 году 5 іюля была централизаціею утверждено постановленіе о внутренней организаціи польскаго демократическаго общества, раздѣленнаго на 6 главъ и 92 параграфа. Въ немъ находимъ:

«Власть принадлежитъ собранію всехъ членовъ общества. Собраніе раздѣляется на отдѣлы; направленіе имъ даетъ централизація польско-демократическаго союза. Если въ какомъ либо мѣстѣ число проживающихъ членовъ достигаетъ 5, то они (по правиламъ карбонаровъ) образуютъ отдѣлъ. Каждый отдѣлъ избираетъ своего секретаря, своего кассира и имѣетъ еженедѣльные засѣданія; дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ.

Отдѣлъ имѣетъ право составлять постановленія и обязать сторожить за моральнымъ настроеніемъ народа. Каждый отдѣлъ принимаетъ новыхъ желающихъ членовъ, съ требованіемъ подписки статута, о чемъ уведомляетъ централизацію. Если кто нибудь не изъявляетъ согласія на принятіе новаго члена, то представляется на обсужденіе нѣсколькихъ отдѣловъ. Каждый отдѣлъ имѣетъ право исключить изъ среды себя не благонадежнаго члена, которому предоставляется право аппеляціи. Каждый отдѣлъ собираетъ народную подать. Законодательная власть принадлежитъ общему собранію, а исполнительная централизаци; но централизація, въ крайнихъ случаяхъ, имѣетъ право принимать временныя мѣры; она же распоряжается всеми сборами и каждые три мѣсяца даетъ въ нихъ отчетъ; она занимается редакціею журнала (Польскій демократъ), который, въ официальномъ отдѣлѣ, печатаетъ постановленія общества, нужныя для общаго свѣдѣнія, а въ не-официальномъ отдѣлѣ статьи и извѣстія, съ цѣлью содѣйствовать пропагандѣ, определенной демократическимъ обществомъ. Члены централизаціи (9-ть числомъ) избираются ежегодно общимъ собраніемъ; 5-хъ членовъ достаточно для законности постановленій." Такъ какъ разногласій было много, и являлось по одному предмету слишкомъ много мнѣній, невозможныхъ къ разрѣшенію большинствомъ голосовъ, то число членовъ было сокращено на 5, а необходимое число для законности постановленія сокращено на 3. «При засѣданіяхъ и совѣщаніяхъ централизаціи могутъ присутствовать члены общества. Предсѣдательство принадлежитъ по очереди членамъ централизаціи.»

«Надъ централизацію устанавливается наблюдательный отдѣлъ, который контролируетъ ея поступки; члены наблюдательнаго отдѣла также избираются общимъ собраніемъ». Не смотря однако на наблюдательный отдѣлъ, члены централизаціи, особенно съ поступленія въ ихъ число въ 1844 году *Мьрославскаго*, находили время и мѣсто сперва сговариваться въ своихъ дальнѣйшихъ затѣяхъ, которыя должны были храниться въ тайнѣ; многіе эмигранты демократы это знали, но имъ зажимали ротъ объясненіями: «нельзя уберечься отъ предателей, закупленныхъ парижскою полиціею, мы имѣли тѣмъ доказательствъ, что противъ нашихъ плановъ, прежде нежели мы приступаемъ къ дѣлу, уже приняты мѣры противудѣйствовать ихъ исполненію».

За основаніе польской пропаганды демократическаго общества было принято: «Будущее польское возстаніе должно быть не толь-

ко возмущеніемъ (инсurreкція), но и общественнымъ переворотомъ (соціална революція). Для достиженія этой двойной цѣли предстояло много подготовленій въ польскомъ обществѣ. При его, настроеніи можно было всегда найти охотниковъ къ мятежу, но хотя Бемъ и заявилъ готовность польскихъ дворянъ дѣлаться своимъ добромъ братски съ крестьянами, — заявленіе, отъ котораго онъ и самъ чрезъ годъ отказался; но такія жертвы вовсе не входили въ расчетъ земаєвадѣльцевъ.

Демократическое общество разрѣшило эту задачу слѣдующею системою своихъ дѣйствій:

1) Такъ какъ каждый доволенъ своимъ умомъ и не доволенъ своимъ состояніемъ, то въ сословіи учителей и наставниковъ, гувернеровъ юношества всегда найдутся люди, готовые пристать къ демократической партіи. Свѣдѣнія о подобныхъ личностяхъ должны быть тщательно собираемы и общество должно употребить все свое вліяніе о назначеніи таковыхъ въ должности при учебныхъ заведеніяхъ. Особенное вниманіе должно быть обращено на преподавателей Закона Божія. Стараться сохранить обыкновеніе, чтобы не управленіе учебными заведеніями приглашало ихъ, но чтобы оно производилось по назначенію епархіальнаго начальства, а на него дѣйствовать, чтобы выборъ всегда падалъ на личности демократической партіи, извѣстныя ей и ею поддерживаемыя.

Подготовленное юношество должно втягивать въ революцію, преимущественно напирая на идею освобожденія Польши отъ чужеземцевъ. Развивъ въ нихъ чувства истиннаго національнаго патріотизма, ихъ легче будетъ подготовить къ единовременному съ инсurreкціею соціальному перевороту, и для этого идеи инсurreкціи и революціи должны быть столь сильно сплочены, чтобы оторвать одну отъ другой было бы невозможно.

2) Живое слово въ устахъ преданнаго дѣлу, талантливаго человѣка есть живительный источникъ, потому необходимо въ край посылать своихъ эмиссаровъ.

Опасность порученія не остановитъ истинныхъ людей дѣла, въ случаѣ если члены централизаціи возмутъ на себя эти обязанности, то они сохраняютъ свои мѣста и засѣданія могутъ производиться въ этомъ случаѣ и при 3 членахъ; для усиленія ихъ числа можно принимать предложенія лицъ другихъ національностей, менѣе подвергающихся полицейскимъ наблюденіямъ. Подобные эмиссары могутъ быть полезны для сборовъ и проведенія въ польскія общества идей, способствующихъ цѣ-

ли, но не подлежит сомнѣнію, что польза отъ ихъ отправленія въ бывшія польскія области не можетъ сравниться съ эмиссарами-поляками, знающими духъ и направленіе страны и личное настроеніе вліятельнѣйшихъ личностей.

Эти эмиссары должны особенно стараться завести между мѣстными жителями демократическія кружки, которые продолжали бы дѣло послѣ ихъ отбытія, и стараться отыскать вліятельныя личности, которыя, съ *благоразумною осторожностью*, могли бы слѣдить за дѣятельностью кружковъ, поощрять ее, споспѣшествовать ей, облегчая средства (?) и безопасною перепишкою доставлять подробнѣйшія свѣдѣнія и собранныя данныя централизаціи. Эти агенты, безъ всякой власти, не участвуя лично ни въ какихъ заговорахъ, должны быть избираемы съ большою осмотрительностію и одобряемы признательностію централизаціи за оказываемыя ими заслуги.

На эмиссаровъ было особенно возлагаемо проведеніе въ туземцахъ увѣренности, что Польша для своего освобожденія не нуждается въ посторонней помощи.

Литературныя произведенія и журналъ демократическаго общества должны неразрывно проводить идею освобожденія съ соціальнымъ переворотомъ.

Особенно заботилось общество о составленіи разныхъ національныхъ катихизисовъ, для различныхъ слоевъ общества, и высоко цѣнило руководство для веденія возстанія, „*Партизанская война*“, въ которомъ проповѣдывалось ночное и тайное убійство солдатъ; ядъ, и отравленіе колодцевъ были включены въ число оружія новаго военного искусства,—также изданное сочиненіе въ Брюсселѣ: „*Житейскія правды польскаго народа*“, о которомъ ближайшихъ свѣдѣній кромѣ заглавія не имѣемъ. Эти сочиненія, равно какъ и много другихъ имъ подобныхъ, особенно произведенія *Делевеля* печатались въ Брюсселѣ на счетъ суммъ общества (т. е. собираемыхъ съ края), по цѣнѣ крайне дешевой, тѣмъ болѣе, что *Делевель* самъ отказывался отъ всякаго вознагражденія.

Наконецъ, по всемъ провинціямъ бывшей Польши образованіе тайныхъ *филиальныхъ кружковъ* должно опредѣлять численность, на которую въ данную минуту можно было рассчитывать. Эти кружки должны стараться увѣрять національныя понятія и стремленія между своими членами и должны быть

постоянно снабжаемы всіми, печатаемыми отъ общества, произведеніями, дабы могли слѣдить за его дѣйствіями и намѣреніями. Кружки должны были, при своемъ учрежденіи, строго придерживаться въ основаніи безопасной карбонарской организаціи.

ГЛАВА III.

Бемъ и его теоріи.

Пока Бемъ ратовалъ въ Португаліи и Испаніи, европейскіе революціонеры готовили новыя силы. Бемъ предвидѣлъ что при дѣятельности коноводовъ приближалось время новаго разлива мятежныхъ пожаровъ по Европѣ. Не принадлежа ни къ какой партіи, и не достаточно сильный, чтобъ образовать значительную свою, Бемъ, опасался, что бы ему при будущихъ волненіяхъ не остаться внѣ круга дѣятельности, и чтобы напомнить о себѣ, онъ выступилъ на литературное поприще. „Бемъ,“ по отзыву одного эмигранта, „предпочелъ изданіемъ своихъ сочиненій возбудить вниманіе заинтересованныхъ правительствъ, чѣмъ подать поводъ эмиграціи и своимъ соотчичамъ подумать, что онъ, послѣ своихъ португальскихъ и испанскихъ походовъ, дѣло ойчизны, какъ старый плащъ, повѣсилъ въ кладовую на гвоздикъ.“

Мысль Бема была во первыхъ напомнить о себѣ, а во вторыхъ всѣ толки планы и проэкты эмигрантовъ, касательно будущаго возстанія привести въ систематическій порядокъ, подвергнуть ихъ критическому разбору и авторитетомъ высказать тѣ правила, которыя должны привести къ неминуемому успѣху.

Сочиненія Бема заслуживаютъ нѣкотораго ближайшаго съ ними знакомства; въ нихъ съ одной стороны найдемъ мы новыя доказательства, какъ подъ перомъ поляка теорія становится послушна бойкой польской фантазіи, какъ историческія и статистическія данныя становятся услужливыми делеяваемымъ мечтамъ, какъ смѣло могутъ быть сдвливаемы въ одно цѣлое ерошащіяся противурѣчія, а съ другой стороны въ брошюрахъ Бема, мы найдемъ тѣ предначертанія, которыхъ слѣды выказались въ послѣдовавшихъ польскихъ продѣлкахъ.

Бемъ знакомить читателя съ своего личностью, наводить, что въ минуту дѣйствія, онъ готовый распорядитель, предупреждаетъ объ опасности довѣряться людямъ, на которыхъ онъ не укажетъ, льститъ молодежи, льститъ сперва шляхетству, готовому на пожертвованія, а потомъ самъ же указываетъ средства, какъ прижать это имяхетство,

чтобы его принудить къ уступкамъ, и вдаваясь въ подробности, уносимый пламеннымъ своимъ воображеніемъ Бемъ, даже опасается за излишнее накопленіе повстанскихъ силъ, изъ народонаселенія имъ насчитываемаго десятками миліоновъ! Въ довершеніе вѣрности практическаго взгляда на вещи, замѣтимъ что по убѣжденіямъ Бема, перваго возстанія Польши будетъ достаточно чтобы мятежь разлился по цѣлой Россіи. Какъ злобно подсмѣялись послѣдствія надъ глубокомысленными теоріями Бема.

„Я обрекъ себя военной службѣ для родины, пишетъ Бемъ, и хочу ей посвятить остатокъ моихъ дней, потому предлагаю соотчичамъ, плоды моихъ многолѣтнихъ размышленій. Пройдя военныя школы, я началъ службу при Наполеонѣ, и послѣ нашей борьбы 1831 года, я принялъ участіе въ войнахъ Португаліи и Испаніи, находящихся въ положеніи сходномъ съ нашимъ.“

„Нынѣ (въ 1846 году) всѣ поляки убѣждены, что Польша должна рассчитывать только на собственныя силы. Землевладѣльцы положили что крестьянамъ необходимо должно уступить земли и освободить ихъ отъ барщины, для того чтобы всѣ сословія были заинтересованы въ дѣлѣ. Подобное благородное рѣшеніе помѣщиковъ должно имѣть благотѣльнѣйшія послѣдствія. Нація, по восстановленіи своей независимости не замедлитъ ихъ достаточно вознаграждать за сдѣланное ими пожертвованіе части своего состоянія.“

„По первому сигналу вся Польша возстанетъ какъ одинъ человѣкъ, но для полнаго успѣха должно дѣйствовать по заранѣ обдуманному плану, вполне во всѣхъ частностяхъ, тщательно обработанному, потому предлагаю моимъ согражданамъ нѣсколько мыслей по этому предмету.

„1.) Власть. Начало должно быть съ утвержденія власти — она должна принадлежать оставшимся нашимъ народнымъ представителямъ, всякая другая только принесетъ вредъ польскому дѣлу.

„Власть обществъ и партій могутъ породить только междоусобія.

„Всякій эмигрантъ, вступивъ въ какую либо партію, полагаетъ что только она одна можетъ спасти отечество; онъ возмущается всякимъ другимъ несогласующимся мнѣніемъ; слѣдствіе этого та вражда между партіями, что едва ли примиреніе ихъ возможно.

„Остались представители народа, члены сейма и хотя число ихъ и не достигаетъ требуемаго сеймовыми постановленіями, но они должны обратиться къ эмиграціи и къ народу, и безъ сомнѣнія къ нимъ примкнуть всѣ благомыслящіе.

„Члены сейма едва только однажды подали знакъ жизни; своимъ молчаніемъ они допустили образованіе партій въ эмиграціи. Голосъ сейма прекратитъ всякую анархію.

„Сеймъ долженъ поручить веденіе дѣлъ тщательно имъ избраннымъ личностямъ.

„При вооруженномъ вторженіи народное правительство должно остаться во Франціи и возвратиться въ край, по изгнаніи врага.

„2.) Приготовленіе къ войнѣ: Главное условіе разбить врага — нашъ лозунгъ долженъ быть истребленіе его армій, но не въ ученыхъ военныхъ трактатахъ должны мы искать къ тому средства, военное искусство просто и основано на здоровомъ смыслѣ, оно можетъ быть выражено нѣсколькими словами, бить врага тѣмъ что имѣемъ подъ рукою.

„Чарноцкій слѣдовалъ только своимъ внушеніямъ и выгналъ шведовъ; потому и горцы твердо стоятъ въ своей борьбѣ съ русскими на Кавказѣ.

„Единственный примѣръ иноземныхъ войнъ, который можетъ быть примѣнимъ къ Польшѣ это Испанія. Она въ 1808 году устроила истребляющую борьбу партизанами, и она или истребила или прогнала непріятельскія войска.

„Потому мы должны руководствоваться однимъ здравымъ разсудкомъ.

Начнемъ счетомъ нашихъ силъ. Отъ Балтійскаго до Чернаго моря мы имѣемъ (въ 1846 г). Подъ властью Пруссіи 5,500,000, — Австріи 4,800,000, — Россіи 18,200,000, — итого 28,500,000.

„Кромѣ того къ намъ охотно присоединятся казаки и черноморскіе татары, въ числѣ 5,000,000.

Принимая только 28 милліоновъ и считая по 4 человека съ тысячи мы можемъ для боя выставить 1,120,000:

Съ этими громадными силами, развѣ мы не уничтожимъ всѣ арміи, которыя наши враги вышлютъ въ наши области. Все что они могутъ на первый случай выставить составляетъ: для Россіи 200,000, — Австріи 100,000, — Пруссіи 100,000, — итого 400,000.

„Мы противопоставляемъ имъ потому 3-хъ противъ одного. Начавъ съ того, что всѣ непріятельскіе солдаты, находящіеся на польской землѣ, должны быть приговорены къ смерти, то если каждый возставшій полякъ постарается какимъ бы средствомъ не было извести только одного непріятели, понятно что въ самое короткое время, всѣ непріятельскія войска будутъ истреблены. Да проникнется вся польская нація этимъ простымъ расчетомъ, и да пойметъ она свою силу. Каждому поляку, призванному къ оружію, нужно извести одного только врага и Польша достигнетъ прежняго своего величія и славы.

„Польская молодежь, наша надежда; она должна готовиться въ ожиданіи великой борьбы, изъ которой изольется возстановленіе отечества.

„Не военныя книги должна она читать, но укрѣплять свое тѣло и душу; каждый долженъ стараться имѣть добраго коня и нѣсколько хорошаго оружія для себя и для другихъ, охотою за звѣрями вырабатывать себя къ трудамъ и достигать искусства, ни одной пули не выпускать даромъ; запасаться пороховъ, сохраняя его въ хорошо закупоренныхъ бутылкахъ.

„До времени должно избѣгать всякихъ заговоровъ, всякій долженъ работать про себя и быть въ высшей степени осторожнымъ, никогда ничего не писать что могло бы скомпроментировать и передавать свои мысли можно только испытаннымъ людямъ; предатели могутъ быть въ средѣ собственныхъ семействъ. Деньгами не сорить на пустые расходы, но употреблять ихъ на закупку оружія и припасовъ, за эти расходы онъ получитъ въ послѣдствіи свое вознагражденіе отъ націи.

„3.) Какъ вести народное возстаніе? Основаніемъ должно быть ни передъ кѣмъ и ни гдѣ не отрѣкаться отъ существованія Польши. Противъ этого возстанутъ всѣ фантазеры, утверждающіе что силы возстанія должны быть въ одной рукѣ; они только въ диктаторѣ думаютъ искать спасенія, полагая что найдется подобный челоуѣкъ, который будетъ, если не полубогъ то по крайней мѣрѣ челоуѣкъ необычайный. Къ сожалѣнію прошедшее того не подтверждаетъ, да и впредь того не будетъ. Всѣ люди-люди, и даже если бы нашелся таковой, то при наилучшихъ своихъ намѣреніяхъ развѣ онъ застрахованъ отъ ошибокъ.

Наполеонъ умеръ въ изгнаніи, потому что ошибся относительно Польши.

„Мы имѣли Косцюшко; не буду разбирать его дѣйствій, край на него возложивъ всѣ свои надежды, и съ плѣномъ диктатора пересталъ принимать участіе въ борьбѣ, хотя онъ, населенный болѣе нежели двадцатью милліонами жителей, легко могъ бы уничтожить всѣ непріятельскіе отряды, въ нѣсколько тысячъ.

„Мы имѣли Хлопицкаго, его провозгласили диктаторомъ; хорошій солдатъ сдѣлался плохимъ правителемъ и привелъ къ паденію народное возстаніе. Напротивъ того, если бы мы съ легкими подвижными колоннами, какъ Дверницкаго на Волыни, Хлаповскаго въ Литвѣ; раскинули войну по всему краю, мы водрузили бы польскіе орлы подъ стѣнами Москвы.

„Мы собственными руками убили возстаніе 1831 года, устраивая регулярные полки, съ централизованіемъ власти и силъ; край дозволилъ двигаться отрядамъ непріятеля, и все было парализировано. Революція умираетъ, если она не идетъ впередъ.

„Не менѣе вредно связать существованіе возстанія съ какою либо мѣстностью. Потерявъ Варшаву, мы кончили войну постыднѣйшимъ образомъ въ то время, когда по справедливости мы были сильнѣе нашего противника.

„Для достиженія цѣли нужно чтобы возстаніе дѣйствовало постоянно и вездѣ, по всѣмъ областямъ бывшей Польши.

„Подобный способъ дѣйствія будетъ еще имѣть ту выгоду, что никто не можетъ вступать въ какіе либо переговоры или соглашенія со врагомъ, пока весь край не будетъ отъ него очищенъ.

„Начальники мѣстнаго вооруженія и подвижныхъ колонъ должны быть люди энергическіе; способность начальствовать, музыка, живопись и военное дѣло даются при рожденіи, ни возрастъ, ни наука не помогутъ природѣ.

„Военный начальникъ при встрѣчѣ съ врагомъ долженъ съ перваго взгляда опредѣлить свое положеніе относительно врага и всякое обстоятельство обратить въ свою пользу. Способный пріобрѣтаетъ ихъ скоро, неспособный никогда; наука ни въ чемъ не поможетъ. Военному человѣку должно знать географію, статистику и исторію; для спеціальнаго

дѣла нужны еще артиллерія, фортификація, математика, химія и физика. Мы должны избѣгать иноземныхъ офицеровъ, незнающихъ ни языка, ни духа націи. На людей содѣйствующихъ призыву иноземныхъ начальниковъ должно смотрѣть какъ на людей опасныхъ. Польша не нуждается въ людяхъ съ сердцемъ и преданныхъ дѣлу. Въ эмиграціи еще много замѣчательныхъ военныхъ людей, которые сумѣютъ вести дѣло возстанія по пути славы; мы имѣли до 6000 военныхъ, разбросанныхъ по всеѣмъ странамъ, въ томъ числѣ отъ 3 до 4 тысячъ офицеровъ.

„Война должна быть партизанская, многіе полагаютъ, что вся нація должна ополчиться поголовно, мы же полагаемъ, что собравъ по 4 человека съ тысячи 1,200,000 вооруженныхъ будетъ достаточно. Половина людей должна образовать военныя силы мѣстнаго возстанія изъ другой должны быть образованы подвижныя колонны.

Въ гражданскомъ управленіи не должно вводить никакихъ новыхъ властей, потому что прибытіе непріятеля можетъ его разстроить; гражданское управленіе должно быть только подчинено начальнику мѣстныхъ войскъ.

Начальники подвижныхъ колоннъ не должны забавляться на одномъ мѣстѣ, но въ безпрестанныхъ движеніяхъ въ кратчайшее время стараться проходить большее пространство, вездѣ подымая жителей къ возстанію.

Всякое бѣгство должно быть наказано смертію. Для избѣжанія всѣхъ затрудненій неразлучныхъ съ большими силами, всякій начальникъ, при увеличеніи его отряда свыше 3,000, образуетъ отъ себя новую колонну, ввѣряя ее особому начальнику. Начальники первыхъ подвижныхъ колоннъ назначаются высшею властью, и только отъ нея зависятъ, а начальники послѣдующихъ зависятъ отъ начальника его назначившаго.

„Война Россіи съ иностранною державою можетъ быть для насъ полезна, но при громадномъ числѣ людей, которые мы сами можемъ выставить подобная помощь не крайне необходима. Также не нахожу необходимости выжидать пока революціонеры произведутъ въ Россіи мятежи; мы можемъ быть вполне увѣрены, что лишь только мы раздадимъ земли нашимъ крестьянамъ, то мятежъ быстро сообщится по всей Россіи, чрезъ сосѣднія губерніи, и онъ въ основаніи потрясетъ всю Русскую имперію.

„Для начала возстанія не должно ни устраивать предварительный заговоръ въ край, ни назначать опредѣленное время, которыя могутъ быть преждевременно открыты; но должно чтобы страна и эмиграція были всегда готовы подняться, и нѣсколько тысячъ эмигрантовъ, небольшими частями заключающіе въ себѣ кадры пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, проникая въ край въ назначенное время, и вѣдомые назначенными энергическими и испытанными людьми поднимаютъ населеніе. Полагаю даже лишнимъ чтобы власти назначали предводителей; лучше предоставить ихъ выборъ самимъ эмигрантамъ, которые заслуживаютъ того, чтобы посвящая себя народному дѣлу, они въ награду сохранили бы по крайней мѣрѣ эту привиллегію.

„Предупреждаемъ нашихъ соотчичей въ край не довѣряться отдѣльнымъ эмиссарамъ, они могутъ быть только шпионы, которые себя облачаютъ въ роль горячихъ патріотовъ.

„На счетъ денежныхъ средствъ полагаю, что добровольныхъ пожертвованій должно избѣгать, внесшіе деньги считаютъ свое дѣло сдѣланнымъ и себя свободными отъ дальнѣйшаго участія; кромѣ того они могутъ потомъ подвергнуться отвѣтственности; но когда всѣ обязаны вносить подати на дѣло освобожденія, то никто не будетъ компрометированъ и всегда можно привести въ оправданіе, что были къ тому принуждены с и л о ю. Возстанія должны быть мѣстные по всему краю, а дѣйствія предпочтительно подвижными колоннами.

„Начальникъ изъ мѣстныхъ долженъ наблюдать за исполненіемъ декретовъ высшей власти, за освобожденіемъ крестьянъ, за сохраненіемъ порядка, за всѣми дѣйствіями противника и стараться прервать его сообщенія, уничтожать запасы, раздавая ихъ жителямъ.

„Мѣстные войска должны избѣгать встрѣчи съ войсками, но кидаться на маленькіе отряды и истреблять ихъ, равно какъ и отдѣльно слѣдующихъ непріятельскихъ солдатовъ; по ночамъ постоянно беспокоить лагери противниковъ, для чего достаточно нѣсколькихъ рѣшительныхъ чело-
вѣкъ, и постоянно должно содержать самымъ тщательнымъ образомъ сообщенія съ сосѣдними начальниками, дабы быстро передавать всякія свѣдѣнія и не пропускать случая воспользоваться оплошностью противника.

„Для избѣжанія отвѣтственности никакихъ насилій не дѣлать надъ противникомъ по деревнямъ, сельскіе жители чрезъ то могутъ подвергнуться наказаніямъ; даже предъ входомъ въ деревню повстанцы должны оставлять свое оружіе. Одежда повстанцевъ должна быть обыкновенная крестьянская, снабженная какимъ либо условнымъ знакомъ, который при встрѣчѣ съ противникомъ сей-часъ можно было отбросить; мѣстное возстаніе должно быть раздѣлено на округа, съ населеніемъ отъ 15 до 20 тысячъ жителей; начальникъ мѣстныхъ войскъ, въ случаѣ бѣгства, долженъ сдать свое начальство мѣстному начальнику; часть мѣстныхъ войскъ должна быть только въ сборѣ, а часть въ разсылкѣ, особенно для ночныхъ нападеній; мѣры должны быть приняты такія, чтобы каждую ночь по нѣсколько вражескихъ солдатъ было бы истребляемо.

„Подвижныя колонны. Всѣ военныя дѣйствія состоятъ въ дѣйствіяхъ подвижныхъ колоннъ; онѣ должны быть такъ устроены, чтобы въ мѣстныхъ войскахъ онѣ имѣли кадры пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи; въ случаѣ надобности онѣ быстро могутъ значительно увеличить свои силы.

„Пѣхота должна быть на крестьянскихъ лошадяхъ, дабы всегда могла уйдти отъ противника сильнѣйшаго и догнать слабого.

„Начальникъ подвижной колонны сзываетъ крестьянъ и объявляетъ имъ, что они въ даръ получаютъ землю, избавляются отъ барщины и непремѣнно при себѣ приказываетъ привести эти мѣры въ исполненіе, за тѣмъ требуетъ по 4 человекъ съ тысячи, половину включаетъ въ свою колонну, а другая половина образуетъ мѣстное войско, котораго начальникъ назначается по выбору начальника подвижной колонны. Назначенный начальникъ мѣстнаго войска немедленно приводитъ его приказанія въ исполненіе.

„Жителямъ должно доказать что всѣ исполняемыя мѣры должны быть ими принимаемы за стѣснительныя, потому что послѣ освобожденія страны, сеймъ за все вознаградитъ сполна.

„Начальники подвижныхъ колоннъ должны нападать на города, не имѣющіе достаточнаго гарнизона и истреблять тамъ находящихся солдатъ.“

ГЛАВА 4.

Затишье революціонныхъ явленій.—Положеніе партій.—
Эмиссары.— Симеонъ Конарскій.— Царство Польское, По-
знань и Галиція.— Подземная дѣятельность польской эми-
граціи.— Распространеніе революціонной литературы.—
Сближеніе партій эмиграціи.— Князь Адамъ Чарторыйскій.

Консерваторы давали ту поддержку правительству *Людовика Филиппа*, что революціонная партія во Франціи притихла, и оправляясь отъ потерпѣнныхъ пораженій, втайнѣ питалась новыми замыслами.

Партія *Чарторыйскаго*, думая, что только европейскія государства могутъ возстановить Польшу, вела свою глухую работу и заботилась объ охраненіи польской національности и расширеніи и утвержденіи этой національности, по возможности, въ пространнѣйшихъ границахъ. Она указывала на мирный путь, внушая высокому мѣстному дворянству, платившему подати въ замберовское казначейство, какими средствами можно достигнуть утвержденія національности, идя то прямыми, то окольными, невидимыми путями, и какъ вести корабль къ желаемой пристани, минуя подводные камни всѣхъ враждебныхъ партій эмиграціи.

Партія клерикальная, при дружественныхъ сношеніяхъ съ петербургскаго кабинета съ Ватиканомъ, была парализирована въ своихъ дѣйствіяхъ апостольскимъ посланіемъ папы отъ 9 іюня (28 мая) 1832 года къ латинскому духовенству въ Польшу; это посланіе, а равно письмо *Григорія XVI* къ Императору Николаю Павловичу отъ 4 января 1834 года, которымъ ясно предъ

лицемъ Европы папа высказывалъ свое желаніе чтобы латинское духовенство пребывало вѣрными подданными Государю, не были одобрительными актами, послѣ которыхъ клерикальная партія могла бы съ высшихъ слоевъ іерархіи костела, проводить идеи возстановленія Польши; потому *резуррекціонисты* и *братья св. Викентія* только глухими кознями могли возбуждать духъ готовности къ мятежу въ низшей братіи туземнаго латинскаго духовенства.

Партія *демократическая* одна не переставала неуспѣшно и дѣятельно вести свои приготовленія; она начала эмиссарамъ.

Съ замыслами *Заливскаго*, въ Царствѣ Польскомъ, нѣсколько эмиссаровъ прибыли возбуждать Литву; *Волловичъ* былъ открытъ въ гродненской губерніи и былъ повѣшенъ; пребыванія *Болевскаго* въ минской губерніи, *Коперницкаго* въ виленской обнаружались только тогда, когда они успѣли уже выбраться изъ предѣловъ имперіи.

Самый ретивый и ловкій изъ всѣхъ эмиссаровъ, присланныхъ въ западныя губерніи Россіи, былъ *Симеонъ Конарскій*. Родомъ изъ августовской губерніи, онъ служилъ въ польскихъ войскахъ во время мятежа 1831 года, съ *Хлановскимъ* былъ въ Литвѣ, съ нимъ ушелъ, въ чинѣ капитана, за границу и въ Парижѣ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ эмиграціи. Посланный въ Англію, онъ оттуда прибылъ въ Краковъ, — мѣсто сбора охотниковъ для экспедиціи *Заливскаго* въ 1833; послѣ ея неудачи, онъ вернулся во Францію, сталъ однимъ изъ коноводовъ демократической партіи и основалъ въ 1834 году демократическій польскій журналъ: „Полночь“. Когда въ эмиграціи выработалась мысль, что слѣдующее возстаніе должно быть одновременно съ преобразованіемъ всего соціального устройства, то для основанія новаго тайнаго общества на новыхъ демократическихъ началахъ и для поддержанія этого настроенія въ край, *Конарскій* вызвался провести это дѣло и отправился въ западный край. Онъ прибылъ туда въ концѣ 1835 года: изъ дома въ домъ, онъ объѣзжалъ всѣ западныя губерніи, устраивалъ въ нихъ демократическіе кружки и отдѣльно еще демократическое студенческое общество въ кіевскомъ университетѣ и виленской медико-хирургической академіи. *Конарскій* уведомлялъ своихъ сообщниковъ въ Парижѣ о необыкновенныхъ своихъ успѣхахъ и высылалъ туда обильную денежную дань. 28 лѣтъ отъ роду, онъ былъ неутомимъ, вездѣ устраивалъ правильные кружки, съ предѣтелями и секретарями,

указывалъ имъ цѣль ихъ будущей дѣятельности, являлся на дворянскихъ съѣздахъ, проводилъ демократическія идеи, необходимость пожертвованій всякаго рода на дѣло освобожденія *ойчизны* и, послѣ двухъ лѣтнихъ странствованій, наконецъ былъ схваченъ въ Вильнѣ, куда пріѣхалъ на время ярмарки и контрактовъ 1838 года. *Конарскій* былъ сужденъ и разстрѣлянъ 15 февраля 1839 года.

Произведенное слѣдствіе раскрыло частью его дѣйствія и дѣйствія его агентовъ и вновь набранныхъ; въ числѣ ихъ находились многіе изъ дѣятелей, которыхъ имена встрѣчаются при лѣтовскомъ мятежѣ 1831 года—*Станислава Шумскаго*, *Медера Кончи*, *Гребницкихъ*, *Эдуарда* и *Северина Ромеровъ*. Изъ участниковъ слѣдствіе открыло 221 лицо; мелкіе помѣщики, преимущественно изъ молодежи, чиновники, учителя, ксендзы, лекаря и множество студентовъ и писцовъ составили контингентъ, набранный *Конарскимъ*; участвовало и нѣсколько женщинъ, въ томъ числѣ одна изъ неизбѣжныхъ графинь *Платеръ*. По мѣрѣ вины, уличенные были присуждены къ каторжной работѣ, къ ссылкѣ на поселеніе и въ военную службу солдатами.

Валентинъ Звѣрковский, бывшій въ 1831 г. депутатомъ сейма отъ г. Варшавы и потомъ однимъ изъ членовъ обще-европейскаго кружка революціонеровъ, съ своей точки зрѣнія, смотря на благоденствіе соотечественниковъ, въ рѣчи, на слѣдующемъ собраніи демократическаго общества, между прочимъ выразился:

„Погибъ *Конарскій*! эмиграція много заслужила предъ *ойчизной*! Съ нимъ польская нація оплакиваетъ и другія жертвы; но должны ли мы считать жертвы, если мы хотимъ возстать собственными силами, и если мы сознаемъ, что силы достаточно въ 20 милліонахъ нашего народа? Число новыхъ жертвъ ничтожно, когда вспомнимъ что 30 т. нашихъ братьевъ легло въ 1831 году. Безъ заговора *Лукашискаго*, *Высоцкаго*, *Заливскаго*, подхоронжихъ варшавской школы и академиковъ, безъ университетскихъ кружковъ въ Вильнѣ развѣ когда либо могло вспыхнуть возстаніе?“

Похожденія и казни фанатика *Конарскаго* подали поводъ эмиграціи превратить его біографію въ цѣлый романъ, котораго, конечно, онъ былъ героемъ. Тутъ все есть: и любовь, и хлопоты со слезами на очахъ, слушавшіе его вдохновительныя рѣчи, пре-

данность и самоотверженіе его товарищей и патріотовъ, есть русскіе шпіоны, которыхъ дурачить *Конарскій*, является и русскій офицеръ, глубоко, при всемъ своемъ ничтожествѣ, сознающій возвышенныя чувства и подвиги *Конарскаго*, готовый для новой дѣятельности спасти врага своего отечества, зачинщикомъ мятежа, который долженъ былъ истребить ядомъ и ночными убійствами русскихъ солдатъ и умирненіе котораго пришлось бы обогреть снова русскою кровью; наконецъ авторъ панегирика *Конарскому* не могъ пропустить случая и не дать волю разпаленной своей фантазіи и злобѣ, чтобы не создать, для назиданія Европы, цѣлое судопроизводство русскихъ, вполнѣ достойное, насъ „кровожадныхъ, изступленныхъ варваровъ“. Онъ возстановляетъ у насъ *тытки*, на которыхъ рѣжутъ людей и вливаютъ въ раны кипящее масло, и разные такіе ужасы, которыхъ не придумывала и испанская инквизиція.

Много чудеснаго въ панегирикѣ *Конарскому*! Въ суровой темницѣ вбиваютъ ему гвозди подъ ногти, а онъ разыгрываетъ на флейтѣ патріотическія мотивы; никогда доселѣ не писавъ стиховъ, онъ, по прочтеніи ему смертнаго приговора, излился длиннымъ поэтическимъ вдохновеніемъ и, къ довершенію всѣхъ чудесъ, поэтическое произведеніе *Конарскаго* изъ виленской темницы, вдругъ очутилось въ Парижѣ.

Казнь *Конарскаго*—„мученика-патріота“, какъ его называли, встрѣтила много сочувствія въ польскомъ обществѣ, но едва ли нарядныя, изящныя польскія папи и панны, которыя покупали колечки, будто бы выкованныя изъ оковъ *Конарскаго*, надѣли бы ихъ съ такимъ патріотическимъ умиленіемъ, если бы открылась предъ ними картина всѣхъ замысловъ и готовимая ими расправа крестьянъ, которые, по выраженіямъ рѣчей собраній въ Поатье, „въ грозномъ кровавомъ судѣ справедливаго народа, должны были потребовать у дворянства отчета въ гибели отечества, его тщеславномъ властолюбіи, своекорыстномъ любостыжаніи и продажѣ его независимости,—потребовать у пановъ отчета въ вѣковомъ „гнетѣ хлоповъ ихъ блаженнымъ невѣжествомъ и презрѣніемъ правъ братьевъ простоядиновъ.“

Подобно тому какъ въ Россіи продѣлки эмиссаровъ были по временамъ частью раскрываемы, такъ и въ Галиціи и Познани до свѣдѣнія правительства доходило, что между поляками существуетъ подземное броженіе умовъ.

Современное состояніе областей, въ которыхъ польское дво-

рянство владѣло помѣстьями, не отбивало у эмигрантовъ охоты, отваживаться на опасныя походы. Напротивъ того ихъ истеричіе росло при видѣ—что имъ, работавшимъ подъ маскою ревнителей народнаго благоденствія и исполнителей его затаенной и задушевной воли, съ каждымъ днемъ все становилось труднѣе найти опору въ простолюдинахъ, за представителей нуждъ которыхъ они силились выдавать себя предъ общественнымъ мнѣніемъ Европы.

Русское правительство приняло систему строгаго преслѣдованія коноводовъ революціи. Царство Польское было занято значительными войсками, входившими въ составъ арміи, не представлявшей именоваться *дѣйствующею*; фельдмаршалъ князь *Варшавскій* постоянно былъ покровителемъ крестьянъ, во всякихъ ихъ справедливыхъ жалобахъ. Пруссія съ каждымъ днемъ отмечивала давнишнія прежнія польскія области; сами поляки видѣли, что Силезія и Померанія для нихъ уже окончательно потеряны; только въ Познань еще нѣсколько держалась польская интеллигенція, подъ покровительствомъ вліятельнаго класса польскихъ помѣщиковъ; но проникнувшій туда германскій элементъ ежедневно усиливался; правительство, неослабно облегчало все въ тому пути, да и самому населенію, при распространеніи на Познань общаго государственнаго благоустройства Пруссіи, и въ голову не приходило, когда либо съ сожалѣніемъ вспомнить о прошедшемъ времени бывшей польской неурядицы и тяжкаго ига польскихъ пановъ.

Австрійская имперія, какъ извѣстно, составляетъ сумму нѣсколькихъ разнаціональных областей; потому австрійское правительство, не имѣя основнаго достаточно-сильнаго зерна, съ которымъ могло бы идентифицировать обширныя разнохарактерныя свои владѣнія и къ которому могло бы притягивать ихъ послѣдовательнымъ направленіемъ государственнаго развитія, другими путями стремилось укрѣпить за собою галиційскія владѣнія и упрочить связи пріобрѣтенныхъ подданныхъ съ царствующею династіею.

Марія Терезія, и въ особенности Іосифъ II, утвердили свое господство въ Галиціи энергическими мѣрами къ истребленію безобразныхъ слѣдовъ неурядицы рѣчи посполитой и деспотическаго своеволія ея представителей, шляхетства и латинскаго духовенства. Австрійское правительство даровало личную свободу крестьянамъ, устроило суды, на которыхъ они, равноправными гражданами, могли искать защиты, постановленіями положило ко-

нецъ произволу повинностей, за право пользованія помѣщичьею землею и, наравнѣ со всѣми гражданами, утвердило за ними право пріобрѣтать великія недвижимости.

Народонаселеніе Галиціи представляетъ два различныя племена: жители *западной*—польскаго происхожденія, мазуры и панисты; *восточной*—русскаго происхожденія, червонорусы и униаты. Австрійское правительство, хотя и принадлежитъ къ западной церкви, явилось однако справедливымъ защитникомъ униатовъ, ограждало ихъ храмы и свободу церкви отъ свирѣпыхъ насилій латинскаго духовенства, устроило семинарію, для надлежащаго образованія униатскихъ священниковъ, и въ недоконченныхъ распряхъ за церковныя владѣнія недвижимостями между латинянами и униатами, до того держалось строгой справедливости, что ксендзы доводили до Рима жалобы въ пристрастіи къ униатамъ австрійскихъ властей и судовъ.

Наполеоновскія войны на время прекратили административныя работы австрійскаго правительства къ улучшенію быта крестьянскаго сословія, но, по возвращеніи Галиціи къ Австріи, она не только привела въ исполненіе прежнія предначертанія, но назначенный въ Галицію генералъ-губернаторомъ баронъ *Гауэръ* пошелъ далѣе. Вникая въ сущность теченія дѣлъ, онъ видѣлъ, что предоставленное помѣщикамъ право барщины, хотя въ установленныхъ границахъ, и право двороваго суда, для веденія хозяйства, на практикѣ были поводомъ къ великимъ и нескончаемымъ злоупотребленіямъ со стороны помѣщиковъ, потому что ближайшій надзоръ мѣстною администраціею за исполненіемъ издаваемыхъ постановленій и суды были въ рукахъ туземцевъ, а эти туземцы-поляки, своими связями и взятками, всегда являлись на сторонѣ пановъ и тѣмъ болѣе усиливали вліяніе этого сословія, столь вреднаго правительству и обществу своею традиціонною интеллигенціею.

Баронъ *Гауэръ* замѣстилъ поляковъ во всѣхъ вліятельныхъ должностяхъ чиновниками изъ другихъ провинцій Австріи, образованными и честными; въ особенности призвалъ онъ многихъ изъ развитой Богеміи. Шляхетство, вѣками утвердившееся въ самообольщеніи, что оно составляетъ отъ народа особую породу, добилося того, что и народъ увполнѣ своимъ себѣ это мнѣніе. Если, даже крестьяне западной Галиціи, отрекались отъ названія поляковъ, называя себя *галичанинами* или *австріяками*, то легко можно судить, какое сочувствіе со стороны крестьянъ восточной Галиціи могло встрѣтить приглашеніе сдѣлаться поляка-

ми. Поляки, по народному понятію, были туземцы, члены такъ называемаго образованнаго сословія, но никакъ не мужики.

Въ будущей главѣ мы увидимъ поведеніе сельскаго населенія, когда оно было признано положить свое сочувствіе на чашки вѣсовъ; изъ нихъ на одну были положены народныя воспоминанія, учрежденія и заботы австрійскаго правительства къ улучшенію крестьянскаго быта, на другую—горопливыя, щедрія и запоздалыя обѣщанія шляхетства, котораго деспотическое высокомеріе, корыстолюбивое властолюбіе, измѣну и измѣнчивость народъ изучалъ на опытѣ въ теченіи вѣковъ.

Честолюбивые строители воздушныхъ замковъ, реформаторы общественнаго устройства, своекорыстные благодѣтели человечества тогда на дѣлѣ могли убѣдиться, что довѣренность народа нельзя приобрѣсти въ нѣсколько часовъ щедротами безграничной милости, которыя они ему сулили—поневолѣ, когда нужда была за плечами, а горячка исполненія ихъ желаній была въ сердцѣ и безпокойныхъ умахъ. Сами ораторы не лучше прочихъ понимали сущность своихъ обѣщаній. Практикою жизни народъ выработалъ то благоразуміе, котораго, среди распаленныхъ рѣчей, дышавшихъ мстью безсильной злобы и ученыхъ фантастическихъ диссертаций, не могла въ себѣ выработать ни пресловутая польская эмиграція, ни польское шляхетство, которое она за собою вела на буксирѣ.

Эмиграція искала въ такъ называемыхъ образованныхъ вліятельныхъ классахъ первыхъ себѣ помощниковъ, но и въ этихъ классахъ находилось трудно поддающееся на демагогическія выходы сословіе консерваторовъ-помѣщиковъ, важное однако потому, что оно преимущественно располагало средствами.

Произведеніями революціонной литературы, съ ея ультра-демократическими принципами, землевладѣльцы должны были перевоспитываться; политическіе и стратегическіе трактаты въ брошюрахъ Бема и въ статьяхъ польскихъ журналовъ, особенно 3-го мая, творенія фантастическихъ перьевъ, и гнусныя, іезуитскія и варварскія правила въ сочиненіи «Партизанская война Хржановскаго,» должны были усвоить увѣренность въ совершенной возможности исполненія самыхъ размахистыхъ мечтаній. Но не въ средѣ польской эмиграціи могла явиться предупреждающая, здравая критика этихъ ребяческихъ учено-военныхъ бредней, тѣмъ болѣе что поляки провозгласили геніями ихъ авторовъ.

Эмиссары живымъ словомъ должны были убѣждать нсвѣрую-

щихъ, увлекать колеблющихся и въ толпѣ чиновниковъ, адвокатовъ, лекарей, аптекарей, студентовъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ и мелкои шляхты вербовать самихъ многочисленныхъ и усердныхъ ревнителей.

Не было сторонъ, съ которыхъ не приступали бы эмиссары, чтобы традиціонную интеллигенцію высокаго шляхетства переработать въ свою пользу, искусить теоріями коммунизма. Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ коммунизмъ проповѣдывался между мужчинами и дамами путемъ *сердечныхъ влеченій*, число *три* принято за *символическое и симпатическое число*, и тройками слагалось общество новыхъ коммунистовъ. Помѣщикъ *Феликсъ Пониквитскій* и лѣкарь *Тарасевичъ* были ревностными агентами и распространителями этого общества, къ которому спустились даже и аристократическіе кружки. Княгиня С. была одною изъ самыхъ ретивыхъ ученицъ коммунизма и новыя теоріи возила для распространенія въ Царство Польское. Князь, ея супругъ, по видимому сперва не очень радовался и поддавался новому ученію; но его словамъ „княгиня въ коммунизмъ сдѣлалась настоящимъ профессоромъ; но что эти профессора погубятъ сотни три членовъ приставшихъ къ ихъ обществу; что *Пониквитскаго* и *Тарасевича* давно было надо посадить на цѣпь.“ Но стараніями помѣщицы Яг. онъ и самъ съ помѣщикомъ Яномъ Шв. попалъ въ тройку общества, правда не первоначальнаго, но расхода *женскаго коммуническаго общества*, съ нѣкоторыми измѣненіями первоначальнаго статута, произведенными г-жею Яг.

Польская эмиграція считала Галицію самою удобною страпою для начала возстанія, къ образованію корня мятежа. Тамъ, вблизи вольнаго города Кракова, демократическія ученія усердно были прививаемы учащейся молодежи, жаждущей, по обыкновению, избавиться отъ власти настоящихъ наставниковъ, и съ этой точки зрѣнія смотрѣвшихъ на правительство; кромѣ воспитанниковъ они обрабатывали городское сословіе, къ нимъ склонялись и дворяне, съ одной стороны недовольные стѣсненіемъ ихъ австрійскимъ правительствомъ, а съ другой подстрекаемые великими планами и краснорѣчивыми доводами эмиссаровъ въ каждомъ кружку ловко умѣвшихъ, въ призывы къ патриотизму и возстановленію прежней славы и могущества Польши, выстать демократическія тенденціи, на сколько эти вводныя предложенія не препятствовали бы замыслаемому дѣлу. Случались дивныя встрѣчи двухъ посвященныхъ—однимъ и тѣмъ же эмиссаромъ. Одинъ

утверждалъ, что всѣ прокламаціи демократической партіи собственно необходимы для господствующаго общественнаго мнѣнія и поддержанія сочувствія въ революціонерахъ Европы, а другой— что въ новосоздачной Польшѣ должны исчезнуть и богачи и магнаты, и что послѣдуетъ такой общественной переворотъ, вслѣдствіе котораго только оказанныя обшизнѣ заслуги дадутъ право на почести и значеніе.

Австрійское правительство давно уже и часто натѣкалось на кружки заговорщиковъ. Въ 1835 году открытъ былъ такой кружокъ въ пограничной стражѣ западныхъ округовъ Галиціи, въ 1837 году въ тарновскомъ округѣ, въ 1840. въ одномъ пѣхотномъ полку и между студентами и семинаристами Львова.

Правительство, въ невѣдѣніи всѣхъ широкихъ замысловъ европейскихъ революціонеровъ и польской эмиграціи, считало ихъ выходками пылкой молодежи и увлеченіями невѣждъ, которые болѣе достойны сожалѣнія, нежели кары. При принятой системѣ заговоровъ, слѣдствія скоро теряли концы, а отдѣльные кружки, своею слабостью, вводили правительство въ заблужденіе и не вызывали особенно строгихъ мѣръ; все приписывалось соеѣдству буйныхъ головъ соеѣднлаго вольнаго города Кракова, въ которомъ пріютилось много участниковъ возстанія 1831 года. Польское дворянство усердно работало, чтобы поддержать заблужденіе въ правительственныхъ сферахъ и корчило преданпѣйшихъ сторонниковъ правительства и друзей пѣнцамъ.

Въ 1843 году польская эмиграція положила собрать всѣхъ надежныхъ своихъ членовъ для окончательнаго разрѣшенія— кому изъ нихъ отправиться въ Польшу для рѣшительныхъ приготовленій къ возстанію; они должны были явиться съ паспортами купцевъ, купеческихъ прикащиковъ и венгерцевъ коробочниковъ, торгующихъ по деревнямъ. Вытравленные на лѣвой рукѣ знаки L. 1. 7. должны были давать средства заговорщикамъ узнавать другъ друга.

Эмигрантъ Феликсъ *Киневичъ*, одинъ изъ главнѣйшихъ ревнителей возмущенія мозырскаго уѣзда въ 1831 году, нѣсколько разъ потомъ, съ разными порученіями отъ эмиграціи, являлся тайно на родинѣ; въ 1844 году онъ прибылъ снова эмисаромъ, подъ видомъ прикащика, нанимающаго рабочихъ въ Царство Польское; онъ возбуждалъ къ революціи минскихъ помѣщиковъ и главными его туземными агентами сдѣлались помѣщики *Оскерки* и *Еленскіе*; у нихъ стали являться безпрестанныя сборища соеѣ-

дей, преимущественно у *Емилія Оскерки* въ Водовичахъ; особенно дѣятельны были Наполеонъ и Антонъ *Еленскіе*. Первый былъ участникомъ бунта 1831 г.,— сосланъ на Кавказъ и потомъ помилованъ. Антонъ *Еленскій* въ лѣсныхъ своихъ дачахъ устраивалъ мастерскія для приготовленія боевыхъ припасовъ, косъ, копій и т. п.; *Киневичъ* далѣе отправился на югъ, вошелъ въ ближайшія сношенія съ главноуправляющимъ имѣній графини *Браницкой* *Людвигомъ Солтиномъ* и съ помѣщиками *Горватами*.

Въ Пруссіи явились, по имѣющимся свѣдѣніямъ, эмиссары *Эдуардъ Дембовскій*, перешедшій потомъ въ Царство и за тѣмъ въ Галицію подъ именемъ *Барковского*, *Завиша Черный* и *Лешинскій*. Въ Литвѣ изъ главнѣйшихъ мѣстныхъ агентовъ были лѣкарь *Реніеръ* въ г. Вильнѣ, *Людвигъ Ясинскій*, монахъ доминиканъ и *Юсифъ Скибинскій* ксендзъ пробоцъ, въ губерніи.

Если демократы эмиграціи предполагали что среда, которая въ Галиціи даетъ наибольшій контингентъ для возстанія, можетъ быть обработана ксендзами, рѣчами, обѣщаніями эмиссаровъ и катихизисами; то въ Познани они видѣли, что помѣщичье сословіе, сохраняя наиболѣе польскаго элемента, можетъ быть обработываемо только другими путями. Кромѣ старанія привлечь на свою сторону женщинъ, имъ было необходимо обратить особенное вниманіе на облегченіе средствъ къ распространенію въ польскомъ обществѣ произведеній революціонной литературы. Закупить книгопродавцевъ, особенно еврейскаго происхожденія, которыхъ нельзя было приманить другими средствами, было особенною ихъ заботою. Главнымъ агентомъ въ этомъ дѣлѣ сталъ книгопродавецъ *Стефанскій*, въ Познани. Въ тюкахъ ему доставляемыхъ книгъ являлись всѣ произведенія демократическихъ перьевъ. Оставляя достаточный запасъ для мѣстныхъ потребностей, онъ отправлялъ остатокъ далѣе, который этимъ путемъ изъ Парижа, Лондона и Брюсселя, чрезъ Познань, шелъ для сбыта въ Галицію и русскую Польшу. Въ послѣдней пограничныя ксендзы, разъѣзжая съ св. дарами, особенно занимались перевозомъ чрезъ границу мимо таможенъ брошюръ революціонной литературы. Для русскихъ поляковъ, евреи изъ Познани, въ большихъ сундукахъ, довозили книги до границы, а перевозомъ чрезъ границу особенно занимались ксендзы *Феликсъ Вышинскій* и *Густовскій*. Они рассылали книги далѣе—по монастырямъ и костеламъ. Въ одномъ монастырѣ августиновъ было найдено, въ 1846 году, одной только «*Партизанской войны*» *Хржановскаго*,—весьма не на-

зидательнаго для духовенства чтенія, — 29 экземпляровъ. Монахи свалили вину на отца бібліотекаря *Дракшевича*, а этотъ показалъ книги принадлежавшими не задолго предъ тѣмъ умершему 73-хъ лѣтнему старцу, — отцу *Карлицкому*.

Ксендзъ *Владиславскій* изъ Ширвинтъ и ксендзъ *Мальскій* занимались дальнѣйшею перевозкою литературныхъ произведеній польской эмиграціи и частью доставляли ихъ въ г. Вильну къ лѣкарю *Реніеру*, для тайной распродажи, распространенія въ учебныхъ заведеніяхъ и для сбыта въ содержимой имъ читальнѣ. Особенная забота польской эмиграціи состояла въ достаточномъ подвозѣ ея сочиненій въ Друзгеники (Гродненской губерніи), куда на воды, на время лѣтнаго сезона, съѣзжалось большое число мѣстнаго дворянства изъ Царства Польскаго и западнаго края.

Князь Адамъ *Чарторыйскій* съ своею аристократическою партіею, постоянно занятый дипломатическими интригами, утверждалъ туземную аристократію въ томъ убѣжденіи, что возстановленіе Польши можетъ совершиться только при какихъ нибудь экстренныхъ событіяхъ, которыя доведутъ Европу до европейской войны; а потому богатые землевладѣльцы не должны поддаваться ни какимъ искушеніямъ польскихъ демократовъ, держать себя крайне осторожно, дабы никакими уловками не дать повода слѣдствіямъ къ обвиненію, по выжидая терпѣливо, вмѣстѣ съ тѣмъ — всѣмъ своимъ вліяніемъ и всѣми своими средствами поддерживать польскую національность и неутомимо заботиться о ея дальнѣйшемъ развитіи. При слухахъ, долетающихъ до Парижа, востократъ преувеличенныхъ польскою молвою, о неимовѣрныхъ успѣхахъ демократовъ эмигрантовъ; при громаднѣхъ замыслахъ европейскихъ революціонеровъ, обѣщавшихъ всю Европу охватить пламенемъ своихъ подвиговъ, — князь *Чарторыйскій* колебался. Постоянною его заботою было сохраненіе вида, что всѣ національныя стремленія въ его фамиліи находили сочувствіе и отголосокъ; какъ же было ему, при его постоянной мысли — посадить свою династію на польскій престолъ, дать въ руки его противниковъ, сильное оружіе, давъ эмигрантамъ право говорить, что *Чарторыйскіе* ослабили національное дѣло, выведя изъ круга дѣйствія людей своей партіи.

Для князя Адама настало время полнаго торжества; всѣ партіи эмиграціи видѣли, что безъ богатыхъ землевладѣльцевъ края ничего имъ не сдѣлать; представители всѣхъ партій являлись къ нему, умоляя слиться вмѣстѣ съ своими приверженцами, столъ

важными ихъ средствами, сѣются въ обличіи теплыхъ національныхъ стремленійхъ; тогда князь Адамъ поддался и, въ надеждѣ на успѣхъ, подалъ сигналъ къ единодѣйствию; по его мановенію *Замойскіе, Моравскій, Равскій, Чайковскій, Быстржановскій и Вильчовскій* отправились по вѣтмъ стрзамъ Европы, даже въ Турцію и на Кавказъ,—двинуть сторонниковъ аристократической партіи польской эмиграціи къ принятію живаго участія въ наступающихъ событіяхъ.

Извлеченія изъ журнала, „3-е мая“, помѣщенные нами во 2-й главѣ, ясно выражаютъ, въ какую необходимость ставили—аристократическую партію пристать къ движенію—грозные для нея успѣхи польскихъ демократовъ, дабы не остаться *не у дѣлъ*, и какими путями она это движеніе хотѣла повернуть въ свою пользу. Наши извлеченія достаточно указываютъ, на какихъ основаніяхъ польская эмиграція замышляла вести мятежъ и убаюкивала себя надеждами. Признавая невозможность поднять ошѣмеченное населеніе Познани, польская аристократія вполнѣ признавала крестьянъ Галиціи тупоумными холопами, которыхъ она поведеть, когда угодно, за собою, какъ барановъ.

Время настало, надо было найти средства къ исполненію,—исполненіе было неуспѣшно, какъ основанное на предположеніи совершенной безмозглости въ сословіи крестьянъ. Впрочемъ не много здраваго практическаго смысла обнаружили и польскіе дѣятели; не менѣе того все дѣло характерически рисуетъ корыстныхъ іезуитскихъ дипломатовъ замберовскаго отеля.

Польской эмиграціи было нужно поднять народъ противъ австрійскаго правительства; она почитала достаточнымъ къ тому исписанный листъ бумаги. 1845 годъ былъ неурожайный; эмиграція и это обстоятельство приняла къ свѣдѣнію. Хотя никому не воспрещается дарить свое имущество, а тѣмъ болѣе при правахъ, которыми пользовалось галиційское крестьянское сословіе, помѣщики могли безъ всякаго разрѣшенія благотѣльствовать своимъ подвластнымъ на сколько имъ было угодно; но умыселъ былъ не тотъ, и польская эмиграція остановилась на слѣдующей комбинаціи:

Если правительству подать адресъ о пожертвованіяхъ, на которыя дворянство готово въ пользу крестьянскаго сословія, въ выраженіяхъ темныхъ, шаткихъ и неопредѣленныхъ, то, во первыхъ, потребуетъ извѣстное время для приращенія дѣла въ ясность, и при позднѣйшемъ исполненіи землевладѣльцы съумѣютъ сохранить свои интересы, а вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство будетъ

вправѣ сказать крестьянамъ: „Мы хотѣли вамъ помочь, просили разрѣшенія, даже писали въ Вѣну, но императору не до васъ.“ Съ одной стороны польская эмиграція надѣялась захватить въ руки сильное оружіе для подстреканія крестьянъ къ бунту, а съ другой стороны предъ лицомъ Европы, она могла выставить все великодушіе и добрыя намѣренія своихъ туземныхъ собратьевъ. Этотъ замѣчательный документъ дѣйствительно былъ, послѣ неудавшагося мятежа, напечатанъ въ 1846 году въ числѣ обвинительныхъ актовъ австрійскаго правительства, и нельзя не замѣтить, что все то, о чемъ адрессъ силится умоачать, все то что въ немъ шатко, не опредѣлено, то ясно выговорено въ заглавіи, подъ которымъ адрессъ появился въ газетахъ.

Приведемъ заглавіе: *Прошеніе галиційскихъ дворянъ императору Фердинанду 1-му о дозволеніи дворянамъ и землевладельцамъ даровать крестьянамъ полную свободу и собственность, дабы предупредить будущія катастрофы.*

Помѣщаемъ для полноты и самое это пресловутое прошеніе: Леопольдштадтъ, сентября 26 дня 1845 года.

„Ваше Величество. Прошедшій годъ, столь пагубный непогодами, нанесъ много ущерба работамъ и землепашцамъ; наводненія истребили ихъ средства и поселили опасенія за будущее; въ истекающемъ году сборы были посредственными, урожай картофеля еще не извѣстенъ, нищета растетъ и распространяется по всей странѣ; во многихъ мѣстахъ градъ побилъ посѣвы, и моровая язва истребляетъ скотъ, въ горныхъ мѣстностяхъ долины пострадали и бѣдные крестьяне безъ крова, безъ одежды, безъ скота и безъ лошадей. Тѣ, которые своимъ многолѣтнимъ потомъ орошали землю предковъ, разсѣваются и просятъ милостыню; сбереженные запасы истощаются, на будущее надежды мало, впереди дороговизна и голодъ..“

„Въ виду этихъ страшныхъ и общихъ бѣдствій, ваши вѣрные подданные всегда готовы приносить всѣ пожертвованія, о которыхъ упоминается въ вашихъ сообщеніяхъ. Дворянство для себя ничего не проситъ; но оно настоятельно проситъ о скорыхъ и дѣйствительныхъ пособіяхъ крестьянамъ, наиболѣе пострадавшимъ. Всенижайше мы представляемъ это обстоятельство разрѣшенію вашего императорскаго и королевскаго величества. Пособія, которыя могутъ быть временно выданы правительствомъ, будутъ нами поддержаны со всевозможнымъ усердіемъ; а эти пособія могутъ быть легко вознаграждены въ скоромъ будущемъ, при

новыхъ урожаяхъ. Ваше Величество! новымъ благодѣяніемъ увеличьте вашу заботливость.“

„Мы особенно ожидаемъ счастливыхъ послѣдствій для страны отъ мѣры, клонящейся окончательно установить положеніе крестьянъ и ихъ отношенія къ землеадѣльцамъ и благодаримъ ваше величество за дозволеніе особой комисіи выборныхъ изъ дворянъ рассмотреть и сообразить это дѣло.“

«Мы далеки отъ мысли посягнуть на чью бы то ни было собственность или на права, законно пріобрѣтенныя! Мы не хотимъ возбуждать ни опасеній, ни надеждъ, которыя нарушили бы правильное управленіе всѣхъ поземельныхъ собственности, уменьшили бы производительность и угрожали бы общественному спокойствію; напротивъ того, желаніе дворянства — дать новыя гарантіи всѣмъ правамъ, устранить тѣ затрудненія, которыя парализируютъ право пользованія и тѣмъ дать возможность на будущее время къ помѣловнымъ соглашеніямъ, между помѣщиками, и крестьянами, имъ подвластными. Слѣдствіями подобной мѣры будутъ улучшеніе быта, общее для всѣхъ увеличеніе народнаго богатства и устраненіе всякихъ причинъ и предлоговъ, даже и къ нетерпѣнью, котораго устраненіе утвердитъ вполнѣ общественное спокойствіе.“

„При всемъ томъ комисія чувствуетъ себя недостаточно уполномоченною для исполненія своихъ желаній. Въ доказательство общаго чувства нужды и настоятельной потребности этой мѣры и средствъ къ ея исполненію, просимъ ваше величество обратить вниманіе, что подписавшіе этотъ адресъ — преимущественно помѣщики и число подписей гораздо значительнѣе противъ обыкновеннаго.“

Не зная этихъ подписей, мы можемъ обратить наше вниманіе только на то, что газетное заглавіе не клеится съ адресомъ, что помѣщикамъ предъ мятежемъ очень хотѣлось пособіями отъ казны увеличить мѣстныя средства, и что друзья человѣчества, писавшіе адресъ, послѣ столь чувствительнаго изображенія народнаго бѣдствія, избрали именно это время для мятежа, а всѣ деньги, ими такъ щедро разсыяныя на затѣи эмиграціи и ея дипломатическія закупи и подкупки, на ея литературную дѣятельность, на заготовленіе оружія и всякихъ воинственныхъ военныхъ снаряженій, — не употребили дѣйствительно на помощь по ихъ словамъ столь нуждавшимся хлопамъ.

ГЛАВА 5-я.

Подготовленія къ общей европейской революціи 1846 г.—Дворянство въ Галиціи.—Подземныя работы.—Польскія интриги.—Эмиссары и агенты.—Князь Чарторыйскій и Мѣрославскій—стремленіе обоихъ провести другъ друга.—Назначенія предъ мятежемъ.—Инструкція Мѣрославскаго.—Замысль новыхъ Сицилійскихъ вечерень.—Ловкій обманъ аристократіею эрцгерцога Фердинанда.—Его приказъ съ запрещеніемъ крестьянскихъ сборовъ.—Арестъ заговорщиковъ въ Познани.—Неудачная попытка къ мятежу въ Галиціи.—Общанія крестьянамъ и побіеніе крестьянъ.—Сельское населеніе не дается въ обманъ.—Рѣзня пановъ.—Нецтовства.

Партія европейскихъ революціонеровъ, въ теченіи десяти лѣтъ, ведя дѣятельно свою подземную пропаганду, считала себя достаточно сильною, чтобы снова приступить къ дѣйствіямъ. 1845 годъ ознаменовался ретивыми приготовленіями; между революціонерами явилась полная надежда, что въ европейскомъ населеніи развелось достаточно ими подготовленныхъ головъ, для поддержанія первыхъ волненій, и что, съ этими избранными, революціонеры будутъ достаточно сильны, увлеченіемъ или ужасами революціоннаго террора, принудить мирныхъ и спокойныхъ гражданъ если не содѣйствовать, то по крайней мѣрѣ не противудѣйствовать повсемѣстному возстанію. Революціонеры понимали, что въ войскахъ они встрѣтятъ опасѣйшихъ противудѣйствователей; а потому во всѣхъ арміяхъ они хотѣли литературою и своими агентами ввести заразу анархіи въ военное сословіе, проводя идеи, что войны—граждане и должны отказаться отъ повиновенія пра-

вительствамъ, которыя отъ нихъ будутъ требовать, какъ во Франціи, усмиренія собственныхъ согражданъ.

При этой основной мысли, коноводы революціи старались повсемѣстно разсеивать неудовольствія неутомимыми порицаніями всякихъ правительственныхъ мѣръ, постояннымъ изображеніемъ законныхъ правительствъ—первыми врагами народовъ, властолюбивыми пѣвками, сосущими ихъ силы и достояніе, толкованіями, что всякія повинности населенія суть тягости, и что правительства только бремя, отъ котораго должно искать избавленія.

Польская эмиграція особенно отличалась своею неутомимостью; «она взошла въ сношенія съ нѣмецкими демократами, мадьярскими агитаторами, съ республиканцами Франціи и Италіи и съ Піемонтскимъ королемъ Карломъ Альбертомъ. Поляки должны были дать инициативу, Галиція и Познань должны были служить театромъ первыхъ успѣшковъ. Въ этихъ областяхъ поляки надеялись на вѣрнѣйшіе успѣхи. Поднявъ въ нихъ мятежь, они думали разить его на царство Польское, а за нимъ на всю Россію; въ тоже время произвести бунтъ въ Берлинѣ и Пестѣ, который долженъ быть сигналомъ для Вѣны, Праги и главныхъ городовъ Германіи, также для Парижа и въ особенности для Италіи, въ которой карбонары готовили огромную высадку въ Сицилію и Неаполь, подъ покровительствомъ англійскаго флота. Поднять мятежь въ австрійскихъ владѣніяхъ Италіи, въ венеціанской области и Ломбардіи, король Піемонтскій взялъ на себя,—словомъ на 1846 годъ была принята европейскимъ революціоннымъ ареопагомъ почти та же программа дѣйствій, которая стоила столько крови въ 1848 году.» Къ такому выводу пришло австрійское правительство изслѣдованіями совершившихся событій.

Система управленія Польши фельдмаршаломъ княземъ Варшавскимъ лишала революціонеровъ надежды начать съ самаго Царства. Съ одной стороны былъ бдительный надзоръ, а съ другой населеніе было охраняемо отъ панскаго своеволія. Шляхетство опасалось компрометировать себя какими либо выходками, отъ которыхъ нельзя было бы отвертѣться при слѣдствіяхъ; единственное средство добыть содѣйствія сельскаго населенія они находили только въ вооруженномъ вторженіи изъ сосѣднихъ областей, при чемъ вторгнувшіеся шайки дѣйствуя *суровѣе съ жи-*

телями нежелали русскія власти, какъ высказался польскій генералъ Бемъ, поставили бы населеніе, при вліяніи ксендзовъ, въ неизбѣжное положеніе содѣйствовать мятежу.

И такъ отъ удачныхъ дѣйствій въ Галиціи и Познани долженъ былъ зависть весь успѣхъ замышляемаго общаго европейскаго переворота. Агенты революціонной партіи заводили кружки заговорщиковъ между поляками въ разныхъ отрасляхъ австрійской администраціи и въ полкахъ, на которые по временамъ натыкались власти; но, при принятой системѣ заговоровъ, австрійское правительство не могло и догадываться о громадныхъ размѣрахъ общаго цѣлаго; при скоро прерывающихся нитяхъ, слѣдователи, въ невѣденіи затаенной соображеніями Буонаротти, научно обработанной теоріи заговоровъ, приходили къ заключенію, что открываемыя конспираціи были только ничего незначущіе остатки древней польской интеллигенціи и слѣдствія безпкойнаго броженія нѣсколькихъ умовъ молодежи. Польское дворянство не щадило никакихъ усилій поддерживать это мнѣніе, и оно тѣмъ большее имѣло вліяніе, что галиційскому дворянству нельзя отказать въ ловкомъ предательски—дипломатическомъ его поведеніи.

Чѣмъ болѣе созрѣвалъ подземный заговоръ, тѣмъ болѣе богатые землевладѣльцы, которые давали тонъ остальному шляхетству, становились предупредительными къ представителямъ Австріи. Быстро начала исчезать та замкнутость польскаго общества, въ которомъ оно себя держало, не допуская лицъ другихъ національностей въ свою среду. Шляхетство надѣло на себя маску искренняго сближенія съ законною властью. Польскіе садоны открылись для мѣстныхъ властей, и австрійскіе служащіе находили въ польскихъ домахъ самыхъ гостепріимныхъ, предупредительныхъ хозяевъ и самыхъ привѣтливыхъ, нечопорныхъ, милыхъ и снисходительныхъ хозяекъ.

Галиційское дворянство было въ близкихъ сношеніяхъ съ аристократическою партіею эмиграціи, питалось ея дипломатическими надеждами; но вмѣстѣ съ тѣмъ дальновидные расчеты *Чарторыйскаго* мало удовлетворяли его нетерпѣніе, и жадно оно мечтало объ удачномъ исходѣ вооруженнаго возстанія, которое, по любимому выраженію польскихъ революціонеровъ, стало бы *событіемъ совершившимся*. Эмиссары демократической партіи дѣятельно старались разрабатывать въ свою пользу шляхетныя тенденціи. Образованіемъ революціонной организаціи въ Гали-

цій, съ особеннымъ успѣхомъ, занимался эмиссаръ *Хмплевскій*, бывшій членъ польскаго комитета въ Парижѣ. Ревностными его помощниками были туземцы: *Лукаевичъ*, *Теоровскій*, и *Теофилъ Висніовскій*. Послѣдній затѣялъ заговоръ еще въ 1838 году, который былъ открытъ; онъ успѣлъ тогда бѣжать во Францію и тамъ сталъ однимъ изъ главныхъ коноводовъ демократической партіи. При его вліяніи въ край, демократическая партія Галиціи и Познани значительно усилилась его позднѣйшею дѣятельностью. Проживая во Франціи, онъ избралъ въ орудія къ пропагандѣ между туземцами, двухъ молодыхъ графовъ *Вьселовскихъ*, изъ которыхъ особенно ретивымъ былъ младшій—*Францишекъ*.

Демократическая партія эмиграціи, своею всегдашнею готовностью приступить къ мятежу, брала перевѣсъ въ симпатіяхъ молодыхъ туземцевъ надъ осторожною медленностью партіи Ламберовскаго отеля. Большинство шляхетства Галиціи, при крайне-коммунистическихъ выходкахъ демократической партіи, извиняло ее тѣмъ, что эти выходки только средства къ возбужденію массъ, что послѣ удачно произведеннаго мятежа „*вліятельный классъ не можетъ не остаться вліятельнымъ*“, и потому, оно беззаботно и довѣрчиво поддерживало всякія провозглашенія, которые могли-бы привести къ скорѣйшимъ дѣйствіямъ. Партіи *Делевелля* въ Брюсселѣ и *Островскаго* въ Лондонѣ безостановочно высылали эмиссаровъ поддерживать завербованныхъ и возбуждать равнодушныхъ и боязливыхъ, и рядомъ сочиненій подстрекали не откладывать мятежа въ долгій ящикъ. Дѣятельность демократической партіи достигала цѣли. Кружки заговорщиковъ, особенно въ Познани и западной Галиціи, горя нетерпѣніемъ, угрожали, что, при дальнѣйшей медленности, они, не ожидая общихъ приготовленій и подготовленій, попробуютъ возстать съ собственными силами. Когда же князь *Чарторыйскій* одобрилъ возстаніе, тогда исчезли и послѣдніе благоразумные доводы, которые еще удерживали шляхетство Галиціи.

Польскимъ магнатамъ предстояло или пристать къ мятежу, или разорвать навсегда всѣ связи съ демократами; но тогда пришлось бы навсегда проститься и съ своими традиціями. Князь *Адамъ* вспоминалъ о своей династіи и видѣлъ, что, при произведенномъ демократическою партіею эмиграціи сильномъ броженіи умовъ, движеніе остановить уже было невозможно. Помѣщики, примкнувъ искренно къ законнымъ властямъ и устранившись отъ крамолы, могли навлечь на себя отъ людей, жажду-

щихъ революціоннаго движенія, только новую бѣду и новыя обвиненія. Князь Адамъ, безопасно сидя въ Парижѣ, неохотно рискнулъ попробовать счастья—предписывалъ дѣйствовать, но внушалъ величайшую осторожность.

Число членовъ демократической партіи въ Познани въ 1843 году превышало уже цифру 5000. Мѣтрославскій написалъ общій планъ возстанія; сущность его состояла въ томъ, что повстанцы должны начать овладѣніемъ главнѣйшихъ пунктовъ въ Галиціи и Познани; въ слѣдующіе 8 дней должны въ нихъ достаточно укрѣпиться, изгнать и истребить въ нихъ находящіеся военныя силы и, правильно организовавшись, ворваться въ царство Польское. Послѣ совѣщаній со всѣми европейскими революціонерами, взрывъ мятежа былъ положенъ къ началу 1846 года.

Край, въ теченіи 1845 года, наполнялся эмигрантами—эмигрантами, проникавшими подъ фальшивыми паспортами. Тысячами экземпляровъ ввозились разные революціонные катехизисы. Дворянство держало себя осторожно въ сторонѣ, съ анхорадкою въ сердцахъ: одни боялись, большинство нетерпѣливо ожидало начала дѣйствій. Дѣятели, усиливавшіеся развратить городское населеніе, были литераторы, журналисты, управляющіе (*Mandataren*), арендаторы, учителя, студенты, ксендзы, завербованные молодые офицеры и унтеръ-офицеры. Однимъ изъ главнѣйшихъ агентовъ въ западной Галиціи былъ чиновникъ (*Kanzellist*) *Капучинскій*, который ознаменовалъ себя въ пропагандѣ безграничною дѣятельностью, съ помощью его очаровательно—красивой короткой знакомой, жены одного изъ Плесненскихъ горожанъ. Въ Тарновскомъ округѣ главою агитаторовъ былъ графъ Францисекъ *Вьселовскій*, поддерживавшій связь съ познанскими заговорщиками *Тысовскимъ*, впослѣдствіи бывшимъ диктаторомъ, и *Карломъ Рогавскимъ*, секретаремъ революціоннаго правительства въ Краковѣ.

Тарновъ сталъ центромъ дѣятельности революціонеровъ въ западной Галиціи, а Львовъ въ восточной. Въ послѣдней въ особенности работали Эдуардъ *Дембовскій*, Гуго *Весіновскій* и *Сикорскій*. *Дембовскій* былъ посланъ эмигрантомъ въ Пруссію и въ царство Польское; но, возбудивъ подозрѣніе русскаго правительства, бѣжалъ оттуда съ новымъ фальшивымъ паспортомъ въ Галицію, подъ именемъ *Барковского*. Въ платьѣ то торговца, то еврея, то женщины, укрываемый сельскимъ дворянствомъ, *Дембовскій* избѣгалъ преслѣдованій полиціи, въ продаваемыхъ пуговицахъ разсѣвалъ прокламаціи, былъ нѣсколько вре-

мени лакеємъ при одномъ изъ австрійскихъ сановниковъ, потомъ поступилъ вольноопредѣленнымъ въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ (Nugent), дабы пропагандировать между нижними чинами и склонить ихъ къ нарушенію присяги. Гуго *Вьскіовскій* былъ въ заключеніи за политическія преступленія, и помилованный въ 1845 году, горячо принялся за прежнюю работу; *Сикорскій* былъ юристъ и состоялъ во главѣ одного изъ кружковъ заговорщиковъ между львовскими студентами. Имѣемъ подъ рукою нѣкоторыя многозначительныя подробности о дѣятельности *Сикорскаго*. Эмиссаръ *Дембовскій* прибывъ въ Галицію, сошелся съ *Сикорскимъ* и хотя нашелъ его исправляющимъ одну изъ должностей на низшихъ слояхъ революціоннаго заговора, но способнаго своею фанатическою рѣшительностью быть гораздо полезнѣйшимъ агитаторомъ въ высшихъ сферахъ европейскихъ революціонеровъ. При всей осторожности, которую *Дембовскій* соблюдалъ въ своихъ сношеніяхъ съ галиційскими революціонерами, дабы не быть выданнымъ, уличеннымъ или схваченнымъ, — онъ однако, послѣ короткаго знакомства съ *Сикорскимъ*, въ одной студенческой комнатѣ *Личаковского* львовскаго форштадта, посвятилъ его во все тайнства революціонныхъ замысловъ и предпринимаемыхъ средствъ, во все тайнства демократическаго союза, во все предначертанія къ замышляемому общему европейскому мятежу, снабдилъ его всеми нужными документами и уполномочилъ его пропагандировать и составить заговоръ въ Самборскомъ округѣ.

Съ установленною формою присяги, съ воззваніемъ *народоваго* правительства, богатымъ запасомъ польскихъ катехизисовъ и словесными инструкціями для вербованія и организаціи къ вооруженному возстанію, *Сикорскій*, присягнувъ *Дембовскому*, въ жидовской обткнутой полотномъ бричкѣ пустился въ Горожаны, гдѣ проживалъ его задушевный пріятель *Фердинандъ Чаплицкій*. Этотъ собралъ у себя изъ окрестности человекъ двадцать ксендзовъ, управляющихъ, арендаторовъ и лѣкарей. Позднимъ вечеромъ, на столѣ между двумя свѣчами, было поставлено распятіе, *Сикорскій* прочелъ присягу, присутствующіе повторяли прочитываемыя слова пальцемъ касаясь распятія; за тѣмъ имъ было прочитано воззваніе *народоваго* правительства, которое обязывало каждого, въ кругу его дѣятельности, работать къ возстановленію Польши, при чемъ каждому изъ присутствующихъ были розданы демократическіе катехизисы. Вновь посвященные дали обѣтъ употребить все средства и все свое вліяніе, чтобы

склонить населеніе къ возстанію, не жалѣя ни стараній, ни имущества; наконецъ *Сикорскій* потребовалъ отъ нихъ обѣщанія, чтобы никто изъ нихъ, ни подъ какимъ предлогомъ, ни съ кѣмъ не сносился и не исполнялъ ни чьихъ приказаній, кромѣ тѣхъ, которыя будутъ имъ отдаваемы, потому что только ему одному *Сикорскому* будутъ сообщаемы приказанія *народоваго* правительства, которое и назначить день для начала возстанія.

Дембовскій не могъ нахвалиться успѣшнымъ быстрымъ исполненіемъ порученія, даннаго *Сикорскому* и обязалъ его продолжать обрабатывать студентскую молодежь. Менѣе всего агитаторы занимались сельскимъ населеніемъ, по деревнямъ Галиціи бродили только отдѣльныя личности, которыя подъ видомъ собиранія народныхъ пѣсень и пословицъ, старались сблизиться съ народомъ и угощая крестьянъ, старались пробуждать въ нихъ новыя желанія и неудовольствія противъ правительства, *потворствующаго панамъ*. Эти продѣлки не принесли плодовъ. При расположеніи крестьянъ къ правительству, они еще болѣе ожесточались противъ пановъ, и приходили къ тому выводу, что только корыстолюбіе пановъ мѣшаетъ крестьянскому благоденствію. За то агитаторы, въ теченіи 1845 года, поддерживая сильное броженіе умовъ въ городахъ Галиціи, вполне достигли двоякой, ими себѣ предположенной, цѣли. Они пустили молву о скоромъ возстаніи и поддерживали ее частыми освѣжающими слухами, а иногда и плакатами, назначая дни и менѣе подозрительныя мѣстности къ мятежу. Съ одной стороны эти слухи подзадоривали къ мятежу, производили тревожныя ожиданія въ населеніи и натянутость въ спокойномъ теченіи общественной жизни; коноводы считали волненія особенно выгодными, подготовительными для народной массы средствами, а съ другой стороны эти слухи парализировали и тормозили дѣйствія правительства и приводили его въ заблужденіе.

Мѣстныя власти, тревожно видя господствующее настроеніе умовъ и собирающуюся грозу, доносили о молвѣ на счетъ бунтовъ, поддерживаемой плакатами, въ Вѣну; но ихъ предсказанія не сбывались, указываемые дни проходили спокойно, слѣдствія въ называемыхъ мѣстностяхъ никакихъ виновныхъ не открывали; всякій открываемый заговоръ приводилъ только къ заключенію на счетъ увлеченія нѣсколькихъ молодыхъ, беспокойныхъ умовъ, и всѣ эти обстоятельства въ совокупности давали вѣятельнымъ польскимъ личностямъ и личностямъ имъ сочувствовавшимъ обильныя данныя для того, чтобы выставять въ Вѣнѣ всѣ польскія

продѣлки шалостями, а обширныя затѣи-призраками (Fantomen). Австрійскому правительству поляки внушали, что доносчики были или интриганы, желающіе выслужиться предъ властями, или боязливые черновидцы (schwartzseher). Эмиграція съ своей стороны леутомямо развѣдывала въ Парижѣ и не щадила денегъ, чтобы открыть тайныхъ агентовъ австрійскаго правительства во Франціи; эти были щедро закуплены, дабы они писали свои донесенія въ Вену въ духѣ разъясненій польскихъ магнатовъ, проживающихъ въ Вѣнѣ. Польская партія ввела австрійское правительство въ совершенное заблужденіе и поселила въ немъ такую недовѣрчивость къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ мѣстною администраціею, что приводила послѣднюю къ равнодушію и апатіи.

Въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ революціонеры работали не съ меньшею ретивостью, но при сильномъ оцѣмеченіи простаго населенія, пропагандисты были поставлены въ необходимость болѣе рассчитывать на развитой классъ общества, и потому обратили особенное вниманіе на привлеченіе женщинъ, которыя дѣйствительно и явились самыми ретивыми орудіями для дѣла пропаганды. Если старики, сельскіе хозяева и менѣе были склонны поддаваться обаяніямъ этихъ искуственницъ, то остальная часть мужчинъ *„не могла устоять противъ расчитанныхъ улыбокъ и милостей прелестныхъ эмиссарокъ и врожденнаго имъ краснорѣчія.“* Таково мнѣніе челоѣка хорошо и близко знакомаго съ общественнымъ того времени настроеніемъ шляхетства въ Познани.

Демократическій парижскій комитетъ, или, какъ онъ себя называлъ, централизація демократическаго общества польской эмиграціи искала между познанскими демократами своихъ агентовъ. Главою всей подземной работы былъ докторъ *Либельтъ*, главными агентами-литераторъ *Карлъ Рупрехтъ*, литографъ *Викторъ Журнатовскій* и нѣкто *Будзинскій*; они вербовали заговорщиковъ и чрезъ *Виктора Журнатовскаго* шли сношенія съ Парижемъ.

Въ царствѣ польскомъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей были *Домбровскій*, помѣщикъ *Куфлева* и *Мадзинскій*. Находившійся тамъ эмиссаръ *Эдуардъ Дембовскій*, видя бдительный надзоръ, почелъ нужнымъ скорѣе перебраться съ Галицію.

Въ Литвѣ прежніе члены литовскаго комитета 1831 года, укрывшіеся при слѣдствіяхъ, имѣли высшій надзоръ за всеми таившимися кознями; главными агентами были докторъ *Реніеръ* и ксендзъ *Серавскій*. Они давно уже въ своихъ рукахъ соединяли

нити ими устраиваемыхъ кружковъ въ сѣверо-западномъ краѣ, Реніеръ завелъ библіотеку для чтенія въ Вильнѣ, въ которой желающіе могли абонироваться; это давало ему возможность сходиться съ молодежью, изучать и искушать ее. Онъ давалъ двусмысленныя книги, и потомъ изъ разговоровъ узнавалъ пригодна ли личность для дальнѣйшаго подготовленія и стоитъ ли его довѣренности; съ большимъ искусствомъ и осторожностью онъ вербовалъ между молодежью новобранцевъ и отправлялъ ихъ ко второстепеннымъ дѣятелямъ такъ ловко, что тѣ даже и не замѣчали, что въ великомъ патріотѣ скрывалась глава литовскаго заговора. Сезонъ водолѣченія въ Друзгеникахъ считалъ онъ особенно выгоднымъ для хода дѣла; главными дѣятелями туда являлись помѣщики Онуфрій и Діонисій *Скаржинскіе*. Реніеръ собирался на противоположномъ краѣ Литвы (въ Дисненскомъ уѣздѣ) завести также водолѣчебный сезонъ и хотѣлъ построить тамъ купальни, вовсе не заботясь находятся ли тамъ минеральные ключи. Доктору повѣрять на слово, а цѣль была та, чтобъ имѣть новое мѣсто сбора для тѣхъ, коимъ средства не позволяли не только пускаться за границу, но даже и въ Друзгеники. Эмиссарами въ Литвѣ были поляки изъ Познани *Реръ* и *Сломчевскій*. Они, въ концѣ 1845 года, были отправлены въ Литву повѣрить личности заговорщиковъ, приготовить кружки къ скорому взрыву и подробное донесеніе объ общемъ расположеніи умовъ доставить къ 25 января 1846 г.,—ко дню ожидаемаго пріѣзда *Мырославскаго* въ Познань. *Реръ*, адресованный въ Вильну къ доктору Реніеру и ксендзу *Серавскому*, объѣхалъ Литву, вошелъ въ ближайшія сношенія съ кружками и къ 28 января прибылъ съ утѣшительнымъ рапортомъ; *Мырославскаго* онъ засталъ уже на мѣстѣ. Другой же эмиссаръ *Сломчевскій*, выѣхавъ въ Литву, нашелъ порученіе слишкомъ опаснымъ, послѣшно вернулся въ Познань и своимъ донесеніемъ сообщалъ далеко не такія, исполненныя надежды, вѣсти.

Уже къ концу 1845 года, революціонеры считали себя достаточно готовыми и сильными, чтобы не сомнѣваться въ успѣхѣ; мѣстные агенты и эмиссары сообщали главѣ демократической партіи—*Людвигу Мырославскому* самыя одобрительныя свѣдѣнія. Онъ отправился въ Познань для принятія главнаго начальства, снабдивъ себя въ Парижѣ фальшивымъ паспортомъ на имя какого-то Комераста.

Познанцы встрѣтили съ восторгомъ *Мырославскаго*, лучезарнаго главу и руководителя централизаціи. Все манило къ будущему диктатору, къ нему обратились сердца и умы легкомыслен-

ныхъ поляковъ; залогомъ успѣха были—его громкая въ эмиграціи извѣстность, его кичливая самоувѣренность, его необдуманная рѣчи, съ убѣжденіями полного торжества; *Мьрославскій* и слушать не хотѣлъ желавшихъ Пруссію оставить въ живыхъ и цѣлкомъ присоединять ее къ Польшѣ. Онъ набрасывалъ грозную картину, какъ поляки разомъ порѣшатъ съ врагами, и въ одну ночь на всемъ обширномъ пространствѣ прежней рѣчи посполитой передушатъ нѣмцевъ и москалей. Слова его переполняли сердца радостью; порывы тогдашняго подобострастія къ великому *патріоту* могутъ уравниваться развѣ только тѣ чувства ненависти, которыя начали къ нему питать Познанцы послѣ всѣхъ неудачъ познанскихъ событій, и которыя они въ цѣлости сохранили по нынѣ.

По опредѣленію Парижской централизаціи, народное правительство съ началомъ мятежа должно было открыть свои дѣйствія въ Краковѣ,—правительство, разумѣется, подчиненное эмиграціи въ Парижѣ. Революціонное правительство должно было состояться изъ 7 членовъ, одного для всей соединенной Польши (*Мьрославскаго*) и по одному для вольнаго города Кракова (*Людовика Горшковскаго*), для Галиціи (*Яна Тысовскаго*), для Познани (*Доктора Либельта*), для Царства польскаго, для Литвы и еще одного представителя эмиграціи; имена послѣднихъ трехъ неизвѣстны.

Богатые землевладѣльцы, кромѣ нѣкоторыхъ рѣшительныхъ поклонниковъ *Мьрославскаго*, по совѣтамъ Ламберовскаго отеля, держались осторожно въ сторонѣ, пуская въ первый огонь отчаянныхъ демократовъ, выжидая, когда съ одержанными успѣхами, настанетъ время имъ выступить впередъ и забрать движеніе въ свои руки; но *Мьрославскій* самъ прошелъ всю школу интригъ и козней; онъ возмущалъ среди взаимныхъ распрей и взаимныхъ обмановъ и уловокъ партій польской эмиграціи, и не даромъ сталъ главою централизаціи. Князь *Чарторыйскій* хотѣлъ провести его, *Мьрославскій* принялъ свои мѣры, и какъ выразился предъ своими интимными, „самъ сумѣетъ одурачить стараго дипломата.“ Сторонники *Мьрославскаго* давали тонъ, будто искренно всѣ партіи эмиграціи соединились, съ особенною внимательностью и высокопочитаніемъ обращались къ чванной аристократической партіи, дабы втиснуть ее въ дѣло, и вытянуть изъ нея средства, а вмѣстѣ съ тѣмъ всю власть народнаго правительства прибрать къ своимъ рукамъ. *Мьрославскій* мечталъ, что, если станетъ въ главѣ освобожденной Польши съ званіемъ диктатора, то, поддерживаемый своими побѣдоносными друзьями, онъ парализируетъ не только династическія мечты князя *Адама* и традиціи магнатовъ,

но прибереть въ свои руки и свою начальницу—централизацію да и всю эмиграцію, со всѣми ея безчисленными партіями и съ самимъ княземъ Чарторыйскимъ.

Первымъ его дѣломъ было назначить своихъ людей на мѣста областныхъ губернаторовъ, военачальниковъ, градоначальниковъ и т. п.; нѣкоторые изъ этихъ назначеній намъ извѣстны; для всей Галиціи губернаторомъ имъ былъ назначенъ графъ Францешекъ *Виселовскій*, военачальникомъ Галиціи эмигрантъ *Высоцкій*, который однако не доѣхалъ до мѣста своего назначенія, по случившимся нежданнѣмъ событіямъ, *Эдуардъ Дембовскій* для Кракова, майоръ *Чеховскій* въ Тарновъ, графъ *Рей* въ Ржесовъ, *Сикорскій* въ Самборъ, *Домбровский* и *Мадзинскій* въ Польшу, *Будзинскій* въ Познань, *Реръ* въ Литву.

Съ учрежденіемъ революціоннаго правительства, долженъ былъ единовременно учредиться и верховный революціонный трибуналъ для сильной поддержки *терроромъ* затѣй мятежниковъ. Предсѣдателемъ трибунала былъ назначенъ *Юзефъ Вискиовскій*. Смертная казнь должна была карать всякаго поляка, отказывающагося отъ возстанія.

Какъ глава и руководитель всего возстанія, *Людвигъ Мьрославскій* издалъ отъ себя инструкцію второстепеннымъ дѣтелямъ. Одна изъ нихъ была перехвачена прусскимъ правительствомъ; она гласитъ:

«Возстановляемая Польша раздѣляется на пять областей географическихъ и административныхъ: Пруссія, Познань, Галиція, Литва и Польша. Представителемъ правительства есть назначенный имъ *Мьрославскимъ* губернаторъ. Для поддержанія понаго порядка въ возстаніи, каждый губернаторъ назначаетъ отъ себя двухъ генералъ-инспекторовъ, которымъ придаются полицейскіе отряды. Генералъ—инспекторы сами, или подчиненныя имъ лица проходятъ округа вѣтранныхъ имъ областей, наблюдая за точнымъ исполненіемъ данныхъ инструкцій къ возстанію; они должны непременно посѣтить округа, которые еще не вполне подчинились народному правительству, устранить всѣхъ самопроизвольно начальствующихъ, всѣхъ неутрадныхъ отдать подъ центральный надзоръ, а противудѣйствующихъ и двуличныхъ передать суду революціоннаго трибунала.»

«При каждомъ губернаторѣ долженъ состоять революціонный трибуналъ. Всякій, противящійся издаваемымъ постановленіямъ, признается внѣ закона.»

«Возстаніе должно начаться по всему краю въ одинъ назна-

ченный день и часъ. Люди союза *убиваютъ* притѣснителей, собираютъ все населеніе гмины и передаютъ его подъ начальство войта. Войтъ отбираетъ всѣхъ способныхъ носить оружіе и, подъ начальствомъ военного лица, препровождаетъ ихъ въ уѣздный городъ, безъ различія—занять ли онъ уже повстанцами, или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ, первая прибывшая партія становится въ главѣ всѣхъ прочихъ и получаетъ главное начальство надъ всѣми вслѣдъ за нею прибываемыми. По достаточномъ сборѣ, производится общая атака всѣми силами на избранный пунктъ города. Еслибы нападеніе было отражено, окружной комиссаръ, который лично долженъ находиться при сборѣ, указываетъ на другое мѣсто округа, куда должно перенести дѣйствія. Въ первомъ же случаѣ, т. е. когда городъ перейдетъ въ руки повстанцевъ и будетъ разграбленъ, окружной комиссаръ немедленно принимаетъ свои мѣры:

1) для укрѣпленія города и приведенія его въ осадное положеніе; 2) для распредѣленія военныхъ силъ и 3) для дальнѣйшаго развитія революціонныхъ средствъ, согласно обстоятельствамъ.»

«По учрежденіи мѣстныхъ властей по округамъ, окружной комиссаръ собираетъ все народонаселеніе и раздѣляетъ его слѣдующимъ образомъ: самые отважные, ловкіе и лучше вооруженные составляютъ первый отдѣлъ. Первые отдѣлы немедленно распредѣляются въ баталіоны, эскадроны—по-ротно, по-взводно и т. д. и передаются, съ трехъ-дневнымъ продовольствіемъ и нужными военными припасами, *самому достойному* изъ военныхъ офицеровъ, который ведетъ полученный отрядъ на мѣсто стратегическаго сбора. По уходѣ перваго отдѣла, комиссаръ распредѣляетъ оставшихся за изнѣшествомъ отъ перваго отдѣла, и образуетъ второй отдѣлъ, который передается въ вѣденіе инструкторовъ, обязанныхъ въ нѣсколько дней частыхъ учений утвердить его въ началахъ военныхъ эволюцій, и затѣмъ, вооруженные подобно первымъ, вторые отдѣлы сводятся и поступаютъ подъ команду начальника резервнаго корпуса области. За тѣмъ, всѣ оставшіеся отъ вторыхъ отдѣловъ, безъ различія пола и возраста, поступаютъ въ экономическія и военныя мастерскія.»

„*Все имущество края на время возстанія образуетъ одно общее и нераздѣльное общественное достояніе*, которое поступаетъ въ распоряженіе революціоннаго правительства. Всѣ сборы вносятся одному назначенному на этотъ предметъ чиновнику. Никакой владѣлецъ не вправе отказать въ завлеченномъ

ему требованіи, по предъявленіи ему на выдачу квитанціи; кто окажетъ малѣйшее тому сопротивленіе, тотъ немедленно будетъ преданъ суду революціоннаго трибунала. Получившій настоящую инструкцію и тѣмъ единовременно назначаеый въ комиссары округа обязанъ заблаговременно вести дѣло возстанія въ своемъ округѣ, согласно духу инструкціи, сдѣлать къ тому надлежащіе соображенія и принять мѣры и отдать соответствующія приказанія до начала еще взрыва. Предписывается также всѣмъ агентамъ, назначеннымъ въ революціонныя должности, заблаговременно избрать и назначить себѣ кандидатовъ, для безостановочнаго исполненія въ случаѣ ихъ отсутствія.“

Читая эту инструкцію, не знаешь, какъ назвать ее: ребяческою мечтой, или фантастическою бредней. Неужели и писавшій ее *Мьрославскій*, и читавшіе ее думали, что ея исполненіе возможно, не предвидѣли, что она не можетъ привести къ другимъ результатамъ, кромѣ минутныхъ беспорядковъ, которые только выставятъ предъ лицомъ правительства тысячи увлеченныхъ жертвъ, непосвященныхъ даже въ тайнства этой пресловутой инструкціи? Не рассчитывалъ ли *Мьрославскій* на какія либо особыя революціонныя силы, которыя заставили бы его противниковъ дѣйствовать послушно по его приказаніямъ, когда онъ съ новонабранными силами пойдетъ побѣждать Россію, Австрію и Пруссію?

За этою инструкціею *Мьрославскій* издалъ еще другую окружнымъ военнымъ начальникамъ, заблаговременно назначеннымъ изъ числа военныхъ, бывшихъ въ распоряженіи революціоннаго правительства. Инструкція состоитъ изъ четырехъ пунктовъ:

Въ первомъ давалось знать, что, по полученіи окружными комиссарами инструкцій, они назначаютъ должностныхъ лицъ по своему собственному усмотрѣнію, или по соѣщеніи съ членомъ, назначеннымъ отъ народоваго правительства. Эти должности слѣдующія: а) кандидатъ комиссара, могущій заступитъ его мѣсто; б) войты въ гминахъ и в) три военные офицера въ каждый округъ. Комиссаръ вступаетъ немедленно съ послѣдними въ ближайшія сношенія, для соображенія на счетъ *истребленія* находящихся въ округѣ вражескихъ силъ, имѣя въ виду, что *это истребленіе можетъ быть достигнуто только хитростію и сицилійскою рязнею*. Выступленіе отдѣльныхъ заговорщиковъ должно быть такъ рассчитано, чтобъ они въ назначенный часъ ночи были на мѣстѣ сбора, въ соѣдствѣ мѣста, на которое должно быть произведено нападеніе. Для этой цѣли, мо-

гутъ быть употреблены приготовленные повозки. При этихъ избранныхъ отрядахъ руководителями должны быть всѣ офицеры, находящіеся въ округѣ, поступающіе подѣ начальство одного главнаго предводителя; они заблаговременно входятъ въ сношенія съ союзниками, проживающими въ мѣстахъ расположенія вражескихъ силъ, дабы они могли нападающимъ во всемъ своевременно содѣйствовать. Само собою разумѣется, что предварительныя мѣры не могутъ быть общія и заблаговременно въ подробностяхъ свыше предписаны, но совершенно зависятъ отъ распоряженій комиссара, согласно мѣстныхъ условій; напоминаетъ только, что, какъ нападеніе должно быть *сицилійскою рывною*, то, при распоряженіяхъ къ сбору и *убійствамъ*, должны быть соблюдены величайшая тайна и предварительно условленная строгая связь въ дѣйствіяхъ союзниковъ.

На слѣдующіе пункты *Мьрославскій* давалъ подробныя наставленія: во 2 къ выступленію вооруженныхъ отрядовъ, сосредоточенію и укрѣпленію занятыхъ городовъ, въ 3 соединенію повстанческихъ силъ на *стратегическихъ* пунктахъ, — при чемъ главнымъ начальникамъ предписывалось съ величайшею энергіею, не теряя времени, поспѣшно поставить округа на военную ногу, а въ Познани подвести тотчасъ же со всѣхъ сторонъ силы къ познанской крѣпости, будетъ ли она взята нечаяннымъ нападеніемъ, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ, писалъ *Мьрославскій*, можно считать недѣлю чрезъ двѣ познанскую область очищенною отъ пруссаковъ, резервный корпусъ долженъ далѣе защищать ее отъ прусскихъ войскъ, которые могутъ быть присланы; дѣйствующій же корпусъ вторгается въ русскую Польшу для дѣйствій и соединяется съ галиційскими и краковскими силами; въ 4 пунктѣ изложено, что, для овладѣнія познанскою крѣпостію, внѣшніе силы должны прибыть къ 11 часамъ ночи и занять въ темнотѣ позиціи, а мѣстные жители должны начать дѣйствія подѣ начальствомъ четырехъ бойкихъ офицеровъ, нападеніемъ на казармы, артиллерійскіе сараи и квартиры главныхъ военныхъ и гражданскихъ начальствующихъ лицъ, и *истребить немедленно всѣхъ захваченныхъ*.

Мьрославскій, такимъ образомъ, мечталъ, что изъ отрядовъ, названныхъ дѣйствующими, послѣ истребленія прусскихъ и австрійскихъ силъ и властей, онъ будетъ имѣть уже готовую армію, съ которою, подѣ главнымъ своимъ начальствомъ, онъ вторгнется въ русскую Польшу.

Мьрославскій объявилъ для начала дѣйствій въ Галиціи,

знани, Краковъ и Польша, ночь съ 20 на 21 февраля; Литва, Волынь и Подоль должны были выждать успѣха первыхъ дѣйствій въ западной части. Весь планъ революціонеровъ былъ основанъ на томъ, что незначительныя и непрigотовленныя къ войнѣ, русскія силы въ Литвѣ будутъ истреблены, а *Россія раньше 2 мѣсяцевъ (чему примѣромъ служитъ 1831 годъ) не можетъ выставить на границы новую армію, а этихъ двухъ мѣсяцевъ совершенно достаточно чтобъ очистить всѣ области бывшей Польши и въ нихъ устроить революціонное правительство и правильно организованное общее возстаніе.*

Число подготовленныхъ къ мятежу дворянъ, молодежи и городской сволочи простиралось въ Прусскихъ владѣніяхъ до 30,000; въ Галиціи до 100,000; сельское населеніе было положено, какъ выше сказано, поднять во время уже вспыхнувшего мятежа *примѣромъ, убѣжденіями, силою и терроромъ.*

Согласно приказаніямъ *Мьрославскаго*, графъ Вѣселовскій сдѣлалъ въ Галиціи соответствующія ближайшія распоряженія: первоначальныя нападенія должны были направлены на Львовъ и уѣздные города. Крестьянское сословіе не должно быть заблаговременно призываемо къ дѣйствіямъ, а только волнуемо; когда же знамя мятежа будетъ поднято, тогда *ксендзамъ* и агентамъ было поручено проповѣдями и рѣчами уяснить народу, что движеніе не имѣетъ цѣлью возстановленія старинной Польши, съ прежними правами дворянства надъ простолюдинами, но образованіе новой Польши съ уравниеніемъ правъ и состояній. Замѣчательно, что это постановленіе было сохраняемо въ величайшей тайнѣ демократическими коноводами, не только отъ помѣщиковъ консерваторовъ, но даже и той землевладѣтельской молодежи, которая вполнѣ была согласна на социальныя реформы. Странное средство для сообщенія мѣръ большей популярности!...

Въ распоряженіяхъ *Мьрославскаго*, графъ Вѣселовскій сдѣлалъ одно важное измѣненіе: для западной Галиціи, на которую, съ жителями преимущественно латинскаго закона, онъ болѣе надѣялся, — время мятежа было назначено тремя днями ранѣе, а именно въ ночь съ 18 на 19 февраля—по той причинѣ, что, при мятежѣ польскаго населенія, эрцгерцогъ вышлетъ войска, а съ уменьшеніемъ ихъ числа въ восточной Галиціи, и съ примѣромъ передъ глазами возставшихъ противъ австрійской власти западныхъ галичанъ,—можно будетъ успѣшнѣе поднять и восточное населеніе руссиновъ-уніатовъ.

Сигналомъ къ возстанію долженъ служить пожаръ какой ни-

будь деревни, мельницы, или деревянной униатской церкви. Первые нападенія должны были направляемы на жилища военачальниковъ, казармы и склады оружія. Резервы, какъ и въ Познани, должны были оставаться въ самой Галиціи, а дѣйствующіе отряды направлены на русскую Польшу, для поступленія подъ общее начальство *Мьрославскаго*.

Броженіе умовъ, сѣзды и совѣщанія шляхетства, разными приготовленіи, закупка оружія и верховыхъ лошадей, значительные заказы сѣделъ и т. п. не могли не наводить мѣстныхъ власти на мысль, что таятся какія-то польскія затѣи въ громадныхъ размѣрахъ; но не вездѣ были своевременно принимаемы надлежащіе мѣры для противудѣйствія, хотя изъ самой среды польскаго общества приходили уже предупрежденія. Не подавая никакого вида какой либо тревоги, князь Варшавскій нѣкоторыми передвиженіями частей сосредоточилъ полки на важнѣйшихъ пунктахъ, чтобы парализовать всякія покушенія изъ Познани и Галиціи, а въ самомъ Царствѣ войска бдительно смотрѣли за шляхетствомъ. Въ Пруссіи полицейскій надзоръ былъ усиленъ, кое-гдѣ попадали на слѣды заговора, но при его скрытности, слѣдствія не могли раскрыть цѣлаго, а австрійское правительство до того было усыплено польскими увѣреніями въ дружбѣ, что губернаторъ Галиціи, эрцгерцогъ Фердинандъ, положительно не вѣрилъ ни въ какіе замыслы дворянства и на предувѣдомленія мѣстныхъ властей смотрѣлъ глазами Вѣны. Онъ не вѣрилъ даже сообщенному однимъ полякомъ свѣдѣнію, что день бала, который готовился у эрцгерцога, былъ назначеннымъ днемъ для возстанія Галиціи, и что на этомъ балѣ заговорщики намѣревались арестовать его самого и *перерѣзать* австрійскія военныя власти; только придворный трауръ, по случаю кончины эрцгерцога modenскаго, остановилъ назначенный балъ.

Мѣстные подвѣдомственные власти смотрѣли на дѣло серьезно: долгъ службы и собственная ихъ безопасность заставляли ихъ искать другой опоры, не находя ея, ни достаточнаго довѣрія въ высшихъ сферахъ. Видя ясно, что Галиція стоитъ наканунѣ мятежа, онѣ обратились къ сельскому населенію Галиціи, преданному австрійскому императорскому дому. Марія Терезія и особенно Іосифъ II въ присоединенной Галиціи, рядомъ постановленій, защищали простолюдиновъ отъ тираніи дворянства и ограждали ихъ отъ панскаго своеволія, а униатскую церковь отъ ксендзовскихъ притѣсненій.

Мѣстные власти воспользовались этимъ расположеніемъ сель-

скаго населенія, и какъ приготовленія къ какимъ-то тайнымъ замысламъ пановъ не могли не обратить на себя вниманія и возбуждали разные народные толки, то и земскія власти старались, для противудѣйствія блуждавшимъ въ крестьянскомъ платѣ по кабакамъ и шинкамъ демократическимъ агентамъ, — разъяснить населенію, что панскіе сборы и совѣщанія клонятся только къ тому, чтобы возстать противъ австрійскаго императора и уничтожить дарованныя имъ народу привилегіи и постановленія.

Здравый смыслъ, особенно руссинской части народонаселенія, былъ главнымъ руководителемъ поведенія крестьянъ. Въ теченіи десятковъ лѣтъ, они видѣли заботы объ нихъ правительства, — постепенное улучшеніе своего быта. Еще были живы дѣды, помнившіе прежній надъ собою гнетъ панскій. Проходя практически жизненный путь, они видѣли въ ограниченіи произвола барщины, въ правахъ пріобрѣтенія поземельной собственности, въ правѣ позвать къ суду за притѣсненія самаго помѣщика, въ покровительствѣ своей церкви — гораздо болѣе залоговъ къ развитію ихъ благосостоянія, нежели въ щедрыхъ обѣщаніяхъ разныхъ благъ, которыя сулили имъ проповѣдники мятежа, сами твердо не знавшіе, насколько выполнять эти обѣщанія демократы поляки, которые въ нуждѣ щедрѣе на обѣщанія, — но которыхъ страсть властвовать заставляетъ, въ минуты успѣха, забывать свои мечтательные обѣты и стремиться только къ своимъ личнымъ интересамъ и властолюбивымъ тенденціямъ.

Въ началѣ февраля 1846 года крестьяне стали уже собираться, совѣщаться и принимать мѣры къ сохраненію внутренняго порядка. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, они устроили свой надзоръ, свою стражу и хватали шатающихся неизвѣстныхъ лицъ, произносившихъ двусмысленныя рѣчи. Паны ловко воспользовались недовѣріемъ эрцгерцога къ предостереженіямъ его мѣстными властями противъ дворянства и успѣли направить его мнѣніе въ другую сторону, — совершенно на ложный и для ихъ плановъ особенно выгодный путь. Пребываніе въ брѣтѣ тучи революціонныхъ эмиссаровъ и агентовъ не подлежало сомнѣнію; многіе изъ нихъ были уже схвачены полиціею; поляки напѣвали эрцгерцогу о своей преданности престолу и предупреждали его, что демократы эмиграціи волнуютъ народъ, хотятъ его возбудить къ мятежу и что прямая обязанность правительства уговорить своеволие волнующаго сельскаго сословія военною силою, не дозволять

имъ собираться въ вооруженныя толпы и разгонять образующіеся толпы.

Эрцгерцогъ Фердинандъ поймался въ эту ловушку и дѣйствительно думалъ, что вся цѣль агитаторовъ—демократическая, что они хотятъ привести народъ къ мятежу, возстать противъ правительства и вооружить крестьянъ противъ помѣщиковъ. До какой степени дворянство успѣло обойти эрцгерцога можно видѣть изъ его циркуляра, отданнаго въ Львовѣ на канунъ мятежа западной Галиціи; въ немъ сказано :

«Въ Бохненскомъ округѣ, двѣ гмины, утраченные молвою, что дворяне затѣваютъ бунтъ, вооружились косами и цѣпами для собственной защиты и сохраненія порядка. Цѣль, въ сущности, похвальная тѣмъ болѣе, что по посылкѣ туда войска, они немедленно разошлись по домамъ и послушались посланныхъ чиновниковъ, которые убѣдили ихъ во всей неосновательности ихъ заблужденія и во лжи разсеиваемыхъ слуховъ. Всѣ земскія власти приглашаются объѣзжать подвѣдомственные имъ округа, благоразумными разъясненіями возстановить спокойствіе между сельскимъ населеніемъ и внушить ему, что вся молва о мятежѣ происходитъ отъ нѣкоторыхъ злоумышленниковъ, которые стремятся нарушить общественный порядокъ, распространяя для того ложные слухи о близкомъ возстаніи. Пугая имъ жителей и вызывая тревожныя волненія, они рассчитываютъ ими воспользоваться; но я подтверждаю, что правительство приняло сообразныя обстоятельства, надлежащія энергическія мѣры, и многіе изъ зачинщиковъ волненій уже находятся въ его рукахъ; а за тѣмъ если крестьяне гдѣ либо станутъ собираться вооруженными толпами, то мѣстныя власти обязаны немедленно призвать туда войска, обезоружить крестьянъ и всѣми средствами ихъ успокоить.»

Въ полномъ убѣжденіи что коноводы—эмигранты демократической партіи, что въ орудія къ мятежу они готовятъ крестьянское сословіе, эрцгерцогъ, вмѣстѣ съ своимъ циркуляромъ, издалъ слѣдующее объявленіе, въ которомъ между прочимъ сказано :

«Съ нѣкотораго времени эмиссары заграничныхъ тайныхъ обществъ, имѣющихъ цѣлью низвергнуть въ Галиціи существующій порядокъ, развѣзжаютъ по краю, тревожатъ его вѣстями о предстоящемъ мятежѣ—съ тѣмъ, чтобы взволновать неопытныхъ и легковѣрныхъ, увлекая ихъ возстановленіемъ Польши соціальною революціею, съ общимъ уравниеніемъ правъ и состояній, и въ особенности крестьянъ—избавленіемъ ихъ отъ всякихъ налоговъ

и инвентарныхъ обязательствъ за пользованіе землею. Гдѣ этими обѣщаніями населеніе не соблазняется, тамъ они стараются дѣйствовать на него угрозами жестокой кары и мести.“

Велико должно было быть разочарованіе губернатора Галиціи, когда вслѣдъ за тѣмъ разыгравшіяся кровавыя событія такъ мало согласовались съ его ожиданіями и предположеніями!

Почему же дѣйствительно австрійское правительство, при начавшемся броженіи умовъ, такъ мало обращало на то вниманія и до такой степени было введено въ заблужденіе?

Правительство не придавало большой важности проявленіямъ мятежнаго настроенія. Среди мира въ Европѣ, при тесной связи Австріи съ Россією и Пруссією, оно относило ихъ къ обыкновенному фрондерствующему духу, вкоренившемуся между пылкими польскими патріотами. Послѣ однажды совершившихся событій, „разумные нѣмцы могли только поднять руки къ небу и воскликнуть: что за нелѣзность?“ (wie absurd) (*), когда слѣдствія раскрыли, что поляки собирались единовременно вступить въ борьбу съ тремя державами, и твердыя основанія дальнѣйшимъ успѣхамъ, надѣялись положить своимъ приговоромъ къ смерти *властей и всѣхъ не-поляковъ* (Autoritaeten und alle Nicht-Polen),“

Долгое время мѣстныя власти, при соперничествѣ въ Галиціи языковъ русскаго и польскаго, дѣйствительно принимали шнырявшихъ между крестьянами агитаторовъ, возбуждающихъ крестьянъ протівъ помѣщиковъ, за собириателей, ревнителей народной литературы; не только правительство, но и сами помѣщики, сочувствовавшіе мятежу, сначала не разгадывали замыслы этихъ туристовъ, направленныхъ централизаціею противъ землевладѣльцевъ, которые по корчмамъ наконецъ стали читать простолюдинамъ полныя лекціи (foermliche Vorlesungen).

Этому обстоятельству особенно способствовали такъ называемые мандаторы; эти составляли нисшую земскую полицію, принадлежали бездомной или мѣлкопомѣстной шляхтѣ; эмиссарами они были обращены въ тайныхъ сторонниковъ польскихъ демагоговъ, и единовременно, большею частью, исполняли должности управляющихъ въ имѣніяхъ. Въ мутной водѣ, каж-

(*) Aufschlüsse über die jüngsten Ereignisse in Polen. Mainz 1846.

дый ловилъ рыбу по своему, на пользу своей партіи. Всѣ корчмы и кабаки предъ мятежемъ были обильно снабжены виномъ, но это снабженіе было подъ видомъ предстоящей распродажи, по случаю наступающей масляницы.

Правительство тѣмъ менѣе ожидало взрыва мятежа, что поляки казалось сами готовились вступить на новый путь, быть полезными гражданами и слиться съ нѣмцами; какъ бы въ доказательство новаго своего настроенія, они являлись между нѣмцами, передовыми людьми, усердными сотрудниками всякихъ общественныхъ проявленій въ жизни, въ которыхъ видѣнь былъ прогрессъ цивилизація и гуманность. То были послѣдствія той программы, которую составила польская эмиграція для внушенія нѣмцамъ *симпатій къ полякамъ*. Польскіе лѣкаря, члены туземныхъ секцій демократическаго товарищества, обратились въ самихъ безкорыстныхъ челоувѣколюбивыхъ ревнителей, готовыхъ помогать тѣлеснымъ страданіямъ нѣмцевъ простолудиновъ. Во время контрактовъ 1845 года, галиційское дворянство для сбора денегъ къ конспиративнымъ затѣямъ польской эмиграціи, постановило пятипроцентный взносъ по расчету уплачиваемыхъ поземельныхъ податей (Dominica Istener). Подписной листъ былъ озаглавленъ *пожертвованіями для поддержки нуждающихся студентовъ и безпомощныхъ сиротъ для помѣщенія ихъ въ техническія заведенія*.

Почетнѣйшіе члены галиційскаго дворянства представили высшимъ мѣстнымъ властямъ объ этомъ благодѣтельномъ и благонамѣренномъ порывѣ польскаго дворянства, и ходатайствовали о его утвержденіи правительствомъ.

Хотя дворянство Галиціи старалось выказать нѣмцамъ, что его прежняя замкнутость исчезла, но не менѣе того правительство приостановилось утвердить постановленную поляками подписку, на томъ основаніи что возникло подозрѣніе, настоящая ея цѣль не есть ли денежная поддержка для польской эмиграціи; а правительство знало что эмиграція сорить деньгами на всякія ему враждебныя, литературныя затѣи. Подозрѣніе возникло впервые отъ значительно большой суммы, соразмѣрно съ цѣлью, при пяти процентномъ установленном сборѣ, и во вторыхъ потому, что такъ называемые горячіе польскіе патріоты съ яримъ преслѣдованіемъ, стали публично оскорблять тѣхъ, которые отказывались отъ подписки на эти пожертвованія.

Приближалось роковое 20-е февраля, день въ кот орый *Мь-рославскій* собирался стать въ главѣ возставшей Польши, и званіемъ диктатора, готовилъ сюрпризъ своимъ соумышленникамъ и всей польской эмиграціи. Планы и проэекты, основанные на игривой фантазіи могли только встрѣтить неудачи и привести только къ печальнымъ послѣдствіямъ.

За четыре дня до назначеннаго возстанія, тысячи около полторы помѣщиковъ съѣхалось на ярмарку въ Познань; нѣсколько неосторожныхъ, кичливыхъ фразъ нетерпѣливыхъ соучастниковъ и нѣсколько угрозъ, сорвавшихся у подгулявшихъ пановъ, мечтавшихъ быть на канунѣ власти и самоуправства, возбудили паническій страхъ въ городѣ. Съ быстротою молніи разнеслась молва: „поляки хотятъ рѣзать населеніе; внимательная полиція не зѣвала, принялась за аресты и многіе изъ главнѣйшихъ зачинщиковъ были схвачены, въ томъ числѣ литераторъ *Либельтъ*, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ мѣстныхъ коноводовъ возстанія, назначенный членомъ въ новое революціонное правительство въ Краковъ; за нимъ былъ арестованъ и глава-*Мьрославскій*; *Курнатовскій*, испуганный карою закона, лишилъ себя жизни.

Начались допросы и слѣдствія; виновныхъ посадили въ крѣпость; слѣдственнымъ и суднымъ комисіямъ осталось только развязывать узлы заговора и разъяснять похождения заговорщиковъ.

Въ Царствѣ Польскомъ вся грозная собиравшаяся туча разразилась только тѣмъ, что мелкопомѣстные помѣщики *Потоцкій*, *Жарскій* и *Косчишевскій*, собравъ человекъ 20 заговорщиковъ, напоивъ толпу крестьянъ, привели ихъ въ сосѣдній г. Сѣдлецъ и начали безчинствовать: одна партія кинулась къ гаубвахтѣ, гдѣ убила часового; инвалиды стали отстрѣливаться; другая направилась къ сданію клуба гдѣ въ этотъ день былъ балъ; но къ началу суматохи крестьяне имѣли время протрезвиться, а начала буйства ихъ окончательно отрезвили. Разобравъ въ чемъ дѣло, они разбѣжались, коноводамъ оставалось только слѣдовать ихъ примѣру. Полиція успѣла тотчасъ же многихъ догнать и перевязать; ихъ отправили судить въ Варшаву. Главные три дѣйствующія лица были судомъ приговорены къ казни и повѣшены; прочіе сосланы въ Сибирь. Назначенный губернаторъ *Домбровский* бѣжалъ.

Въ западномъ краѣ Россіи заговоръ не успѣлъ созрѣть до

мятежа. *Рерз*, молодой инженеръ, познанскій уроженецъ, прежній эмиссаръ, привезшій *Мырославскому* 28-го января столь утѣшительныя вѣсти, былъ имъ назначенъ губернаторомъ Литвы и на другой день былъ посланъ въ свое губернаторство обратно, приготовить его окончательно къ дѣйствию и поднять знамя мятежа, какъ только онъ загорится въ Польшѣ. Наша система, сказалъ ему на прощаньи *Мырославскій*, — система семилѣтней войны; какъ можно скорѣе надо составить массу; начинай сей-часъ партизанку; лишь только станешь собирать массы, высылай ихъ къ ближайшей колоннѣ.“

Когда *Рерз* прибылъ вторично въ Литву и отъ словъ нужно было перейти къ дѣйствию, жаръ въ ревнителяхъ простывалъ и пылкая готовность остывала многихъ. „У насъ недостаточно припасено оружія, нѣтъ пудъ и пороха,“ говорили литвины. „При отважности и самоотверженіи, получили они въ отвѣтъ, кося и сигиръ довольно, чтобъ уничтожить москалей и отстоять ойчизну.“

Если дошло до того что *Рерз* сказалъ своимъ горячимъ поклонникамъ: „какая глупая ваша Литва и какая здѣсь глупая молодежь,“ то вѣроятно леварь *Реніерз*, ксендзъ *Серавскій* и *Скаржинскіе* писали свои рапорты эмиграціи, смотря въ увеличительныя стекла. *Рерз* надѣялся также на работниковъ фабрикъ Бѣлостока; управляющіе близъ лежащихъ имѣній отсутствующаго графа *Красинскаго* и помѣщиковъ *Оссолинскаго* и *Старжинскаго* стали пріятелями *Реру*, онъ и былъ арестованъ по сосѣдству.

Слухъ носился о швыряющемъ эмиссарѣ; мѣстная полиція удвоила вниманіе и *Ольшанскій*, писмоподатель становаго пристава, схватилъ его 27-го февраля въ Клышинѣ. Пути разѣздовъ *Рера* нѣсколько указывали на нѣкоторыхъ сообщниковъ; слѣдствія раскрыли гораздо болѣе; виновные преимущественно были изъ гродненской губерніи; ближайшіе мѣстные сотрудники *Рера* были молодой помѣщикъ брестскаго уѣзда, отставной офицеръ *Апполонъ Гофмейстерз*, знакомый *Реру* по Берлину, и шляхтичъ *Юсивъ Богуславскій*, бывшій студентъ. По произведенному суду, *Рерз* былъ прогнанъ съвозъ строй и сосланъ на 12 лѣтъ въ каторжную работу; на 15 лѣтъ въ каторгу былъ осужденъ леварь *Реніерз*, отставной подпоручикъ *Апполонъ Гофмейстерз* на *Богуславскій* на 10. Прочіе виновные были также посланы въ каторгу, а менѣе соприкосновенные къ бунту, отданы въ солдаты.

Въ Галиціи событія разыгрались гораздо плачевнѣе. Согласно розданныхъ инструкцій, заговорщики западной Галиціи 18-го февраля должны были собираться въ назначенныхъ мѣстахъ, созвать населеніе, ксторое ксендзами было приглашено прибыть съ косами, вилами и цѣпами, объявить имъ о возстановленіи Польши, о льготахъ имъ даруемыхъ революціоннымъ правительствомъ и о демагогическихъ началахъ, на которыхъ оно устанавливается, о дарѣ имъ поземельной ихъ собственности и о вольной продажѣ табаку и соли. Ораторы свѣтскіе должны были дѣйствовать на грубыя страсти простолюдина, а ксендзы были обязаны духовными увѣщаніями поколебать совѣсть своихъ прихожанъ и дѣйствовать на ихъ воображеніе и религіозную ихъ сторону. Увлеченныя толпы, подзадоренныя обильнымъ угощеніемъ виномъ, распитымъ съ новыми ихъ гражданскими братьями — панами, должны были немедленно кинуться на города. Съ своей стороны дворянство почти повсемѣстно по городамъ назначило въ этотъ день балы, на которые были приглашены всѣ мѣстныя власти. Вышніе союзники должны были находиться на своихъ мѣстахъ къ полуночи, ихъ прибытіе было сигналомъ для начала дѣйствій. Музыка должна была заиграть мазурку. Дамы обязались заставить танцовать даже и не танцующихъ австрійцевъ, дабы поставить ихъ въ необходимость снять оружіе, и въ это время, по данному сигналу, должна была начаться *общая одновременная бойня* австрійцевъ во всѣхъ мѣстностяхъ западной Галиціи. Но настойчивыя приглашенія на балъ возбудили подозрѣнія, а мѣстная полиція, во многихъ городахъ, встревоженная тогдашнимъ настроеніемъ умовъ, запретила публичные балы.

Паны съѣхались на сборныя мѣста, сдѣлали воззваніе къ населенію, населеніе дѣйствительно, собралось, по повелительному приглашенію съ косами и цѣпами; но недовѣрчиво оно повсемѣстно собралось уже съ заднею мыслію „что отъ поляковъ крестьянамъ нечего ждать а милости исходятъ только отъ одного императора.“ На ярыя рѣчи и призывы къ возстанію былъ, только одинъ отвѣтъ — молчаніе. Тогда паны перешли къ угрозамъ, на нихъ возникли возраженія; по указаніямъ ли эмиграціи или по собственнымъ соображеніямъ, паны, на свою гибель, предварительно рѣшили, въ случаѣ отказа, угрозы поддержать дѣйствіями; но это были роковыя для нихъ мѣры: вслѣдствіе панскихъ выстрѣловъ, крестьяне принялись за косы, вилы и цѣпы; началась

страшная бойня. Заговорщики искали спасенія въ бѣгствѣ, но расвиірѣвшіе крестьяне, распаленные панскими угощеніями, кинулись въ погоню, отыскивали ихъ по усадьбамъ, начались убійства и грабежъ. Съ быстротою молніи отъ села до села разнеслась молва, что паны стрѣляютъ въ мужиковъ, все народонаселеніе поднялось на ноги и толпы неистовствовали три дня, въ теченіи которыхъ пало болѣе 10,000 шляхетныхъ жертвъ. Съ величайшимъ трудомъ мѣстныя власти могли успокоить забушевавшія массы народа, погибли самою ужасною смертію цѣлыя семейства, изрѣзанныя косами, исколотыя вилами, съ головами разможенными ударами цѣповъ. Семейство *Богуща*, къ которому принадлежали самыя ярые революціонеры, считало шесть жертвъ, начиная отъ 87-ми лѣтняго дѣда до 14-ти лѣтняго внука. Чтобы составить себѣ общее понятіе о цѣломъ мятежѣ приведемъ подробности одной мѣстности, типирующія общее галиційское возстаніе.

Въ тарновскомъ округѣ жилъ командующій войсками дряхлый старецъ фельдмаршалъ-лейтенантъ баронъ Чолихъ, но исправникомъ округа (*Kreishauptmann*) былъ Іосифъ *Брейнль фонъ-Валлершттернъ*, энергическій, дѣятельный, образованный, развитой богемецъ, извѣстный своимъ усердіемъ и служебнымъ тактомъ. По личнымъ своимъ качествамъ *Брейнль* пользовался уваженіемъ какъ отъ мѣстнаго дворянства, такъ и отъ населенія. Онъ зорко слѣдилъ за продѣлками революціонеровъ, открылъ уже прежде нѣсколько кружковъ заговорщиковъ и схватилъ нѣкоторыхъ агентовъ. Въ теченіе 1845 года, эпохи самой напряженной дѣятельности подземныхъ козней, *Брейнль* не переставалъ предупреждать правительство объ опасности, грозящей общественному порядку, хотя всѣ эти предупрежденія были оставляемы безъ вниманія. Тарновскій округъ былъ именно тотъ, въ которомъ заговоръ насчитывалъ наибольшее число сторонниковъ, потому что въ немъ проживали главные заводчики революціи, у которыхъ эmissары, высылаемые изъ Франціи находили самый гостепріимный пріютъ. Въ имѣніяхъ графа *Францишка Вьселовскаго* и его брата *Михаила*, котораго очаровательная жена была одною изъ самыхъ ретивыхъ ревнительницъ польскихъ затѣй, происходили сѣзды мѣстной аристократіи, которую тамъ обрабатывали для дѣла повстанія, эmissары демократической партіи *Дембовскій*, *Весніовскій* и *Тысовскій*. Этими сѣздами помѣщиковъ и дѣятельностью эmissаровъ,

тарновскій округъ пріобрѣлъ огромное число распаленныхъ въ пользу возстанія головъ между дворянствомъ, арендаторами, управляющими и мелкими служащими; но съ другой стороны въ той же мѣрѣ росли подозрѣнія и не довѣрчивость крестьянъ. *Брейнль* между тѣмъ не зѣвалъ и, не добившись отъ правительства усиленія тарновскаго округа войсками, обратился къ генералу *Чолиху*, убѣждая его принять противъ возстанія всѣ мѣры осторожности. При назначеніи 18-го февраля днемъ возстанія, графъ Францишекъ *Вьселовскій*, какъ будущій революціонный губернаторъ Галиціи, переѣхалъ въ Тарновъ и, помѣстясь въ гостинницѣ, призывалъ сотрудниковъ для совѣщаній къ предстоящимъ дѣйствіямъ. Прозорливый *Брейнль* догадывался, что *Вьселовскій* стоитъ въ главѣ мѣстнаго заговора и сдѣлалъ распоряженіе о его арестованіи, но полицейскій комиссаръ предупѣдомилъ *Вьселовскаго* во время, и тотъ успѣлъ скрыться въ Гумнискѣ, имѣнне князя *Санушко*, находящееся въ сосѣдствѣ.

Въ Гумнискѣ графъ *Вьселовскій* сдѣлалъ окончательныя распоряженія; тогда было выговорено послѣднее слово: *всѣмъ помѣщикамъ* было объявлено что они обязаны 18-го числа собрать у себя свою, подготовленную къ заговору домашнюю челядь: управляющихъ, арендаторовъ, прикащиковъ, служащихъ и прислугу, приласить мѣстныхъ ксендзовъ уже посвященныхъ въ тайны заговора съ церковными прислужниками, и къ вечеру созвать всѣхъ крестьянъ имѣнія. Съ помощію ксендзовъ, помѣщикъ долженъ уговорить ихъ къ содѣйствію и рѣшительно обѣщать имъ даровой надѣль земли, прекращеніе всякихъ поземельныхъ повинностей, свободную продажу соли и табаку, равенство и свободу. Къ каждому помѣщику кромѣ того заблаговременно были назначены особые дозорцы, которые строго должны были наблюдать, чтобъ изъ пановъ-землевладѣльцевъ, кто нибудь не запнулся при исполненіи, но чтобы всѣ они на дѣль выказали ту же готовность, принести все въ жертву дѣлу ойчизны, которую они на словахъ съ такими увѣченіями, за бокаломъ венгерскаго, обѣщали на шляхетскихъ свѣздахъ.

Всѣ помѣщики тарновскаго округа должны были тронуться въ санихъ съ коноводами революціи и новообранцами съ такимъ расчетомъ времени, чтобы къ 11 часамъ вечера, быть на сборныхъ мѣстахъ, назначенныхъ въ Кликовѣ, Тарновицѣ и Гумнискѣ. Зажженіе деревни *Лысал гора* лежа-

щей на возвышенной мѣстности, должно быть сигналомъ общаго движенія всѣхъ мѣстныхъ шайкъ къ городу Тарнову. Въ Кликовѣ собрались главные коноводы — два брата графы Францишекъ и Михаилъ *Вьселовскіе*, два брата графы *Ромеры* и Станиславъ *Стоіовскій*. Отставной майоръ *Чеховскій* долженъ былъ, какъ главный военачальникъ, сдѣлать распоряженіе къ нападенію послѣ полуночи на пѣхотную базарму, со стороны холернаго кладбища, а отставной капитанъ *Эйзенбахъ*, съ другой шайкой, долженъ былъ едиповременно врываться въ базарму кавалеріи, въ которой, для увеличенія испуга и безпорядка, предполагалось изъ имѣющагося запаса, бросить въ конюшню нѣсколько зажженныхъ ручныхъ гранатъ. Для прекращенія свободнаго движенія въ ночной темнотѣ по улицамъ, предписано было взять съ собою запасъ боронъ, которые разложить зубьями къ верху. Союзникамъ изъ тарновскихъ жителей было поручено, подъ начальствомъ арендатора Изидора *Возинскаго*, съ началомъ нападенія на городъ, устремиться на городскую гаубтвахту, истребить караульныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, особыми на этотъ предметъ партіями, убить опаснѣйшихъ мѣстныхъ чиновниковъ, въ томъ числѣ окружнаго начальника *Брейлла*. Съ нарочными довѣренными лицами *Вьселовскій* разослалъ эти приказанія по округу; у него было въ распоряженіи болѣе 2,000 заговорщиковъ, и онъ рассчитывалъ, что, по меньшей мѣрѣ, это число будетъ усилено 10,000 крестьянъ; онъ надѣялся на совершенный успѣхъ нападенія на Тарновъ, потому что во всемъ округѣ находившееся число солдатъ не превышало 800 человекъ, да и тѣ болѣею частью были изъ польскихъ областей.

Только въ Вѣнѣ могли себя убаюкивать мыслью, что волненія въ Галиціи были однѣ праздныя затѣи: мѣстные служащіе видѣли, что страшная гроза виситъ у нихъ надъ головою, и въ это судорожное время *Брейллъ* былъ единственный человекъ, который не потерялъ голову. Баронъ *Чомихъ* и штабъ-офицеры почитали дѣло окончательно проиграннымъ и ожидали, что ихъ переколятъ ихъ собственные солдаты; *Брейллъ*, напротивъ, утѣрялъ ихъ, что они должны вполне довѣряться своимъ нижнимъ чинамъ, потому что большинство солдатъ поступило изъ крестьянъ, того класса народа, который не измѣнитъ долгу. *Брейллъ* настоялъ, чтобы всѣ по деревнямъ квартировавшіе кавалеристы были призваны въ городъ; по счастью это приказаніе

было отдано и исполнено въ тотъ же день — 18-го февраля, въ который, кромѣ того, нѣсколько унтеръ-офицеровъ-полковъ пѣхотнаго барона Гайнау полка, за неводержанныя рѣчи, были арестованы и заключены въ оковы; кара сильно подѣйствовала на нижнихъ чиновъ.

Назначенный въ Тарновъ балъ, по настоянію *Брейбла* былъ отказанъ. 18 февраля ксендзы начали съ утра пламенными рѣчами возбуждать народъ. Помѣщикъ въ Олесно *Котарскій*, по его увѣреніямъ, былъ крови Собіесскаго, и обладалъ шлемомъ, который, будто бы, король Собіескій имѣлъ на головѣ при освобожденіи Вѣны. Созвавъ и вооруживъ свою челядь, онъ призвалъ около полудня крестьянъ, сѣлъ на коня и надѣвъ шлемъ, объяснилъ его значеніе и за тѣмъ провозгласилъ крестьянамъ вольность, права, льготы, даровую землю, требовалъ возстаній и развернулъ предъ ними богатое, блестящее своими вышивками, польское знамя. Крестьяне посмотрѣли на шлемъ и на знамя; но отвѣчали, что они противъ своего добраго императора Фердинанда не подымутся. *Котарскій* вернуся въ домъ, а его рѣчи разнеслись по окрестнымъ деревнямъ, населеніе совѣщалось; крестьяне отсюду стали стекаться толпами на панскій дворъ; къ нимъ вышелъ ксендзъ олеснинскаго прихода, но проповѣдь ксендза не имѣла большаго успѣха, не смотря на новыя щедрыя обѣщанія *Котарскаго*. Крестьяне, напротивъ того, кричали, что панъ-мятежникъ и что его надо вязать. За неудавшимися приманками послѣдовалъ быстрый переходъ къ брани и къ угрозамъ; крестьяне кинулись, связать помѣщика, челядь кинулась его защищать и начала стрѣлять; произошла драба и бой; крестьяне принялись за косы и цѣпы; убили самыхъ ярыхъ: помѣщика, ксендза и еще двухъ пановъ, ранили и перевязали человекъ 30 изъ свиты, сопровождавшей *Котарскаго*; остальные разбѣжались. Крестьяне плѣнныхъ и раненыхъ уложили въ сани и повезли въ Тарновъ.

Въ то время, когда такъ плачевно началось возстаніе въ Олеснѣ, около двухсотъ заговорщиковъ съѣхалось къ лысогорской корчмѣ. Приѣхали графы *Вьселовскіе*, главный военачальникъ *Чеховскій*, графы *Ромеры*; крестьяне были собраны и, по приказанію ксендзовъ, вооружились кто чѣмъ могъ. Ксендзъ *Мореништеригъ* держалъ проповѣдь, затѣмъ выступилъ графъ Францискъ *Вьселовскій* съ рѣчью освобожденіи Польши и увѣрялъ крестьянъ, что у нихъ цѣль

только одна, *сдѣлать народъ волевымъ*, что они для того только и намѣрены поднять мечъ, и что они надѣются на содѣйствіе крестьянъ тѣмъ болѣе, что они ихъ осыпятъ благодѣяніями. Онъ объявилъ крестьянамъ что онъ новый губернаторъ, назначенный отъ правительства Польши, — не старой Польши, но новой, которая уже не будетъ подъ вліяніемъ чужеземцевъ. Впредь поляки, говорилъ онъ имъ, должны быть *все равны, какъ Богъ ихъ создалъ, какъ дѣти одной матери*, что онъ, какъ губернаторъ, даритъ имъ отъ имени правительства земли и освобождаетъ отъ всякихъ повинностей, казенныхъ и частныхъ, на вѣчныя времена и объявляетъ вольную продажу соли и табаку. Крестьяне слушали молча и, казалось, раздумывали; тогда сельскій судья *Штельмахъ* крикнулъ толпѣ: хочетъ ли она идти противъ императора за пановъ, которые ихъ станутъ опять запрягать, какъ они теперь запрягаютъ своихъ коней и воловъ. На слова слова *Штельмаха* послѣдовали одобрительные возгласы. Въ эту рѣшительную минуту *Стоіовскій*, чтобы подѣйствовать на толпу, повалилъ выстрѣломъ крестьянина, который рѣзко сталъ возражать на возмутительныя рѣчи. Слѣдствія этой выходки были совсѣмъ не тѣ, которыхъ ожидалъ *Стоіовскій*. Крестьяне кинулись на пановъ, паны защищались пистолетами и ружьями противъ косъ и цѣповъ; съ обѣихъ сторонъ падали убитые и раненные паны разбѣжались, оставивъ до 40 человекъ однихъ или иныхъ, большею частью раненныхъ, которыхъ связали и снесли въ корчму и тоже отправили въ Тарновъ; въ томъ числѣ были и графы *Виселовскіе*, *Ромеры* и *Стоіовскій*. Подобная сцена повторилась и въ другихъ мѣстностяхъ; отпускные солдаты были большею частью предводителями крестьянскихъ полчищъ. У *Партыка*, всѣ съѣхавшіеся 19 пановъ, которые издумали отстрѣливаться отъ собравшихся вязать ихъ крестьянъ, были косами и цѣпами зарѣзаны и избиты до послѣдняго и крестьяне уложивъ ихъ тѣла на сани, повезли въ Тарновъ.

У отставнаго капитана *Эйзенбаха*, владѣльца *Плесна*, собрались сосѣди, которые подъ его начальствомъ должны были съ южной стороны, по сигналу пожара деревни *Лысая-гора*, двинуться на Тарновъ и напасть на казармы кавалеріи. Къ обѣду съѣхалось уже до сотни гостей. Въ то время когда провозглашались частые тосты за успѣхъ предстоящаго дѣла, созванные изъ сосѣдства до 300 поселянъ,

были обильно угощаемы виномъ. По окончаніи пира, мѣстный ксендзъ *Ціецкевичъ* сказалъ поселянамъ, что послѣ угощенія надо вспомнить и о костелѣ и пригласить ихъ къ 10 часамъ на церковную службу, сказавъ, чтобы они пришли съ косами и цѣпами. Крестьяне исполнили его просьбу. Послѣ обѣда число гостей увеличилось прибывшими; многіе, съ своими домочадцами, привели и верховыхъ лошадей; всѣ были отлично вооружены. У Эйзенбаха было до 450 человекъ, изъ нихъ до 50 конныхъ. Въ костелѣ явился *Ціецкевичъ* съ распятіемъ и опоясанный саблею; воодушевленный винными парами, онъ произнесъ пламенную рѣчь о любви къ ойчизнѣ и обязанности прихожанъ за нимъ слѣдовать и торжественно провелъ процессіей богомольцевъ на панскій дворъ; тамъ паны уже были готовы. Эйзенбахъ устроилъ свою шайку въ ряды и, съ музыкою во главѣ, шайка двинулась процессіею. Крестьяне недоумѣвали, участвуютъ ли они въ духовной процессіи или въ какой то панской затѣѣ. Всадники ѣхали авангардомъ впереди, за ними шли рядами крестьяне, въ хвостѣ шли паны и ихъ челядь съ ружьями; музыка гремѣла; но хитрость Эйзенбаха вовлечь въ бой напоенныхъ и ослѣпленныхъ крестьянъ не удалась; крестьяне съ удивленіемъ увидѣли, что въ рядахъ идущихъ сзади, появилось развивающееся польское знамя. Они остановились. Отпускные солдаты первые спросили, куда ихъ ведутъ и, получивъ въ отвѣтъ, что надо избавить ойчизну и завладѣть Тарновымъ, они рѣшительно отказались отъ дальнѣйшихъ походовъ и повернули домой. Вооруженный ружьями авангардъ хотѣлъ ихъ остановить силою; крестьяне забушевали. Подоспѣвшій ксендзъ *Ціецкевичъ*, съ распростертыми руками, съ распятіемъ въ одной и саблею въ другой, хотѣлъ ихъ удержать; но онъ палъ первую жертвою; на дорогѣ завязался бой; паны, видя перевѣсъ силы на сторонѣ крестьянъ, и гибельные взмахи ихъ косъ и цѣповъ, отъ которыхъ падали ихъ отважнѣйшіе бойцы, разбѣжались. Крестьяне, взваливъ себѣ на плечи до 30 тѣлъ убитыхъ повстанцевъ, возвратились въ Плесно.

Въ Яворцахъ было также приказано собраться крестьянамъ, откуда заговорщики намѣревались слѣдовать на мѣсто сбора — въ Тарновицъ; но здѣсь паны, убѣдившись, что крестьянъ рѣшительно нѣтъ возможности склонить къ мятежу и видя ихъ грозныя намѣренія, поспѣшно усѣлись въ сани и поскакали одни въ Тарновицъ; запоздавшіе заговорщики,

при видѣ по большой дорогѣ крестьянъ, задерживающихъ ихъ дальнѣйшій путь, съѣхались къ яворцкой корчмѣ. Тутъ хотѣли они склонить собравшіяся толпы, если не на свою сторону, то по крайней мѣрѣ къ свободному ихъ пропуску; но слѣдствія переговоровъ не были успѣшны; прибыли крестьяне, отъ которыхъ усакаали первые, и требовали, чтобы по крайней мѣрѣ были и связаны задержаны. Попавшіеся паны отступили въ корчму, приперли двери; но какъ крестьяне стали врываться силою, то они изъ оконъ начали отстрѣливаться. Въ это время подѣхали еще новые паны и, чтобы выручить своихъ, стали тоже стрѣлять въ мужиковъ. Послѣдніе видя себя между двухъ огней, разбѣжались; вырученная изъ корчмы братія размѣстилась въ саняхъ своихъ избавителей; но какъ, при торопливомъ поѣздѣ, двое саней опрокинулось, то крестьяне напали на вывалившихся и всѣхъ, въ числѣ 13 человекъ, положили на мѣстѣ.

При этихъ событіяхъ и подобныхъ стычкахъ между панами и крестьянами, въ ночь съ 18-го на 19-е февраля до 1200 заговорщиковъ въ одномъ тарновскомъ округѣ пали жертвами косъ, вилъ и цѣповъ. Изъ двухъ братьевъ графовъ *Броневскихъ* одного *Теодора* толпа разъяренныхъ крестьянъ застала на дворѣ усадьбы и буквально перемолотила ему ребра, руки и ноги и потомъ косою раздвоила черепъ. Ворвавшись въ домъ, они заставили жену другого брата, *Яна* свѣтить, пока мужу отрѣзали уши и носъ, выкололи глаза и, разрѣзавъ живому кожу на головѣ, обнажили черепъ и потомъ покончили его цѣпами. Помѣщица *Инасъ* хотѣла спасти мужа и спрятала его въ сундукъ; но крестьяне его доискались, связаннаго уложили въ сани, впрягли въ нихъ несчастную женщину и обоихъ ихъ колотили до тѣхъ поръ, пока тѣ не испустили духъ. Графиня *Дембицкая*, не смотря на свою беременность, была заколочена крестьянами до смерти. Изъ этихъ и тысячи подобныхъ имъ случаевъ можно видѣть, до какихъ ужасовъ могутъ доводить разбушевавшіеся страсти разъяреннаго народа; но, повторяя слова свидѣтеля галиційскихъ убійствъ, „кто виновать?— правительство развѣ могло карать галиційскихъ крестьянъ за то, что они, не внимая искушающимъ рѣчамъ буйныхъ головъ и сторонниковъ революціи, заявили себя, противниками замышляемыхъ переворотовъ, заявили себя сторонниками покровительствующей ихъ спокойствію, законной власти? Могло ли правительство

признать крестьян виновными за то, что они принялись за цѣпы, когда паны и деспотическіе агенты польской эмиграціи, стали въ нихъ стрѣлять за то что крестьяне не поддались обману, что они отказались отъ навязываемыхъ имъ благодѣяній, когда населеніе знало цѣпу обѣщаній и понимало истинный ихъ смыслъ? Если населеніе, при видѣ родной своей крови, обогравшей свѣжіе снѣжные сугробы, сбросило узду и въ ярыхъ порывахъ убійствъ искало мести надъ уродливыми вырожденками человѣческаго общества, лицемерными и коварными друзьями народа, кто былъ тому причиною? Поляки, не найдя сочувствія, стали стрѣлять въ крестьянъ, а потомъ ихъ же упрекать за то, что они, защищаясь, простерли свою месть слишкомъ далеко и сурово. Увлекаются иногда, мстя за смерть товарищей и на приступъ идущіе солдаты, а крестьяне — не были обученные воины, и не знали сигнала *отбой*. Виновны въ галиційской рѣзнѣ тѣ, которые возбудили буйныя страсти человѣческой натуры, желая обратить простолудина въ орудіе своихъ честолюбивыхъ бредней и властолюбивыхъ замысловъ. Въ жилахъ польскаго революціонера слилась кровь прежняго шляхтича и новаго демагога; по его мнѣнію народъ — бессмысленная толпа, а всякій противникъ его велѣніямъ, самостоятельный, не согласный быть слѣпымъ исполнителемъ его воли, только послушникъ, котораго, во имя фантастическаго прогресса, онъ считаетъ себя въ правѣ убить, какъ послѣднюю скотину.“

Поднявшіеся крестьяне по всѣмъ дорогамъ къ Тарнову ловили мятежниковъ, изъ которыхъ къ городу прибыло только человѣкъ около 200, собиравшихся у Кликова. Эйзенбахъ, съ 300, усакавшими отъ крестьянъ, да шайка въ 350 человѣкъ, собравшаяся у Гумниска. Всего 850 напрасно ожидали они сигнала пожара *Лысой горы*; событія ночи спасли крестьянъ этой деревни отъ ея сожженія; ускользнувшіе отъ крестьянъ паны привозили только извѣстія о плачевной участи постигшей ихъ товарищей. Прибывшіе ночью къ Тарнову сошлись на Мартиновой горѣ, въ числѣ около 850 человѣкъ. Французъ *Леншанъ* предложилъ себя въ главные начальники, на мѣсто связаннаго крестьянами Чеховскаго; но паны признали свои силы недостаточными и отложили нападеніе на Тарновъ.

Городъ проснулся 19 февраля въ страшной тревогѣ: съ разныхъ сторонъ прибывали разнорѣчивыя вѣсти, глухіе

разсказы о ночныхъ свалкахъ между панами и крестьянами и извѣстія, что со всѣхъ сторонъ сформированныя шайки приступаютъ къ городу, что у Мартиновой горы видѣли несмѣтные полчища повстанцевъ. Войско было поставлено подъ ружье. Тарновцы были въ лихорадочномъ ожиданіи; въ 10 часовъ утра сцена перемѣнилась: показался поѣздъ нѣсколькихъ саней, — это былъ первый транспортъ 19 человѣкъ, избитыхъ у Партига. Зрѣлище было страшное, при видѣ труповъ изможенныхъ цѣпами, изрѣзанныхъ косами, исколотыхъ вилами. На однѣ сани былъ посаженъ повстанецъ, еще живой, но въ предсмертныхъ судорогахъ, а на его колѣняхъ лежали двѣ головы съ разможенными черепами, почти до нага раздѣтыхъ двухъ труповъ. Всѣ 19 человѣкъ оказались помѣщики, экононы и дворовые. За этимъ первымъ поѣздомъ, вереницей стали прибывать другіе и загроздили всѣ улицы, ведущія къ присутственнымъ мѣстамъ; сани были наполнены связанными, захваченными, ранеными и убитыми, нѣкоторыхъ плѣнныхъ крестьяне везли привязанными за ноги къ санямъ, такъ что головою они стучали по снѣжнымъ ухабамъ. Зрѣлище было ужасное! Раненые крестьяне большею частію были поражены насѣченнымъ свинцомъ или крупною дробью; раны же ихъ противниковъ представляли слѣды дѣйствія сельскихъ ихъ орудій, случайно обратившихся въ оружіе.

Сдѣлавъ немедленныя распоряженія о подачѣ помощи тѣмъ изъ раненныхъ, которымъ она еще могла быть полезною, разсадивъ плѣнниковъ въ надежныя мѣста, *Брейнль* тотчасъ принялъ мѣры къ возстановленію порядка; масса привозимыхъ жертвъ удостовѣряла, что уже должно было опасаться не нападеній, а нужно было поспѣшно спасать зачинщиковъ мятежа отъ мести разъяреннаго населенія, изъ Тарнова были разосланы служащіе успокоить крестьянъ и поставить ихъ въ границы обязанностей; съ чиновниками были посланы маленькіе отряды кавалеріи, для конвоированія взятыхъ въ плѣнъ народомъ повстанцевъ и спасенія ихъ отъ неистовствъ толпы. Къ сожалѣнію, власти не могли располагать многимъ, тѣмъ болѣе, что въ Лысую гору почли нужнымъ послать цѣлый эскадронъ, такъ какъ согласно показаніямъ крестьянъ, тамъ собралась цѣлая армія бунтовщиковъ. Неутомимо разъѣзжали посланные отъ *Брейнля* по цѣлому округу, и только на третій день имъ

удалось возстановить полную тишину и спокойствіе.

По вѣроятнѣйшимъ исчисленіямъ, на совѣсти польской эмиграціи было до 10,000 жертвъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ, погибшихъ въ Галиціи подъ ударами крестьянъ. Изъ этого числа болѣе 4,000 относятся къ одному тарновскому округу. За то, съ другой стороны, предписанную сицилійскую вечерню постигло совершенное фіаско: не только не могли состояться нападенія на города, но панамъ было и не до отдѣльныхъ убійствъ. Погибъ только одинъ бургомистръ въ Пимнѣ *Маркъ*. Для его убійства были назначены нѣсколько мелкопомѣстныхъ, тамъ служащихъ шляхтичей, но главный назначенный распорядитель сбора пильсинской шайки, канцеляристъ Іосифъ *Капуцинскій* пожелалъ самъ руководить этимъ убійствомъ. Однимъ изъ заговорщиковъ, почтовымъ экспедиторомъ, были приготовлены кареты; ночью *Капуцинскій*, съ своими людьми, влезъ въ окно запертаго дома, подняли всю семью, зажгли свѣчи и, несмотря на вопли и мольбы жены *Маркя* и его четырехъ маленькихъ дѣтей онъ былъ зарѣзанъ въ ихъ присутствіи. Напрасно *Маркъ* твердилъ, что при поискахъ эмисаровъ, онъ только исполнялъ предписанія начальства, уойцы издѣвались надъ его мученьями, при возгласахъ, что собачья смерть есть достойная кара шпиону и предателю. Покончивъ несчастнаго ударомъ копы, убійцы оставили плавающее въ крови тѣло, среди рыдающей семьи и, выскочивъ на улицу и усѣвшись въ почтовые кареты, поспѣшили на мѣсто сбора; но они были дорогою остановлены и взяты крестьянами; окровавленное копые послужило первою уликою совершеннаго злодѣянія.

Для западной Галиціи назначенный день возстанія былъ 18 число, а для восточной 20, на томъ основаніи, что графъ *Вьселовскій*, вполне убѣжденный на содѣйствіе крестьянъ-поляковъ и панпистовъ въ первой, не имѣлъ той же увѣренности къ населенію русскому и униатскому. Онъ предполагалъ, что возстаніе въ одной западной Галиціи введетъ эрцгерцога Фердинанда въ заблужденіе касательно обширности намѣреній заговорщиковъ. Полагая, что театромъ мятежа предназначена только западная Галиція, эрцгерцогъ вѣроятно вышлетъ туда военныя подкрѣпленія, и тогда, при ослабленныхъ силахъ, удобнѣе будетъ поднять населеніе. Другой расчетъ былъ тотъ, что русское населеніе можетъ

быть и не захочетъ принять на себя инициативу мятежа и слѣдовать за поляками для возстановленія Польши тѣмъ болѣе, что въ уніатскомъ духовенствѣ они не могли разчитывать на поддержку, но что вѣсти о возстаніи крестьянъ западной Галиціи и о дарованныхъ имъ земляхъ и разныхъ льготахъ послужать подстрекающимъ примѣромъ. Эти расчеты на дѣлѣ оказались тоже ошибочны. Хотя посланными гонцами коноводы восточной Галиціи и были, предвидимыя, что, вслѣдствіе гибельнаго хода, который принялъ мятежъ, они должны пріостановиться и выждать дальнѣйшихъ послѣдствій; но гонцы не могли всюду достигнуть своего назначенія и нѣкоторые были схвачены.

Вечеромъ 20 февраля *Сикорскій*, распорядитель мятежа въ самборскомъ округѣ, прибылъ къ своему пріятелю, управляющему горжанскимъ имѣніемъ, *Чаплицкому* и оновѣстилъ крестьянамъ семи сосѣднихъ приходоу, собраться въ Горожану съ косами, вилами и цѣпами; это приказаніе возбудило тотчасъ недовѣріе крестьянъ; потолковавъ между собою, они прибыли по требованію. Къ назначенному часу съѣхались туда заговорщики вооруженными; въ дворѣ были постановлены крестьяне въ кружокъ, судьи ихъ и присяжные были выведены впередъ. Среди круга была поставлена досчатая трибуна, на нее взошелъ *Сикорскій*, и развернулъ польское знамя; глухой ропотъ пошелъ между крестьянами; но когда ораторъ началъ проповѣдывать о братской любви, которую они должны питать къ полякамъ, проповѣдовать что они составляютъ одинъ народъ, одну семью; тогда крестьяне зашумѣли; «мы русины, кричали они, и хотимъ быть вѣрными австрійскому императору.» *Сикорскій*, приготовивъ свою рѣчь и аргументы заранѣе, не нашелъ что имъ отвѣчать и продолжалъ начатое; онъ наглядно хотѣлъ вразумить крестьянъ, взявъ горсть пшеницы и овса, — «пшеница эта помѣщики, говорилъ онъ, а овесъ это вы крестьяне; теперь каждый живетъ про себя, а съ новой Польшей всѣ будутъ равны». Смѣшавъ зерна онъ кинулъ ихъ въ воздухъ, «ну — подите, ищите теперь въ снѣгу, гдѣ пшеничныя, а гдѣ овсяныя зерна, всѣ перемѣшались; такъ будетъ и впредь, поляки и русины будутъ равные братья; земли вы получаете даромъ, безъ всякихъ повинностей, для всѣхъ соль и табакъ будутъ продаваться по вольной цѣнѣ.» — Но крестьяне на счетъ зеренъ замѣтили, что все таки отъ пшеничныхъ зеренъ вырастетъ

пшеница, которую и слѣпой различить отъ овса, а одинъ изъ крестьянъ стариковъ, смѣло выступивъ впередъ, и громко воскликнулъ: »Ребята! папамъ нечего довѣрять, они только хотятъ стараго времени, когда за убитаго мужика они платили по 15 золотыхъ штрафу»; «Правда, правда отвѣчала толпа; паны, не смѣйте бунтовать, складывайте сей часъ же ружья.» Управляющій *Чаплицкій*, истый демократъ новой школы взбѣшенный мужицкою самостоятельностью и дерзкими рѣчами, выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ прекрасной, золотомъ отдѣланной, дорогой винтовки, въ народнаго оратора; тотъ упалъ мертвымъ, нѣсколько другихъ были ранены разлетѣвшеюся крупною дробью. Крестьяне кинулись на пановъ, которые отстрѣливаясь, укрылись въ ближайшее строеніе, заперлись въ немъ и начали стрѣлять чрезъ окна въ подходящихъ; крестьяне зажгли зданіе; огонь и удушливый дымъ принудили заговорщиковъ вступить въ открытый бой; они отперли двери и кинулись на крестьянъ, но въ неровной свалкѣ всѣ были перебиты или переранены; крестьяне свалили ихъ на сани и отправили въ Львовъ. Жертвы горожанской схватки представляли зрѣлище не уступающее тарновскому: они были страшно избиты, не многіе еще дышали; между убитыми вытащили тѣла *Сикорскаго*, *Чаплицкаго* и его старца отца. На однихъ маленькихъ саняхъ лежало туловище пана, атлетическаго сложенія въ медвѣжьей черной шубѣ, отъ котораго голова была отрѣзана ударомъ косы. Кровь лилась съ саней и собаки сбѣгались лизать ее, что возбуждало громкій смѣхъ сбѣжавшейся толпы и вызывало ожесточенныя остроты а побѣдители сопровождавшие плачевный поѣздъ, съ украинскою серьезностью и величайшимъ спокойствіемъ, передавали спавшавшимъ подробности кроваваго событія.

Сборъ *Теофила Весніовскаго* не болѣе имѣлъ успѣха: онъ затѣялъ напасть ночью на эскадронъ гусаровъ, стоявшихъ въ *Нарайовѣ*, но они были во время предъувѣдмлены. *Шайка Весніовскаго* разбѣжалась, увидя войска и толпы крестьянъ, спѣшившихъ гусарамъ на помощь; отъ захваченныхъ узнали, кто былъ главный затѣйщикъ и предводитель; правительство объявило 1000 гульденовъ въ награду его поимщикамъ. *Весніовскій* былъ схваченъ и выданъ, хотя онъ ловко сумѣлъ одурачить крестьянъ, выдавая себя за уніятскаго священника, бѣглеца изъ Россіи. Тщетно хотѣлъ онъ откупиться отъ крестьянъ деньгами: малороссъ отъ при-

роды недовѣрчивъ, и крестьяне разсудили, что время не то, чтобы милосердничать и предоставили мѣстнымъ властямъ разсудить подлежить ли пойманный помилованію. При той традиціонной ненависти, которую крестьяне уніаты-русскіе, наравнѣ съ папистами поляками, питали къ панамъ, мятежъ въ Галиціи былъ, при всѣхъ вылахъ мѣрахъ австрійскаго правительства, хотя страшнымъ, но кратковременнымъ пожаромъ: въ началѣ марта уже спокойствіе было водворено и заговорщики вполнѣ разочаровались въ успѣхѣ своего предпріятія.

ГЛАВА 6-я.

Значеніе Кракова—Вступленіе и изгнаніе австрійцевъ—
Семидневныя судьбы Кракова:— избраніе въ президенты
графа Водзицкаго—его прокламаціи и низверженіе—наро-
довое правительство, его прокламаціи и низверженіе—Ди-
ктаторъ Тысовскій, его прокламаціи и низверженіе—Ди-
ктаторъ Вишневскій, его прокламаціи и низверженіе—
Возвращеніе власти диктатору Тысовскому и его прокла-
маціи—Успѣхи и торжества въ Краковѣ—Вѣсть о посылкѣ
изъ Варшавы конно-мусульманскаго полка—Бѣгство ди-
ктатора—Вторичное избраніе графа Водзицкаго—его
прокламація—Занятіе Кракова русскими войсками.—Оцѣнка
событій польскою эмиграціей въ Парижѣ—Письмо къ князю
Меттерниху.

Польскій мятежъ 1846 года ознаменовалъ себя особою
дѣятельностію въ вольномъ городѣ Краковѣ. По распоряже-
ніямъ *Мирославскаго*, сицилійскія вечерни должны были очистить
области бывшей Рѣчи посполитой отъ вражескихъ для пановъ
дойскъ русскихъ, австрійскихъ и прусскихъ, а польская эмигра-
рія назначила вольный городъ Краковъ центромъ возстанія и
сезиденціей будущаго *народоваго правительства*,—само собою
разумѣется, — въ полной зивисимости отъ коноводовъ, прожи-
вавшихъ въ Парижѣ.

Дипломатическіе резиденты трехъ дворовъ, находившіеся
при вольномъ городѣ Краковѣ, не могли не обратить вниманія
на то, что на улицахъ заперстрѣли конфедератки и что умы стали

приходить въ особенное броженіе; ежедневно случались разныя публичныя выходки; подъ чужими именами прибывала туча поляковъ изъ Франціи, Англіи и Бельгіи, и въ городъ обильно ввозились запасы оружія; за городомъ производились ученья, всадники съѣзжались и упражнялись въ движеніяхъ коннымъ строемъ. Резиденты потребовали объясненій; мѣстныя городскія власти, вполне сочувствовавшія польскому движенію, отозвались, что онѣ безсильны положить конецъ волненіямъ народа. Резиденты обратились къ своимъ дворамъ,—небольшой австрійскій отрядъ вступилъ въ Краковъ.

Начальство надъ австрійскимъ отрядомъ было ввѣрено чело-вѣку, который нравственными своими качествами и своею распорядительностію вовсе не соответствовало обстоятельствамъ; при первыхъ выпыскахъ онъ считалъ себя погибшимъ, если не оставитъ городъ; отступивъ въ Галицію, онъ покрылъ себя стыдомъ, и тѣмъ ободрилъ крамольниковъ до того, что наскоро набранная сволочь дерзнула преслѣдовать регулярное войско.

Народовое правительство утвердилось и просуществовало одну недѣлю. Словно предчувствуя его скоротечность, поляки торопились представить свѣту, въ это короткое время, полную жизнь и полную неурядицу всякихъ польскихъ правительствъ. Какъ инфузоріи, эфемериды, въ нѣсколько часовъ совершаютъ весь жизненный процессъ отъ рожденія до смерти, такъ въ теченіи одной недѣли въ Краковѣ были заговоры, государственные перевороты, ликованія легко воспламеняющейся польской толпы, меланхолическое разочарованіе, торжественныя празднованія воображаемыхъ побѣдъ и наконецъ глу, бокое уныніе, при сознаніи, что всѣ мечты оказались-мечтами-всѣ планы и затѣи—несостоятельными.

Генералъ-маіоръ Коллинъ вступилъ 18 февраля въ Краковъ, съ отрядомъ пѣхоты (600 ч.), конницы (150) и тремя 6-ти фунтовыми пушками. Грозныя взгляды населенія при встрѣчѣ австрійцевъ, подѣйствовали на впечатлительнаго начальника; прибытіе войска не заставило заговорщиковъ отложить возстаніе. Въ 11 часовъ ночи, 20 февраля нѣсколько выстрѣловъ было сдѣлано по патрулямъ изъ оконъ; при розыскахъ виновныхъ, въ руки австрійцевъ случайно попало письменное свѣдѣніе, что въ 4 часа утра назначено общее на нихъ нападеніе. При обыскѣ одного дома, патрули застали старца, начавшаго писать духовное свое за-

вѣщаніе; онъ успѣлъ написать только слова: «послѣ того, что къ нападенію на австрійскія пушки, я сего числа въ 4 часа утра...» Этихъ словъ было достаточно; войска были приготовлены; въ 5 часовъ утра дѣйствительно начался уличнй бой; австріцы, успѣли захватить болѣе 100 человекъ; но на другой день Коллинъ, утѣшеннй вѣстью что 20,000 инсургентовъ уже собралось въ городѣ, поспѣшно выступилъ назадъ въ Галицію; дѣйствительно же въ Краковѣ собралось тогда, правда, отличнй вооруженныхъ, но всего только до 6000. Коллинъ привезъ въ Краковъ запасныя ружья, но взялъ только по 12 патроновъ; выступленіе его было такъ поспѣшно, что часть имущества была оставлена въ Краковѣ, а при отступленіи тѣснимый мятежниками, онъ былъ вынужденъ бросить и свои запасныя ружья.

Наплывъ ревнителй въ Краковѣ особенно усилился при неудачныхъ попыткахъ и крестьянскихъ нападеніяхъ въ Галицію. Бѣгство Коллина было торжествомъ; поляки въ 6 часовъ вечера 22 числа, видя городъ очищеннымъ австрійцами, заливовали. Одна красивая полька, съ конфедераткою на головѣ и съ ружьемъ въ рукахъ, мало знакомая съ дальностью полета пули, стрѣляла изъ окна чрезъ Вислу, по уходящимъ австрійцамъ, что приводило въ восторгъ ликующихъ. Модныя барыни разрывали свои атласныя платья и готовили національныя кокарды; онѣ бѣгали съ ними по улицамъ и раздавали проходящимъ. Поляки рыцарями преклоняли колѣна, пока къ нхъ конфедераткамъ прекрасныя ручки прикадывали кокарды.

Съ удаленіемъ австрійцевъ, тѣ краковцы, которые не были посвящены въ планы эмиграціи, считали себя хозяевами и тотчасъ установили свое правительство, на которое покровительствующія державы не имѣли бы вліянія, и въ главѣ его посадили 70-лѣтняго старца графа Юсіфа *Водзицкаго*. Среди шумныхъ возгласовъ, онъ ввѣрили ему и начальство надъ національною гвардіею. *Водзицкій* объѣхалъ верхомъ улицы, проповѣдывалъ спокойствіе и порядокъ, установилъ подъ своимъ председательствомъ *комитетъ общественной безопасности* изъ 5 членовъ, и назначилъ комиссаровъ въ разныя части города. Онъ пригласилъ ихъ затѣмъ въ казино, для совѣщаній о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ, и издалъ прокламацію о принятіи имъ власти и о сохраненіи тишины; единодушіе и усердіе казались пол-

ными. Но среди краковцевъ были уже члены, назначенные въ Парижъ для *народоваго правительства*, известные только заговорщикамъ, посвященнымъ въ тайны революціи; эти видѣли необходимость выйти на свѣтъ дневной и приготовились, въ случаѣ надобности, силою заявить свои права. Только что разошлась молва объ избраніи *Водзицкаго*, какъ революціонные главные коноводы заговорщиковъ Янъ *Тысовскій*, Людвигъ *Горшковскій*, Александръ *Гржегоржевскій*, Эдуардъ *Дембовскій* и Карлъ *Роговскій* собрали поспѣшно чловѣкъ до 1000 своихъ сторонниковъ вооруженными и, надѣвъ польскіе шарфы, отправились, часовъ въ 8 вечера къ избранному президенту. Озадаченному графу *Водзицкому* оставалось только повиноваться, распустить, по ихъ требованію, назначенный комитетъ общественной безопасности и передать власть тѣмъ, которые уже, по ихъ увѣрніямъ, были назначены въ Парижъ, и которыхъ поддержка стояла вооруженною толпою, предъ домомъ на площади.

Новые властелины, низвергнувъ избранное краковянами правительство, въ тотъ же вечеръ слѣдующею прокламаціею возвѣстили о себѣ жителей. «Краковъ 22 февраля 1846 г. Братья поляки! Четырнадцать лѣтъ достойные храбрые сыны ойчизны, для ея возстановленія, создали во всѣхъ нашихъ областяхъ многочисленныя общества, члены которыхъ подвергались неимовернымъ опасностямъ. Не смотря на разстоянія, все усилія стремились къ одной цѣли—возвратить свободу польской націи. 24 января текущаго года комитеты всѣхъ ассоціацій Польши передали правительственную власть въ руки правительственнаго учрежденія изъ 5 лицъ и одного секретаря. Эти лица были избраны въ средѣ княжества познанскаго, владѣнія Кракова, Галиціи, Россіи и эмиграціи; ихъ засѣданіе должно пополниться еще двумя членами, однимъ отъ всей соединенной Польши, а другимъ отъ Литвы. Избранные члены приняли назначеніе и къ 24 февраля должны были собраться въ Краковъ. Назначенные для Кракова, Галиціи и эмиграціи были на мѣстѣ до назначеннаго срока, познанскій *) же былъ арестованъ, а членъ отъ Россіи и секретарь еще не прибыли. Членъ отъ эмиграціи, со страху для его личности, по прибытіи австрійскихъ войскъ, поспѣшно бѣжалъ за границу».

*) Либельтъ.

«Общее раздраженіе умовъ, господствующее въ Краковѣ и отовсюду приходящія вѣсти доказываютъ, что революція есть воля Бога и всего польскаго народа. Эти обстоятельства налагаютъ на членовъ *народоваго правительства*, еще не прибывшихъ, священную обязанность немедленно явиться въ Краковъ тѣмъ болѣе, что самая горячая ревность можетъ остынуть, и *наши братья, землевладельцы*, способные нанести рѣшительные удары, не могутъ принять участія въ возстаніи».

«Въ то время, когда мы допускаемъ въ средѣ *народоваго правительства* одного гражданина ¹⁾ для соединенной Польши, который соглашается принять ему предлагаемую власть, мы простираемъ къ вамъ руки и, предъ лицомъ Господа и націи, клянемся, что мы сохранимъ власть только до часа полного освобожденія всей Польши, и что надежнѣйшимъ для того средствомъ мы признаемъ уничтоженіе поляками всѣхъ привилегій и *уступку права на владѣніе землею* тѣмъ, которые ее воздѣлываютъ, права, которымъ крестьяне понынѣ пользуются съ нѣкоторыми ограниченіями. Мы принимаемъ на себя отвѣтственность за послѣдствія всѣхъ нами издаваемыхъ постановленій; тотъ—предатель ойчизны, кто осмѣлится оказывать какое либо противудѣйствіе нашимъ приказаніямъ, съ таковымъ мы и будемъ поступать въ этомъ смыслѣ».

Подписали: Людовикъ Горшковскій.

Янъ Тысовскій.

Александръ Гржегоржевскій.

Секретарь Карлъ Роговскій ²⁾

Въ тотъ же вечеръ, 22 февраля, послѣдовало отъ утвердившагося правительства еще воззваніе, въ которомъ между прочимъ сказано:

«Поляки! часъ возстанія пробилъ. Раздѣленная Польша соединяется. Наши братья въ Познани, въ конгрессовой Польшѣ, въ Литвѣ и въ Галиціи уже борются съ врагами. Насъ 20 милліоновъ! Возстанемъ, какъ одинъ человекъ и никакая сила не раздавитъ нашего могущества.» Были бы въ то время телеграфы, и они измѣнили бы тонъ этого воззванія. Когда прокламація сочинялась въ Краковѣ, тогда въ Познани мятежъ былъ уже въ

¹⁾ Мѣрославскаго.

²⁾ Онъ въ то же время былъ утвержденъ секретаремъ.

агоніи: въ Польшѣ и Литвѣ заговорщики сидѣли уже въ крѣпости, а совершившіяся къ 22 числу событія въ Галиціи ясно доказывали, что статистическія польскія свѣдѣнія о числѣ тамъ живущихъ поляковъ требовали огромныхъ поправокъ, да и галиційскіе крестьяне, даже мазуры, считали обидою названіе ихъ поляками.

Приведемъ еще одно мѣсто изъ этого пресловутаго, многословнаго воззванія, которое можетъ ознакомить съ цѣлымъ и которое читая одинъ галичанинъ выразился весьма оригинально: *обѣщався комаръ играть на тромбонѣ*. «Поляки! у насъ будетъ свобода, какой никогда ни у кого на землѣ не бывало; въ нашемъ будущемъ социальномъ быту, всякій, по своимъ достоинствамъ и способностямъ, будетъ пользоваться благами земными; никакихъ привилегій, ни подъ какими видами, болѣе не будетъ; всякій полякъ найдетъ въ нашей свободѣ полную гарантію для себя, жены и дѣтей своихъ. Если бы одинъ полякъ и уступалъ другимъ въ природныхъ дарованіяхъ и силахъ тѣлесныхъ, то ему будетъ несомнѣнно оказана поддержка цѣлымъ обществомъ. Земля, доселѣ условно принадлежавшая крестьянамъ, будетъ ихъ полною и неотъемлемою собственностью, прекратятся барщина, сгоны и всякія другія повинности, а кто пожертвуетъ собою за ойчизну, тотъ будетъ вознагражденъ изъ казенныхъ земель.» (?)

Въ концѣ указана форма присяги:—«Клянусь служить моей ойчизнѣ Польшѣ *совѣтами*, словомъ и дѣломъ; клянусь принести ей въ жертву личные расчеты, достоиніе и жизнь; клянусь въ повиновеніи народоному правительству, утвердившемуся въ Краковѣ, и всѣмъ властямъ, отъ него утверждаемымъ»

Подписали: Лудвигъ Горшковскій, Янъ Тысовскій, Александръ Грожегоржевскій, Секретарь Карлъ Роговскій.

На слѣдующій день 23 февраля народное правительство выпустило третью прокламацію.

«Братьямъ израилева закона».

«Поляки! часъ уравниенія всѣхъ сословій пробилъ. Пока существовали тираны, на васъ смотрѣли какъ на отдѣльный народъ; революціи принимаетъ васъ въ общественныя нѣдра, и, какъ дѣтей одной ойчизны, утверждаетъ за вами право наравнѣ со всѣми гражданами».

Евреи были бы весьма довольны, чтобы глубокомысленные государственные люди, не требуя отъ нихъ прекращенія той ка-

гальной замкнутости, которою они—пѣзвками высасываютъ соки населенія, даровали имъ права и вмѣстѣ съ тѣмъ и новыя средства вести свое прежнее житье—бытье; но они хорошо понимали непрочность всей этой комедіи и отъ нихъ пошли глухіе толки о какихъ то неутѣшительныхъ для дѣла возстанія слухахъ изъ Галиціи и Познани, а народное правительство получило уже о тамошнихъ событіяхъ положительныя, прескверныя вѣсти, конечно, не безъ примѣси хвастливыхъ прибавленій, что поляки дали себя знать австрійцамъ, и не безъ боя позволяли себя взять пруссавамъ. Попытки перерѣзать ночью австрійцевъ и пруссаковъ въ Галиціи и Познани не удалась; но поляки повѣрили молвъ, что избили много противниковъ въ ночныхъ схваткахъ; необходимо было задобрить нѣмцевъ и прокламацію Мѣрославскаго, въ которой предписывалось ихъ передуть, замѣнить новою и извиниться въ минувшихъ убійствахъ. Съ этою цѣлью была отпечатана и тотчасъ разослана въ прилежащія германскія земли, того же 23 февраля, другая, слѣдующаго содержанія:

«Вольная и благородная нѣмецкая нація!»

«Возстаніе произведенное нашими братьями повлекло за собою нѣкоторое число жертвъ».

«Наши братья теперь не могутъ ни объяснить, ни оправдать причинъ бывшей борьбы; потому мы говоримъ за нихъ съ тѣмъ, чтобъ эти причины не были ложно перетолкованы и не возбуждали бы гнѣва и ненависти».

«Мы не обращаемся къ правительствамъ, но къ народу, потому что каждое благородное сердце и каждый благородный нѣмецъ насъ легко поймутъ. Наши познанскіе братья хотѣли только вооруженною рукою проложить себѣ путь, чтобы соединиться съ нами и энергически содѣйствовать намъ въ борьбѣ съ нашимъ варварскимъ врагомъ (Россією); потому они готовились къ бою, не изъ ненависти къ вамъ и безъ побужденій ослабленнаго себлюбія. Когда Господь благословитъ наши усилія, тогда наше правительство будетъ въ связи съ вашими».

«Мы съ сего времени клянемся вамъ въ дружбѣ и согласіи. Между благородными, свободными народами можетъ ли не быть дружбы? Ни вы, ни мы не забыли, какъ Германія приняла нашихъ братьевъ послѣ кровавой борьбы 1831 года.»

«Эти ваши поступки Господь вложилъ въ сердца всѣхъ людей чести. Мы увѣрены, что когда наши братья, проживающіе въ изгнаніи (эмигранты), услышатъ объ нашихъ дѣйствіяхъ,

то они поспѣшать къ намъ на помощь, и что вы не откажете въ сочувствіи старымъ вашимъ гостямъ. Вамъ понятна наша борьба, вы испытали такую же въ 1813 году; вы тогда побѣдили, а мы погибли».

«Господь благославить наши предпріятія къ славѣ и свободѣ всего человѣчества, дабы оно впредь видѣло среди себя только націи вольныя и независимыя.»

Послѣ недавнихъ, еще свѣжихъ желчныхъ нападокъ поляковъ на нѣмцевъ, трудно понять, для кого была написана эта оправдательная прокламація, съ быстрымъ переходомъ отъ неистовой ненависти къ нѣжной любви. Если была обращена къ революціонной партіи, то та, безъ всякихъ воззваній, понимая закулисную работу своихъ сотрудниковъ, знала, что чѣмъ будетъ ложь нагаше, тѣмъ она должна быть болѣе уважаема; потому что у этихъ господъ обманъ и клеветы считались вѣрнѣйшими и достойнѣйшими средствами; если же для не посвященныхъ, то на тупоуміе какихъ читателей рассчитывали поляки? Какіе могли быть нѣмцы—читатели, которые въ польскихъ воззваніяхъ будутъ искать разъясненія польскихъ событій, а не подождать, пока обнародованные правительствомъ документы не разъяснятъ сущности дѣла? Повидимому поляки, видя что они надѣлали слишкомъ много промаховъ и страшась общественнаго мнѣнія Европы, чтобы извратить его подобно Оборскому въ 1834 г., смѣло прикрылись другою маскою.

Слухи о бѣдственныхъ послѣдствіяхъ въ Познани и Галиціи затѣи польской эмиграціи мало тревожили легкомысленное польское населеніе Кракова; то были какія то далекія незримыя бѣдствія, а самая жизнь Кракова въ эту педѣлю доставляла много развлеченій быстро сдѣдовавшихъ одно за другимъ. Въ первыхъ неудачи и заключеніе *Мѣрославскаго* въ Познани открыло вакантное мѣсто, и 24 февраля *Тысовскій* провозгласилъ себя диктаторомъ. Менѣе нежели въ 48 часовъ, третье правительство возсѣло въ Краковѣ. Тысовскій назначилъ къ себѣ *Эдуарда Дембовскаго* и *Карла Роговскаго* секретарями; они писали и печатали новыя прокламаціи, изъ которыхъ поляки старались уяснить себѣ политическіе взгляды диктатора и правительственное его направленіе.

Первая прокламація, изданная диктаторомъ, гласила:

«Польская нація!»

«По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, крестьяне, не понимая въ чемъ дѣло, нападаютъ на дворянъ. Эти безпорядки произошли отъ застѣнанія нѣсколькихъ лицъ въ народовомъ правительствѣ, что возлагаетъ на меня обязанность соединить всю власть въ моихъ рукахъ. Довода объ этомъ моемъ рѣшеніи до свѣдѣнія жителей Кракова, вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщаю, что я поручилъ моей стражѣ никого ко мнѣ не пускать, кромѣ являющихся съ донесеніями, а съ донесеніями должны являться только имѣющіе сообщить о какомъ либо совершившемся событіи. Что же касается до подачи совѣтовъ, плановъ и проэктровъ, то къ такимъ допускаются только тѣ, которые будутъ къ тому особо приглашаемы. Краковъ 24 февраля 1864 г.»

Подписали: Янъ Тысовскій.

Секретарь Рогавскій.

Вѣроятно патріоты слишкомъ много приложили усердія, въ исполненіи наканунѣ изданной присяги, требовавшей совѣтовъ. Вслѣдъ за первою прокламаціею явилась другая. Эта прокламація имѣла цѣлью увѣрить Европу, что произведенная поляками сумятица была слѣдствіемъ коварныхъ замысловъ союзныхъ державъ, особенно австрійцевъ. Диктаторъ хотѣлъ также задобрить населеніе, которому можетъ быть не всему понравился крутой слогъ перваго диктаторскаго воззванія. Изъ второй прокламаціи нѣсколькихъ знаменательнѣйшихъ строкъ будетъ достаточно, чтобы читателей ознакомить съ ея содержаніемъ.

«Краковъ, 24 февраля 1846 г. Поляки! Гнусною клеветою противъ спокойнѣйшихъ жителей г. Кракова и его округа, наши враги хотѣли оправдать давно ими замышляемое вторженіе. Австрійскія войска вступили сего 18 февраля и своими насиліями возбудили всеобщій ропотъ, котораго слѣдствіемъ былъ рѣшительный бой, многіе изъ нашихъ братьевъ пожертвовали собою для національнаго дѣла; они пали героями, сыновьями ойчизны. Едва непріятель увидѣлъ потери, какъ паника разнеслась въ его войскъ, потому что Богъ очевидно на сторонѣ невинныхъ. Австрійскіе самохвалы объявили, что пришли для нашего спасенія, а сами подлыми трусами бѣжали первые, предоставивъ городъ величайшей опасности. Но Провидѣніе съ нами! Не было малѣйшаго даже безпорядка, единственный примѣръ въ исторіи всѣхъ народовъ и величайшій эпизодъ въ исторіи Польши. Поляки! насталъ рѣшительный часъ; забудьте ваши распри, сое-

динитесь, и отдаленное потомство будетъ вѣнчать васъ и дивиться вашимъ подвигамъ.»

Въ тотъ же день городской театръ былъ названъ *народовымъ*; во время бывшаго представленія патриотическихъ пьесъ, соответствующихъ обстоятельствамъ, появленіе диктатора въ особу для него убранной ложѣ, привело публику въ необъятный восторгъ и театръ гремѣлъ долго дивившимися возгласами и рукоплесканіями; дамы изъ ложъ махали платками, мужчины кидали вверху конфедератки, оркестръ заигралъ: «Еще польска не сгинела». Не попавшіе въ театръ искали по крайней мѣрѣ добыть афишу, чтобы упиваться чтеніемъ заглавныхъ словъ, «*Театръ народовой*». Публика собралась послѣ театра въ залъ ресурса и долгіе споры не могли разрѣшить—признать ли Англія одновременно съ Франціей независимость Польши.

Среди этихъ споровъ и разныхъ размышленій явилась только что отпечатанная новая прокламація новаго диктатора.

«Краковъ. 24 февраля 1846 г. Братья поляки! я призываю васъ во имя новаго правительства и во имя новаго общественного устройства Польши, свободы, равенства, независимости отъ иноземцевъ и братскаго согласія и объявляю вамъ прекращеніе всѣхъ поземельныхъ повинностей, оброковъ, податей, налоговъ, сборовъ зерна, таможенъ, табачной монополіи и прочаго, исключая только нужныхъ для общихъ потребностей края. По изгнаніи иѣмцевъ, всякій, неимѣющій земли, получить по 5 морговъ, также нужно каждому количество дровъ и лѣсу; лѣса Господь далъ намъ даромъ, потому каждый долженъ ими бездѣльно и пользоваться. Титулы князей, графовъ, бароновъ уничтожаются. Всѣ жители, не исключая и евреевъ, пользуются одинаковыми правами. Повсемѣстно народъ долженъ вооружиться и вступить въ бой съ нашими заклятыми врагами русскими и нѣмцами; отъ ихъ изгнанія зависитъ ваше счастье. Во имя Бога, дѣтей вашихъ и вашего собственнаго благосостоянія, идите избавлять ойчизну отъ нашихъ притѣснителей нѣмцевъ и русскихъ; вооружитесь кто чѣмъ можетъ, у кого нѣтъ оружія тотъ найдетъ косу, вилы и цѣпъ. Долой нашихъ притѣснителей, да здравствуютъ поляки и да погибнуть наши враги!»

Послѣ всѣхъ удовольствій дня, эта щедрая прокламація, отъ которой должны были пострадать многіе карманы, была принята далеко не съ общимъ сочувствіемъ; но съ прокламаціями въ замѣчательный день 24 февраля, дѣло не кончилось; ко

снѣ отходящему населенію была еще роздана четвертая, весьма пространная, въ которой диктаторъ излагалъ свои виды и правила касательно *всеобщей организаціи немедленнаго повсемѣстнаго возстанія*. Она начиналась съ того, что каждый обыватель, *подъ карою смертной казни, обязанъ вооружиться и пристать къ возстанію*. По тону прокламацій видно, съ какою самоувѣренностью выступалъ диктаторъ; каково же было удивленіе краковянъ когда, проснувшись на другое утро, они на всѣхъ перекресткахъ увидѣли наклеянными новыя прокламаціи, которыя объявляли народу, что диктаторъ сложилъ съ себя власть и передалъ ее гражданину Михаилу *Вишневскому*.

Въ стѣнахъ Кракова въ то время находились представители весьма различныхъ польскихъ элементовъ, участвовавшіе въ революціонномъ движеніи: во первыхъ—толпа прибывшихъ изъ за границы, воспитанныхъ въ духѣ демократической партіи эмиграціи; во вторыхъ мѣстные заговорщики, одни съ пустыми карманами и съ себялюбивыми замыслами, другіе подготовленные польскими традиціями и увлеченные революціонною литературою и краснорѣчивыми доводами эmissаровъ. Изъ этихъ личностей, многія болѣе или менѣе согласно строгой революціонной іерархіи были посвящены въ тайнства цѣлей, а остальные составляли массу для численности и физической силы; третій разрядъ составляли личности, которыя вносили себя въ списки заговорщиковъ, не имѣя достаточно гражданскаго мужества, чтобы въ собраніяхъ воздержаться отъ поддакиваній. Революціонерами на словахъ, они, въ глубинѣ сердца, отправляли всѣхъ эmissаровъ съ ихъ революціонными затѣями, и съ ихъ сборами на дѣло ойчизны, ко всѣмъ нелегкимъ; наконецъ самый многочисленный классъ составлялъ сырой, мѣстный продуктъ польскаго общества, съ его неутомомною польскою старинною интеллигенціею, сверху прикрытой произведеніями новомодной демократической литературы. Этотъ классъ, которому подземныя продѣлки коноводовъ эмиграціи были незнакомы, простодушно понималъ въ буквальномъ смыслѣ возгласы къ освобожденію Польши, далеко не подозревая, что въ Парижѣ сидятъ люди съ нетерпѣніемъ ожидающіе возможности, при удавшемся мятежѣ, пріѣхать властвовать въ Варшаву. Къ нему принадлежали Михаилъ *Вишневскій*, профессоръ университета и Гиларъ *Мецишевскій*, содержатель гостиницы, директоръ театра, чиновникъ городского правительства и къ тому еще писатель. Не вѣдая о всѣхъ дол-

гихъ приготовленіяхъ и соображеніяхъ польской эмиграціи, не вѣря однимъ словамъ, они видѣли только, что едва кому извѣстныя личности самопроизвольно ссадили избраннаго президента графа *Водзицкаго* съ его правительственнаго кресла и заняли его мѣсто, а затѣмъ одинъ изъ новыхъ правителей какой то прибывшій, галичанинъ по рожденію и эмигрантъ по профессіи, тотчасъ вытѣснилъ товарищей и съ неограниченною властью уже нѣсколько часовъ не только распоряжался по собственному усмотрѣнію, но и объявлялъ, что онъ ни въ чьихъ совѣтахъ не нуждается.

Вишнеескій и *Мецишевскій* пришли къ заключенію, что имъ, какъ туземцамъ, гораздо приличнѣе властвовать, а доказательствомъ быстроты, съ какою можно составить партію между поляками и двинуть ее къ дѣйствию, можетъ служить то, что новые искатели власти въ теченіи одного дня набрали достаточное число заговорщиковъ и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, немедленно привели свой замыселъ въ исполненіе.

Главою заговорщиковъ былъ профессоръ *Вишнеескій*, его сынъ студентъ, профессоръ *Бродовичъ*, выше названный *Мецишевскій* и полицейскій чиновникъ *Мирошевскій*. Молодой *Вишнеескій* поставилъ наибольшій контингентъ заговорщиковъ изъ числа университетскихъ своихъ товарищей. Въ два часа ночи заговорщики подошли къ дому занимаемому диктаторомъ, захватили стоявшій тамъ караулъ и ворвались въ комнаты. *Тысовскій* кинулся къ своимъ пистолетамъ, но его удержалъ профессоръ *Вишнеескій*, а его сынъ, приложивъ пистолетъ къ груди диктатора, потребовалъ, чтобъ онъ, *прибывшій не вѣсть откуда молодецъ, сложилъ похищенную имъ власть и немедленно убирался вонъ изъ Кракова*. Для диктатора переходъ былъ быстръ отъ восторженныхъ пріемовъ и неистовыхъ виватовъ театра къ площадной брани, угрозамъ и представленному къ его груди пистолету; но дѣлать было нечего; шумъ на улицѣ, при арестованіи караула, привлекъ толпу запоздавшихъ фланеровъ, но толпа оставалась хладнокровною зрительницею; *Тысовскій* общался и подписалъ все, что заговорщики отъ него потребовали, одѣлся, уложилъ свои пожитки въ чемоданъ и уѣхалъ въ присутствіи наслѣдниковъ его власти.

Новые властелины заняли диктаторскій домъ и приступили дѣятельно къ распоряженіямъ. Первымъ дѣломъ было сочиненіе новой прокламаціи, въ которой объявлялось, какъ мы видѣли,

ошъ диктаторъ Янъ *Тысовскій* передалъ свою власть Михаилу *Вишневному*; въ ту же ночь, при свѣтѣ факеловъ, прокламація была напечатана и наклеена на углы всѣхъ улицъ и переулковъ. Первымъ, вышедшимъ на улицу утромъ 25 февраля, оставалось только поздравлять себя съ новымъ диктаторомъ.

Новый диктаторъ, считая дѣло конченнымъ и положеніе свое упроченнымъ отреченіемъ *Тысовскаго*, занялся составленіемъ новаго правительства, согласно съ своими видами, и назначеніемъ своихъ людей въ разныя должности; но въ то же утро его занятія были внезапно прерваны: молодой *Вишневскій* вбѣжалъ къ отцу и объявлялъ ему, что *Тысовскій*, съ тысячею вооруженныхъ людей, къ которымъ пристаеъ растущая уличная толпа, идетъ къ диктаторскому дому. Диктаторъ и члены *народоваго правительства*, которые не позаботились собрать силу достаточную для охраненія ихъ власти, должны были въ свою очередь искать спасенія въ бѣгствѣ, чтобы не повиснуть рядомъ съ фонарями. *Вишневскій* съ сыномъ успѣли бѣжать поспѣшно въ Пруссію; *Бродовичъ*, *Мешишевскій* и *Мирошевскій* спрятались въ самомъ городѣ.

Тысовскій засталъ диктаторскій домъ уже свободнымъ для новаго постоя. Возстановивъ власть, на мѣсто наклеенныхъ прокламацій *Вишневного*, онъ приказалъ выставить новыя, которыя, въ поспѣшности, на иныхъ углахъ, явились и рядомъ съ предшествующею; эта прокламація была краткаго содержанія: «Диктаторъ польскому народу».

«Сегодня рано утромъ появившуюся прокламацію, которою я отказался отъ власти въ пользу Михаила *Вишневного*, объявляю слѣдствіемъ измѣны, такъ какъ это отреченіе было отъ меня вынуждено съ оружіемъ въ рукахъ; почему Михаила *Вишневного* предаю суду революціоннаго трибунала.»

Краковъ
25 Февраля 1846 г.

Янъ *Тысовскій*.
Секретарь *Рогавскій*.

Пока искали *Вишневного* и другихъ виновныхъ, публика не долго имѣла времени заняться вопросомъ—будутъ ли или не будутъ они вздернуты на «шубеницу» (висѣлицу); въ городъ торжественно вступила шайка, посланная ограбить казначейство Величкенскихъ соломоень; 180,000 гульденовъ было военною добычею. Пришли съ нею и новыя вѣсти, что инсургенты, посланные для преслѣдованія Коллина, отѣснили его до Водовица, что

жители горъ и работники на соломняхъ пристаи къ мятежу; но что крестьянское населеніе всюду твердо стоитъ за австрійское правительство. Диктаторъ собралъ военный совѣтъ и, послѣ мнѣній присутствующихъ, утвердилъ слѣдующее: «подкрѣпить высланные войска противъ Колаина и внимательно наблюдать и собирать свѣдѣнія о распоряженіяхъ и движеніяхъ военныхъ силъ, а *Сохаржевскому* съ особеннымъ отрядомъ идти въ горы и поддерживать тамъ возстаніе.»

На совѣтъ засѣдалъ *Дембовскій*, ревностный, намъ уже знакомый эмиссаръ польской эмиграціи. Съ бѣгствомъ назначеннаго изъ Парижа члена отъ эмиграціи для засѣданій въ народовомъ правительствѣ, *Дембовскій* остался главнымъ представителемъ эмиграціонныхъ интересовъ. Пропитанный революціонными теоріями и ученіями демократической централизациі, онъ не могъ понять, чтобы сельское населеніе могло устоять противъ искушенія къ мятежу и не соблазнилось тѣми демократическими догматами, которые ему такъ горячо хотѣлось навязать крестьянамъ; онъ не могъ понять, что здравый смыслъ селскаго населенія ясно ему указывалъ въ австрійскомъ правительствѣ прямой и законный источникъ всѣхъ улучшеній своего быта, и что народу было не съ-руки кидаться за какими-то невѣдомыми искателями приключеній, поддерживаемыми мѣстными, ему ненавистными панами. *Дембовскій* не могъ отказаться отъ многолѣтнихъ, такъ долго лелѣявшихся мечтаній, и придумывалъ разныя комбинаціи, чтобы воспользоваться вооруженіемъ крестьянъ и направить его въ свою пользу; онъ надѣялся еще растолковать тупоумнымъ мужикамъ, что ихъ прямая выгода—сдѣлаться орудіями революціонныхъ коноводовъ, и увлечь ихъ какою нибудь новою уловкою.

Дембовскій высказалъ свой планъ слѣдующими словами: «Вооруженіе крестьянъ должно принять за *фактъ совершившійся* (любимое выраженіе польскихъ революціонеровъ), но вмѣсто того, чтобы карать ихъ, угрожать имъ, мы обязаны стараться это вооруженіе направить къ дѣлу революціи. Австрійское правительство пропитано консерватизмомъ и потому оно трусливо: оно будетъ напугано движеніемъ крестьянъ. Развѣ правительство знаетъ громадную численность заговорщиковъ, развѣ оно догадывается, что въ рядахъ заговора находится все дворянство? Австрійское правительство, однимъ словомъ, не понимаетъ всего значенія и силы нашего движенія. Если заговор-

щики притихнуть въ Галиціи, австрійцы сочтутъ средства движенія окончательно исчерпанными и станутъ приводить населеніе въ повиновеніе; потому помѣщикамъ должно дать категорическій приказъ, сидѣть спокойно, искать покровительства и защиты у мѣстныхъ властей противъ крестьянъ, существующимъ настроеніемъ умовъ взволнованныхъ и разевирѣтившихъ. Подобнымъ поведеніемъ помѣщики приведутъ правительство къ неизбежному столкновенію съ крестьянами; намъ останется тогда только умѣть исполнить воспользоваться этимъ обстоятельствомъ». *Тысовскій* тѣмъ скорѣе согласился съ предположеніями *Дембовскаго*, что видѣлъ въ немъ сильнѣйшаго и вліятельнѣйшаго изъ эмиграционныхъ дѣятелей.

Немедленно приступили къ составленію сообразныхъ съ этимъ проектомъ инструкцій и приказаній, которыя и были разосланы по всей Галиціи съ нарочными навьюченными десятками тысячъ отпечатанныхъ экземпляровъ новаго, *Дембовскимъ* составленнаго, воззванія къ крестьянамъ:

«Каждому поляку умѣющему читать.»

«Диктаторъ повелѣваетъ всякому поляку умѣющему читать, по полученіи сего манифеста, собрать своихъ односельцевъ, прочесть его и разъяснить народу значеніе и цѣль настоящаго повстанія.»

«Польскій народъ! Въ польской республикѣ начатое возстаніе уничтожаетъ всякія повинности, оброки, арендную плату и всякіе сборы, такъ что земляные участки, за которые вы понынѣ несли разныя обязательства, отнынѣ становятся вашею полною неотъемлемою собственностью, которыми вы можете располагать, какъ вамъ угодно. Кто отъ васъ будетъ требовать какихъ либо работъ или податей, тотъ будетъ немедленно наказанъ. Не имѣющіе земли, какъ то: работники, наемники и въ особенности тѣ, которые примутъ участіе въ возстаніи съ оружіемъ въ рукахъ, будутъ, по окончаніи его, вознаграждены изъ казенныхъ имуществъ. Для ремесленниковъ будутъ учреждены народныя фабрики и мастерскія, въ которыхъ они будутъ получать въ два раза болѣе жалованья, нежели теперь получаютъ. Правительство уничтожаетъ всѣ права и званіе дворянства; оно объявляетъ всѣхъ людей равными.»

«И такъ польскій народъ! только твоего собственнаго блага хочетъ начатая революція съ тѣмъ, чтобы возвратить отнятыя у тебя права.»

«О, польскій народъ! старайся распространять вездѣ то, что ты сей-часъ услышалъ; твой долгъ защищать твои права, какъ долгъ каждаго поляка обороняться и противъ австрійцевъ и противъ всякаго притѣснителя нашего народа.»

Краковъ 25 февраля 1846 г.

Тысовскій.

Эдуардъ *Дембовскій.*

Революціонные коноводы, съвозъ призмѣ своеобразныхъ побужденій изучавшіе народныя влеченія, не сомнѣвались въ полномъ успѣхѣ этого, по ихъ мнѣнію, чисто въ духѣ простодушиновъ, написаннаго воззванія, а дѣло вышло—просто дрянъ, какъ выражается русскій крестьянинъ. Теоретическіе революціонные расчеты на практикѣ оказались вполнѣ несостоятельными, и воззваніе *Дембовскаго* было однимъ изъ роковыхъ окончательныхъ ударовъ, который сами себѣ нанесли польскіе эмигранты. Большею частью это воззваніе, для распространенія, было отправлено къ помѣщикамъ и ксендзамъ. Первыхъ взяло раздумье, дѣло было уже не въ общаніяхъ, сулимыхъ крестьянамъ согласно настоятельныхъ временныхъ требованій; но печатнымъ воззваніемъ въ руки крестьянъ давался прямо документъ, гарантирующій такія положительныя права, которыя только вооруженною силою можно будетъ потомъ у нихъ оспаривать. Это обстоятельство тѣмъ болѣе было важно для землевладельцевъ, что о вознагражденіяхъ дворянству ни слова не упоминалъ циркуляръ, разосланный на подписью диктатора. Дворянство сожгло полученные экземпляры, быстрый приливъ дворянъ къ Кракову, съ цѣлью увеличить тѣмъ собирающіеся военныя силы, прекратился; возстаніе стало для нихъ дѣломъ противнымъ. Собственный интересъ вызвалъ только полное ихъ сочувствіе къ мѣрамъ имъ, дворянамъ предписываемымъ, искать защиты у австрійскаго правительства противъ крестьянъ. По одиночкѣ теперь каждый выдавалъ себя невинною жертвою революціонныхъ козней и крестьянской подозрительности, непричастнымъ ни къ какимъ безпорядкамъ и затѣямъ. Съ другой стороны, крестьяне, получивъ невѣдомою рукою отъ ксендзовъ, диктаторское воззваніе, прочли его дѣйствительно; но порѣшили, что они крестьяне, австрійки или галичане, а не поляки, и что оно не къ нимъ писано; на сходкахъ они повсемѣстно положили, всѣ подброшенные имъ экземпляры отправить прямо къ мѣстнымъ властямъ.

Въ самомъ Краковѣ жители не были лишены разнообразнѣйшихъ развлеченій: въ театрѣ народномъ было по нѣсколько представлений самыхъ подстрекательныхъ пьесъ, на улицахъ читали мѣстные газеты, наполненные яркими статьями, на площадяхъ устраивались то патріотическія манифестаціи, то духовныя процессіи; ксендзы приводили торжественно патріотовъ къ присягѣ, освящали оружіе и новые польскіе гербы, утвержденные диктаторомъ,—парящіе бѣлые орлы на пунсовомъ полѣ, съ лазурною вѣткою въ одной лапѣ, и дубовою въ другой. Захваченныя у австрійцевъ ружья, какъ трофеи побѣды, послужили къ устройству триумфальнаго шествія.

Диктаторъ утопалъ въ занятіяхъ, обязанный то присутствовать на народныхъ торжествахъ, то слѣдить за редакціею газетъ: *Газета Краковская* и *Дзятникъ ржондовскій* народо-вый; почта, отлично уже устроенная заговорщиками, по нѣскольку разъ въ день привозила извѣстія изъ Галиціи, Познани и Польши,—извѣстія, правда, мало утѣшительныя, еслибъ онѣ не были, по обычаю, пересыпаны самыми размахистыми надеждами и самыми фантастическими бюллетенями о побѣдахъ, тамъ-то и тамъ-то одержанныхъ поляками. Бѣдный диктаторъ не зналъ, гдѣ правда и гдѣ ложь; онъ все еще не терялъ надежды поправить дѣла; онъ приказалъ организовать въ отряды пѣхоты и кавалеріи собравшихся тысячъ до 10 ревнителѣй,—всѣ отлично вооруженные и многіе на славныхъ коняхъ. Для предупрежденія новой выходки, 100 человекъ кракусовъ день и ночь охраняли диктатора.

Сохаржевскій былъ посланъ съ отрядомъ въ горы и съ богатымъ запасомъ воззваній Дембовскаго; другой отрядъ долженъ былъ идти на усиленіе посланныхъ за Коланнимъ.

Дембовскій, посадовательно разработывая свой проектъ увлеченія къ мятежу сельскихъ массъ Галиціи, придумалъ новую *стратагему*. Подъ прикрытіемъ достаточнаго числа вооруженныхъ, должно было составить духовную процессію, которую, по возможности, умножить краковскими крестьянами. Этой духовной процессіи предназначалось перейти на правый берегъ Вислы, проникнуть въ Галицію и примѣромъ своимъ подѣйствовать на моральную сторону галиційскихъ крестьянъ. Въ сопровожденіи множества монаховъ, ксендзовъ и народа съ крестами, хоругвями и иконами, процессія тронулась; польское знамя было взято на всякій случай съ собою; *Дембовскій*, одѣвшись простымъ работникомъ, 27 февраля лично повелъ процессію въ Га-

лицію, при громкихъ возгласахъ и прощаніяхъ съ остававшимися. Эти ликованія были послѣднія.

Отступленіе Коллина изъ Каракова произвело сильное моральное дѣйствіе на австрійскія власти въ Львовѣ; эрцгерцогъ командировалъ въ западную Галицію энергическаго и распорядительнаго подполковника Бенедекъ. Бенедекъ не терялъ времени, онъ собралъ нѣсколько войска и толпы крестьянъ, настигъ 26 числа *Сожаржевскаго*, въ окрестностяхъ Велички и Бохни у *Гдова*, и шайку въ 2000 человекъ пѣхоты и 600 конницы, преимущественно состоявшей изъ галиційскихъ и краковскихъ дворянъ и студентовъ, разбилъ на голову. Сбитые съ поля, инсургенты зашли въ дома Гдова. Крестьяне, поддерживаемые регулярными войсками, дрались неустрашимо и брали зданія штурмомъ, наравнѣ съ солдатами. Потеря войскъ состояла только изъ нѣсколькихъ убитыхъ и раненыхъ, крестьяне потеряли болѣе, особенно при штурмѣ домовъ, отъ выстрѣловъ изъ оконъ. Инсургенты потеряли, 186 убитыми, 63 было взято въ плѣнъ преимущественно всѣ ранеными; остальные разбѣжались.

Въ четыре дня, Коллинъ разобравъ дѣло яснѣе; при содѣйствіи Бенедекъ, тоже перешелъ въ наступленіе и 27 февраля подходилъ уже къ Подгоржи, лежащей на правомъ берегу Вислы, насупротивъ Кракова, тѣсни отступающихъ повстанцевъ, въ то время когда *Дембовскій* съ своею процессіею двинулся въ Галицію. *Дембовскій* вознамѣрился къ политическому назначенію духовной процессіи, придать и назначеніе тактическое; онъ началъ заходить на флангъ австрійцевъ; процессіи запѣла духовные гимны; но посланный отрядъ въ обманъ не дался, и не заботясь о томъ, какъ журналистика въ Европѣ извратитъ дѣло, открылъ противъ процессіи огонь. Участвующіе въ ней, не исключая ксендзовъ и монаховъ, были всѣ вооружены; воодушевляемые *Дембовскимъ*, они смѣло ринулись на войска, замѣнивъ гимны громкимъ—ура, ксендзы служили примѣромъ неустрашимости. 1½ роты австрійцевъ встрѣтили сперва залпомъ натискъ повстанцевъ; въ главѣ ихъ шелъ *Дембовскій*,— онъ и паалъ однимъ изъ первыхъ. Австрійцы кинулись въ штыки, повстанцы не выдержали; напрасно *Хрочевскій*, воспитанникъ нейштадтской военной школы, одинъ изъ назначенныхъ къ процессіи военачальниковъ, махалъ польскимъ знаменемъ, бѣгущихъ уже нельзя было удержатъ; 28 легло на мѣстѣ; кавалерія Коллина хватала плѣнныхъ, а въ это время три австрійскія орудія дѣлали свое дѣло; австрійцы подступали къ Подгоржу и изъ своихъ пушекъ открывали огонь по мосту. Повстанцы вывели свою артиллерію,

двѣ маленькія чугуныя пушки и одну мѣдную большаго калибра, за нѣсколько лѣтъ уже добытую во Франціи, которая сохранялась зарытою въ землѣ въ ожиданіи надобности. Въ числѣ сотни пѣшниковъ, взятыхъ на правомъ берегу Вислы, находилось 32 *ксендза и монаха*.

Раздѣленные Вислою, противники наблюдали себя взаимно въ теченіи 28-го февраля; неудачи въ Галиціи приводили умы въ раздумье; 1-го марта пришли положительныя грозныя вѣсти, которыя уже нельзя было скрыть отъ населенія, русскіе и прусскіе отряды получили назначеніе двинуться къ Кракову. Роковое извѣстіе, что полкъ черкесовъ (конно мусульманскій) уже посланъ фельдмаршаломъ Паскевичемъ изъ Варшавы въ Краковъ, отрезвило умы собиравшихся воевать одновременно съ тремя союзными державами. Глубокое общее уныніе заступило мѣсто недавнихъ ликованій. Диктаторъ *Тысовскій* и имъ назначенный главный начальникъ войскъ, отставной полковникъ *Зборовскій*, вѣзѣшивали противниковъ; забрали казну, на франки 700,000, и рѣшили, что имъ выгоднѣе всего сдаться пруссакамъ, такъ какъ въ рядахъ повстанцевъ болѣе всего было галичанъ, австрійскихъ подданныхъ. Краковцы припрятали оружіе и разошлись по домамъ; иногородные въ числѣ 1200 человекъ вооруженныхъ, съ своими пушками, выступили къ прусской границѣ и 2 марта предъ прусскими войсками сложили оружіе. Краковцы избрали новое правительство, посадили снова въ главѣ его графа *Водзицкаго*, который издалъ прокламацію, призывая согражданъ спокойно выжидать послѣдующихъ событій и вступилъ 3 марта въ переговоры съ генераломъ Коллиномъ. Но пока они писали условія капитуляціи, конно—мусульманцы форсированными маршами уже достигли Кракова и заняли городъ безъ всякихъ договоровъ; къ вечеру съ другими войсками вступилъ генералъ Панютинъ.

Тѣмъ кончились затѣи польской эмиграціи 1846 года. Краковъ какъ многолѣтнее гнѣздо революціонеровъ, котораго власти признавали себя безсильными противудѣйствовать напору эмисаровъ и охранять спокойствіе жителей, былъ по договору трехъ сосѣднихъ державъ, 11 ноября 1846 года, включенъ, со всѣмъ его округомъ, во владѣнія Австріи; такъ покончила свое существованіе послѣдняя, остававшаяся частичка независимой Польши.

Въ то время когда въ ночь съ $20\frac{1}{8}$ на $21\frac{1}{9}$ февраля, взятые въ Познани заговорщики уже были брошены въ казематы, когда на Цотоцкаго и его товарищей мятежа, схваченныхъ въ Седлецъ и связанныхъ, надѣвали сапоги съ тяжелыми свинцовыми подошвами; когда въ Галиціи тысячи свѣжихъ труповъ зарывались въ могилы;

лы, а сотни избитыхъ, въ страшныхъ мукахъ, отдавали душу Богу, изувѣченные цѣпами и косами и свезенные въ австрійскіе госпитали и лазареты; когда еще бушевали расвирутившіе крестьяне и подъ ихъ истязаніями гибли послѣднія жертвы, панскія жены и дѣти, которыхъ они находили по усадьбамъ, въ это время въ Парижѣ, подъ волшебные звуки воодушевленной мазурки, летали прелестныя польки съ своими ловкими кавалерами. Салоны Ламбероваго отеля были облиты огнями; князь Адамъ *Чарторыйскій* давалъ роскошный балъ; польская эмиграція въ эту ночь весело праздновала *сицилійскія вечера*, которыя, по ея предположеніямъ, въ эти часы очищали области рѣчи посполитой отъ враговъ ойчизны. Все способствовало отанчному расположенію умовъ; изъ всѣхъ польскихъ обществъ приходили радостныя вѣсти общаго рвенія, общей готовности, общаго согласія всѣхъ партій; демократы хорошо понимали что имъ нечего было и дѣлать въ краѣ безъ содѣйствія дворянства, а амфитріону бала они были обязаны, что мѣстная аристократія, дававшая тонъ мелкопомѣстнымъ, служила примѣромъ единодушной готовности содѣйствовать мятежу. Откладывая до дальнѣйшихъ домашнихъ расчетовъ всякія распри партій, демократическая партія увивалась около князя Адама, видя въ немъ источникъ силы. Эмигранты не сомнѣвались въ совершенномъ успѣхѣ затѣй. Въ полномъ блескѣ явились тогда польская хвастливоеть, коллосальная способность ко лжи и выдумкамъ и выяснилось все польское легковѣріе.

Въ Парижѣ изъ всѣхъ сообщаемыхъ вѣстей о ходѣ мятежа, образовался полный хаосъ, истина была пересыпана слухами о блистательныхъ успѣхахъ; трудно было дознаться правды изъ получаемыхъ извѣстій, надеждъ, проектовъ, личныхъ подвиговъ, удачъ, побѣдъ, торжествъ и народнаго повсѣмѣстнаго энтузіазма; въ половинѣ марта только эмигранты начали прозрѣвать и отрѣзывать.

Мятежъ былъ уже совершенно подавленъ, а 7-го марта еще печатали въ Парижѣ, — что русскіе всюду очищаютъ Царство Польское и что эрцгерцогъ Фердинандъ съ остаткомъ своихъ солдатъ заперся въ одномъ львовскомъ монастырѣ. Извѣстіе о заключеніи *Мирславскаго* ни въ какомъ смыслѣ не могло опечалить партію *Чарторыйскаго*, а это извѣстіе придавало демократической централизаціи еще болѣе гибкости. Въ этотъ же день 7-го марта депутація польской эмиграціи подносила князю *Чарторыйскому* адресъ, въ которомъ признавала его своимъ главою, всѣ партіи ему обѣщали свое содѣйствіе, строгое по-

виновеніе и просили принять кормило дальнѣйшаго веденія дѣлъ. Князь *Адамъ* въ отвѣтъ похвалялъ польскій народъ, возставшій поголовно во многихъ мѣстностяхъ и общалъ средства, которыми онъ можетъ располагать, употребить все для окончательнаго успѣха возстанія. Польская демократическая эмиграція изъ Англіи письменно поздравляла князя съ начатою успѣшною борьбою, признавала его равномѣрно своимъ главою и общала, что несмотря на разномысліе своихъ политическихъ взглядовъ, она будетъ исполнять его приказанія въ веденіи народнаго дѣла.

Послѣ разочарованія туземцевъ, дошла, чрезъ нѣсколько дней очередь и до эмиграціи.

По опредѣленіямъ верховныхъ вожаконъ, мятежъ поляковъ въ 1846 году долженъ былъ послужить сигналомъ къ общимъ революціямъ по всей Европѣ. Быстрая его неудачная развязка заставила отложить дѣйствія, — и остальная Европа въ томъ году осталась спокойною. Разгромъ польскихъ замысловъ поразилъ, но не убилъ польскую эмиграцію; въ ея живучести никто отказать ей не можетъ; она тотчасъ начала придумывать мѣры къ тому, чтобы оправиться отъ того страшнаго удара, который ей нанесли нами описанныя событія.

Ударъ былъ дѣйствительно страшенъ. Въ Галиціи правительство не успѣло предупредить злоумышленниковъ заблаговременными мѣрами, тамъ заговоръ успѣлъ созрѣть до полнаго мятежа; но что произошло и въ самой Галиціи?

«Все народонаселеніе хочетъ возстановленія и соединенія старинной Польши», проповѣдывали эмигранты, а Австрія пересоздала Галицію такъ, что крестьяне хоромъ возглашали: «мы не поляки, мы галичане, мы аустріаки».

«Австрія, какъ и другія державы, раздѣлившія Польшу, угнетаетъ народонаселеніе», говорила эмиграція. Крестьяне въ Галиціи, отвѣчали: «нашъ бытъ улучшился только по милости императора, а отъ помѣщиковъ можемъ ждать только одного гнета». Поляки имъ предлагали дать земли и льготы, крестьяне ихъ отвергли; поляки провозглашали, что дѣйствуютъ во имя народа и силою хотѣли его увлечь въ социальную революцію; крестьяне на силу отвѣтили силою, неистово передушили тысячи поляковъ, доказали всю свою традиціонную ненависть къ панамъ и уяснили, что въ своихъ понятіяхъ они, вѣковою опытностью, выработали — что слова *панъ* и *полакъ* однозначущи. Не на панскомъ дворѣ живетъ милосердіе, говоритъ галиційскій простолюдинъ, или, звучно складывая въ рѣму

Пока *святъ* стоятъ *святонъ*,

Русинъ не будетъ поляку братомъ.

Крестьянинъ Галиціи инстинктивно понималъ, что его заступникъ—правительство, и предпочелъ поддержаніе законной власти, поддержанію традиціонныхъ стремленій шляхетства и коварной утопіи властолюбивыхъ демократовъ.

Мятежъ въ Галиціи втопталъ въ грязь всѣ провозглашенія о великой польской интеллигенціи и о польскихъ стремленіяхъ быть благодѣтелями народа.

Польская эмиграція видѣла, что ей необходимо быстрое разрѣшеніе двухъ задачъ; первая задача была—дать изворотъ общественному мнѣнію Европы и выставить себя невинною; весь мятежъ взвалить на Австрію; ея политику выставить коварною и передать ее проклятіямъ современниковъ и потомства. Вторая задача была—спасти что было возможно отъ мятежа, для будущаго преусищенія польскаго дѣла, и позоря Австрію въ тоже время зансбивать у той же Австріи и по возможности отуманивать людей стоящихъ у кормила ея правленія.

Казалось задачи были трудны; но польскіе вожаки доказали, что они хорошо знакомы съ іезуитскою изворотливостью и что письмо Оборскаго къ швейцарскому правительству 1834 года и воззваніе *къ благороднымъ нѣмцамъ отъ 23 февраля 1846 года*, далеко не во всемъ блескѣ показали громадныя ихъ способности—не стѣсняться союзомъ съ ложью, обманами и предательствомъ, когда нужно достигнуть великой цѣли!

Если терпѣливые нѣмцы могли ждать пока ихъ правительствамъ будетъ возможно и угодно, документально ихъ познакомиться съ событіями Галиціи и Познани, то газетчикамъ Франціи, Англіи и Бельгіи вовсе истина не лежала такъ близко къ сердцу, особенно относительно отдаленной Польши, чтобы первыми подъ руку имъ попавшимся свѣдѣніями не удовлетворить жаждающему любопытству публики. Отъ нихъ не отставали и бреславскіе журналисты. Правительства молчали, эмиграція заговорила; она не стѣнялась истинною и предъ нею, говорившей одной, раскрылось широкое поле для всякаго извращенія событій. Австрійское правительство, усыпленное поляками и ихъ закупленными перьями, конечно гораздо менѣ Россіи и Пруссіи приняло мѣры предупрежденія противъ обнаружившагося броженія умовъ; населеніе Галиціи, конечно, подобно всякому крестьянскому сословію въ Европѣ, не содержитъ въ себѣ фетіонобельныхъ элементовъ, и въ минуту разгара народныхъ страстей, какъ поочередно представляли примѣры европейскія націи, порывомъ неистовой жестокости излило свои злопамятныя традиціи. Поляки вызвали дурныя страсти въ простолюдинахъ,

принадлежащихъ доброму, терпѣливому, славянскому племени. Благоразумный, съ врожденнымъ великимъ запасомъ здраваго смысла, всегда покорный правильной власти, славянскій людъ имѣетъ свою высокую своеобразную развитость, но которая не клеится съ западною теоретическою демагогіей; онъ твердъ и упрямъ въ своихъ убѣжденіяхъ, добродушенъ и спокоенъ даже спокойно смотреть на врага, пока, какъ русскіе сами про себя говорятъ, вилы не заставятъ медвѣда выйти изъ берлоги и стать на заднія лапы.

Шляхетство такъ развило своею вѣковою интиаллигенціею понятіе, что оно составляетъ особую отъ черни породу, такъ отдѣлялось отъ народа, что дѣйствительно вѣковымъ своеволіемъ и вѣковымъ іезуитскимъ воспитаніемъ, оно совершенно отъ него отдѣлилось и дѣйствительно выродилось въ особую породу съ своимъ, шляхетству одному принадлежащимъ складомъ ума, понятій, взглядовъ, обычаевъ и образа жизни.

Люди образовавшіе касту, которой отличительная черта интеллигенціи есть *нетерпимость* чужаго достоянія, *нетерпимость* во всѣхъ видахъ, *нетерпимость* власти, значенія, преобладающаго ума, талантовъ, имѣній, убѣжденій, состоянія, достатка, когда они собственно не принадлежатъ имъ или ихъ партіи, изучили народъ, но не дѣйствительно существующій, а созданный бреднями польской эмиграціи, и казались удивленными, что онъ не таковъ въ дѣйствительности и, не слушая демагогическихъ деспотовъ, отказался идти за панскими затѣями, не смотря на всѣ лукавыя ухищренія.

Польская эмиграція наказала Австрію за ея довѣріе къ политикамъ, провозгласивъ, предъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, *коварными* государственными ея людьми. Едва затрогивая Россію и Пруссію, вся ярость революціонныхъ перьевъ и языковъ рынулась на австрійское правительство и на крестьянъ Галиціи, послѣ событій 1846 года.

«Австрійское правительство, провозгласила эмиграція, чувствовало всю свою слабость и несостоятельность своей системы управленія, насупротивъ челоѣколюбивыхъ либеральныхъ идей современнаго общественнаго развитія; ежечасные успѣхи этого развитія въ краѣ могли привести къ столкновеніямъ между жителями и отстаыми своекорыстными правительственными властями. Австрія прибѣгла къ коварству; она обратилась къ дикому, кровожадному, галиційскому крестьянину; правительство обратило въ своихъ агентовъ земскихъ чиновниковъ, отпускныхъ

солдатъ, даже освобождаемыхъ уголовныхъ преступниковъ. Помѣщики хотѣли улучшить бытъ крестьянъ, были готовы пожертвовать частью своихъ доходовъ, предлагали имъ въ даръ ими обрабатываемую землю, а агенты правительства поселяли въ простодушныхъ вражду къ дворянству, возбуждали ихъ недовѣріе самыми предательскими перетолкованіями добрыхъ намѣреній землевладѣльцевъ и направили крестьянъ на кровавый путь; австрійская администрація даже деньгами поощряла неистовства и убійства». Много было тогда въ Европѣ легковѣрныхъ, которые не сличивъ единовременныя событія въ Познани, Царствѣ Польскомъ и Литвѣ, простодушно повѣрили что вступленіе Колляна въ Краковъ и австрійское коварство, при потворствѣ Россіи и Пруссіи, были причиною галиційскихъ событій.

Такова была первоначальная канва, по которой польская эмиграція яркими цвѣтами вышивала подробности и была неисчерпаема въ самыхъ наглыхъ вымыслахъ и извращеніи всѣхъ событій. Эмиграція тщательно собирала всѣ случаи, чтобы все, что было ей пригодно, переначить по своему для поддержки примѣрами мнѣнія о справедливости своихъ доводовъ. Приведемъ одинъ изъ самыхъ разительныхъ.

Славный крестьянинъ Яковъ *Села* своимъ поведеніемъ во время кроваваго мятежа приобрѣлъ извѣстность; когда затихли народныя страсти, его имя стали произносить въ Галиціи съ уваженіемъ. Изъ человеколюбивыхъ подвиговъ *Селы* можемъ привести — что когда уже погибло шесть мужчинъ изъ семейства *Богуша*, о которомъ мы выше упоминали, *Села*, дабы спасти по крайней мѣрѣ женщинъ и дѣтей отъ ярости развирѣтившей толпы, успѣлъ укрыть ихъ въ своей хижинѣ; но перьями эмиграціи *Села* явился, въ европейскихъ газетахъ, извергомъ, два раза уже находившимся подъ уголовнымъ судомъ, который притаскилъ этихъ несчастныхъ, невинныхъ, жертвъ, въ свой домъ для того, чтобы въ теченіи нѣсколькихъ недѣль мучить ихъ для своего наслажденія. Польскіе эмигранты не поддавались даже чувствамъ благодарности, — напротивъ подобные случаи особенно были пригодны для доказательствъ австрійскаго коварства. Развѣ общественное мнѣніе могло повѣрить, что поляки, для роли правительствомъ уполномоченнаго изверга, избрали бы спасителя ихъ собратьевъ; но не таковъ катехизисъ революціонеровъ, — укажемъ на него еще яснѣе: *Обвинителемъ Селы былъ одинъ изъ членовъ семейства Богуша.*

Когда крестьяне привезли убитыхъ и павшихъ въ Тарновъ, офицеры, при тогда бывшей по случаю неурожае дороговизнѣ, сдѣ-

дали складку для проголодавшихся, прибывших отпусных солдатъ, чтобы дать имъ средства купить въ городѣ хлѣба. Эмиграція выставила эту помощь офицеровъ поштучною уплатою, положенною правительствомъ, за каждаго убитаго пана; много варіацій было сочинено на тему, что правительствомъ было объявлено денежное вознагражденіе за поимку укрывшихся главныхъ вожаковъ, которыхъ имена были выданы ихъ взятыми соучастниками. Поводомъ къ тому было что австрійскія власти объявили награду въ 1000 гульденовъ, за поимку Теофила *Весниовскаго*, на котораго падали всѣ указанія, что во время мятежа онъ былъ ретивѣйшій изъ коноводовъ ⁽¹⁾.

Не довольствуясь частною прессою извратить понятія, окрестя бывшія событія *галиційскимъ побіеніемъ* (les massacres de la Galicie), польская эмиграція работала, чтобы и путемъ болѣе офиціальнымъ провести мнѣніе, что вся бойня была только въ исполненіе приведенный, утонченный замыселъ государственныхъ мужей Австріи, для того, чтобы передумнѣть и галиційское дворянство и польскихъ патріотовъ; понятно, что революціонная пресса не занемогла о циркулярѣ отъ 18 февраля эрцгерцога Фердинанда, который яркимъ малкомъ освѣщаетъ въ какой степени поляки въ Львовѣ успѣли отуманить верховнаго правителя Галиціи.

Польская эмиграція подняла своихъ друзей, сидѣвшихъ во французскихъ палатахъ. Ларошъ Жакленъ въ засѣданіи 13 марта выразилъ, что австрійское правительство выплачивало по 25 франковъ за голову каждаго польскаго помѣщика, ксендза и дворянина, и что онъ знаетъ это не изъ газетныхъ статей, но прямо отъ личныхъ свидѣтелей, бѣгствомъ уврывшихся съ театра неместовствъ; графъ *Морни* выразился, что подобные поступки достойны самыхъ варварскихъ временъ, и зачинщики стоятъ анаѣмы, произнесенной съ занимаемой имъ трибуны; маркизъ *Кастелланъ* подтвердилъ справедливость извѣстій, прибавивъ, что убійства были гораздо въ обширнѣйшихъ размѣрахъ нежели палаты то предполагаютъ; графъ *Монталамбергъ* привелъ въ палатѣ перовъ, что австрійское правительство нарочно предоставило право помѣщикамъ, назначать изъ своихъ подвластныхъ, рекрутовъ, дабы имѣть въ нихъ дѣятелей, всегда готовыхъ вымѣстить на дворянахъ свою злобу за задачу ихъ на службу. Эти образчики свидѣтельствуютъ, какъ усидчиво въ каждомъ закулокѣ польская эмиграція искала улику для ея провозглашаемаго австрійскаго коварства.

(1) Поляки умолчали что *Бенедекъ* назначилъ по 5 гульденовъ, за каждаго невридимого представленнаго плѣннаго.

Послѣ неудавшагося польскаго мятежа 1846 г. поляки старались умыть себѣ руки, извааливая всѣ событія вскользь на продѣлки нѣсколькихъ революціонныхъ фанатиковъ, а пастойчиво на мошенническія козни австрійскаго правительства. При этомъ нельзя не упомянуть о столь распространенной и въ то время столь провозглашаемой брошюрѣ, подъ заглавіемъ: *lettre d'un gentil homme polonais à M-r le prince de Metternich*.

Правительства всѣхъ трехъ дворовъ, ближе заинтересованныхъ въ дѣлахъ Польши, хорошо знали, что аристократическая партія польской эмиграціи, проживавшая во Франціи и Англіи, вполне всеми своими средствами и полнымъ своимъ ободреніемъ, содѣйствовала польскому движенію 1846 года; событія выяснили, что все туземное дворянство способствовало мятежу далеко за границей горячаго сочувствіа, и что много богатыхъ и титулованныхъ личностей были въ числѣ руководителей движенія; не смотря на то, когда его постигла катастрофа, тогда всѣ отрекались отъ участія и одинъ именитый магнатъ царства Польскаго, бывшій въ 1831 году дипломатическимъ агентомъ князя Чарторыйскаго и въ 1846 году сохранившій съ нимъ прежнія связи, съ своей стороны возымѣлъ мысль содѣйствовать общему польскому дѣлу и принести лепту къ одураченію европейской читающей публики, да и для назиданія европейскихъ кабинетовъ, если они въ его брошюрѣ найдутъ что либо пригоднымъ для своихъ выгодъ.

Вельможа адресовалъ свое посланіе къ старику князю Меттерниху, бывшему тогда первымъ министромъ въ Австріи, слѣдовательно представителемъ тѣхъ коварныхъ и кровожадныхъ побужденій, которыя поляки приписывали австрійскому правительству.

Съ тонкимъ іезуитизмомъ плачущаго волка, вельможа между прочимъ писалъ:

«Послѣднія событія въ Познани, Краковѣ и Галиціи истекали изъ дѣйствій партій, стремящейся произвести повсемѣстный общественный переворотъ. Аристократическое мѣстное сословіе, равно какъ и его почтенные представители въ эмиграціи, были совершенно исключены изъ круга дѣйствій этихъ сумасбродныхъ плановъ. Изъ грязнаго источника потекло движеніе и разчитывало на поддержку такими же грязными элементами туземнаго польскаго населенія въ различныхъ областяхъ; дворянство участвовало въ немъ развѣ только тѣмъ, что движеніе увлекало нѣсколько чиновниковъ, ксендзовъ, молодыхъ людей, да отставныхъ изъ нижнихъ чиновъ военныхъ и нѣсколько промотав-

шихся помѣщиковъ: изъ таковыхъ состоялъ тотъ дворянскій контингентъ, который принялъ въ мятежъ участіе».

«Большая же часть дворянства, почтенныя и вліятельныя личности края, держали себя въ далеѣ, обо всѣхъ замыслахъ узнали только изъ газетъ и громко ихъ осуждали. Нынѣ вполнѣ извѣстно, что число участвовавшихъ въ краковскихъ уличныхъ беспорядкахъ едва достигало 200 человекъ¹⁾: предъ ними и предъ краковской милиціей, составленной изъ отставныхъ австрійскихъ солдатъ, Коллинъ почелъ нужнымъ ретироваться. Люди, которые участвовали въ этихъ беспорядкахъ и которые устроивали народное правительство, принадлежали къ отребью общества».

Признавъ всѣхъ графовъ участвовавшихъ на театрѣ мятежа за отребье общества и воздавъ должную справедливость благо-разумію крестьянъ, что они къ мятежу не пристаи, онъ восклицаетъ, обращаясь къ князю Метерниху: *«возьмите нашу жизнь, возьмите наши головы, но възвратите намъ любовь нашихъ крестьянъ, възвратите намъ сердца нашего сельскаго сословія»*. Въ заключеніе онъ угрожаетъ, что польское дворянство *кинется въ объятія русскаго монарха*, чтобы исцать мести за пролитую славянскую кровь.

Покойный государь слишкомъ хорошо понималъ полковъ, чтобы какою либо особенною милостью ободрить съ своей стороны вельможу—сочинителя, къ дальнѣйшей подобной литературной дѣятельности.

Польская эмиграція вполнѣ воспользовалась молчаніемъ австрійскаго правительства, европейская публика наивно повѣрила, что поляки—смиранныя овечки, а австрійцы—лукавые, кровожадные звѣри!

Разрѣшеніе другой задачи польской эмиграціи было не менѣе знаменательно и ловко.

Послѣ того какъ при мятежѣ поляки щедро дарили крестьянамъ земли и избавляли ихъ отъ всякихъ налоговъ, австрійское правительство по успокоеніи края, все еще не рѣшалось замѣнить столь ненавистную крестьянамъ барщину повинностями болѣе сносными²⁾. Какъ бы напуганное ни чѣмъ не стѣсняющимся про-

¹⁾ Генералъ Коллинъ въ этихъ беспорядкахъ 22 февраля первоначально захватилъ болѣе 120 человекъ, а отъ остальныхъ ушелъ.

²⁾ Австрійское правительство учредило для хозяйственнаго обихода, вотчинные суды, въ введеніи владѣльца, въ которыхъ заседали крестьяне, и утвержденные правительствомъ управляющіе, которые назывались *магдаторами*. При вліяніи пановъ на эти суды, могли ли бороться крестьяне со всеми изворотами польской легальности, при сложной операциі барщинныхъ, обязательныхъ работъ.

возглашеніями эмиграціи и ея сторонниковъ, правительство до-
вольствовалося тѣмъ, что съ возстановленіемъ спокойствія, воз-
становлявало и прежній порядокъ дѣлъ. Поляки достигли цѣли.

Галиційское дворянство успѣшило возстановить прежнія
близкія сношенія съ австрійскими мѣстными властями и заяв-
ляло правительству что оно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ взбал-
мошныхъ и безпокойныхъ головъ, совершенно было чуждо вся-
кихъ конспирацій и мятежа, даже ходомъ мятежа обличенные ви-
новные утверждали единогласно, что они были вовлечены силою
и угрозами и содѣйствовали нехотя, отъ страха позднѣйшей
мести. Зная ультра—консервативное направленіе вѣнскихъ са-
новниковъ, полькіе магнаты, живущіе въ Вѣнѣ, поддерживали за-
явленія помѣщиковъ, что землевладѣльцы въ сущности хотѣ и
поляки, но не менѣе того совершенно преданы правительству,
что правительство въ дворянствѣ Галиціи, точно также какъ въ
дворянахъ прочихъ своихъ областей, всегда найдетъ свою опору,
что личные даже расчеты ставятъ ихъ уже въ положеніе про-
тивудѣйствовать имъ столь ненавистнымъ революціонерамъ, ко-
торыхъ цѣль ихъ ограбить. Австрійскіе сановники только въ
1848 году убѣдились, какъ ловко поляки затемнили польскій
вопросъ жалобами на страшную для нихъ дѣятельность рево-
люціонеровъ, и что только страхъ, что правительство приметъ
рѣшительныя мѣры, былъ источникомъ подобострастныхъ заявле-
ній. Съ воодушевленнымъ благороднымъ негодованіемъ галицій-
скіе помѣщики вторили мнѣніямъ австрійскихъ властей и ора-
торствовали противъ демагоговъ, которые своими ученіями и
неукротимымъ бѣшенствомъ хотятъ верхъ дномъ поставить
государства и разрушить общественный порядокъ.

Пока подобныя рѣчи напѣвались австрійскимъ властямъ въ
Львовѣ, по селамъ и деревнямъ ходили совѣтъ другія рѣчи.
Съ новыми инструкціями эмиссары эмиграціи находили въ оз-
лобленныхъ полякахъ и легко подкупаемыхъ евреяхъ достаточно
агентовъ, чтобы пустить свои толки въ сѣльское населеніе.
«Что заслужили вы, крестьяне, вашею преданностію императо-
ру, за котораго вы поднялись на пановъ. По прежнему помѣ-
щики пользуются его милостями на вашъ счетъ, а паны вѣдъ
вамъ дарили и земли и повинности, да еще сулили вольную
продажу табаку и соли; вы даже и спасибо не заслужили». Въ
ту же весну эти слухи настойчиво проводились въ народѣ,
и въ то же время поляки доводили до свѣдѣнія мѣстныхъ вла-
стей, что между крестьянами ходятъ толки, что императоръ не

можетъ снять барщину потому что остались еще помѣщики, а если бы они всѣхъ остальныхъ до послѣдняго перебили, тогда разумѣется былъ бы конецъ великимъ повинностямъ; тогда и работать было бы не на кого. Помѣщики увѣрили, что крестьяне готовятся на святой недѣлѣ или къ Троицыну дню опять приняться за помѣщиковъ, особенно въ восточной Галиціи, называя этотъ край, по незначительному числу павшихъ въ февралѣ жертвъ, краемъ едва *початымъ*. Испуганная этими вѣстями администрація принялась за строгій надзоръ, число войскъ было усилено; имъ были предписаны самыя строгія мѣры осторожности. Поляки ликовали снова, они считали схватки между войсками и крестьянами, при господствующемъ настроеніи умовъ, и ихъ тайныхъ подстрекательствахъ неизбежными; съ каждымъ днемъ ожидали они разрыва между правительствомъ и населеніемъ готовясь тотчасъ же стать во главѣ послѣдняго. Развязка вышла комическая. Крестьяне газетъ не читали и въ поднебесьи не парили; понимая вещи какъ онѣ есть, и зная на дѣлѣ что паны вооружились и стрѣляя въ крестьянъ, тѣмъ начали мятеть, они вовсе и не догадывались что всѣ воинскія строгости были направлены противъ нихъ, они объясняли всѣ мѣры властей тѣмъ, что до правительства вѣроятно дошли вѣсти, что неугомонные паны снова что нибудь затѣваютъ и они явились самыми ретивыми помощниками войскамъ, не смотря на начавшіяся полевые работы; со святой недѣли они стали днемъ и ночью по деревнямъ содержать караулы для своей безопасности и облегчали много службу войскамъ, предложивъ свои услуги воинскимъ начальникамъ, они вмѣстѣ съ солдатами ходили патрулями и совершали ночные разъезды для охраненія спокойствія въ краѣ. Раздасадованнымъ панамъ осталось только убѣдиться что съ тупоумными по ихъ мнѣнію крестьянами, понимающими жизнь по своему, ничего не подѣлаешь.

За эти неудачи поляки были вознаграждены въ высшихъ сферахъ австрійской администраціи.

Эрцгерцогъ *Фердинандъ*, по выраженію одного въ то время служившаго въ Галиціи, былъ до тошноты пресыщенъ всѣми польскими дразгами и, по прекращеніи мятежа, просилъ своего отзывать: польское дворянство искренно пожалѣло о его удаленіи, особенно когда пришло извѣстіе, что его преемникомъ былъ назначенъ графъ *Рудольфъ Стадiongъ*.

Новый генералъ-губернаторъ энергически принялся за составленіе проекта реформъ, который могъ упрочить спокойствіе умовъ.

Вникнув въ положеніе дѣлъ, онъ оцѣнилъ натянутое неестественное положеніе крестьянъ, вѣрныхъ правительству и отданныхъ подъ начало крамольному сословію дворянства. Крестьянинъ отбывалъ барщину, хотя въ границахъ правительствомъ установленныхъ, но барщина разными правительству неуволними прижимками, была крестьянину ненавистна, тѣмъ болѣе что за помѣщикомъ оставленъ былъ вотчинный судъ и домашняя расправа за проступки по хозяйству; а безпрестанныя апелляціи на несправедливыя рѣшенія, были не въ характерѣ народа, да и времени у него не хватало, постоянно тягаться съ своими панами.

Графъ *Стадіонъ* видѣлъ необходимость разсѣчь узелъ, связывающій крестьянъ съ помѣщиками; подъ его непосредственнымъ надзоромъ было составлено положеніе надѣловъ землею первоначально для пользованія, а потомъ въ полную ихъ собственность съ вознагражденіями помѣщиковъ денежною срочною, платою, частью вносимою крестьянами, а частью правительствомъ. Составленное особою комиссіею положеніе было отправлено въ Вѣну на утвержденіе; но тамъ положеніе встрѣтили новые происки польскихъ магнатовъ. Они находчиво во все время управленія графа Рудольфа *Стадіона* умѣли затормаживать всѣ его представленія; новое же положеніе запутали они въ такой степени своими интригами, что изъ него вышелъ, по выраженію того же служившаго австрійца, *мертво-рожденный ребенокъ*. Сущность положенія была измѣнена, что испортило все положеніе, которое было утверждено 14 декабря; переходъ земель былъ предоставленъ на произволъ обоюднаго согласія; всѣ настойчивыя убѣжденія графа Рудольфа *Стадіона* остались тщетными протівъ заявленій польскаго помѣщичьяго сословія. Графъ *Стадіонъ* просилъ и получилъ свое увольненіе отъ мѣста генералъ-губернатора Галиціи. Этою уступкою польскимъ домогательствамъ австрійское правительство сохранило остатокъ власти пановъ надъ крестьянами и сохранило шляхетству его доходы, не для поддержанія его средствами государственной и общественной жизни образованной и развивающейся монархіи; но для большихъ средствъ къ поддержанію польскихъ затѣй, и для безнедонимочнаго оброка вносимаго польскою эмиграціею.

ГЛАВА 7-я.

Планы революціонеровъ на 1848 годъ.— Злоба и замыслы противъ Россіи.— Революціонные элементы въ Европѣ.— Какъ польская эмиграція смѣтрѣла на европейскихъ революціонеровъ.— Польскія инструкціи для приготовленія общей революціи.

Возстаніе поляковъ въ 1846 году должно было подать сигналъ для заженія Европы революціоннымъ пламенемъ. Попытка не удалась, но революціонеры не охладѣли, и въ 1848 году на- намѣревались привести тѣже планы въ исполненіе, только во- жожаки рѣшили начать дѣло съ другаго края. Пожаръ во Фран- ціи долженъ былъ перейти въ Германію и Италію, а за тѣмъ въ Польшу. При всеобщемъ нападеніи на европейскія прави- тельства материка, дабы Англія по какимъ либо соображеніямъ, не стала противудѣйствовать, то и ей на это время подготовля- ли занятіе въ Ирландіи. При успѣхахъ вожаковъ революціи, вся Европа должна была потомъ накинуться на Россію, а по- ляки въ самой Россіи готовили тоже мятежъ.

Ненависть къ Россіи вожаковъ революціи вообще, и поля- ковъ въ особенности, переходила въ совершенное озлобленіе.

Главная ихъ работа была возстановить противъ Россіи об- щественное мнѣніе; ихъ разбирала злоба, за то что всякія продѣлки ихъ въ границахъ Имперіи, были быстро разкрываемы и въ приговорахъ виновныхъ правосудіе не было мягко. Правительство не отвѣчало на неистовыя возгласы, оно не счи- тало совмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ, состязаться съ эмиграціею на литературномъ поприщѣ, вступать въ бесполез- ную полемику; бесполезную потому, что трудно разяснять, когда антагонисты іезуитически и упрямо все перетолковывали

по своему и для доказательствъ, не стѣснялись, ложь и клевету обращать въ документальные факты. Императоръ Николай Павловичъ зналъ затѣи эмиграціи и зналъ поляковъ. Онъ предпочелъ откровенно имъ высказать свое мнѣніе и свои намѣренія, а за тѣмъ предоставлялъ своимъ польскимъ подданнымъ, соображать свою дѣятельность съ его словами.

„Господа! сказалъ между прочимъ государь ему представляющимъ полякамъ 4/16 Октября 1835 года въ Варшавѣ, прежде всего надо исполнять свой долгъ и быть честными людьми. Предъ вами два пути, избирайте, или настойчиво продолжать мечтать о независимой Польшѣ, или жить спокойными подданными подъ моимъ правительствомъ.“

„Если вы останетесь при вашихъ мечтахъ отдѣльной народности, независимой Польши, и всѣхъ вашихъ химерахъ, большія бѣдствія ожидаютъ васъ въ будущемъ. Я велѣлъ здѣсь построить цитадель и объявляю вамъ, что при первомъ мятежѣ я велю громить городъ, я уничтожу Варшаву и конечно не я возведу ее снова.“

„Мнѣ тяжки эти слова господа! тяжело государю подобное обращеніе къ его подданнымъ, но я говорю вамъ для вашего собственнаго блага. Отъ васъ самихъ зависитъ забвеніе прошедшаго, вы можете достигнуть его вашимъ поведеніемъ и преданностью моему правительству.“

„Я знаю что существуютъ сношенія съ заграницею, я знаю что пропцаютъ въ край пагубныя посланія и хотятъ заразить умы; но наилучшая полиція съ существующею вашею границею, не можетъ препятствовать тайнымъ провозамъ; вы сами должны имѣть этотъ полицейскій надзоръ и устранять зло.“

„Воспитывая вашихъ дѣтей, внушая имъ правила религіи и вѣрности къ государю, вы можете остаться на истинномъ пути.“

„Среди смуть волнующихъ Европу, среди ученій колеблящихся общественное зданіе, одна Россія стоитъ твердою и нестронутою. Повѣрте мнѣ, принадлежать этой странѣ и пользоваться ея покровительствомъ истинное счастье. Если вы будете себя вести хорошо и исполнять ваши обязанности, мои отеческія заботы распространятся на васъ и мое правительство, не смотря на прошедшее, будетъ заботиться о вашемъ благосостояніи.“

„Зарубите вѣрно въ вашей памяти мною вамъ сказанное.“

Памятникомъ безсильной злобы противъ покойнаго государя осталась та масса площадныхъ брошюръ, которая разсѣвала польская эмиграція.

Замыслы революціонеровъ внести свою заразу въ Россію были безуспѣшны; польская пропаганда правда работала, но она работала глухо, подъ землею, подъ прикрытіемъ величайшей преданности къ Россіи, рвенія къ службѣ, усердія къ общественному благу; агенты работали осторожно, страхъ удерживалъ ихъ отъ всякихъ рѣшительныхъ выходокъ, только въ западный край рисковали пробираться поляки эмигранты, считывая въ каждомъ домѣ найти друзей и укрывателей. При дороговизнѣ паспортовъ, за границую являлись тѣ русскіе путешественники, между которыми революціонерамъ трудно было вербовать дѣятелей. Усиленно работали революціонеры ловить и искушать русскихъ, за то какъ легко было тогда всякому русскому самодуру попасть въ геніи. За русскою молодежью революціонеры волочились за границею точно шулера на ярмаркѣ за богатыми помѣщичьими или купеческими сылками.

Попытка завести революціонную кантору въ Петербургѣ не удалась. Молодой Сп., путями сердечныхъ струнъ, послѣдовательно двумя поляками увлеченный за границу и въ польскую среду, былъ вполне приготовленъ, посвященъ въ таинства и привезъ для общества *Петрашевскаго* всѣ пригодные статуты и положенія польской *централизаціи*. Общество было раскрыто и въ 1849 году соучастники были посланы въ Сибирь, а менѣе виновные, нижними чинами были распределены въ войска.

Польская эмиграція составляла для исполненія замысловъ революціонеровъ Европы, наибольшій контингентъ, потому польскіе коноводы пользовались тѣмъ вліяніемъ и уваженіемъ, которыя дѣлаетъ всегда сила, и было время когда въ ареопагѣ этихъ дѣятелей, имѣвшихъ въ виду общее низверженіе общественнаго порядка, *Мьрославскаго* почитали самымъ яркимъ свѣтиломъ и на прославленіе толпы, его выставляли первѣйшимъ государственнымъ мужемъ. Главы польской эмиграціи дорожили численностью своихъ выходцевъ тѣмъ болѣе, что чѣмъ они были многочисленнѣе, тѣмъ скорѣе можно было найти охотниковъ, готовыхъ всегда по ихъ мановенію, идти на всякое опасное порученіе. Второстепенныя личности подстрѣкаемыя тщеславною мыслью, что они признаны способными

быть великими дѣятелями *народоваго дѣла*, были готовы прокрадываться въ край или устремляться на указываемый всякій уличный бой. Нельзя не замѣтить къ какимъ уловкамъ прибѣгала эмиграція, дабы не позволять своимъ сочленамъ, мирнымъ путемъ возвращаться на родину, кому въ томъ представлялась возможность; подобные возвращающіеся могли особенно вредить польскому дѣлу и подобные люди болѣе спокойные, въ молодыхъ лѣтахъ увлеченные за границу и прозрѣвшіе опытомъ, они, по во возвращеніи въ край, расторгнувъ связи съ эмиграціей могли быть расказчиками-очевидцами дѣйствительной жизни, походовъ и стряпотни эмигрантовъ безъ тѣхъ всякихъ прикрасъ, безъ тѣхъ искусственныхъ подхваливаній, которыя такъ щедро привозили въ край эмиссары, да и возвращающіеся путешественники. Они долгомъ считали провозглашать о великихъ размѣрахъ, работахъ и твердаго корня путемъ эмиграціи, пущеннаго польскою интеллигенціею за границу. Во время пребыванія императора Николая Павловича въ Англіи, многіе эмигранты, соскучившіеся странствованіями, просили помилованія; много вышло разрѣшеній. Главы эмиграціи испугались; примѣръ могъ быть соблазнительнъ, надо было какими либо средствами остановить это обратное переселеніе. Главы эмиграціи изъ числа помилованныхъ, своихъ преданнѣйшихъ людей, избрали къ тому пригодныхъ. Эти господа, выбривъ себѣ полголовы, должны были, подъ париками, переѣхать границу, но немедленно возвратиться, и, указывая на свои бритые головы, распушить публично слухъ, что они были русскою полиціею предательски схвачены, закованы въ кандалы, обриты и назначены къ отправленію въ каторгу; но что по счастливому случаю, они спаслись. Вожаки не сомнѣвались, что утка будетъ подхвачена газетчиками, тѣмъ болѣе что въ этой средѣ, своихъ людей у нихъ было много. Одинъ изъ помилованныхъ, которому была предлагаема эта гнусная продѣлка, считалъ своимъ долгомъ предупредить во время русское правительство; пограничнымъ заставамъ было предписано отъ четырехъ поименованныхъ господъ паспортовъ не принимать и ихъ самихъ не пускать чрезъ границу.

Въ 1846 году эмиграція взяла на себя инициативною польскаго мятежа, увлечь всю Европу въ пламя революціи; скривали записали новое доказательство шляхетной практической несостоятельности.

При новыхъ предначертаніяхъ революціоннаго ареопага поль-

скимъ дѣателямъ пришлось уступить первенствующую роль, и обратиться въ союзниковъ и помощниковъ; они не отказались и надѣялись усиленнымъ напряженіемъ своихъ силъ возвратить ими утраченное преобладаніе.

Кто въ изученіяхъ бытописаній судебъ человѣческаго общества не ищетъ только свѣдѣній, что за 753 г. до Р. Х. былъ основанъ Римъ, и что на испанскомъ престолѣ Филиппъ II наследовалъ Карлу V, тотъ знаетъ что народы безостановочно подвигаются впередъ по пути своего предназначенія. Являлись государственные геніи, которые прозорливымъ взглядомъ угадывали этотъ путь и могучими локомотивами, по наскоро набросаннымъ рельсамъ разомъ впередъ выдвигали по немъ націи, не очень заботясь въ быстромъ своемъ стремленіи о толчкахъ чувствительныхъ для современниковъ. Результаты заставляли скоро забывать борьбы толчки и изъ похвалъ и порицаній, одобреній и шипеній, пробивается истина и народы, въ своихъ лѣтописяхъ, обозначаютъ ихъ названіями *великихъ*. Но геніи рождаются вѣками; при обыкновенномъ теченіи дѣлъ болѣе или менѣе скоро, болѣе или менѣе плавно, націи идутъ впередъ, развивая свою внутреннюю жизнь. Дѣатели путеводители, или такъ называемые люди передовые слѣдуютъ, одни, не сворачивая съ направленія, побуждаемые честными правилами, преисполненные побужденіемъ, по выраженію одного мужа, которымъ всегда будетъ гордиться Россія (*): *что честолюбіе гражданина никогда не должно расходиться съ общественною пользою*; другіе, безъ этого маховаго колеса вкривь и вкосъ судорожно прикладываютъ свои силы къ сложному поѣзду, и, дабы очутиться впереди, не задумываются свернуть и на косогоръ и къ гибели привести своихъ послѣдователей. Нельзя къ послѣднимъ не отнести коноводовъ польской эмиграціи ближе всматрѣваясь въ ту дѣятельность, которую они прилагали чтобы вліять на судьбы европейскихъ обществъ.

Съ сближеніемъ и съ тѣсною связью государствъ родилась необходимость политическаго равновѣсія, этотъ верховный руководитель дипломатіи кабинетовъ былъ тщательно изучаема, исследованъ; но есть еще далеко не обработанный предметъ, это вліяніе одною государствомъ на другое, вліяніе которое можетъ переходить въ давленіе и даже гнѣтъ, вліяніе которое связываетъ иногда руки и самому прозорливо-

(*) А. П. Ермолова.

му, самому искусному правительству, заставляет его, скупя сердце, подчиняясь закону необходимости, свои интересы и свои выгоды приносить въ жертву чужимъ интересамъ и чужимъ выгодамъ. Жизнь государствъ, составляющихъ южную окраину Европы свидѣтельствуешь что существуетъ своего рода преобладаніе, по которому они становятся работниками для иноземной промышленности, для иноземнаго богатства, и для иноземнаго господства. При этомъ тягостномъ чужеземномъ вліяніи слабѣйшія націи, подчинены нравственному игу сильнѣйшихъ, и ихъ правительства могутъ издавать только такіа полезныя постановленія, которыя не противурѣчаютъ чужимъ требованіямъ. Наука еще мало обработала эту сторону жизни народовъ, потому сближенія причинъ съ послѣдствіями часто безусловны; но отъ практически выработаннаго человѣческими обществами чувства самосохраненія, родилось стремленіе къ собственному усиленію, къ сліянію родственныхъ племенъ, влеченію слабѣйшихъ примкнуть къ сильнѣйшимъ. Къ сліянію и единству тѣнутся Португалія съ Испанією, области Италіи, германскіе народы, славянскія племена; послѣдняя датская война дала новый толчекъ стремленіямъ скандинавскимъ.

Польская эмиграція не имѣетъ симпатій въ Европѣ, но понятно, что она встрѣчаетъ доброхотство запада; какую же эксцентрическую роль выбрала для себя сама эмиграція. Пока она будетъ обуреваема расpalенными страстями, она не постигнетъ всю неестественность своихъ мечтаній. Только одни поляки могутъ вѣрить, что ихъ призваніе быть мясоей между народами, и что ихъ будущность принять въ свое лоно всѣхъ славянскія племена; послѣдовательныя событія исторіи Польши, рядъ послѣдовательныхъ доказательствъ ея неспособности къ самоуправленію; развѣ пѣковая судьба всѣхъ законно и не законно рожденныхъ польскихъ правительствъ, не исключая даже и всѣхъ такъ называемыхъ *народовыхъ* послѣднихъ тридцати лѣтъ, усовершенствованныхъ веѣми повѣйшими польскими теоріями, залогъ тому что 4 милліона кровныхъ поляковъ, тѣ свѣтила, за которыми должны слѣдовать 100 милліоновъ славянскаго племени.

При состояніи умовъ въ Европѣ революціонный ареопагъ полагалъ что ихъ успѣхи несомненны, что неудача 1846 года была слѣдствіемъ того, что они инициативу поручили полякамъ. Европейскіе революціонеры скоро оправившись отъ пораженій ими потерпенныхъ въ лицѣ польскихъ собратьевъ; явились новые рѣшительные союзники венгерскіе мадіары, явились новыя лич-

ности съ высшими способностями и съ болѣе практическими знаніями народныхъ стремленій; но революціонная партія, которая искусно умѣла подчинять себя другія партіи и обращать ихъ въ свои орудія, до послѣдней развязки не замѣтила, что во Франціи, она въ свою очередь, сама была ловко обращена въ чужое орудіе и работала на свою собственную шею.

Въ Венгріи племя *мадьяровъ*, прибывъ въ IX столѣтіи, покорило своей власти прежнихъ жителей славянъ, сербовъ, румянъ и нѣмцевъ. Пришлецы мадьяры, подобно польскому шляхетству, питали гордое презрѣніе къ туземству, считая себя истинными владѣтелями страны, но славянскія начала были слишкомъ сильны, чтобы заглухнуть подъ своекорыстнымъ самоуправленіемъ мадьяровъ, и тысячилѣтіе прошло въ постоянныхъ распряхъ и междоусобіяхъ высшаго сословія съ низшими, въ главѣ которыхъ стояли славяне. Несогласія не прекратились даже и съ возведенія (въ XVII столѣтіи) императоровъ австрійскаго дома въ короли Венгріи.

Европейскіе революціонеры, изыскивая во всякихъ политическихъ распряхъ новыхъ союзниковъ, не могли не обратить вниманія на Венгрію. При провозглашаемыхъ ими началахъ ихъ ученій, заступничества за низшія сословія, казалось мадьяры должны имъ быть врагами; 20,000 семействъ дворянъ мадьяровъ, притягивая къ себѣ духовенство, горожанъ и ученыхъ, пользовались съ ними привилегіями, дарованными первыми королями; остальные сословія были въ угнетеніи, въ тягостной зависимости; но мадьярамъ и польскому шляхетству не трудно было понять другъ друга, и мадьяры могли полезно служить революціонному дѣлу.

При разнородныхъ элементахъ состава Венгерскаго Королевства, при вѣковой взаимной ненависти его племенъ, мадьяры вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣли освободиться отъ австрійской монархіи; послѣднее обстоятельство казалось пригоднымъ, оно могло быть съ пользою обработано и европейскіе революціонеры, особенно поляки, умилно увивались около мадьяровъ, ревностно развивали между мадьярами свои ученія и дѣйствуя на всѣ страсти человѣческаго сердца, ловили выдающіеся въ венгерскомъ обществѣ передовыя личности; *Кошутъ* сталъ представителемъ мадьярскихъ коноводовъ въ европейскомъ революціонномъ ареопагѣ.

Привилегированныя сословія, состоящія изъ мадьяровъ и *омадьярившихся*, одни имѣли право засѣдать на государствен-

номъ сеймѣ; ихъ цѣль была расширеніе своихъ правъ, но какъ послѣдовательное уничтоженіе феодализма, наслѣдія средне-вѣковыхъ временъ, было задачей правительства, то изъ различія мнѣній мадьяровъ и австрійскихъ сановниковъ, прежнія столкновенія неминуемо должны были продолжаться. Пользуясь уступчивостью императора Фердинанда, аристократическая партія въ Венгріи достигла того, что первенство мадьярскаго племени было признано; учрежденному для нея особому министерству были подчинены и всѣ иноплеменные жители Венгріи, даже воинственныя общества Военной Границы. Мадьярскій языкъ былъ насильственно введенъ; нѣмцамъ и славянамъ былъ онъ указанъ для всѣхъ дѣлъ правительственныхъ, церковныхъ и учебныхъ, въ должности опредѣлялись исключительно одни мадьяры, венгерскій сеймъ наконецъ потребовалъ отъ австрійскаго правительства полного присоединія къ Венгріи Кроаціи, Славоніи и Трансильваніи.

Хитрый Кошутъ своимъ краснорѣчіемъ и руководимый совѣтами и содѣйствіемъ своихъ европейскихъ друзей, будучи депутатомъ венгерскаго сейма, сдѣлался его душою и коноводомъ; онъ собиралъ, на дѣло общей революціи въ Европѣ, подать съ своихъ сторонниковъ и много способствовалъ развитію мятежнаго настроенія между молодежью въ Германіи; онъ рассчитывалъ на нее какъ на подспорье венгерскимъ замысламъ. Готовя себя въ правители Венгріи, Кошутъ прямо шелъ къ ея отторженію отъ австрійскаго дома. Въ одно время, для прикрытія и усиленія своихъ замысловъ, онъ склонялъ сеймъ къ новымъ постановленіямъ въ пользу крестьянскаго сословія, жившаго между мадьярскимъ населеніемъ, дабы заманить его на свою сторону, а вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ перечилъ всѣмъ влеченіямъ и желаніямъ славянъ, нѣмцевъ и румыновъ; онъ не допускалъ, чтобы они имѣли представителей своихъ нуждъ на сеймѣ и вообще обращался съ ними какъ съ племенами завоеванными, которымъ остается только повиноваться.

Многочисленные патріоты Италіи съ каждымъ днемъ увеличивали свои ряды; горячее сочувствіе сардинскаго короля Карла Альберта къ ихъ стремленіямъ, не были ни для кого тайною. Если *Мадзини*, дѣятельный членъ европейскаго революціоннаго ареопага, ловилъ простодушнаго и увлекающагося порою въ свои сѣти, провозглашая его мечемъ Италіи, то италіянскіе патріоты не много занимались революціонными затѣями итальянцы были поглощены одною мыслью соединенія

Италіи. Броженію умовъ Италіи много способствовалъ также кардиналъ Феррети, возведенный на папскій престолъ въ 1846 г. подъ именемъ Піа IX. Новый папа любилъ щеголять либерализмомъ, и самъ сочувствовалъ италіянскому единству. Италія не можетъ быть безъ Рима есть естественное убѣжденіе италіянцевъ; Римъ не можетъ быть безъ папы было убѣжденіе Піа IX, а чтобы древнія монархическія начала внутренняго управленія римской церкви и принятая политика Ватикана не возмущали молодую Италію, то онъ приступилъ къ реформамъ. Кромѣ того Италіяны тѣмъ съ большими надеждами ожидали соединенія Италіи, что видѣли поддержку италіянскимъ волненіямъ въ Англіи и Франціи, которыя, боясь усиленія вліянія Австріи на италіянскія дворы, вмѣшивались своимъ посредничествомъ въ дѣла апенинскаго полуострова.

Расчеты революціонной партіи на Германію съ каждымъ днемъ росли равномѣрно; расчеты не выдерживали строгой критики, но могла ли явиться ясная прозорливость среди людей, предавшихся всѣму пылу своихъ страстей, при обсужденіи вѣроятностей на успѣхъ, ими желаемый съ такою жадностью. Профессоры и журналисты Германіи были недовольны устройствомъ ей даннымъ вѣнскимъ конгрессомъ. Революціонный ареопагъ въ студентахъ, слушателяхъ ихъ лекцій, и горячихъ читателей всякихъ зазорныхъ статей, находилъ первый контингентъ, который могъ быть пригоденъ проектамъ революціи.

Передовые люди Германіи представляли два оттѣнка, *либераловъ* и *радикаловъ*. *Либералы* стремились къ облегченію путей для прогресса, къ устраненію тѣхъ недостатковъ общественнаго устройства, которые тормозили европейскія общества на пути ихъ развитія; они стремились сгладить остатки феодальныхъ элементовъ, сократить права духовенства и реформами преобразовать мало подвижную бюракратію, неудовлетворяющую усиленной дѣятельности современной общественной жизни. *Радикаловъ* составляла другая партія передовыхъ людей Германіи, которые стремились къ ея единству, избѣгая всякихъ насильственныхъ толчковъ; они постепеннымъ усиліемъ Германіи и сліяніемъ жизненныхъ вѣнъ, хотѣли достигнуть цѣли. Они хлопотали, путемъ франкфуртскихъ сеймовъ, для всей Германіи достигнуть равнаго законодательства, равныхъ правъ, равныхъ положеній, снятія внутреннихъ таможенъ, уравнинія уставовъ для промышленности, торговли, печати и для войска, дабы Германія представляла одно общее цѣлое для развитія своей обществен-

ной жизни, своего народного богатства, своего образования и своей защиты.

Ареопажъ революціонеровъ находилъ, что стремленія *радикаловъ* имѣютъ болѣе данныхъ, которыя онъ можетъ эксплуатировать, но глубокомысленные нѣмцы работали медленно, желая выработать истину. Въ рядахъ болѣе нетерпѣливыхъ, въ рядахъ студенческихъ *бургшафтенъ*, они надѣялись найти воиновъ; оставалось искать коноводовъ; профессоры, журналисты, литераторы являлись на первомъ планѣ, за ними должно было искать между членами палатъ и сановниками, болѣе тщательными болтунами нежели людьми государственными. Революціонерамъ было необходимо не испугать общественное мнѣніе, но напротивъ его задобрить; потому печатно они провослашали людей имъ поддающихся не *радикалами*, но *либералами*, названіе пріятно щекотавшее уши. Играя на струнахъ тщеславія, они не находили словъ превозносить своихъ новыхъ дѣятелей величайшими государственными людьми, друзьями народа и человечества, украшеніями вѣка, гениями; всякій ретивый революціонеръ непременно объявлялся *гениемъ*. Въ Германіи стали издаваться журналы съ самыми подстрѣкающими статьями, въ мелкихъ государствахъ, гдѣ цензура была по снисходительнѣе. Дѣйствуя на моральную сторону, ареопажъ не забывалъ и сторону интереса и имѣемъ свѣдѣніе, что польская эмиграція тысячами экземпляровъ выписывала вновь появляющіяся, пригодныя нѣмецкія сочиненія, напр. письма Берне, революціонерами признанныя достойными одобренія; и эти письма, связанные въ тюкахъ, лежали на чердакахъ и въ каморкахъ квартиръ, занимаемыхъ польскими эмигрантами въ Лондонѣ и Парижѣ.

Съ столь замѣчательнаго, началами революціонныхъ движеній, 1830 года, революціонная дѣятельность набросилась на извѣстные слои нѣмецкаго общества. Ревнителі изъ Парижа умѣли дать то направленіе изысканіямъ и работамъ радикаловъ, что революціонныя тенденціи высказывались сильнѣе. Изысканія общихъ правилъ для печати въ Германіи обратились въ требованія совершенной и безграничной ея свободы; отъ облегченія и уравниенія взиманія податей и налоговъ перешли къ сокращенію 34 верховныхъ властей Германіи, какъ живущихъ на счетъ нѣмецкаго народа; мысль революціоннымъ движеніемъ достигнуть единства Германіи, напѣваемаго поляками, начала прививаться между профессорами и журналистами. Книгопродавецъ *Франкъ*

засѣдалъ въ парижскомъ ареопагѣ и конечно болѣе всѣхъ заботился сблизить польскую эмиграцію съ самыми горячими нѣмецкими головами. *Фринкъ*, по словамъ самого панегириста всѣхъ революціонныхъ движеній *Гагена*, былъ человекъ самолюбивый, тщеславный, преисполненный неутолимою жаждою играть важную роль; человекъ достаточный, онъ не останавливался передъ расходами. Съ 1832 года онъ непрерывно ѣздилъ въ Парижъ, и подстрѣкаемый революціонными вожаками, надменный своимъ близкимъ знакомствомъ съ *Мадзини*, *Лелевелемъ*, *Лафайстомъ*, разъѣзжалъ по Германіи, возбуждалъ своихъ сторонниковъ не отставать отъ передовыхъ людей молодой Европы, и нагло обманывалъ парижскихъ и германскихъ своихъ пріятелей о колоссальности революціонныхъ приготовленій.

Ротекъ хотѣлъ вписать свое имя не на однихъ заглавныхъ страницахъ историческихъ сочиненій и ободрялъ революцію. Журналистика закинула разжигательную дѣятельность. Спокойные нѣмцы недоумѣвали откуда взялся и чѣмъ питался подземный огонь. Сословія, для противодѣйствія, адресами заявляли свою преданность законнымъ правительствамъ. Приведемъ написанный баварскими крестьянами къ королю; этотъ адресъ показываетъ тогдашнее сочувствіе народа къ тѣмъ передовымъ людямъ Баваріи, напр. журналисту *Вирту* и отставленному чиновнику *Зибенпфейферу*, которые себя ему навязывали въ благодѣтели; адресъ привелъ въ яростную злобу революціонную партію, которая неуспѣшно силилась увѣрить, что адресъ былъ подложный: „До насъ крестьянъ доходятъ слухи, писали крестьяне, что многіе вашему величеству пишутъ изъявленія своей вѣрности; мы считаемъ это лишнимъ, мы баварцы, а не французы, которые сами не знаютъ чего они хотятъ: баварцы и вѣрность королю одно и тоже. Если существуютъ неразумные газетчики и другіе глупые сочинители и сословія, которые вамъ, нашему возлюбленному королю, наносятъ дерзкія обиды, то мы, а мы всѣ баварцы думаемъ одинаково, просимъ васъ намъ только мигнуть; чрезъ секунду у васъ ни одного врага въ живыхъ не останется.“

Новые нѣмецкіе апостолы постоянно указывали своимъ землякамъ для примѣра на революціонную Францію и до того распространили къ ней свои нѣжности, что даже были готовы отдать ей лѣвый берегъ Рейна. Такой эксцентрическій порывъ *поборниковъ нѣмецкаго единства и нѣмецкой силы* громовымъ ударомъ поразилъ Германію. Революціонеры сами испугались своей политической нелѣпости и спѣшили взять свои слова

обратно; негодование Германіи разразилось тѣмъ, что всѣ нѣмцы наизусть выучили стихотвореніе

Sie sollen ihn nicht haben
Den schoenen deutschen Rhein и т. д.

Много было тогда въ Германіи шуму, много было разныхъ демонстрацій, студенскихъ скопищъ съ школьными кошачьими концертами, много было наговорено пламенныхъ рѣчей государственными сановниками, депутатами палатъ баденскихъ, гессенскихъ и иныхъ; чѣмъ чаще повторялись слова воля народа, права народа, свобода печати, отсталость, обскурантизмъ, прогрессъ, тѣмъ рѣчь покрывалась болѣе громкими и продолжительными рукоплесканіями.

На сколько польская эмиграція принимала участіе въ этихъ событіяхъ, видно изъ того, что временами палаты разныхъ герцогствъ и княжествъ требовали отъ своихъ дворовъ дипломатической интервенціи за Польшу. Въ нѣмецкихъ журналахъ многократно повторялось что: „прежнее назначеніе Польши было служить оплотомъ отъ восточнаго варварства и что теперь эта обязанность перешла на Германію.“ Революціонные эмисары, французы и поляки, разъѣзжали по Германіи, волновали, подстрѣкали; памятникомъ этой лихорадки, овладѣвшей Германіею, можетъ служить тогда выпшедшее сочиненіе Альфонса *Карра*, сколько помнится подъ заглавіемъ: „Революція города Пирмазенца, государства въ 155 домовъ,“— злая, но типически вѣрная картина тогдашней работы революціонеровъ. Предъ лицомъ Европы, во Франкфуртѣ комически разыгралась въ 1833 году, подготовляемая драма. По словамъ революціонеровъ, тысячи студентовъ и ремесленниковъ общею революціе зажгутъ зарю новой жизни Германіи; а послѣдовавшій во Франкфуртѣ 3 апрѣля 1833 г. беспорядокъ показываетъ какъ слабъ былъ тогда нѣмецкій революціонный элементъ.

Книгопродавецъ *Франкз*, прямо изъ парижскихъ засѣданій привезъ распоряженія къ союзному дѣйствію съ поляками. Подготовленные студенческіе *бургдафты* должны были прибыть къ 3 апрѣлю во Франкфуртъ; польскіе эмигранты назначались въ руководители и на мѣстѣ взялись уяснить кому что дѣлать; для большей отваги *Франкз* передавалъ что въ Виртембергѣ войско готово къ возстанію и тамъ уже имѣется 40,000 заговорщиковъ, въ Баденѣ 30,000, въ обоихъ гессенскихъ 50,000 и вся рейнская часть Баваріи и Нассау готовы возстать по первому сигналу; дѣйствительно же къ заговору революціонеры успѣли за-

манить шесть гомбургскимъ солдатъ, нѣсколько гессенскихъ ремесленниковъ, да сотни двѣ франкфуртцевъ. Больше всего шуму надѣлалъ колоколъ, когда революціонеры ударили въ набатъ. Убитъ былъ только одинъ студентъ *Рюбнеръ*, который личною своею особою хотѣлъ защищать захваченную городскую гаубтвахту. Событія разыгрались такъ быстро, что полковникъ Оборскій, какъ мы видѣли, не успѣлъ тронутся съ своими безансонскими поляками изъ Швейцаріи. Слабые въ 1833 году элементы для революціи усилились въ теченіи 15 лѣтъ; революціонеры работали не даромъ.

Неудача первыхъ попытокъ въ Германіи не остановила революціонерныхъ вожаковъ; ихъ агенты и туземные ревнителіи силились обрабатывать общественное мнѣніе; они клеймили отсталыми, ретроgrадами, реакціонерами людей, которые своимъ умомъ могли имъ быть опасны.

Польская эмиграція, вращаясь въ революціонномъ мірѣ, имѣла своимъ специальнымъ назначеніемъ *возстановленіе Польши*. Глядя съ этой точки зрѣнія на всю подземную работу, она даже и въ самыхъ ярыхъ европейскихъ революціонерахъ видѣла только пригодныя орудія для своихъ плановъ. Польская эмиграція приняла для таинственного языка своей подземной работы называть *Панурговымъ стадомъ* всѣхъ не поляковъ, но поддающихся польскимъ тенденціямъ. Изъ массы встрѣчаемыхъ разныхъ выраженій и возраженій, по разнымъ случаямъ высказываемыхъ, видимъ, что Панургово стадо, на этомъ своего рода argot, подраздѣлялось на много дальнѣйшихъ специальныхъ терминовъ, тутъ были и *бараны*, идущіе впереди, указывающіе, какъ и гдѣ прыгать чрезъ поставленную палочку, *овцы*, *козы*, *козлята*, *телята* и проч. Въ Панургово стадо попадали и профессоры и студенты, ученые, литераторы, журналисты, вліятельные люди, либералы, передовые умы; объяснить вполне оттѣнки, могутъ только посвященные, но мы не полагаемъ сдѣлать большой ошибки, если всѣ разряды Панургова стада, передавая значеніе имъ даваемое польскою эмиграціею, обозначимъ тремя словами *одураченные*, *одурачиваемые* и *одурѣлые*. Польская эмиграція полагала въ 1848 году Панургово стадо, достаточно сильнымъ, дабы ея замыслы на общую европейскую революцію, могли увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, на это стадо она возложила свою главную надежду; но ошиблась—французы и нѣмцы отказались признать поляковъ своими шалунами—пастушками, и прыгать черезъ имъ протянутую поляками палку.

Послѣ 1846 года всѣ надежды революціонеровъ на будущіе

успѣхи сосредоточивались на Франціи. По смерти герцога Рейхштадскаго (22 Іюля 1832 года) революціонная партія оставалась одна и стала притихать по мѣрѣ того, какъ бонапартистская, которая давала ей силу, и которая находила сочувствіе во Франціи, особенно въ войскахъ, стала отъ нея отставать. Въ сороковыхъ годахъ бонапартистская партія поднялась снова, радостно ей привѣтствовали революціонеры, восторженно польская эмиграція. По твердой увѣренности молвы, польскіе аристократы миліонами ей отсчитывали пособія.

Покончивъ съ Людовикомъ Филиппомъ, революціонная Франція должна была своими войсками поддержать всеобщее революціонное движеніе въ Европѣ, и возстановить Италію, Венгрію и Польшу. Паденіе Людовика Филиппа было ожидаемый сигналъ, для дѣйствія революціонеровъ въ Италіи, въ Венгріи, въ Вѣнѣ, Берлинѣ, другихъ главнѣйшихъ городахъ Германіи, Познани и Галиціи. Несовершенная увѣренность въ массы населенія Германіи и безнадежность на войска предписывали мѣры осторожности; партія Ламберова отеля наставляла ограничиваться въ предѣлахъ, на сколько незаконность можетъ прикинуться легальною, поляки должны были стараться помутить понятія. Въ Ламберовомъ отелѣ была исправлена программа для польской дѣятельности, составленная демократической централизаціей; централизація стала послушнѣе, съ тѣхъ поръ какъ ея глава *Мпро-славскій* сидѣлъ въ прусскихъ казематахъ. Поляки должны были свои дѣйствія ограничить требованіемъ конституцій, съ открытіемъ палатъ стараться о ихъ комплектованіи своими людьми, дѣло вести дальше усиленнымъ подъемомъ значенія *франк-фуртскаго сейма*, стараться передавать власть въ руки своихъ вожаковъ, добиться отъ существующихъ властей объявленія полной свободы печати, освобожденія всѣхъ политическихъ преступниковъ. При вліяніи печати на общественное мнѣніе, освобожденіе ея отъ всякой цензуры, въ смутное время, давало могучее оружіе въ руки революціонеровъ; въ темницахъ особенно Австріи и Пруссіи, сидѣло много выказавшихся ретивыхъ революціонеровъ, съ освобожденіемъ которыхъ революція пріобрѣтала столько же готовыхъ вожаковъ. Поляки должны были содѣйствовать повсемѣстному образованію національной гвардіи, и на нее возложить охраненіе внутренняго благочинія, что лишить войска служебныхъ ихъ обязанностей въ мирное время. Такими путями революціонеры надѣялись сосредоточить власть и силу въ своихъ рукахъ, и, лишивъ войска всякаго

значенія, поставить ихъ въ положеніе или стать послушными исполнителями воли революціонеровъ, или быть распущенными.

За разливомъ революціоннаго пожара по Европѣ, по предположеніямъ польской эмиграціи, должно было послѣдовать вооруженное вторженіе въ Россію. Они считали Германію возбужденною противу Россіи въ такой степени, что помощью франкфуртскаго сейма провозглашеніе новаго крестоваго похода противъ русскихъ встрѣтитъ одни лишь общіе крики сочувствія и радости. Дабы не возбудить непріятныхъ ощущеній или какихъ либо опасеній въ германскомъ населеніи было положено, что войскамъ революціонной Франціи не слѣдуетъ проходить сухимъ путемъ; но пользуясь огромнымъ флотомъ, усиленнымъ при Людовикѣ Филиппѣ изъ опасеній разрыва съ Англіею, посадить 30,000 на суда и прибыть въ Балтійское море. При французскомъ десантѣ, при вторженіи польско-нѣмецкихъ армій и при содѣйствіи Турціи, въ которой Чарторыйскій имѣлъ своихъ агентовъ, и которая вѣроятно пожелаетъ воспользоваться случаемъ, чтобы за частыя пораженія и потери посчитаться съ Россіею, при возбужденіи къ сильнымъ наступательнымъ дѣйствіямъ *черкесовъ*, единовременно должны были подняться Царство Польское и западной край. „Наступленіе на Россію должно быть безпощадное, не только Польша должна быть возстановлена въ границахъ 1772 года, но отъ Россіи должно отнять всѣ земли, которыми поляки когда либо владѣли; тѣмъ сильнѣе будетъ Польша, давно уже твердили поляки, тѣмъ крѣпче будетъ оплотъ Европы противъ варварства, давящаго съ востока; не въ одномъ императорѣ Николаѣ Европа должна видѣть своего врага, но и во всей Россіи, съ ея русской партіей, съ которой можно говорить о мирѣ только когда Россія будетъ отодвинута къ Волгѣ и Уралу.“

Таковы были проэскты въ 1848 году. При легкомысленной фантазіи, могла ли какая либо партія польской эмиграціи устоять предъ столь благопріятною для нея будущностію и не торопиться заготовить запасъ заслугъ и вліянія къ окончательному расчету; князь *Чарторыйскій* и централизація демократической партіи усиленно высылали, особенно въ Познань и Галицію своихъ элеммисаровъ.

Для предполагаемой общей революціи польская эмиграція дала правила организаціи *народовыхъ правительствъ* въ ея назначенныхъ мѣстахъ. Пять членовъ должны были составить *комитетъ*,— четыре члена изъ туземцевъ, 5-ый комиссаръ отъ эмиграціи. Комитету полагался секретарь. Всѣ сношенія съ эмиграціею должны производиться чрезъ комиссара; рѣшенія опредѣляются

большинствомъ голосовъ. Комитету вмѣнялось въ обязанность имѣть своихъ агентовъ изъ туземцевъ, совершенно преданныхъ общему дѣлу. Коммисары доставляли инструкціи, общія и частныя, согласныя съ мѣстностями. Всѣ инструкціи сообщались или письменно, или изустно чрезъ эмисаровъ. Сущность намъ извѣстныхъ инструкцій была слѣдующая:

Агенты изыскиваютъ средства къ приготовленію умовъ и дѣйствуя убѣжденіями, обращаютъ свое особенное вниманіе на учебныя и ремесленныя заведенія, поддерживая свои отношенія съ мѣстнымъ духовенствомъ (ксендзами) и между *надежными* распространяютъ издаваемые катехизисы.

Въ мартѣ 1848 года изъ Парижа были привезены новыя приказанія. Ими указывалось начать немедленно легкія волненія народа; по полученіи же чрезъ нарочнаго извѣстія о возстаніи въ Вѣнѣ сильною демонстраціею и убѣжденіями своихъ людей, пріобрѣтшихъ довѣренность у вліятельныхъ лицъ, *застращать начальствующихъ*, но избѣгать всякаго кровопролитія и насилія, всѣми мѣрами стараться освободить изъ заключенія патріотовъ, добыть разрѣшеніе, подъ весьма уважительнымъ видомъ сохраненія общественнаго порядка, объ учрежденіи комитета изъ туземцевъ, *народовой* гвардіи и замѣщеніе служащихъ въ администраціи также туземцами.

Комитетъ для сохраненія порядка *долженъ употреблять учащуюся молодежь и старается чрезъ агентовъ о полномъ послушаніи* населенія избранной молодежи: Это указывалось первымъ средствомъ, дабы комитетъ, заслуживъ довѣріе начальствующихъ, могъ подчинить себѣ послѣдовательно всю власть *распорядительную, исполнительную и судебную*.

Для вооруженія *народовой* гвардіи, комитетъ долженъ озаботиться дополнить недостатокъ собственнаго вооруженія полученіемъ изъ казенныхъ запасовъ, или отъ войскъ, которыя за учрежденіемъ *народовой* гвардіи, могутъ быть распущены или уменьшены. Въ ряды *народовой* гвардіи могутъ быть включены военно служащіе, совершенно надежные, родомъ изъ туземцевъ. Офицеры обязаны немедленно *организовать и обучать гвардію народovou, какъ войску быть подобаешь*. При замѣщеніи должностей туземцами, выборъ людей требуетъ особой осмотрительности на всѣ тѣ мѣста, на которыхъ должностные находятся въ *непосредственныхъ сношеніяхъ, какъ съ мѣстными начальниками, такъ и съ простолюдинами*.

ГЛАВА 8-я.

Весеннія событія 1848 года.—Разливъ революціи по Европѣ.—Познанскія событія.—Борьба между нѣмецкою и польскою національностями.—Мзрославскій и его неудачи.—Галиційскія событія.—Евреи.—Графъ Францъ Стадіонъ.—Львовскія демонстраціи.—Крестьяне.—Графъ Голуховскій и народова гвардія.—Краковъ.—Прага и Дрезденъ.

Въ 1848 году петербильвые италіанцы ознаменовали начало года революціонными, скоро потушенными вспышками въ Миланѣ, Бергамѣ, Веронѣ, Брешии, Павіи и Сициліи; за тѣмъ уже, подъ руководствомъ революціоннаго ареопага, начался рядъ мятежей, озадачившій непосвященныхъ быстрою своею систематическою послѣдовательностью.

Въ Февралѣ мѣсяцъ былъ первый, громадный взрывъ во Франціи, который послужилъ сигналомъ революціонерамъ. Польская монархія пала, Людовикъ Филиппъ искалъ спасенія въ Англіи.

Съ провозглашеніемъ республики во Франціи, польскіе эмигранты слѣзили на правый берегъ Рейна, на указанныя мѣста; при недостаткѣ необходимаго большаго числа дѣятелей, изъ высшихъ классовъ польской батиньольской школы былъ сдѣланъ успасный выпускъ воспитанниковъ и эмигранты тучами наводили Италію, Венгрію, Германію, Галицію, Познанъ и Польшу. Главнѣйшія указанныя мѣста для дѣйствія были Вѣна, Берлинъ, Франкфуртъ, Дрезденъ, Прага, Познанъ, Краковъ, Львовъ, Пестъ, Венеція, Миланъ и нѣкоторыя мелкія столицы Германіи и Италіи. Польская эмиграція обратила свое косвенное вниманіе на Вѣну, эмиграцію разжигала жажда

мести за галиційскія событія 1846 года, но главными причинами были тѣ особые виды, которые польская эмиграція, при своихъ расчетахъ, имѣла на Австрію. Въ Вѣнѣ польскіе эмигранты давно подготавливали жителей и тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что, при разноплеменныхъ въ ней національностяхъ, масса журналистовъ, художниковъ, академистовъ и городской черни представляла пестрый, для революціи удобнѣйшій элементъ. *Кошутъ* сыпалъ золото щедрою рукою, и масса нѣмецкихъ и венгерскихъ заговорщиковъ была сосредоточена въ Вѣнѣ. Рядовые были готовы, вожаки, покончивъ съ королемъ французъ, прибыли на сборный пунктъ, и 13 марта вспыхнулъ мятежъ въ Вѣнѣ. Императоръ Фердинандъ, уступая силѣ неожиданныхъ обстоятельствъ и своимъ ^{душевнымъ} влеченіямъ, согласился на дарованіе конституціи, на сеймъ народныхъ представителей, на свободу книгопечатанія, освобожденіе политическихъ преступниковъ и образованіе національной гвардіи. Многолѣтній первый министръ Австріи, князь Меттернихъ долженъ былъ оставить свою должность, императоръ уѣхалъ въ Инсбрукъ, императорскіе пожалованные манифесты были разосланы по всѣмъ областямъ.

Событія, подобныя вѣнскимъ, повторились по всей Германіи; въ ней запервенствовалъ *Франкфуртскій сеймъ*, про который, можно сказать, что гора родила мышь.

Расчеты на вѣрный успѣхъ были сдѣланы безъ многихъ хозревъ. Россія поставила тотчасъ же войска на военную ногу, французскіе революціонеры, провозгласивъ республику, отыграли свою роль и начали догадываться, что были одурачены; нація вовсе не была склонна слѣдовать политикѣ и указаніямъ своихъ революціонеровъ, земляковъ, а эти увидѣли себя невѣдомою рукою опутанными сѣтями, увидѣли себя заключенными въ какомъ то заколдованномъ кругу, изъ котораго былъ одинъ выходъ: распроститься съ Франціею и уѣхать въ Англію, или Америку. Французскій флотъ остался въ Ламаншѣ и не поплылъ съ десантомъ въ Балтійское море; Рейнъ по старому омывалъ берега прежнихъ властителей.

Европа, захваченная революціонерами въ распλοхъ, начала отрезвляться. Народы хотятъ порядка, спокойствія, правильного развитія, а не физическихъ и моральныхъ пожаровъ, возбужденія неистовыхъ народныхъ страстей, которыя, однажды разбушевавшись десятками лѣтъ не успокоиваются. Примѣръ французской революціи прошедшаго столѣтія наводилъ такой страхъ на европейскія общества и на народныя массы, что они отказались этимъ путемъ доводить до свѣдѣнія правительствъ о тѣхъ послѣдовательныхъ

реформахъ, которыя требуетъ послѣдовательное современное развитіе. Одна только разноплеменная Австрія, при стремленіяхъ Италіи, не могла возстановить порядка и укротить революціонные пожары, хотя, Радецкій смирилъ Ломбардію и прогналъ Карла Алберта, а Иелачини, съ славянскими племенами, отетанвалъ покушенія Венгровъ—раздробить Австрію.

Въ событіяхъ 1848 года, подъ ближайшую опеку польской эмиграціи, поступили Познань, Галиція, Царство Польское и западный край Россіи.

Польская эмиграція, изъ числа эмигрантовъ, назначила для революціи въ Берлинѣ, наибольшее число познанцевъ и поляковъ для дѣйствія. Подготовивъ умы, заговорщики, получивъ извѣстій объ успѣхѣ въ Вѣнѣ, 18 марта открыли въ грозныхъ размѣрахъ вооруженную демонстрацію. Король согласился на конституцію, на національную гвардію, на полную свободу печати и на освобожденіе политическихъ преступниковъ.

Революціонеры освободили въ Берлинѣ своихъ старыхъ коноводовъ, сидѣвшихъ въ темницѣ, въ томъ числѣ *Мьрославскаго* и *Либельта*, и торжественно ихъ носили по городу. Въ какомъ бы революціонномъ пароксизмѣ жители Берлина тогда ни находились, но только одинъ полякъ могъ повѣрить тому, что Либельтъ писалъ, оттуда 20 марта; „*Весь прусскій народъ преисполненъ одною только мыслью возстановить Польшу свободною и независимую, для оплота Германіи; нѣтъ болѣе сомнѣній, что польскій вопросъ будетъ скоро разрѣшенъ,—даже возможно, что правительства, участвовавшія въ злодѣйствѣ раздѣла Польши, сами примутъ инициативу къ ея возстановленію. Умоляю васъ, сограждане въ виду того, что наши задумѣннѣйшія желанія будутъ исполнены, не нарушайте теченія дѣла какими либо беспорядками въ великомъ княжествѣ Познанскомъ.*“

Заранѣ подготовленные члены для познанскаго *народоваго комитета*, тотчасъ вышли, при успѣхѣ дѣла, наружу.

Вѣсть объ успѣхѣ революціи въ Берлинѣ обрадовала познанскихъ революціонеровъ, но что поляки восторженно тамъ братаются съ нѣмцами, это привело познанскихъ вожаковъ въ смущеніе. Подготавливая мятежъ, нѣмецкіе революціонеры, къ крайнему неудовольствію поляковъ, чѣмъ болѣе приближались къ роковому времени, тѣмъ настойчивѣе трубили объ единствѣ Германіи, и имъ вторили всѣ нѣмецкіе журналы; въ Германіи составлялись разныя комбинаціи,—ея сліянія съ Пруссією или Австрією. При всѣхъ подобныхъ толкахъ, народовому польскому комитету было необходимо оберечься

въ началѣ отъ какого либо промаха, по инструкціямъ эмиграціи—отстоять польскій вопросъ во всей его чистотѣ, и неподдаваться на ошлѣмленіе; въ такомъ духѣ и начинается первое возваніе познанскаго народоваго комитета отъ 21 марта.

„Часть пробилъ и для насъ! объявлялъ комитетъ, Германія уже провозгласила свое единство. Прусскій король рѣшилъ примкнуть къ нему со всѣми тѣми своими областями, которыя на то *изъявляютъ согласіе*. Намъ полякамъ, имѣющимъ свое историческое прошлое и свои національные элементы, не только не дозволено, но невозможно пристать къ союзу Германіи, *безъ погребенія навсегда нашихъ народныхъ традицій, безъ измѣны ойчизны*.“ Въ этомъ возваніи находимъ еще: „нынѣ, при загарающейсѣ зарѣ нашего освобожденія, многіе граждане, *спрашась могущаго быть кровопролитія*, обратились къ прусскимъ властямъ и заявили о необходимости устройства *народоваго комитета*, который направлялъ бы національное движеніе. Мы, *вами избранные*, при нашихъ сердечныхъ порывахъ, мы употребимъ всѣ наши усилія и средства; мы готовы на всѣ жертвованія для независимости ойчизны.“ Подобныя возванія много способствовали къ тому, что пруссаки скоро вполнѣ проникли во всѣ тайныя польскія комбинаціи, скрываемыя подъ громкими фразами всеобщаго *благоденствія* и *братства*. Поляки думали одурачить нѣмцевъ; пруссаки дозволили полякамъ самимъ надурачиться вдоволь. Прусскіе сановники, изъ общаго движенія европейскихъ революціонеровъ, хотѣли извлечь для Пруссіи наибольшія выгоды, а войска, при происшедшихъ смутахъ, обязанныя взять ружье къ ногъ, съ нетерпѣніемъ ждали случая поддержать честь и могущество государства.

Поляки съ каждымъ днемъ все болѣе разочаровывались въ прусской недогадливости. Поляки требовали для всей общественной жизни употребленія національнаго языка, король согласился. Поляки этому согласію дали такое толкованіе, что отнынѣ языкъ административный и въ учебныхъ заведеніяхъ долженъ быть для Познани польскій, и въ этомъ смыслѣ народовой комитетъ началъ свои распоряженія. Многочисленное нѣмецкое населеніе Познани взволновалось, но оно было успокоено письменно ему переданной волей короля: „Нѣмцы! не опасайтесь! ваши права и вашъ народный языкъ будутъ вполнѣ утверждены; по новымъ постановленіямъ всякій имѣетъ право употреблять всюду свой національный языкъ.“ Это предстоящее, административное вавилонское столпотвореніе имѣло слѣдствіемъ, что познанскіе нѣмцы, отстаивая свои земли для Германіи, стали на ножи противъ поляковъ;

поляки за основаніе принимали возстановленіе польскихъ предѣловъ 1772 года, а туземные нѣмцы, безъ всякихъ изворотовъ, имъ прямо говорили, что Познань давно уже не Польша и къ негодованію своихъ земляковъ поляковъ, ихъ же упрекали, что они, особенно ихъ женщины, *уемиваются ополчить* Познань и всячески стараются искушать полонизмомъ тамошнюю нѣмецкую молодежь.

Поляки положительно отреклись отъ германскаго союза; король раздѣлилъ Познань, и западную ея часть, преимущественно уже оиѣмеченную, назначилъ придать къ союзу, согласно волѣ заявленной большинствомъ мѣстныхъ жителей. При этомъ раздѣлѣ, къ большому негодованію поляковъ, даже и главный городъ Познань былъ причисленъ къ Германіи.

Король пожаловалъ познанскимъ полякамъ, въ національную ихъ гвардію, *Мьрославскаго* генераломъ; его военные планы въ 1846 году—съ шайками вступить одновременно въ борьбу съ Россіею, Австріею и Пруссіею, раскрытые Берлинскимъ судомъ, вполнѣ указывали безопасность для Пруссіи военныхъ сношеній этого, эмиграціею прославляемаго, военнаго генія. Поляки думали своими людьми наполнить національную гвардію и въ ней приготовить себѣ *народовое* войско, вооруженное на счетъ Пруссіи, для вторженія въ Россію; король опредѣлилъ національной гвардіи состоять изъ отпускныхъ солдатъ и въ прокламаціи командующаго войсками генерала Виллизена, отъ 6-го апрѣля, съ объявленіемъ воли короля, полкамъ было сказано: „Вы желаете имѣть національную гвардію, вы будете имѣть ее въ ландверѣ, *ничего національные ландверовъ быть не можетъ*.“ Для вооруженія этой стражи, былъ назначенъ послѣдній негодный бракъ, поляки выставили это на видъ и получили въ отвѣтъ, что это оружіе, хотя и съ недостатками, но для мирной гарнизонной службы совершенно удовлетворительно.

Первоначальные успѣхи и прусскія *вѣжливости* до того ослѣпляли *Мьрославскаго*, что онъ призналъ за поляками право быть въ Познани полными распорядителями, какъ у себя дома; пруссаки дали имъ волю разойтись вполнѣ и приняли свои мѣры; прусскія войска были придвинуты. *Мьрославскій*, замѣчательный своими размахистыми фантазіями, началъ приводить въ исполненіе свои версальскіе грезы и планы двухлѣтняго заключенія, поелѣ 1846 года. Онъ снова принялся за исполненіе своихъ проэктонъ, тогда прерванное открытіемъ познанскаго заговора; на свѣтъ явился военный отдѣлъ (выдѣлялъ военный) съ готовыми для него уже положеніями и назначенными личностями. Въ радостномъ чаду, на первыхъ дняхъ явилось 20,000

волонтеровъ, готовыхъ вступить въ *войско народное*. Не стѣняясь никакими приказаніями, *Мьрославскій* избѣгалъ ландверовъ, на которыхъ, какъ на старыхъ прусскихъ солдатъ, надежды были сомнительныя; а число волонтеровъ еще болѣе увеличивалось, потому, что поляки смотрѣли на корпусъ формируемый *Мьрославскимъ*, какъ на кадръ будущей польской арміи, изъ котораго выйдутъ всѣ будущіе командиры; поляки увлеклись до того, что даже въ сношеніяхъ съ пруссаками только изъяска свои набиравшія войска называли національною гвардією и, не стѣняясь, называли ихъ *войскоми народowymi*; но пруссаки на вербовку въ *войско народное* или *гвардію народову*, смотрѣли пока сквозь пальцы, что было новымъ ободреніемъ. *Мьрославскій* формировалъ линейную пѣхоту, стрѣлковъ, кавалерію и, конечно, улановъ; заботы о перемѣнѣ оружія были отложены до позднѣйшаго времени, тѣмъ болѣе, что много явилось собственного отличнаго оружія у волонтеровъ. Главные расходы были на обмундированіе, кавалерія имѣла щегольскихъ коней, а польскія барыни имѣли польскія знамена уже въ готовности. Одною изъ первыхъ заботъ главноначальствующаго было устройство *школы подхоронжихъ* (юнкеровъ), для пополненія арміи специально образованными для военнаго дѣла офицерами и устройство тѣхъ разныхъ машинъ и колесницъ, собственного изобрѣтенія *Мьрославскаго*, которыя, по его мнѣнію, должны были *измѣнить военное искусство* и во сто кратъ увеличить силу арміи. Пруссакки, раздѣливъ Познань, для присоединенія западной части къ Германіи, вывели войско *Мьрославскаго* въ восточную, ближе къ русской границѣ. Цѣлый мѣсяць пруссаки смотрѣли, какъ поляки играли въ солдатики. Когда пароксизмъ началъ проходить и время отдѣляло спокойные умы отъ одержимыхъ трудно излѣчимою горячкою, тогда прусскій военачальникъ потребовалъ безпрекословнаго возвращенія въ строгія границы королевскихъ повелѣній.

Пруссакки потребовали чтобы волонтеры были распущены по домамъ, а подъ ружьемъ *народовой гвардіи* было оставлено только дозволенное число, да и тѣмъ потомъ было приказано строго оставаться на указанныхъ мѣстахъ, посреди прусскихъ войскъ.

Для благоразумія *Мьрославскаго*, переходъ отъ торжества къ униженію былъ слишкомъ быстръ, чтобы видѣть всю необходимость подчиниться; польская эмиграція думала надуть пруссаковъ, а *Мьрославскій* увидѣлъ, что пруссаки ловко употребили собственные же его аргументы, понимая ихъ не съ польской, а съ прусской точки зрѣнія; *Мьрославскій* съ оставшимися, имъ названными

мадражи, вступилъ въ бой съ пруссаками. Поляки, окруженные войсками, возбуждаемые своими офицерами, думали драться, но повсюду были принуждены тотчасъ же складывать оружіе. Только подъ *Мирославлемъ*, отставному офицеру *Бьлоскурскому* удалось выручить польскую пѣхоту, ударивъ неожиданно на пруссаковъ съ своими уланами, и тѣмъ удержать нѣсколько времени поле боя за собою. *Мьрославскій* провозгласилъ это дѣло своею *побѣдою* подъ *Мирославлемъ*, но дабы не появились невыгодныя для него толкованія, кому поляки были объявлены удачею; то по словамъ самихъ поляковъ: „Диктаторъ вспомнилъ *Папириуса Курсора*, и за самовольство хотѣлъ разстрѣлять *Бьлоскурскаго*, который своимъ помилованіемъ былъ обязанъ только заступничеству *всего войска*.“ Поляки, всюду встрѣчая пораженія, разстѣялись; *Мьрославскій* видѣлъ свою роль въ Познани до конца отыгранною; онъ раздражилъ и познанцевъ и начальниковъ эмигрантовъ своими *деспотическими ухватками* и бѣжалъ, видя, что его ожидаютъ или возвращеніе въ прусскія казематы, или польская пуля.

Съ устройствомъ *народоваго* войска, раздоры въ польскомъ лагерѣ развились въ страшныхъ размѣрахъ, всѣ прибывшіе старые служивые, *пулковники эмигранты*, въ томъ числѣ уже намъ знакомый *Оборскій*, критиковали всѣ фантастическія распоряженія „*выскачки централизаціи*.“

Бѣжавшему *Мьрославскому* еще оставался обширный театръ дѣйствія по Европѣ. Зловѣщимъ геніемъ революціи онъ принялъ участіе въ смутахъ Бадена и Сициліи; пріѣхалъ онъ и въ Венгрію, но какъ тамъ война выходила изъ размѣровъ уличныхъ подвиговъ и изъ театра дѣйствій ищущихъ приключеній повстанскихъ шаекъ, то онъ предпочелъ ораторствовать, критиковать и превозносить себя по трактирамъ Песта и Офена.

Обратимся къ Галиціи. Поляки—вожаки, наученные опытомъ, разочарованные въ сельскомъ сословіи *Галиціи*, искали другихъ путей, и всѣми усиліями обрабатывали городское сословіе; многочисленность въ немъ евреевъ вызывала новыя мѣры. Евреи пріютились вездѣ, гдѣ господствовали нѣкогда поляки, и среди шляхетскаго общества пріобрѣли своего рода значеніе. Евреи, въ ожиданіи своего мессіи, вездѣ считаютъ себя гостями; въ этомъ обществѣ, отталкиваемомъ христіанами, выработалась своя замкнутость, свой складъ понятій; единственная цѣль евреевъ—нажиться, и всякій изъ нихъ обязанъ помогать другому въ этомъ дѣлѣ. Мнѣніе евреевъ, что христіанъ обманывать должно и можно. Въ своемъ обществѣ еврей долженъ быть честенъ, внѣ его допускается вся-

кля плутни; никогда общественное мнѣніе между евреями не укорить ни кого изъ нихъ ни за какой поступокъ противъ христіанина, какъ бы ни былъ онъ гнусенъ. Еврей обманываетъ въ работѣ, въ торговлѣ, лукаво онъ обманываетъ власти своими увѣреніями и заявленіями преданности и вѣрности, и улыбается христіанскому легковѣрію. У еврея нѣтъ отечества, онъ нигдѣ не признаетъ его, онъ предается только тому дѣлу, въ которомъ ему представляется болѣе выгоды. Если евреи, такъ часто, въ постороннихъ разговорахъ, высказываютъ убѣжденіе, что нѣтъ предмета, нѣтъ лица, которыхъ нельзя было бы купить, то трудно предположить, чтобы это не было убѣжденіе цѣлыхъ кагаловъ. Только расчетъ личной выгоды можетъ удержать еврея, или страхъ, но и страхъ слабѣетъ предъ золотомъ. Евреи всегда были усердными исполнителями всевозможныхъ порученій польскихъ заговорщиковъ, которые щедро платили, но отъ рѣшительнаго участія въ мятежъ евреи отказывались; изрѣдка проглядываетъ случайно офанатившаяся личность, искушенная мечтою о власти, тѣмъ сильнѣе дѣйствующая, что власть евреямъ менѣе доступна. Эмиграція хотѣла ихъ *эмансипировать*, какъ она выражалась; попытка къ ополченію евреевъ, къ признанію ихъ равными дѣтьми одной матки-ойчизны, была сдѣлана въ 1846 году и была неудачна. Еврей клялись жертвовать жизнью, достоинствомъ, но не сдѣлали болѣе того, что сдѣлали польскіе коноводы; они одинаково съ ними только думали о личныхъ своихъ интересахъ. Эмансипацію евреевъ особенно занимались польскіе агенты въ Галиціи; еврей видимо поддавался, общался многое послѣ 1846 года, работали, пока получали деньги, и работали смѣло потому что крестьянъ не боялись; еврей былъ его покупщикъ, продавецъ и занмодавецъ. Когда дѣла пошли плохо, еврей отстали первые.

Генераль-губернаторомъ Галиціи, въ 1848 году, былъ графъ Францъ *Стадіонъ*,—братъ прежняго графа Рудольфа, но далеко не столь прозорливый. Графъ Францъ былъ пропитанъ модными идеями, пущенными въ ходъ революціонною пропагандою; онъ былъ *либералъ* и искалъ *популярности*; онъ съ каторжниками работалъ на улицахъ Львова, чтобы въ гуманныхъ влеченіяхъ узнать не тяжела ли работа. Польская аристократія щедро подкупивала фиміамъ гуманному передовому правителю. Баронъ *Гаммерштейнъ*, командующій войсками, былъ человекъ другого права и, видя усиливающееся броженіе умовъ въ Галиціи, потребовалъ усиленія войскъ и принялъ свои мѣры.

Извѣстія о событіяхъ въ Вѣнѣ 13 марта пришли въ Львовъ

19-го. Согласно данной инструкціи, вожаки начали подымать народъ и разжигать его къ буйной манифестаціи, дабы, какъ гласила инструкція, *застрашать мѣстныхъ власти*. Послѣдствіи вышли обратныя, — графъ *Стадіонъ* въ тотъ же день получили уведомленіе объ императорскихъ дарованныхъ 13 марта уступкахъ. Въ собранномъ совѣтѣ, баронъ *Гаммерштейнъ* требовалъ пріостановить при смутныхъ обстоятельствахъ, обнародованіе вѣнскихъ манифестовъ, вельфъ прибавить число боевыхъ патроновъ въ сумахъ и назначилъ войскамъ сборныя мѣста на случай тревоги.

На сценѣ львовскихъ событій, выступили тогда два назначенные коновода *Кульчинскій* и *Добржанскій*.

Кульчинскій былъ богатый портной, *Добржанскій*, ополяченный русинъ, котораго дѣдъ еще назывался *Добрянскимъ*, былъ литераторъ. Львовскіе туземные вожаки получили изъ Париза адресъ къ императору, приготовленный въ мастерскихъ польской эмиграціи. *Кульчинскій* выставилъ его въ своемъ домѣ и приглашалъ гражданъ скрѣплять его своими подписями. Какъ всѣ распоряженія къ общей европейской революціи вышли изъ одного источника, то челобитная заключала требованія вѣнскихъ революціонеровъ, съ придачею ей мѣстнаго характера, а именно: предложеніемъ австрійскому императору стать *королемъ польскимъ*, приводя въ исполненіе мысль *Чарторыйскаго*. Князь *Адамъ* разсчитывалъ помощью Австріи возстановить Польшу; Польшею вознаградить Австрію за Венгрію, а при включеніи всѣхъ поляковъ въ одну австрійскую монархію, разложить потомъ разноплеменную Австрію, если нѣмцы не захотятъ оставаться подъ польскимъ владычествомъ.

Сущность содержанія адреса была слѣдующая:

„Австрійскій императоръ принимаетъ титулъ *короля Польши* и даруетъ своимъ подданнымъ конституцію; цензура уничтожается, полною амнистіею пользуются всѣ судимые за политическія мнѣнія, а всѣ политическіе преступники немедленно должны быть освобождены.“

„По всей Галиціи учреждается національная, гвардія для поддержанія спокойствія и порядка *противъ мятежныхъ крестьянъ* и *противъ врага* польскаго имени, — русскаго императора. Въ Галиціи утверждается національное правительство, и всѣ должности должны быть замѣнены природными поляками, а польскій языкъ введенъ во всѣ правительственныя мѣста и учебныя заведенія.“

Этотъ адресъ въ полномъ смыслѣ слова знаменателенъ. Онъ заключалъ всѣ планы къ утвержденію польской власти, всѣ замыслы къ дальнѣйшимъ затѣямъ, всѣ ихъ страхи, называя по имени тѣхъ, кого они считали опаснѣйшими противниками, и дерзкую увѣренность, что всякій долженъ читать этотъ актъ польскими глазами.

Дѣло пошло какъ по маслу; графъ Стадіонъ запретилъ полиціи мѣшаться въ *народныя удовольствія*, поляки стекались тысячами скрѣплять адресъ. Когда *Добржанскій* увидѣлъ что дѣло коновода не очень опасно, то, при этихъ ободрительныхъ обстоятельствахъ, ему нельзя было оставить портнаго въ главѣ движенія; онъ направился въ домъ *Кульчинскаго*, отобралъ у него челобитную и тетрадь съ подписями и перенесъ ихъ на площадь. Онъ обратился съ пламенною рѣчью къ народу, много толкуя о Польшѣ и о необходимости новаго порядка правленія.

Хотя графъ *Стадіонъ* и положилъ дать народу полную свободу, дабы собиравшіяся толпы могли выразить *свою волю и нужды*, но баронъ *Гаммерштейнъ* зналъ, что толпы народа—не заседающія палаты, а если и палаты увлекаются ловкими говорунами, то, не вѣдая, что у уличныхъ коноводовъ на умѣ, трудно предугадать, какое направленіе примутъ народныя собиравшіяся массы. Во всякомъ случаѣ, благоразумная мысль барона *Гаммерштейна* была—предупредить всякое событіе, которое могло бы подать поводъ къ неистовствамъ или другимъ тому подобнымъ происшествіямъ, которыхъ слѣдствіемъ могли быть запоздалыя раскаянія въ оплошности.

Исполняя генераль-губернаторское приказаніе—не препятствовать народу собираться, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ мѣры, которыя ему внушали его соображенія и чувства долга; онъ приказалъ вывести войска. Артиллерія выѣхала съ зараженными орудіями и зажженными фитилями, начальникъ войскъ разставилъ ихъ такъ, что хвостъ народной толпы не могъ въ одной непрерывной колоніи слѣдовать къ генераль-губернаторскому дворцу, за многочисленной депутаціей, въ главѣ которой шелъ *Добржанскій*, неся торжественно адресъ на имя императора.

Во дворцѣ онъ представилъ свою бумагу, съ тетрадью подписей, и съ рѣчью, въ которой излагалъ ея содержаніе. *Добржанскій*, твердо выучилъ всѣ придуманныя эмиграціе извороты для отуманенія умовъ и умноженія Панургова стада на пользу польской sprawy; онъ высказалъ ихъ графу *Стадіону*, многократно повторяя, что движеніе въ Галиціи не есть движе-

но враждебное правительству, но что поляки только хотятъ своей самостоятельности, національнаго своего развитія, своего возрожденія, возстановленія Польши, и хотятъ достигнуть всего этого, только идя рука объ руку съ Австріей, признавая въ ея императорѣ своего короля Польша, *польскою націею избраннаго*, за которымъ они, съ оружіемъ въ рукахъ, *повсюду* послѣдуютъ.

Не знаемъ, на сколько графъ Стадіонъ радовался, что, вмѣсто наслѣдственнаго, великаго княжества Галиціи, поляки на первыхъ же порахъ предлагали его монарху престолъ *избира- тельныхъ* королей польскихъ, не знаемъ былъ ли онъ доволенъ, что галиційскіе крестьяне, подписаннымъ поляками актомъ, были признаны *мятежниками*; и что въ челобитной указывалось императору, гдѣ это *всюду*, куда поляки за нимъ послѣдуютъ; но генераль-губернаторъ принялъ депутацію благосклонно. Онъ увѣрялъ ее въ своей симпатіи къ народу и къ законной свободѣ, вышелъ на балконъ, сказалъ, что адресъ онъ получилъ, препроводить его къ императору и въ заключеніе объявлялъ свободу политическимъ преступникамъ, которые на слѣдующій день будутъ выпущены. Громкіе возгласы привѣтствовали генераль-губернатора; расчувствовавшись народными ликованіями и тысячами провозглашаемыхъ ему виватовъ, онъ отдалъ приказаніе, не смотря на позднее время, немедленно выпустить нѣсколько заключенныхъ; народные виваты удесатерились; повторимъ при этомъ и мы слова одного изъ присутствовавшихъ тогда австрійскихъ военачальниковъ: „*посмотримъ, что изъ всего этого выйдетъ; между либералами и добрыми малыми (bon enfant) тысячу миль разстоянія.*“

„Иллюминацію, иллюминацію!“ кричали тысячи восторженныхъ голосовъ; окна облились огнями, коповоды немедленно собрали студентовъ и поручили имъ, исполняя присланную отъ эмиграціи программу, наблюдать за сохраненіемъ строгаго порядка и спокойствія, не допускать никакихъ скандаловъ, ни *винныхъ*, ни *революціонныхъ*.

Революціонеры Галиціи торжествовали; съ принятіемъ адреса, они надѣялись, что сельское населеніе попадетъ въ ихъ западню. Крестьянамъ не знающимъ ни административныхъ, ни дипломатическихъ тонкостей, они настойчиво толковали, что императоръ австрійскій уже сталъ королемъ польскимъ. Они проповѣдывали имъ, императоръ нынѣ король Польши, т. е. поляковъ, то вы, хлопцы, которые убивали паповъ, думая защищать его власть, теперь должны исполнять папскую волю. Озадаченному

населенію, по ихъ расчетамъ, оставалось только склонить шею и идти прямо въ протянутое ему ярмо; не доставало только національной гвардіи для поддержанія въ населеніи призрака надъ нимъ установившейся польской власти.

Не ожидая разрѣшенія на поданный адресъ, львовскіе горожане, подстрекаемые коноводами революціи, на слѣдующій день, — 20 марта начали вооружаться; *Добржанскій* говорилъ, что вѣнскія извѣстія удостовѣряютъ, что отказа ихъ адресу не будетъ. При недостаткѣ оружія, явились допотопные палаши и венгерскія кривыя сабли, которыми студенты щеголевато опоясались.

Университетъ обратился въ сущую казарму, во всѣхъ гимназіяхъ и школахъ ученики повели себя такъ, что нужно было запереть классы: ученикамъ было не до наукъ; призывали ихъ гражданскія обязанности, они трактовали о разрѣшеніи государственныхъ вопросовъ.

Одураченные студенты, подстрекаемые напоминаніемъ о ихъ призваніи—стать въ главѣ народа, послѣ обѣда, отправились къ графу *Стадіону* просить его объ оружіи для вступленія въ національную гвардію, хотя едва ли многіе изъ нихъ знали истинный смыслъ и цѣль коноводовъ. Популярный графъ самъ отправился въ университетъ, велѣлъ изъ императорскаго цейхауза принести оружіе и, раздавая студентамъ ружья со штыками и сумы съ боевыми патронами, внушалъ имъ, что ихъ прямой долгъ неослабно смотрѣть за общественнымъ спокойствіемъ, и быть столбами для поддержки благоразумной свободы. Едва генералъ-губернаторъ уѣхалъ изъ университета, какъ начались распри. Недостатокъ мундировъ, нужно было замѣнить какимъ либо другимъ отличіемъ, дабы всякій прохожій могъ отличить *народоваго гвардейца*; студенты находили, что, при всей ихъ доброй волѣ, ходить цѣлый день въ сумѣ чрезъ плечо и съ ружьемъ на плечѣ, было нѣсколько обременительно. Какъ студенты были только жалкими орудіями чужихъ затѣй, то они и не могли сговориться, и каждый тянулъ на свою сторону.

Воспитанцы революціонными коноводами, предложили надѣть трехцвѣтную кокарду; другіе возразили, что эта кокарда—эмблема революціи, а они хотятъ императора Фердинанда посадить на польскій престолъ, слѣдовательно кокарда должна быть изъ цвѣтовъ древнихъ польскихъ, бѣлаго и амарантоваго; „Еще польска не сгинула“ раздавалось со всѣхъ сторонъ; евреи—студенты соглашались; но въ это время раздались новые возгласы: „Мы не хотимъ польскихъ цвѣтовъ, кричали русины и нѣмцы, да

здравствуетъ конституціонный король Фердинандъ. Споры были готовы обратиться въ драку, и студенты, по свидѣтельству одного присутствующаго, подрались бы непременно, если бы было можно дѣйствовать кулаками, но руки были заняты ружьями. Въ эти критическія минуты кто-то подогадливѣ примирилъ враговъ. „Да будетъ кокарда бѣлая“, воскликнулъ онъ; „бѣлый цвѣтъ, цвѣтъ свободы, мира, просвѣщенія и согласія.“ Согласіе водворилось и, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, всѣ львовскія дамы усидчиво трудились надъ приготовленіемъ бѣлыхъ кокардъ; вечеромъ патрули студентовъ *народовой* гвардіи уже всѣ были при бѣлыхъ кокардахъ; назначенные офицерами опоясались полотенцами, за недостаткомъ бѣлыхъ шарфовъ; толпа учениковъ бѣгла за патрулями, улицы освѣщали, чтобы налюбоваться вновь импровизованною городскою стражею и уличнымъ маскарадомъ. Кромѣ войскъ, предугадывавшихъ развязку, все казалось въ восторгѣ.

Слѣдующій день, 21 марта, былъ назначенъ генераль-губернаторомъ для раздачи оружія прочимъ гражданамъ, для службы *народовой* гвардіи; отъ каждаго требовалась предъ выдачею подписка, что онъ будетъ *употреблять оружіе только противъ враговъ отечества*. Хотя всякій могъ давать такое толкованіе этому выраженію, какое желалъ, но какъ у предусмотрительныхъ возникли опасенія, что толковать его станутъ не одни сочувствующіе журналисты, а также можетъ быть и уголовные суды, то многіе стѣснялись подпискою. Коноводы не зѣвали. Съ утра уже, кромѣ бѣлыхъ, начали являться и польскія кокарды, появились конфедератки на мущинахъ и на дамахъ; тогда руссины и нѣмцы стали еще болѣе коситься на полковъ и обратно; у ратуши стали собираться полчища и наполнять ея залу. На сцену выступилъ одинъ руссинъ и объявилъ, что руссинскій языкъ вовсе не нарѣчіе польскаго, и что руссины вовсе не принадлежать къ польской націи; онъ потребовалъ для восточной Галиціи полное признаніе ея національности, языка и правъ. Поляки съ бѣшенствомъ кинулись на оратора и чрезъ окно хотѣли его вышвырнуть на мостовую; студенты, его земляки, вступились и съ поддержкою нѣсколькихъ студентовъ поляковъ, такъ называемой бѣлой партіи, сохранившихъ бѣлую кокарду, за него заступились и съ трудомъ его высвободили. Но съ выводомъ руссина спокойствіе не возстановилось. Коноводамъ надо было дѣйствовать, переработать населеніе къ неуваженію и не боязни законныхъ властей; они пускали въ толпу заявленія, что генераль-губернаторъ

долженъ безъ всякихъ росписокъ выдавать оружіе, и не имѣть права никого стѣснять, что никакихъ подобныхъ стѣсненій не было въ Вѣнѣ. Оружія, оружія! раздавалось въ ратушѣ и на площади; *Гаммерштейнъ* приказалъ выводить войска на улицы. *Добржанскій* въ главѣ народной массы повелъ ее къ генераль-губернаторскому дворцу. „Народъ требуетъ, сказали онъ графу *Стадіону*, чтобы войска были обезоружены, иноплеменные полки были возвращены на свою родину, галичане распущены по домамъ, а отобранное оружіе должно быть роздано народу для поддержанія общественнаго порядка.“

Популярному генераль-губернатору пришлось отказать требованію народа, и выпроводивъ *Добржанскаго* отдать приказаніе, чтобы къ нему впредь никого посторонняго не пускали. Тогда *Добржанскій* ярыми словами объявилъ толпѣ, что графъ *Стадіонъ* противится исполнить волю народа, коноводы были уже разставлены въ надлежащихъ мѣстахъ и подали сигналъ къ неистовымъ крикамъ. Выведенныя войска примкнули штыки въ присутствіи грозно смотрѣвшихъ массъ. *Добржанскому* было необходимо на свободѣ сосчитать силы, на которыя онъ могъ располагать, онъ повелъ толпы за городъ, отдѣлялъ вооруженныхъ отъ невооруженныхъ, тѣхъ и другихъ отставные офицеры, эмигранты и туземцы, разбили на роты и на взводы и поставивъ въ ряды, торжественно привелъ обратно въ городъ, громко распевая: Еще Польша не сгинела.“ Въ взводы, построенные гимназисты, ученики и разные мальчики городского населенія маршировали въ хвостъ колонны и заключали шествіе мимо войскъ, стоявшихъ еще въ ружьѣ.

Добржанскій, найдя на произведенномъ имъ смотрѣ, число увлеченныхъ удовлетворительнымъ, привелъ толпы на площадь предъ ратушей, и повелъ исполненіе программы далѣе. Онъ снова обратился съ неукротимою рѣчью къ народу: „правительственныя власти идутъ наперекоръ благимъ предначертаніямъ; народъ долженъ имѣть своихъ представителей, свою власть, своихъ совѣтниковъ, своихъ охранителей его правъ и свободы. Онъ предложилъ немедленно, не расходясь, избрать *раду народова*, изъ людей, которыхъ народъ знаетъ и которымъ онъ довѣряетъ. Суфлеры заняли приличные мѣста, съ цѣлью провозгласить уже *назначенныхъ* эмиграціею, дабы не могъ повториться промахъ сдѣланный въ Краковѣ въ 1846 году, когда былъ избранъ безъ подобныхъ руководящихъ мѣръ, графъ *Водзицкій*.“ Рада народова была избрана, въ главѣ ея былъ поставленъ *Добржанскій*. Новою рѣчью *Добржанскій* благодарилъ сограж-

данъ *за довір'є* и заключилъ ее словами: „Моя голова, моя кровь, все что я называю моимъ принадлежитъ Польшѣ, принадлежитъ народу, принадлежитъ ойчизнѣ.“ Толпа разошлась самодовольною и торжествующею.

Для подготовленія городского населенія къ мятежнымъ волненіямъ и дабы приучить его къ неповиновенію и бунту, демонстраціи слѣдовали за демонстраціями; на другой день лозунгомъ для львовскаго населенія былъ: „*Теофилъ Вишневецкій*“ и толпы горожанъ всѣхъ сословій устремлялись па то мѣсто, гдѣ преступникъ 1846 года былъ повѣшенъ. Дамы являлись въ полномъ траурѣ, мужчины съ флеромъ на шляпахъ и шапкахъ, религіозныя процессіи смѣняли одна другую. Обратился было графъ *Стадіонъ* къ почетнѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ горожанамъ, тѣ сухо отвѣчали, что они безсильны удержать порывы народныхъ влеченій и симпатій. По трактирамъ, по виннымъ погребамъ, по мастерскимъ заговорщики ходили въ платьяхъ работниковъ и возбуждали народъ, провосглашали объ угнетеніи простаго народа и, распаляли его воображеніе разными картинами благоденствія при социальномъ, равноправномъ общественномъ устройствѣ.

Графъ *Стадіонъ* запретилъ сборища на мѣстѣ казни;— заговорщики ему отвѣтили, прибывая на уличныхъ перекресткахъ плакаты съ надписями: „*Графъ Стадіонъ измѣнникъ,*“ „*графъ Стадіонъ предатель,*“ „*графъ Стадіонъ второй Суворовъ.*“

При явномъ разрывѣ львовцевъ съ властями, руссины и нѣмцы начали прозрѣвать сквозь туманъ, нагоняемый съ запада тогдашнею журналистикою, стали догадываться въ чемъ было дѣло, стали догадываться, что всѣ затѣи въ сущности чисто *польскія*, а потому и начали отставать отъ демонстрацій; но какъ Львовъ хотя, лежитъ и въ восточной Галиціи, но его жители, равно какъ и жители другихъ городовъ Галиціи, преимущественно поляки, ополяченные, да жидаы, то революціонная партія едва почувствовала выступленіе племенныхъ изъ польскихъ рядовъ.

Графъ *Стадіонъ*, выведенный изъ терпѣнія дерзостями и продѣлками самозванца-правительства,— *рады народной*, приказалъ ей разойтись и объявилъ, что если онъ о ней услышитъ впредь, то съ ослушниками поступитъ рѣшительно; противъ сборищъ приняты были также рѣшительныя мѣры; тѣмъ болѣе успѣшныя, что самому городскому населенію начало надобдаться ежедневное повтореніе одного и того же и въ сосѣдней

Познани дѣла пошли скверно— *Мѣрославскій* бѣжалъ, *Добржанскій* ждалъ новыхъ инструкцій отъ парижской централизаціи—умы казались успокоивались.

Подготовленіе населенія города Львова, избраннаго революціонерами, центромъ ихъ дѣятельности въ Галиціи, повторялось и въ другихъ ея городахъ; и тѣми же манифестаціями и демонстраціями производилось новое воспитаніе народа, согласно указаній эмиграціи, только въ меньшихъ размѣрахъ. 1846 годъ практически указалъ, что съ сельскимъ населеніемъ, не смотря на все усиліе помѣщиковъ, нельзя обращаться очертя голову и что для митежа галиційскихъ крестьянъ требуются болѣе замысловатыя средства. По мнѣнію вожаковъ революціоннаго дѣла, адресъ о приглашеніи императора Фердинанда въ польскіе короли долженъ былъ разрѣшить и эту задачу, кромѣ тѣхъ дальнѣйшихъ дипломатическихъ видовъ, съ которыми было сопряжено это приглашеніе.

Пока демонстраціи волновали народъ въ Львовѣ, въ селахъ агенты не зѣвали. Свою комбинацію о непремѣнномъ послушаніи полякамъ, такъ какъ по ихъ увѣреніямъ императоръ сталъ королемъ Польши, они настойчиво хотѣли утвердить между крестьянами, указывая на льготныя грамоты имъ полякамъ отъ императора присланныя; крестьяне не вѣрили, но когда съ освобожденіемъ политическихъ преступниковъ помѣщики, дѣтели 1846 года, стали одинъ за другимъ возвращаться къ своимъ помѣстьямъ, и прямо вступили въ свои права и владѣнія, и когда, кромѣ того, по городамъ и селеніямъ начали бродить вооруженныя толпы пѣшія и конныя, называя себя народовыми гвардейцами, учрежденными правительствомъ, тогда крестьяне пришли въ недоумѣніе; они стали посылать выборныхъ изъ деревень къ мѣстнымъ властямъ, узнать правда ли что императоръ сталъ королемъ польскимъ; мѣстнымъ властямъ трудно было разъяснять всѣ вѣнскія и мѣстныя событія, тѣмъ болѣе что онѣ и сами становились въ тупикъ и мало что въ нихъ понимали: онѣ отдѣлывались какъ могли, и совѣтовали ждать терпѣливо, покуда придутъ новыя приказанія изъ Вѣны. Здравый смыслъ помочь крестьянамъ; они положили на сходкахъ полякамъ не вѣрить, отъ нихъ никакихъ льготъ не принимать и ждать что имъ объявятъ мѣстныя власти. Когда до свѣдѣнія графа Стадіона дошло, что національныя гвардейцы стали являться по всей Галиціи, то онъ, видя что дѣла заходятъ далеко объявилъ для всеобщаго свѣдѣнія всѣхъ и cadaго, что

онъ [разрѣшилъ] національную [гвардію только для города Льва-ва, а за тѣмъ, если кто вооруженнымъ появится внѣ указан-наго города, то будетъ взятъ мѣстною властью и наказанъ. Страхъ расправы крестьянъ, блюстителей исполненія прави-тельственныхъ распоряженій, прекратилъ по усадьбамъ обра-зование, а по деревнямъ появленіе гвардіи народной.

Верховные коноводы проживали безопасно или за границею, или, если и на мѣстахъ, то скрытыми, соображеніями *Буона-роти*, въ высокой сферѣ нижними слоями революціонной іерар-хіи; низшіе же слуги рисковали казематами; были своего рода охотники, рисковавшіе своими головами, подвизаясь на улич-ныхъ бояхъ, а въ роли *Добржанскихъ* попадали фанатики, которыхъ польская эмиграція искала и вписывала внимательно на особый списокъ.

Со всѣмъ въ другое положеніе были поставлены помѣщики. Имена всѣхъ ревизителей были хорошо извѣстны эмиграціи, тамъ были и тайные списки и живые біографическіе для нихъ слова-ри. Въ польской эмиграціи тщательно собирались свѣдѣнія о по-жертвованіяхъ, взносахъ, патріотическихъ обѣщаніяхъ, заявле-ніяхъ, рѣчахъ каждаго; въ минуту опасности перебѣжчика въ чу-жой лагерь могли ожидать ядъ, кинжалъ или пуля подосланна-го фанатика. Попадъ однажды въ сѣти эмиграціи изъ нее нельзя было уже вырваться, а послѣ рѣзни 1846 года, помѣщики поняли новаго рода опасность, а эта опасность грозно подымалась надъ ними, когда новыя распоряженія изъ Парижа имъ повѣстили, что главы всѣхъ партій польской эмиграціи рѣшили весною 1848 года начать дѣло снова. Для успенія дѣла обратимся нѣсколько назадъ.

Польское дворянство сумѣло дать въ Вѣнѣ такой поворотъ крестьянскому положенію, составленному подъ руководствомъ графа Рудольфа Стадіона въ 1846 году, что манифестъ отъ 15 декабря ни на шагъ не подвинулъ крестьянскій вопросъ впередъ. Ближайшее устройство отношеній помѣщиковъ съ крестьянами было въ Вѣнѣ предоставлено *добровольному соглашенію*. Но за то чѣмъ ближе подходило время къ мятежу, тѣмъ болѣе рос-ла лихорадка у пановъ, жившихъ по усадьбамъ. Еще зимою они стали съѣзжаться для совѣщаній, но у крестьянъ, приняв-шихъ на себя однажды обязанность смотрѣть за помѣщиками въ оба, пошли новые толки. Испуганные помѣщики перестали съѣзжаться по усадьбамъ, но положили собраться въ г. Тарновъ. На этомъ съѣздѣ, они постановили принять парламентскія формы

для совѣщаній и избрали князя Сангушко своимъ президентомъ. Президентъ открылъ собраніе, объявилъ что въ Галиціи до тѣхъ поръ никто не можетъ быть увѣренъ ни въ своей жизни, ни въ своей собственности, пока сохранится барщина, но какъ все хозяйства имѣли барщинный трудъ въ основаніи, то на устахъ всехъ ораторовъ являлись слова: „соотвѣтствующее вознагражденіе.“

Извортливостъ польской интриги ясно обрисовывается въ тарновскихъ совѣщаніяхъ землевладѣльцевъ. Они были поставлены между австрійскимъ правительствомъ и страхомъ повторенія крестьянской рѣзни, между требованіями эмиграціи и своими личными экономическими расчетами, между своими шляхетными традиціями и надеждами удовкою, возстановивъ крестьянъ противъ австрійскаго правительства, привлечь ихъ на сторону шляхетской польской sprawy. По манифесту 15 декабря 1846 года, землевладѣльцы могли вступать во всякія зѣлки съ крестьянами по обоюдному согласію и безъ новаго адреса; но панамъ хотѣлось оброка въ такихъ размѣрахъ что они не могли надѣяться на добровольное соглашеніе.

Большинствомъ голосовъ собраніе приняло обратиться къ Императору съ адресомъ, о сохраненіи земли за помѣщиками, съ замѣною барщины оброкомъ. Паны составили новую комбинацію. Они въ адресѣ своимъ домогательствамъ хотѣли дать видъ новыхъ пожертвованій въ пользу крестьянъ и за эти жертвованія въ томъ же адресѣ они испрашивали: „1) объ энергическихъ мѣрахъ со стороны правительства къ сохраненію полнаго спокойствія и безопасности въ краѣ и 2) о замѣнѣ всехъ должностныхъ поляками.“

Въ виду подготавливаемыхъ событій Ламберовъ отелъ, внимательно слѣдилъ за всеми случаями края, и отъ него пришелъ совѣтъ, подписавшимъ тарновскій адресъ подарить барщину крестьянамъ или, на самыхъ снисходительныхъ условіяхъ, взойти съ ними въ соглашеніе, такъ какъ барщина должна быть скоро прекращена, вслѣдствіе адреса поданнаго княземъ Сангушко и сколько Ламберовскому отелю извѣстно, размѣры оброковъ положенныхъ на крестьянъ будутъ самые умѣренные.

Зима была на исходѣ; демонстраціи, начавшіяся въ Львовѣ освѣжали воспоминанія 1846 г. и краснорѣчиво поддержали совѣты князя Адама, если не у всехъ, то по крайней мѣрѣ между тѣми, которые не рассчитывали, что, въ случаѣ крутого поворота, успѣютъ спастись въ города. Человѣкъ 100 помѣщиковъ, преимущественно

изъ мелкопомѣстныхъ, рѣшились подарить крестьянамъ барщину, но крестьяне положительно отказались, говоря, что только отъ одного императора они примутъ милости, что онъ одинъ имѣетъ на то право. Слѣдующій разсказъ можетъ показать какъ паны обуславливали свои милости.

Одна помѣщица приказала собраться крестьянамъ и вразумительною рѣчью старалась имъ пояснить о зарѣ новой жизни Польши и Австріи, что императоръ австрійскій сталъ теперь королемъ Польши, а потому все поляки должны вооружиться, чтобы завоевать обратно польскія области, находящіяся во вражескихъ рукахъ; а дабы они, крестьяне, могли также чувствовать какъ и дворяне, необходимость возстановить Польшу въ прежнихъ ея границахъ, то помѣщики опредѣлили подарить имъ барщину, видя въ нихъ своихъ братьевъ и согражданъ; они же крестьяне, какъ истинные граждане, должны вооружиться и стать подъ начальство дворянъ. Крестьяне мигнули своему судѣ выйти впередъ и дать отвѣтъ; барыня изъ принесенной корзины кокардъ вынула двѣ и въ знакъ соединенія дворянства съ крестьянами, одну припилила на себя, другую хотѣла возложить на крестьянина-судью, но тотъ воспротивился; это не вѣрно, сказалъ онъ, это ваша польская кокарда, а императорская черная съ желтымъ.

— Да развѣ вы меня не поняли, продолжала барыня, императоръ теперь король польскій.

— Мы объ этомъ еще изъ окружнаго правленія ничего не получили, а надъ нимъ все виситъ прежній орелъ, а не вашъ польскій.

— Польскій орелъ долженъ быть и вашимъ орломъ; мы все теперь поляки, дворяне и крестьяне.

— Мы не поляки, коротко отвѣчалъ судья.

— Такъ кто же поляки? спросила барыня.

— Милостивая государыня, поляки это вы, которые живете по городамъ, а мы, крестьяне, да солдаты, да чиновники и вѣмцы, мы все *аустріяки*.

— Да развѣ вы меня не слыхали; вы избавляетесь отъ барщины, потому что вы поляки.

— Отъ барщины насъ можетъ избавить только одинъ императоръ.

Управляющій замѣтивъ, что барыня разгорячилась, а крестьяне на ея невольныя рѣчи стали коситься, взялъ ее подъ руку и увелъ въ хоромы. Во всеобщей радости галиційскихъ

крестьянъ 11 апрѣля 1848 года постановленіе о прекращеніи барщины было подписано и крестьяне были сдѣланы собственниками, что графъ *Стадіонъ* немедленно разослалъ по всѣмъ округамъ для торжественнаго объявленія. Крестьяне приняли эту милость, какъ даръ отъ императора, твердо убѣжденные, что поляки кромѣ зла для нихъ ничего не творили.

Въ то время появилась въ Львовѣ каррикатура, съ замѣчательнымъ сходствомъ лицъ. Помѣщики были изображены представленными торжественною группою представителей дворянства съ важными, но нахмуренными фізіономіями; чиновники окружныхъ управленій ихъ раздѣляютъ, а графъ *Стадіонъ* разбрасываетъ ситыя платья толпѣ оборванныхъ крестьянъ. Среди пасмурныхъ дворянскихъ фізіономій, одинъ только изображенъ насмѣшливо улыбающимся—это былъ всѣмъ знакомый, богатый баринъ, за годъ предъ тѣмъ продавшій всѣ свои имѣнія.

Крестьянское дѣло устроилось, крестьяне были довольны на сколько человекъ можетъ быть доволенъ: „кабы еще *лѣсу, да луговъ*, говорилъ крестьянинъ Галиціи. *Лѣсу да луговъ* (Wald und Wiesen) кричали австрійскія мѣстныя власти, дабы освободить окончательно крестьянина отъ вреднаго *панскаго* вліянія.

Вслѣдствіе мартовской императорской грамоты въ Вѣну должны были собираться выборные государственнаго сейма, туда отправились изъ Галиціи представители всѣхъ сословій, графъ *Стадіонъ* самъ повезъ своихъ выборныхъ отъ крестьянъ.

Съ насмѣшкою ожидали высокіе паны какую роль станутъ разыгрывать крестьяне на императорскомъ сеймѣ, какія тамъ станутъ держать рѣчи. Рѣчь крестьянина *Ивана Капучака* была одна изъ замѣчательнѣйшихъ сейма 1848 года, она произвела глубокое впечатлѣніе. Когда шли рѣшія о вознагражденіяхъ галиційскаго дворянства за пожертвованную ими барщину *Капучакъ* былъ призванъ къ слову. Этотъ моментъ отлѣчно охарактеризовалъ партіи. Когда *Капучакъ* всходилъ на трибуну депутаты лѣвой стороны его провожали съ насмѣшливыми улыбками, нѣмецкіе ультра демократы и польскіе паны, съ высокими вопрошающими фізіономіями ждали, что скажетъ изъ ряда простаго народа присланный мужикъ. Рѣчь *Капучака* рукою мастера очертила положеніе дѣла и познакомила разноплеменныхъ землевладѣльцевъ австрійской имперіи, какъ помѣщиковъ Галиціи, развитый старою и новою польскою интеллигенціею, въ затаенныхъ углахъ, обращался съ лично свободнымъ мужикомъ. Приведемъ изъ нея краткія извлеченія.

Установивъ вопросъ, что вознагражденія должны быть соразмѣрны съ лишеніями дѣлаемыми поневолѣ, крестьянинъ-ораторъ продолжалъ: „Помѣщики имѣли право на законномъ установленную барщину, но развѣ они ею довольствовались? Нѣтъ, и сто разъ нѣтъ? Когда намъ три, четыре дня работы, случилось и цѣлую недѣлю, защищивали за одинъ день барщины, спрашиваю васъ господа, одинъ ли помѣщикъ имѣетъ право на вознагражденія.“

„Здѣсь говорятъ, помѣщикъ за то всегда съ любовью обращался съ крестьянами. Правда та, что насъ паны угощали послѣ недѣльной работы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; они заковывали насъ въ желѣза и запирали въ хлѣвъ, чтобы по буднямъ работа лучше шла.“

„Здѣсь говорятъ помѣщики челоуѣколюбивы. Правда та, что они усталого ободряли къ работѣ плетью, а придетъ кто съ просьбою, что скотина захворала, на работу вытѣхать не на чемъ, что слышалъ онъ: виляги себя самаго да приляги жену, или иначе, полицейскій! вытолкай его въ шею, а помѣщикъ, у меня деньги есть, я за тебя постою.“

„Здѣсь говорятъ: помѣщики защищали права и имущества крестьянъ, да въ чемъ же? развѣ тѣмъ, что сегодня у одного отберутъ кусокъ поля, а завтра у другого кусокъ сѣнокоса или выгона.“

Пока графъ Стадіонъ былъ въ Вѣнѣ, должность его временно исполнялъ, такъ называемый президентъ Галиціи, графъ Аженоръ *Голуховскій*.

Графъ *Голуховскій* былъ искони преданный австрійскому правительству, выслужившійся чиновникъ, никогда онъ ни въ какія польскія дразги не вмѣшивался, все время своего служенія хлопоталъ объ искреннемъ сліянніи поляковъ съ правительствомъ, но успѣвалъ мало въ борьбѣ съ шляхетскими традиціями, поддерживаемыми сперва національными стремленіями въ Царствѣ Польскомъ, а потомъ польскою эмиграціею. Поляки въ своихъ затѣяхъ поняли невозможность сбѣжать съ пути *Голуховскаго* и тѣхъ немногихъ ему подобныхъ, которые хотѣли ему подражать, и оставили ихъ наконецъ въ покоѣ. При всемъ томъ графъ *Голуховскій* былъ полякъ и какъ таковой *кокетничалъ*, какъ выражались австрійцы, съ своими земляками; въ борьбѣ долга и своихъ убѣжденій съ сердечными шляхетскими влеченіями послѣдніе взяли верхъ и, слабохарактерный, онъ убаюкивалъ себя надеждою всего достигнуть добрыми словами. При

графъ Голуховскомъ, лѣтомъ 1848 года, дозволенная Стадіономъ *народова гвардія*, подъ глазами австрійцевъ, стала преобразовываться въ настоящее польское войско; по французскому уставу, масса набѣжавшихъ эмигрантовъ, подчиненная тайно укрывавшемуся *Высоцкому*, обучала этотъ корпусъ, всѣмъ тонкостямъ эволюцій пѣхотнаго и коннаго строя. Явилось отличное оружіе и превосходные кони, красявые мундиры еще болѣе привлекали желающихъ и въ Львовѣ число національныхъ гвардейцевъ перешло за 10,000 человекъ. Выѣтъ съ тѣмъ, хотя графъ *Стадіонъ* строго запретилъ устроить гдѣ либо въ Львовѣ *гвардію народовую*; но графъ *Голуховскій* до того ослабилъ взысканія, что только страхъ крестьянскаго надзора, недопускалъ никакихъ вооруженныхъ сборищъ по усадьбамъ; города же, на перерывъ одинъ предъ другими соперничали быстротою и качествами организировація національныхъ гвардейцевъ.

Старикъ генералъ *Дверницкій*, давно уже покончилъ свою роль эмигранта съ графомъ *Ледуховскимъ* въ Парижѣ и давно проживалъ мирнымъ помѣщикомъ въ Галиціи. По приглашенію старыхъ друзей польской эмиграціи, онъ снова явился въ мундирѣ и производилъ формальные смотры частямъ галиційской *гвардіи народной*. Старикъ *Дверницкій* игралъ въ генераль-инспектора польской арміи, а роль польской арміи разыгрывала народова галиційская гвардія, которая боялась крестьянъ, но не боялась австрійскихъ властей, представляемыхъ *Голуховскимъ*. Чѣмъ болѣе революціонеры чувствовали возрастаніе своихъ силъ, тѣмъ при мягкомъ *Голуховскомъ*, они выступали съ болѣею смѣлостью, и наконецъ съ нахальствомъ, противъ австрійскихъ войскъ. Не было границъ оскорбленій наносимыхъ офицерамъ и солдатамъ; положеніе австрійцевъ, удерживаемыхъ въ границахъ терпѣнія силою дисциплины, стало едва выносимымъ, особенно, когда событіями въ Краковѣ и Прагѣ, въ Галицію нагрянули новыя массы эмигрантовъ.

Сначала 1848 года Краковъ началъ наполняться эмигрантами, прибывающими подъ фальшивыми паспортами; тогда начались тайные сборы денегъ на заготовленіе оружія, обязанность возложенную эмиграціею на самыхъ красивыхъ дамъ краковскаго общества. Внескія событія заставили обратить вниманіе окружнаго начальника барона Крнга на усиливающееся число заграничныхъ пріѣзжихъ; онъ принялъ крутую мѣру и запретилъ пропускать чрезъ границу французскихъ и англійскихъ путешественниковъ безъ предварительныхъ справокъ; онъ от-

казалъ также просьбѣ краковянъ пропустить оружіе, ими выписанное для предстоящаго устройства, по всеѣмъ австрійскимъ областямъ съ соизволенія правительства, разрѣшенной *гвардіи народовой*. Коноводы видѣли, что при распоряженіяхъ Крига дѣла въ Краковѣ, которымъ эмиграція предназначала особое значеніе, принимаютъ плохой поворотъ. При извѣстіяхъ объ успѣхѣхъ революціоннаго дѣла въ Вѣнѣ, подготовленная партія должна была заявить себя демонстраціями и вооруженною, быть готовою дать отпоръ, въ случаѣ надобности, мѣстной власти; но давно во всеѣхъ газетахъ уже были напечатаны Вѣскія событія 13 марта, а противными мѣрами барона Крига, сотня эмигрантовъ и ящики съ оружіемъ ждали пропуска на границѣ; командующій же войсками въ Краковѣ, графъ *Кастиліони* съ своей стороны положительно недопускалъ никакихъ сборищъ. Революціонеры по приказанію полученному изъ Познани отъ *Млрославскаго*, рѣшились на крайнее средство, они ворвались 25 апрѣля въ домъ барона Крига, съ приставленнымъ къ груди пистолетомъ заставляли его подписать разрѣшеніе на пропускъ эмигрантовъ и ружей. Къ слѣдующему дню, ружья были уже въ городѣ и городъ былъ оковчательно приготовленъ къ возстанію; подъ руководствомъ опытныхъ въ этомъ дѣлѣ эмигрантовъ. Улицы Кракова мгновенно были пересѣчены баррикадами, по всеѣмъ усовершенствованнымъ правиламъ барикаднаго искусства, съ взаимною обороною, и съ приспособленіемъ соседнихъ домовъ къ оборонѣ. Бойцы ждали не долго, барабаны загремѣли, графъ *Кастиліони* лично повелъ баталіонъ на приступъ, но потеря въ людяхъ незримыми выстрѣлами изъ оконъ и изъ за баррикадъ заставила его отступить; графъ *Кастиліони* однако не далъ времени противникамъ торжествовать по обыкновенію побѣду; возвратясь въ Краковскій замокъ, онъ тотчасъ приказалъ бомбардировать городъ. Испуганные Краковцы просили пощады, *Кастиліони* потребовалъ немедленнаго удаленія эмигрантовъ и обезоруженія *гвардіи народовой*. Жители знали генерала и неприкословили.

Вожаки польской эмиграціи направили тогда своихъ Краковскихъ бойцевъ на Прагу.

Въ то время когда для своихъ замысловъ европейскіе революціонеры разыгрывали свои мотивы на громкихъ струнахъ національностей, когда ихъ усиліями броженіе развилось въ разноплеменныхъ областяхъ австрійской имперіи, славяне, въ виду сѣвцовъ и совѣщаній мадіаровъ и нѣмцевъ, по совѣтамъ

эмиграціи, положили въ маѣ мѣсяцѣ собраться въ Прагѣ. Этотъ славянскій конгрессъ былъ слишкомъ важенъ для поляковъ, чтобы всѣ партіи эмиграціи не старались вмѣстѣ на немъ своихъ самыхъ почетныхъ сторонниковъ. Поляки подъ своими и чужими паспортами съѣзжались въ Прагу, прибылъ графъ *Любомирскій* магнатъ Галиціи, прибылъ докторъ *Либельтъ* другъ *Мѣрославскаго* верховный руководитель мѣстныхъ революціонеровъ *Познани* въ приготовленіяхъ къ мятежу 1846 года; Львовская рада народоваѣ также прислала своего члена *Карла Мамыши*. Чехи, Кроаты, Словаки, Сербѣ назначили своихъ представителей для конгресса; самозванцемъ—представителемъ Россіи, явился изъ Парижа, проживавшій за границею отставной офицеръ, нѣкто *Бакунинъ*. Какъ первый, совершенно съ панталыку сбившійся русскій, *Бакунинъ* былъ восторженно принятъ европейскими революціонерами, ими включенъ въ число мужей верховнаго ареопага, и по отзывамъ революціонныхъ журналовъ, признанъ тоже великимъ ревнителемъ благоденствія человечества. Видя себя однимъ изъ русскихъ, *Бакунинъ* тѣмъ съ большею яростію подвизался какъ на конференціяхъ Прагскихъ, такъ и среди имъ устроеннаго уличнаго боя въ Дрезденѣ. Вѣрнымъ союзникомъ польской эмиграціи, онъ приобрѣлъ извѣстность ни въ чемъ не уступающую ни *Кошуту*, ни *Мѣрославскому*.

Въ теченіи всего мая, гости собирались въ Прагѣ. 2-го іюня конгрессъ былъ торжественно открытъ шествіемъ, поляки сдѣлали собранію сюрпризъ; одинъ эмигрантъ явился въ процессіи съ знаменемъ въ рукахъ, имъ названнымъ *Славянскимъ*. Поляки, ведя свое собственное дѣло, особенно старались проводить въ своихъ рѣчахъ то понятіе, что славяне не должны терпѣть чтобы Австрія подчинилась бы какой либо иноземной власти; слова эти были пущены по адресу къ *Франкфуртскому сейму*, на которомъ нѣмцы были не *Бакунины* и въ своихъ національныхъ стремленіяхъ, неучтиво сталкивали съ большой дороги стремленія польской эмиграціи, не обращая вниманія на всѣ заявленія симпатіи поляковъ къ благоденствію и преуспѣянію Германіи.

Масса бойцевъ эмиграціи, посланныхъ изъ Кракова, проживала въ Прагѣ, во все не для ораторскихъ упражненій. Чтобы пустить корни и найти мѣстную поддержку, они бинулись окончательно обрабатывать давно подготовляемыхъ студентовъ, убѣж-

дали ихъ, что время демонстрацій миновалось, и что теперь, въ виду положенія Европы, надо дѣйствовать.

10-го іюня студенты отправились къ начальнику войскъ *Виндшигрецу* и потребовали отъ него оружія, патроновъ и пушекъ для національной гвардіи; на его отказъ воздвиглись баррикады; эмигранты, поляки, студенты, городская молодежь и чернь подняли мятежъ; но съ пожаромъ городскихъ мѣльницъ прошелъ революціонный пылъ и поляки, видя общій упадокъ духа, не дождались развязки „Здѣсь намъ болѣе нечего дѣлать, провозглашали поляки, и вся ватага поспѣшно оставя городъ, пустилась пробираться въ Галицію.

Польская эмиграція замышляла въ затаенныхъ своихъ мечтахъ революціонною драмою переполошить всю Европу а ея развязкою предполагалось возстановить Польшу, и усилить ее западными славянскими племенами, и при этомъ отторгнуть отъ Россіи ея западныя губерніи до Пскова и Кіева, а кто знаетъ можетъ быть и далѣе; Волга и Уралъ покрайней мѣрѣ являлись нерѣдко на польскихъ устахъ и подъ польскими перьями. Вновь созданная Польша должна была явиться могучимъ государствомъ, представительницею славянскаго міра, преемницею Россіи на упраздненномъ ею мѣстѣ въ системѣ европейскихъ государствъ. Россіи, вытѣсненной изъ европейской семьи, предоставлялось сноситься съ Азіею, только скандинавскія державы должны были ей оставить Бѣлое море для снабженія Англіи по сѣверо-двинскимъ притокамъ, лѣсомъ, смолою, дегтемъ и пенькою; Россіи оставались также берега Каспійскаго моря, по которому она могла сноситься съ Монголіей и Бухарой.

Эта программа мечтаній польской эмиграціи, журналистикою проводилась для назиданія Европы; оставалось привести планы въ исполненіе. Первый актъ драмы 1848 года былъ разыгранъ; во время лѣтняго сезона пришлось сбавить многое изъ первоначальныхъ проектовъ.

ГЛАВА 9-я.

Настроение умовъ послѣ весеннихъ событій 1848 года.— Любезности къ полякамъ.— Князь Чарторыйскій въ Познаніи.— Польскіе протесты и разочарованіе.— Трудное положеніе Австріи.— Положеніе Галиціи въ теченіи лѣта.— Возобновленіе мятежей въ Вѣнѣ и въ Львовѣ.— Участіе поляковъ въ возстаніи венгерскомъ.— Мнѣніе Высоцкаго о его землякахъ.

Польская эмиграція, для своей литературы и разныхъ рѣчей общественныхъ и палатныхъ, не стѣнялась называть совершившимися фактами, удачными и даже блистательными, событія или никогда небывалыя, или ею переначенныя; впрочемъ нужно сказать, что въ началѣ мятежей 1848 года, эмиграція могла похвалиться кое какими успѣхами. Польскіе эмигранты вездѣ являлись самыми ретивыми дѣятелями и для науки революцій выработали многія данныя:

1) 1846 годъ указалъ невѣрность расчѣта на сельское населеніе, но за то 1848 годъ указалъ что вожаки не ошиблись, полагая, что уличные беспорядки скорѣе всего могутъ привлечь къ ролямъ бойцевъ учащаяся молодежь и сословіе мастеровыхъ.

2) Сельское населеніе, даже и при сосѣдствѣ взволнованныхъ городовъ, оказывало явное свое несочувствіе къ разгулу своеволія.

3) Польскіе эмигранты особенно могли похвалиться слѣдующими успѣхами въ исполненіи предначертанія ареопага

а), заставъ мѣстныхъ власти врасплохъ, они успѣли временно разшатать значеніе законной власти, во время пароксизма безбездначія и б) успѣли утвердить свою революціонную власть, которая должна бала войти въ борьбу съ законною.

Но, съ другой стороны, революціонныя затѣи потерпѣли совершенное пораженіе въ другихъ ихъ замыслахъ. Во всей Германіи, Венгріи, Галиціи и Польшѣ сельское населеніе всехъ сословій, а въ городахъ всѣ люди положительные и собственники, кромѣ поляковъ и мадяровъ, были на сторонѣ законныхъ властей и радостно приветствовали всякое возстановленіе порядка.

Замыселъ національною гвардіею—уничтожить старые полки и создать новыя войска въ революціонномъ духѣ совершенно не удался; столько же не удачны были и попытки совратить полки съ пути долга чести, вѣрности и связи съ его знаменами. Венгерскіе полки были увлечены только обманомъ, что будутъ защищать власть императора.

Польская эмиграція потерпѣла совершенную неудачу въ желаніи одурачить вѣмцевъ и подчинить Франкфуртскій сеймъ польскимъ затѣямъ (*); поляки надѣялись съ его помощью создать сильное славянское, т. е. польское государство, для мнимаго оплота Германіи противъ Россіи.

Націи взволнованной Европы слишкомъ дорого цѣнили общественный порядокъ и сохраненіе спокойствія, чтобы кидаться за искушающими революціонерами въ неизвѣстныя бездны. Событія Франціи девятидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія такими грозными призраками подымались въ воспоминаніяхъ утраченной Европы и едва ли не болѣе всего во Франціи, что всѣ сословія націй кинулись тушить пожаръ и сочувствовали только одному—скорѣйшему водворенію спокойствія. Революціонеры увидѣли себя оставленными, лишенными всякой поддержки; эту чашу горести пришлось испить и польской эмиграціи, и ей осталось искать помощи только въ своихъ, ею столько лѣтъ усердно вырабатываемыхъ, польско-революціонныхъ теоріяхъ. Когда всѣ націи по уши были заняты своими домашними дѣлами, польскіе эмигранты стали для всѣхъ самыми несвоевременными посѣтителями и

(*) Въ письмѣ одного польскаго эмигранта находится сѣдующее многозначительное изрѣченіе: „на панургово стадо надежды мало, вѣмцы бредятъ Германіей, козлята и телята тудаже.“

вездѣ старались самымъ вѣжливымъ образомъ, поскорѣ сбыть съ рукъ нестыжливыхъ гостей. Современная карриатура, которая тогда на расхватъ расходилась по Германіи, указываетъ что нѣмцы поняли какую пошлую роль поляки хотѣли ихъ заставить играть, и такъ искусительно имъ навязывали. На картинкѣ былъ изображенъ полякъ въ уланскомъ уборѣ, вѣзжающій въ нѣмецкій городокъ и предлагающій свои услуги. Въ низу была подпись: Господа! не желаете ли сдѣлать маленькую революцію (Meine Herren! Wollen Sie nicht eine kleine Revolution machen). Если бы польская эмиграція искала истины, то она могла бы тогда убѣдиться вполне сколько она должна рассчитывать на искусственную симпатію, ею вызванную закупленною печатью, интригами, ложью, ябедами, трезвономъ громкихъ фразъ, гастрономическими обѣдами, блестящими балами, шарканіемъ въ дипломатическихъ салонахъ и переднихъ, и, на словахъ, угодливымъ даже отреченіемъ отъ своихъ шляхетскихъ традицій. Польской эмиграціи пришлось разочароваться во Франціи и Германіи, на которыя она возлагала столько надеждъ. Надѣлавъ столько пакостей въ Европѣ, ей осталось въ утѣшеніе, провозгласить Европу неблагодарною и, по обыкновенію, возвратиться къ постройкѣ новыхъ плановъ.

Франція, ставъ вторично республикою, положительно заявила свою антипатію отъ своей предшественницы, — первой республики; она не хотѣла ни террора, ни перехода за Рейнь; бонапартисты только прикрылись поборниками революціи, дабы съ помощью революціонеровъ свергнуть польскую монархію; но въ расчетъ ихъ двигателей вовсе не входило пропагандою кидаться въ дальнія странствованія за ревнителями государственнаго европейскаго переворота; имъ предстояло свое, болѣе важное дѣло у себя дома.

Польская эмиграція во Франціи наслухалась много любезностей, принять же участіе въ ея домогательствахъ революціонеры хотѣли, но не могли, остальная же Франція могла, но не хотѣла.

10 Марта 1848 года послѣдовало слѣдующее постановленіе въ Парижѣ: „Временное правительство, снисходя къ польскимъ эмигрантамъ, которые по чувству благодарности и преданности къ Франціи, ихъ *второму отечеству*, испрашиваютъ разрѣшеніе составить изъ себя особый легіонъ, съ цѣлю служить, вмѣстѣ съ французами, дѣлу порядка и свободы, и имѣя въ виду, что это предложеніе, сдѣланное во имя народа, ко-

торый далъ Франціи столько товарищей въ бояхъ и разделялъ ея славу, должно быть принято съ предупредительностью правительствомъ, основаннымъ на національныхъ симпатіяхъ, столь живыхъ особенно относительно Польши, — постановляетъ: 1-е немедленно приступить къ формированію польскаго легіона, который подчиняется военному министру, и 2-е, исполненіе возлагается на военнаго министра (*). Постановление осталось безъ исполненія; дни власти подписавшихъ его были сосчитаны.

Франко-польскій комитетъ, составленный изъ французовъ, горячо преданныхъ польской справѣ, послалъ эмиграціи 27 марта отъ себя адресъ, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „потрясеніе Европы разрушило гробницу Польши. Народъ героевъ возрождается, Франція дала сигналъ къ этому воскрешенію и привѣтствуетъ его съ *самой глубины своихъ кишокъ*, (applaudit du plus profond de ses entrailles) съ самою нѣжною, братскою симпатіею. Едва прошелъ годъ со дня конфискаціи Кракова, когда, казалось, что Польша навсегда уложена въ гробъ! Поляки! вы будете свободны, у васъ скоро будетъ отечество. Центральный франко-польскій, комитетъ, основанный въ 1831 году Лафайетомъ, преобразованный (**) въ 1846 году, на другой день возстанія Кракова, всегда принималъ участіе въ вашей борьбѣ и нынѣ онъ рукоплещетъ вашимъ побѣдамъ (***)

Нѣмцы были скупи на любезности къ полякамъ. Эмиграція хотѣла втереться въ франкфуртскій сеймъ съ своимъ *польскимъ вопросомъ*; эмигрантъ Накваскій, бывшій депутатомъ варшавскаго сейма во время 1831 года, видя, что нѣмцы, собиравшіеся во Франкфуртъ на сеймъ, только думаютъ о своей Германіи и забываютъ Польшу, почелъ долгомъ напомнить о ней, предложить имъ созвать *общій европейскій конгрессъ* и на немъ запясться устройствомъ поляковъ.

Дабы ознакомиться ближе съ ходомъ дѣла, приведемъ изъ длиннаго его посланія отъ 24 марта болѣе характеристическія мѣста.

(*) Подписали: Алберъ, Араго, Луи Бланъ, Кремье, Дюпонъ, Флоконъ, Гарнье Пажессъ, Ламартинъ, Ледрю Ролень, Марри и Марра.

(**) Вновь собранный будетъ точнѣе.

(***) Подписали Герцогъ d'Аркуръ (президентъ), Ластери (почетный президентъ), Лафабіетъ (сынъ) и Тайландье (вице-президенты), Роберъ, Биксію (секретари), Вавенъ (казначей), Леонаръ Ходзко (архивариусъ).

„Мужи Германіи! Вы собираетесь разсуждать о дѣлахъ и судьбахъ Германіи. Это вашъ долгъ въ отношеніи къ вашему отечеству, но вы обязаны подняться еще выше и призвать не только представителей Германіи, но и представителей Европы, конечно, въ *интересахъ Германіи*. Франція подала сигналъ къ пробужденію, Германія отозвалась съ достоинствомъ; но этого недостаточно; вы занимаете центръ Европы и обязаны упрочить великое дѣло. Польша готова вамъ помогать и однажды возстановленная, она будетъ достаточно сильна, чтобы *охранять васъ* отъ восточнаго варварства. При взаимномъ согласіи Франціи, Германіи и Польши миръ въ Европѣ будетъ упроченъ.“

„Мужи Германіи! ваше дѣло созвать людей Европы въ великій конгрессъ, который упрочить судьбы не только этой части свѣта, но и вселенной. Зовите, мы всѣ устремимся на вашъ голосъ. Подумайте! кто осмѣлится не подчиниться опредѣленіямъ подобнаго конгресса? Царь первый отступить за Двину и за Днѣпръ; онъ, въ 1831 году, могъ побѣдить только съ помощью одного изъ вашихъ королей—и то, возобновивъ три раза свою армію. Германія обязана уплатить Польшѣ тройной долгъ. Польша подъ стѣнами Вѣны ее избавила отъ исламизма, государи Германіи болѣе всего содѣйствовали раздѣлу Польши, наконецъ нѣсколько заблудшихся сыновъ Польши, которыхъ нѣмецкій же государь держитъ въ грубѣйшемъ невѣжествѣ, подстрекаемые австрійскими чиновниками, были вынуждены произвести, страшныя галиційскія убійства.“

„Не вхожу въ подробности; я обращаюсь къ образованнѣйшимъ людямъ Германіи, а потому, не хочу ихъ учить, вы меня понимаете и послѣдуете моему совѣту, если признаете время удобнымъ; прибавлю только нѣсколько словъ къ уясненію моего проекта.“

Послѣ долгихъ историческихъ уясненій, натяжекъ и парадоксовъ, онъ говоритъ въ концѣ: „хотя европейскіе интересы и требуютъ, чтобы Польша примыкала къ Черному и Балтійскому морямъ, а судьба прибалтійскаго моря тѣсно связаны съ судьбами Польши, но пусть само населеніе объявитъ свою волю, а Европейскій конгрессъ ее утвердитъ.“

„Мужи Германіи! впередъ! будьте отважны! Только этимъ путемъ вы утвердите благоденствіе вашего великаго и прекраснаго отечества; послушайте голоса того, на котораго въ отечествѣ были возложены высокія должности (?) и который въ раз-

ныхъ странахъ, при разныхъ правительствахъ, приобрѣлъ въ 17 лѣтнемъ изгнаніи достаточно опытности.“ Нѣмцы не отвѣчали.

Австрійскій эрцгерцогъ Іоаннъ (извѣстный председатель Франкфуртскаго сейма въ 1848 году) депутаціи поляковъ, предводи-мой княземъ *Георгіемъ Любомирскимъ*, сказалъ между другими любезностями: „существованіе Польши есть событіе естественное и необходимое, *а потому не стоитъ разсуждать о сред-ствахъ ея возстановленія*; естественныя и необходимыя событія приходятъ сами собою.“

Князь *Чарторыйскій* почелъ нужнымъ, при первыхъ успѣхахъ революціоннаго движенія, прибыть на театръ дѣйствій и отстаивать интересы свои и своей партіи. Князь *Георгій Любомирскій* велъ польскую справу, во всѣхъ лагеряхъ въ австрійскихъ владѣніяхъ, а князь *Адамъ* посѣдѣлъ въ Пруссію. При ошѣмченномъ населеніи Познани, польская въ ней партія преимущественно держалась Ламберова отеля; въ Познани говорили: „Мы тянемся къ нашимъ дипломатамъ, а демократическая централизація тянется къ намъ и у насъ заискиваетъ.“ Князь *Чарторыйскій* былъ очень встревоженъ вѣстью что освобожденный *Мѣрославскій* сталъ въ главѣ познанскаго возстанія; князь *Адамъ* спѣшилъ на мѣстѣ парализировать его честолюбивые замыслы столь опасныя *династіи Чарторыйскихъ*. Предупредительныя обоюдныя вѣжливости между правительствомъ и поляками въ первые дни смуты въ Берлинѣ, манили князя Адама надеждами и безопасностью его тамъ пребыванія: „Я прѣхалъ въ Берлинъ съ сердцемъ, исполненнымъ счастливѣйшихъ ожиданій, писалъ отъ 26 Апрѣля 1848 года, къ Барону Арниму, прусскому министру иностранныхъ дѣлъ, и расстаюсь съ нимъ съ сердцемъ, растерзаннымъ потерей этихъ надеждъ,“ въ двѣ недѣли, дѣйствительно, дѣла совершенно измѣнили свою физиономію.

Мѣрославскому въ 1846 году не удалось сдержать свое обѣщаніе, данное централизаціи демократической партіи польскихъ эмигрантовъ, и „*одурачить стараго дипломата*;“ но въ 1848 году, съ 20,000 къ нему приставшихъ молодыхъ волонтеровъ въ его рукахъ была физическая сила, съ которою онъ считалъ себя въ состояніи бороться съ аристократическими языками и перьями Ламберова отеля. Это усиленіе значенія *Мѣрославскаго* не было однако опасно для князя *Адама*. Ему шестьдесятъ лѣтъ упражнявшагося въ сферахъ высшей интриги, *Мѣрославскій* могъ казаться только пигмеемъ — противникомъ, тѣмъ болѣе, что въ лагерь *Мѣрославскаго* твердо укрѣпились раздоры и зависть, и по-

слѣ всѣхъ сумасбродствъ диктатора, существованіе войска народоваго висѣло на волоскѣ. Другое событіе, задѣло *Чарторыйскаго* за живое, оно подрывалось подъ самое основаніе великаго польскаго проекта, который поляки, подъ шумокъ революцій 1848 года, думали привести въ исполненіе. 1848 годъ долженъ былъ пзмѣнить карту Европы 1815 г., тогда начерченную относительною могуществомъ народовъ, принявшихъ участіе въ великой борьбѣ; теперь международная симпатія должна была начертать новыя границы, и поляки, считая себя всѣхъ умнѣе и хитрѣе, были увѣрены, что послѣ всѣхъ ихъ заявленій симпатій къ нѣмцамъ, французамъ, италіянцамъ, венгерцамъ, южно-славянскимъ племенамъ, Польша неминуемо, на первый случай, будетъ утверждена въ границахъ 1772 года.— Въ то время, какъ князь *Чарторыйскій* убаюкивалъ себя надеждою, что своею тонкою дипломатіей онъ убѣдилъ Германію вообще и Пруссію въ особенности, въ необходимости, для ихъ собственнаго блага, возстановленія *сильной Польши*, нѣмцы, въ своихъ стремленіяхъ къ усиленію нѣмецкихъ элементовъ, шли къ своей цѣли, вовсе не обращая вниманія, на навязываемыя имъ поляками симпатіи, и въ тоже время, на пользу Германіи, отъ земли Рѣчи Посполитой, они отрѣзывали цѣлый ломоть—западную Познань, и не одна Пруссія, но весь Германскій Союзъ былъ солидаренъ въ этомъ присоединеніи. Пруссійскій король 14 Апрѣля раздѣлялъ Познанское Княжество, и западную часть присоединилъ къ Германіи; распоряженіе вполнѣ одобренное франкфуртскимъ Сеймомъ, которое 28 Апрѣля, онъ и подтвердилъ формальнымъ актомъ: „*Новый, седьмой, раздѣлъ Польши!* кричали поляки, и кѣмъ же совершенъ онъ? раздѣлъ совершилъ либеральный Пруссійскій король, а утвердилъ его франкфуртскій сеймъ, сеймъ, который долженъ служить образцемъ цивилизованной интеллигенціи интернаціональных тенденцій къ общему европейскому согласію и глубокому уваженію національных правъ, симпатій и традицій. Наступившій переломъ въ успѣхахъ революціоннаго движенія былъ поводомъ къ наполненію архивовъ эмиграціи цѣлою тучею протестовъ (*); упомянемъ о замѣчательнѣйшихъ, допол-

(*) Польская эмиграція, играя въ правительство, считаетъ свое управленіе дипломатическихъ сношеній или свое министерство иностранныхъ дѣлъ, на ряду съ самыми искусными въ Европѣ. За неимѣніемъ международныхъ договоровъ, трактатовъ и т. п. архивы ея пополняются разными петиціями, манифестами и протестами, съ которыми они обращались къ раз-

няющихъ изображеніе современнаго, тогда смутно еще понимаемаго положенія дѣлъ. Эти протесты были совершенно въ духѣ прежнихъ протестовъ эмиграціи, т. е. всякое событіе было перетолковано, безъ всякой оглядки на истину, для моментальнаго только эффекта. Впрочемъ, въ критическое для эмиграціи наступившее время, она и не могла дѣйствовать иначе, желая во что бы то ни стало удержаться на полѣ борьбы. По новымъ польскимъ протестамъ, виною всѣхъ польскихъ неудачъ, и бомбардированія графомъ Кастиліономъ Кракова, были Россія и нѣмецкіе чиновники.

Народовый Краковскій комитетъ протестовалъ, 27 Апрѣля, съ 20 милліонами польскаго народа, предъ народными собраніями Германіи, Франціи и народами Европы о бомбардированіи Кракова. Въ немъ краковяне признаютъ себя жертвами низкой и постыдной измѣны, слѣдствіемъ адской петербургской машинаціи, которая хочетъ истребленія польской національности, дабы раздавить Германію. Къ этому краковяне считали нужнымъ прибавить, что „правительства не допускаютъ полякамъ освободить своихъ крестьянъ.“ Народы Европы! Вы, можете быть, не знаете, что поляки понимаютъ подъ словомъ: освобожденіе? вы можете быть думаете, что поляки хотятъ дать народу только личную свободу? Нѣтъ, наша цѣль была возвышеннѣе, мы хотѣли двумъ третямъ населенія уступить повемельную собственность.“ Далѣе мы читаемъ: „Къ оружію! зоскликнула Франція, обращаясь къ Польшѣ. Революціи въ Вѣнѣ и Берлинѣ пригласили поляковъ къ братскому единству, австрійское и прусское правительства объявили)?(просвѣщенному міру, что они признаютъ раздѣлъ Польши преступленіемъ и

нымъ дипломатическимъ лицамъ Европы; они набиты всякими письмами польскихъ дипломатовъ, разговорами поляковъ съ саноуниками всѣхъ правительствъ, постановленіями безчисленныхъ польскихъ комитетовъ, донесеніями ихъ агентовъ, эмисаровъ, журнальными статьями, въ которыхъ что либо упоминается о полякахъ. Архивы польской эмиграціи представляютъ, по свидѣтельству очевидцевъ, самые огромные размѣры. Едва ли эти архивы, считая содержаніе ихъ, конечно, на вѣсь бумаги, не поспорятъ съ соединенными архивами, за послѣдніе 25 лѣтъ, всѣхъ дипломатическихъ сношеній между первенствующими пятью державами Европы. Изъ богатѣйшаго запаса этихъ архивовъ, они черпаютъ акты совершившихся фактовъ, всегда готовые служить подспорьемъ и подтвержденіемъ въ экцентричныхъ рѣчахъ и писаніяхъ.

ей восстановление своимъ долгомъ и крайнею необходимостью. Мы имъ повѣрили. Народы Вѣны и Берлина! обѣщанія вашихъ правительствъ насъ жестоко обманули; ихъ слова были только лицемѣріе и измѣна!“

Протестъ оканчивается словами: „Великодушные нѣмцы! кровь поляковъ — это кровь вашихъ вѣрнѣйшихъ союзниковъ.“

„Франція! любимѣйшая сестра Польши, звѣзда направляющая Европу, ты не оставишь Польши, и исполнишь свои обѣщанія при разставаніи съ ея выходцами, послѣ 17 лѣтняго гостепріимства.“

„Народы Европы! Польша воскреснетъ, потому что Провидѣніе справедливо, ваши собственныя интересы требуютъ, чтобы она возстала при вашемъ содѣйствіи!“

Въ протестѣ Познанскаго комитета, отъ 27 Апрѣля, противъ включенія западной Познани въ германскій союзъ, поляки пишутъ, что „чиновники, забывая священнѣйшія свои обязанности, имѣя только въ виду, что они, какъ нѣмцы, должны упразднить занимаемыя ими мѣста и ни чуть не понимая, нужды времени, сѣумѣли искусственнымъ образомъ подстрекнуть жителей къ просьбѣ — быть присоединенными къ Германіи. Торжественно объявляемъ, пишутъ они далѣе, что когда Польша будетъ восстановлена, мы каждому округу предоставимъ право пристать къ той національности или правительству, къ которому каждый захочетъ; но нынѣ малѣйшее отдѣленіе отъ нашей земли иноземнымъ правительствомъ, мы признали за новый раздѣлъ Польши, и протестуемъ предъ народами Европы.“

Не смотря на протестъ, западная Познань вошла въ составъ Германіи, законная власть была восстановлена во всемъ княжествѣ; комитету народовому оставалось только запереть свою канцелярію. Комитетъ излился протестомъ 30 Апрѣля — длинною пѣснею лебедя; онъ воспѣваетъ въ ней свои судьбы, свои заслуги, свои бѣдствія, прусское предательство. Конечно, никто не усомнится, что всѣ событія представлены въ этомъ актѣ съ польской точки зрѣнія; но какъ этотъ протестъ типически изображаетъ польскіе софизмы и смѣлую изворотливость и самоувѣренность въ превосходствѣ своей дипломатической тонкости, то приведемъ его сущность, пропуская цвѣтистую обстановку и всѣ изображенія варварскихъ безчинствъ, совершенныхъ необузданными, грубыми и жестокими прусскими солдатами.

„Познанскій народовый комитетъ возникъ 21 марта, когда

съ величайшими восторгами прусскій народъ требовалъ возстановленія Польши.“

„Національный комитетъ, опираясь на симпатію къ народамъ, особенно къ *нѣмцамъ*, не могъ желать войны съ Германією. Нація ему поручила *развивать народныя силы симпатією*.“

„Комитетъ народовый, въ теченіи пяти недѣль, велъ переговоры съ прусскимъ правительствомъ и не могъ добиться ни одного изъ своихъ правъ, которыя даны ему трактатами 1815 года, и которыхъ можно достигнуть только совершеннымъ національнымъ переорганизованиємъ, на которое король и согласился.“

„Вмѣсто того вотъ что случилось:“

„Во время переговоровъ, 40,000 войска была введены въ княжество; городъ Познанъ объявленъ на военномъ положеніи. Реакція, возбужденная войсками и своекорыстными чиновниками, обнаружилась между нѣмцами и жидами, которые всякое преобразование признали за *измѣну Германіи*. Они срывали наши кокарды и самымъ возмутительнымъ образомъ неистовствовали противъ поляковъ, даже въ нашихъ храмахъ. Тогда пали первые мученики нашего освобожденія. Наше мирное вооруженіе (?) за Польшу, но отнюдь не противъ нѣмцевъ, приняли за мятежъ и насъ атаковали (*).“

„Чтобъ избѣжать дальнѣйшихъ кровавыхъ столкновеній, народовый комитетъ согласился на конвенцію и обезоруженіе 20000 волонтеровъ, снаряженныхъ на счетъ страны, собравшихся для образованія народной дѣйствующей арміи, но ни какъ не для дѣйствія противъ Пруссіи.“

„По заключенной 11-го апрѣля въ Ярославцѣ конвенціи съ генераломъ Виллизеномъ, волонтеры были обезоружены, и слѣдовало приступить къ переорганизованію страны; но тутъ соб-

(*) Въ польскомъ сочиненіи партіи Чарторыйскихъ: „Урмыскъ дзйовъ въ В. К. Познаньскимъ 1848 г.“ (отрывокъ дѣйствій въ В. К. Познанскомъ 1848 г.), довольно ясно изображенъ характеръ этого мирнаго вооруженія: „Берлинцы сказали: Польша будетъ возстановлена, а вотъ вамъ покажьтесь в. княжество познанское; но тутъ зашпила централизація: мы не хотимъ даровой Польши, мы сами ее возьмемъ, намъ нужна *рухавка*. За этимъ ся философско-демократическомъ аргуменомъ, тотчасъ выползъ „*Выдзьяхъ военный*“ изъ тайныхъ своихъ пороковъ, въ которыхъ онъ прятался съ 1815 года, раскинулъ свои безтолковыя распоряженія по краю—и давай *сбивать вездѣ прусскіе орлы, давай скорѣй ковать копы и пики*.“

равшіеся нѣмцы провозгласили Виллизена измѣнникомъ Германіи. Начались стычки между прусскими войсками и нашими кадрами, оставленными для будущей арміи. Онѣ были подавлены нечаяннымъ нападеніемъ превосходныхъ силъ.“

„Комитетъ народовой сдѣлалъ все что могъ; онъ посылалъ депутацію за депутаціею въ Берлинъ, умоляя правительство вывести войска и начать національную переорганизацію страны. Но прусское правительство не хотѣло или не могло защищать поляковъ отъ всѣхъ неистовствъ солдатства, и эти неистовства ежедневно усиливались. Когда нѣмцы такъ зло насъ обманули въ нашихъ симпатіяхъ, присоединивъ княжество, даже съ главнымъ его городомъ, къ германскому союзу, когда *сила правды и справедливости раздавлена насиліями, гнусною клеветою и произволомъ*, намъ остается только сложить мандаты, намъ ввѣренныя нашими согражданами, и во всеуслышаніе протестовать предъ лицомъ Европы въ томъ, что *звѣрская сила сложила въ нашихъ рукахъ жезлъ власти*.“

Раздѣленіе Познани надѣлало много шума; болѣзненная эта вѣсть поразила въ самое сердце польскую эмиграцію. Въ пламенномъ воображеніи, предъ нею рисовалась уже возстановленная, могучая Польша, а въ дѣйствительности въ этой Польшѣ прусскій король, не смотря на увѣреніе всѣхъ польскихъ симпатизаторовъ, отрѣзывалъ значительный ломоть и, при громкихъ одобреніяхъ Германіи, застраховывалъ его во Франкфуртѣ, въ виду могущихъ произойти дальнѣйшихъ столкновеній; въ неизвѣстной будущности скрывались дальнѣйшія дѣйствія Франціи, Россія примкнула штыкъ и, готовая, спокойно ожидала развязки. Князь Чарторійскій спѣшилъ изъ Берлина—спасать *ойчизну*. „Германія послѣдовала за благородною Франціею и объявила себя другомъ и защитницею польской національности,“ писалъ онъ, между прочимъ, 26 апрѣля, главѣ правительства, министру иностранныхъ дѣлъ Франціи, — поэту Ламартину (*). Познань и Галиція могли при этомъ заявить свои права на отдѣльное существованіе, таже часть Польши, которая за свою

(*) Франція, страшась якобинцевъ, не искала новаго Робеспьера, но на первый случай ввѣрила свою судьбу человеку, который мило и нѣжно писалъ:

Je chantais, mes amis, comme l'homme respire.

Comme l'oiseau gémit, comme le vent soupire

Comme l'onde murmure en coulant.

Франція смѣло вѣрила, что при Ламартинѣ не будетъ ни террора, ни гильотины.

независимость въ 1831 г. пролила потоки крови, остается безъ всякаго облегченія подъ прежнимъ, ее дающимъ, владычествомъ. Но ни Познань ни Галиція еще не вошли въ свои права, гарантированныя имъ трактатами 1815 года. Польша требуетъ энергическаго покровительства и ожидаетъ его отъ Франціи и другихъ государствъ, понимающихъ *настоятельную надобность* возстановить Польшу, какъ *дѣло высокой политики*. Французскія палаты, въ теченіи 17 лѣтъ, послѣдовательно протестовали торжественно за Польшу; но правительство того времени было глухо къ національнымъ симпатіямъ. Нынѣшнее временное правительство, ни органъ истинныхъ чувствъ народа, не можетъ подражать примѣру, имѣвшему столь гибельныя послѣдствія.“

„Въ виду открытія національнаго собранія великаго народа, мы просимъ у Франціи ея могучаго голоса въ нашу пользу, просимъ правительство объявлять, что, при неизбежной, близкой перестройкѣ всей Европы, Франція потребуетъ возстановленія Польши. Безъ рѣшительнаго содѣйствія Франція, ея возстановленіе не состоится. Послѣ перваго порыва великодушія, Германія уже отступаетъ, Пруссія раздѣлила Познань, а Германія слушала *только голоса нѣмецкихъ чиновниковъ, которыхъ реорганизациа вынуждала искать другихъ средствъ къ существованію*. Пруссія даже великокняжескую столицу признала нѣмецкою. Первымъ результатомъ симпатій къ Польшѣ былъ еще новый ея раздѣлъ. Если Европа не обратитъ вниманія, то Германія, при ея близорукостѣ и своекорыстномъ пониманіи національностей, пойдетъ еще далѣе. Вы обратите, г. министръ, вниманіе на то, что Пруссія выставила германскому союзу, въ числѣ понуждающихъ причинъ, необходимость хорошей для Германіи военной границы.“

„При столь неожиданно совершившихся нынѣ событіяхъ, если настоячивыя обстоятельства заставятъ поляковъ возстать тамъ, гдѣ они еще томятся подъ игомъ, неужели Франція еще разъ останется зрительницею ихъ истребленія, не подавъ имъ руку помощи? Строгий долгъ нашъ велитъ откладывать преждевременное предпріятіе, но благосклонный и рѣшительный голосъ Франціи лучше чѣмъ кто либо въ нашей средѣ, можетъ *дать перевѣсъ совѣтамъ благоразумія*.“

Франція осталась спокойною зрительницею; князь Чарторыйскій могъ тогда понять *силу народныхъ симпатій* и значеніе поговорки: Господь про всѣхъ, каждый про себя. Польская эмиграція ухватилась за единственную ей оставшуюся надежду— венгерскій мятежъ.

Изъ сотни разныхъ протестовъ, приведемъ нѣсколько словъ изъ написаннаго 15 августа президентамъ центрального народоваго комитета Галиціи, *Пилатомъ*, по случаю раздѣленіе Познани, въ дополненіе посланія *Нокваскаго* къ франкфуртскому сейму.

„Этотъ актъ (франкфуртскаго сейма) преступный и своевольный возбудилъ негодованіе всѣхъ благомыслящихъ людей и исполнилъ ихъ презрѣніемъ къ большинству собранія, которое не остановилось и растоптало священнѣйшія права націи. Европа должна заявить, что франкфуртское собраніе провозглашая эгоистическіе принципы деспотизма и неправды обезображиваетъ идеи, права и свободы, и открываетъ истребительную войну идеямъ прогресса и духу XIX вѣка. Нѣмецкая нація обязана объявить, что ея представители злоупотребили ея довѣріемъ, явились измѣнниками, покрывъ ее вѣчнымъ стыдомъ, и сдѣлавъ ее ответственною въ злодѣйствѣ совершенномъ надъ несчастнымъ народомъ... Польша не переставала существовать... ея борьба не только за ея независимость, и Польша неперестаетъ жертвовать собою за свободу цѣлой Европы... Она предъ лицомъ Европы протестуетъ противъ этого злодѣйства, которое гнустише и страшише всѣхъ дѣйствій буйнаго деспотизма....“

Хотя во время революціоннаго затишья, австрійскій императоръ и перѣхалъ въ окрестности Вѣны, въ загородный свой дворецъ Шенбрунъ, но австрійская имперія была еще далека отъ успокоенія и мятежъ не утихалъ въ Венгріи. Событія требовали раздробленія австрійскихъ войскъ: императоръ далеко не могъ сосредоточить достаточную армію противъ Кошута, бывшаго верховнымъ правителемъ мятежной Венгріи. Радецкій, усмиривъ Ломбардію, долженъ былъ сторожить ее отъ новыхъ замысловъ Карла Альберта, осада бунтующей Венеціи продолжалась; Виндишгрецъ стоялъ съ войсками въ недавно успокоенной Прагѣ, Гамерштейнъ въ Львовѣ, Банъ Кرواتскій Телачичъ былъ главнымъ дѣятелемъ, который, съ славянами, боролся противъ мадяровъ.

Это положеніе Австріи препятствовало выполненію того кореннаго правила, что мятежъ долженъ быть мгновенно потушенъ. Его продолжительность, съ каждыиъ днемъ, безъ энергическаго противодѣйствія, давала ему новыя силы. Предводители мятежа, не щадя будущности, завлеченіемъ или страхомъ, всегда эксплуатируютъ всѣ силы народныя. Въ Венгріи, для устрашенія населенія вѣшали безпощадно; въ одной деревнѣ было повѣше-

но за одинъ разъ 32 крестьянина. Часть венгерскихъ полковъ, съ своими туземными офицерами, увлеченные обманомъ, перешли на сторону инсургентовъ, думая защищать законную власть; новобранцы обучались и обстрѣливались; тучи увлеченныхъ юношей, послѣ угашенныхъ мятежей, стремились въ Венгрію на новые подвиги, особенно изъ разсѣваемой національной гвардіи, которую революціонеры всюду старались заводить; много польскихъ эмигрантовъ, бывшихъ офицеровъ, явились въ Венгрію—предлагать свои услуги, особенно неладившіе съ парижскими эмигрантскими властями; польскіе генералы *Хлипка* и *Дембинскій* начальствовали венгерскими отрядами и притягивали своихъ земляковъ пріятелей, наконецъ явился туда и *Мырославскій*; но такъ какъ первостепенныя мѣста были уже заняты, а онъ себя прочилъ не менѣе какъ въ главнокомандующіе, то и упражнялся только въ интригахъ.

На совѣтъ Кошута съ польскою эмиграціей, было рѣшено—сосредоточить дѣйствіе на Вѣнѣ и Львовѣ. Вѣну слѣдовало еще разъ поднять къ мятежу и утвердить въ ней сильное революціонное правительство, которое бы подняло нѣмецкихъ жителей всѣхъ сосѣднихъ окрестностей, а венгерскія войска должны были къ 1-му ноября подступить къ Вѣнѣ, овладѣть ею и, пользуясь моральнымъ вліяніемъ этого событія и страхомъ венгерскихъ силъ, поднять германскія провинціи австрійской имперіи.

Единовременно съ занятіемъ Вѣны должна была взбунтоваться Галиція, въ которой, при управленіи *Голуховскаго*, революціонеры имѣли всѣ средства развить подземный пожаръ, который долженъ былъ разомъ вырваться наружу по всѣмъ ея городамъ. *Рада народова* въ Лембергѣ, затаившаяся послѣднимъ распоряженіемъ *Стадіона*, начала снова дѣйствовать; по всѣмъ городамъ Галиціи, безопаснымъ отъ крестьянскаго надзора, зовелась *гвардія народова*, котораи, подобно львовской, ежедневно упражнялась въ воинскихъ эволюціяхъ. Польская эмиграція распорядилась назначеніемъ *Высоцкаго*, товарища *Мырославскаго*, одной изъ звѣздъ первой величины демократической централизаци, въ главные военачальники Галиціи и наконецъ всѣ польскіе эмигранты, оставшіеся свободными отъ дѣлъ, послѣ уличныхъ подвиговъ по городамъ Германіи, и всѣ поляки волонтеры, сбѣжавшіеся изъ разныхъ областей, были направлены или на Вѣну или на Львовъ.

Всѣ соединенныя силы Венгріи, Галиціи, и тѣ которыя по-

ляки еще надѣялись собрать, порѣшивъ съ Австріею, должны были устремиться на царство польское и югозападный край Россіи и поднять тамъ все населеніе, рассчитывая на сочувствіе и нетерпѣливыя ожиданія тамошнихъ помѣщиковъ. Мѣстный заговоръ, проведенный эмиссарами и мѣстными агентами, по всему западному краю, въ данный моментъ долженъ былъ разразиться общимъ мятежемъ.

Кошутъ, готовя десятками милліоновъ ассигнаціи,—свои, такъ названныя кошутовскія, и фальшивыя австрійскія, не стѣснялся деньгами и высылалъ сколько было нужно въ Вѣну, чтобы снова задобрить и угощать чернь. Въ Вѣнѣ 6 октября вспыхнулъ мятежъ; громадными размѣрами и приготовленіями онъ превосходилъ мартовскій; императоръ уѣхалъ въ Ольмюцъ. Революціонеры овладѣли городомъ, разогнали власти, учредили свое народное правительство, студенты устроили демократическій клубъ общественнаго блага и, помогая революціонному правительству, собирали подать съ населенія и выплачивали ежедневно жалованье городскому пролетаріату и всѣмъ желающимъ приписаться въ ревнители революціоннаго дѣла. Немедленно было приступлено къ образованію и обученію національнаго войска. Князь *Чарторыйскій* прислалъ для этой цѣли готоваго начальника, генерала *Бема*, съ множествомъ офицеровъ—польскихъ эмигрантовъ; высланы были изъ Парижа и всѣ ученики батинольской школы, которые съ весны успѣли *подростти*. Начальникомъ города былъ журналистъ—отставной офицеръ *Мессенгаузеръ*. Войско достигло громадной цифры 40,000 при 4 эскадронахъ кавалеріи и 18 орудіяхъ. Для отнятія Вѣны изъ рукъ мятежниковъ, *Виндизгрецъ* былъ назначенъ изъ Богеміи, 25 октября онъ осадилъ городъ. Извѣстіе объ осадѣ Вѣны заставило поторопиться венгерцевъ, но не смотря на упорную защиту *Бема* и подходящую помощь, императорскія войска одержали побѣду надъ своими врагами. Венгерцы были отражены, а мятежники, захватившіе Вѣну, сдались на капитуляцію. *Мессенгаузеръ*, два главные коновода *Блумъ* и *Штернау* и нѣсколько человекъ, занимавшихся по городу убійствами, были повѣшены; *Бемъ* бѣжалъ въ Венгрію.

Въ Галиціи, по полученіи извѣстій объ октябрьскомъ мятежѣ въ Вѣнѣ, гвардія народа все болѣе становилась нахальною; оскорбленія войскамъ были невыносимы, *Гаммерштейнъ* приказалъ постоянными патрулями охранять спокойствіе на улицахъ, вечеромъ 1 ноября была схватка между разпѣванными

солдатами и студентами, которыхъ патрули едва разогнали, но за тѣмъ открыли по патрулямъ стрѣльбу. Массы народа стали толпиться у гауптвахтъ.

Гаммерштейнъ предвидѣлъ давно развязку; не поддавшись въ ловушку—начать ночью уличный бой, онъ войсками оттѣснилъ толпу, собралъ караулы, выступилъ изъ города, занялъ подлѣ лежащую гору, командуящую городомъ и выставилъ орудія. Въ одну ночь всѣ улицы города покрылись обдуманною системою баррикадъ; для сильнѣйшей обороны, въ прилегающихъ домахъ, бойницы были пробиты даже въ стѣнахъ и по чердакамъ. Защитники были распределены по мѣстамъ, впереди студенты зажгли бивачные огни и розданныя имъ графомъ *Стадіономъ* ружья поставили въ пирамиды. *Гаммерштейнъ* утромъ 2 ноября сдѣлалъ ту же ошибку, которую *Кастиліони* сдѣлалъ весною въ Краковѣ. Желая спасти городъ, онъ хотѣлъ штурмомъ взять баррикады; но мятежники размѣстили лучшихъ своихъ стрѣлковъ за передовую баррикадою и бойницами, и мѣткими выстрѣлами поражали подходящихъ солдатъ. Ядра подвезенныхъ легкихъ пушекъ не могли разбивать баррикадъ, а ихъ защитники быстро укрывали за ними головы, при нанесеніи пальниковъ. *Гаммерштейнъ* отвелъ войска, и только мѣткіе австрійскіе стрѣлки залегли по соседству и тѣшились, издали поражая конфедератки, появлявшіяся въ окнахъ.

Но у *Гаммерштейна* въ укрѣпленіи на песчаной горѣ (Зандбергъ) была тяжелая артиллерія. Львовцы съ испугомъ увидѣли, что около этихъ пушекъ началось движеніе артиллеристовъ. Граждане догадались о послѣдствіяхъ и обратились къ яримъ ревнителямъ мятежа—студентамъ; отеческими словами они умоляли ихъ оставить пустыя затѣи, не подвергать городъ участи Кракова и убѣждали ихъ сложить оружіе. Студенты, помнившіе изъ исторіи отвѣтъ Леонида, отвѣчали: „Если *Гаммерштейну* хочется возвратиться австрійскія ружья, то пусть—придетъ и возьметъ.“ Молодежь громкимъ хохотомъ тѣшилась надъ объятими страхомъ, предъ ними стоявшими, ораторами и корчила имъ разныя гримасы. Тогда депутація почетныхъ гражданъ, подъ бѣлымъ флагомъ, кинулась къ *Гаммерштейну*, умоляя его пощадить городъ. Депутаты приводили, что они одни пострадають и страдаютъ невинно, что они сдѣлали все, что было въ ихъ силахъ, чтобы умиротворить мятежныхъ юношей, но убѣдить ихъ не могли ни какими доводами.

Гаммерштейнъ имъ отвѣтилъ:

„Вы именно, господа, во всемъ и виноваты. Развѣ полиція могла слѣдить за всѣми, предупреждать всякія продѣлки, и разгонять всякую собиравшуюся толпу! Долгъ истинныхъ патріотовъ внушать святость закона и сохраненіе общественнаго порядка, наблюдать за строгимъ исполненіемъ распоряженій правительства и самимъ, соблюдая ихъ, подавать примѣръ; безъ этого не можетъ быть никакой свободы; защищая законъ, мы защищаемъ и нашу свободу. Обо всемъ этомъ никто изъ васъ, господа, прежде не подумалъ. Напротивъ, вы сами—горячіе участники мятежа, потому что вы участвовали во всѣхъ выходкахъ противъ правительства; вы сочувствовали и участвовали во всѣхъ комедіяхъ демонстрацій, маханій платками, бросаній цвѣтовъ и разныхъ распѣваній, вы смотрѣли спокойно и поддакивали, когда чиновниковъ, офицеровъ и солдатъ нагло оскорбляли, а теперь, когда дѣло дошло не до шутокъ, вы изъ кожи лѣзете, чтобы добиться спокойствія и порядка; а не вы ли сами такъ радовались прежде ихъ нарушенію?“ На прощаніе онъ далъ имъ часъ времени, для новыхъ убѣжденій.

Но всѣ моленія гражданъ оставались тщетны. Руководители мятежа получали свои вѣсти и инструкции; съ часу на часъ они ждали такихъ увѣдомленій изъ Вѣны, которыми *Гаммерштейна* сдѣлають либеральнѣе самого графа Франца *Стадіона*. Они ободряли къ защитѣ, они краснорѣчиво провозглашали, что ойчизна требуетъ отъ патріотовъ держаться до послѣдней крайности, что австрійцевъ бояться нечего. Студенты поглядывали на Зандбергъ и ихъ стало разбирать раздумье; но въ это время колебаній явилась въ университетъ одна изъ первыхъ красавицъ Львова, съ конфедераткой на головѣ, въ контушевкѣ на плечахъ. На офанатизированную патріотку возложили парализировать увѣщеванія проповѣдниковъ необходимости покориться.“ Не ужели вы станете слушать старыхъ трусовъ, говорила она, когда иноземцы-пришлецы оскорбляютъ вашихъ женщинъ, за то что онѣ плачутъ о потерѣ ойчизны, и въ общей семьѣ согражданъ, изъявляютъ свою скорбь публично. Одна надежда польскихъ женъ въ польской молодежи.“ Коноводы не ошиблись въ придуманной стратагемѣ; патріотка схватила орелъ студенческаго легіона и обратилась съ вопросомъ, кто не пойдетъ за ней на баррикады? Студенты, съ громкими возгласами бросились за ней и открыли снова огонь по выдвинутымъ впереди, ожидавшимъ сдачи войскамъ, *Гаммерштейнъ* подаль тогда знакъ; въ городъ полетѣли гранаты, ядра и метательныя ракеты.

Когда раздались выстрѣлы артиллеріи, тогда, на громъ орудій, стали прибывать крестьяне изъ окрестныхъ деревень, узнать въ чемъ дѣло и предлагали *Гамжерштейну* свои услуги; генераль поблагодарилъ ихъ за готовность и поручалъ имъ только, чтобы они бѣглецовъ, которыхъ поймаютъ, представляли бы живыми и цѣлыми. Крестьяне общались и изъявляли полное свое удовольствіе, „что пушки панычамъ поддають жару.“ Они не ошиблись: по всѣмъ направленіямъ летали снаряды и осколки гранатъ. Львовъ представилъ въ часъ времени страшную картину разрушенія, убитыхъ перестали подбирать, съ трудомъ спасали раненыхъ, огонь былъ въ огнѣ. Университетъ и ратуша были объаты пламенемъ, пожарныя труды оказались безсильными. Пламя охватывало зданія съ такою яростью, что въ узкихъ улицахъ, духота была невыносима; раздались зловѣщіе крики „*все погибло, спасайтесь!*“ бѣгущая молодежь переряжалась въ женщинъ. Въ полдень капитуляція была подписана, оружіе было выдано. Чрезъ два часа дѣйствительно пришло извѣстіе изъ Вѣны; но вѣсть была та, что столица на капитуляцію сдалась *Виндизгрецу*. Войска радостно привѣтствовали двѣ побѣды. Эмигрантъ *Иосифъ Высоцкій*, главный распорядитель военныхъ дѣйствій мятежниковъ, назначилъ своимъ разсыпавшимся ревнителямъ новое мѣсто сбора—Венгрію.

Высоцкій, присланный въ Галицію, еще лѣтомъ, во время революціоннаго затишья, послѣ совѣщаній съ коноводами, посылалъ отставнаго полковника *Булгарина* къ *Кошуту* съ предложеніемъ ему вспомогательнаго отдѣльнаго польскаго легіона изъ Галиціи. Венгерцы охотно принимали поляковъ въ свои ряды, но при извѣстномъ имъ польскомъ характерѣ, военачальники, опасались отдѣльнаго, изъ нихъ составленнаго, отряда. Послѣ долгихъ переговоровъ, *Кошутъ* наконецъ далъ согласіе, но съ условіемъ, чтобы число легіонеровъ не превышало 1200 чел. Когда, съ паденіемъ Львова, ни на какія дальнѣйшія дѣйствія нельзя уже было болѣе рассчитывать въ Галиціи, *Высоцкій* самъ отправился лично въ Пештъ и тамъ, въ личныхъ переговорахъ, разсвѣялъ предупрежденіе *Кошута*, который согласился на польскій корпусъ отъ 15 до 20 тысячъ человѣкъ,—число волонтеровъ, на которое *Высоцкій* рассчитывалъ въ своихъ сподвижникахъ, имъ ожидаемыхъ изъ Галиціи.

Во время переговоровъ, прибылъ *Бемъ*, бѣжавшій изъ Вѣны. Бемъ кончилъ войну 1831, былъ уже въ числѣ кандидатовъ, искавшихъ названія главнокомандующаго польской арміи, когда она спа-

салась къ прусской границѣ, а *Высоцкій*, сынъ бѣдныхъ родителей, началъ только службу во время возстанія 1831 года. По общему правилу, первый былъ изъ сторонниковъ *Чарторыйскаго*, а *Высоцкій* сталъ лицомъ не менѣе значительнымъ въ числѣ кандидатовъ на званіе главнокомандующаго, готовимыхъ демократическою централизаціею. *Бемъ* считалъ *Высоцкаго* не опытнымъ, а *Высоцкій* считалъ *Бема* очень опытнымъ, но только въ искусствѣ интриги.

Польская эмиграція любитъ крупныя числа. По ея предположеніямъ, число ревнителѣй, которыхъ она располагала направить въ Венгрію со всѣхъ странъ, гдѣ живутъ поляки, должно было составить къ наступающему 1849 году, до двухъ сотъ и никакъ не менѣе 100 тысячъ. Съ этою массою поляковъ, которые будутъ ратовать за Венгрію, эмиграція не могла не рассчитывать на полный успѣхъ; а послѣ удачно оконченной войны, по ея планамъ, должна была, съ помощью Венгровъ, начаться другая— въ Царствѣ польскомъ. При этихъ всѣхъ проектахъ, *Бемъ* хотѣлъ выжить лишняго кандидата въ будущіе предводители, да къ тому еще, кандидата противной партіи демократовъ. *Бемъ* началъ интриговать и приготовленная конвенція между *Кошутомъ* и *Высоцкимъ*, равно и проектъ польскаго легіона, разстроились. Нѣсколько сотъ молодыхъ галичанъ, прибывъ въ Венгрію, думали тамъ найти польскій легіонъ въ полномъ формированіи, а на мѣстѣ они узнали только о продѣлкахъ *Бема*. Разгнѣванные поляки рѣшили его убить; одинъ изъ нихъ *Колодзейскій*, дѣйствительно, пустилъ въ него пулю, которая слегка задѣла *Бема* въ голову. *Бемъ*, при подобномъ настроеніи умовъ, отправился начальствовать въ Трансильванію. *Высоцкій* остался; но число собравшихся ревнителѣй оказалось далеко менѣе ожидаемаго; сформированный *Высоцкимъ* баталіонъ пѣхоты былъ только въ 300 человекъ; сестра Кошута— Г-жа *Кудкай* подарила ему знамя; бывшіе коноводы въ Галиціи начальствовали: *Чарницкій* отрядомъ уланъ, *Рембовскій*— егерей, *Воронецкій*— пѣхотою.

Съ успѣхами Венгерскаго мятежа снова сильно стали раздуваться надежды какъ эмиграціи, такъ вообще и всѣхъ поляковъ. Туземцы со дня на день ждали появленія поляко-венгровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сотни польской молодежи торопились въ Венгрію. Польскій легіонъ, подъ главнымъ начальствомъ *Высоцкаго*, съ нетерпѣніемъ ожидалъ послѣднихъ ударовъ австрійцамъ, съ другой

стороны шлахетство Царства польскаго и западнаго края обратилось въ нетерпѣливое ожиданіе.

Въ 1849 году, коноводы революціонной партіи Европы, въ дѣятельности которыхъ самое ретивое участіе принимала польская эмиграція, употребили все свои усилія, чтобы возобновить угасающій пожаръ и раздували его вездѣ, гдѣ надѣялись еще найти горючій матеріалъ. Италія была поднята вторично, Карлъ Альбертъ снова вторгнулся въ Ломбардію.

Венеція держалась; въ Германіи остатки прошлагоднихъ смуть проявились новыми, хотя слабыми, волненіями, все вниманіе сосредоточивалось преимущественно на Венгріи. Въ ней мятежъ пустилъ корни продолжительностью своего существованія, военными способностями *Гергея* и энергіею *Кошута*. Онѣ дали мадіарамъ явный перевѣсъ надъ австрійцами. Успѣхи всегда притягиваютъ вниманіе и сочувствіе, а исключительное положеніе, въ которомъ находился мятежъ мадіаровъ относительно европейскихъ революціонеровъ и поляковъ, особенно способствовалъ къ тому, что силы мятежа росли, росли вмѣстѣ съ нимъ и польскія надежды, Революціонныя газеты давали тотъ тонъ европейской журналистики, что общественное мнѣніе не могло установиться, а надежды возратить потерянное, — отметить за неудачу, подстрекали къ новой дѣятельности; русская дѣйствующая армія, съ выставленными къ западной границѣ другими силами, стояли готовыми къ бою, на случай попытокъ къ вторженію въ наши предѣлы. Европа была въ самомъ натянутомъ положеніи выжиданій, сомнѣній, колебаній и опасеній. Императоръ Николай положилъ конецъ этому тревожному, неестественному положенію дѣлъ.

Все поляки были собраны въ одинъ корпусъ, подъ названіемъ польскаго легіона, вѣреннаго *Высоцкому*, пожалованному *Кошутѣ* въ генералы. Этотъ корпусъ былъ направленъ на Галицію; онъ долженъ былъ своимъ появленіемъ возобновить въ ней мятежъ и, пройдя Галицію, вторгнуться въ Царство-польское. Русскія войска вступили въ Венгрію и подавили мятежъ. Чѣмъ далѣе отъ насъ будутъ отходить событія, тѣмъ ярче будутъ выказываться эти страницы дѣлъ Императора Николая; спасая Австрію, Государь спасъ и Венгрію отъ самоуничтоженія.

Затѣмъ 1848 года вожаковъ революціонной партіи начали разьяснять; во Франціи они привели къ учрежденію второй имперіи; польскіе мятежи, при совершенной неспособности поляковъ

удерживать себя отъ мечтательныхъ увлеченій, рушились при первомъ твердомъ столкновеніи съ болѣе энергическимъ проявленіемъ законной власти, и вожакамъ осталось широкое поприще въ протестахъ сообщать Европѣ, какими благодѣяніями они хотѣли осчастливить человѣчество. Въ Венгріи, въ лицѣ адвоката *Кошута*, стремленія этихъ благодѣтелей рода человѣческаго выразились яснѣе.

Кошутъ, ретивый членъ европейскаго революціоннаго ареопага, принялся за исполненіе революціонной программы, составленной въ Парижѣ для 1848 года. Венгерцы начали съ запроса свободы печати, употребленія національнаго языка, національной гвардіи и т. д. Императоръ Фердинандъ утвердилъ все требуемое. Венгерцы свою національность хотѣли навязать и славянскимъ племенамъ, требуя общаго примѣненія для Венгріи императоромъ дарованныхъ правъ; славянскія племена возстали противъ венгерскихъ притязаній, примѣняя къ своей національности, дарованныя права. *Кошутъ*, для котораго императорскія уступки были только началомъ его программы, двинулъ своихъ отуманенныхъ земляковъ, горячо сочувствующихъ преобладанію мадіаровъ, взяться за оружіе. Кровавая распря началась между мадіарами и славянами; каждая сторона ратовала для приведенія въ исполненіе дарованныхъ императоромъ правъ, и венгерскіе полки, приведенные къ присягѣ конституціи данной императоромъ были, этою уловкою, втянуты въ мятежъ, и подъ ихъ эгидою начали устроиваться вновь набираемыя венгерскія войска. При продолжительности мятежа и непрерывныхъ военныхъ дѣйствіяхъ новобранцы начали обстрѣливаться. *Гергей*, прежде бывшій поручикъ венгерской императорской гвардіи, событіями возстанія и военными своими способностями, попалъ въ генералы; онъ писалъ что для того, чтобы этихъ бѣдныхъ гонимыхъ пустить въ огонь, ему нужно поставить „по гусару на флангахъ и пушку въ срединѣ,“ по сѣ небольшимъ вполгода, молодія войска стали удовлетворительными солдатами.

Венгерская армія, по словамъ *Гергея*, боролась за конституцію 1848 года, дарованную императоромъ Фердинандомъ, какъ королемъ венгерскимъ, которому присягала въ вѣрности; въ деклараціи венгерскаго верхне-дунайскаго корпуса, написанной его начальствующимъ *Гергеемъ* въ Вайценѣ, армія заявляла, что она противна всякимъ республиканскимъ стремленіямъ и повинуетея только конституціонному министерству.

Подобное заявленіе какъ громомъ поразило *Кошута*; у эскъ-адвоката вовсе не были на умѣ патріотическія мадiарскія стремленія къ полной автономіи для Венгріи; его тайныя помыслы были отдѣлиться совершенно отъ Австріи, и стать въ главѣ Венгріи. Вайценская прокламація ему уяснила, что въ *Гергея* онъ не найдетъ ни помощника, ни сторонника своихъ честолюбивыхъ замысловъ; *Кошутъ* искалъ между поляками, своими парижскими друзьями, опытнаго вождя для венгерской арміи, которые ни какъ не мѣшали бы его себялюбивымъ планамъ; онъ призывалъ старыхъ польскихъ генераловъ *Дембинскаго* и *Бема*, и первому было ввѣрено главное начальство арміею, а второму, какъ было сказано, народной гвардіи города Вѣны.

Верхнедунайскій корпусъ долженъ былъ, по словамъ *Гергея*, распуститься среди венгерско-польской революціонной арміи, дабы ни что не мѣшало *Октавію Кошуту*, *Антонію Бему* и *Леопиду Дембинскому* поиграть въ маленькій тріумфъ.

Съ польскими эмигрантами военачальниками, *Кошутъ* надѣялся вполне уладить дѣло и стать независимымъ, признаннымъ диктаторомъ отдѣлившейся Венгріи, а для того, если бы потребовалось, огнемъ и мечемъ пройти Австрію и Польшу и на общемъ разрушеніи, основать свое владычество. Таковы были, говорить Лабулей, (*) затаенная мысль, и честолюбивыя мечты *Кошута*. *Бемъ* и *Дембинскій* принадлежали къ партіи Ламберова отеля; понятны противудѣйствія, встрѣченныя *Высоцкимъ*, военачальникомъ, созданнымъ демократическою централизаціею польской эмиграціи.

Дембинскій, послѣ двухдневнаго боя при *Копольнѣ*, долженъ былъ отступить за *Тиссу*; причину своего пораженія онъ свалилъ на *Гергея*, но войска разсуждали иначе; они не вѣрили въ провозглашаемыя поляками, великія военныя таланты *Дембинскаго*, а вѣрили въ *Гергея*, который водилъ ихъ къ побѣдамъ. Венгерцы отказались повиноваться поляку — главнокомандующему. Коммисаръ венгерскаго войска *Шемере*, не посвященный въ тайнства парижскаго ареопага, чистѣйшій республиканецъ, который тоже былъ далекъ отъ того, чтобы содѣйствовать личнымъ расчетамъ *Кошута*, — смѣнилъ главнокомандующаго. *Кошутъ*, твердый въ наукѣ революціонеровъ, всевозможными интригами, хотѣлъ препятствовать призванію *Гергея*, но неуспѣлъ.

() Etudes contemporaines.

Гергей сталъ главнокомандующимъ; только при этомъ назначеніи, венгерскія войска надѣялись на спасеніе.

Обстоятельства были плачевныя. *Виндизгрецъ* занялъ уже половину Венгріи, Пештъ былъ въ рукахъ австрійцевъ. Изъ Вѣны прибыли новыя правительственныя повелѣнія о распущеніи мятежнаго венгерскаго сейма; новою хартіею Венгрія была низведена до простой области, привилегіи мадіаровъ были отняты, а кротатскій банъ *Телачичъ* былъ назначенъ въ Венгрію императорскимъ намѣстникомъ.

Назначеніе талантливаго *Гергея* измѣнило ходъ дѣлъ, успѣхи перешли на сторону венгерцевъ; осада Коморна была снята, венгерцы перешли Дунай, и угрожали Вѣнѣ; славянскія племена снова увидѣли, что военныя событія ихъ возвращаютъ подъ мадіарское начало; побѣда *Гергея* подъ Исачегомъ окончательно вскружила голову *Кошуту*. Эксъ-адвокатъ прибылъ къ арміи (7-го апрѣля 1849 г.), изъявляя войскамъ свое удовольствіе и въ длинной рѣчи заявилъ о вѣчной имъ благодарности націи.

За тѣмъ *Кошутъ* призвалъ къ себѣ *Гергея* и съ глазу на глазъ хотѣлъ его обратить въ свое орудіе, посвятить его, хоть слегка, въ тайны своей личной политики. Не страшась опроверженія *Кошута*, *Гергей* самъ обнародовалъ этотъ разговоръ въ своемъ „*Mein Leben und Wirken in Ungarn*“.

Эта бесѣда весьма характерна. Съ одной стороны стоитъ одианъ изъ главныхъ вожаковъ европейскихъ революціонеровъ, усердный союзникъ и ученикъ польскихъ эмигрантовъ, ими воспитанный и ободряемый вожакъ, псевдоблагодѣтель народа, алчущій власти, вынужденный высказаться, чтобы идти далѣе по своей себялюбивой программѣ; онъ взвѣшиваетъ свои слова, обманываетъ подъ личиною искренности. Его собесѣдникъ—венгерецъ, проникнутый всѣми мадіарскими домогательствами, за чистую монету припикивавшій всѣ прокламаціи и возгласы *Кошута*, и вѣрившій, что единственная его цѣль была только благоденствіе соотечественниковъ; но этотъ венгерецъ былъ не строитель воздушныхъ замковъ; онъ не былъ ослѣпленъ властолюбіемъ, онъ понималъ, что возможно и что невозможно, что честно и что коварно.

„Настало время, говорилъ, между прочимъ, *Кошутъ*, высказывая свою искусственную исповѣдь, отвѣтить на хартію 4-го марта, совершеннымъ отдѣленіемъ Венгріи отъ Австріи; теритріе націи исчерпано. Если она достойна свободы, то она не должна довольствоваться отверженіемъ императорскихъ пригизаній, но она должна от-

вѣтитъ на нихъ справедливымъ возмездіемъ. Народы Европы, по отвѣту венгерцевъ, будутъ судить чего они сто́ятъ; отъ этого приговора будутъ зависеть ихъ *симпатіи*. Англія, Франція, Італія, Турція, даже Германія, не исключая Австріи, только ждуть нашей деклараціи независимости, чтобы придти къ намъ на помощь, и тѣмъ съ большею энергіею, что они промедлили явиться помогать намъ. Наши братья поляки, столь испытывающіе чужеземное тяжело суровое владычество, послѣдуютъ ихъ примѣру. Лишь только мы соединимся, мы найдемъ союзника въ Турціи, которая столько претерпѣла отъ политики Россіи и Австріи. Свобода Европы связана съ нашею. Если мы побѣдимъ, то мы насчитаемъ столько знаменъ возставшихъ противъ ненавистныхъ правительствъ, сколько находится народовъ въ униженіи.“

„Наше торжество несомнѣнно; но мы не должны думать только о себѣ. Мы можемъ и мы должны драться за свободу всѣхъ тѣхъ, которые желаютъ намъ успѣха. Наши слова должны предшествовать нашимъ дѣламъ; наше провозглашеніе побѣды должны предшествовать несомнѣннымъ нашимъ будущимъ успѣхамъ, дабы провозгласить всѣмъ поработленнымъ народамъ приближеніе освобожденія, дабы они поджидали и были готовы, дабы они не пропустили часа спасенія и дабы не дать времени нашимъ общимъ врагамъ сговориться, соединиться и усилиться. Мы не должны молчать теперь, когда хартія положила вопросомъ наше существованіе. Наше молчаніе сочтутъ признаніемъ этого акта; плоды всѣхъ побѣдъ будутъ утрачены. Мы должны высказаться, и высказаться такъ, чтобы наше воззваніе оживило національныя чувства, отняло бы всякую увертку у всѣхъ колеблющихся, парализующихъ сеймъ и весь край; наше воззваніе должно заставить замолчать весь партіи въ виду близкаго достиженія цѣли, нашей столь возвышенной цѣли; такимъ воззваніемъ вѣрная побѣда будетъ облегчена и ускорена.“

Въ этихъ словахъ *Кошута*, онъ высказалъ частью теорію революціонныхъ вожаковъ, частью и средства, ими принимаемыя для ослѣпленія и увлеченія своихъ жертвъ. *Кошутъ* надулся послѣдними военными успѣхами своего собесѣдника, и какъ истый адвокатъ, краснорѣчивою деклараціею кинувъ Европѣ тучу пыли въ глаза, считалъ процессъ выиграннымъ. Его собесѣдникъ, виновникъ этихъ побѣдъ, знавшій войну и средства, и не угорѣлый всѣми тайными

комбинаціями революціонныхъ знаменитостей, понималъ событія въ ихъ настоящемъ свѣтѣ.

„Все, что вы мнѣ говорите, отвѣчалъ *Гергей*, для меня темно. Не словами мы достигнемъ цѣли, а дѣлами. Въ Венгріи ни одна рука не подыметься для совершенія этихъ дѣлъ, а соберутся только арміи, чтобы намъ противудѣйствовать. Допустимъ, что Венгрія нынѣ достаточно сильна, чтобы отдѣлаться отъ Австріи, но развѣ она достаточно сильна, чтобы поддерживать свою независимость въ томъ сосѣдствѣ, при которомъ Порта, гораздо въ выгоднѣйшемъ положеніи, существуетъ только изъ милости. Правда, мы теперь наносили австрійцамъ ударъ за ударомъ, но это стоило намъ самыхъ напряженныхъ усилий. Намъ при этомъ поддерживало чувство правоты нашего дѣла, но съ отдѣленіемъ Венгріи отъ Австріи, мы ее утрачиваемъ; наша борьба будетъ не за законъ, а противъ закона; она не будетъ необходимою защитой, а будетъ нападеніемъ даже на существованіе австрійской монархіи. Когда мы подобною деклараціею смертельно кольнемъ миліарды старыхъ интересовъ и уважасмы симпатіи; когда мы на нашу родину вызовемъ всѣ гибельныя послѣдствія революціи, которой вовсе не требуютъ нынѣшнія обстоятельства, когда мы толкнемъ на клятвопреступничество наши старыя войска, поразимъ нравственно воинновъ, составляющихъ сердце нашей арміи,—тогда мы будемъ только ослабѣвать съ каждымъ днемъ, а наши враги найдутъ въ сосѣдяхъ своихъ природныхъ союзниковъ, противъ насъ, разрушителей европейскаго равновѣсія.“

„Вы говорите что мы молча не должны принять изданную хартію. Да развѣ послѣднія событія означали молчаливое ея признаніе? Я не знаю, что можетъ правиться народамъ Европы, но я ясно понимаю одно, что малѣйшій успѣхъ на полѣ боя намъ доставляетъ болѣе пользы и славы, чѣмъ самыя пышныя деклараціи. Лучшій отвѣтъ на вѣнскія, министерскія химеры, это побѣды нами одержанныя, во имя Фердинанда, нашего законнаго Короля и во имя имъ дарованной намъ конституціи 1848 года.“

Эти слова смутили *Кошута*; они доказывали ему, что успѣхъ, есть только слѣдствіе совершенныхъ дѣлъ, они разбивали въ дребезги теорію революціонеровъ, которые надѣялись достигнуть своихъ цѣлей ослѣпленіемъ общественнаго мнѣнія и легальными изворотами законныхъ правительственныхъ актовъ. Для sprawy революціонеровъ, сторонники адвокаты были первые бойцы, Ко-

шутъ, какъ самъ адвокатъ, болѣе всего смотрѣлъ на мятежъ, какъ на политическій процессъ, въ которомъ главную роль должны играть разныя прокламаціи, деклараціи и протесты,— плоды той науки, въ которой такъ изощрялись поляки еще съ временъ Рѣчи Посполитой, и которыхъ не вразумили даже о три послѣдовательные раздѣла Польши. *Кошутъ*, который домогался верховной власти въ Венгріи, до того былъ не знакомъ съ дѣйствительною практическою жизнью, что онъ съ видомъ сомнѣнія спросилъ *Гергея*: „неужли старыя войска въ самомъ дѣлѣ привязаны къ Императору Фердинанду и къ конституціи 1848 года.“

„Да развѣ вы не поняли, возразилъ ему *Гергей*, что послѣ выхода изъ Пешта, моя вайценская прокламація была единственнымъ средствомъ, для удержанія старыхъ полковъ отъ перехода въ императорскій лагерь, а единственно этимъ полкамъ мы обязаны нашими побѣдами. Я ничего не зналъ о деклараціяхъ противъ *Дембинскаго*, а что жъ ихъ вызвало? одно только опасеніе, что со мною они потеряютъ начальника, который уважаетъ присягу, ими данную подъ знаменемъ. Еслибы императоръ Фердинандъ стоялъ предъ нами, я безбоязненно пригласилъ бы его въ лагерь безъ оружія и тѣлохранителей, чтобы тамъ принять привѣтствіе арміи; будьте увѣрены, что ни одинъ солдатъ не отказался бы пристать къ общимъ возгласамъ.“

Кошутъ, по видимому, отнесъ слова *Гергея* къ недостатку увлеченія его политическими идеями; онъ пресѣкъ разговоръ и болѣе не упоминалъ объ отдѣленіи Венгріи отъ Австріи.

У *Гергея* была опытность и онъ ясно видѣлъ положеніе дѣлъ; онъ зналъ, что рассчитывать должно на положеніе враждующихъ сторонъ, и настроеніе умовъ, а не на слова; а *Кошутъ* былъ только краснорѣчивый ораторъ, трибунъ, увлекаемый своимъ воображеніемъ и властолюбіемъ; онъ, подъ впечатленіями настоящаго, и самъ услаждался звуками собственныхъ рѣчей; по его понятіямъ, писать Лабулей, говорить значило дѣлать, управлять значило увлекать массы громкими словами, возбуждать въ нихъ страсти, угощать ихъ одуряющею чашею, не думая о раскаяніи и разочарованіи при пробужденіи.

Кошутъ, разочарованный *Гергеемъ*, отправился въ засѣданіе сейма, на которомъ надѣялся, что его краснорѣчіе доставитъ ему торжество, болѣе легкое.

„Сеймъ, дѣйствительно, пишетъ Лабулей, увлекся словами *Кошута*, который съ жаромъ изображалъ побѣды арміи, за ко-

торую онъ слѣдовалъ; въ паралель съ безсиліемъ австрійцевъ, онъ ставилъ героическіе подвиги мадіаровъ. Онъ требовалъ, чтобы Венгрія, со всѣми своими областями, со всѣми своими натуральными правами, была восстановлена независимою, а габсбургскій домъ, за его *клятвопреступничество*, былъ наказанъ торжественнымъ отрпщеніемъ отъ престола, предъ лицомъ Бога и вселенной. Пламенною рѣчью *Кошутъ* разжегъ національное чувство, увлекъ сеймъ, упоенный военными успѣхами, вызвалъ громкія рукоплесканія, и его предложеніе было принято единодушно; но *Кошутъ* умолчалъ о томъ, — монархію или республику должна составлять Венгрія; на первый случай онъ повелѣлъ такъ, что былъ избранъ *диктаторомъ*.

Тогда послѣдовало раздвоеніе въ мятежной власти: *Кошутъ*, съ своими приверженцами — поляками, генералами *Дембйскимъ* и *Бемою*, не отступали не только отъ плана отдѣленія Венгріи, но они только мечтали о томъ, чтобы снова отреволюционировать Европу. Диктаторъ создавалъ проектъ изъ Венгріи образовать нѣчто въ родѣ Бельгіи, между Россією и Австрією, несмотря на разноплеменность народовъ, которые ее населяютъ. Даже друзья *Кошута* подсмѣивались надъ подобными воздушными замками.

Чтоже касается *Гергея*, то онъ, какъ главнокомандующій, думалъ только о томъ, чтобы спасти мадіарскую національность и ея административную независимость, и потому онъ выжидалъ удобнаго случая вступить въ переговоры, въ надеждѣ сохранить конституцію 1848 года. Расчитывая на успѣхи своего оружія, онъ хотѣлъ двинуться на Вѣну, и тамъ предложить честный миръ. Вступленіе русскихъ войскъ разрушило надежды *Гергея* и воздушные замки *Кошута* и его окружавшихъ поляковъ. Привѣсти о русской помощи, славянскія племена Венгріи заливовали, а диктаторъ потерялъ голову.

Слѣпо слѣдуя революціонной теоріи польскихъ эмигрантовъ, онъ велѣлъ проповѣдывать противъ русскихъ крестовый походъ, призывалъ венгровъ защищать свою вѣру; жители недоумѣвали, видя, что протестантъ — диктаторъ кинулся въ духовныя процессіи, молебствія за сохраненіе вѣры, перенесеніе мощей и т. п.; никто не вѣрилъ, что костелу угрожаетъ какая либо опасность. Тогда *Кошутъ* думалъ спасти свою власть, приказавъ истребить всѣ запасы, угнать стада, сжечь деревни, обратить Венгрію въ пустыню, въ которой русскіе не находили бы средствъ къ продовольствію. „Таковы были распоряженія диктатора, говоритъ Лабу-

лей, политика, свирѣлая даже въ непріятельской землѣ, а не только относительно управляемаго народа; сила обстоятельствъ эту мѣру сдѣлала невозможною.“ Утѣшаемый поляками, *Кошутъ* надѣялся на Францію и Англію, но изъ венгерцевъ онъ одинъ вѣрилъ въ эту химеру; *Дембинскій* интриговалъ о смѣщеніи *Гергея*; диктаторъ пытался поставить своего пріятеля поляка въ главнокомандующіе, но войска заявили такое негодованіе при этой вѣсти, что онъ долженъ былъ уступить.

При успѣхахъ законнаго правительства, возстановленныхъ русскимъ оружіемъ, венгерскій сеймъ сталъ размышлять о покорности и о томъ, чтобы, обратясь къ императору Николаю Павловичу, просить его быть посредникомъ между Венгрією и австрійскимъ императоромъ.

Диктаторъ видѣлъ, что его власть окончательно пала; къ какому же средству прибѣгнулъ онъ, чтобы поддержать свое значеніе? Онъ предложилъ корону св. Стефана русскому Монарху.

Генераль адъютантъ *Ридигеръ*, получивъ о томъ письмо, отвѣтилъ, что венгерцы, со всякими заявленіями покорности, должны обращаться къ законному своему государю въ Вѣну, а что русскіе прибыли только усмирять мятежниковъ.

Гергей, предъ русскими войсками сложилъ оружіе, *Кошутъ* съ польскимъ легіономъ, бывшимъ подъ начальствомъ *Высоцкаго*, ушелъ въ Турцію.

Перебрались туда и участвовавшіе въ венгерскомъ мятежѣ польскіе генералы; *Бемъ* принявъ изламизмъ, принялъ и названіе Мюрадь—Паши.

Число поляковъ, прибывшихъ въ Турцію съ *Высоцкимъ*, *Бемомъ* и *Дембинскимъ* доходило до 900 человекъ.

Приведемъ изъ сочиненій *Высоцкаго* его мнѣніе о соотчичахъ, участвовавшихъ въ дѣлахъ 1848 и 1849 годовъ: „При всей ихъ храбрости, у нихъ совершенный недостатокъ любви къ порядку и къ подчиненію; правительство (польской эмиграціи) постоянно назначало новыхъ *довудцевъ* и новыхъ *организаторовъ*, съ обширною властью; всякій хотѣлъ начальствовать и никто не хотѣлъ повиноваться, по желанію, всякій могъ переходить изъ одной роты въ другую; кто болѣе о себѣ кричалъ или важничалъ, тотъ скорѣе и добывалъ себѣ повышенія. Другая причина болѣзни польскаго легіона таилась въ домашнемъ и умственномъ образованіи польской молодежи, совершенно не пригодномъ для военнаго дѣла.“

„Замѣчательная путаница въ понятіяхъ, при примѣненіи со-

ціальнихъ основаній къ военному дѣлу и положенію Польши, подчиненной иноземнымъ правительствамъ, выражалось тѣмъ, что всякія противудѣйствія старшимъ, принимались за добродѣтели и отвагу, и что непрерывающіеся заговоры для низверженія дѣйствующей власти были принимаемы какъ насущный хлѣбъ истиннаго патріота, какъ высокая цѣль всѣхъ мыслей, желаній и стремленій. “

ГЛАВА 10.

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА.

Эмиграція послѣ 1849 года.— Преобладаніе Ламберова отеля.— Неудачное домогательство польскаго легіона.— Михайлъ Чайковскій.— Польская неурядица и польская интрига.

Поляки считали Людовика Филиппа непреодолимымъ тормазомъ въ принятіи Франціею ближайшаго участія въ домогательствахъ польской эмиграціи. Наконецъ совершилось столь желаемое событіе, при полныхъ симпатіяхъ и усердіи ея демократической партіи, возникла французская республика, а за нею быстро при полныхъ симпатіяхъ и усердіи партіи Ламберова отеля, возникла имперія. Послѣдствія заставили польскихъ демагоговъ вспомнить о Людовикѣ Филиппѣ, ихъ централизація нашла себя при новыхъ порядкахъ, вынужденною выбраться изъ Франціи и перѣхать въ болѣе гостепріимный Лондонъ. Казалось что на долю европейскимъ революцерамъ пришлось сложить оружіе, а съ нимъ покаместъ уложить и польскія надежды.

Польскіе эмигранты испытывали быстрые переходы отъ великой радости къ великой печали и обратно; они могли вспомнить что дни одинъ за другимъ слѣдуютъ, но одинъ на другой не похожи. На очереди стало событіе для нихъ самое счастливое, о которомъ такъ долго мечтали и хлопотали поляки, и котораго исполненіе они едва ли почитали сбыточнымъ— западъ ополчился на Россію, и Россія въ готовящейся борьбѣ стояла одна. Со времени удаленія польскихъ выходцевъ за границу, они были неутомимыми работниками, чтобы общественное мнѣніе возстановить противъ ими провозглашаемыхъ *московскихъ варваровъ*, а дипломатія западныхъ кабинетовъ весьма удачно повела дѣла такъ, что Россія пришлось одной бороться снова, если не со всей Европой, то противъ значительнѣйшей ея части.

Польскія сердца встрепенулись, умы оживились, надежды воскресли,— заговоры закипѣли и въ Царствѣ Польскомъ и западной Россіи, закипѣли тѣмъ съ большею силою, что образовавшій-

ся нарывъ въ 1848^а и 1849 не прорвался, и возбужденные мятежные элементы, не выйдя тогда наружу, заглохли съ подавленіемъ венгерскаго мятежа (*).

Съ 1812 года никогда еще столько какъ во время крымской войны, польскія мечты не гуляли въ такомъ безпредѣльномъ мірѣ фантазій, обильно застроенномъ воздушными замками; паны готовились и не щадя денегъ, высылаемыхъ за границу, готовилось все шляхетство всѣхъ партій, готовились студенты-поляки по университетамъ, какъ за границею такъ и въ Россіи. Въ московскомъ университетѣ студентъ Юсіфъ *Розенталь* собиралъ цѣлые сеймы изъ *студентовъ*, для непремѣннаго принятія всѣми товарищами принциповъ централизаци. Онъ достигъ полной побѣды сколько силою своею краснорѣчія, столько угрозою, что противники будутъ исключены изъ общества поляковъ. Изъ московскаго университета *Розенталь* перешелъ въ кievскій и тамъ устроилъ тройки, для окончательнаго перехода отъ дѣятельности заговорной къ дѣятельности мятежа, но Ламберовъ отель парализовалъ пылъ дѣятельности.

Съ разгромомъ революціонныхъ сборищъ въ Парижѣ, съ изгнаніемъ централизаци въ Лондонъ, послѣ всѣхъ матеріальныхъ потерей, которыя съ 1849 года понесла демократическая партія

(*) Паны въ 1848 и 1849 годахъ, напуганные галиційскими событіями 1846 года, положительно боялись мятежей; сдерживали молодежь и перечили ея замысламъ; они уничтожали имъ попадавшіеся въ руки революціонныя возванія и распоряженія; готовы средства, они, въ 1848 году, ожидали прибытія французовъ, но какъ дѣла въ Европѣ къ концу первой половины года, приняли другой поворотъ, а Царство Польское и западная Россія стали наполняться войсками, то всякія попытки являлись совершенною невозможностью. Едва выяснялось что на Францію рассчитывать нечего какъ паны, первые, торопливо прѣзжали сообщать фельдмаршалу въ Варшавѣ о всякихъ готовящихся замыслахъ. Это не мѣшало однако демократической партіи работать своими путями, но они могли только работать между одною молодежью, которой вожаки не были принимаемы даже, оставшимися правительству неизвѣстными, членами литовскаго жонда 1831 года, въ рукахъ которыхъ все оставалась верховная дирекція заговорнаго польскаго *perpetuo mobile* въ западной Россіи. Часть молодыхъ заговорщиковъ была открыта; въ главѣ дѣателей стоялъ 19 лѣтній гимназистъ *Францъ Далевскій*, сосланный тогда въ каторжную работу, и который, помилованный въ 1856 году, снова принялся за организованія заговора къ мятежу 1863 года.

польской эмиграціи и разсеяніи ея членовъ, партія Ламберова отѣла достигла совершеннаго преобладанія. Всѣ мятежныя дѣйствія поляковъ, начиная со временъ раздѣла Польши, были убѣдительными доказательствами для всѣхъ партій, что если паны не возмутся за дѣло, то всякая попытка обращается только въ кратковременную потѣху конспираторовъ-проказниковъ, которая влечетъ за собою казни, заключенія и ссылки.

Всѣ услуги, которыхъ союзники могли ожидать во время войны отъ польской эмиграціи, конечно были достаточно побудительными причинами, для того чтобы ей, среди дипломатическаго міра идти, какъ говорится, быстро въ гору, по понятіямъ поляковъ; они христорадничали какъ предъ 1812 годомъ, призывая враговъ въ царство польское, въ западную Россію; въ Парижѣ ихъ ласкали по прежнему, по прежнему они расточали обѣщанія на пожертвованія, полную готовность быть гостепріимнѣйшими хозяевами. *Мѣрославскій* стратегическими доводами доказывалъ, что Польша и западная Россія единственный пригодный театръ для вторженія непріятелю. Туземцы обратились въ ожиданія и надежду. Партія Чарторыйскаго взяла въ это время рѣшительный перевѣсъ; демократическая партія, заявивъ своею многолѣтнею дѣятельностью свое революціонно польское настроеніе, понимала что на это настроеніе, съ императорскою Франціею, мода прошла и потому ей оставалось только всѣ свои надежды возложить на дипломатическое искусство князя Адама.

Но князь Адамъ не могъ добиться многого, тщетны были всѣ его усилія составить особый польскій легіонъ, который рядомъ съ сардинскими войсками, сталъ бы въ лагерѣ союзныхъ армій, и потомъ при окончательномъ расчетѣ, потребовалъ бы своей доли, если даже не потребовалъ бы ранѣе, извѣстныхъ гарантій. Не съ достоинствомъ западныхъ державъ было набирать себѣ союзниковъ въ ряду воображаемыхъ безземельныхъ государствъ; а еще менѣе связывать себѣ руки условіемъ; и *Мѣрославскій* съ грустью говорить, что поляки въ севастопольскомъ гарнизонѣ, тщетно прождали появленія польскихъ орловъ. Подобно Наполеону I, Наполеонъ III и Англія дозволили только полякамъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, проявить свою вражду къ Россіи усердіемъ въ пожертвованіяхъ деньгами и людьми и горячими симпатіями къ Франціи.

Тогда Ламберовъ отѣлъ особенно началъ занескивать у Австріи, эрцъ герцогъ Карлъ отправился въ Галицію; по мановенію князя Чарторыйскаго, поляки восторженно принимали эрцъ

герцога, какъ будущаго короля Польши, и польскія дамы громко провозглашали, махая платками: „Ah qu'il est beau notre jeune roi.“

Чѣмъ болѣе разгоралась война, тѣмъ натянутѣе становилась союзъ между Франціею и Англіею. Наполеонъ III воспользовался давнишними усиліями польской эмиграціи, возстановить общественное мнѣніе Европы противъ Россіи; союзу давало нѣкоторую прочность, а еще болѣе силу, то обстоятельство, что Россія казалась была оставлена вѣтми; на нея точно была наложена печать всеобщаго недовѣрія, но это искусственное положеніе дѣлать не легко было поддерживать. Волненія въ Польшѣ, могли заставить Австрію яснѣе высказать свои побужденія и опасенія, но Пруссіи ни въ какомъ случаѣ не устроивало возстановленіе Польскаго королевства, которое бы не только заявило свои притязанія на Познань, но и на другія ея области, бывшія нѣкогда подъ польскимъ владычествомъ; поляковъ преслѣдуетъ постоянно одна и таже идея: Польша 1772 года. Императоръ Наполеонъ самымъ положительнымъ образомъ провелъ черту польскимъ домогательствамъ. *Чарторыйскій* въ своемъ органѣ, „Вѣдомости Польскѣ“, 16 іюня 1854 года напечаталъ, для свѣдѣнія своихъ соотчичей: „Мы формально уполномочены лицомъ самымъ достойнымъ уваженія, которое только можетъ быть въ мірѣ, довести до свѣдѣнія нашихъ соотечественниковъ, что высоко поставленная особа, именно та, которая преимущественно рѣшила не образовывать польскаго легіона въ Константинополь, совѣтуетъ полякамъ въ этомъ отказъ, не искать причины къ утратѣ ихъ надеждъ, но напротивъ чтобы они во всякое время были готовы дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ.“ Краеугольнымъ камнемъ польскихъ традицій, надъ которыми парить польская интеллигенція, стоитъ „непозваляемъ“ съ нимъ не можетъ разстаться шляхетство. Непозваляемъ, единогласно произнесла демократическая партія, когда *Белъ* въ 1833 году заключилъ съ Донъ Мигуэлемъ португальскую конвенцію, а въ 1854 году, когда въ первый разъ князь *Чарторыйскій* дѣйствительно упирался на нѣчто въ родѣ официального дипломатическаго сношенія, не только демагоги, но и магнаты средней руки заволновались; по какому дескать праву князь *Чарторыйскій* трактуетъ съ кабинетами; кто его уполномочилъ? „Эти слова въ Польскихъ Вѣдомостяхъ, (16 іюня 1854 года) не допускаютъ двойкаго толкованія, пишетъ графъ *Тышкевичъ* (*), всякій зналъ что именно Наполеонъ III

(*) Тышкевичъ „Письма о современной Польшѣ“, стр. 174.

рѣшительно не согласился на формироваіе польскаго легіона въ Константинополь, а князь *Чарторыйскій* говоритъ полякамъ: императоръ французовъ приглашаетъ васъ чрезъ меня не отчаяваться, но быть постоянно въ готовности. Онъ и англійская королева *меня* признали представителемъ и главою польской *справы*; правда я не могу вамъ доказать это иначе какъ собственнымъ моимъ увѣреніемъ, но мое слово, слово честнѣйшаго изъ честнѣйшихъ людей, это не слова перваго попавшагося соціалиста, потому что я занимаю почетное мѣсто, я не какой нибудь безмозглый; всѣ признаютъ во мнѣ политическую опытность; извольте меня слушаться“.

Не знаемъ хотѣла ли польская эмиграція чтобы союзныя державы созвали всю ее на митингъ и чтобы онѣ на этотъ митингъ выслали своихъ министровъ договариваться съ эмигрантами, но видимъ только что эмиграція никакъ не хотѣла перейти изъ міра фантазій въ міръ дѣйствительный. Она не понимала что никогда, ни одно европейское правительство не признавало никакого офіціального характера ни въ ея келейныхъ сеймахъ, ни въ одномъ изъ ея безчисленныхъ комитетовъ. Она не понимала что западныя державы никакой особенной необходимости въ польскихъ эмигрантахъ не имѣютъ, а какъ они сами навязываются въ дѣло, и своимъ вліяніемъ на край могутъ принести косвенную пользу, то онѣ при закрытыхъ дверяхъ, заговорили съ тѣми изъ польскихъ выходцевъ, которые всегда стояли у этихъ дверей, умоляя о позволеніи войти.

Поляки надѣялись что выговорятъ для себя особыя условія, забывая что въ нихъ никто особенно не нуждался, и что правительства очень хорошо понимаютъ, что съ поляками имъ церемониться нечего, что они радостно возмутъ на себя роль кондотьеровъ, при хорошемъ жалованьи, подстрѣкаемые мыслью что идутъ воевать противъ Россіи. При громаднхъ приготовленіяхъ для борьбы съ Россіею, кромѣ самой польской эмиграціи, никто не обращалъ на нее особеннаго вниманія. Во время этихъ приготовленій поляками было произнесено много пламенныхъ рѣчей за и противъ князя Адама, а кончилось тѣмъ, что всѣ поляки, послѣдовавшіе на востокъ, всѣ стали подъ знамя *Чарторыйскаго*, кто былъ по богаче на собственномъ иждивеніи, а кто побѣдѣе на усиленномъ жалованьи.

Край оставался спокойнымъ; дабы предупредить всякую своевольную выходку какого либо отчаяннаго патріота—туземца, которая могла бы быть искрою большаго пожара и надѣлать хлопотъ

западнымъ комбинаціямъ и опасеніямъ, то въ шляхетное общество были пущены слова, какъ сказанныя Наполеономъ: первый выстрѣлъ на Вислѣ заставитъ замолчать севастопольскія батареи (*), а въ утѣшеніе туземному шляхетству было сообщаемо, что „въ тотъ моментъ когда театръ войны коснется ихъ предѣловъ, то неожиданнымъ ударомъ всей возставшей Польши, они нанесутъ Россіи рѣшительный ударъ и она будетъ рада согласиться на всякій миръ, который ей будетъ предписанъ, что Наполеону III, въ дружбѣ съ Англіею, нечего церемониться съ Россіею, какъ Наполеонъ I поцеремонился съ ней въ Тильзитѣ“.

Хотя цѣлая русская армія охраняла Царство Польское, но Австрія повидимому тоже опасалась какой либо сумятицы и настаивала чтобы Придунайскія Княжества были признаны нейтральными.

Послѣдуемъ за эмигрантами въ Турцію, болѣе или мѣнѣе уже извѣстную польской эмиграціи. Князь *Чарторыйскій* въ демократической партіи всегда видѣлъ злѣйшихъ противниковъ своимъ планамъ; онъ не довѣрялъ чтобы революціонными стремленіями, Польша когда либѣ достигла независимости, а демагогическія ея ученія низвергали его династическія мечты. Неудавшіяся попытками затѣянными революціи только подтверждали князя *Чарторыйскаго* въ томъ его убѣжденіи, что его планъ медленнаго, постепеннаго, прочнаго укрѣпленія камень за камнемъ въ *великомъ будованіи* для возстановленія Польши, только терпѣлъ отъ демократической партіи, что шальные ихъ выходки только разрушали часть уже сдѣланной работы. Онъ по сегодню искалъ какихъ либо занятій неугомоннымъ противникамъ, своимъ товарищамъ по изгнанію. Желая разослать ихъ въ Португалію, Испанію, Алжиръ, Египетъ и Америку, онъ искалъ давно уже пристроить часть ихъ и въ Турцію.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ князь *Адамъ Чарторыйскій* заключилъ условіе съ орденомъ константинопольскихъ лазаристовъ (**), по которому часть земли имъ принадлежащей въ азіатской Турціи, была предоставлена для земледѣльческихъ работъ польскихъ выходцевъ и тамъ основано польское селеніе *Адамполь*, но по отзывамъ самихъ поляковъ, много эмигрантовъ тамъ перебивало и мало тамъ оставалось. Выгодныя условія заманивали, работа отталкивала и эмигранты изъ Адамполя раз-

(*) Le premier coup de fusil, parti sur la Vistule fera taire les batteries devant Sébastopole“.

(**) Латинскій орденъ монаховъ, тамъ водворившійся въ XVIII вѣкѣ.

сыпались по Турціи, искать пропитанія болѣе легкаго. Польскій легіонъ, вышедшій изъ Венгріи въ 1849 году въ Турцію увеличилъ тамошнее число польскихъ выходцевъ. Въ европейской Турціи до начала восточной войны, насчитывали болѣе 2,000 поляковъ, такъ что вновь прибывавшіе искатели приключеній застали тамъ много земляковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ князь *Чарторыйскій* искалъ утвердить свое значеніе и искалъ войти въ связь съ правительственными личностями, тамъ гдѣ онъ надѣялся что могутъ явиться враги Россіи. Такъ и въ Константинополѣ онъ имѣлъ своего человѣка, *Михаила Чайковскаго*. Онъ былъ литераторъ Ламберовскаго отеля, писалъ повѣсти изъ быта Украины, въ 1840 роду былъ посланъ къ запорожскимъ казакамъ, обитающимъ въ турецкихъ владѣніяхъ Малой Азіи и принималъ участіе въ постройкѣ Адам-поли; поселясь въ Константинополѣ, онъ сталъ государственнымъ человѣкомъ и знатокомъ военнаго дѣла; онъ составлялъ разныя записки о пересозданіи Турецкой Имперіи и ея войскъ, которыя онъ представлялъ султану, и для лучшаго себя утвержденія на турецкой почвѣ, онъ принялъ исламизмъ въ 1850 году и называлъ себя *Садикомъ*. Предъ началомъ восточной войны, поддерживаемый *Чарторыйскимъ*, онъ получилъ согласіе султана на сформированіе султанскихъ казаковъ, и получилъ званіе паши.

Русскія войска вступили въ Княжества, Порты торопливо готовилась къ войнѣ, *Чайковский* предлагалъ султану выписать четырехъ опытныхъ польскихъ генераловъ съ ихъ штабами, для укомплектованія начальствующихъ формируемыхъ войскъ и указывалъ что подъ ихъ начальство соберется множество поляковъ, отважныхъ опытныхъ войновъ. Султанъ согласился. *Чайковский* тотчасъ адресовался къ своему патрону *Чарторыйскому*. *Чарторыйскій* не очень торопился, а генералы заломили цѣну своему искуству, и требовали еще гарантій въ исправной уплатѣ жалованья. *Чайковский* писалъ *Чарторыйскому*, что этимъ путемъ на счетъ султана можно будетъ устроить войско, которое потомъ можно будетъ употребить на дѣло Польши, но что бы для увеличенія средствъ, князь *Чарторыйскій* потребовалъ бы экстерныхъ взносовъ отъ туземцевъ, въ которыхъ они не откажутъ. Осторожный *Чарторыйскій* не поддавался подлымъ рѣчи Садикъ Паши; Франція принимала участіе въ турецкихъ дѣлахъ и князь Адамъ ждалъ позволенія или вѣрнаго приказанія. Приѣхали генералы *Брезтскій* и *Быстржаниновскій*: занялись формированіемъ польскихъ легіоновъ, но дѣ-

ло вели такъ вяло, что рѣшительное заявленіе Наполеона противъ формировація подобныхъ легіоновъ остановило далеко не оконченное предноженіе.

Если паны, туземцы, послушные Ламберову отелю сидѣли смирно, и отъ нихъ не требовалось экстерныхъ взносовъ, то ксендзы и поляки дѣятельно выступили впередъ. При волшебномъ словѣ „польскіе легіоны“ составлялись концерты въ пользу бѣдныхъ, сборы въ пользу бѣдныхъ, лотереи въ пользу бѣдныхъ, и не одинъ рубль русскаго офицера а можетъ быть и пишущаго эти строки, очутился въ Парижѣ, въ кассѣ Ламберова отеля. Князь *Чарторыйскій* былъ между двумя огнями, съ одной стороны летѣли посланія изъ Турціи; тамошніе поляки своимъ путемъ знали что обильные ояры собирались въ краѣ, съ другой стороны какъ мы упомянули, Наполеонъ не изъявлялъ на нихъ согласія. Молва о польскихъ легіонахъ была на всѣхъ устахъ; тогда князь Адамъ напечаталъ нами сказанное свое объявленіе отъ 16 Іюня 1854 года.

Съ потерею надежды на формировапіе легіоновъ, поляки кинулись въ султанскіе казаки *Садикъ Паши*; хотя самъ паша былъ и преданный сторонникъ Ламберова отеля, но масса прибывшихъ принадлежала почти вся демократической партіи, и недостатка не было въ порицаніяхъ и критикѣ польскихъ дипломатовъ; настроеніе лагеря Садикъ Паши разносилось въ краѣ; демократы стали брать рѣшительный перевѣсъ, тѣмъ болѣе, что *Высоцкій* бывший предводитель польскаго легіона въ Венгріи, одинъ изъ вожаковъ демократической партіи, другъ *Мирославскаго*, заклятаго врага Ламберова отеля, отправился тоже въ Турцію искать службы у султана. Среди громаднхъ событій восточной войны, какъ поляки не были ничтожны своею численностью, силою и значеніемъ, но успѣхъ на блистательный исходъ войны шелъ еще возвыщаясь, а въ подобное время аристократическая партія всегда старается сохранить во чтобы то не стало преобладаніе на своей сторонѣ, точно также какъ при наступленіи неудачъ, она старается ступшеваться, снять свою булавку съ игры, какъ говорятъ французы, и отречься по возможности отъ всякаго прицятаго участія. *Чайковскій* приписывалъ что ничтожная роль, которая выпала на долю поляковъ среди союзниковъ, была слѣдствіемъ недостаточнаго представительства польской эмиграціи, и какъ истинный поклонникъ Ламберова отеля настоятельно требовалъ отъ него высылки подобнаго представителя, по Лам-

берову отелю было гораздо важнѣе возвратить въ подчиненности неугомонную демократію, и онъ обратился къ обычному оружію, къ интригѣ. На этотъ разъ польская интрига въ лице графа Владислава Замойскаго поспѣшила въ Турцію; князь Адамъ отправилъ туда своего способнѣйшаго и усерднѣйшаго сторонника наладить дѣло.

Графъ *Замойскій*, какъ говоритъ *В. Мицкевичъ*, прибылъ въ Константинополь, встрѣтился съ *Высоцкимъ*, радостно облобызался съ нимъ, и тотчасъ же предупредилъ султанскихъ чиновниковъ, чтобы *Высоцкому* ничего не довѣряли, потому что онъ былъ революціоннымъ агентомъ. Радостно расцѣловался онъ при свиданіи съ *Чайковскимъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ письмами къ сераскиру и къ Омеръ Пашѣ предостерегалъ ихъ отъ запальчивости Садикъ Пашы, что у него только на умѣ внести войну въ Польшу, что онъ наравитъ только на то, чтобы ему прорваться на Волынь, что при его своелюбіи его неудержитъ настоящее требованіе Австріи, не переходить ея назначенную черту. Если графъ *Замойскій* не достигъ того, чтобы слишкомъ пылаго Садикъ Пашу замѣнить болѣе послушнымъ другимъ сторонникомъ Ламберова отеля *Косцельскимъ*, то все же онъ добился того, что пашамъ было предписано сноситься съ Садикъ Пашею, какъ хорошо знающимъ мѣстность, но не допуская чтобы онъ увлекъ ихъ впередъ; подчиненные же *Чайковскаго* получили приказъ исполняя его распоряженія, ни подъ какимъ предлогомъ однако не позволять чтобы части артиллеріи или пѣхоты переправились на лѣвый берегъ Серета. Графу *Замойскому* не удалось однако своимъ кандидатомъ замѣнить *Садикъ Пашу* и сторонники послѣдняго говорили, что если *Косцельскій* желаетъ сдѣлать блистательную карьеру въ турецкой службѣ, то при нѣкоторой твердости духа и безстрашии передъ ланцетомъ, онъ можетъ поступить въ евнухи сераля.

Устранивъ *Высоцкаго*, поколебавъ довѣренность Порты къ Садикъ Пашѣ *Чайковскому*, графъ *Замойскій* принялся устраивать свои дѣла. Онъ отказался отъ званія турецкаго бригаднаго генерала, не довѣряя акуратности турецкаго жалованья, а предложилъ свои услуги Англіи, взявъ на себя формировать полкъ изъ поляковъ, который ей обойдется гораздо дешевле вербуемыхъ въ Европѣ волонтеровъ. Англія приняла предложеніе и пожаловала *Замойскаго* генераломъ. Графъ *Замойскій* разомъ составилъ свой полкъ, добывъ позволеніе отдѣлить половину отъ козаковъ султана, сформировав-

ныхъ *Чайковскихъ*. Оба эти, по народностямъ пестрые полки съ значительнымъ числомъ поляковъ, скоро представили разительную разницу. У *Чайковского* нагайка была въ сильнѣйшемъ ходу, и въ честь мастера этого дѣла, служившаго тамъ полковникомъ, *Киркора* и самыя нагайки получили названіе киркорокъ, а въ полку графа *Замойскаго* преимущественно занимались обращеніемъ въ латинство. "Какой страмъ говорили поляки въ полку *Чайковского*, что тамъ превзошли даже москалей, въ употребленіи нагаекъ, сколько козаковъ тамъ умерло подъ ударами киркорокъ." За то о полку графа *Замойскаго*, получившему названіе англо-турецкаго, держались другіа рѣчи: „тамъ рѣдко учатся, даже мало занимаются коннымъ и пѣхимъ строемъ; время проводить въ молитвахъ, исповѣдяхъ и обращеніи схизматиковъ. Тамъ случались примѣры что русскіе бѣглые солдаты, которыхъ палками хотѣли обратить въ латинство кричали, „убей, не перекрещусь.“ Графъ *Замойскій* отлично устроивалъ однако свои собственныя дѣла; получая снабженія на оба полка, отъ анличанъ, французовъ и турковъ, онъ расходовалъ ихъ весьма экономически, и Садикъ Паша—*Чайковскому* за все время выдалъ только 3,000 фр. жалованья. Получая на собственную свою личность столько раціоновъ, что на нихъ могъ бы содержать цѣлый госпиталь, онъ однако для его улучшенія собиралъ добровольныя приношенія по подпискѣ съ офицеровъ, даже и такихъ, которымъ не выдавалъ жалованья.

Раздоры и сепартизмъ охватили польскій лагерь, князь *Чарторыйскій* послалъ изъ Парижа примирителемъ сына своего *Владислава* и какъ бы въ дядьки къ нему послалъ поэта *Адама Мицкевича*. „Пишите мнѣ, прошу васъ, о моемъ сынѣ, писалъ ему князь *Адамъ* 27 Октября 1855 года, весьма желалъ бы узнать что вы были имъ довольны.“ Князь *Владиславъ Чарторыйскій* прибылъ въ Турцію съ обетановкою какого то принца кроны. Поляки живущіе въ мірѣ фантазій къ какой бы партіи они не принадлежали, съ самодовольствіемъ встрѣтили молодого князя; они точно дождались, что ихъ посѣтитъ принцъ чистой крови владѣтельнаго дома; они парадировали заявленіемъ чувства глубокой преданности. Франція и Англія имѣли своихъ принцевъ, на театрѣ войны; прибылъ таковой псевдо-кронъ-принцъ и къ полякамъ но въ польскомъ обществѣ съ необыкновенною быстротою совершаются всякія перевороты нравственнаго нагроенія. При неестественно фальшивомъ воспитаніи, пѣтъ въ нихъ твердыхъ убѣжденій, выработанныхъ, усво-

енныхъ правильныхъ понятій; всякій кидается разыгрывать какую нибудь имъ избранную роль, согласно обстоятельствамъ, Алкивиада, Ливурга, Брута, Цицерона, Гракха, то маркиза временъ Людовика XIV, то якобинца 1789 года, то англійскаго лорда, пока роль не надоѣстъ; тогда они обращаются въ первобытное состояніе, пока при новыхъ обстоятельствахъ, они не разбираютъ новыхъ ролей, — прямое слѣдствіе не нормальнаго положенія, въ которое себя поставило польское шляхетство, и въ которомъ оно упорно держится. Прибытіе князя *Владислава Чарторыйскаго* и *Адама Мицкевича* водворили согласіе на короткое время и скоро ихъ присутствіе только увеличило распри съ новою силою. Князь *Владиславъ* присталъ къ графу *Замойскому*, *Адамъ Мицкевичъ* къ демократамъ и перетаскалъ туда окончательно и *Чайковскаго* Садикъ Пашу.

Князь *Владиславъ* приѣхалъ въ Турцію искаемый точными обычаями. „Вы приѣхали на Востокъ, писалъ ему поэтъ *Мицкевичъ*, 17 ноября 1855 года, гдѣ столько надеждъ можетъ воспринять. Взоры столькихъ поляковъ были обращены на васъ; сцена на которую вы восходили еще болѣе васъ возвышала, и что же? на этой землѣ нашей будущности, первые слѣды, которые вы оставляете на нашемъ пути состояли въ томъ, что вы приказали опубликовать, что женщина, которую вы съ собою привезли, оказала такія то и такія то заслуги. Князь! если госпитали требовали улучшенія, то должно было поручить дѣло медикамъ, предоставивъ имъ должныя средства, но ни въ какомъ случаѣ нельзя было требовать подписки отъ офицеровъ, неполучающихъ жалованья. Ваши походы въ монастырь, чтобы помѣстить тамъ бесплатно еще другихъ женщинъ, составляютъ предъ иностранцами позоръ и скандалъ. Мы можемъ потерять случай возстановить наше національное знамя на землѣ, столь близкой къ нашей родинѣ. Это первый польскій лагерь, который послѣ столькихъ лѣтъ является снова.“

„Мы все сдѣлали для *Чарторыйскихъ*, писалъ *Чайковский*; мы доставили имъ политику на Востокъ, вліяніе на славянъ, сношенія съ кавказскими горцами, а чрезъ это кредитъ у кабинетовъ французскаго и англійскаго, мы образовали польскую колонію и казаковъ съ военнымъ устройствомъ, доставили имъ знамя, положеніе, я употребилъ всевозможныя старанія, чтобы не допустить раздѣленія казаковъ, я дѣйствовалъ такъ для настоящихъ выгодъ и имѣлъ въ виду будущность Польши, достоинство польскаго имени; поступки *Замойскаго* отъ насъ навсегда могутъ

удалить казаковъ, они содѣйствуютъ только тому, чтобы навсегда раздѣлить восточную церковь отъ западной. Почему князь Адамъ *Чарторыйскій*, въ самомъ началѣ борьбы, не обратился къ краю и не потребовалъ нужныхъ суммъ для организаціи и содержанія польскихъ легіоновъ; почему не были употреблены миліоны, завѣщанные дѣвицею Сициліею ***, духовнымъ ея завѣщаніемъ исключительно назначенные для *народной sprawy*, а не на какіе другіе предметы. Много было кромѣ того подписокъ и пожертвованій, всѣ эти суммы вмѣстѣ были бы болѣе чѣмъ достаточными,.. „Мы имѣли свои капиталы, край дополнилъ бы ихъ въ случаѣ необходимости, а мы сохранили деньги для Ламберова отеля, мы пошли на жалованье англичанъ и должны переносить нарѣканія, что живемъ на счетъ союзниковъ а ихъ золото льется въ карманъ графа Владислава“ (Замойскаго).

Князь Адамъ *Чарторыйскій* дипломатически отвѣчалъ *Мицкевичу*, сообщившему ему раздоры между *Замойскими* и *Чайковскими*:

„Садикъ обладаетъ большими способностями, но онъ быстръ и пылокъ, и дѣйствуетъ слишкомъ запальчиво въ минуту раздраженія; что касается *Замойскаго*, то я хорошо знаю его недостатки, отъ которыхъ онъ нажилъ много враговъ, особенно между своими земляками; но вмѣстѣ съ тѣмъ у него много и прекрасныхъ качествъ“. Прекраснѣйшее его качество, говорили поляки, то, что онъ племянникъ князя Адама.

При раздорахъ, существовавшихъ въ обѣихъ польскихъ партіяхъ въ Турціи, подъ руководствомъ поляковъ войска послѣ Калафата не могли быть употреблены. Войска Садики во всемъ нуждались, даже въ людяхъ, которыхъ задерживалъ *Замойскій*, и его подчиненные все не достигали боевого образованія. Поляки не попали ни въ Крымъ, ни въ Малую Азію.

„Насъ не послали даже въ Азію, пишетъ *Чайковский*, когда интервенція Австріи насъ лишила доступа къ Дунаю, и когда какимъ нибудь громкимъ подвигомъ намъ было необходимо поднять ту военную славу польскаго имени, которая доселѣ была нашимъ драгоцѣннѣйшимъ наслѣдіемъ и существенной силой нашей ойчизны. Вмѣсто того мы отдѣлились отъ Польши, наше знамя было запятнано двусмысленною репутаціею наемнаго войска, безъ всякой гарантіи для края; одно только честолюбіе графа *Замойскаго* было удовлетворено послѣ трудовъ двухъ съ половиною лѣтъ, время, въ которое мы могли бы

устроиться при нашихъ для насъ благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, войны съ Россіею“.

Разбирая всѣ походы поляковъ во время восточной войны, когда дѣйствительно въ первый разъ раскинулся польскій лагерь въ арміяхъ, которыя не были арміями мятежниковъ, нельзя не отдать справедливости словамъ Моллера, въ сочиненіи *Situation de la Pologne*.

„Едва только Польша снова появилась на сценѣ, какъ уже являются *Чарторыйскіе* съ стремленіями къ верховной власти; подъ ихъ покровомъ Замоискіе ищутъ выгодныхъ мѣстъ, либерализмъ эмиграціи проявляется *киркорками*, для вѣсчей популярности патріотическая кампанія обращается въ крестовый походъ противъ схизматиковъ; демократы ругаютъ аристократовъ, аристократы предъ турками изобличаютъ и выдаютъ демократовъ и интригуютъ противъ всѣхъ; словомъ въ пресловутой ойчизнѣ, всякой работаетъ въ пользу собственныхъ своихъ дѣлъ, а польская справа раздробляется въ sprawy личныхъ выгодъ патріотовъ, навязываемыхъ польской націи.“ Кто же наконецъ польскіе патріоты? идущіе ли за знаменемъ Ламберовскаго отеля, который выдаетъ демократическую партію за враговъ польской націи, или демократы, которые тысячами подписей засвидѣтельствовали что князь *Чарторыйскій*, глава и руководитель аристократической партіи, предатель и отверженный врагъ отечества.“

Адамъ Мицкевичъ умеръ къ окончанію войны въ Турціи, князь *Владиславъ Чарторыйскій* и графъ *Владиславъ Замоискій* возвратились въ Парижъ.

Въ январѣ 1856 года, когда многочисленная толпа собиралась въ Парижѣ къ церкви *Madelaine* для панихиды по *Мицкевичу*, *Язвинскій* предъ оградой, встрѣтя графа *Владислава Замоискаго* отхлысталъ его своею тростью. По жалобѣ *Замоискаго* и по приговору суда, *Язвинскій*, былъ заключенъ въ тюрьму на 4 мѣсяца.

Парижскій миръ ни однимъ словомъ не упомянулъ о полякахъ.

ГЛАВА 11-я

Внутренняя жизнь Эмиграціи.— Устройство демократическаго товарищества.— Уставъ.— Сношенія съ туземцами.— Централизація, осуждаемая поляками.— Значеніе Ламберова отеля.— Организациа заговорнаго дѣла.— Внушенія къ крамоламъ.— Взаимная ненависть.— Слѣдствіе посѣщенія Государемъ Варшавы.— Усиленная дѣятельность.— Крестьянскій вопросъ.— Сношенія съ ренегатами съ того берега.— Обширные замыслы.— Сводъ программъ къ мятежу 1863 года.

Ознакомясь съ внѣшнею дѣятельностью польской эмиграціи, взглянемъ на ея внутренній бытъ.

Многоатилѣтняя конспиративная дѣятельность, со временъ раздѣла Польши 1795 года обратившаяся въ *perpetuum mobile* польской sprawy, конечно дала каждой партіи много данныхъ для правильнаго организироваія конспиративныхъ ихъ работъ, согласно направленію, принятому каждою партіею. Ограничимся разборомъ двухъ главнѣйшихъ, такъ называемыхъ *демократической*, иначе *красной*, и *аристократической*, или *блгой*; всѣ остальные были для нихъ болѣе или менѣе пригодными подспорьями.

Изъ этихъ двухъ партій дѣйствительная сила и матеріальныя средства были въ рукахъ *блгыхъ*. Съ этою силою, въ ихъ руки, должна была попасть и *власть*. *Красные* понимали это, и съ озлобленною настойчивостью, добываясь тоже власти, могли опираться

ся только на отуманеніи понятій. Настойчиво проводя свои ученія, они проповѣдывали, что все существующія основанія общественнаго устройства отжили свой вѣкъ, и красные не только предлагали свои теоріи для пересозданія народной жизни, но и самихъ себя называли въ исполнители, какъ мы имѣли случай видѣть изъ предшествующаго разсказа; для того они работали *затаенными* отъ простодушныхъ туземцевъ путями и стремились неожиданными, заранѣе подготовленными событиями, *захватить* власть, и по временамъ дѣйствительно кратковременно ее и захватывали. Въ средѣ демократической партіи составилось особое общество, подъ заглавіемъ: „демократическаго товарищества.“ Это общество, для своего управленія имѣло свою *централизацию*; какъ знаменемъ партіи аристократической былъ *Ламберовъ отелъ*, такъ знаменемъ польскихъ демократовъ была централизація.

Демократическая партія стремилась систематическими работами утвердиться и приобрѣтать силу, которою она могла бы бороться не только съ правительствами, но и съ противною партіею *бѣлыхъ*. Для своихъ работъ она хотѣла, во первыхъ, дать правильную организацію своимъ членамъ, и во вторыхъ, по повсемѣстно проводимымъ ею началамъ, вести систематически и самыя работы, дабы усилія не терялись въ разнохарактерныхъ и разностороннихъ тенденціяхъ, но направленные, согласно принятой программѣ, сливались бы въ одно и вели бы скорѣе и вѣрнѣе къ задуманной цѣли.

Польскіе эмигранты, какъ было сказано, во Франціи были размѣщены по дено; въ Парижѣ, для продолженія веденія польской sprawy, они составили свой польскій комитетъ, который, вслѣдствіе интригъ, ненависти и зависти, безпрестанно мѣнялъ членовъ и названія. *Адамъ Чарторыйскій*, опытный въ дѣлѣ затаенныхъ похожденій, всегда умѣлъ сохранять преобладаніе; когда самыя ярые его враги составили демократическое общество, то онъ въ это общество успѣлъ посадить своего человека, графа *Адама Гуровскаго*, своего сотрудника еще по варшавскимъ конспираціямъ; *Гуровскій*, подъ постоянною маскою сильнаго врага аристократической партіи, оказалъ не малое вліяніе на ходъ дѣла. Основатели демократическаго общества составили уставъ, и всякій его подписавшій поступалъ въ число его членовъ безразлично — находился ли онъ во Франціи, въ Польшѣ, въ Россіи, въ Турціи, или другомъ какомъ либо мѣстѣ. Это общество было самое значительное числомъ; члены-основатели

особенно обладали наукою искушающей пропаганды, поражали воображеніе необузданностью рѣчей и эксцентрическими своими доводами. Оно неумоимо заботилось поглотить въ своей средѣ большинство польскихъ эмигрантовъ и дѣйствительно добилось того, что изъ около 6 тысячъ польскихъ выходцевъ 1831 г., проживавшихъ во Франціи, болѣе 1,500 человекъ вступили въ товарищество.

Уставъ общества демократическаго товарищества былъ разбитъ на главы и статьи. Нѣкоторое знакомство съ уставомъ разъясняетъ и работу польскихъ демократовъ.

Основной законъ: Цѣль польскаго демократическаго товарищества — независимость Польши. Основою и средствами къ тому — демократія.

Польское демократическое товарищество объявляетъ свои понятія о демократіи публичными актами.

Глава I. Польское демократическое товарищество состоитъ изъ членовъ дѣйствительныхъ, природныхъ поляковъ, безъ ограниченія ихъ числа, и изъ членовъ корреспондентовъ, поляковъ или иноземцевъ (§§ 1 и 2).

Общество дѣлится на секціи (§ 5).

Особыя учрежденія (институціи) пользуются властью въ границахъ, имъ предоставляемыхъ товариществомъ (§ 6).

Товарищество ввѣряетъ общее направленіе дѣятельности главному своему учрежденію — централизаціи.

Судебная власть предоставляется особой институціи. Общество товарищества рѣшаетъ только жалобы на централизацію (§ 8).

Глава II. Законодательная власть принадлежитъ обществу товарищества. Законъ безъ соизволенія и санкціи (утвержденія) общества не имѣетъ обязательной силы (§ 9).

Всѣ обнародуемые акты, какъ то манифесты, деклараціи, прокламаціи, протестаціи, отзывы и т. п., требуютъ утвержденія общества, кромѣ случаевъ, предвидѣнныхъ въ § 58.

Дѣла рѣшаются слѣдующимъ порядкомъ:

Проектирующій заявляетъ свое мнѣніе *секціи*, а оттуда, съ ея мнѣніемъ, препровождается въ *централизацію*; никакой проэктъ не можетъ быть отвергнутъ безъ замѣчанія (§ 11).

Глава III. Члены, проживающіе въ одномъ городѣ или селеніи, составляютъ *секцію*, если ихъ не менѣе 5; въ против-

номъ случаѣ, они принадлежатъ къ ближайшей. Въ каждомъ мѣстѣ должна быть одна секція, развѣ только мѣстныя препятствія не допустить многочисленныхъ собраній. (§ 15).

Секція считается основанною, если общество составитъ протоколъ и изберетъ секретаря. (§ 17).

Каждая секція должна имѣть избранныхъ секретаря и кассира и засѣданія одинъ разъ въ недѣлю, кромѣ чрезвычайныхъ. (§§ 18 и 19).

Всѣ члены по списку председательствуютъ по очереди. Поссторонніе на засѣданія не допускаются. Каждому засѣданію составляется свой протоколъ. (§§ 20, 21).

Пренія рѣшаютъ большинствомъ голосовъ. (§ 25).

Секція дѣлаетъ свои сношенія съ обществомъ товарищества только чрезъ централизацію. Разрѣшаемые вопросы — политико-соціальныя. (§ 31).

Глава IV. Обязанность каждого члена трудиться, по мѣрѣ своихъ способностей и положенія, для общаго блага, но въ духѣ основаній, принятыхъ товариществомъ; совѣтами и состояніемъ содѣйствовать теченію дѣлъ въ виду настоящаго и будущаго; покоряться уставу, акуратно вносить подать, согласно его постановленій. (§ 32).

Членъ не имѣетъ права принадлежать ни къ какимъ другимъ политическимъ союзамъ. (§ 43).

Глава V. Централизація (*) состоитъ изъ 5 членовъ, необходимое число членовъ въ комитетъ для занятій три. Члены председательствуютъ по очереди, кромѣ секретаря. (§ 48).

Централизація можетъ, въ случаѣ надобности, дополнить необходимое число членовъ изъ товарищества, но ихъ голосъ только совѣщательный. (§ 50).

Централизація сама себѣ приписываетъ свое внутреннее устройство. (§ 51).

Централизація единственный органъ, чрезъ который товарищество заявляетъ свою волю (§ 53).

Она оглашаетъ и приводитъ въ исполненіе сужденія общества, издаетъ распоряженія, инструкціи, предписанія, постановленія,

(*) Централизація имѣла свое пребываніе съ 1834 по 1840 годъ въ Пуатье, съ 1840 по 1848 въ Версали, съ Марта 1848 до Юня 1849 въ Парижѣ; послѣ того, она, при неблагопріятныхъ для нея мѣрахъ новаго французскаго правительства, переехала въ Лондонъ,

сосредоточиваетъ суммы общества; каждыя три мѣсяца отдаетъ отчетъ объ общемъ ходѣ дѣла. (§ 57).

Въ чрезвычайныхъ неудобно-предвидимыхъ случаяхъ (*), которые могутъ потребовать быстрыхъ распоряженій для дѣйствій, выходящихъ изъ предѣловъ атрибуціи централизаціи и не позволяющихъ запроса воли общества, централизація предпринимаетъ всѣ мѣры и дѣлаетъ распоряженія, какія признаетъ нужными, и таковыя каждая секція и каждый членъ обязаны исполнять. (§ 58).

Члены централизаціи избираются на годъ. Бывшіе могутъ быть вновь избраны. (§ 63) (**).

Если централизація подвергнется такому преслѣдованію, что ей нельзя перенести засѣданія въ другое мѣсто, тогда, въ наличномъ комплектѣ членовъ, она занимается дѣлами.

Глава VI. Провинившіеся члены подвергаются братскому суду въ секціяхъ (§ 74), а дѣла каждыя три мѣсяца сообщаются централизаціи (§ 77).

Отъ этой обязанности изъяты секціи, внѣ предѣловъ Франціи (§ 78).

Каждый членъ товарищества обязанъ ежемѣсячно вносить по 7½ процентовъ своего мѣсячнаго дохода. (§ 116).

Изъ обширнаго устава общества демократическаго польскаго товарищества мы привели свѣдѣнія, показывающія, какими путями всѣ товарищи-демократы были связаны съ централизаціею. Эти пять членовъ, давая направленіе непрерывной дѣятельности, правомъ объявленія и исполненія, сосредоточили всю ихъ дѣятельность въ своихъ рукахъ, или, по выраженію поляковъ, „централизація оставляетъ за собою право высшаго обсужденія и мысли, предоставляя членамъ честь и величіе послушанія.“ Воспитанники учебныхъ заведеній въ секціи не принимались. Въ

(*) Въ случаѣ производимыхъ мятежей.

(**) За время съ 1836 по 1862 годъ члены избирались исключительно изъ числа 26: этотъ кружокъ составляли Янъ-Непомученъ Яновскій, Станиславъ Ворцель, Тома Малиновскій, Викторъ Гельтманъ, Робертъ Хмѣлевскій, Людвигъ Мьрославскій, Юсефъ Высоцкій, Янъ Алиято, Теофилъ Висніовскій, Генрихъ Якубовскій, Войцехъ Даринъ-Левъ Зенковичъ, Викентій Мазуркѣвичъ, Францъ Шнайде, Юсефъ Ордежа, Александръ Мамьедорфъ, Луціанъ Зачинскій, Адольфъ Христовскій, Валерій Бранскій, Янъ Подолецкій, Антонъ Жабницкій, Карль Стольцманъ, Людовикъ Гулевскій и Миханлъ Домальскій.

батинольской школѣ въ Парижѣ они образовали особые патріотическія товарищества, по правиламъ, даннымъ воспитателями; такое учрежденіе находимъ и между поляками-студентами въ Россіи.

Секціи товарищества развились не только во Франціи, но и по всей Европѣ—вездѣ, гдѣ находилось хотя пять поляковъ, согласныхъ подписать уставъ.

Такимъ путемъ всѣ секціи польскихъ демократовъ въ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ работали согласно указаній централизаціи; *Мьрославскій*, одинъ изъ ея членовъ, посвященный во всѣ подземныя работы, заявлялъ въ своемъ сочиненіи о польской національности (*dela nationalité polonaise*), писанномъ во время крымской войны, когда полякамъ казался близокъ берегъ польской sprawy, что служащіе въ Россіи поляки образуютъ какъ бы франтъ-масонское братство. Сколько взаимной помощи для польской sprawy могли доставлять въ Россіи не только тайственные члены мѣстныхъ секцій, но и всѣ служащіе поляки, при постоянномъ ихъ конспиративномъ настроеніи и заботахъ о польской справѣ.

Члены централизаціи были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ вожаками европейскихъ революціонеровъ, въ томъ числѣ и съ русскими ренегатами Герценомъ, Бакунинымъ и комп. и сообща вели дѣло подготовленія къ мятежамъ. Съ вожаками французскихъ революціонеровъ, которыхъ знаменемъ, или вѣрнѣе, флагеромъ былъ много дѣтъ *Лафайетъ*, сносились главы молодой Европы нѣмецъ *Франкъ*, италіанецъ *Мадзини*, венгерецъ *Кошутъ*, со стороны поляковъ—старые дѣятели варшавскихъ заговоровъ, которыхъ имена мы привели, исчисляя членовъ разныхъ польскихъ комитетовъ. Когда польское демократическое товарищество выработало въ 1836 году свое устройство, то польскіе централизаторы, называемые туземцами *центральщиками*, стали главными представителями въ общеевропейскомъ космополитическомъ революціонномъ ареопагѣ—космополитическомъ до того времени, пока собственныя выгоды не побуждали каждого высказаться яснѣе. Личности, какъ *Лелевель*, *Дверницкій*, *Зверковский*, *Ельзановскій*, не входя въ составъ централизаціи, продолжали участвовать въ этихъ сношеніяхъ. Въ 1836 году, въ возникшей централизаціи, вліятельнѣйшимъ членомъ былъ Янъ Непомуценъ *Яновскій*, сторонникъ республиканскихъ началъ.

Изъ членовъ централизаціи 1845 *Мьрославскій* отправился

въ Познань, и былъ схваченъ пруссаками, *Висніовскій* въ Галицію, гдѣ былъ схваченъ и повѣшенъ австрійцами, *Высоцкій* не доѣхалъ, *Альціато* (*) прибылъ въ Краковъ и бѣжалъ со страху.

Наученная неудачнымъ опытомъ 1846 года, въ 1848 г. централизація осталась во Франціи; послѣ 1849 года она переѣхала въ Лондонъ; въ 1855 году она сократилась на трехъ членовъ. Парижская секція, такъ называемая *батиньольская*, которой члены прикрывались своими обязанностями при польской батиньольской школѣ, приобрѣла подъ конецъ значеніе гораздо большее самой централизаціи и, находясь въ Парижѣ, удобно могла присвоить себѣ ея права.

Польскіе демократы имѣли двухъ враговъ: правительства и партію *Чарторыйскаго* или аристократическую; первый врагъ вынуждалъ ихъ не прерывать съ бѣлыми всѣхъ сношеній, но, имѣя въ нихъ своего врага, соперника въ домогательствахъ къ властвованію надъ будущими судьбами Польши, они тѣсно связались съ европейскими революціонерами и неумоимо проводили свои мѣры къ распространенію своихъ польско-демагогическихъ ученій между туземцами. Имъ было необходимо вербовать себѣ сторонниковъ, способныхъ воспитывать подроставшее поколѣніе въ этомъ духѣ. Труды членовъ товарищества представляютъ огромный отдѣлъ въ польской литературѣ. Главный органъ этой партіи былъ „Польскій Демократъ“ — журналъ, содержавшій множество самыхъ эксцентрическихъ статей; къ нему должно прибавить массу брошюръ, рѣчей, самыхъ подзадоривающихъ, которыя ничѣмъ не стѣснялись, подобно произведеніямъ Адама *Мицкевича*: ни правдою, ни логикою, ни положительными свѣдѣніями; общій ихъ характеръ — судорожная распаленность страстей, озлобленная ненависть къ Россіи, а равно и противъ другаго врага — партіи аристократической. *Бѣлые* сочувствовали *краснымъ*, готовя ихъ, въ свои орудія, а *красные*, чужа уловку при этихъ обстоятельствахъ, проповѣдывали ненависть къ землевладѣльцамъ, — ко всему существующему порядку, стремились ко всеуничтоженію, къ пересозданію общества и прославляли коммунизмъ.

(*) Альціато былъ именно тотъ членъ, назначенный въ краковскій ржондъ 1846 года, котораго имя намъ оставалось неизвѣстнымъ. Вышедшая въ концѣ 1865 г. брошюра „Эмиграція польская“ дала возможность дополнить этотъ пробѣлъ.

За тѣмъ, кромѣ дѣйствія литературою, ни одна партія не высылала въ край такого множества эмиссаровъ; ихъ обязанность была образовывать мѣстныя секціи между туземцами, для большаго собиранія денегъ и распространенія своихъ ученій. Религіозное направленіе далеко не входило въ программу дѣятельности централизаціи, хотя она хотѣла имѣть ксендзовъ на своей сторонѣ. Централизація со всѣхъ сторонъ обдумывала средства къ собственному усиленію для борьбы съ аристократическою партіею; но какъ эта, по указаніямъ *Чарторыйскаго*, стремилась клерикальную партію удержать за собою, то, для парализованія этой работы, централизація придумала пригодное средство: она склоняла молодыхъ людей, совершенно увлеченныхъ ея ученіями, поступать въ ксендзы, дабы въ этомъ духѣ дѣйствовать на женщинъ и на народъ. *Конарскій* былъ первый эмиссаръ отъ централизаціи, отправившійся въ край, для установленія правильныхъ поборовъ съ туземцевъ въ пользу демократическаго товарищества и образованія секцій, подчиненныхъ централизаціи. Для точнаго направленія дѣятельности туземцевъ, составлялись разныя инструкции и катихизисы, которыя, въ микроскопическомъ видѣ, при чтеніи, возможно только при помощи увеличительныхъ стеколъ, въ пуговицахъ, въ карандашахъ и т. п. доставлялись въ край. Къ числу таковыхъ принадлежалъ и знаменитый польскій катихизисъ, для служащихъ въ Россіи поляковъ, который мы помѣстимъ въ приложеніяхъ; за таковыя централизація уплачивала авторамъ преміи, и польскій катихизисъ попалъ въ руки русскаго правительства едва ли не въ новомъ, уже дополненномъ, исправленномъ изданіи.

При подобномъ подготовленіи поляковъ, находящихся въ русской службѣ, не удивительно, что поляки доставили во Францію планы русскихъ крѣпостей, не удивительно, что эмиграція ведетъ списки всѣхъ въ Россіи служащихъ поляковъ, съ обозначеніемъ ихъ лѣтъ, содержанія и способностей, что она изъ Парижа указываетъ на необходимыя для польской sprawy замѣщенія въ русской администраціи, что *Мырославскій* поражаетъ своими численными свѣдѣніями о состояніи русскихъ войскъ, на примѣръ, — по числу въ полкахъ находящихся римско-католиковъ, наконецъ, что онъ въ средѣ эмиграціи выражался, что нѣтъ такого свѣдѣнія, въ которомъ ему встрѣтится надобность, и которое телеграфъ не принесъ бы ему чрезъ 24 часа.

Эмиграція, побирая съ края обильныя пожертвованія, вдали

стояла какимъ то избраннымъ кружкомъ польской націи; поляки туземцы, преклоня колѣни предъ полнымъ обаяніемъ этихъ *высокоразвитыхъ*, наукою и опытностью себя выработавшихъ, своихъ старшихъ братьевъ, каковыми они называли своихъ выходцевъ, слѣпо вѣрили во все общія, не видѣли обмана, а приписывали только нѣкоторымъ уловкамъ, необходимымъ для проведенія польской sprawy, когда натыкались на ихъ продѣлки. Туземцы даже считали своимъ долгомъ поддакивать, дабы поддерживать всю ложь и всю клевету, которыя эмигранты находили пригодными разсеивать; такъ, нѣсколько эмисаровъ централизаціи, какъ выше было сказано, съ Едуардомъ Дембовскимъ во главѣ, предъ мятежемъ 1846 года, обходили деревни Галиціи, всюду возбуждая народъ противъ землевладѣльцевъ, выставляя ихъ его отъявленными врагами, отъ которыхъ топорами должно избавиться; не менѣе того, паны хоромъ поддакивали, что австрійское правительство устроило убійства, и только сами высказали истину, когда разочаровались въ томъ, что эмиграція можетъ возвратить независимость Польшѣ. Когда лопнули все надежды на грозную, громадную всеобщую революцію въ Европѣ, изъ которой новымъ сфинксомъ должна была возникнуть освобожденная Польша, когда, наконецъ, и гроза колоссальныхъ силъ западной Европы, послѣ трехлѣтней борьбы, прошла, и Европа, казалось, забыла, что существуетъ польское шляхетство, тогда разсерженные поляки — туземцы взглянули пытливей на дѣятельность своихъ дальнихъ земляковъ. Приведемъ нѣкоторые отзывы туземцевъ о демократической ихъ партіи:

„Централизація, говорятъ поляки (*), взялась проповѣдовать вольность, равенство и общее братство, но у нея вольность значить деспотизмъ, равенство — сѣсть народу на шею, братство — убійство. Война 1830—1831 года имѣла для Польши гибельныя послѣдствія, но доконать насъ Россія не могла и не умѣла; для того у нея не достало ни силъ, ни разума. Польша не упала нравственно; эмиграція взяла на себя святое дѣло выказать Европѣ историческое значеніе Польши и Россіи; централизація демократическаго товарищества взяла на себя науку пересоздать Польшу, но она все разрушала, все разрывала и ничего не успѣла ни заложить, ни создать. Въ Лелевелѣ уважали проводника терро-

(*) Образъ товарищества демократичнаго польскаго и ѣго централизаціи — напечатанъ въ Краковѣ, подъ псевдонимомъ Старовѣйскаго.

ризма и демагогій, централизація проводила мысль, что, послѣ паденія исторической Польши, легче всего сотворить новый польскій міръ, дать жизнь, дать силы для возстанія и сильный народный бытъ; журналъ „Постемпъ“, основанный для провода ея теорій къ этому возобновленію Польши, объявилъ, что понятіе Бога вредитъ развитію правъ человѣчества, что мы всѣ равны, потому что равно созданы изъ глины. Таковы были начала, на которыхъ централизація основала свои теоріи пересозданія польскаго народа.

Край поддался господству централизаціи, и съ этого времени начались ея домогательства къ самовластію надъ нимъ; съ этого времени мечты о диктатурѣ, мечты о пропандѣ—путемъ кровопролитій. „У центральщиковъ не было недостатка въ доходахъ; они придумали къ тому способы наискуссѣйшимъ образомъ и работали талантъ выжиманія; всюду были складчины, какъ въ краѣ, такъ и во Франціи. Центральщики жили въ Версали роскошно и на распашку; бросаньемъ денегъ они осуществляли свои демократическіе манифесты. Сколько лѣтъ побирали они деньги съ того *добродѣтельнаго* дворянства, на головы котораго они приказали точить топоры, предъ рѣзней 1846 года!“

Злыми покушеніями, сатанинскими началами противъ всякихъ духовныхъ началъ, централизація выступила на поприще дѣйствія. Записной демократъ І. Н. Яновскій выразился: „человѣкъ (т. е. Графъ Гуровскій) вышелъ; но свою мысль онъ оставилъ.“ Въ 1832 г. манифесты объявляли, что Польша не имѣетъ собственныхъ силъ для возстанія; тогда европейскимъ революціонерамъ нужно было заставить эмигрантовъ имъ содѣйствовать. Чрезъ четыре года централизація сдѣлала большое открытіе: манифестомъ она объявила, что Польша можетъ возстать собственными силами; тогда лонскія событія заставили притихнуть европейскихъ сотоварищей. „И такъ Польша не могла бы освободиться сама собою, но демократическое товарищество дало ей возможность, объявляя демократическимъ товариществомъ все для Польши, а Польшею для народа; то есть горячка и конвульсіи 1846 г., по манифесту централизаціи, должны были служить къ освобожденію Польши. Центральщики и централизація проповѣдовали коммунизмъ, а своею наукою они нашли къ тому одинъ путь: *терроръ и кровь*. Дѣйствительно, рѣзней 1846 года она близко была къ тому, что наступило бы въ самомъ дѣлѣ совершенное равенство. (Мила настоящихъ правдивая рувнось).“

Таковы были средства, придуманные наукою централизаціи для достиженія того, что объявлялъ краковской манифестъ: „У насъ будетъ вольность, какой еще свѣтъ никогда не видѣлъ.“ Манифесты централизаціи выговорили ея символъ: „самовластіе и мечъ“ и сатанинская наука выразилась словами: „Кто не поддается убѣжденію, тотъ поддается убіенію (кто се не да пршеконаць, да се замордоваць).“

Освобожденіе ойчины были одурающія слова для поляковъ; паны, въ чаду своей патріотической похоти, были увѣрены, что когда настанетъ часъ избавленія, тогда они возвратятъ свое значеніе и, глядя на красныхъ, какъ на нужное пушечное мясо для перваго огня, ободрительно отзывались о настойчивой ретивости своихъ демократовъ, какъ они говорили до 1849 года, демагоговъ, какъ они называли ихъ впослѣдствіи. Они открывали свои щедрые кошельки предъ эмиссарами эмиграціи, читали съ удовольствіемъ ихъ періодическіи изданія и брошюры, подхваливали ихъ умѣнье религіозный фанатизмъ прежнихъ временъ переработать въ фанатизмъ политическій; на рѣчи центральщиковъ они смотрѣли, какъ на воодушевляющія слова начальника, готовящаго воиновъ на приступъ, въ полной надеждѣ, что взятая крѣпость перейдетъ въ ихъ руки; только послѣ всѣхъ неудачъ эмиграціи сороковыхъ годовъ смекнули, что паны такіе же враги для польскихъ демагоговъ, какъ и державы, раздѣлившія Польшу, и что, по достиженіи независимости, имъ грозитъ, со стороны этихъ дѣятелей - патріотовъ кровавая расправа. Паны поняли, что, въ предстоящихъ работахъ къ польской справѣ, они должны противъ этихъ сотрудниковъ-соперниковъ принять свой мѣры; сотрудники-соперники проводили мысль, что подготовленія къ кровавой расправѣ не должны ограничиться сицилійскими вечерними противъ войскъ, размѣщенныхъ въ границахъ Польши 1772 года; всѣ соціальныя реформы, научно обработанныя централизацію, для практическаго примѣненія приискали только одинъ исходъ: *убивать, кою не могли убѣдить словомъ или застрачиваніемъ.*

Конечно, всѣ личности, которыя въ теоріяхъ централизаціи черпали свои политическія убѣжденія и въ ея кровавыхъ инструкціяхъ видѣли наставленія для ихъ общественной дѣятельности, съ полною справедливостью были названы *красными.*

Среди судорожной, раздраженной дѣятельности, истинные представители партіи красныхъ, центральщики съ своими сообщниками,

вырабатывали кровавыя теоріи, для сулимаго благоденствія чело-
вѣчеству, которыя, по ихъ разсчетахъ, должны были доставить имъ
власть въ руки, какъ исполнителямъ новыхъ, спасающихъ общества,
идей. Съ этою дѣятельностью, дѣятельность Ламберова отеля
составляла совершенную противоположность. Душею ея былъ
князь Адамъ *Чарторыйскій*; его мысли двигали къ конспиратив-
ной работѣ польскихъ магнатовъ и пановъ; онѣ составляли ихъ
политическія убѣжденія. Польская аристократія и польскіе паны
вѣрили въ искусство князя Адама; они признавали его ге-
ніальнымъ государственнымъ мужемъ Польши; они не ошибались
въ томъ смыслѣ, что государственные мужи Польши славились
своими интригами, и конечно, едва ли на этомъ поприщѣ *Чарто-
рыйскій* найдетъ соперника. Поляки и ихъ сторонники говорятъ: (*)

„Князь Адамъ, будучи попечителемъ учебнаго округа, съ полнымъ
успѣхомъ для польской sprawy, совершилъ великое дѣло; но
онъ запутался въ своихъ соображеніяхъ, какъ русскій министръ
иностранныхъ дѣлъ и потерпѣлъ совершенное пораженіе; князь
Адамъ былъ обойденъ императоромъ Александромъ и, пона-
дѣясь на него, парализировалъ порывы патріотовъ; если бы *Чар-
торыйскій* не убаюкивалъ соотчичей вѣстями въ добрыхъ на-
мѣреніяхъ Александра, то вся Польша не пропустила бы времени,
она возстала бы при Наполеонѣ и, конечно, при тогдашнемъ по-
ложеніи дѣлъ въ Европѣ, сѣужла бы утвердить свое восстано-
вленіе; князь Адамъ погубилъ и возстаніе 1831 года, не имѣя
вѣры въ народныя силы, и упалъ духомъ, когда видѣлъ, что
на помощь иностранныхъ державъ уже нечего разсчитывать.“

Таковы отзывы поляковъ разныхъ партій; но не смотря
на то въ средѣ пановъ, болѣе справедливые патріоты иначе
оцѣнивали заслуги, оказанныя польской справѣ княземъ Адамомъ.
Князь Адамъ, по ихъ мнѣнію, оказалъ незабвенныя услуги дѣлу
Польши. Онъ, въ критическія для нея минуты послѣ раздѣла,
не далъ заглухнуть польской національности, онъ воскресилъ въ
1815 году, на Вѣнскомъ конгрессѣ, имя Польши и поляковъ
на картѣ Европы, въ международныхъ трактатахъ вычеркну-
тыхъ послѣднимъ раздѣломъ; на ихъ восстановленіе не рѣ-
шался и Наполеонъ; онъ, изъ вопроса, интересовавшаго только

(*) Мазадъ, В. Мицкевичъ, не назвавшійся авторъ «Эмиграція
польска.»

одни кабинеты, сдѣлалъ вопросъ, нынѣ заинтересовавшій все европейское общество, вѣдунувъ въ свое время Польшу на шахматную доску европейской дипломатіи.“

Подготавливаемый домашнимъ воспитаніемъ къ продолженію дѣятельной роли своей фамилии на поприщѣ интригъ Рѣчи Посполитой, принявъ участіе въ передрыгахъ конституціи 1791 г. и возстанія *Косцюшки*, князь *Адамъ* явился уже съ подготовившею его опытностью въ С. Петербургѣ, въ 1795 году, и по 1824 годъ оставался руководителемъ всѣхъ польскихъ интригъ, веденныхъ въ Россіи. Онъ глубоко изучалъ людей, отъ которыхъ зависѣла судьба Польши, людей вліятельныхъ и старался съ ними завязать ближайшія сношенія.

Онъ, играя на струнахъ чувства справедливости Монарха, обрабатывалъ въ Императорѣ Александрѣ впечатлѣніе, произведенное въ немъ швейцарцемъ Лагарпомъ, что возвращеніе западной Россіи къ русской державѣ было политическимъ преступленіемъ. Воспоминанія и корреспонденціи князя Адама свидѣтельствуютъ, что онъ умѣлъ искусно во тьмѣ и мглѣ держать польскія дѣла предъ глазами русскаго правительства, дабы не допустить до того, чтобы они могли обратиться въ ясно понятный польскій вопросъ; преданныя печати отрывки, по волѣ Чарторыйскихъ, даже и тѣ указываютъ, что играя на струнахъ сердечной доброты Государа, съ видомъ глубокой скорби и нравственнаго потрясенія, онъ становился предъ Александромъ Павловичемъ всякій разъ, когда выходили правительственные распоряженія, не пригодныя, или опасныя польской справѣ.

Филантропія и просвѣщеніе стали между русскими сановниками лозунгомъ, цущаннымъ молодымъ вѣцарившимся императоромъ, который со всѣмъ пыломъ доблестной, прекрасной своей природы, жаждалъ благоденствія своихъ подданныхъ. Филантропія и цивилизація, въ рукахъ князя Адама *Чарторыйскаго*, стали чадомъ, который онъ напускалъ на русскихъ, домогаясь филантроповъ и цивилизаторовъ обратить въ полонофиловъ, въ сотрудниковъ къ польской справѣ; и на прочныя основанія онъ поставилъ приумноженіе между русскими служащими того, что польскіе эмигранты впоследствии прозвали *Пануровымъ стадомъ*. Онъ положилъ основаніе тому, что наука интригъ и революцій впоследствии выработалась до террора, до застраиванія людей, опасныхъ польской справѣ. Личности вліятельныя, которыхъ польскій чадъ не могъ отуманить, и которыя сквозь него видѣли и проводили русскіе интересы, по-

пираемые полонизмомъ, тѣхъ тщательно закутанная польская интрига устраняла отъ дѣлъ, и только предъ позднѣйшимъ потомствомъ начинаютъ разясняться давно забытыя событія. Чужими руками князь *Чарторыйскій* устроилъ паденіе опаснаго польской справѣ *Державина*, еще искуснѣе и съ неменьшимъ успѣхомъ была ведена интрига противъ *Сперанскаго* — опаснѣйшаго противника дѣла, затѣяннаго княземъ *Адамомъ* и, едва ли не по его ближайшимъ соображеніямъ, чужими руками вполне исполненнаго графомъ *Михайломъ Огинскимъ*, когда онъ замѣстилъ *Чарторыйскаго* въ обязанности верховнаго руководителя къ охраненію преуспѣянія работъ по польской справѣ въ С. Петербургѣ. Польская справа домогалась поставить вновь пріобрѣтенную Финляндію на тотъ путь, чтобы финляндцы уподобили себя полякамъ въ ихъ отношеніяхъ къ Россіи; польская справа, по дипломатическимъ соображеніямъ князя, надѣялась усилиться союзникомъ, и для того думала найти орудіе въ Армфельдѣ — мужа, состарѣвшагося среди стоколомскихъ интригъ, по словамъ современника, и который, послѣ бурной служебной карьеры въ отечествѣ, переселяясь въ Россію, искалъ новаго значенія.

Подъ высокимъ покровительствомъ князя *Чарторыйскаго*, польская интрига самымъ коварнымъ путемъ устранила отъ дѣлъ и *Іоанна Крассовскаго*, энергическаго ревнителя русскаго дѣла въ западной Россіи, и когда, съ восшествіемъ на престолъ Императора Николая Павловича, при его прозорливо ясномъ взглядѣ, снова открылось широкое поприще предъ *Крассовскимъ* и не было надежды отъ него избавиться, тогда внезапная его кончина оставила не одну молву объ изворотливости польской sprawy, которую никакое средство не останавливаетъ для достиженія цѣли. Раскрытіе мятежнаго настроенія вилецкаго университета, вѣтви конспиративной дѣятельности, веденной въ Варшавѣ, подъ высокимъ покровомъ князя *Чарторыйскаго*, заставило его выпросить позволеніе и поспѣшно удалиться за границу, не ожидая конца дѣла, какъ того желалъ Александръ Павловичъ; убоялся князь, чтобы *Новосильцевъ* не раскрылъ нить *perpetuo mobile* польскихъ заговоровъ и не дошелъ, хотя косвенно, и до него самаго. Гроза прошла благополучно; когда же раскрытіе польскаго заговора, союзнаго заговора декабристовъ, кое какъ въ Варшавѣ изслѣдованнаго, пришло къ тому, что судъ былъ наряженъ для приговора преступниковъ, тогда *Чарторыйскій*, увѣрен-

ный въ своей безопасности, тотчасъ вернулся и занялъ свое мѣсто въ варшавскомъ сенатѣ, дабы спасти людей, которые впредь могли быть ему полезны и которыхъ удаленіе нанесло бы рѣшительный ударъ конспиративной его дѣятельности. Эти люди рѣшительные, готовые не только конспирировать, но и дѣйствовать, начать мятежъ и своимъ примѣромъ увлечь другихъ, были для *Чарторыйскаго* самые дорогіе, незаменимые. Такихъ людей онъ постоянно ободрялъ, поддерживалъ, спасалъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали. Даже въ средѣ самыхъ непріязненныхъ ему рядовъ онъ парализовалъ ихъ ненависть къ себѣ подстрекающими, лестными отзывами: „позволено ли истинному поляку на него гнѣваться, когда все это у него происходитъ отъ одного чувства безпредѣльной, горячей любви къ ойчизнѣ?“ Это была постоянная его тактика во все время его многолѣтняго политическо-конспиративнаго поприща.

Начало царствованія Николая Павловича указало, что Государь, не смотря на тьму и мглу, покрывавшія польскія дѣла, приводя въ порядокъ государственное устройство, наносилъ страшные удары всѣмъ подготовленіямъ къ польской справѣ; многолѣтнимъ работамъ *великаго будованія* (1) угрожали съ каждымъ днемъ новыя разрушенія; нельзя было терять времени; князь *Чарторыйскій* постоянно рассчитывалъ, что только при сильномъ потрясеніи спокойствія въ Европѣ, Польша можетъ воспрянуть изъ развалинъ; іюльская монархія, возникшая въ Парижѣ, подавала много надежды, при развившемся духѣ къ революціямъ въ 1830 году, и по мановенію князя *Чарторыйскаго* мятежъ вспыхнулъ въ Варшавѣ; тогда, съ всегдашнею своею предусмотрительностью, онъ, во время уже загорѣвшагося мятежа, сношеніями съ *Цесаревичемъ*, сберегалъ для себя заднюю дверь для благополучнаго отступленія, въ случаѣ напасти, съ поля крамолы.

Съ укрощеніемъ мятежа польскія надежды разсѣялись. Приговоръ князя Адама *Чарторыйскаго* къ смертной казни, въ случаѣ его возвращенія въ Россію, охранилъ предѣлы Имперіи, по крайней мѣрѣ, отъ личнаго его посѣщенія.

Въ то время, какъ на одной окраинѣ польской sprawy стояла съ проявленіями кипучей ревностной, яростной, бѣшеной дѣятельности централизація, на другой стояла дипломатически холод-

(1) На языкѣ заговорщиковъ возстановленіе Польши.

ленный изъ аристократическихъ личностей эмиграціи. Подъ дирекцію состояли три департамента: *дипломатическій, военный и особыхъ сношеній*. Эти три департамента Ламберова отеля обрисовываютъ его дѣятельность. Безопасное пребываніе за границею дало *Чарторыйскому* возможность, подъ сѣнью эмиграціи, въ полуофициальномъ видѣ, продолжать *perpetuum mobile* польскихъ заговоровъ, начавшихся съ 1794 года.

Чарторыйскій пародировалъ претендента развѣнчанной династїи и, опираясь на большинство пановъ туземцевъ, въ ихъ глазахъ разыгрывалъ дѣйствительно роль короля *Адама I-го*. Проведеніе фамиліи программы *Чарторыйскихъ* приняло опредѣленныя, ясныя формы.

Искусственное воспроизведеніе таинственнаго государства, безъ территории, проявлялось и въ своеобразныхъ формахъ его дѣятельности. Ламберовъ отель имѣлъ свою политику безгранично-либеральную для всего, что касалось конспиративной дѣятельности; Ламберовъ отель все прощалъ своимъ соотчикамъ противникамъ, даже централизаціи: „Демократическое общество только увлекается избыткомъ своего патріотизма“, были постоянныя слова Ламберова отеля; за то его принципы были чисто шляхетско-консервативныя; эти принципы и составляли силу Ламберова отеля — силу дѣйствительную, не мечтательную, какъ сила централизаціи, но осязательную, безъ содѣйствія которой всѣ затѣи польскихъ демагоговъ обращались въ ничто, такъ, напр., разыгрались кровавыя шутки *Заливскаго, Потоцкаго, Воловича*. При своеобразномъ положеніи, безъ территоріальнаго государства, во внѣшнихъ сношеніяхъ князя *Адама*, при нормальномъ положеніи Европы, литература едва ли не имѣла большее значеніе, нежели его сношенія дипломатическія.

Чарторыйскій созидалъ свои пресловутыя дипломатическія сношенія на остаткахъ прежнихъ связей и исканіемъ новыхъ съ вліятельнѣйшими сановниками въ Европѣ. Не имѣя официальнаго доступа въ кабинеты, *Чарторыйскій* содержалъ однако своихъ агентовъ въ разныхъ столицахъ, подкарауливать моменты, дабы напоминать европейскимъ державамъ, что поляки, съ полнымъ своимъ удовольствіемъ, будутъ поддерживать, всѣми своими видимыми и невидимыми средствами, всякія враждебныя дѣйствія противъ Россіи. Самыя успѣшныя и постоянныя сношенія велись съ Римомъ. Черезъ папу, *Чарторыйскій* ксендзами усиливалъ

свое вліяніе на тѣ слои общества, въ которыхъ преимущественно могла дѣйствовать централизація; чрезъ него онъ надѣялся проводить и свои соображенія въ Россію, уясняя дѣла Ватикану. При спокойномъ же положеніи Европы, Ламберовъ отель, безъ всякаго вліянія на кабинеты, искалъ другой поддержки—въ европейскомъ общественномъ мнѣніи.

Европейскія общества, по національнымъ чувствамъ, оглядывались на возрастающее могущество Россіи. Поляки счумѣли раздуть эти опасенія до ненависти; держать польскія дѣла во мглѣ и тмѣ было постояннымъ стремленіемъ поляковъ; относительно западной Европы имъ было это тѣмъ удобнѣе, что даже и во Франціи вся польшизна смутно сливалась въ двухъ коверкуемыхъ именахъ *Костюки* и *Понятоки* (1), и разнообразная, разнохарактерная литература всѣхъ партій польской эмиграціи сливалась для Европы въ какой то непроницаемый хаосъ, изъ котораго она могла уразумѣть только то, что Россія врагъ человѣчества и опаснѣйшій противникъ европейскому развитію. Ламберовъ отель, издавая для туземцевъ свою польскую газету (3 Май), привлекалъ къ себѣ и всякія польскія проявляющіяся литературныя знаменитости (*Мохнацкій, Мьрославскій, Мицкевичъ, Крассинскій, Чайковскій* и пр.); всѣ не миновали занескиваній Ламберова отеля. Но гораздо дороже ему обходилась закупка иностранной печати. Шпіоны и литература, во время послѣдняго мятежа, въ одинъ годъ обошлись въ 2 милліона франковъ; правда, что это было время особенной дѣятельности, но и предыдущая не многимъ была менѣе. Закупая журналы, издаваемые на всѣхъ языкахъ, Ламберовъ отель искалъ и писателей иноземцевъ, кромѣ поляковъ, проводившихъ польскую справу по французски, по нѣмецки и по русски; чужіе писатели были тѣмъ полезнѣйшіе сотрудники въ работахъ и проведеніи идей Ламберова отеля, что они могли дѣйствовать сильнѣе на общественное мнѣніе, какъ *писатели безпристрастные*; таковыми мы видимъ для французской публики *Мазада*, для русской *Шедо-Ферроти*, которые со всѣмъ своимъ удовольствіемъ проводили идеи Ламберова отеля. Ежегодно въ польскомъ историко-литературномъ обществѣ, основанномъ подъ сѣнью *Чарторыйскаго*, бывали, въ день годовщины варшавскаго возстанія

(1) Костюшко и Понятовскій. (*Notes pour servir l'intelligence des affaires de Pologne*, Оаддея Тышкевича).

1830 г. 17/29 ноября и 3-го мая, торжественныя собранія. - На нихъ, пародируя тронныя рѣчи, князь *Адамъ* произносилъ свои речи, которыхъ образчикъ читатели найдутъ въ приложеніяхъ, дабы ознакомить нѣсколько съ способомъ, принятымъ *Чарторыйскимъ* для легальнаго изображенія мятежныхъ замысловъ. Дипломатическій департаментъ былъ вверенъ перекресту изъ евреевъ *Кляцко* (1).

Занятіемъ дипломатическаго департамента было назначено: 1) направленіе польской журналистики Ламберова отеля, въ помѣщеніи пригодныхъ видамъ аристократической партіи приличныхъ статей въ закупленныя иностранныя періодическія изданія; вообще въ кругъ дѣйствій департамента *Кляцко* входила вся литературная и ученая дѣятельность; *Кляцко* и самъ писалъ статьи въ *Revue de deux mondes* и въ ежедневные большіе парижскіе журналы; 2) сношенія съ агентами *Чарторыйскаго*, разосланными по европейскимъ столицамъ, чтобы вліять тамъ воспоминанія о полякахъ, выставить значеніе князя *Адама* и стараться войти въ сношенія съ вліятельными личностями правительственными-литературными, или вліяющими на общественное мнѣніе. Ламберовъ отель хорошо помнилъ традицію польскаго заговора при его зародышѣ, въ концѣ минувшаго столѣтія: съ паденіемъ Польши, ея голова и сердце должны переселиться въ Парижъ, а ея руки должны быть, одна въ Константинополь, другая въ Стокгольмъ; князь *Адамъ* не упустилъ изъ

(1) Мѣстные старожилы помнятъ *Кляцко* еще быстроглазымъ и быстроногимъ жидкомъ въ Вильнѣ, обращавшимъ вниманіе своею способностью въ исполненіи скоромныхъ и деликатныхъ порученій. Папы признали полезнымъ, чтобы онъ прослушалъ курсы заграничныхъ университетовъ; онъ отправился въ Пруссію, оттуда перебрался въ Парижъ и добился высокаго довѣрія князя *Чарторыйскаго*. Кровные подкии весьма обижались принятыми имъ горячо патріотическими шляхетскими ухватками. *Кляцко* стыдился того, что онъ жидъ; поэтъ *Адамъ Мицкевичъ*, затронутый за живое его выходками, перебилъ его однажды среди выпренныхъ разглагольствованій вопросомъ: „не знаете ли вы, сколько раввинскихъ училищъ въ Польшѣ?“ и прибавлялъ, „что ему приличнѣе было бы проповѣдывать полонизмъ евреямъ, чѣмъ представлять себя адвокатомъ шляхетскихъ притязаній“ *Вл. Мицкевичъ*, стр. 27)

виду эту традицію, и востокъ въ особенности. Мы видѣли образчикъ въ дѣятельности *Чайковскаго* (Садикъ Паши). „Чарторыйскіе похваляются въ обращеніи къ римско-католичеству, пишетъ В. *Мицкевичъ* (1), но мы опасаемся, что это обращеніе не послужитъ польской справѣ. Булгары, чтобы добыть покровительство Франціи, согласились сдѣлаться уніятами, т. е., неизмѣняя своему греческому закону, признавать папу вмѣсто константинопольскаго патріарха; нынѣ іезуиты вмѣшались въ это дѣло; событія Украины могутъ и тамъ повториться и нѣсколько фанатическихъ ксендзовъ могутъ заставить населеніе кинуться въ объятія Россіи. Но *Чарторыйскіе* получили отъ папы много поздравленій и благословеній.“

Военнымъ департаментомъ управлялъ *Йорданъ*. Въ него поступали все планы и проекты для военныхъ дѣйствій на случай мятежей, свѣдѣнія о военныхъ силахъ трехъ державъ, раздѣлившихъ Польшу, и подробнѣйшія свѣдѣнія о полякахъ, находящихся въ войскахъ этихъ государствъ; свѣдѣнія о военныхъ польскихъ личностяхъ и о числѣ поляковъ, особенно принадлежащихъ спеціальнымъ оружіямъ. Если мы обратимся къ нашимъ собственнымъ воспоминаніямъ, то невольно кидается въ глаза то обстоятельство, что въ нашихъ спеціальныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, въ концѣ тридцатыхъ еще годовъ, воспитанники поляки были рѣдкостью, но съ сороковыхъ годовъ число ихъ стало быстро возрастать. Военный департаментъ Ламберова отеля работалъ не даромъ; кромѣ того, онъ слѣдилъ за всѣми поляками, воспитывающимися во Франціи.

Самый значительный департаментъ Ламберова отеля былъ третій — особыхъ сношеній. Имъ управлялъ *Калинка*. Въ немъ велись счета ежегодной подати какъ бы *liste civile*, по словамъ *Мицкевича*, уплачиваемой туземцами, то былъ нервъ, питавшій все затѣи Ламберова отеля, статья весьма важная, при тѣхъ огромныхъ расходахъ, которые имѣлъ Ламберовъ отель. Не мало должны были вносить польскіе магнаты туземцы и тянувшіеся въ магнаты, чтобы поддержать не только блескъ псевдо-королевскаго пребыванія въ Парижѣ, но и всѣхъ дипломатическихъ агентовъ, которые проживали въ Европѣ, со всею посланническою обстановкою; „безъ обѣдовъ, безъ

(1) Czartorysky стр. 25, 1863 г.

баловъ, безъ наружнаго богатства и блеска нѣтъ и успѣховъ“ говорили туземцы, побывавшіе въ Парижѣ.

Въ третій департаментъ поступали всѣ тайныя донесенія сторонниковъ, отсюда разсылались инструкціи, приказанія, наставленія. Тамъ велись подробные алфавиты туземцамъ, служащимъ въ администраціи Россіи, Австріи и Пруссіи, съ подробными ихъ кондитами, оттуда разсылались увѣдомленія о пригодныхъ для польской sprawy назначеніяхъ. Однимъ словомъ, третій департаментъ долженъ былъ слѣдить, самымъ подробнымъ образомъ, не только за всѣми дѣлами, касавшимися польской sprawy, но и за всѣми личностями, на нее вліявшими и могущими имѣть вліяніе, какъ изъ поляковъ, такъ и русскихъ, пруссаковъ и австрійцевъ.

Аристократическая партія въ эмиграціи не была значительна числомъ своихъ членовъ, но за то она была сильна поддержкою мѣстной аристократіи, которая, считая свои имена связанными съ исторіею Польши, и которую такъ сильно подмывали фамилійныя традиции, была готова всѣмъ своимъ вліяніемъ содѣйствовать преуспѣянію работъ для великаго будованія. Польскіе магнаты, для своихъ корыстныхъ видовъ, охотясь за значеніемъ и властью, продавали нѣкогда Рѣчь Посполитую, устроясь такъ, что безцеремонно, по уговору, получали тысячами червонцы отъ Австріи, Пруссіи, Россіи, Франціи, Англіи, Саксоніи, а утративъ *ойчизну*, они не могутъ забыть золотое для нихъ время польской неурядицы.

Въ павшей своеобразной польской республикѣ съ королемъ во главѣ, польскіе магнаты, поддерживаемые шляхетствомъ, шляхтою и ксендзами, были истинными деспотами короля и народа; возвращенія золотого времени самоуправства и своеволія добивались снова магнаты и шляхетство, въ эмиграціи и на родинѣ, въ рядахъ бѣлыхъ и въ рядахъ красныхъ. Нѣмцы XVIII столѣтія говорили о Рѣчи Посполитой, что тамъ *шляхетству рай, ксендзамъ небо, крестьянину суцїй адъ*, и дѣйствительно, гдѣ и когда брѣвостное состояніе достигало такого возмущающаго безобразія, какъ въ областяхъ Польши, въ которой шляхетство съумѣло провести весь его гнетъ мимо освобожденія крестьянъ въ герцогствѣ Варшавскомъ Наполеономъ, мимо всѣхъ инвентарей русскаго правительства, мимо всѣхъ гуманныхъ пышныхъ своихъ заявленій, которыми эмиграція пускала пыль въ глаза Европѣ.

Разукрашенными легендами и чарующими традиціями шля-

хетство изучаетъ свою исторію; своеволие оно называетъ свободою. Чѣмъ дышатъ всѣ кудрявыя рѣчи эмиграціи, всѣ ихъ прокламаціи? Они народу сулятъ золотыя горы, а между тѣмъ всѣ они дышатъ однимъ задушевнымъ порывомъ къ деспотической власти и высшему значенію, такому значенію, чтобы каждому стать выше всякаго закона, выше всякаго постановленія. Ближайшія свѣдѣнія о послѣднемъ мятежѣ въ сѣверо-западной Россіи—рядъ доказательствъ той непреложной истины, что не умеръ шляхетскій духъ старой Рѣчи Посполитой и всѣ ученики новѣйшей школы революціонеровъ отличаются развѣ только тѣмъ, что топорами и кинжалами грозили всякому, кто смѣлъ имѣть свое собственное мнѣніе.

Князь Адамъ Чарторыйскій, графъ Михаилъ Огинскій и т. п. указали путь польскимъ магнатамъ, какъ имъ, пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ, проводить легально и безопасно польскую справу. По опытамъ выработанной тактики, польскимъ вельможамъ не подобаетъ возиться съ работниками, призванными ими на дѣло мятежа, а еще менѣе пачкать свои руки въ самомъ мятежѣ; конспиративная работа, для которой предназначались мѣстные аристократическіе дѣятели, не подвергала ихъ ни казнямъ, ни ссылкамъ, ни конфискаціи имѣній; они были обязаны, обращаясь въ высшихъ сферахъ, выдавать себя преданныѣйшими слугами правительствъ, отстаивать предъ ними постановленія, пригодныя для польской sprawy, парализировать прямое исполненіе невыгодныхъ, затемнять предъ властями настоящее положеніе дѣлъ и давать высшее направленіе такъ называемымъ *столбамъ*—*филярамъ великаго будованія*.

Преждевременный заговоръ былъ опасенъ возможностью раскрытія; *столбы будованія*, избираемые изъ второстепенныхъ слоевъ шляхетскаго общества, должны были поддерживать пригодное настроеніе, готовить съ осторожностью и благоразуміемъ, сводить связи и въ данный моментъ поставить требуемое число для дѣла мятежа; конечно, эти должности были болѣе рискованныя, но до послѣдняго мятежа, во всѣхъ предшествовавшихъ случаяхъ, нити слѣдственныхъ комиссій обрывались прежде, нежели онѣ могли до нихъ добраться.

Князь Адамъ Чарторыйскій считалъ достаточнымъ двадцати такихъ столбовъ, для веденія всей работы конспираціи. „Мнѣ чудится, говорилъ онъ, въ одной изъ своихъ псевдо-три-ныхъ рѣчей, что въ Польшѣ, въ разныхъ мѣстностяхъ, находят-

ся мужи съ пылкимъ сердцемъ, спокойнаго и обдуманнаго ума, непотрясаемой твердости и неутомимой настойчивости, и что эти люди чувствуютъ свое призваніе руководить своими братьями въ своей средѣ, для святаго дѣла освобожденія. Это призваніе главная цѣль ихъ существованія, единственный предметъ ихъ помысловъ, стремленій, усилій и пожертвованій. Людей такихъ качествъ много, очень много на нашей землѣ, но при способностяхъ, которыя я въ нихъ предполагаю, таковыхъ считаю человѣкъ двадцать совершенно достаточнымъ; они, равномерно размѣщенные, образуютъ тѣ *столбы* (филяры) для фундамента, на которомъ должно подняться все зданіе освобожденія ойчизны.“

Со вступленіемъ князя Адама *Чарторыйскаго* въ эмиграцію, его вліяніе на туземныя дѣла проводилось двумя путями; во первыхъ его сторонниками изъ мѣстной аристократіи; изъ этого числа были особо горячіе патріоты, которые шли по стопамъ его, князя Адама *Чарторыйскаго*, графа Михаила *Огинскаго*, князя Ксаверія *Друцкаго-Любецкаго*, послѣдовательно нѣкогда охранявшихъ польскіе интересы въ Россіи; графамъ *Дзялыньскимъ* предстояли эти труды въ Пруссіи, но при маломъ значеніи, которое они могли тамъ пріобрѣтать въ правительственныхъ сферахъ, поляки проводили свои интересы другимъ путемъ—поляками представителями въ палатахъ, между которыми особенно замѣчательнъ сталъ *Неголевскій*. Портреты этого ревнителя польской sprawy, сидящаго на креслахъ, разукрашенныхъ соединеннымъ гербомъ Польши и Литвы, стали принадлежностью жилищъ всѣхъ польскихъ патріотовъ; поляки приписывали наибольшее вліяніе на дѣла въ Австріи князю *Любомирскому*, проживавшему частью въ Вѣнѣ, частью въ Галиціи, и графу Адаму *Потоцкому*, жителю Кракова. Они были, въ числѣ легальныхъ руководителей—*столбами* польской sprawy.

Другой путь для дѣйствія изъ эмиграціи на туземцевъ князь *Чарторыйскій* нашелъ въ латинскомъ духовенствѣ. Если въ ревнителяхъ демократической партіи онъ видѣлъ для польской sprawy незамѣнимо-полезное зло, то это зло онъ думалъ парализовать вліяніемъ есендзовъ. Всѣми силами стараясь, чтобы мѣстное духовенство слилось своей конспиративною дѣятельностью съ конспиративною дѣятельностію пановъ, въ эмиграціи онъ преобразился въ самого ревностнаго сторонника костела, расточалъ предъ Ватиканомъ увѣренія въ своемъ усердіи, въ Римѣ имѣлъ

постоянныхъ агентовъ и щедро выплачивалъ туда приношенія высокаго польскаго шляхетства. Высшее польское мѣстное духовенство сдѣлалось естественно самымъ преданнымъ сторонникомъ *Чарторыйскаго*, подѣ папскимъ вліяніемъ; оно по степенямъ костельной іерархіи проводило внизъ данное направленіе; въ то же время князь *Адамъ* внушалъ панамъ, чтобы они приближали болѣе къ своей средѣ сельскихъ есендзовъ и перестали, по старому обычаю, держать ихъ на одномъ уровнѣ съ своими управляющими, экономами и арендаторами. Бесѣды въ петербургской духовной римско-катол. академіи съ выпускаемыми воспитанниками *Фелинскаго* (впослѣдствіи бывшаго архіепископомъ варшавскимъ во время возникшихъ тамъ въ 1861 году беспорядковъ) указываютъ плоды этихъ стараній князя *Чарторыйскаго*. (*)

Мы не имѣемъ свѣдѣній объ сношеніяхъ князя *Адама* съ его интимными сторонниками изъ туземцевъ; свѣдѣнія собраны только о пріемѣ въ Ламберовомъ отелѣ не столь высокопоставленныхъ личностей по дѣлу польской sprawy, которыя, кто по патріотическимъ вліяніямъ, кто изъ любопытства, желали, посѣтивъ Парижъ, представиться своему псевдо—королю. Посѣщенія Ламберова отеля не обходились безъ неизбѣжной въ этихъ случаяхъ офяры.

При первомъ представленіи, пріемъ былъ съ торжественнымъ, но съ холоднымъ благоволеніемъ, и сидящій старикъ, принимая стоящаго гостя, въ рѣдкихъ случаяхъ подавалъ ему руку, и то только при откланиваніи; но если посѣтитель удостоивался новаго приглашенія, то князь являлся нѣсколько уже привѣтливѣйшимъ хозяиномъ.

Не лишены интереса разговоры о домашнихъ польскихъ дѣлахъ; при всей краткости и отрывочности собранныхъ свѣдѣній, онѣ вполне характеризуютъ и всю дипломатическую осторожность *Чарторыйскаго* и всю легальную изворотливость, съ какою онъ внушалъ программу для мѣстной конспиративной дѣятельности. Князь *Адамъ* соглашался, что „Польша (т. е. шляхетство) переживаетъ тяжелые дни (сравнивая съ золотымъ ли- временемъ Рѣчи Посполитой, или временемъ царствованія Александра Павловича?), но что надежда не должна оставлять шляхетство, и всю свою надежду оно должно возлагать на цивилизацію Россіи, которая принесетъ радикальное улучшеніе ихъ быта“.

На первомъ планѣ онъ ставилъ необходимость домогательствъ

(*) Помѣщены въ „Вѣстникъ западной Россіи“.

къ возстановленію закрытыхъ польскихъ университетовъ въ Варшавѣ и въ Вильнѣ; польское юношество, избирающее гражданскую карьеру, должно особенно изучать юридическія науки, самыя полезныя для развитія ихъ интеллигенціи; поляки военные должны избирать спеціальныя оружія. Поляки обязаны содѣйствовать всѣми силами къ распространенію просвѣщенія въ Россіи, потому что оттого зависить ихъ будущее (*ergo* поляки должны быть цивилизаторами русскаго народа).

„Финляндія, прибалтійскій край, Малороссія, Кавказъ заняты только своими экономическими интересами; съ развитіемъ цивилизаци, они на равнѣ съ поляками поймутъ свои національныя интересы“.

„Отъ окраинъ, болѣе подготовленныхъ, цивилизациа со всѣхъ сторонъ проникнетъ во внутрь Россіи. Россія обречена на вѣчную борьбу съ Кавказомъ; ссылка туда поляковъ не есть бѣдствіе, напротивъ, они для соотчичей полезные труженники; предъ ними широкое поприще; тамъ множество русской молодежи, обстоятельства вынужденной участвовать въ тягостныхъ военныхъ дѣйствіяхъ; поляки, руководя молодыми умами, готовятъ будущее поколѣніе, которое вовсе не враждебно будетъ смотрѣть на поляковъ; изъ среды этихъ новыхъ русскихъ дѣятелей, быстро возвышенные военными отличіями, внесутъ и въ Россію, на значительныхъ мѣстахъ, понятія, болѣе соотвѣтствующія нашему вѣку“.

Князь *Чарторыйскій* заявлялъ также, что, при трудныхъ временахъ, религія есть великое утѣшеніе и поддержка моральной твердости, потому онъ поручалъ ксендзовъ заботливости пановъ, поддержку ихъ нравственнаго настроенія—щедротами и нравственнаго вліянія—поднятіемъ въ глазахъ общества и народа этого сословія, всегда отличающагося своимъ *патріотизмомъ*.

Сближая всѣ свѣдѣнія о дѣятельности князя Адама *Чарторыйскаго*, замѣчаемъ, что онъ оставался вѣренъ прежней системѣ дѣйствія. Разрушенныя мятежемъ 1831 года, возводимыя начала къ польской справѣ, онъ хотѣлъ возстановить исподоволь, для продолженія работъ великаго будованія. Цѣль была—поддерживать во всей силѣ польскую національность по всѣмъ бывшимъ областямъ Рѣчи Посполитой и, пользуясь тѣмъ, что пыхететство оставалось землевладѣльцами въ западной Россіи, онъ внушалъ продолжать ее ополячивать, притягивать къ Варшавѣ, сковывать ее съ Царствомъ Польскимъ, подъ русскимъ владычествомъ достигнуть того сліянія польской

національности съ западно-русскою, какого не могла достигнуть Рѣчь Посполитая, которая, предоставивъ костелу кормило внутренней политики, видѣла государственное единство только въ обращеніи въ латинство. Панамъ предстояло усыплять русскихъ своею мнимою преданностью, дабы русскіе проспали западную Россію и въ благоприятный для польскихъ замысловъ моментъ, во время какого либо европейскаго политическаго потрясенія, вывести русскія высшія власти и войска за Днѣпръ, такъ, чтобы они за собою ничего русскаго въ краѣ и не оставили.

Всѣ производимыя слѣдственныя дѣла по польскимъ конспираціямъ и мятежамъ подвергали отвѣтственности тѣхъ виновныхъ, которые были уличены въ явныхъ покушеніяхъ къ бунтамъ, потому система дѣйствій, проводимая княземъ *Чарторыйскимъ* весьма устраивала пановъ; отъ нихъ требовались только пожертвованія и дѣятельность, которыя всегда могли быть укрыты легальностью, или укрывались побужденіями благотворительными, самыми благонамѣренными для преуспѣнія общественнаго благоденствія; за нихъ они не могли рисковать ни личною отвѣтственностью, ни конфискаціею своихъ имѣній.

Вожаки польскихъ демократовъ, проповѣдники демагогическихъ ученій, всякій разъ, когда собирались отъ теоріи перейти къ практикѣ, всякій разъ, когда они замыслили мятежемъ захватить власть въ свои руки, встрѣчали на мѣстѣ противодѣйствіе со стороны пановъ, а безъ средствъ, которыми располагали паны, дѣло не вязалось. Замѣнивъ давній фанатизмъ религіозный фанатизмомъ политическимъ, центральщики съ своими сторонниками едвали не болѣе ненавидѣли пановъ землевладѣльцевъ, нежели правительства, участвовавшія въ раздѣлѣ Польши. Вся литература, вышедшая изъ подъ вліянія централизаціи, конечно, дышетъ не меньшимъ озлобленіемъ противъ того сословія, которое она называла польскою аристократіею, нежели противъ Австріи, Пруссіи и особенно Россіи.

Но князь *Чарторыйскій* былъ далекъ отъ ожесточенной борьбы съ польскими демагогами; онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на необходимое, но полезное зло, какъ мы выше упомянули, и на красныхъ тѣми же глазами смотрѣло и все высокое шляхетство; красные давали имъ средства загребать жаръ ихъ руками; они поддерживали ярую ненависть къ участникамъ раздѣла; они, бездомные, но не менѣе властолюбивые, были готовы кидаться на всякія опасныя предпріятія; въ

ихъ рукахъ было только одно это средство для того, чтобы проводить польскую справу. Князь *Чарторыйскій* былъ увѣренъ, что однажды, достигнувъ независимости Польши, онъ, или его потомки, неизмѣнно проводятъ вѣковую семейную программу, добьются того, что станутъ польскою королевскою династіею, а паны устроятъ свои дѣла, найдя въ предшествовавшихъ польскихъ совершившихся фактахъ, достаточно указаній на гибель раздоровъ, достаточно темъ для самыхъ пламенныхъ прокламацій, которыми паны всегда съумѣютъ увлечь толпу, обстановивъ ее нѣкоторыми подготовленіями. Имѣемъ одно свѣдѣніе, нѣсколько характеризующее увѣренность пановъ въ совершенномъ успѣхѣ подобныхъ надеждъ. Когда, въ 1862 году, на *засѣданіяхъ сѣльского хозяйства*, въ Краковѣ, у пановъ возникъ вопросъ—*не чрезъ чуръ ли уже дана власть демократамъ*, обсужденія этого вопроса привели къ слѣдующимъ заключеніямъ: паны, безъ большого труда, всегда урезонять находящихся въ рядахъ красныхъ молодыхъ членовъ своихъ семействъ, представивъ имъ вещи въ настоящемъ видѣ, а эти поведутъ толпу въ обратную сторону, по пригодному панамъ пути, при содѣйствіи нѣсколькихъ пламенныхъ, патріотическихъ прокламацій; самыхъ же закоснѣлыхъ и опаснѣйшихъ противниковъ можно выставить заблаговременно правительству, возложивъ это порученіе на тѣхъ избранныхъ, которые предъ властями должны вести интересы ойчизны; эти, выдавъ главныхъ нарушителей общественнаго спокойствія, тѣмъ пріобрѣтутъ новыя права на довѣренность австрійскихъ сановниковъ. Въ доказательство же силы прокламацій было приведено внезапное измѣненіе мнѣнія о князѣ *Адамѣ Чарторыйскимъ*, не смотря на всѣ ярныя противъ него озлобленія, которыми туземцы демократы были пропитаны. Князя *Адама* поносили, какъ измѣнника, предателя ойчизны, котораго губительная, своекорыстная дѣятельность разрушала всѣ доблестные порывы и начинки истинныхъ патріотовъ. При началѣ варшавскихъ демонстрацій, красные *мтрославчики*, желая доставить всю власть своему верховному руководителю и вручить ему кормило со дня на день ожидаемаго мтежа, возбуждали проклятіями противъ князя *Адама* всю ненависть къ аристократической партіи; когда же была прислана вѣсть изъ Парижа о кончинѣ князя (въ Іюнь 1861 г.), тогда явились два пламенные *омошенія* о великой національной потерѣ; прокламаціи огласили великія національныя добродѣтели, великія заслуги величайшаго патріота, и всѣ демократы устремились въ костелы на панихиды; имя князя

Чарторыйскаго превозносилось до небесъ; тогда кому нибудь заикнуться въ смыслѣ, противномъ охватившему единодушному общественному мнѣнію, было бы въ Краковѣ дѣломъ рискованнымъ. Такъ объясняли одинъ изъ подсудимыхъ быструю перемѣну, происшедшую въ Краковѣ, по полученіи извѣстія о смерти князя *Адама Чарторыйскаго*.

Князь Адамъ никогда не поддавался увлеченіямъ своихъ соотчичей и съ глубокимъ расчетомъ проводилъ свое дѣло. Въ числѣ средствъ имъ высокоусовершенствованной тактики для аристократической партіи было то, чтобы включать *своихъ людей* въ партіи, когда онѣ становились ему опасными. Эти люди, являясь подъ маскою самыхъ горячихъ сторонниковъ, доводили идею, одушевлявшую партію, до нелѣпѣйшаго безобразія. Для примѣра можно привести извороты ловкой теоріи Ламберова отела, въ ея дѣйствіяхъ относительно демократической партіи, на двухъ occasions: въ 1832 году, въ самомъ началѣ ея появленія въ эмиграціи, и въ 1864 г., послѣ ударовъ, ею понесенныхъ мятежемъ.

Польскіе демократы, считая въ своихъ рядахъ *Лелевеля*, поддерживаемые французскими революціонными знаменитостями, начали пріобрѣтать значеніе въ краѣ, внимательно слѣдившемъ за своими выходцами. Въ 1832 году графъ Адамъ *Гуровскій*, одинъ изъ варшавскихъ еще сотрудниковъ князя *Адама*, вошелъ въ общество демократовъ и сталъ едва ли не почетнѣйшимъ ея членомъ. Онъ провелъ до такой крайности идеи коммунизма, уравниенія всѣхъ состояній и указывалъ на такія мѣры насилія, какъ необходимыя средства, что князь *Адамъ* тѣмъ сохранилъ многихъ себѣ сторонниковъ между туземцами собственниками, которые уже ни какъ не могли поддаться подъ ученія эмигрантовъ — демократовъ, какъ бы они ни были патріотично изложены, прославляемы демократическою литературою и сколько бы сами читатели ни считали себя истыми патріотами. Графъ Адамъ *Гуровскій*, сдѣлавъ свое дѣло, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, вышелъ изъ общества „но сѣмена, имъ посѣяныя, остались,“ пишутъ поляки; (*) они и не допустили собственниковъ колебаться въ выборѣ, сочувствовать ли имъ Ламберову отелю, или централизаци, и куда направлять свои посильныя пожертвованія.

Польскій мятежъ 1863 года былъ подавленъ безнадежно для

(*) Образъ товарищества демократичнаго.

польскихъ патриотовъ; по испытаннымъ правиламъ надлежало дѣятелямъ ступеваться, мнимою преданностію и покорностію задобрить правительство, сберечь что можно послѣ разгрома, свалить на нѣсколькихъ шальныхъ подстрекателей всѣ бывшія затѣи, и смиреніемъ парализировать строгія мѣры, которыя вызывалъ произведенный мятежъ и которыя прямо ложились на *бѣлыхъ*; а въ это время неугомонные, кичливые *красные*, мечтали продолжать отчаянную борьбу, грозившую панамъ новыми напастями. Дрезденъ былъ центромъ скопищъ. Князь *Самта* вступилъ въ тамошній комитетъ демократовъ и до такой степени довель необузданность рѣчей, что провозглашалъ, что народы Европы обязаны низвергнуть свои правительства, за малое ими оказанное сочувствіе возставшимъ полякамъ. Князь *Самта* прямо шелъ къ тому, чтобы правительства разогнали скопища неугомонныхъ патриотовъ, собиравшихся въ ихъ предѣлахъ.

Сколько для князя *Чарторыйскаго* ни была выгодна дѣятельность демократовъ, которая въ судорожныхъ ожиданіяхъ держала поляковъ туземцевъ и будила въ нихъ непрестанно крамольное настроеніе, но онъ желалъ, чтобы вожаки демагоги только бы говорили и писали, но не переходили бы къ дѣйствіямъ; взбалмошныя затѣи только обращали вниманіе правительствъ на туземцевъ, отъ этихъ затѣй терпѣли паны матеріально, затѣи мѣшали вести въ тихомолку, безостановочно, подземную работу *великаго будованья*, наконецъ поляки вредили себѣ въ мнѣніи незаинтересованныхъ правительствъ тѣмъ, что они выставляли себя разрушителями всякаго общественнаго порядка, ревнителями революцій, что, конечно, не могло располагать въ ихъ пользу. Князь *Адамъ*, заискивая расположить правительства къ полякамъ, домогался, чтобы демократы на чужбинѣ, по крайней мѣрѣ, сидѣли смирно, но они имѣли у себя готовое войско, массу эмигрантовъ, и ворочали эту силою по своему усмотрѣнію, за что и пользовались особеннымъ значеніемъ въ кругу европейскихъ революціонныхъ вожаковъ.

Всѣ разумные хорошо понимали, что однажды когда выяснилось, что европейскія державы въ 1831 году участія въ польскомъ возстаніи не примутъ, то Польшѣ съ Россією уже бороться невозможно, и потому князь *Адамъ* хладнокровно переносилъ всѣ нареканія предателя, измѣнника, которыми его честили демократы себѣ въ извиненіе и для поддержанія себя въ глазахъ Европы;

но когда поляки эмигранты стали кидаться во всякія революціонныя экспедиціи, то онъ искалъ выпроводить праздную массу изъ Франціи и найти имъ какое нибудь занятіе.

Въ концѣ 1832 году князь *Чарторыйскій*, подкупами и разными, ему хорошо извѣстными, интригами, добылъ адресъ отъ всей эмиграціи, что она ему „ввѣряетъ свои дипломатическія сношенія“. Въ этомъ адресѣ читаемъ: „Ты обладаешь, князь, *глубокимъ* знаніемъ дипломатическихъ операцій; обширныя кабинетныя связи находятся теперь только въ твоихъ рукахъ, потому наша эмиграція почти единогласно проситъ, чтобы ты домогался передъ правительствами Европы о жизни свободной и независимой нашей ойчизнѣ.“ Первое употребленіе, которое князь *Чарторыйскій* сдѣлалъ изъ этого уполномоченія состояло въ томъ, что онъ въ тихомолку сталъ работать, чтобы выпроводить своихъ соотчичей изъ Франціи. Враги *Чарторыйскаго* провѣдали о тайныхъ его работахъ, раздраженные эмигранты, въ 1834 году, составили актъ слѣдующаго содержанія: „Польскіе эмигранты, съ удивленіемъ усмотря, что князь Адамъ *Чарторыйскій* дерзаетъ отъ лица всей эмиграціи вредить ея цѣлости и предназначенію, и принявъ во вниманіе, что чувства, которыя были возбуждены въ соотчичахъ поступками этого человѣка, относительно возстанія (1831) и эмиграціи, могутъ ввести въ заблужденіе самыхъ искреннихъ приверженцевъ народнаго дѣла, постановили — публично огласить, что Адамъ *Чарторыйскій* не только не пользуется ихъ довѣріемъ, но считается врагомъ польской эмиграціи.“

Странная была судьба этого акта; это оглашеніе эмиграція, въ своей средѣ, хранила въ тайнѣ; его подписали члены демократической партіи, которыхъ было тогда около 1200 человѣкъ, подписали и другіе привлеченные; актъ хранился въ централизаціи и въ теченіи 27 лѣтъ наполнялся подписями; всякій раздосадованный протитъ Ламберова отеля приписывалъ свое имя, и ко дню кончины князя набралось 3076 подписей. Актъ оставался тайной эмиграціи только до 1839 года, когда для вѣдѣнія всѣхъ поляковъ централизація постановила его опубликовать особою брошюрою, а въ 1855 году, когда *Мьрославскій* опасался, что съ ожидаемымъ возстановленіемъ Польши, послѣ восточной войны, на долю *Чарторыйскаго* можетъ выпасть завидная роль, тогда онъ обнародовалъ этотъ актъ на французскомъ языкѣ, для всеобщаго свѣдѣнія Европы. Это официальное отверженіе князя *Чарторыйскаго* польскою эми-

граціею не мѣшало однако тому, что они кое какъ уживались; князь *Чарторыйскій* зналъ имена всѣхъ послѣдовательно подписывавшихся, но онъ щеголялъ тѣмъ, что онъ не злопамятенъ, и не оставлялъ пособіями поляковъ эмигрантовъ подписавшихся, наравнѣ съ прочими; онъ постоянно хлопоталъ о томъ, чтобы первенствовать въ польской эмиграціи и первенствовалъ въ ней дѣйствительно; неуспынными трудами, подкупами, интригами и громадными расходами, поддерживая въ европейскомъ обществѣ и въ туземцахъ обаяніе представителя развѣнчанной династіи. Видимыми и не видимыми путями, онъ руководилъ на столько эмиграціею, что во всей Европѣ, а не въ одномъ только Парижѣ, его признавали за главу польской эмиграціи, (*le chef de l'émigration polonaise*), къ крайней досадѣ центральщиковъ, выходившихъ изъ централизаціи и въ ней засѣдавшихъ. На новомъ пути въ эмиграціи, князь *Адамъ* настойчиво проводилъ съ успѣхомъ свою семейную программу; централизація силилась придать себѣ *политическій характеръ*, но центральщики были признаваемы только своими сторонниками за политическихъ дѣятелей; европейскіе революціонеры ее ласками, какъ распорядительницу нѣсколькихъ тысячъ всегда готовыхъ уличныхъ бойцовъ. Между всѣми демократическими партіями польскихъ эмигрантовъ, *демократическое товарищество* было самое многочисленное; въ сороковыхъ годахъ находилось во Франціи около 6000 польскихъ выходцевъ, и болѣе полуторы тысячи принадлежали этому обществу. Всѣ польскіе демократы подчинились вліянію демократическаго товарищества, оно располагало наибольшими средствами. Хотя централизація кокетничала аптекарскою акуратностію въ представленіи своихъ отчетовъ въ суммахъ но онъ вертѣлись, не превосходя 30 т. франковъ; главною статьею прихода считался положенный сборъ на членовъ товарищества, а высылки отъ туземцевъ были та таинственная статья, которая оставалась непроницаемою, подъ предлогомъ безопасности жертвователей. Всѣ партіи старались имѣть въ краѣ своихъ сторонниковъ для пожертвованій. Демократическая партія *соединенія* выслала было въ край своего эмигранта для этой цѣли въ 1844 году, но онъ съ прискорбіемъ донесъ, что всѣ мѣста уже заняты демократическимъ товариществомъ и привезъ только единовременныя *офяры*. Члены централизаціи избирались ежегодно изъ среды 26 человекъ, и когда неудачи начали разочаровывать туземцевъ въ искусствѣ и надежности ихъ эмиграціи, тог-

да посыпались вопросы, изъ какихъ средствъ эти господа, тогда названные *централлищиками*, проповѣдуя такъ ретиво коммунизмъ и уравненіе состояній, живутъ на широкую барскую ногу (*), *откуда золото, которымъ они времятъ во Франціи?* Отношенія разныхъ партій къ краю и ихъ требованія были различны. Приверженцы Ламберова отеля слѣпо послѣдовали его внушеніямъ, платили въ его казначейство, отчетовъ не требовали и, согласно его предначертаній, между туземцами кокетничали демократическимъ направленіемъ, какъ имъ кокетничать и самъ князь Адамъ *Чарторыйскій*.

Демократическое товарищество, санкюлоты, какъ ихъ называли сторонники Ламберова отеля, не могли найти сочувствія между тѣми землевладѣльцами, которые знали, что теоріи, признанныя централизаціею, имъ крайне враждебны. Щедрые, бездомные ревнители, которые ничего не теряли, а за чужое добро хотѣли купить власть, приняли за основаніе: „По праву собственности, земля принадлежитъ крестьянамъ, которые ее воздѣлываютъ; если у пановъ дѣти наслѣдуютъ отцу, то и крестьяне за вѣковую обработку земли своими предками, должны получить ее въ наслѣдственное владѣніе и какъ исключительные работники быть и исключительными ея хозяевами“. Съ такими правилами *грабежа шляхетскихъ имѣній*, эмиссары товарищества отправлялись въ край, пишетъ анонимный высокій почитатель эмиграціи (**), щеголюющій безпристрастіемъ, и продолжаетъ: „Очевидно, этого не могли допустить старые, отъ прародителей, изъ рода въ родъ, передаваемые предразсудки, вѣками узаконенные.“ Демократическая централизація домогалась всю конспиративную повсемѣстную дѣятельность своихъ сторонниковъ сосредоточить въ своихъ членахъ, которые должны давать и общее направленіе всѣмъ работамъ. Для прѣдній по туземнымъ вопросамъ и обсужденію средствъ къ веденію пропаганды въ край, былъ особый отдѣлъ, въ которомъ засѣдали члены изъ того же кружка, изъ котораго избирались и централлишки, съ нѣкоторыми особенно пригодными для дѣла личностями, совершенно преданными централизаціи. Къ числу таковыхъ принадлежалъ Симеонъ *Конарскій*, растрѣленный, какъ выше было сказано, въ Вильнѣ, и котораго въ эмиграціи по-

(*) Брошюры: Цожъ пшедъ нами? Образъ товаржыства демократычного.

(**) Эмиграція польска, стр. 22.

читали какъ главнаго образователя мѣстныхъ конспиративныхъ секцій между туземцами и учредителемъ правильнаго въ нихъ теченія дѣлъ и сношеній. На общемъ собраніи демократическаго товарищества (1837) Карлъ Ружицкій предложилъ было, чтобы это особое отдѣленіе для сношеній съ туземцами не подлежало ни какому контролю; но предложеніе было отвергнуто 778 голосами противъ двухъ. Демократическое товарищество находило между туземцами сторонниковъ въ учащейся молодежи, чиновникахъ, лѣкаряхъ, адвокатахъ, литераторахъ и разныхъ пролетаріяхъ, и въ Россіи, въ той массѣ служащихъ, которые туда устремлялись, какъ нѣкогда европейцы въ новооткрытую Америку; прежде выселившіеся готовили *хлебныя* и вліятельныя мѣста для вновь прибывающихъ; съ каждымъ годомъ нѣкоторые вѣдомства стали особеннымъ предметомъ вторженія поляковъ. Польская пропаганда искусно направила мѣстную интеллигенцію польскихъ недорослей, и еще искуснѣе умѣла превозносить эту интеллигенцію. Всѣ сношенія эмиграціи съ туземцами указывали, что преобладающею силою въ краѣ остаются паны; во чтобы то ни стало *демократическое товарищество* хотѣло власть вырвать изъ рукъ ихъ. „Неуспѣхъ возстанія 1831 года былъ слѣдствіемъ того, что шляхетскія побужденія имъ руководили, провозглашали демократы“, только демократическая идея можетъ возвратить ойчизну; глубокая причина антидемократическаго движенія таится въ еще живущемъ шляхетскомъ духѣ; въ минуту положительныхъ рѣшительныхъ дѣйствій, онъ выплываетъ снова, потому съ привилегированныхъ должно сорвать маску притворства; это дѣло демократическаго товарищества, но искорененіе идеи привилегій, трудъ цѣлаго народа. Соціальное потрясеніе неизбѣжно съ началомъ движенія. Должно истребить нечестивый духъ возстанія 1831 года, духъ повсемѣстный не въ одной Польшѣ, но парализирующій вездѣ стремленія къ равенству, и противъ него товарищество должно всюду направлять свои удары“. (*).

Такими сужденіями, щекотя въ туземцахъ чувство возстановленія Польши, центральщики подготавливали въ нихъ убѣжденія о необходимости ввѣрить власть демократамъ. Приписывая невзгоды 1831 года губительному вліянію пановъ, они доказывали необходимость соціальнаго переворота, какъ вѣрнѣйшее средство къ

(*) Эмиграція Польска.

возстановленію Польши, когда весь народъ такимъ путемъ будетъ двинутъ на великое дѣло избавленія ойчизны, а этимъ народомъ, по мнѣнію демократовъ, до окончательнаго его образованія, по теоріямъ, выработаннымъ демократическимъ товариществомъ, должно *управлять* какъ баталіономъ. Централизація, съ своимъ уставомъ, актомъ постановила: освобожденіе польскаго народа, въ границахъ республики до перваго раздѣла, произвести революціею, съ уничтоженіемъ привилегій на демократическихъ (?) началахъ братства, равенства и свободы; началомъ должно быть безусловное (?) надѣленіе крестьянъ поземельною собственностью.

По постановленіямъ польскихъ демократовъ должно установить, *при благоприятныхъ обстоятельствахъ, элементарныя школы для народа по городамъ и деревнямъ*, эмиграція должна распоряжаться возстаніемъ. Правителями должны быть тѣ, которые взяли на себя представительство націи и выработали знаніе ея нуждъ и потребностей; *только трудъ, разогнутая эмиграціоннымъ онемъ* можетъ возстановитъ ойчизну; только въ эмиграціи жизнь и движеніе, а тамъ (въ областяхъ бывшей Рѣчи-Посполитой) онемъніе (одрентвѣлось) и смерть. По надлежащихъ приготовленіяхъ, назначенный комитетъ долженъ изъ эмиграціи перенестись въ край, принять начальство и направить народное возстаніе; комитетъ вызываетъ къ оружію всѣхъ жителей польской земли, назначаетъ начальниковъ вооруженныхъ силъ, устраиваетъ администрацію, суды, войско, освобождаетъ крестьянъ. Паны силою должны быть поставлены въ необходимость повиноваться. Смерть тѣмъ, кого не могутъ убѣдить начала, принятія эмиграціею. Лондонскій отдѣлъ польской эмиграціи избралъ специальнымъ для себя занятіемъ выработать науку производства самаго мятежа и издалъ цѣлый уставъ по этому предмету.

Авторъ брошюры „Эмиграція польска“ приводитъ, что „эмиграціонная шляхта“ (*), услышавъ суровыя слова правды, двинула всю находчивость прежнихъ сеймовъ, двинула всѣ свои пружины: публичныя собранія, частныя съѣзды, газеты, брошюры, письма, агентовъ, ложь, клевету, угрозы и обѣщанія. Прежде она на-

(*) Т. е. помѣщики. Въ эмиграціи кто же не принадлежалъ къ шляхтѣ? Были увлеченные солдаты, бывшіе какъ бы деньщиками при офицерахъ, но такихъ было не много, а строевые солдаты, оставшіеся во Франціи, въ работахъ эмиграціи не участвовали.

дѣялась, что *власть* есть легальная ея принадлежность, какъ представительницы края, и смотрѣла на демократію, какъ на бунтовщика.“ Дабы отодвинуть назадъ наступающую централизацію, аристократическая партія пользовалась тѣмъ, что „масса эмигрантовъ, какъ масса вездѣ, согласна скорѣе держаться господскаго порога, чѣмъ брататься съ тѣми, которые ей сулятъ груши на вербѣ.“ При условленной со всѣми европейскими революціонерами работѣ, 1846 года, для общаго мятежа по всей Европѣ, эмиграція выслала своихъ эмиссаровъ по бывшимъ польскимъ областямъ; *Дембовскій* стоялъ въ главѣ посланцевъ; съ одной стороны разсыпавшіеся по панскимъ домамъ, они всякими іезуитскими изворотами, судя по личностямъ, искали втянуть всѣхъ въ мятежъ; въ случаѣ настоящей надобности, они отрекались даже отъ своихъ основаній, объявляя ихъ временнымъ средствомъ для достиженія, съ содѣйствіемъ крестьянъ, возстановленія независимости Польши, а съ другой стороны, они, преимущественно въ Галиціи, толкались между простолюдинами, внушали крестьянамъ, что паны ихъ враги, что паны вымогаютъ у правительства чего хотятъ, а если пановъ истребить, то и настала бы жизнь привольная. Подобные слухи о таинственныхъ странникахъ, появлявшихся по сельскимъ корчмамъ, въ платьяхъ простолюдиновъ, доходили до панскихъ ушей и парализовали добротество. *Мирславскій* обѣщался *провести стараго дипломата*; Демократы, для единодушной работы, склонились предъ княземъ *Адамомъ*, съ просьбою они обратились къ *Чарторыйскому* принять кормило затѣяннаго революціоннаго дѣла.

Князь *Адамъ*, при соображеніяхъ общей европейской революціи, не хотѣлъ отстать отъ *націи*; ему нужно было сохранить въ предстоящемъ движеніи *верхнюю руку*, какъ говорить французы. *Чарторыйскій* имѣлъ свою тайную полицію Ламберова отеля, едва ли не лучше организованную нежели ту, которую онъ содержалъ нѣкогда въ Варшавѣ, предъ мятежемъ 1830 г. Ему хорошо были извѣстны затѣи центральщиковъ и инструкціи, данныя ими высланнымъ эмиссарамъ. Дабы парализовать замыслы, не допустить населеніе до кровавыхъ порывовъ, онъ, въ руководители движенія массъ хотѣлъ поставить ксендзовъ, за спиною которыхъ уже дѣйствовали бы паны со всѣми ихъ средствами. Клерикальная партія въ эмиграціи была слишкомъ близка Ламберову отелю, чтобы отказать ему въ помо-

щи; нѣсколько ксендзовъ было выслано на мѣста изъ Парижа для пригодныхъ внушеній мѣстному сельскому духовенству. Соображенія не оправдались; мы видѣли, въ событіяхъ 1846 г., что ксендзы, вмѣстѣ съ панами, гибли подъ крестьянскими ударами.

Просьба централизаціи весьма устраивала князя *Адама*; онъ становился главою эмиграціи, по собственнымъ ея побужденіямъ; онъ видѣлъ ясное доказательство, что безъ пановъ демагоги обойтись не могутъ. Онъ согласился и издалъ свою прокламацію, изъ которой приведемъ знаменательнѣйшія мѣста.

Подписавшись президентомъ правительства, князь *Адамъ* посланіемъ отъ 14 Февраля 1846 года, объявлялъ между прочимъ.

„Братья! Мы рѣшились избавить васъ отъ тираническаго ига... соединеніе необходимо... Умоляемъ васъ, будьте послушны пастырямъ вѣры вашихъ отцевъ, они укажутъ вамъ, гдѣ и когда поднять оружіе... Служители алтаря васъ научатъ, какъ добыть свободу, какую они сами изучили въ метрополіи Св. Петра. Примите ихъ, помогайте имъ въ ихъ переѣздахъ и наказывайте смертью тѣхъ, которые захотятъ ихъ выдать врагамъ. Дабы болѣе васъ убѣдить въ святости нашего дѣла, я вышлю къ вамъ моего возлюбленнаго сына, въ его жилахъ течетъ кровь Пястовъ и Ягеллоновъ, онъ будетъ залогомъ моей преданности и любви къ ойчизнѣ“. Въ то же время *Петрашевскій* работалъ надъ заговоромъ въ Петербургѣ, а графъ *Владиславъ Замойскій*, правая рука *Чарторыйскаго*, уже заранѣе пробрался на Кавказъ къ горцамъ; мятежемъ на Кавказѣ нѣо долженъ былъ оттянуть туда часть русскихъ силъ. Графъ *Замойскій* издалъ прокламацію къ полякамъ, находящимся въ рядахъ кавказской арміи. „Поляки, литвины и украинцы, писалъ онъ, вы всѣ дѣти одной матки ойчизны, братья! слушайте меня... Волею нашего общаго главы, назначеннаго Провидѣніемъ, котораго образъ предъ вашими глазами, *(изображеніе съ медали съ надписью Адамъ I)*, я прибылъ къ вамъ.... Онъ послалъ меня, дабы я оживилъ ваши надежды; я призываю васъ исполнить долгъ, который лежитъ на васъ, какъ на полякахъ,... нашъ народъ, чтобы стать поголовно, ждетъ только сигнала, перваго призыва къ мести; правительства и народы намъ сочувствуютъ, но они придутъ къ намъ на помощь, когда увидятъ, что мы умѣемъ исполнять нашу святую обязанность... Уничтожайте запасы, поджигайте пороховые магазины, убивайте казенныхъ лошадей и истребляйте нашихъ враговъ, и

потомъ бѣгите въ горы и увлекайте съ собою и русскихъ; приносите съ собою оружіе и патроны.... Не опасайтесь дурнаго приѣма горцевъ, я нахожусь въ средѣ ихъ, чтобы охранять васъ... Мы побѣдимъ врага, и отсюда мы двинемся въ Польшу. У насъ будетъ Польша съ нашимъ королемъ, свободою и независимостью, намъ стоитъ захотѣть и работать, Господь придетъ къ намъ на помощь.“

Являсь на театръ готовящагося мятежа, *Мьрославскій* думалъ однимъ ударомъ порѣшить со всеми притязаніями князя *Чарторыйскаго*; онъ провозгласилъ себя диктаторомъ. *Чарторыйскому* угрожала тогда великая опасность; его прокламація попала въ руки австрійскаго правительства; великолѣпное его имѣніе *Сѣнявы* въ Галиціи подлежало конфискаціи. Не знаемъ сознавался ли самъ князь *Адамъ* въ своей ошибкѣ, что связался съ демократами ранѣе, нежели событія разъяснились; но сынъ его въ началѣ мятежа 1863 года медлилъ принять открытое участіе и говорилъ, что онъ не хочетъ повторить *опрометчивый шагъ* (le pas de clerc) своего отца въ 1846 году.

Прусскій министръ взялся хлопотать, князь *Чарторыйскій* написалъ униженную просьбу и признавалъ свою подпись подъ прокламаціей *поддѣльною*; *Меттернихъ* помиловалъ съ условіемъ, чтобы князь *Адамъ* письменно обязался „*впредѣ никакого участія не принимать въ усиліяхъ противъ существующаго порядка въ прежнихъ польскихъ провинціяхъ.*“ Князь мало того, что исполнилъ все, что отъ него требовали, но немедленно выслалъ своего племянника, графа *Владислава Замойскаго*, въ Лондонъ. Тамъ, на публичномъ балѣ въ честь лорда *Дублей Стюарта*, графъ *Замойскій* благодарилъ за возвращеніе *Сѣнявы* и публично оправдывалъ австрійское правительство въ возводимыхъ на него клеветахъ о галиційской рѣзнѣ. При возстаніи 1848 года князь *Адамъ* былъ осторожнѣе, онъ прокламацій не издавалъ, но лишь только разошлась молва объ успѣхахъ польской sprawy, онъ немедленно отправился въ Пруссію укрощать *Мьрославскаго* и вырвать власть изъ рукъ его; князь пріѣхалъ поздно; пруссаки мятежемъ отрезвились отъ полонизма, и князю *Чарторыйскому* пришлось возвращаться въ Парижъ *съ разтерзаннымъ сердцемъ*.

Неуспѣхъ всѣхъ революцій, столь горячо поддерживаемыхъ поляками, привелъ Ламберовъ отель къ новымъ комбинаціямъ. Князь

Адамъ призналъ невозможность возстановленія Польши съ удержаніемъ верховной власти въ своихъ рукахъ и возвратился къ прежнимъ своимъ планамъ, съ примѣненіемъ нововведеній. Онъ составлялъ политическія комбинаціи, войны съ системою взаимныхъ вознагражденій, съ цѣлью соединить Польшу 1772 года подъ одинъ скипетръ, какъ нѣкогда онъ предлагалъ императору Александру Павловичу. Польша добровольно должна была временно подчиниться иноземному владыкѣ, общимъ голосованіемъ (*suffrage universel*) по примѣру Франціи, а за первымъ избраннымъ, Польшѣ предстояла возможность со временемъ избрать природнаго короля, Пяста, т. е. *Чарторыйскаго*. Три державы являлись для того пригодными: Россія, Австрія и Франція; конечно, Россія была отвергнута, озлобленіе противъ *москалей* было безпредѣльное; принцъ Наполеонъ, такъ привѣтливо обращался съ поляками-эмигрантами, былъ такимъ предупредительнымъ ходатаемъ ихъ желаній, что аристократическая партія склонялась на его сторону; при этомъ не была упущена изъ виду та вѣроятность, что принцъ переживетъ императора, и тогда короля француза удобнѣе будетъ замѣстить своимъ природнымъ. Но князь *Адамъ* лично все свои помысленія долгое время сосредоточивалъ на Австріи.

Событія 1848 и 1849 годовъ должны были ясно указать австрійскому правительству всю его непрочность, при разноплеменной монархіи и при недостаткѣ твердаго, сплошнаго зерна; въ это то зерно поляки себя готовили для убѣжденія Австріи; способствовали къ тому и панславистскія броженія; старанія поляковъ были все устремлены на то, чтобы въ проектахъ панславистовъ взять преобладаніе надъ Россією; чтобы не русскіе, а поляки стали бы притягательнымъ полюсомъ для славянъ; насупротивъ восточной славянской русской имперіи составить имперію западно-славянскую. Придунайскія княжества давно были знакомы полякамъ, а князь *Чарторыйскій* ретиво работалъ надъ подготовленіемъ болгаръ и началъ съ введенія униі.

Одно обстоятельство было великою помѣхою польскимъ планамъ; какъ не увѣрливы польскія разъясненія, однако выводъ изъ нихъ одинъ; поляки понимали, что имя Польши оставило воспоминанія, непригодныя для попытокъ къ сліянью; все славянскія племена поляковъ не любятъ и имъ не довѣряютъ; въ западной Россіи шляхетство, хотя и ополяченное, но все же оно помнило свое давнее соперничество съ Польшею; мятежъ 1863 года выяснилъ

его воплѣтъ, а населеніе западной Россіи питало одно только чувство озлобленія къ полякамъ. Отъ Днѣпра до Карпатъ слово *ляхъ* обратилось въ брань. Рѣчь Посполитая, отдавъ въ руки ксендзовъ заботы о государственномъ единствѣ, достигла того, что въ юго-западной Россіи и въ Галиціи русскіе люди, столь вѣротерпимые, изливаютъ свои ощущенія о латинянахъ изрѣченіемъ: „ляхъ, жидъ, да собака, вѣра одинака..“

При такихъ антипатіяхъ къ польскому владычеству и при общихъ стремленіяхъ шляхетства возстановить золотое прошедшее, приведеніе къ соглашенію славянъ могло быть достигнуто только искусственнымъ изворотомъ; — и на прочныхъ основаніяхъ утвердилась идея конфедеративнаго государства.

Разслѣдованіе мятежа указываетъ, что конфедеративное государство было основаніемъ стремленій всѣхъ партій, отъ крайне бѣлыхъ до крайне красныхъ. Эта идея нѣкогда соединяла декабристовъ съ польскими заговорщиками; сѣверо-американскіе штаты, не смотря на все различіе народныхъ элементовъ и различіе общественныхъ условій жизни, были приняты, какъ истинно благодѣтельное учрежденіе для народовъ, при которомъ можетъ быть только братская любовь *между племенами*. Какъ эта братская любовь была нужна ревнителямъ только для пышныхъ прокламацій, а о народномъ благоденствіи они столько же заботились, какъ объ изношенныхъ сапогахъ, то обсужденіемъ этого вопроса съ разныхъ сторонъ никто и не занимался особенно. Было бы любопытно знать, какое вліяніе на шляхетскія сужденія произвела бы сѣверо-американская междуусобная война, если бы она случилась пятью годами ранѣе.

Велико было разочарованіе послѣ парижскаго мира (1856 г.); *Мазидъ* вошелъ въ кабинетъ *Чарторыйскаго* и засталъ его за работою; съ ранняго утра сидѣлъ онъ за письменнымъ столомъ. „Слышите ли, князь, громъ орудій, сказали вошедшій, пушки объявляютъ заключеніе мира.“ Князь задумчиво покачалъ головою и снова взялся за перо. „Къ чему продолжать, нынѣ уже нѣтъ болѣе надежды?— Нѣтъ, надо продолжать, возразилъ князь, оно можетъ послужить въ будущемъ.“

Дѣйствительно въ теченіи шестидесяти лѣтъ, проводя свою семейную программу, князь *Чарторыйскій* могъ узнать воплѣтъ свою націю; *secretum mobile* польскихъ заговоровъ въ теченіи шестидесяти лѣтъ пролетѣло мимо всѣхъ войнъ и всѣхъ мирныхъ договоровъ;

не парижскій миръ могъ остановить вѣковую вражду Польши къ Россіи, безсильную злобу предъ ея окрѣпшей соперницей, ставшей великою, могучею державою — борьбу латинства, стремившагося на востокъ и православіемъ остановленнаго въ западной Россіи.

Но если съ вѣрою на будущее князь *Чарторыйскій* принялъ вѣсть о мирѣ, то не таково было мнѣніе его соотичей туземцевъ.

По мѣрѣ послѣдовавшихъ неудачъ польской справы, ввѣренной эмиграціи, въ туземцахъ росла досада и переходила въ раздраженіе; толки въ шляхетствѣ, письма и брошюры (*) свидѣтельствуютъ о томъ настроеніи, которое появилось въ средѣ шляхетства, особенно когда парижскій миръ ни слова не упомянулъ о полякахъ. Сведемъ вкратце разныя заявленія шляхетства, бывшія въ нашихъ рукахъ, которыми оно, въ минуты разочарованія, выказывало свое оскорбленное неудовольствіе противъ эмиграціи: (**).

„*Эмиграція*, высялаясь изъ края, подъ нравственными вліяніями потерянной ойчины, обрекла себя на постоянную борьбу, пока не достигнетъ цѣли. Давъ себѣ организацію, она дала правильность своимъ трудамъ и упрочила существованіе *настойчивыхъ усилій*. Всякая партія избрала себѣ спеціальныя занятія и, отдавая от-

(*) „Образъ товарищества демократычнаго;“ „По шпедъ нами“ и т. п.; не можемъ привести заглавій многихъ изданій, найденныхъ въ конфискованныхъ бумагахъ, въ которыхъ, вѣроятно для безопасности, оторваны заглавные листы; находятся также вырванные печатныя страницы. Рѣчи большею частію встрѣчались литографированными. Со временемъ, можетъ быть, кто нибудь возьметъ на себя трудъ, нѣсколько ознакомить русскую публику съ эмиграціонною литературою, которая, судя по оглавленіямъ на оберткахъ, должна быть чрезвычайно обильна, не считая множества польскихъ періодическихъ листовъ разныхъ партій. По бывшимъ въ нашихъ рукахъ обращикамъ, въ полномъ смыслѣ слова, она носитъ на себѣ характеръ *судорожно-озлобленный*; постоянная ненависть къ Россіи, къ императору Николаю Павловичу, заглушаемая въ ней раздраженною враждою партій, съ выводимыми на свѣтъ многочисленными фактами любостижанія, обмана, интриги, дразгъ и пакостей. Воспроизводить вполнѣ всю эту грязь едва ли кому будетъ охоты; а еще менѣе охоты у читателей видѣть польскую эмиграцію во всей ея наготѣ.

(**) Образъ товарищества демократычнаго польскѣго и его централизаціи, С. Старовіейскаго (вѣроятно псевдонимъ), напечатано въ Краковѣ, — По шпедъ нами, начало рукописной копіи и отдѣльные листки, вырванные изъ неизвѣстныхъ книгъ или брошюръ; частныя письма, польская рукопись съ французскимъ заглавіемъ: *Une société, qui ne se comprend pas.*

четъ своихъ трудовъ націи, была обязана работать, чтобы показать, что она сдѣлала, а въ націи упрочилась бы вѣра и довѣренность къ своей эмиграціи; нація должна была видѣть въ ней свою покровительницу и опору. При всепоглощающемъ стремленіи къ одной общей цѣли, при усиленныхъ работахъ и готовности къ самопожертвованіямъ, могли бы родиться антагонизмъ??“

„Эмиграція представлялась тройкая работа: удержать наши сношенія съ правительствами, дружественныя тѣсныя связи съ народами Европы и близко родственныя съ соотчичами. Первая обязанность лежала на дипломатической партіи, вторая на лицахъ, входившихъ въ составъ польскаго комитета, третья на партіи демократической, которой предстоило *глубоко изучить, на что польскій патриотизмъ* можетъ разсчитывать, обсудить найсообразнѣйшій путь и указать его всѣмъ полякамъ, гдѣ бы соотчичи не находились, дабы работать и дѣйствовать въ согласіи и съ взаимною поддержкою.“

„Дипломатическая партія измѣнила своему призванію; она повторила ошибку прежней польской дипломатіи; она все расчитывала на правительства, которыя всегда были и будутъ своекорыстны. Мы не противорѣчимъ случающемуся искусству дипломатіи, соглашаемся, что она могла даже искать при дворахъ, наиболѣе намъ враждебныхъ, но наши дипломаты въ *свою дипломатію* вложили всю свою вѣру, всѣ свои надежды и объявили ненависть и неистовую войну всякому, кто искалъ спасенія въ вѣчныхъ силахъ народовъ.“

„Съ самаго начала эмиграція употребила сверхъ естественныя усилія, чтобы сблизиться съ націей и европейскими народами; она заявляла готовность начать борьбу *для нашего спасенія со всемірнымъ спасеніемъ*; что же говорили тогда наши дипломаты эмигрантамъ: „ваше мѣсто ни во Франціи и ни въ Англіи, уберите въ Алжирію къ бедуинамъ; тамъ у правительства руки не связаны и оно сумѣетъ принять васъ въ руки.“

„Эмиграція въ своихъ патриотическихъ стремленіяхъ предпринимаетъ экспедиціи савойскую, франкфуртскую, заливекаго, а наша аристократія намъ указываетъ на Португалію. Развѣ въ расприхъ между двумя претендентами мы могли истреблять нашихъ естественныхъ враговъ русскихъ, пруссаковъ и австрійцевъ.“

„Послѣ ряда неудачъ, наши дипломаты наконецъ увидѣли, что они идутъ по ложному пути, и примкнувъ къ демократической пар-

тія, которая такъ высоко подвинула свои работы, вмѣстѣ съ нею провозгласила: Въ Польшу! въ Польшу! тамъ наши силы, тамъ наши средства. Аристократы съ своимъ королемъ развертываютъ свое знамя, наши демократы думали найти въ нихъ страшныхъ соперниковъ; но они не рѣшаются перейти границы ойчизны. Это монархическое возстаніе, съ своимъ королемъ впереди, вооруженнымъ скипетромъ и крестомъ, для избавленія Польши и утвержденія его королевскихъ правъ на престолъ, принимается за дипломатическія негодіаціи съ княземъ Черногоріи и Черкесами и кончаетъ свои подвиги турецко-славянскою пропагандою, веденною Чайковскимъ—Садикъ-Пашею. Напрасно демократія ожидала подготовленій монархическихъ дѣятелей на берегахъ Вислы, Нѣмана и Днѣстра; дипломаты не пошли далѣе заявленія, что Чарторыйскій былъ прежде кураторомъ виленскаго университета и заграницею покровитель бѣдныхъ польскихъ выходцевъ.“

„Демократы эмиграціи, за исключеніемъ этихъ господъ, шли другимъ путемъ; они провозглашали, что безъ всякихъ личныхъ своекорыстныхъ побужденій, имѣя только народъ передъ глазами, они вполне пользуются возрастающимъ могуществомъ общественнаго мнѣнія въ Европѣ. Когда торнашеская политика Людовика Филиппа еще не вполне обозначилась, когда Германія, воодушевленная пропагандистами, разливалась ненавистью противъ священнаго союза и привѣтливо улыбалась революціи, когда Швейцарія и Италія съ нетерпѣніемъ ждали нашей революціи и даже сама столь разсчитливая Англія сильно протестовала противъ духа коалицій, одинъ Лелевель добросовѣстно исполнялъ свое дѣло; желая руководить демократовъ, онъ вошелъ въ сношенія со всѣми европейскими комитетами и эти сношенія могли быть весьма полезны польскому дѣлу, возражая симпатію народовъ къ Польшѣ, основанную на свободѣ и братствѣ.“

„Аристократы сыиграли комедію на счетъ спасенія ойчизны и вызвали глубокія раздраженія, вызвали раздоръ, который парализировалъ тѣ великодушныя намѣренія, которыя стали распространяться въ краѣ (*), чувства братства могли заставить поселянъ участвовать въ общемъ повстаніи; они же тормозили дѣло, гдѣ могли; не содѣйствуя успѣхамъ революціонеровъ, наши дипломаты напротивъ всѣми своими усиліями хотѣли имъ перечить.“

(*) Проекты о надѣлѣ вѣрстанъ землею.

„Они возражали намъ, что не на буряхъ взволнованнаго населенія можно возводить прочное зданіе, что успѣхи медленные, но прочно укрѣпившіеся, послѣдовательно должны довести зданіе возстановленія Польши подъ крышу, и что демократическая партія, своими властолюбивыми и нетерпѣливыми буйствами, разрушаетъ глубоко обдуманное дѣло. Но развѣ не революціею мы достигли знаменательныхъ успѣховъ, тѣмъ болѣе важныхъ, что они, за исключеніемъ нашихъ провинцій, отданныхъ трактатами московскому царю, были повсемѣстны. Для дѣла возстановленія ойчизны, какіе важныя приобрѣли мы уже залоги, свободное книгопечатаніе, разрѣшеніе гвардіи народной, разрѣшеніе комитетовъ народныхъ, это были уже такія завоеванія, которыя могли бы служить неизблемою основою, при ожидаемомъ замѣщеніи всей администраціи соотчичами. Всего этого мы достигли и намъ слѣдовало остановиться во время и предоставить другимъ за насъ вести дѣло далѣе (*); намъ слѣдовало только внушеніями направлять событія.“

„Мартовскими событіями 1848 года наша *справа* уже такъ была поставлена, что мы должны были только ждать, когда насъ народы поименуютъ и на перекличкѣ отвѣтитъ: „мы здѣсь на лицѣ“ (естесмы) и для того не съ оружіемъ въ рукахъ поддерживать далѣе объ насъ память, а выжидая скромно, работать устроившемъ комитетовъ, клубовъ и охранительной стражи (стражи безпѣченства), литературою и періодическими изданіями. Если бы мы оставались на пути легальномъ, и выработывая все, что было возможно изъ дарованныхъ уже правъ (дозволенныхъ свободъ), никто не осмѣлился бы посягнуть на то наше нравственное могущество, противъ котораго въ дребезги должна была разбиться всякая матеріальная сила. Наши же руководители тотчасъ начали изъявлять свои неудовольствія, требовать большаго, стали создавать войска и поставили себя тѣмъ между двумя огнями—ими возбужденными контръ-революціями и русскими штыками. *Централизація* употребляла всю свою партію для своихъ собственныхъ видовъ, дабы не потерять своихъ куруловыхъ креселъ (курульскихъ креселъ нѣ страиць); она отвергла средства, потому что она всегда въ разладѣ съ сотрудиниками. Когда въ началѣ мая (1848 г.) патріоты разныхъ областей призывали въ Врцадавъ членовъ централизаціи для согласія въ дѣйствіяхъ, какой получили они отвѣтъ?

(*) Т. е. Панургову стаду.

„Мы работаемъ, намъ не зачѣмъ развѣзжать по совѣщательнымъ совѣтамъ (на обрады испъ не потребуемы), — точно будто они поль-Польша уже завоевали; сказать же имъ тогда А. П. (*), въ патріотизмъ котораго никто не сомнѣвается: *я вашей искренности повѣрю только тогда, когда ваши кости забьются рядомъ съ костями польскаго народа.*“

„Члены же централизаціи были далеки отъ самозабвенія, они все до единого возвратились благополучно (**), хотя имѣли тысячу случаевъ своею кровью запечатлѣть свою *незаконнорожденную философо-демократическую идею*. „Демократа польски“ (***) все провозглашалъ о торжествахъ, вилъ себѣ лавровые вѣнки при всякомъ народномъ бѣдствіи, и дошелъ до того, что въ одномъ изъ своихъ нумеровъ провозгласилъ, что завоевалъ вселенную (*нашими принципами завоевалисьмы святъ*).“

„Дипломатическая партія, руководимая Чарторыйскимъ, при ея общественномъ положеніи, могла дипломатическими путями получать ободренія отъ европейскихъ кабинетовъ и ими питаться въ своихъ надеждахъ, но демократы, раздосадованные на Европу за ея непостоянство въ симпатіяхъ, провозгласили во всеуслышаніе: Мы не нуждаемся въ Европѣ, Польша воскреснетъ собственными силами.“

„Теоретически столь прекрасно обдуманная мысль *національнаго комитета*, который бы руководилъ и согласовалъ частную дѣятельность соотчичей, на практикѣ оказалась только вредною. Несогласіе мнѣній раздробляло еще болѣе элементы эмиграціи и вредно дѣйствовало на самый край *безконечными своими прѣнїями, которыя и краю подавали поводъ къ несогласіямъ, бесполезно полошающимъ жизненные ея силы.*“

„Эмиграція намъ выставила въ Мѣрославскомъ геніальнаго спасителя ойчизны; централизація въ немъ признала великаго государственнаго человѣка, великаго администратора, великаго полководца, а послѣ всѣхъ неудачъ, когда пришлось каждому искать утѣшенія и виновниковъ въ неуспѣхахъ, то Мѣрославскій обратился въ „гетмана causi perda.“ На столь недавно прославляемаго великаго дѣятеля централизаціи, главнокомандующаго, диктатора, посыпались со всѣхъ сторонъ, въ стихахъ и прозѣ, ѣдкія критики, сатиры, насмѣшки, эпиграммы и самыя злыя каррикату-

(*) Въ подлинникѣ однѣ эти буквы.

(**) Не совсѣмъ точно.

(***) Журналъ издаваемый демократическою партією.

ры. Не одна Польша была свидѣтельница его талантовъ. Сицилійская экспедиція увѣнчала его военные подвиги. Втершись въ дружбу и въ довѣренность къ Гарибальди, онъ начальствовалъ сицилійскимъ возстаніемъ. Когда инсургенты были атакованы королевскими войсками, *Мьрославскій* растерялся до того, что, какъ полумумный, прискакавшему за приказаніемъ адъютанту отвѣчалъ только наѣвомъ: „Еще Польша не згинела,“ и наконецъ со страху бѣжалъ съ поля боя. Възбѣшенные италіянцы послали ему въ слѣдъ нѣсколько *срамныхъ пуль* (*balle di vergogna*), которыя просвистали мимо ушей „диктатора Польши.“

„Путь отъ Милослава до Вржесня, не путь изъ Мекки въ Медину, и *Мьрославскому* никогда не быть пророкомъ Польши!“

„Вы ораторствуете 25 лѣтъ въ эмиграціи, вы пишете, печатаете, вы устроили цѣлую администрацію, ведете дипломатическія сношенія, производили революціи, десятка два людей подвели подъ висѣлицу, тысячи людей отправили въ казематы и въ каторгу Сибири, десять тысячъ легло въ одной Галиціи подъ косами и цѣпами своихъ же братій. Панъ Эдуардъ *Дембовскій* твердилъ, что *людь должно приспособить къ понятію и возлюбленію революціи* (успособиць людь до поенця и укоханя революціи). Людь, дьявольски увлеченный проповѣдями эмисаровъ (штанско увѣдзіоны ишезъ науки высланцовъ централизациі) показалъ свои способы пониманія и возлюбленія всеобщей революціи; въ одномъ тарновскомъ округѣ замучено 3000 безоружныхъ и невинныхъ. Чѣмъ кончили въ 1846 г. руководители этой потѣхи (дзялаче тей фарсы)? Диктаторъ *Тыссовскій* съ своими министрами, секретарями и военачальникомъ убѣжалъ съ деньгами (*). Какъ же отнеслась эмиграція о неистовой рѣзнѣ въ Галиціи? *Лелевель* провозгласилъ, что крестьяне вспомнили наконецъ о своихъ правахъ. Приверженецъ монархической Польши, министръ 1831 года, Теодоръ *Моравскій*, очень сожалѣлъ о рѣзнѣ, но въ томъ смыслѣ, что убитыхъ было мало (же за мало замордовано), а *Мьрославскій*, въ утѣшеніе соотчичамъ, говорилъ, что рѣзня была слѣдствіемъ недоразумѣнія (*malentendu*), что *Тыссовскій* былъ только шалунъ, „un polisson de la bande de désordre social;“ 10 дневную оргію Кракова онъ, называя свободою, призналъ, что эти 10 дней стоятъ 70 лѣтъ рабства. Эмиграція тысячъ пятнадцать изъ увлеченной молодежи, изъ нашего будущаго поколѣнія, оторвала отъ роднаго кро-

(*) 700,000 франковъ.

ва и увлекла ихъ на баррикады, въ Венгрію и въ Турцію; изъ нихъ болѣе половины нашли тамъ раннюю кончину подъ пулю, въ лазаретахъ, а нѣкоторые просто безъ помощи, съѣденные венгерскою холерою, или дунайскими лихорадками; остальные обратились въ скитальцевъ, искателей приключеній. Взгляните на наши семейства, есть ли хоть одно, которое бы не оплакивало родного; мы щедро давали вамъ средства для всѣхъ вашихъ проектовъ, мы не вступались, когда вы для вашихъ затѣй всякими ухищреніями удерживали нашихъ отъ возвращенія на родину, и оставляли тысячи привыкшихъ дома къ иной жизни, съ трудомъ, среди развитой промышленности заграницею, снискивать себѣ хлѣбъ насущный, стѣсняемые милліонами конкурентовъ; мы не вступались, когда ваши эмисары и мѣстные агенты, преимущественно налагая на необходимость помочь бѣднымъ нашимъ выходцамъ, собирали щедрую дань, а вы выдавали имъ въ крайней нуждѣ по 25 франковъ и были къ нимъ щедры только тогда, когда высылали ихъ на опасныя подвиги; вы имъ внушали, что для ойчизны не страшны ни висѣлицы, ни казематы; сотни тысячъ нашихъ золотыхъ выкидали на покупки нѣмецкихъ книгъ, для поддержанія революціоннаго духа въ Германіи, *Лелевелъ* требовалъ средства для одного французскаго журнала, чтобы имѣть кресло въ *европейскомъ ареопажѣ*, вы имѣли ихъ десятокъ на всѣхъ языкахъ. Вы сотни тысячъ кидали на поддержаніе газетами симпатій къ Польшѣ, вы милліоны издерживали для поддержанія польской представительности, для вашихъ дипломатическихъ обѣдовъ, баловъ и праздниковъ, для связей, для вашихъ уполномоченныхъ, для вашихъ посланниковъ, на содержаніе вашихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ вы росли новые жертвы, какъ старый паша накупленныхъ малютокъ невольницъ растить для своего гарема. Вы 25 лѣтъ насъ кормили обѣщаніями, что добьетесь европейской войны, изъ которой Польша возстанетъ, благодаря вашимъ усиліямъ, независимую, могучую, въ границахъ небывалыхъ, окруженную славою, величіемъ, уваженіемъ народовъ; вы говорили намъ: Польша станетъ восточною Франціею и превзойдетъ западную и къ чему вы насъ привели!? „Два молодые великіе генія (!), дышавшіе высокимъ патріотизмомъ, разочаровались среди эмиграціи, *Мохнацкій* (*) умеръ въ уныніи, *Мицкевичъ* сталъ мистикомъ и тованистомъ.“

(*) Въ концѣ 1865 г., въ вышедшей брошюрѣ „Эмиграція польская“ читаемъ также: *Мохнацкій*, самъ себя окончательно унизивши, у-

„Даже *Я. Н. Яновскій* (одинъ изъ творцевъ централизаціи) высказался: послѣ февральскихъ восторговъ (*)—іюньская картечь; польскіе аристократы работали—для имперіи, а польскіе демократы вывели—диктатора *Мьрославскаго*.“ Трактавъ парижскаго мира не произнесъ слова *Польша*.

Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, на сколько вся масса *туземнаго шляхетства* сочувствовала раздраженному неудовольствію противъ всей эмиграціи вообще, излившемуся въ приведенныхъ заявленіяхъ нѣкоторыми изъ его членовъ. Эти недовольные силились доказать, что эмиграція идетъ по ложному пути; но мы не имѣемъ ни одного сознанія ни письменно, ни словесно выраженного въ средѣ туземнаго польскаго общества въ томъ, что само общество идетъ по ложному пути; даже и въ западной Россіи ни одинъ голосъ не заикнулся о томъ, что пора покончить съ многолѣтними затѣями и искренно слиться съ Россією. Только послѣ рѣзни 1846 года, авторъ письма къ князю Меттерниху грозилъ Австріи, что все поляки кинутся въ объятія Россіи, но это искусственное раздраженіе въ письмѣ, было только для спасенія имени поляковъ передъ Европою; полякамъ, во чтобы то ни стало, было необходимо замаскировать тотъ фактъ, что начало всехъ крестьянскихъ неистовствъ было только послѣдствіе неожиданно принявшаго въ сторону движенія, сообщеннаго *perpetuo mobile* польской конспиративной дѣятельности. Это письмо польскаго дворянина (Маркиза В.) читалось съ жадностью, но единственнымъ его слѣдствіемъ было возникшее опасеніе мѣстныхъ пановъ, чтобы въ конспиративныхъ ихъ работахъ не наткнуться на дѣятельность новыхъ *Эдуардовъ Дембовскихъ*. Видя на будущее время въ запоздалыхъ для Галиціи указаніяхъ князя *Чарторыйскаго* спасительный отводъ, паны тѣмъ ревностиѣ заботились приблизить къ себѣ ксендзовъ и возвысить въ глазахъ народа значеніе своего духовенства.

Другое заявленіе было въ *Глосъ зъ Литвы*, ковенскаго помѣщика, напечатанное въ Познани. Если у автора, по общему правилу, не хватило гражданскаго мужества выставить свое имя, то по крайней мѣрѣ достало мужества, проводя мысль панславиз-

бѣдился, что аристократію революціонировать нельзя. Среди сомнѣній и величайшей меланхоли, онъ умеръ 14 Дек. 1834 г.

(*) Въ Парижѣ, при низверженіи Людовика Филиппа въ 1848 году.

ма, выразить, что въ мечтаемой славянской конфедеративной монархіи главою долженъ быть русскій императоръ. Изданная книга не встрѣтила одобренія общества, туземное шляхетство было слишкомъ пропитано ученіями эмигрантовъ, землевладѣльцы принципами Ламберова отеля, а остальные, которымъ терять было нечего, принципами централизаціи.

Во всякомъ случаѣ, послѣ парижскаго мира, туземному шляхетству предстояло снова направить свою неугомонную конспиративную дѣятельность къ исполненію мирной программы Ламберова отеля. Часть этой программы обнаружилась трудами слѣдственныхъ комиссій, конфискованными письменными и печатанными свѣдѣніями и особыми разъясненіями, потребованными отъ подсудимыхъ.

Она можетъ быть резюмирована въ слѣдующемъ сводѣ: Возстановленная Польша должна составить монархію *военную и земледѣльческую*.

Возстановленіе Польши можетъ послѣдовать при политическихъ потрясеніяхъ въ Европѣ.

Патріоты, въ ожиданіи этого благопріятнаго событія, должны поддерживать и развивать польскую національность въ краѣ.

Для согласной дѣятельности общественное мнѣніе должно уважать направленіе, даваемое людьми избранными (*филярами великаго будованія*).

Варшава сердце Польши.

Значеніе правительственныхъ лицъ и должностей должно быть исподоволь уменьшаемо расширеніемъ значенія лицъ, офиціально избираемыхъ на дворянскихъ выборахъ; этимъ средствомъ конспиративная польская администрація легальными путями должна была вытѣснить администрацію правительственную. Правительствомъ установленное число выборныхъ лицъ должно быть усилено частнымъ образомъ *делегатами* по домашнимъ выборамъ дворянства.

Делегаты составляютъ совѣты при избранныхъ лицахъ, утвержденныхъ правительствомъ, и служатъ помощниками въ производствѣ дѣлъ.

Ксендзы должны пріобрѣтать подобное же значеніе въ сферахъ простолюдиновъ.

Доброхотнымъ согласіемъ сословій исподоволь образовать собственное національное управленіе, которое при политическомъ сотрясеніи удержитъ отъ внутренняго потрясенія и безпорядковъ.

Общественное мнѣніе должно способствовать возвышенію значенія духовнаго сословія.

Шляхетство должно заботиться о возстановленіи польскихъ университетовъ.

Польская молодежь должна по преимуществу заниматься юридическими науками; поляки военные должны быть специалисты. Поляки должны заботиться о внесеніи просвѣщенія въ Россію (вѣроятно заботиться о развитіи польской интеллигенціи) и преимущественно въ ея окраины, особенно на Кавказъ; поляки должны стараться быть воспитателями русской молодежи.

Если *Чарторыйскій* таѣ налегаль на воспитаніе, то вѣроятно изъ собственного опыта онъ убѣдился, какую пользу онъ принесъ польской справѣ. Расточая предъ правительствомъ свою преданность, свою благонамѣренность, свои заботы о цивилизаціи, онъ вдругъ изъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ доискался попечительства учебнаго округа западной Россіи. На окраинѣ Россіи, еще не окрѣпшей въ русской народности, съ вліятельными классами русскихъ, перемѣшанными съ поляками, *Чарторыйскій* тогда пропиталь ея учебныя заведенія *польцизмомъ*, которой источникомъ былъ виленскій университетъ. Онъ особенно заботился о щедромъ снабженіи университетской библіотеки всѣми возможными польскими историческими сочиненіями и всѣми польско-патріотическими литературными произведеніями, дабы дѣржать всю учащуюся молодежь въ этой искусственной, чадной атмосферѣ полонизма. Таковъ обращикъ примѣровъ, имъ оставленныхъ для подражанія; тщательно между туземцами сохраняются традиціи о князѣ *Адамі*, иногда поражающія своими подробностями.

Мы изложили внушенія, дѣлаемые Ламберовымъ отеломъ всей массѣ шляхетства, для систематической организованной его дѣятельности; но кромѣ того въ документахъ, собранныхъ по дѣламъ мятежа, находятся письменныя свидѣтельства, что и высшая конспиративная работа, нѣкогда веденная на примѣръ княземъ *Адамомъ*, графомъ *Михаиломъ Огинскимъ*, продолжалась по пути, указанному предшественниками. Предъ отечественною войною, въ то время, когда поляки, расточая обѣщанія, призывали Наполеона ко вторженію въ Россію, *Огинскій* получаль отъ *Армфельда*, выходившаго изъ кабинета государя, свѣдѣнія о всѣхъ тайныхъ совѣщаніяхъ на счетъ мѣръ и средствъ къ защитѣ имперіи; по-

добно тому снова поляки устроились такъ, чтобы получать немедленно свѣдѣнія о такихъ правительственныхъ работахъ, которыя до обнаруженія были тайною. Основываясь на нихъ, поляки за благовременно принимали свои мѣры; но для шляхетства наступали времена трудныя и, какъ ниже увидимъ, старыя комбинаціи оказались не всегда пригодными. Буквально слѣдуя примѣрамъ князя Адама *Чарторыйскаго*, аристократическіе сторонники Ламберова отеля, какъ отпавшіе по личнымъ расчетамъ, такъ и колебимо ему преданные, старались во *тѣмъ* и *мѣмъ* удержать польскія дѣла; предъ вліятельными людьми въ Россіи они силились извращать событія, посягать разладъ между высшею и мѣстною администраціями, набрасывая на все, съ своей стороны, мантию усердѣйшей, вѣрнопопданнѣйшей заботливости о преуспѣяніи имперіи. Въ теченіи четырехъ царствованій, скопившіяся *польскія дѣла уже созрѣвали*, они были на канунѣ ихъ перехода въ ясно поставленный *польскій вопросъ*. При его разрѣшеніи настали для шляхетства времена еще труднѣйшія. Казалось, что въ теченіи пяти вѣковъ, окрѣпъ рубежъ по коренной русской землѣ, рукою поляковъ проведенный между восточною и западною Россіею, но ТОТЪ, кто призвалъ Россію къ новой жизни, ТОМУ суждено и стереть оскорбительный и гибельный для Россіи рубежъ.

Въ то время, когда князь *Чарторыйскій*, по собственнымъ его словамъ (*), въ *своихъ мечтаніяхъ* создавалъ программу для конспиративной дѣятельности пановъ, *централизація* съ своими секціями вырабатывала систематически науку мятежей соображеніями и пріобрѣтаемою опытностью.

Русскіе люди, не догадываясь о тайныхъ хитро задуманныхъ подземныхъ польскихъ козняхъ, не могли обороняться отъ ими представляемыхъ сѣтей; они не догадывались, куда ведутъ всѣ провозглашенія о благоденствіи рода человѣческаго, и многіе тѣмъ скорѣе попадали въ *Панурово стадо*, что поляки преимущественно лукавили предъ молодежью, издѣвались надъ элементами русской жизни, относили ихъ къ нашей неразвитости, твердили, что мы еще не *созрѣли* до высоты польской интеллигенціи. Всѣ русскія коренныя начала, завѣщанныя предками, которыя правильнымъ

(*) Рѣчь князя Адама Чарторыйскаго на торжественномъ за-сѣданіи польскаго учено-литературнаго общества въ Парижѣ, 17 (27) Ноября 1844 г.

народнымъ развитіемъ будутъ достояніемъ нашего позднѣйшаго потомства, столь пугавшія польскую справу, были, по ихъ провозглашеніямъ, только остатками московскаго варварства; всякое здоровое ученіе, всякія истинныя свѣдѣнія, вѣрные историческіе выводы они называли *казенными*, и дабы лишить русскихъ людей возможности пресѣчь съ ловкимъ искушеніемъ распространяемое зло, то они въ молодомъ, еще не окрѣпшемъ обществѣ, настойчиво проводили тѣ понятія, что указать властямъ и обществу—посягателей на русское могущество, на наше народное достояніе, на государственное единство, на нашу славу, на нашу честь есть *доносъ* и *шпіонство*. Многихъ русскихъ людей поляки, исподоволь втягивая въ свои сѣти, морочили подобными попятіями, пріобрѣтенными на школьной скамьѣ. Впрочемъ, не однимъ русскимъ пришлось заплатить дань за невѣдѣніе революціонныхъ конспиративныхъ теорій, напѣваемыхъ поляками на музыку: „еще Польша не згинела.“ Давно создалось общественное мнѣніе въ столь положительномъ нѣмецкомъ обществѣ, а и нѣмцы до 1848 года сочувствовали сладкимъ польскимъ рѣчамъ о международной братской любви, о благоденствіи рода человѣческаго, основаннаго на международныхъ симпатіяхъ и общественной свободѣ, утвержденной на новыхъ началахъ, избрѣченныхъ революціоннымъ ареопагомъ молодой Европы, при содѣйствіи польской централизаціи. Событіями 1848 года предъ нѣмцами разоблачилось польское предательство, открылось, что изъ одной и той-же мастерской исходили увѣренія нѣжной любви, симпатій и глубокаго уваженія поляковъ къ нѣмцамъ, одновременно съ инструкціями, какими предательскими средствами пригодѣе нѣмцевъ передушить въ Галиціи и Познани. Когда возникла на новыхъ началахъ устроенная свободная польская народность, въ анархическомъ сумбурѣ *народовыхъ* комитетовъ, когда новая свобода выяснилась неистовыми своеволіями противъ познанскихъ нѣмцевъ, когда польскія симпатіи выказались стремленіемъ подчинить польской національности національность нѣмецкую, когда нѣмцы увидѣли, что поляки посягаютъ на силы и могущество Германіи, считая ихъ вполнѣ одураченными, тогда оскорбленные сыны Германіи, уязвленные въ народномъ чувствѣ собственнаго достоинства, круто повернули дѣло; они заставили упорныхъ полонофиловъ замолчать на франкфуртскомъ сеймѣ, и пруссаки, въ своемъ раздраженіи, потребовали отъ генерала Виллизена, далеко ушедшаго въ глубь Панургова стада, отчета въ его дѣйст-

віяхъ и доказательствъ, что служа, какъ говорится, и нашимъ и вашимъ, онъ не былъ измѣнникомъ своего отечества.

Выработанная теорія мятежей революціонною партією въ Европѣ, усовершенствованная польскою централизаціею и многочисленными ея агентами, примѣненная къ бывшимъ въ сороковыхъ годахъ мятежамъ въ Европѣ, можетъ быть резюмирована въ слѣдующемъ видѣ:

Заранѣ подготовленный многочисленный заговоръ опасенъ своимъ раскрытіемъ.

Посвященные избранныя личности (столбы или филары), сносясь съ пятью членами совѣтовъ мѣстныхъ секцій, даютъ направленіе дѣятельности; для безопасности эта связь и сношенія хранятся въ тайнѣ. Члены секцій, укрывая свою дѣятельность въ легальныя и благонамѣренныя формы (*), поддерживаютъ національное революціонное броженіе въ умахъ.

Въ мѣстности, предназначенной для мятежа должно пропитать воздухъ революціонною атмосферою.

Для того дѣйствовать на слабыя и тщеславныя вліятельныя личности словами либерализма и прогресса, дѣйствовать на все общество литературою, дѣйствовать на учебныя заведенія, и особенно на наставниковъ, и готовить народъ, дѣйствуя на грубыя чувства корысти и возбуждая въ немъ новыя желанія, или какъ осязательно выразило сорвавшееся сожалѣніе у одного изъ главныхъ дѣятелей минувшаго мятежа, Людвигъ Звирждовскаго, „населеніе Литвы представляетъ мало элементовъ народъ преобразовать въ чернь.“

Сожалѣніе о непризнаніи личныхъ достоинствъ, малой ихъ оцѣнки, несправедливой судьбѣ, изученіе общихъ слабостей всего общества (**) или личныхъ, всегда откроютъ ревнителямъ польской sprawy доступъ къ довѣренности вліятельныхъ личностей, а затѣмъ

(*) Русскіе въ Вильнѣ, до мятежа, считали самыми благонамѣренными, преданными правительству, двухъ: Звирждовскаго (повѣшенъ) и Ал. Оскерко (сосланъ въ каторжную работу), почему въ этомъ смыслѣ они и были употребляемы. Въ это время первый былъ главнымъ работникомъ въ комитетъ красныхъ, а второй тѣмъ же въ комитетъ бѣлыхъ.

(**) Такъ Мѣрославскій указывалъ, что самое надежное средство — нѣмцевъ травить русскими, а русскихъ нѣмцами. Газируя, онъ помѣстилъ это средство и въ свое сочиненіе „de la nationalité polonaise“.

имъ уже не трудно будетъ поставить ихъ въ свою нравственную зависимость.

Порядокъ веденія заговорнаго дѣла шелъ въ слѣдующей послѣдовательности: пропаганда, за нею являлись манифестаціи и наконецъ мятежъ.

Для пропаганды мы имѣемъ слѣдующія указанія:

Опытъ научилъ вождей, что заражѣ распространенный заговоръ почти всегда преждевременно становится извѣстнымъ правительству, потому верховные коноводы ограничивали свое число самыми необходимыми людьми, только содѣйствующими пропагандѣ своимъ вліяніемъ. Высшіе коноводы старались въ глазахъ правительства казаться самыми благонамѣренными, даже готовыми содѣйствовать ревностно его благимъ предначертаніямъ. Словесно и письменно они устраняются отъ всякаго проявленія своихъ замысловъ, которое могло бы быть для нихъ уликою; дѣятельность верховныхъ вождей имѣетъ двоякое направленіе: съ одной стороны, для достиженія своихъ замысловъ, они стремятся усилить свои средства, подготавливая пригодныя личности въ орудія своихъ плановъ, съ другой стороны, они стремятся ослабить правительства, сбивая ихъ распоряженія на путь содѣйствія къ осуществленію ихъ затаенныхъ проектовъ.

Силъ правительствъ, враждебныхъ польскимъ тенденціямъ, они хотѣли противопоставить общественное мнѣніе. Въ ихъ рукахъ для этой цѣли мощнымъ орудіемъ было іезуитское ученіе, что всѣ средства хороши, если они могутъ содѣйствовать цѣли.

Для извращенія общественнаго мнѣнія литература и журналистика были ихъ орудіями; историческіе подлоги, поддѣлка официальныхъ актовъ, извращеніе смысла постановленій, лживые толки и лживые слухи были подспорьемъ къ работѣ.

Ограничивая до крайней возможности число заговорщиковъ, польская пропаганда стремилась подготавливать людей, распалить умы, разжигать страсти, дабы въ данное время число заговорщиковъ могло вербоваться съ успѣхомъ и быстротою такими ревнителями, которыхъ безъ большаго труда можно было бы обратить въ офанатизированныхъ дѣателей.

Учебныя заведенія были главными мѣстами для вербовки. Коноводы дѣйствовали успѣшно въ средѣ неопытной, учащейся молодежи, съ практическою стороною жизни еще не знакомою, съ неутвердившимися еще понятіямъ гражданскаго долга.

Способы къ предательскому увлеченію молодежи были постоянно одни и тѣ же; коноводы льстили молодежи, указывали ей что она представительница новаго поколѣнія, что она заключаетъ среди себя государственныхъ людей и военныхъ предводителей, для совершенія того переворота, который разрушить утвердившіеся элементы государственнаго устройства; а ихъ коноводы провозглашали укоренившимися только предразсудками прежней зависимости и невѣжества.

Коноводы особенно заботились заманивать наставниковъ юношества убѣжденіями, лестью, искусственными восторгами и материальными выгодами. Они ловили и прославляли тщеславныхъ и ослѣпляемыхъ и сами искали официальныхъ сближеній съ воспитательными заведеніями.

Для одобренія къ дѣйствіямъ, коноводы отвергали, что власть дѣйствующая есть необходимый залогъ возможности существованія обществъ, они усиливались доказывать, что правительства шатки и слабы, и мнимая ихъ сила есть только наружное обаяніе, правительства производимое на недалеконвидныя массы.

Юридическіе факультеты по университетамъ обращали на себя наибольшее вниманіе верховныхъ коноводовъ; юристы являлись людьми наиболѣе пригодными законность обращать въ извортливую польскую легальность. Польскіе юристы, во всякихъ обстоятельствахъ, могли быть, при польской извортливости, самыми полезными дѣятелями для мятежной польской sprawy.

Для большихъ успѣховъ пропаганды верховные заговорщики старались имѣть своихъ мѣстныхъ агентовъ распространителями подпольной литературы, которые въ разныхъ кружкахъ совѣтами и ученіями осторожно развивали далѣе наущенія въ печатанныхъ произведеніяхъ революціонной литературы и побуждали ослѣпляемыхъ къ пригодной иниціативѣ. Агенты вездѣ давали толчекъ къ волненію умовъ и безпорядкамъ, и притаясь, руководили ими болѣе.

За учебными заведеніями, коноводы находили городское нисшее сословіе слѣдующимъ слоемъ общества, пригоднымъ для усиленія своихъ средствъ. Въ этой средѣ, самымъ такъ называемымъ забубеннымъ (бирь-бантамъ), они выдавали жалованье; освобождая ихъ отъ работы, они доставляли имъ возможность постояннымъ пребываніямъ по кабакамъ и по трактирамъ, проповѣдывать о тягостяхъ мастерового сословія, которое они относили

къ тому, что, при обще-существующемъ общественномъ устройствѣ, хозяева устроивъ фабрики или заведенія, обращаютъ потъ рабочаго класса въ золото, которымъ набиваютъ себѣ карманы.

Для сельскаго населенія назначались свои агенты, которые ходили по деревнямъ, подъ видомъ собиранія народныхъ пѣсней, сказокъ, изученія народнаго быта, и которые, по кабакамъ и корчмамъ, находя преимущественно разгульныя головы населенія, внушали имъ неудовольствія противъ существующей администраціи и существующихъ законоположеній, рассказывали о притѣсненіяхъ мѣстныхъ властей, о тяжести налоговъ и искушающими толками о возможности лучшаго будущаго извращали понятія и сѣяли новыя желанія. Изъ собираемыхъ памятниковъ народной литературы, они нанизывали въ свои сборники то, что однажды напечатанное, распространяемое между народомъ, могло только тяжело лечь на душу простолюдина; для того они собирали въ видѣ пѣсней или сказокъ оставшіеся памятники бѣдственныхъ эпохъ въ предшествовавшіе вѣка народной жизни. Въ Варшавѣ въ литературныя произведенія для народа включались и вновь состряпанныя картины прежняго народнаго благоденствія, онѣ всегда относились къ времени минувшему—независимой Польши (1).

Другую сторону дѣятельности коноводовъ при пропагандѣ представляютъ мѣры къ ослабленію правительствъ и усилія направлять правительственныя распоряженія на путь содѣйствія ихъ замысламъ, или по принятому у нихъ выраженію *правительства сдѣлать солидарными*, съ ихъ подземными планами и работою.

Литература и журналистика опять являлись первыми орудіями для отуманенія понятій. Краснорѣчивыя перья, съ лукавыми хитрыми софизмами, усиленно извращали общественное мнѣніе. Коноводы силились ловить въ свои сѣти, пріятно щекоча струну тщеславныхъ вліятельныхъ людей, ими провозглашаемыхъ друзьями человѣчества, свѣтилами современной эпохи, либеральными, передовыми людьми на пути прогресса народной жи-

(1) Любопытнымъ памятникомъ этихъ происковъ къ отуманенію народныхъ понятій можетъ служить выходившій въ 1862 году въ Варшавѣ, иллюстрированный народный журналъ „Кміотекъ.“ Конечно, если въ Польшѣ простолюдинъ вздохнулъ свободно отъ панскаго безграничнаго гнета и произвола, то только съ паденія Рѣчи Посполитой. Въ Кміотекѣ же видимъ исключительное вос-

зни; за то со всею яростью и желчью затаенной злобы они бросались на тѣ личности, которыя прозорливо понимали истинныя требованія, на неутомимыхъ стражей тѣхъ краеугольныхъ правительственныхъ элементовъ, которые составляютъ прочную основу народнаго благосостоянія.

Не на однихъ людей высокопоставленныхъ въ правительственныхъ сферахъ обрушивалась вся ненависть честолюбивыхъ своекорыстныхъ враговъ общественнаго порядка; всѣ личности вліятельныя въ мірѣ литературномъ, журнальномъ, научномъ, твердыя въ своихъ знаніяхъ и убѣжденіяхъ, которыя проводили понятія, противныя софизмамъ поборниковъ государственныхъ переворотовъ, обращались въ ихъ заклятыхъ враговъ. Ревнителі анархидеспотически навязывали общественному мнѣнію свои сужденія; нетерпимость въ полномъ смыслѣ слова обурала людей, выдававшихъ себя ревнителями свободы человѣческихъ обществъ; наглая ложь, предательская интрига, ловкія, утонченныя, ухищренныя клеветы, глубоко обдуманно, дерзко выступали впередъ, дабы ввергнуть въ бездну сколько нибудь опасныхъ имъ противниковъ или застрашать ихъ. Дѣятели польской sprawy указывали, что сила революціонной партіи такъ велика, что она всегда достигала того, что не завидна была судьба тѣхъ, которые слишкомъ ретиво выступали къ ей противодѣйствію; таково было одно изъ тѣхъ многостороннихъ проявленій польскаго *террора*, который нравственнымъ и физическимъ застрашиваніемъ долженъ удерживать энергію опасныхъ противниковъ польской справы. Не даромъ же въ польскихъ конспиративныхъ традиціяхъ, относительно Россіи, сохраняются, проявившіяся послѣдовательными событіями польскихъ мятежей, имена *Державина*, *Сперанскаго*, *Крассовскаго*, князя *Трубецкаго*, и множества другихъ менѣе извѣстныхъ. О Державинѣ былъ отзывъ (*) что онъ „осла-

хваленіе временъ независимой Польши. Его назначеніе было извратить понятія сельскаго населенія о тягостныхъ временахъ бывалыхъ и парализировать въ новомъ поколѣніи населенія вліяніе разсказовъ стариковъ, что прусское, а потомъ русское правительство первое оградило законами сельское сословіе отъ панскаго ига и отъ панскаго своеволія. Кміотекъ недостигъ цѣли. При первыхъ возгласахъ, пущенныхъ въ народъ, что независимость Польши будетъ восстановлена, сельское населеніе говорило: «Бѣда, бѣда, прежнее время возвращается» (Зле, зле, давне часы се врацаюнь).

(*) Къ сожалѣнію русскаго вельможи.

пленъ своею нелюбовью къ полякамъ и ясно не видитъ государственныя нужды;“ Сперанскаго признали предателемъ отечества, Красовскаго—пьяницею, князя Трубецкаго—извергомъ. На помощь интриги являлись еще другія темныя средства.

Стремясь послѣдовательно закрѣплять за собою приобретенные успѣхи, они усиливались уловками сдѣлать правительства солидарными съ своими подземными работами. Правительственное распоряженіе, которое могло служить замысламъ, было встрѣчено хвалебными гимнами, дабы дальнейшее его развитіе направить въ свою пользу, насильственно польская интрига направляла общественное мнѣніе, дабы подъ самыми благовидными предлогами гуманности и прогресса, приводить правительства къ пригоднымъ для ихъ цѣлей новымъ распоряженіямъ.

Высокостоявшіе въ обществѣ польскіе магнаты были обязаны для оцизны, не отказывать своимъ покровительствомъ, ходатайствомъ и содѣйствіемъ систематическому размѣщенію поляковъ въ государственной администраціи.

Попадая на вліятельныя мѣста, поляки умножали своими земляками число служащихъ. Взаимною поддержкою, взаимнымъ прославленіемъ никакія маленькія способности не могли заглухнуть на служебномъ поприщѣ. Подобная дружная работа, конечно, въ правительственныхъ администраціяхъ давала особое значеніе польскому элементу, пока правительства не обратили вниманіе на это чуждаемое, вредное сѣмя. (*)

Цѣль пропаганды была разъединеніе населенія и правительствъ. Цѣлые томы потребовало бы изложеніе громадной работы къ уничтоженію взаимной довѣренности народа къ высшимъ верховнымъ властямъ и къ ослабленію правительственнаго организма; при этомъ нельзя не упомянуть на усилія внести заразу въ войска и втисненіе революціонныхъ ученій въ военный элементъ, который, конечно, въ данную рѣшительную минуту, являлся для нихъ самымъ опаснымъ противникомъ.

Коноводы, желая вести работу систематически, обманывая себя при желаніи обманывать другихъ силою пропаганды, при послѣ-

(*) Замѣчательно, что поляки и во Франціи пришли къ предположенію, что правительство слѣдуетъ за накопленіемъ поляковъ въ одномъ мѣстѣ службы, даже и за тѣми, которые, миновавъ всѣ французскимъ правительствомъ принятія затрудненія, сдѣлались французскими подданными.

довательной своей работѣ, означали этапы выраженіемъ *факта совершившагося*. За факты совершившіеся принимались, дѣйствительныя или мнимо, достигнутыя для ихъ цѣли уступки правительствъ. Торопливо въ 1848 г. въ Познани и Галиціи коноводы записали *фактами совершившимися* данную свободу печати, освобожденіе политическихъ преступниковъ и разрѣшеніе народной гвардіи; за факты совершившіеся ими принимались и такіе вымыслы, въ истинѣ которыхъ они успѣвали убѣдить общественное мнѣніе.

Польская пропаганда, дѣйствуя по всей Европѣ и стараясь вооружить общественное мнѣніе противъ трехъ государствъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Польши, работала тѣмъ съ большею настойчивостью и озлобленіемъ противъ Россіи; она дѣйствовала тѣмъ съ большимъ озлобленіемъ, что всѣ ухищренныя затѣи къ производству въ Царствѣ Польскомъ и западной Россіи поляками митежей, послѣ 1831 года, разлетались въ дребезги, силою правительственной власти и страхомъ, имъ внушаемымъ крамолѣ; въ Царствѣ Польскомъ и западной Россіи волнуемая, наущаемая и подстрекаемая масса шляхетства на словахъ высказывала свое сочувствіе, а на дѣлѣ старалась уклониться отъ прямаго участія, могущаго компрометировать. Значеніе Россіи росло предъ лицомъ Европы, но тѣмъ съ большею злобою польская пропаганда трубила Европѣ о замыслахъ Россіи, и что въ Императорѣ Николай олицетворяются и сосредоточиваются всѣ противудѣйствія свободному общественному развитію. Польская пропаганда стремилась увѣрить Европу, что Императоръ Николай опаснѣйшій для нея врагъ, готовый на нее кинуться съ миллиономъ солдатъ и подавить въ ней всякія свободныя учрежденія, что онъ, поработавъ всѣ правительства моральному своему вліянію, только думаетъ о пораженіи Европы и преобладаніи надъ нею; явилось снова на сцену пресловутое завѣщаніе Петра Великаго. Домогаясь помощи запада, поляки выставляли себя ретивыми заступниками его интересовъ и свободы отъ варварскаго нашествія съ востока; они брали на себя разъяснять правительствамъ запада объ опасностяхъ, имъ угрожающихъ, и себя выставляли единственными пригодными защищать Европу противъ Россіи. Не смотря на подобную грубую уловку, поляки столько наклеветали на Императора Николая, прозорливо понимавшаго всѣ тенденціи европейскихъ революціонеровъ, вообще, и поляковъ въ особенности, что они дѣйствительно достигли

вліянія на общественное мнѣніе Европы. Много времени требуютъ безпристрастныя историческія разысканія, чтобы возстановить во всей истинѣ высокое значеніе Императора Николая въ европейскихъ событіяхъ временъ его царствованія.

Таковы были способы дѣйствія польской пропаганды. За пропагандою, по правиламъ мятежей, слѣдуютъ манифестаціи и демонстраціи—работы окончательнаго подготовленія къ разжиганію страстей и мятежа.

Первымъ для того средствомъ—пріобрѣтеніе пригоднаго книгопродавца, для болѣе удобнаго снабженія произведеніями подзадоривающей запрещенной литературы. Заговорщики запасались особыми издателями по этой части. Франкъ особенно снабжалъ Германію изданіями, пригодными для революціонныхъ возбужденій. По крайней мѣрѣ одно изъ мѣстныхъ періодическихъ изданій въ рукахъ ревнителѣй, талантливо владѣющихъ перомъ, должно быть органомъ дѣлу заговорщиковъ; подобный журналъ, при чтеніи между строками и легально проводя, мимо законовъ о печати, ловко написанныя, пригодныя статьи, долженъ давать тонъ и направленіе современной литературѣ. Единовременно съ тѣмъ всякія, польской справѣ опасныя, литературныя произведенія, разоблачающія искушенія, обманы, ложь должны быть встрѣчены издѣваніями и глумленіями хорошихъ всѣхъ ревнителѣй, для отуманенія общественнаго мнѣнія настойчивыми и неутомимыми ихъ нападками. Польская справа, деспотически не терпя чужихъ мнѣній, нахальными изворотами бичевала своихъ противниковъ; она, милліонами золотыхъ, собираемыхъ съ края, первенствуя между европейскими революціонерами, купивъ вліяніе на печать, пріобрѣла силу для литературной вѣтви своего террора; того, кого поляки не могли залучить въ *Панурово стадо*, того они объявляли *ретроградомъ* и обвиняли въ *обскурантизмѣ*—два слова, признанныя польскою справою особенно для нея пригодными. Даже, когда Адамъ Мицкевичъ, столь высоко превозносимый поляками, заколебался, то польская справа не замѣдила огласить, что у него умъ помрачился, что онъ близкій кандидатъ въ пріюты умалишенныхъ. Революціонная мѣстная литература, по мѣрѣ приближенія условленнаго времени, должна высказываться постепенно съ большею ясностію, и наконецъ появленіями подпольныхъ прокламацій народъ призывать къ сборищамъ; тогда изъ тайственныхъ убѣжищъ крамола уже выходила на улицы и на площади. Обязанность вожаковъ со-

стояла въ томъ, чтобы первыя сборища облечь въ самыя легальныя или благонамѣренныя формы; львовскія сборища въ 1848 году, послѣ недавнихъ событій 1846 года, были ведены съ необыкновеннымъ искусствомъ, опираясь на вѣнскія событія и извиваясь передъ *Гаммерштейномъ*, котораго поляки знали неколебимую энергію и предприимчивость. Коноводы одержали полную побѣду надъ догадливостью графа *Стадіона* и разыграли блистательно свою увертюру на слабыхъ струнахъ графа, на струнахъ его отуманенныхъ понятій о гуманности, либерализмъ и прогрессъ. Надрессированные ревнителемъ, ученики учебныхъ заведеній, съ началомъ манифестацій, поступаютъ въ непосредственное распоряженіе вожаковъ. На нихъ, достаточно подготовленныхъ и офанатизированныхъ, возлагаются двоякія обязанности: сперва полицейскія, потомъ боевыя. Они составляютъ и первую ширму для вожаковъ. Воспитанники—*сыны ойчизны*, когда они трибунами ораторствуютъ на площадяхъ или защищаютъ баррикады, они *дѣти*, когда, при неудачѣ, попадутся предъ судъ закона, потому коноводами они признаны особенно пригодными орудіями.

Уличные беспорядки, послушные вождямъ, должны произвести оптический фокусъ, если удачно веденными уличными демонстраціями коноводы добьются, что мѣстныя власти предоставятъ взволнованной толпѣ изъ своей среды выбрать успокоителей. Тогда населеніе должно, какъ бы подъ вліяніемъ магическаго жезла, временно успокоиться предъ новою властью, избранною изъ его среды, т. е. изъ среды заговорщиковъ, у которыхъ готовая программа для дальнѣйшихъ дѣйствій уже въ карманѣ; этимъ путемъ законная власть будетъ поставлена въ очевидную необходимость сдѣлать первую уступку; произведенный фокусъ парализируетъ употребленіе оружія, и крамола имѣетъ уже опору для доказательства незаконности употребленія военной силы при дальнѣйшей неурядицѣ; такое застрашеніе мѣстной правительственной власти считается первою положительною побѣдою и становится *фактомъ совершившимся*. Вся солидарная журналистика должна провозглашать о спокойной покорности и стремленіи къ порядку угнетенныхъ, но кроткихъ, поднятыхъ массъ народа. Въ городскую чернь, манифестаціями ободренную къ безнаказанному неуваженію законной власти, руководимую наемными *биръ*—*бантами* (*) должно вселить увѣренность, что войска стрѣлять не дерзаютъ.

(*) Въ Варшавѣ каждая изъ большихъ манифестацій (1861 г.) обходилась краснымъ, по счетамъ, представленнымъ *Мѣрославско-*

Для перехода къ болѣ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, коноводы признавали, что женщины необходимы. По правиламъ мятежной тактики, употребленіе женщинъ при демонстраціяхъ и баррикадахъ, есть стратегема, на подобіе Камбизовой, который противъ египтянъ гналъ кошекъ и собакъ передъ своими войсками. Вообще женщины занимали не послѣднее мѣсто въ соображеніяхъ революционеровъ, и по показанію одного изъ подсудимыхъ, собственно для этой цѣли, въ Краковѣ былъ издаваемъ журналъ „Невеста“; впрочемъ это заглавіе должно было служить только для большаго подзадориванія его читательницъ; по комбинаціямъ польской sprawy наиболѣе пригодныя женщины для революціонной дѣятельности во всѣхъ періодахъ мятежной работы суть *перезрѣлые дѣвы* (не млоде панны), *особенно способныя къ раздражительности*, причемъ красота скорѣе вредитъ дѣлу; менѣе пригодны стараются замѣнить отсутствіе красоты *пикантностью*; отсюда и выраженіе бывшаго литовскаго псевдодиктатора *Каминовскаго*: „слишкомъ миловидна, чтобы быть истой патріоткою.“

Вербовка жожаковъ-женщинъ преимущественно производится изъ слоя повивальныхъ бабокъ, гувернантокъ, компаньенокъ, проживалокъ, экономокъ и эмансипированныхъ изъ такъ называемаго полусвѣта. Для уличныхъ боевъ, въ рѣшительные моменты появленіе красавицы-аристократки можетъ произвести двойное магическое дѣйствіе. Конечно, жожаки могли разсчитывать, что они всегда найдутъ таковую изъ мѣстныхъ аристократическихъ патріотокъ, преисполненныхъ традиціями временъ Рѣчи Посполитой. Во время накалыванія національных кокардъ дамами въ Краковѣ, въ 1846 году, Эдуардъ Дембовскій, ревностный сторонникъ коммунизма, про одну изъ этихъ (*) выразился: „Она вѣрно разсчитываетъ, что мы станемъ изъ ея башмачка (чревичка) пить венгерское.“

Впрочемъ событія послѣдняго мятежа далеко оставили за собою ту дѣятельность, которую революціонныя программы предназначили женщинамъ. Ихъ ретивость къ мятежу соразмѣрилась прямо ихъ преданностью къ костелу; вліяніе въ латинской сферѣ

му, около 20,000 злотыхъ; сколько было израсходовано конюхамъ и дворовыми панскихъ домовъ, неизвѣстно. Эти нанимали много солдатокъ прачекъ. *Мѣрославскій* полагаетъ для нанимаемыхъ изъ городской черни актеровъ, представителями народнаго неудовольствія, по два злотыхъ и по одному стакану вина.

(*) Графиню I, или S, въ рукописи буква не разборчива.

кесендзовъ на женщинъ всѣмъ извѣстно. Наконецъ должно освободить заключенныхъ; политическіе—ретивѣйшіе работники.

Сосредоточивая на покойномъ Государѣ всю ненависть и злобу, революціонеры съ прекращеніемъ восточной войны увидѣли свои замыслы нисколько не достигнутыми. Заря огромнѣйшихъ реформъ, озарившая воцареніе новаго Императора, не остановила ярыхъ провозглашеній.

Польская эмиграція ждала только первыхъ словъ Государя въ Варшавѣ, чтобы извративъ ихъ смыслъ, протрубить Европѣ, что новое царствованіе для запада будетъ продолженіемъ прежняго угнетенія, что посягательство на свободу европейскихъ обществъ есть уже, независимое отъ личности русскаго Государя, врожденное стремленіе русскаго правительства.

Слова Государя, сказанныя въ Варшавѣ 11/23 Мая 1856 года сенаторамъ, предводителямъ дворянства и духовенству были именно тѣ слова примиренія, при которыхъ поляки, если были бы движимы истинными чувствами патріотизма, могли ясно видѣть будущее благоденствіе страны. Они могли русское правительство освободить отъ задней мысли того недоуверія, что всякая благотворительная реформа должна быть относительно поляковъ предварительно строго обсуждена; довѣренность къ подданнымъ, оказываемая Верховною властью, не открываетъ ли она лазейку, которую неугомонный духъ польщины найдетъ возможность обратить на погубу страны.

„Я пріѣхалъ къ вамъ, господа, сказалъ Государь, съ забвеніемъ прошедшаго, съ самыми лучшими намѣреніями для края. Вамъ предстоитъ помочь Мнѣ привести ихъ въ исполненіе, но прежде всего Я долженъ вамъ сказать, что наши взаимныя отношенія должны разъясниться. Я ношу васъ въ Моёмъ сердцѣ, какъ и всѣхъ Моихъ русскихъ подданныхъ, но Я понимаю, чтобы порядокъ, установленный Моимъ отцемъ, былъ сохраненъ. И такъ, господа, прежде всего безъ мечтаній, безъ мечтаній. Кто не желаетъ разстаться съ ними, того я буду умѣть удержать, я съумѣю не допустить ихъ мечтаній далѣе сферы ихъ воображенія. Благоденствіе Польши зависить отъ ея полного сліянія съ народомъ Моей имперіи. Что мой отецъ сдѣлалъ, то сдѣлалъ онъ хорошо, и Я это удержу.“

„Въ послѣдней войнѣ, ваши дрались наравнѣ съ другими; вотъ князь *Горчаковъ*, онъ былъ очевидецъ и отдаетъ имъ справедливость, что они храбро дрались, защищая отечество. Финляндія и Польша Мнѣ дороги наравнѣ съ другими частями Моей

имперіи. Но вы должны знать для блага самихъ поляковъ, что Польша остается соединенною навсегда съ великою семьею русскихъ императоровъ. Повѣрьте, господа, что Я воодушевленъ наилучшими намѣреніями относительно поляковъ; облегчите Мнѣ Мой трудъ,; Я повторю вамъ—безъ мечтаній, безъ мечтаній. “

„Что же до васъ касается, гг. сенаторы, то предоставьте руководить себя Моему намѣстнику, князю *Горчакову*, а вы, гг. епископы, не теряйте изъ виду, что основаніе всякой доброй нравственности это религія, и вашъ долгъ внушить полякамъ, что ихъ благоденствіе единственно зависитъ отъ ихъ совершеннаго сліянія съ Россією. “

Рѣчь Государа передавалась изъ устъ въ уста. Черезъ четыре дня дворянство дало блистательный балъ, поляки съ надеждою и радостью протягивали руки русскимъ; на другой день, ^{15/27} мая, депутація дворянъ явилась благодарить Государа за посѣщеніе. Государь, поблагодаривъ ихъ съ своей стороны за радушный приѣмъ и за блистательный балъ, между прочимъ, прибавилъ: „Я увѣренъ, что слова Мною сказанныя предводителямъ дворянства вамъ были переданы; живите въ дѣйствительномъ мірѣ, господа, соединитесь съ Россією и оставьте ваши мечтанія о независимости, невозможной ни установиться, ни удержаться. Моя непремѣнная воля сдѣлать благо и содѣйствовать благоденствію края, Я хочу ему гарантировать все, что ему можетъ быть полезно; вы должны облегчить Мои труды. На васъ на однихъ падеть отвѣтственность, если мои намѣренія встрѣтятъ химерическія противудѣйствія. “

„Чтобы доказать вамъ, что я подумалъ объ васъ, то Я объявляю вамъ, что Я только что подписалъ актъ амнистіи. Всѣмъ желающимъ эмигрантамъ, Я разрѣшаю возвратиться въ Польшу. Они могутъ быть увѣрены, что ихъ оставятъ совершенно къ покою; ихъ гражданскія права, безъ всякихъ слѣдствій, будутъ имъ возвращены, Я исключилъ только старыхъ *неисправимыхъ* и тѣхъ, которые въ послѣднее время не переставали противъ насъ конспирировать и драться. Возвратившіеся, послѣ трехъ лѣтъ добраго поведенія и раскаянія, могутъ быть полезны краю, вступая въ государственную службу, но прежде, всего господа, дѣйствуйте такъ, чтобы предполагаемое добро было можно исполнить, и не оставьте Меня въ необходимости обуздывать и карать,

потому что, если по несчастью то потребовалось бы, у Меня на то есть и воля и сила. “

„Поняли ли вы, господа, Мнѣ болѣе по сердцу награждать, чѣмъ наказывать; мнѣ пріятнѣе, какъ сегодня, хвалить, дать надежды и возвуждать благодарность, но знайте, господа, и будьте въ томъ убѣждены, что когда потребуется, Я сѣмѣю сдерживать и карать, и тогда увидать, что Я наказываю строго.“

Повидимому казалось, что шляхетское общество было готово вступить на новую дорогу; но среди того же высокаго польскаго дворянства, заявлявшаго предъ лицомъ Государя свою полную готовность примиренія съ Россією, были свои *неисправимые*, туземные затаенные представители польской эмиграціи вообще, и Ламберова отеля въ особенности. Пользуясь торжественными минутами въ общественныхъ событіяхъ, праздниками такъ сказать въ народной жизни, подъ шумокъ этихъ ликовацій, они думали подвинуть впередъ конспиративную программу, а шляхетское общество слишкомъ легковѣрно, легкоувлекательно и слишкомъ пропитано конспиративною дѣятельностью, чтобы послѣ шестидесяти лѣтней работы, могло остановиться *perpetuo mobile* польскихъ заговоровъ, замедлившее на время скорость своего движенія.

Эмигранты демагоги въ дозволеніи возвратиться на родину видѣли только безопасное средство выслать въ край эмисаровъ въ числѣ помилованныхъ; а изъ возвращенныхъ изъ ссылки явились старые дѣятели, которые тотчасъ завязали новые кружки заговорщиковъ. Такими путями, предательски злоупотребляя великодушнымъ помилованіемъ Государя, *неисправимые* разомъ увеличили въ Польшѣ, въ западной Россіи, и въ великорусскихъ губерніяхъ число *столбовъ польской sprawy*, по отдѣлу *partii красныхъ*. Они стали притягивать къ себѣ земляковъ, чрезъ мѣстныхъ агентовъ, вооруженные „*Колоколомъ*“, повели пропаганду между русскими — вербовку въ Панургово стадо.

Затѣи красныхъ, предпринимаемыя безъ позволенія пановъ, кончались всегда только плачевными вспышками, *фарсами эмиграціи*, какъ ихъ называли поляки; на этотъ разъ затѣи *красныхъ*, стали затѣями положительными, *бѣлые* со всѣми своими силами и средствами, съ новымъ рвеніемъ, взялись горячо за работу *великаго будованія* — возстановленія давней Польши.

Западная Россія въ теченіи пяти вѣковъ служить театромъ борьбы русскихъ элементовъ съ польщиною.

Поляки, принявъ латинство, стали невольными ренегатами славянского міра; къ юному славянскому дереву была привита съ христіанствомъ старая щепа западной интеллигенціи; неестественное соединеніе дало безобразные плоды — уродливую жизнь *Ръчи Посполитой*.

Съ установившеюся вѣронетерпимостью костела, дѣятельность ксяндзевско-шляхетскихъ сословій излилась только *непрерывными конспираціями противъ славянскаго міра*.

Представительницею православнаго славянскаго міра стала Россія; олатиненная Польша увидѣла въ ней свою соперницу и пала изнеможенною въ неровной борьбѣ.

Подъ русскою властью, дѣятельность польско-ксендзовскихъ шляхетскихъ сословій излилась *семидесяти-лѣтними конспираціями и мятежами противъ Россіи*.

Въ теченіи тридцати лѣтъ польскіе эмигранты, *«цвѣтъ и представители націи, старшіе братья»*, руководили всѣми крамольными замыслами противъ всего славянскаго міра и противъ Россіи; *польская справа* продолжаетъ мятежами пятивѣковую борьбу. Ненависть, укорѣнившаяся въ теченіи вѣковъ, питаемая событіями, источникъ не легко угасаемаго очага крамолы. Онъ угаснетъ только утопленнымъ въ русской жизни, при полномъ ея преобладаніи въ западной Россіи. Безъ западной Россіи, сами поляки, столь способные увлекаться мечтами, не могутъ не признать возстаніе *конгрессовки* (*) одною гибельною мечтою.

Поллицизна нашла средство, при малочисленной своей средѣ, продолжать борьбу съ могучею Россіею. Это средство состояло въ томъ, что поляки работали систематически, *тщательно работывая польскій вопросъ*; при всѣхъ разукрашеніяхъ, поляки старательно сохраняютъ традиціи о всѣхъ, по дѣлу польской sprawy, *фактахъ совершившихся*, о всѣхъ для нихъ подготовленныхъ, дѣйствовавшихъ, подземныхъ пружинахъ; они, какъ на данныя, опираются на эти факты совершившіеся, и проводятъ замыслы, не щадя никакихъ усилій и средствъ, чтобы вѣдать обо всемъ, что думается въ правительственныхъ сферахъ Россіи, Австріи и Пруссіи.

Подробно изучая противника и слѣдя за всѣми его дѣйствіями, поляки съ такою же заботливостью постоянно силились въ

(*) Царство Польское, образованное по вѣнскому конгрессу.

тѣмъ и мѣтъ держать польскія дѣла; проникающіе ихъ были и опаснѣйшими для нихъ противниками.

Послѣдній мятежъ 1863 года привелъ окончательно польскія дѣла къ всестороннему польскому вопросу, размѣтавъ окончательно источникъ тумана, напускаемаго на нихъ поляками — упорно ими проводимое и защищаемое понятіе, что *западная Россія есть край польскій*; все это притязаніе въ сущности приводится къ тому, что живущему въ немъ шляхетству угодно, вопреки своихъ же семейныхъ генеалогій, себя признавать поляками.

Польскія дѣла послѣдовательно обратились въ польскій вопросъ, а вопросъ потребовалъ рѣшенія.

Знаменательнѣйшими сторонами вопроса стали: а) костелъ, б) положеніе крестьянъ, в) землевладѣніе и г) различіе между правами дворянства русскаго и польскаго, при діаметрально противоположныхъ ихъ стремленіяхъ, русское дворянство искало быть прочною опорой верховной власти и силы русскихъ элементовъ народной жизни, польское же искало низвергнуть верховную власть и взаимною опорой съ костеломъ искало разрушить русскія силы.

Въ царствованіе Николая Павловича вопросъ костела созрѣлъ до уничтоженія уніи. Уродливое произведеніе іезуитской пропаганды, безобразный хаосъ по всему краю различной смѣси догматовъ, уставовъ и обрядовъ, омутъ, въ которомъ полики-ксендзы съ поляками гребо-унитскими монахами базильянами, презирая благочестіе вѣры, имѣли въ виду одни политико-конспиративные свои замыслы — Унія въ 1839 году наконецъ утонула въ русскомъ морѣ. Вліяніе избавленія русской земли отъ этого искусственно, незаконно рожденнаго дитяти польщины, неисчислимо парализовало въ 1863 году громадныя польскія замыслы.

Разрѣшеніе трехъ прочихъ сторонъ польскаго вопроса предстояло ТОМУ, кто, призвавъ къ новой жизни всѣ сословія всего русскаго народа, ведетъ ихъ твердо впередъ къ развитію на нашихъ народныхъ, предками намъ завѣщанныхъ, началахъ.

Предъ послѣднимъ мятежемъ положеніе о крестьянахъ стало на очереди. Семьдесятъ лѣтъ имъ занималось шляхетство; паны жаждали власти, ими утраченной паденіемъ Польши. Совѣщанія пановъ проходили въ борьбѣ между желаніями притянуть крестьянина къ польской справѣ панскимъ великодушіемъ и своими хозяйственными расчетами; а красные, стремясь къ тойже власти, рассчитывали принципами коммунизма парализовать своихъ сопер-

никовъ, и находя единственные къ тому средства въ поддержкѣ простолудиновъ къ обузданію пановъ, они тѣмъ щедрѣ были въ своихъ проектахъ, чѣмъ большими обѣщаніями болѣе надѣялись увлечь простолудиновъ. Всѣ фазисы послѣдняго мятежа въ сѣверо-западной Россіи наглядно указываютъ эту шляхетскую подземную борьбу, а подробныя показанія подсудимыхъ указываютъ, что съ тою же яростію она велась и въ далекой эмиграціи. Препжній шляхетскій возгласъ „*непозвалямъ*“ сохранилъ полную свою силу. Въ рукахъ польскихъ ксендзовъ религія была только орудіемъ для вящаго могущества костела, такъ и *любовь къ ойчизнѣ*, въ рукахъ столбовъ польской sprawy, была только орудіемъ для пріобрѣтенія власти; всякій думалъ о настоящемъ, никто о будущемъ, никто о дальнѣйшихъ судьбахъ народа.

Простолудинамъ предстояло оставаться *быдломъ*, въ видѣ фермеровъ и батраковъ, отданныхъ подъ начало пановъ, по проектамъ *бѣлыхъ, быдломъ*, управляемымъ на первый случай, по проектамъ *красныхъ*, какъ баталіонъ, какъ военныя поселенія, введенныя графомъ *Аракчеевымъ*, противъ котораго такъ ожесточаются *издатели Колокола*.

Заявленный Государемъ вопросъ о положеніи крестьянъ, виѣсть съ надѣломъ ихъ землею, переполошилъ всѣхъ патріотовъ, эмигрантовъ и туземцевъ; бѣлые, красные, аристократы, дипломаты, демократы, консерваторы, демагоги, социалисты, коммунисты, клерикалы, ультрамонтанцы, товынисты, мессіанисты, всѣ въ одинъ голосъ провозгласили „*непозвалямъ!*“

Питательная надежда была необходима для вящаго ободренія къ дѣйствіямъ. Эта надежда явилась въ пущенныхъ французскою журналистикою, предъ италіанскою войною (1859 г.), трактатахъ о *націоналностяхъ*. Вопросъ о національностяхъ, принаряженный въ новомодный костюмъ, электрическою искрою обѣжалъ шляхетство; воскресли пышныя надежды. Въ туземномъ шляхетствѣ явилось убѣжденіе, что французскіе орлы, однажды направленные въ Италію, возвратятся только во Францію, совершивъ донкишотскій походъ по Европѣ, и освободивъ всѣ народы, признанные польскою эмиграціею за угнетенныхъ; такъ гласили конфиденціальныя вѣсти отъ эмигрантовъ. Страшное броженіе овладѣло умами, много польской молодежи устремилось въ Италію, на службу Гарибальди, для вступленія въ польскіе легіоны, провозглашенныя *Мърославскимъ*. Миръ въ Вилла-Франкѣ не остановилъ броженія;

новыя надежды смѣнили прежнія. Всѣ элементы къ новому польскому мятежу были пущены въ ходъ; *regretuo mobile* польскихъ заговоровъ принялось за усиленную, торопливую, лихорадочную работу.

Опираясь на собственныя силы, *regretuo mobile* польскихъ конспирацій ознаменовало свое начало въ 1794 году избіеніемъ русскихъ воиновъ въ Варшавѣ и въ Вильнѣ, призванныхъ одною изъ магнатскихъ партій. Паны бѣлорусскихъ губерній, возвращенныхъ къ Россіи по предшествовавшему раздѣлу, обманувъ русское правительство, усилили польскія средства горячимъ содѣйствіемъ. За этимъ предательствомъ послѣдовалъ окончательный раздѣлъ Польши. Опираясь на русское правительство, путемъ польской интриги, князь *Чарторыйскій*, русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, думалъ возстановить всецѣлую Польшу, предварительнымъ подготовленіемъ, соединивъ снова, помощью русскаго могущества, всѣ области бывшей Рѣчи Посполитой въ одно отдѣльное государство, котораго королемъ былъ бы императоръ Александръ Павловичъ.

Государь уклонился отъ предательски-дипломатическихъ сообщеній *Князя Адама*.

Опираясь на Францію, это *regretuo mobile* встрѣтило въ Польшѣ, въ 1806 году, войска Наполеона I-го, какъ избавителей, а въ сѣверо-западной Россіи паны, готовя продовольствіе для ожидаемыхъ ихъ воскресителей, заперли свои закормы, и русскія войска голодали въ Пруссіи, потому что потомъ русскихъ людей добытыя зерна хранились для французовъ въ шляхетскихъ амбарахъ.

Предъ нашествіемъ 1812 года, поляки призывали Наполеона, обѣщали, что на берегахъ Вислы и Нѣмана онъ найдетъ новую Францію; что надежнѣйшихъ союзниковъ, нежели нѣмцевъ, онъ найдетъ между Вислою и Днѣпромъ, что Днѣпръ замѣнитъ Рейнъ, и даже противъ Нѣмана сократитъ на половину разстояніе до Москвы. Русскихъ людей западной Россіи ксендзовско-шляхетское *regretuo mobile* гнало въ армію Наполеона. "Развѣ Польша не первая, писалъ въ 1861 году князь *Чарторыйскій* императору Французовъ, которая открывала дорогу въ Москву арміи Наполеона I-го, развѣ не та же Польша, при отступленіи прикрывала покрытые славою остатки французскихъ войскъ."

„Поведеніе польскихъ полковъ въ Россіи, писалъ императоръ Александръ Павловичъ тому же князю *Чарторыйскому* (въ 1813 году), ихъ грабежи въ Смоленскѣ и Москвѣ и раззореніе ими страны воскресили давнюю ненависть.“

Александръ Павловичъ полюбилъ имъ созданное дитя—Царство Польское. Щедрія русскія пособія лились въ край чтобы приготовить этотъ образчикъ для устройства Россіи; въ конецъ разоренная Польша быстро воспрянула, поддерживаемая русскими средствами, и соперничала благоденствіемъ и благоустройствомъ съ Германіею. Александръ Павловичъ далъ ей собственную армію.

Опираясь на эту армію, поляки подняли знамя мятежа въ 1830 году. Русскія войска его подавили въ Царствѣ Польскомъ и Западной Россіи.

Не добившись помощи отъ правительствъ, польская справа заключила союзъ съ европейскими революціонерами; журналистскою начались провозглашенія *симпатіи* поляковъ къ народамъ западной Европы и обратно. Опираясь на европейскихъ революціонеровъ, поляки взяли на себя инициативу общей европейской революціи. Верховный ареопагъ довѣрилъ дѣло вожакамъ польской эмиграціи, руководившимъ тысячами польскихъ выходцевъ, готовыхъ идти въ кондотьеры, опытныхъ въ дѣлѣ мятежей и усовершенствовавшихъ себя свѣдѣніями баррикадной тактики, пріобрѣтенными въ уличныхъ бояхъ во Франціи. При неудачахъ мятежа 1846 г., общая европейская революція была въ 1848 г. поведена съ другаго конца Европы и кончилась столь же неуспѣшно для польской sprawy. Прямымъ слѣдствіемъ было общее разочарованіе въ *международныхъ симпатіяхъ* и новыя доказательства несостоятельности польскихъ затѣй и польской *фанаберіи*.

Опираясь на вооруженія западной Европы противъ Россіи, Поляки хотѣли примазаться къ союзу и—въ лѣтописяхъ восточной войны вписали только рядъ новыхъ польскихъ скандаловъ.

Польской справѣ, послѣ всѣхъ своихъ неудачныхъ попытокъ, при *разностороннихъ опорахъ*, осталось еще искать одну опору и поиграть въ *симпатіи* съ русскими.

Послѣ 25 лѣтней опытности, польская эмиграція оставалась въ прежнемъ убѣжденіи, что наилучшее къ тому средство—литература. Подобно тому, какъ нѣкогда князь *Чарторыйскій* для

польской sprawy избралъ орудіемъ барона *Розенкампа*, такъ для новаго фазиса, онъ нашелъ пригоднымъ *Г. Шедо-Ферроти*.

Централизація, другая вѣтвь представителей польской sprawy, для этой же цѣли избрала *Герцена*, съ его компанією русскихъ ренегатовъ.

При сводѣ всѣхъ затѣй, строго систематически вырабатываемой и проводимой польской sprawy, ясно обозначается вся дѣятельность *Шедо-Ферроти* и *Герцена*, на условный языкъ (*in g-ut*) польскихъ заговорщиковъ, переведеннаго русскимъ именемъ *Сердечкина*.

Между этими работниками двухъ враждующихъ лагерей не могъ не возникнуть свой антагонизмъ. *Шедо-Ферроти* долженъ былъ проводить польскую справу по теоріямъ Ламберова отеля; *легальными доводами*, дѣйствовать на правительственныя сферы, проводить въ нихъ *симпатію* къ полякамъ; по примѣрамъ временъ Александра Павловича до крайней возможности во тѣмъ и во мѣлѣ удерживать польскія дѣла, и дипломатическимъ изворотомъ доставить свободный доступъ своимъ твореніямъ, подъ покровомъ *благонамѣренной* ихъ цѣли, какъ ратующихъ за прогрессъ, цивилизацію и, по теоріямъ *Чарторыйскаго*, за *преуспѣяніе* русской имперіи. *Герценъ* съ компанією долженъ былъ дѣйствовать на русское общество, проводя въ него принципы польской централизаціи, и тоже *симпатію* къ полякамъ. Въ легальной внѣшности *Колоколъ* не нуждался; затаенными путями, которыми шли въ Россію произведенія демагогической литературы, тѣми же путями пошли и изданія русской лондонской типографіи; случалось даже, что подъ двойнымъ дномъ однихъ и тѣхъ же ящичковъ, съ разными учебными аппаратами и приборами, „рѣзчи листопадовъ“ *Мпрославскаго* укладывались съ экземплярами „голосовъ изъ Россіи“ и номеровъ „Колокола.“

Вражда между поляками *бѣлыми* и между поляками *красными* отразилась и на непріязненные литературныя отношенія между *Шедо-Ферроти* и *Герценомъ*, но на чемъ сходились Ламберовъ отель и централизація, на томъ сходились и оба работника польской sprawy. Какъ дѣятели польской sprawy бывшихъ областей, Рѣчи посполитой, создали искусственную Польшу, такъ и *Шедо-Ферроти* съ *Герценовскою компанією* хотѣли искусственно пересоздать Россію. Къ великому прискорбію поляковъ, въ отличіе отъ погибшей внутренними раздорами Рѣчи Посполитой, вся Россія отъ царя до простолюдина образуетъ одно сплошное,

неразрывное цѣлое, потому, по революціонной теоріи польской сиравы, *подлинную Россію* должно было замѣнить *искусственно созданною Россією*; *Шедо-Ферроти* и *Герценъ* взялись за это дѣло. По польскимъ проектамъ, въ искусственно пересоздаваемой Россіи надлежало между правительствомъ и народомъ произвести разрывъ. По комбинаціямъ Ламберова отеля, *Шедо-Ферроти* взялъ на себя оторвать правительство отъ народа, а *Герценъ* съ компанією, по комбинаціямъ *централизации*, взялъ на себя оторвать народъ отъ правительства.

Польская справа должна была обойти Россію, какъ нѣкогда Германію, увѣреніями во взаимной *симпатіи* Россіи къ Польшѣ. *Герценъ* взялся навязать эту *симпатію* Россіи, а *Шедо-Ферроти*, принимая эту затѣю своего собрата за *фактъ совершившійся*; уже прямо вкладываетъ въ уста русскаго простолюдина, не тѣ прилагательныя, которыми русскій человѣкъ сопровождаетъ имя поляка, а очень любезныя слова: „нашъ братъ полякъ“. Любопытно бы было знать, гдѣ, какъ не на страницахъ *Колокола*, *Шедо-Ферроти* встрѣтилъ подобное изрѣченіе.

Не знаемъ, какими путями *Шедо-Ферроти* сталъ почитательнымъ поклонникомъ хозяевъ Ламберова отеля; но *Герценъ*, переводя своихъ русскихъ крестьянъ на капиталы заграничныхъ капиталистовъ, проживалъ совершеннымъ джентельменомъ въ Лондонѣ и былъ предметомъ самыхъ усердныхъ ухаживаній *централизации*. При пламенныхъ мечтахъ и неудавшихся прежнихъ надеждахъ произвести мятежи въ Россіи, *централизаторы* могли ли не сопричислить къ числу геніевъ, великихъ дѣятелей гуманности и прогресса XIX вѣка, *Герцена и его спутниковъ*, и не доставить ему кресло среди ареопага молодой Европы, въ которомъ засѣдали *Мадзини, Мьрославскій, Лелевель, Кошутъ* и проч.

Герценъ не выступалъ лично на поприще баррикадъ, потому, въ этомъ случаѣ, онъ отличается отъ *Мьрославскаго*, но въ другихъ отношеніяхъ нельзя не признать, что оба они, вырабатывая себя на одинаковыхъ началахъ, достигли тѣмъ и рѣдкаго сродства. *Мьрославскій* своими рѣчами листопадовыми сталъ представителемъ молодой *Польшы*; завидуя его славѣ, *Герценъ* со знаменемъ *Колокола*, явился представителемъ-самозванцемъ молодой *Россіи*. Вопреки давняго заявленія поляковъ, что дорога 1848 г. отъ Мьрослава до Вржесня не путь отъ Мекки въ Медину, *Мьрославскій* во время послѣдняго мятежа, съ званіемъ *диктатора* и съ готовою ролію

новаго Магомета, поглядѣлъ на границу Царства Польскаго, тогда и *Герценъ*, при помощи поляковъ, подготавливалъ для себя дорожку, пройденную *Гришкою Отрепьевымъ*; если для черной работы *Мырославскій* имѣлъ своего *Куржину*, то, въ такой-же точно должности для особыхъ порученій, при *Герценѣ* состоялъ *Бакунинъ*; *Мырославскій* и *Герценъ* одинаково черпали свою государственную и законодательную премудрость изъ одного и тогоже источника, *принциповъ, вырабатываемыхъ польскою централизациею* и обнародуемыхъ польскими демократическими журналами. *Речи митопановъ Мырославскаго* писались съ тѣмъ же расчетомъ, одуряющаго дѣйствія на молодежь, какъ и передовыя статьи Колокола. Литературныя произведенія *Мырославскаго* и *Герцена* представляютъ одинаково гоньбу за эффектами, кудрявыми картинками, озадачивающими переходами и сравненіями, пересышкою великихъ идей коммунизма и соціальной неурядицы съ балагурствомъ и весьма забавными остротами и сплетнями. Оба они русскихъ травятъ нѣмцами; оба они съ злобною яростью поносятъ Россію; но *Мырославскій* разить современную, а *Герценъ* съ своею компаніею топчетъ въ грязь и все наше прошедшее. Герценисты должны были уразумѣть, что въ теченіи тысячи лѣтъ у насъ „все позади отъвратительно гадко“ (*) и имъ остается только ожидать спасительной перестройки нашего отечества отъ самозванца - пророка. *Мырославскій* и *Герценъ*, оба одинаково нахально облачаютъ свои мнѣнія въ форму декретовъ, хвастливо превозносятъ силу своего значенія и пускаютъ пыль въ глаза обширностью своихъ связей. Провозглашая на столбцахъ своихъ журналовъ величіе именъ: *Гарибальди, Мадзини, Кошута*, вмѣстѣ съ тѣмъ *Мырославскій* и *Герценъ* выставляютъ на глаза своимъ ослѣпляемымъ читателямъ, съ какими всѣмірными и всѣтъковыми знаменитостями они въ дружбѣ; они обнародываютъ разныя записки къ нимъ отъ *Гарибальди*. *Гарибальди*, сдѣлавшись моднымъ типомъ въ Европѣ, дѣйствительно обратился въ парадера, на которомъ особенно любили выѣзжать *Герценъ* и *Мырославскій*; если *Гарибальди*, послѣ всѣхъ доблестей польскаго диктатора въ Сициліи, не прервалъ съ нимъ сношеній, то развѣ, по выраженію одного изъ подсудимыхъ, что „*Гарибальди* будетъ любезничать съ абиссинскимъ императоромъ, если онъ ему дастъ обѣщаніе выставить баталіонъ на помощь соединенія всей Италіи“.

(*) Колоколъ №№ 122 и 123 (1862 г. 15 февраля).

Герценъ считаетъ нужнымъ повѣстить, что онъ спѣшилъ пожать руку *Оуэну* предъ его кончиною. Такими фиглярствами, пресловутые представители молодой Польши и молодой Россіи старались притянуть къ себѣ молодое поколѣніе. Оба они хотѣли увлечь могуществомъ своихъ сношеній съ Россіею, доказать къ нимъ питаемое сочувствіе, озадачить общество, выставляя на видъ имъ доставляемыя свѣдѣнія; а дѣло было очень просто.

Централизація, помощью своихъ *секцій*, раскинула по всей Европѣ свою тайную полицію, и *Мирславскій*, одинъ изъ членовъ того кружка, изъ котораго избирались *централизики*, конечно, не встрѣчалъ недостатка въ корреспондентахъ; даже самого князя *Марцелія Любомирскаго* онъ напугалъ громадностью и тонкостью шпіонства, устроеннаго централизаціею. *Герценъ*, человѣкъ близкій со столбами эмиграціи *Ворцелемъ*, *Мирславскимъ*, *Жебровскимъ*, *Зеновичемъ*, *Высоцкимъ*, *Эмзановскимъ* и др., конечно, при польскомъ къ нему доброхотствѣ, кромѣ своихъ собственныхъ, имѣлъ къ своимъ услугамъ и вѣхъ польскихъ ревнителѣй въ Россіи. Изъ дѣлъ по послѣднему мятежу видно, что не только *красные* служили корреспондентами „*Колоколу*“, но къ нему и *бѣлые*, туземные верховные представители *Ламберова* отеля, обращались, какъ къ ревностному сотруднику польской sprawy.

Въ началѣ мятежа, *солдаты*, увидѣвъ коварнѣйшую *измѣну* и западню, вымѣстили свое озлобленіе надъ предателемъ *Снѣжко*; поэтому случаю, панами на польскій ладъ составленный актъ для графа *Виктора Старжинскаго* немедленно появился въ *Колоколѣ*, подъ циническимъ заглавіемъ: „*Молодецкое поведеніе солдатъ*.“ Русскій шрифтъ, правда отлитый за моремъ, обвинялъ въ жестокости солдатъ, метившихъ въ пылу преслѣдованія за русскую кровь предательски убитыхъ товарищей.

Въ общей работѣ издателей *Колокола* съ издателями „*Прше-ленда рзспчи польской*“, черновыя статьи перелетали изъ Лондона въ Парижъ и обратно; послѣ всякаго рода прилаживаній, онѣ являлись передъ публикою въ издѣніяхъ *высокаго взаимнаго восхваленія, взаимныхъ симпатій* и въ общихъ подготовленіяхъ козней и замысловъ.

Казалось бы, что *Герценъ* избралъ время, не пригодное для изданія *Колокола*; Государь озарилъ начало своего царствованія тѣми громадными преобразованіями, которыя призывали русскихъ людей къ обширнымъ и много-труднымъ работамъ; но *Герцену*,

нельзя было откладывать—польская эмиграція рѣшила необходимость мятежа; въ 1857 году, съ устранившимъ все шляхетство *крестьянскимъ вопросомъ*, и съ кружками заговорщиковъ, завязанныхъ поляками, возвращенными изъ эмиграціи и изъ ссылки, появился и *Колоколъ*. Герценъ заявилъ, что изданіе журнала возможно, если онъ будетъ окупаться. Груды номеровъ *Колокола*, въ числѣ захваченныхъ бумагъ по мятежу въ сѣверо-западной Россіи, свидѣлствуютъ, что поляки, какъ прежде въ Германіи, не щадили денегъ, чтобы поддержать изданіе, столь пригодное для польской sprawy; поляки усердно его распространяли между русскими; воспитанники поляки обратились въ поставщиковъ и *Колоколомъ* снабдили своихъ, ими искушаемыхъ русскихъ товарищей, сперва по дорогой цѣнѣ, а потомъ даромъ, разсовывая имъ въ карманы. Подъ вліяніемъ *филяровъ великаго будованія*, въ великорусскихъ губерніяхъ, даже одураченные русскіе воспитатели, на воспитательныхъ совѣщаніяхъ учебныхъ заведеній, предлагали свои услуги для доставленія желающимъ *Колокола*, органа для возвеличенія Польши и униженія Россіи. Къ такимъ тупоумнымъ выходкамъ приводили русскихъ людей польскій туманъ и полонофильскій чадъ, нагоняемый Герценомъ на Россію.

Герценъ не даромъ бесѣдовалъ съ лондонскими гостями, переселившимися туда *центрищиками*; много лѣтъ эмиграція трудилась надъ изобрѣтеніемъ и обработкою разныхъ стратагемъ, и, при опытныхъ совѣтникахъ, издатели Колокола искусно, систематически, старательными учениками повели свое дѣло. Въ искусствѣ одураченія своихъ читателей, они не отставали отъ своихъ учителей—польскихъ эмигрантовъ—пока, въ свою очередь, не были сами ими одурачены (*).

(*) По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя были въ нашихъ рукахъ, нельзя не удивляться всей, вѣками выработанной находчивой польской изворотливости. Графъ Адамъ Гуровскій, польскій аристократъ, удержалъ туземцевъ землевладѣльцевъ въ лагерѣ Ламберова отеля, вогнавъ въ крайнюю нелѣпность ученія демократовъ, а въ тоже время, посыпая соль на открытыя язвы, какъ выразились поляки, онъ печатно восхвалялъ Россію, выставлялъ ничтожность Польши, могущество русскихъ, невозможность борьбы, но необходимость подчиниться судьбѣ; рядомъ съ нимъ едино-временно, отъ *Журнала* 3-го Мая, даже до *Делевеля*, почти всѣ эмигранты заявляли необходимость короля для восстановленія ойчизны; партія Чарторыйскаго быстро стала усиливаться—новыя идеи за-

Правительство, быстро приступивъ къ громадному дѣлу, дало работамъ по крестьянскому вопросу основныя начала; тогда *Герценъ* торопливо, въ началѣ своего изданія, заявилъ себя „проводникомъ освобожденія печати отъ цензуры, крестьянъ отъ помѣщиковъ, податнаго состоянія отъ побоевъ.“ Во что бы то ни стало, онъ хотѣлъ быть *передовымъ*. Нынѣ послѣдствія и слѣдствія выяснили дѣло, конецъ связали съ началомъ, опредѣлили рядомъ идущія, согласныя работы польской эмиграціи и русскихъ ренегатовъ; нынѣ подземная работа выведена на свѣтъ дневной и эти слова *Колокола* можно сократить, сказавъ проще и вѣрнѣе: Колоколь силится быть *проводникомъ мятежа въ Россіи, одновременно съ шляхетско-ксендзовскимъ*. Русскіе конечно бы изумились въ 1862 году, узнавъ что такова была нижняя сторона медали, что пресловутые поборники русского благоденствія, *Герценъ* съ компаніею, были работники польской sprawy, передовые въ Панурговомъ стадѣ (*). Своеобразные поборники крестьянскаго освобожденія, ослѣвленные тщеславіемъ и злобою, съ полнымъ своимъ усердіемъ и удовольствіемъ, работали именно на тѣхъ, которые готовили новую кабалу крестьянамъ, въ новыхъ легальныхъ формахъ. Можноли не признать за Герценовскою компаніею, по всей

ставили помириться съ тѣмъ, кого демократы избрали въ козла-искупителя невзгодъ 1831 года. Изъ тысячей образцовъ, возьмемъ другой, изъ совершенно другой сферы польской дѣятельности. Начальникъ полиціи въ Пруссіи получилъ экземпляръ революціонной прокламаціи, изъ Лондона разосланной ко всѣмъ ревнителямъ польской sprawy. Онъ приказалъ немедленно ее перепечатать для сообщенія чиновникамъ полиціи, дабы они приняли свои мѣры. Тайная польская полиція, тотчасъ сообщивъ о томъ кому слѣдуетъ, получила и наставленіе; поляки-наборщики типографіи, отпечатали ее на бумагѣ и буквами, подобными лондонской. Филаръ великаго будованія, депутатъ изъ Познани, Неголевскій, среди прусской палаты обвинилъ полицію, что она стряпаетъ прокламаціи для возбужденія къ безпорядкамъ поляковъ, мирно проживающихъ въ Пруссіи.

(*) Пишущій эти строки, не можетъ не привести отзывъ петербургскаго извозчика, въ 1861 году. „Что это, братъ, студенты по улицамъ разгуливаютъ?“ спросилъ я, желая знать, какъ простолюдины смотрятъ на студентскія демонстраціи. „Поляки бунтуютъ“, получилъ я въ отвѣтъ. Сознаюсь, что тогда и много времени спустя, я былъ въ тысячахъ верстахъ разстоянія отъ подобнаго предположенія и отнесъ отвѣтъ къ вкоренившемуся понятію въ русскомъ народѣ.

справедливости, титула шемякинскихъ сановниковъ? но они имѣли наставниковъ, руководимыхъ многолѣтнею опытностью; во имя поборо-никовъ свободы, поляки дрались подъ знаменами Наполеона I-го, чтобъ подчинить ему испанцевъ и нѣмцевъ, дрались за мадяровъ, чтобы подчинить имъ славянъ. Россія, на новомъ пути, тщательно искала всюду свѣдѣній; *Герценъ*, облекшись въ плащъ неизмѣнаго русскаго патріота, сталъ вмѣшиваться въ вопросы, жизненные для Россіи; *Колоколъ*, искушая, какъ запрещенный плодъ, находилъ читателей и приобрѣлъ почитателей, особенно между молодежью; недаромъ же онъ постоянно обращался къ *друзьямъ-юношамъ*. Ободренный первымъ успѣхомъ, чувствуя почву подъ собою, *Герценъ* сначала слегка коснулся *симпатій* къ полякамъ, а для большаго успѣха этой новой не весьма популярной въ русскомъ обществѣ идеи, онъ самъ провозгласилъ, что *развитый человекъ не можетъ быть патріотомъ*. Для вновь образующихся *Герценистовъ* подобная исповѣдь ихъ пророка была достаточна, и всю Россію повторяемая строфа:

Не вѣрю чести игрока
Любви къ Россіи поляка,

начала терять свое остерегающее значеніе. Затѣмъ воззванія къ польскимъ симпатіямъ пошли *crescendo* и дошли до совершенной фуги.

Герценъ и его компанія, подъ нравственною зависимостью поляковъ, игравшихъ на струнахъ ихъ тщеславія, признавая себя пересоздателями Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ и были обязаны проводить польскія *симпатіи* и, для подготовленія къ замышляемымъ мятежамъ, проводили польскія ученія о народномъ устройствѣ, что впрочемъ устраивало и самихъ этихъ *государственныхъ людей - кривосудовъ*.— *Колоколъ* варьировалъ постоянно на тему пресловутыхъ прокламацій членовъ краковскаго народоваго комитета 1846 г., признанныхъ „шалунами (*polissons*) изъ шайки общественнаго безпорядка.“ *Централизція* доставляла редакціи *Колокола* готовые теоріи, оставалось ихъ прилаживать къ русской жизни, не заботясь о дѣйствительномъ призваніи, назначеніи, бытѣ и развитіи благосостоянія русскаго народа. *Герценовской* компаніи было не до коренныхъ предпринятыхъ великихъ преобразованій, для разработки и привитія которыхъ страна нуждалась въ полномъ внутреннемъ покоѣ; ей нужно было для *своихъ друзей*

поляковъ, по полюбовной сдѣлкѣ, къ данному времени поставить мятежъ въ Россіи, и послѣдовательные нумера *Колокола* свидѣтельствуютъ, что *Герценъ* надиривался для того, чтобы къ русской землѣ можно было примѣнить слова *Мохначика*: „Да если бы русское правительство и наисвятѣйшимъ образомъ сохраняло бы конституцію, мятежъ Польши 1831 г. былъ неизбѣженъ.“ — Среди любезностей къ полякамъ, *Колоколъ* сталъ самымъ угодливымъ ихъ прислужникомъ; ни наши народныя вѣрованія, ни наши преданія, ни русское могущество, купленное вѣками, кровью русскаго народа, ни единство націи, дающее силу и независимость государству, ничто не останавливало этихъ ренегатовъ. Русскіе люди, по декретамъ *Колокола*, должны были все принести въ жертву польской справѣ, и пока, на раздробленіи нашего отечества, поляки приводили бы въ исполненіе свои завѣтныя, вѣковыя мечты, отодвигали бы Россію къ Волгѣ, и вновь созданною Польшею начерчивали бы восточныя границы Европы, русскіе люди должны были бы утѣшаться перестройкою своей общественной жизни на принципахъ польской централизаціи. Въ декретѣ *Колокола* отъ 15 Февраля 1862 года встрѣчаемъ курьезныя для XIX вѣка сужденія этихъ почтенныхъ поклонниковъ неурядицы погибшей Рѣчи Посполитой, поклонниковъ теорій польской централизаціи, поклонниковъ великихъ, еще живыхъ дѣятелей, выказавшихъ въѣ государственныя способности поляковъ въ похожденияхъ ихъ „старшихъ братьевъ“, цвѣта польскаго народа, поклонниковъ эмиграціи, — гнѣздилище интригъ, озлобленной борьбы безчисленныхъ партій, подкуповъ, происковъ для добытія власти и для набитія своихъ кармановъ. Таковы были залоги для благоденствія славянскаго міра, которые воодушевляли Герценовскую компанію.

Для назиданія своихъ читателей, *Колоколъ* объявлялъ; „Большинство русскаго дворянства не понимаетъ этого (т. е. „уничтоженіе дворянства, даже до дворянскаго имени“), пойметъ, когда блеснетъ топоръ.... Дворянство будетъ раззорено, Богъ съ нимъ, оно будетъ счастливо, если заплатитъ однимъ раззореніемъ.... Мы должны подать руку всѣмъ славянамъ, но прежде всего нашимъ оскорбленнымъ братьямъ — полякамъ.... Необходимость польскаго освобожденія во время и послѣ крымской кампаніи сдѣлалась очевидною.... Отнимите у Россіи Польшу, Литву, Вѣлоруссію и Малороссію, отдѣлите отъ нея Финляндію, Остзейскія губерніи, Грузію и весь Кавказъ, останется велико-

русское племя въ 40 миллионѣвъ, которое до сихъ поръ только готовилось къ своей исторической жизни.... Вопросъ состоитъ въ томъ, какъ освободить Польшу. Поляки можетъ быть потребуютъ слишкомъ много; они не удовольствуются однимъ Царствомъ Польскимъ, изъявлять историческія притязанія на Литву, Бѣлорусію, даже включая Смоленскъ, на Лифляндію, Курляндію и на всю Украину, включая Кіевъ. Я думаю, что поляки дѣлаютъ ошибку, ставя вопросъ такимъ образомъ; ошибка, впрочемъ, понятная и простибельная.... Они съ страстною грустью смотрятъ на свое прошедшее, которое не то, что наше прошедшее; намъ жалѣть нечего; у насъ все позади отвратительно гадко.... въ прошедшей жизни поляковъ такъ много прекраснаго и благороднаго, что есть о чемъ и пожалѣть и погордиться.... Католицизмъ былъ во время оно душою рыцарской Польши.... Старинное польское королевство было преимущественно рыцарскимъ, аристократическимъ государствомъ; словомъ, пожалуй, демократическимъ, только въ античномъ смыслѣ.... (*).

„Я требую только одного, чтобы всякому народу (*„Литвъ, Курляндіи, Лифляндіи, Бѣлоруссіи съ Смоленскомъ, Украинѣ съ Кіевомъ“*), были вполне предоставлены возможность и право поступить по волѣ, хочетъ онъ слиться съ Россіей или Польшей, пусть сливается, хочетъ онъ быть самостоятельнымъ членомъ польской или русской или общеславянской федераціи, пусть будетъ имъ.“

Могли ли Англія и Франція не рукоплескать подобнымъ машинистамъ политическаго равновѣсія. *Колоколъ* заявлялъ, что онъ смотритъ вдаль, но пока одинъ изъ Шемякинскихъ сановниковъ *Колокола* (Вакуининъ) такъ идеально устраивалъ славянъ, *Горшковскій* относился болѣе категорически и рѣшительнѣе къ петербургскимъ друзьямъ издателей *Колокола*, къ петербургской секціи или редакціонному комитету погибшаго польскаго журнала *Слово* (**). *Маріанъ Горшковскій*, одинъ изъ ретивѣйшихъ работниковъ польской sprawy въ Западной Россіи, прямо пишетъ: За предѣлами римско-католическаго вѣроисповѣданія нѣтъ вѣчной

(*) Сочиненіе *Мирославскаго* „de la nationalité polonaise“, указываетъ, что оно было источникомъ этихъ историческихъ свѣдѣній Герценовской компаніи. Если-бы *Мирославскій* не предостерегъ отъ доводовъ другого польскаго эмигранта *Духинскаго*, то, чего добраго, *Колоколъ* отнесъ бы насъ по предкамъ отъ славянъ къ *турянамъ*.

(**) *Оришко* былъ его главнымъ редакторомъ.

безъ конца святой правды, святаго незапятнаннаго образа; это оружіе мудрости, оружіе Сократа, потомъ оружіе Христа, нынѣ оружіе Польши.... Не смотря на всѣ усилія малороссіянъ, Русь придѣлѣпровская, со всею своею настоящею жизнью, со всѣмъ своимъ духомъ, со всѣми своими традиціями, со всею своею индивидуальностію, должна войти въ составъ Польши, должна съ нею слиться и въ одной литературѣ“....

Польская эмиграція усердно хлопотала о помощи готовимому мятежу своихъ туземныхъ соотчичей и призывала враговъ внѣшнихъ; верховные вожаки обширнаго замысла почли пригоднымъ прибавить къ тому и мятежи въ Россіи, а дабы ее, среди предпринятыхъ преобразованій, и полагая ее изнеможенною, тягостною недавнею войною, безпрекословно заставить исполнять то, что полякамъ будетъ угодно приказывать, то было рѣшено всѣми средствами деморализировать войска. Русскіе ренегаты, съ полнымъ своимъ удовольствіемъ, принялись за подземныя козни противъ Царя-Освободителя и Устроителя, за козни противъ всей русской земли, которую они, совмѣстно съ поляками, хотѣли устроить по своему. *Герценъ* установилъ изъ своихъ учениковъ общество *Земля и Воля*, которое вошло въ сношенія съ польскою секціею въ Петербургѣ, для взаимной помощи по дѣлу мятежа, а офицеры, члены этихъ тайныхъ обществъ, поляки и русскіе силились развращать понятія солдатъ и прививать имъ неповиновеніе и измѣну. Безплодна оказалась работа, но усилій было употреблено не мало. Внѣ нашей рамки лежитъ описаніе походовъ *Герценистовъ*; послѣднимъ ихъ актомъ, въ мятежѣ 1863 года, была просьба къ литовскому псевдо-диктатору *Каминовскому*, „о 150 руб. серебромъ и типографической машинкѣ, для поддержанія Россіею польскаго мятежа.“

По всѣмъ правиламъ польскихъ конспираторовъ, *Герценъ* систематически проводилъ Колоколомъ въ Россію правила мятежа, для поддержки своихъ агентовъ и большей безопасности ихъ работы. Обращаясь ко всѣмъ сословіямъ, онъ преимущественно налегъ на молодежь университетовъ и духовныхъ академій, и пока поляки ретиво работали по всей имперіи, *Герценъ*, подзадоривая „друзей-юношей“ своими корреспонденціями, добивался и повсемѣстныхъ смутъ. Какъ *Клячко* былъ работникомъ для поль-

ской эмиграціи, такъ и другой перекрестъ *Утинъ* (*), былъ изъ ретивѣйшихъ въ Петербургѣ.

Главный агентъ *Герцена* въ Царствѣ Польскомъ былъ *Потебня*, котораго, послѣ смерти, онъ огласилъ образцемъ измѣнническихъ доблестей. — *Потебня* прапорщикомъ шлясесбургскаго полка, во время пребыванія въ офицерской стрѣлковой школѣ, былъ посвященъ въ общество *Земли и Воли*; подобно *Утину*, онъ съѣздилъ въ Лондонъ за инструкціями къ великому мастеру и вербовалъ союзниковъ польской справѣ между русскими офицерами въ Царствѣ Польскомъ. Малый разбитой, онъ, полковымъ квартирмейстеромъ въ ожиданіи великой будущности, промоталъ нѣсколько тысячъ казенныхъ денегъ, которыя его товарищи должны были уплатить, бѣжалъ за границу, донесъ *Герцену* о великихъ своихъ успѣхахъ, и по возвращеніи, погибъ въ стычкѣ въ рядахъ *Лангевича*; Герценовская компанія, предъ самимъ мятежемъ, разсори-лась съ диктаторомъ *Мырославскимъ* и вступила въ союзъ съ его соперникомъ, другимъ диктаторомъ — *Лангевичемъ*, избраннымъ партіею бѣлыхъ, Ламберова отеля, призваннымъ въ защитники панскихъ интересовъ. *Опаревъ*, сотрудникъ *Герцена*, заявилъ въ *Колоколъ*, что онъ оплакиваетъ его (*Потебню*), какъ сына (**).

(*) Его значеніе можно видѣть изъ того, что онъ попалъ и въ лексиконъ польскихъ заговорщиковъ съ псевдонимомъ »*Жидъ*.«

(**) Петръ Петровичъ Пѣтухъ, въ Мертвыхъ Душахъ, ухаживалъ за съѣденнымъ имъ теленкомъ, тоже, какъ за сыномъ. »Не знала русская пуля, сразившая *Потебню*, какую жизнь она остановила на первыхъ шагахъ ея, восклицаетъ *Герценъ*, чище, самоотверженіе, преданіе жертвы очищенія Россія не могла принести на пылающемъ алтарѣ *польскаго освобожденія* « *Колоколъ* въ надгробномъ словѣ *Потебнѣ*, адресованномъ къ друзьямъ-юношамъ изображаетъ всю утрату, расписываетъ его доблести, умоляетъ идти по его стопамъ. «Утрата его для дѣла огромна, гласитъ *Колоколъ*.... Друзья! дайте другъ другу слово продолжать его дѣло.... Между тѣмъ, какъ *отцы и дѣти касты* уходили въ смерть, возникла и росла другая молодежь, которой нечего отрекаться отъ дворянства и помѣщичества—образованная молодежь разночинцевъ. Изъ духоты семинарій, изъ подъ гнета духовныхъ академій, изъ бездомнаго чиновничества, изъ удрученнаго мѣщанства—она вырвалась къ жизни и взяла инициативу въ литературѣ. Этою молодежью Россія совершить свое отреченіе отъ *буржуазіи*.... она должна собрать себя въ общество, пополняя свои ряды солдатами, дворовыми, мужиками. Вотъ гдѣ вамъ людей искать на-

Русскіе ренегаты, какъ видно по послѣдовательнымъ нумерамъ *Колокола*, по слѣдственнымъ дѣламъ и по показаніямъ подеудимыхъ, принимали самое горячее участіе въ польской справѣ, а что *Потебня* не пожалѣлъ красокъ, чтобы размахисто росписать свои конспиративные подвиги, то доказательствомъ тому можетъ служить слѣдующее письмо *Бакунина*, писанное въ Познань къ знаменитому *филярю великаго будованія*, *Гутри*,
 22 Января
 3 Февраля 1863 года:

„Изъ вашего письма я заключаю, что для меня еще не настало время ѣхать въ Польшу; но я не хочу и не могу отказаться отъ этого плана, который принадлежитъ къ драгоцннѣйшимъ надеждамъ всей моей жизни. Для его исполненія я долженъ быть предварительно увѣренъ, что моего пріѣзда желаютъ въ Польшѣ; но напрасно я адресовался бы по этому предмету къ моимъ друзьямъ бывшаго польскаго центрального комитета; онъ былъ довольно плохой корреспондентъ, даже и предъ революціей; теперь же онъ долженъ быть погруженъ въ дѣла по горло; кромѣ того, мнѣ неизвѣстно, остались ли членами мнѣ знакомые. Пишу къ *Ланевичу*, котораго я знаю и высоко цѣню, пишу ему о содѣйствіи и о той *симпатіи*, на которой я преимущественно основываю мои ожиданія; прошу васъ переслать къ нему мое письмо сколь возможно скорѣе. Покаместъ я поѣду

до!» (Колоколъ 1-го Мая 1863 г.). Когда поляки, въ недоумѣніи, ожидали проявленія той силы *Молодой Россіи*, общества *Земли и Воли*, которую такъ хвастливо сулилъ имъ *Герценъ*, тогда *Колоколъ*, взятый въ расплохъ, окончательно натуживался разжигать и дурачить нашу молодежь, возбуждать распри между сословіями и, поширая завѣтныя чувства русскихъ, нагло проповѣдывалъ, что Царь чуждъ и враждебенъ своему народу. Тысячи адрессовъ, послѣ попытокъ иноземнаго вмѣшательства, заявляли негодованіе Россіи, заявляли, что Царь и Россія одно неразрывное цѣлое, что вся Россія встанетъ какъ одинъ человѣкъ, защищать свою честь и достояніе, а пигмей-отступники съ того берега мечтали удержать порывы раздраженія оскорбленнаго, великаго, молодаго народа, и посягали предательскою рукою вырвать краеугольный камень изъ подъ русской силы и могущества, изъ подъ русской славы, русскаго бытія. Наущенія *Колокола* готовили Россіи иноземное ярмо; Россія доставила *Герцену* съ его компаніей возможность продолжать на страницахъ *Колокола* дальнѣйшую оцѣнку доблестей его союзниковъ-поляковъ.

въ Стокгольмъ, что бы тамъ ожидать лучшихъ вѣстей, и употреблю все мои усилія, чтобы произвести движеніе въ Финляндіи, котораго не только мы желаемъ, но *желаютъ имѣть съ нами и наши петербургскіе друзья*. Если движеніе въ Польшѣ продолжится еще съ мѣсяць или съ два, то почитаю дѣло выполненъ выиграннымъ. Позвольте мнѣ высказаться откровенно; по извѣстіямъ, нами полученнымъ въ Лондонѣ, познанскіе дипломаты гораздо болѣе довѣряютъ дипломатіи и иноземной помощи западныхъ дворовъ, чѣмъ собственнымъ силамъ польской революціи; но для того, чтобы дипломатія для насъ работала, необходимо, чтобы польское движеніе себя показало почти единогласнымъ и серьезнымъ, и въ особенности, чтобы оно продержалось нѣсколько времени. Если постигнетъ то бѣдствіе, что оно будетъ подавлено въ нѣсколько дней, то вы не приобретете ничего или приобретете весьма мало; я полагаю поляковъ патриотами; все, какого бы цвѣта партіямъ они не принадлежали, должны желать продолженія начатаго революціоннаго движенія, должны содѣйствовать тому всеми своими средствами. Что до меня касается, то *я вполне убѣжденъ, что если движеніе продержится одинъ только мѣсяць, то будетъ полная побѣда*, потому что подъ русское правительство подведены мины, а оно почитаетъ себя прочнымъ. На этомъ основаніи, я вовсе не досажую, что имѣю одну или двѣ недѣли передъ собою, чтобы побывать въ Стокгольмѣ. Если мнѣ удастся раззадорить честолюбивыхъ господъ въ Швеціи на движеніе въ Финляндію, то я почту себя *совершенно счастливымъ и довольнымъ*. Дѣйствія подобной диверсіи на русское правительство, на Европу, на всю Россію будутъ *страшныя*. Но *я хочу и я долженъ быть въ Польшѣ*.

„Знаете ли вы, что центральный комитетъ въ Варшавѣ сдѣлалъ *плачевную* ошибку; въ то время, когда *цѣлыя роты* русской пѣхоты (!!!) хотѣли присягнуть нашему знамени „земля и воля“, и только ждали польскаго возстанія, чтобы къ нему присоединиться, поляки на нихъ напали и разрушили разомъ *драгоцѣнную работу цѣлаго года*. Теперь онѣ считаютъ себя предательски обманутыми и ихъ нельзя возвратить на прежнюю дорогу; но дабы приобрести для инсurreкціоннаго движенія прочное основаніе, нужно сформировать русскій революціонный легіонъ, дѣйствуя на плѣнныхъ, которые будутъ ваки набираемы (?). Началомъ подобнаго легіона несомнѣнно будетъ сопряжено съ величай-

шими затрудненіями, но преодолевъ ихъ однажды, я *вполнѣ* надѣюсь, что примѣръ будетъ дѣйствовать и дѣло пойдетъ далѣе само собою. Польза подобнаго легіона будетъ для всѣхъ насъ *разительная*; дабы *предпринять это дѣло*, я долженъ быть *предварительно увѣренъ въ полной симпатіи* и содѣйствіи одного изъ польскихъ военачальниковъ, у котораго на то есть добрая воля и власть; потому я пишу къ *Ланевичу*, котораго я знаю; надѣюсь, что вы употребите все, что отъ васъ зависитъ, чтобы ему скорѣе доставить это письмо, а мнѣ его отвѣтъ; не теряйте духа, дѣла уже пошли не дурно; станемъ крѣпко держаться до конца и воскликнемъ: да здравствуетъ революція!“

Польскій мятежъ длился не мѣсяцъ и не два, а цѣлый годъ; но *Бакунинъ* не исполнялъ пламеннаго своего желанія, не исполнилъ долга вѣрнаго полякамъ союзника, отказался самъ *отъ драгоцѣннѣйшей надежды всей своей жизни*. Онъ не явился въ Польшу и оставилъ вопросъ неразрѣшеннымъ, — разочаровался ли онъ въ могущество своего знамени, съ бѣгствомъ къ польскимъ мятежникамъ подпоручика *Потебни*; поколебались ли въ немъ вѣра въ свое краснорѣчіе и надежда, что изъ нѣсколькихъ солдатъ, попавшихъ въ руки шаешниковъ, онъ образуетъ русскій революціонный легіонъ, которымъ на твердое основаніе поставить польскій мятежъ; остановилъ ли его недостатокъ отвоеваннаго мѣста, на которомъ онъ спокойно могъ бы производить свои эксперименты надъ дюжиною русскихъ захваченныхъ солдатъ, или наконецъ военачальникамъ — доводцамъ — уцекинерамъ было не до *симпатій*.

Слѣдственные комиссіи, по предшествовавшимъ польскимъ мятежамъ, доселѣ разясняли только степень виновности подсудимыхъ. Заговорная организація *Буонаротти*, усовершенствованная эмиграціею, имѣла въ виду подобныя запросы, или сужденія преступниковъ предъ гласными заграничными трибуналами; потому затемненіе передъ судомъ веденія польской sprawy оказалось несостоятельнымъ предъ тѣмъ направленіемъ, которое Графъ *М. Н. Муравьевъ* далъ слѣдственнымъ комиссіямъ, по случаю послѣдняго мятежа, бывшаго въ сѣверо-западной Россіи. Тогда самыя разнообразныя свѣдѣнія разсѣкли на двое толстый слой, нанесенный *perpetuum mobile* польскихъ заговоровъ; свѣтъ проникъ въ замыслы, таившіеся съ 1794 года; обнаженные корни дали возможность увидѣть подземное ихъ развѣтвленіе въ теченіе десятковъ лѣтъ. Мы привели нѣкоторые свѣдѣнія изъ отсоединившихся къ послѣдней тридцатилѣтней заграничной дѣятельности.

При той систематической организаціи, которую эмиграція дала ревнителямъ, и при неизбежной связи въ общей работѣ, съ раскрытіемъ всѣхъ плановъ для Сѣверо-западной Россіи, въ ея, болѣе или менѣе, частями подробными свѣдѣніями, частями только указаніями, но въ громадныя проекты раскрылись на столько, что они выяснились съ достаточною полнотою; при сводѣ всѣхъ слѣдственныхъ дѣлъ въ Варшавѣ, въ Кіевѣ, въ Петербургѣ и Казани можно надѣяться, что, при всей затаенности польской работы, русскіе люди обойдутся для явнаго цѣлаго и безъ польскихъ описаній послѣдняго мятежа, которыми поляки надѣялись когда нибудь читающую публику.

Въ сущности заграничныя дѣятели создали свою программу на слѣдующихъ мыльныхъ пузыряхъ: По разглашеніямъ издателей „*Колокола*“ всѣ сословія въ Россіи были въ томъ враждебномъ настроеніи одно къ другому и въ такомъ настроеніи къ правительству, что при первой искрѣ, при мѣстныхъ ревнителяхъ полякахъ и герценистахъ, мятежи проявятся по первому мановенію. Гдѣ землевладѣльцы поляки, тамъ мятежъ былъ долженъ принять видъ благоустроенный; революціонныя власти, немедленно вступая въ дѣйствіе, должны охранять внутреннее спокойствіе; области, поляками признанныя *польскими*, должны стать на ногу, какъ бы воюющей страны, изгоняющей пришлецовъ; такъ предполагалось изгнать и русскія власти изъ Западной Россіи; въ другихъ же частяхъ Россіи, для доставленія полной побѣды польской справѣ, мятежъ долженъ былъ сопровождаться, всѣми кровавыми обстановками *жакеріи*.

Для достиженія этой цѣли, должно было воспользоваться двумя преобразованіями, вводимыми правительствомъ; ревнители польской sprawy должны были имъ дать пригодныя примѣненія; по польскимъ предположеніямъ, уничтоженіе унижительнаго тѣлеснаго наказанія должно уничтожить повиновеніе въ войскахъ; по этой части *Сьраковскій* избралъ свои спеціальныя занятія; съ уничтоженіемъ же пагубнаго откуна, свободное заведеніе кабаковъ должно было, при польско-кабацкихъ стратегическихъ соображеніяхъ, имѣть послѣдствія, подобныя галиційскимъ 1846 года; это вошло въ кругъ дѣйствія *Оурызки*. Единовременное уничтоженіе панами кабаковъ, общества трезвости и предписанныя правила самой суровой дисциплины въ шайкахъ (*), должны были сохранять

(*) „Для уравниенія нравственныхъ качествъ воиновъ воюющихъ сторонъ“; по отзыву одного подсудимаго, бывшаго начальника шайки.

внутренній порядокъ при ксендзовско-шляхетскомъ возстаніи. Съ мятежемъ на окраинахъ Россіи, мятежъ долженъ былъ вспыхнуть и на театрѣ давней Пугачевщины, а *Звирждовскій*, устремясь изъ Могилевской губерніи, однимъ проходомъ чрезъ губерніи Смоленскую, Московскую и Тверскую подыметъ все населеніе до Волги; Калужская губернія была признана достаточно подготовленною, чтобы самой подняться и вести мятежъ далѣе на югъ. Западные державы, помня, что Россія кончила крымскую войну съ 2 мил. подъ ружьемъ, не откажутъ, въ виду легкой побѣды, поддержать польское движеніе и укрѣпить новыми трактатами, согласно польскихъ требованій, существованіе возникшей Польши.

• Польская эмиграція и русскіе ренегаты собирались къ скорому отъѣзду, на первый случай въ Варшаву, принять тамъ бразды власти, но легкокрылымъ мечтамъ пришлось остаться мечтами; они скоро убѣдились, что для нихъ дѣла пошли скверно.

Г Л А В А 12-я.

Первые труды Шедо-Ферроти на пользу польской sprawy.—Протесты эмиграции.—Крестьянская реформа.—Чарторыйский, Мѣрославский и Герценъ.

Шедо-Ферроти, по времени, стоитъ первымъ работникомъ польской эмиграции, въ новомъ, по ея теоріямъ, фазисѣ, въ который вступили польскія дѣла.

Централизациа хотѣла добыть путемъ революціи начала къ возобновленію работы великаго будованья, разрушенной мятежемъ 1831 года, а Ламберовъ отель стремился предварительно положить тому основанія легальными путями, добывъ уступки и сдѣлавъ правительства въ отношеніи къ себѣ солидарными.

Ожидаемыя торжества по прибытіи Государя въ Варшаву, были признаны временемъ удобнымъ. Шедо-Ферроти, на сколько было ему возможно и пригодно, для удержанія польскихъ дѣлъ во тьмѣ и во мглѣ, рассказываетъ приготовленіе сторонниковъ Ламберова отеля. Если Шедо-Ферроти многое не договариваетъ, за то, для отвода, съ дипломатическою точностію, посвящаетъ насъ въ другія подробности.

По принципамъ Ламберова отеля, основаннымъ на старыхъ комбинаціяхъ, Шедо-Ферроти и самъ служитъ указаніемъ и самъ указываетъ, что признанную наилучшею систему для дѣйствій не предполагалось измѣнять: „2 мая 1856 года, пишетъ онъ, недѣли за три до пріѣзда Государя въ Варшаву, меня посѣтили три поляка, принадлежащіе къ высшей аристократіи. Эти господа, между которыми двое еще болѣе замѣчательны своею интеллигенціею, чѣмъ даже своимъ общественнымъ положеніемъ, обратились ко мнѣ съ просьбою составить имъ записку, которая резюмировала бы нужды страны и надежды, связанныя съ появленіемъ Государя среди польскаго дворянства. Я принялъ съ предупреди-

тельностью ихъ предложеніе, и мы условились на счетъ предмета петиціи. Для меня было достаточно трехъ дней, и 5 мая я отдалъ имъ мою работу; они потребовали еще нѣсколько дней для переговоровъ съ своими политическими друзьями. Пренія съ лицами, которыя были признаны нужными для совѣщаній, вѣроятно, были довольно оживлены, потому что я получилъ мою записку только послѣ двѣнадцати дней, именно 17 мая послѣ обѣда. Замѣчанія, мнѣ сдѣланныя при возвращеніи моей рукописи, доказали, что въ полномъ собраніи, къ которому я не былъ допущенъ, были значительно сданы первоначально заявленныя требованія. Изъ шести пунктовъ петиціи, какъ наименѣе нужныхъ для страны, два были вычеркнуты и одинъ значительно измѣненъ.

„Возстановленіе государственнаго совѣта въ Варшавѣ было вычеркнуто, какъ несвоевременное и могущее возбудить опасенія въ русскомъ правительствѣ; таже участь постигла 4 пунктъ, требующій введенія польскаго языка, какъ officialнаго, во всѣхъ административныхъ учрежденіяхъ. Пятый пунктъ испрашивалъ установленіе земскихъ властей выборными воеводскихъ совѣтовъ и областныхъ штатовъ, — учрежденія, обѣщанныя органическимъ статутомъ 1832 г., но онъ остался только въ видѣ проекта. Это исправленіе было измѣнено, согласно редакціи нижеслѣдующаго пункта 3-го; такъ петиція обратилась въ слѣдующіе четыре пункта; 1) возвращеніе эмигрантовъ; 2) амністія ссыльнымъ; 3) участіе сельскаго дворянства въ администраціи края выборомъ судей и земскихъ чиновниковъ и 4) возстановленіе польскаго университета“. Тѣмъ ограничивались требованія поляковъ въ 1856 году; вотъ чего было достаточно для того, чтобы Императорское правительство сдѣлалось популярнымъ и ничто не могло бы поколебать его могущества, если бы прямо и съ перваго раза сдѣланы были эти уступки....

Шедо-Ферротти тѣмъ не ограничивается, полагая, что читатели не знакомы или забыли время конституціоннаго царства Польскаго при Александрѣ Павловичѣ и желая морочить далѣе, онъ продолжаетъ: „Я позаботился о *переблѣненіи* *моей записки* *молодымъ каллиграфомъ*, мнѣ рекомендованнымъ первыми ко мнѣ обратившимися, и по пріѣздѣ Государя я отправился во дворецъ Лазенки, къ одному изъ значительнѣйшихъ лицъ свиты Государя и вручилъ ему записку, съ просьбою прочесть ее, и если найдетъ возможнымъ, представить ее Государю. На другой день я прибылъ

опять въ 9 часовъ утра; я былъ немедленно принять вышесказаннымъ лицомъ; генералъ очень похвалилъ мою работу, ея суть и форму и обѣщалъ доложить ее при первомъ удобномъ случаѣ. Я узналъ позже, что записка осталась въ его портфелѣ, и что Государь ничего не зналъ объ ней. Генералъ—, конечно, оцѣнить мою скромность, по которой я его не называю по имени.“

И такъ, въ запискѣ *Шедо-Ферроти*, которая предназначалась въ руководство великодушнѣ русскаго Императора, заключались тѣ же требованія, которыя излагались въ инструкціяхъ польской эмиграціи, но прежде они поручались коноводамъ заблуждавшейся на улицѣ толпы—для того, чтобы на твердыхъ основаніяхъ поставить дѣло польской sprawy, а теперь они поручались *легальной* запискѣ, подобныя которой писали некогда князь *Чарторыйскій* и графъ *Огинскій*. Эмиграція хотѣла избѣжать повторенія упрековъ, что она не умѣетъ остановиться во время, не умѣетъ выжидать *народной переклички* и во время отвѣтить: *естесмы*. По словамъ *Шедо-Ферроти*, ктоже иной, какъ не генералъ *** виновенъ во всемъ послѣдовавшемъ мятежѣ; не оставь онъ спасительную записку въ своемъ портфелѣ и тѣмъ не парализируй ея волшебную силу, то не было бы и мятежа 1863 года. Отъ записки *Шедо-Ферроти* должно было остановиться шестьдесятъ два года дѣйствовавшее *perpetuum mobile* польскихъ конспирацій. Въ то время, когда мѣстные верховные мастера великаго *будованія*, по проекту Ламберова отеля, принялись за работу, польская эмиграція двумя протестами повѣстила туземцевъ, что если изъ среды ея и найдутся желающіе воспользоваться амнистіею, то сама она вовсе не признаетъ борьбу оконченною. Время можетъ вполне разъяснить, какія утѣшительныя надежды убаюкивали польскую эмиграцію. Сѣраковскій, одинъ изъ дѣятелей петербургской секціи искалъ доступа въ дипломатическіе кабинеты, работа *perpetuum mobile* оживилась.

Протесты польской эмиграціи длинны, какъ всѣ польскіе эмиграціонные акты, приведемъ, потому, знаменательнѣйшія мѣста:

Демократическая партія заявляла 6 іюля. „Подписавшіе польскіе эмигранты считаютъ своимъ долгомъ протестовать противъ нея (амнистіи); польской эмиграціи не нужна амнистія, ей не въ чемъ себя упрекать, ей не о чемъ сожалѣть, она поклялась упорствовать въ роли, которую она избрала, и она сама себя обрекла на изгнаніе.

„Послѣ возстанія 1831 года, *цѣлѣ* націи вышелъ изъ края. Польскіе эмигранты предъ ойчиною и образованнымъ міромъ объявляютъ, что они отталкиваютъ амністію Александра II, какъ оттолкнуть амністію и всякаго другаго изъ трехъ притѣснителей ойчины, если бы тѣ вздумали ее предлагать, и что они возвратятся только тогда, когда изъ нея будетъ можно выгнать иноземцевъ.“

Аристократическая партія, въ своихъ актахъ, со времени паденія революціонной партіи во Франціи и утвержденія въ ней имперіи, принявшая названіе *монархической*, протестовала 9 іюня.

„Недавній актъ русскаго правительства, упомянутый въ циркулярѣ министра иностранныхъ дѣлъ, отъ ¹⁵/₂₇ мая сего года, объявляетъ милосердіе Императора Александра II относительно польскихъ выходцевъ и дозволяетъ свободное возвращеніе на родину тѣмъ изъ нихъ, которые, *раскаиваясь въ своихъ заблужденіяхъ* будутъ его испрашивать. Мы были о томъ увѣдомлены единовременно съ рѣчами, Императоромъ произнесенными въ Варшавѣ.“

„Существенное значеніе документовъ относится къ каждому изъ насъ, потому, не посягая на личныя мнѣнія, мы ни въ какомъ случаѣ не желаемъ вліять на совѣсть нашихъ собратьевъ изгнанія; нижеподписавшіеся желали только публичнымъ заявленіемъ объяснить правительствамъ и націямъ, намъ оказывающимъ великодушное гостепримство, причины, которыя, въ совокупности, обязываютъ насъ терпѣливо и покорно, по волѣ Провидѣнія, оставаться въ положеніи, которое оно намъ опредѣлило.“

„Мы были ограблены и осуждены заочно; (*) наше возвращеніе непременно зависить отъ личной безопасности и семейныхъ расчетовъ; но амністія, въ которой говорится о виновныхъ, заблужденіяхъ, о запоздаломъ раскаяніи, о неисправимой ненависти, амністія, которая возвращаетъ на родину, не возвращая имѣній, которая на закатѣ лѣтъ даетъ три года для испытаній, такая амністія не отличается отъ подобныхъ ей, издаваемыхъ съ 1832 года.“

„Императоръ Россіи навѣрно былъ бы лучше, присовѣтовавъ и привлечь къ себѣ болѣе польскихъ сердецъ, если бы, вмѣсто того, чтобы сказать: „я желаю, чтобы порядокъ, установленный моимъ отцемъ былъ сохраненъ“ — сказалъ бы, какъ говорилъ его дядя, Императоръ Александръ I: Россія вамъ братски протягиваетъ руки; изъ всѣхъ выгодъ, которыя ей предоставляетъ побѣда (а нынѣ

(*) Эмигранты слѣдовательно забыли объ указѣ 13 (25) Февраля 1832 года, которымъ они вызывались для оправданій. (См. стр. 52).

миръ), она выше всѣхъ ставитъ одну: поднять и возстановить уважаемую и доблестную націю.“

Князь Чарторыйскій, казалось, забылъ, что его совѣты привели къ мятежу 1831 года, а порядокъ, установленный Императоромъ Николаемъ, сохранилъ спокойствіе русскихъ поляковъ, даже въ 1849 и съ 1854 по 1856 годъ. Но если эмиграція знала, на сколько прочны между нихъ соотчичаи чувства, изъявляемыя Варшавою при восторженныхъ приемахъ Государя, то вся она, совмѣстно съ туземцами, встрепенулась при новомъ, неожиданномъ, громовомъ ударѣ, который разилъ самое основаніе шестидесяти-пяти лѣтнихъ польскихъ комбинацій (съ 1791 г.); *крестьянскій вопросъ былъ поднятъ въ Россіи.*

По возшествіи на престолъ, Государь, въ мартѣ 1855 года, среди тяжелой войны, сказалъ депутаціи с.-петербургскаго дворянства: „Я увѣренъ, что дворянство будетъ въ полномъ смыслѣ слова, благороднымъ сословіемъ и въ началѣ всего добраго.“ По прекращеніи войны, въ концѣ марта 1856 года, Государь посѣтилъ Москву и тамъ представлявшимся предводителямъ дворянства Московской губерніи заявилъ, что настаетъ время прекращенія крѣпостнаго права; „прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе; передайте мои слова дворянству для соображенія.“ Во время коронаціи, въ августѣ того же 1856 года, въ Москвѣ собрались предводители дворянства всѣхъ губерній; товарищу министра внутреннихъ дѣлъ Левшину было поручено Государемъ войти съ ними по этому предмету въ переговоры. „Дворяне провинцій Виленской, Ковенской и Гродненской, пишетъ *Шедо-Ферротти*, подали примѣръ Россіи, по собственному побужденію, испрашивая въ 1857 году освобожденіе своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Это великодушное рѣшеніе слишкомъ согласовалось съ видами правительства, чтобы оно имъ не воспользовалось, дабы эту мѣру сдѣлать повсемѣстною. Циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ обнародовалъ благородное рѣшеніе литовскаго дворянства, приглашая русское дворянство послѣдовать столь прекрасному примѣру.“

Нынѣ мятежъ разорвалъ мантию, для ослѣпленія и увлеченія толпы ярко расписанную, которою прикрылась крамола; разборъ къ ней относившихся дѣлъ выяснилъ весь механизмъ. Сведенныя капитальныя данныя дадутъ въ подлинныхъ документахъ положительныя свѣдѣнія, которыя избавляютъ отъ необходимости гипотезъ

и догадокъ относительно эмиграціи; вопреки всѣхъ ея заявленій, наружу выходить, что крестьянскій вопросъ, 65 лѣтъ занимавшій шляхетство, оставался на заднемъ планѣ; онъ былъ ему важенъ для будущаго властвованія надъ Польшею. *Бѣлые* — землѣвладѣльцы, хотѣли изъ современныхъ сложныхъ обстоятельствъ дать простолудинамъ какъ можно менѣе, дабы, заключивъ ихъ въ тѣсный кругъ настоятельной нужды, обратить въ покорное себѣ орудіе; *красные*, не имѣя собственности, проповѣдовали коммунизмъ, въ надеждѣ за чужое добро купить себѣ власть, и проповѣдывая свои теоріи, вели къ расторженію благоустроенныхъ обществъ; подъ маскою социально-баррикадныхъ бойцевъ-философовъ, они силились истребить права собственности, труда и сбереженія — единственные рычаги, побуждающіе къ развитію человѣческаго прогресса и, домогаясь всесторонней оргіи, они въ средства избрали анархію.

На первомъ планѣ становилась иноземная помощь. Слова герцога *Шуазеля*, министра Людовика XV маркизу Польми: „анархія въ Польшѣ пригодна выгодамъ Франціи“, — понынѣ сохранили свое историческое значеніе. Вопреки заявленія всѣхъ партій о восстановленіи Польши собственными силами и средствами, на повѣрку вышло, что всѣ онѣ, когда отъ словъ предстояло перейти къ дѣйствіямъ, поняли, что, безъ иноземнаго вмѣшательства, всякая борьба — только сумазбродная попытка; за Ламберовымъ отелемъ, и демократы кинулись въ дипломатію и, для вѣрнѣйшаго успѣха на дипломатическомъ поприщѣ, убаюкивали себя и другихъ призраками легкой побѣды.

Собиралась гроза въ вѣковой кровавой драмѣ борьбы польскаго олатинившагося шляхетско-ксендзовскаго міра съ православною Русью; готовился новый актъ, для котораго крестьянскій вопросъ былъ избранъ сюжетомъ. Высшіе путеводители бойцевъ: *Чарторыйскій*, *Мирославскій* и *Герценъ* готовились къ борьбѣ окольными путями, и пока первые два хлопотали объ иноземной помощи, послѣдній, какъ вѣрный союзникъ польской sprawy, замышлялъ сокрушить силы Россіи. Всѣ они готовились оправдать слова *Мирославскаго*, что союзники сдѣлали ошибку, устремясь на Крымъ, что восточный вопросъ, который долженъ доставить преобладаніе Западу, долженъ быть рѣшенъ въ Польшѣ. Торжество польской sprawy избавило бы Западъ отъ восточнаго соперника и прибавило бы ему семьдесятъ

милліоновъ чернорабочаго народу; всѣмъ *Чарторыйскимъ* и *Миро-славскимъ* открылось бы свободное поприще, съ готовыми уже бойцами, по старому, среди междоусобій и анархіи, мечемъ и интригами искать власти, сознательно распѣвая: „еще Польша не згинела,“ а герценовская компанія отправилась бы между Бѣлымъ моремъ, Волгою и Ураломъ смотрѣть, хорошо ли русскій человѣкъ работаетъ на западниковъ, гостепріимно принявшихъ ренегатовъ и, въ утѣшеніе русскому люду, проповѣдывала бы ему теоріи Сен-Симона, Фурье и Оуэна, къ практическому примѣненію приспособленныя польскою централизациею. Понятно, что, въ пылу радости и надеждъ, когда блеснуло зарево давно подготавлиаемаго пожара, Бакунины воскликнули: „да здравствуетъ революція.“

Руководители, для успѣха въ дѣлѣ, во чтобы то ни стало, должны были затормозить и исковеркать освобожденія дѣло крестьянъ, съ грозною для нихъ придачею **надѣла землѣю**. Не смотря на всѣ опасенія русскихъ помѣщиковъ стародумовъ, на фокусы и стратагеми поляковъ, на раздраживающіе и разжигающіе возгласы *гериснистовъ*, не смотря на всѣхъ *Добродѣевыхъ* и *Благолюбовыхъ*, не смотря на всѣхъ собирателей народныхъ пѣсень и сказокъ и разглашателей по деревнямъ нелѣпныхъ вѣстей, — Россія, довѣряя Царю, спокойно ожидала Его рѣшенія, и положеніе о крестьянахъ, пробиваясь чрезъ всѣ препоны и извороты, обильно нагоняемые его противниками и предателями-друзьями, стройно подвигалось впередъ, съ ужасающею для поляковъ быстротою. Идея, первоначально высказанная ГОСУДАРЕМЪ, приводилась въ точное исполненіе. Крестьянинъ получалъ личную свободу, съ такимъ ему предоставляемымъ *надѣломъ*, что ни въ какомъ случаѣ ему не могло угрожать, вмѣсто фактическаго, новое искусственное рабство, а вмѣстѣ съ тѣмъ право собственности и пользованіе землею были сохранены; трудъ, сбереженіе и способности увидѣли въ правительствѣ охраненіе, при которомъ только возможно правильное развитіе общественнаго благоденствія. Полякамъ было желательно легальными изворотами создать новый видъ рабства для хозяйства пановъ, а въ Россіи, поддерживая стремленія коммунизма, разрушить государственнй строй. Это объясняетъ почему иной полякъ, съ польскою легальностью, *красный* въ Россіи, обращался въ ретиваго *блага* подъ роднымъ небомъ, на родной почвѣ. Мудрыя мѣры правительства, прежде даже, нежели земледѣльческое хозяйство

успѣло примѣниться къ новымъ законоположеніямъ, измѣнившимъ вѣковой обычай, были оцѣнены даже *крѣпостниками*,—слово, пущенное въ ходъ, на потѣху герценистовъ, однимъ изъ *братьевъ столбовъ великаго будованія*, на русской землѣ питаемыхъ русскимъ хлѣбомъ. Потомство вполне оцѣнитъ слова министра внутреннихъ дѣлъ (*): „Для высшаго правительства въ настоящемъ случаѣ другое затрудненіе,—это устранить пагубное дѣйствіе *крайнихъ и преувеличенныхъ* мнѣній, выражающихся въ ту или другую сторону.“ *Варшавское агрономическое общество* арпагоновскимъ своимъ лепетомъ и *Колоколъ*, ехиднымъ своимъ шипѣніемъ, не заглушили звонкой, звучной пѣсни къ новой жизни призваннаго русскаго народа. Крестьянскій вопросъ былъ жизненный для Ламберова отеля; съ трепетомъ въ сердцѣ помѣщики царства Польскаго и Западной Россіи, слѣдя тайными каналами за работами по крестьянскому вопросу въ С.-Петербургѣ, тревожно ожидали его разрѣшенія. Быстрота веденія дѣла служила очевиднымъ укоромъ хвастливымъ провозглашеніямъ польской интеллигенціи, которая, не смотря на все панское желаніе предупредить правительство, не могла привести агрономическое общество ни къ какому положительному рѣшенію, хотя въ немъ и предсѣдательствовалъ графъ *Андрей Замойскій*, представитель Ламберова отеля въ Варшавѣ и племянникъ князя *Адама Чарторыйскаго*. Въ то же время дворянство въ Сѣверо-западной Россіи, видя, что вопросъ на канунѣ рѣшенія, хотѣли задержать его во чтобы то ни стало прямыми и окольными путями. „Вы склонили дворянъ литовскихъ губерній приступить къ коренному улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ,“ писалъ министръ внутреннихъ дѣлъ *Ланской* къ генераль-губернатору В. И. Назимову въ Вильну, 21 января 1861 года. Въ продолженіи трехъ лѣтъ, открыта была полная возможность каждому официальному и частному лицу высказаться по вопросу, приковавшему къ себѣ общее вниманіе. Представители помѣстнаго дворянства воспользовались, какъ и слѣдовало, этимъ правомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ... Нѣтъ недостатка въ мѣстныхъ данныхъ и указаніяхъ; такого обилія матеріаловъ, изъ коихъ многіе отличаются несомнѣнными достоинствами и отчетливостью, едва ли было когда нибудь собрано у насъ при обсужденіи законодательнаго вопроса.

(*) Отношеніе къ виленскому генераль-губернатору отъ 11-го января 1861 года.

Министръ сообщалъ, что, допустивъ непосредственныя сношенія дворянскихъ предводителей по дѣлу, *получившему законодательный ходъ, нѣтъ достаточнаго основанія недопускать тою же и по всѣмъ другимъ губерніямъ*, что окончательное Царское слово положить конецъ всѣмъ разномысліямъ, и изъяслялъ свое удивленіе на заявленія предводителями дворянства о необходимости *тщательнаго и всесторонняго обсужденія* составленнаго проекта и *тѣмъ и бездоказательныя* порицанія, а еще болѣе *недовѣріе* къ сужденіямъ главнаго комитета и государственнаго совѣта потому только, что въ средѣ ихъ нѣтъ литовскихъ помѣщиковъ. Самое ожесточенное нападеніе направлено противу сохраненія крестьянамъ постоянного наслѣдственнаго пользованія ихъ участками, тогда какъ съ самаго начала предпринятой реформы, еще при первоначальныхъ сужденіяхъ, правительство имѣло всегда въ виду оставить крестьянамъ *постоянное* пользованіе землею. Въ концѣ министръ заявляетъ также свое удивленіе, что Ковенскій предводитель дворянства ссылается постоянно на такіе документы, *которые даже не могли быть ему извѣстны*, ибо назначались для высшихъ правительственныхъ лицъ.

Для польской sprawy, дипломатическія вѣсти Ламберова отеля были ободрительны, а приходившія изъ Петербурга были отчаянныя. Паны подали руку *краснымъ*, графъ Андрей Замойскій съ агрономическимъ обществомъ, вышелъ на улицу; барскіе конюхи нанимали охотницъ увеличить толпы черни, стонямыя *красными*, и въ февралѣ грозныя демонстраціи разлились по улицамъ Варшавы, но комбинаціи оказались несостоятельными, — 19-го февраля 1861 года указъ объ освобожденіи крестьянъ былъ подписанъ. Новая эра наступила для Россіи, послѣ уничтоженія уніи (1839 г.) это былъ первый ударъ, отъ котораго посыпались груды обломковъ великаго будованія. Демонстраціями и быстрыми приготовлениями къ мятежу оставалось не допустить примѣненіе царскаго указа въ Западной Россіи, оградить отъ его распространенія царство Польское.

Пока Ламберовъ отель велъ свое дѣло широкою тропкою изъ извилистыхъ дорожекъ, всюду прокладывая путь къ торопливому ополчиванію Западной Россіи, *Мирславскій* не сидѣлъ сложа руки. Истинъ сынъ имъ воспѣваемой шляхты, пропитанный чванствомъ до плоти и костей, безконечно наглый, безконечно дерзкій, изворотливый и хитрый, хвастунъ и балагуръ, пролазъ, въ крамоль-

ной кожѣ польскаго шляхтича, *Ноздревъ* безъ личной отваги, — *Мьрославскій* не переставалъ себя величать диктаторомъ Польши. Послѣ всѣхъ подвиговъ сороковыхъ годовъ, при брани туземцевъ и неудачахъ эмиграціи, его значеніе стало меркнуть между польскими выходцами; но онъ не изъ числа людей упадающихъ духомъ, онъ взвѣсилъ свои шансы, началъ работать на собственную руку и находчиво себѣ составилъ новое положеніе, независимѣе и самостоятельнѣе прежняго.

Эмиграція 1831 года старѣлась, *Мьрославскій* понялъ, что старые бойцы уже не люди для дѣйствія; онъ обратился къ юношамъ, легче увлекаемымъ, легче подзадориваемымъ. Извѣстные ему каналы централизаціи ему послужили для проведенія своихъ плановъ; онъ ударился въ литературу, обильно распространялъ вездѣ, гдѣ гнѣздилась польская молодежь, свои рѣчи *листопадовы*; (*) въ своихъ сочиненіяхъ сарказмами разилъ аристократію, на посмѣище выставлялъ ихъ продѣлки, бичевалъ своихъ враговъ; какъ завистниковъ, клеветниковъ, шпіоновъ, продавцевъ ойчизны, онъ отдавалъ противниковъ на судъ польской публики; а самъ, рисуясь величайшимъ патріотомъ, самоотверженнымъ защитникомъ ойчизны, превозносилъ доблести польской націи, ея высокую врожденную интеллигенцію, льстилъ молодежи и игралъ на струнахъ тщеславія старыхъ отдаленныхъ приверженцевъ; онъ пародировалъ своими сношеніями съ революціонными знаменитостями, и затмѣніемъ значенія централизаціи, ловко сосредоточилъ въ своихъ рукахъ ея связи и сношенія. Такъ, петербургскіе столбы польской sprawy, студенты сороковыхъ годовъ, бредили *Мьрославскимъ* и его именемъ чаровали своихъ новобранцевъ. Его приверженцы (*Мьрославчики*), воспользовавшись амнистією, вербовали ему молодыхъ приверженцевъ между туземцами, разсѣвали его сочиненія и воззванія въ учебныхъ заведеніяхъ, а между простолюдинами пускали его имя, идеализируя *Мьрославскаго* какимъ то святымъ мученикомъ, томящимся въ изгнаніи, вдали молящимся Ченстоховской Божіей Матери за спасеніе польскаго народа. Молодежь, кинувшаяся путешествовать за границу, возвращалась очарованною диктаторомъ. На его призывъ стекались молодые бойцы въ легіоны *Гарибальди*.

(*) Собраніе рѣчей, имъ произнесенныхъ въ годовщины ноябрскаго возстанія 1830 года.

Мьрославскій, вмѣсто охладѣвшаго къ нему демократическаго товарищества, утратившаго свое значеніе съ высылкою централизаціи изъ Франціи и свою численную силу амнистіею (*), составилъ въ 1859 году новое общество *товарищества польской молодежи*, и имъ онъ заправлялъ безотчетно, безъ всякихъ совѣтовъ, безъ централизацій и сотоварищей въ управленіи; *Мьрославскій* поднялъ знамя новой партіи, въ которой Польша должна была видѣть своихъ будущихъ избавителей. Онъ взялъ на себя приготовить къ военному дѣлу будущихъ бойцевъ, чрезъ *Гарибальди* добылъ помѣщеніе для заведенія польской военной школы въ Генуѣ, въ которую поступило около 150 человекъ изъ волонтеровъ, служившихъ у *Гарибальди*, а остальные члены новаго товарищества, кто былъ по богаче, съ самимъ *диктаторомъ* проживали въ Парижѣ, и тамъ, въ такъ называемой, „*польской читальни*“, предполагалось давать тоже военное образованіе.

Съ вызовомъ волонтеровъ къ *Гарибальди*, которые по польскимъ планамъ явятся изъ Италіи въ авангардъ избавителей Польши, оскудѣвшіе финансы диктатора, по выходѣ его изъ централизаціи, стали быстро приходить въ самое цвѣтущее положеніе. *Мьрославчики* принялись за весьма доходное ремесло — собирателей складчинъ на польскіе легіоны. На его воззванія тысячи летѣли къ нему отъ всего шляхетства туземнаго и изъ Россіи съ такою щедростію, что скоро *Мьрославскій* сталъ считать приходъ уже сотнями тысячъ. *Мьрославскій* зажилъ бариномъ въ *hotel du Maroc* въ квартирѣ *Куржины*, воспитанника, бѣжавшаго изъ высшей варшавской школы, парня лѣтъ 25, который былъ его помощникомъ, секретаремъ, кассиромъ. Расходы *Мьрославскаго* были: на содержаніе *читальни*, на польскую школу въ Италіи, а капиталъ, имъ собираемый на военныя издержки къ будущему мятежу, онъ назвалъ *железнымъ*. Онъ общитывалъ и читальню и школу, а *железный капиталъ* исчезъ въ неизвѣстности. Диктаторъ завелъ свою администрацію, своихъ агентовъ, свои сношенія; изъ Парижа онъ управлялъ всѣми уличными беспорядками Варшавы, получалъ отчеты въ расходахъ на произведенныя манифестаціи, на жалованье снятыхъ съ мѣсть разгульных пригодныхъ ремесленниковъ, посылалъ инструкціи и воспользовавшись тѣмъ, что

(*) Заграницею оставалось не болѣе 300 чел. и менѣе половины членовъ проживали во Франціи.

въ агрономическомъ обществѣ, въ виду устрашающаго указа, заговорили о необходимости дать надѣлъ крестьянамъ, *Миро-славскій*, думая пановъ поймать въ западную, принялъ это за *фактъ совершившійся* и написалъ цѣлую инструкцію для предстоящихъ дѣйствій.

„Надѣлъ крестьянъ, принятый агрономическимъ обществомъ, долженъ служить точкою исхода мѣрамъ, принимаемымъ къ народному возстанію и должно воспользоваться массами, которыя этимъ пригоднымъ рѣшеніемъ получили землю въ полную и вѣчную собственность, какъ основаніе національнаго возрожденія Польши. Дабы правительство согласилось, чтобы это постановленіе изъ Варшавы было распространено на всѣ провинціи, помѣщики Литвы и Руси должны немедленно послать въ Петербургъ депутацію, которая соединилась бы съ варшавскою и слѣпо ей подчинялась.

„Если бы Царь, хотя это и трудно предположить, прямо согласился на всѣ требованія, то немедленно пустить слухъ, что онъ былъ напуганъ и подчинился приказаніямъ Варшавы.

„Устроить при этомъ случаѣ національныя торжества, шумныя и многочисленныя народныя сборища, которыми бы руководила мелкая шляхта.

„Въ промежутки должно заблаговременно готовиться и готовить населеніе въ постоянномъ ожиданіи внезапной войны.

„Возстаніе должно быть произведено слѣдующимъ образомъ: массы сельскаго населенія, подготовленныя *экономическими волненіями*, которыя должны тому предшествовать, вооруженны всѣмъ, что имѣютъ подъ рукою, но непременно подъ начальствомъ дворянства, со всѣхъ сторонъ устремляются къ уѣздному городу, истребляютъ неожиданными атаками гарнизонъ притѣснителей, баррикадируютъ улицы и проч.

Примѣч. При нынѣшнемъ положеніи, народъ не долженъ допустить ни рекрутскаго набора, ни насильственнаго вооруженія.

„Варшавскій *капитулъ* обязанъ занимать вниманіе Европы журнальными корреспонденціями и депутаціями, высылаемыми къ правительствамъ Франціи и Англіи.“

„Съ одной стороны должно возбуждать въ западныхъ массахъ постоянную лихорадку, ожиданіемъ безпрестанно усиливающихся народныхъ манифестацій, жизненностью поляковъ и русскаго безсилія. Для этой цѣли необходимо посылать во всѣ журналы нѣмецкіе, французскіе, англійскіе и италіанскіе сообщенія, а въ

случаѣ недостатка и выдуманія — о волненіяхъ, которыя въ Россіи распатываютъ царскую власть, увѣдомлять о расприхъ серьезныхъ и неопровержимыхъ, какъ бы возникшихъ между крестьянами, боярами и чиновниками, и съ особенною настойчивостью упоминать объ изнеможеніи финансовомъ, военномъ и административномъ, о *мстительномъ и всеразрушающемъ* влияніи поляковъ на этотъ механизмъ, созданный Петромъ Великимъ и нынѣ разваливающимся.

„Необходимо убѣдить вселенную, что могущество Царя можетъ быть сокрушено только поляками.

„Съ другой стороны, сильно надоѣдать правительствамъ Франціи и Англіи, доставляя имъ изъ Варшавы, для этой цѣли, жалобы *фабрикованныя*, будто бы посылаемыя въ Петербургъ и тамъ оставленныя безъ вниманія. Должно замѣтить, что эти депутаціи сначала никакого удовлетворенія не получаютъ, но отъ этого наше усердіе не должно остывать, потому что наша главная цѣль — компрометтировать Россію и кромѣ того добыть причины жаловаться на эти правительства за ихъ къ намъ равнодушіе.

„Сообщаемъ конфиденціально нашимъ согражданамъ, что эти совѣты намъ были даны людьми, которые хорошо знакомы съ политикою тюльерійскаго кабинета и которые намъ указывали на италянцевъ, въ нѣсколько лѣтъ, патріотическимъ наставленіемъ, достигшихъ устраненія всѣхъ дипломатическихъ преградъ, и убѣдившихъ императора французовъ исполнить то, что онъ никогда не думалъ и не хотѣлъ дѣлать и, волею — неволею, заставили французское правительство помочь имъ къ возстановленію Италіи. Но да сохранитъ насъ Богъ употребить на это дѣло эмигрантовъ; это было бы дать западнымъ правительствамъ, мало симпатизирующимъ польскому движенію, наилучшее средство устранить отъ этого движенія. Особенно должно избѣгать интригановъ Ламберова отеля, которые кинули родину, и которые совершенно износились, натирая переднія заграничныхъ министерствъ и служить посмѣищемъ всѣхъ мало къ намъ расположенныхъ.

„Національные эмиссары должны избѣгать слишкомъ частыхъ посѣщеній тюльерійскаго дворца, гдѣ они легко могутъ быть разгаданы; напротивъ того они должны болѣе держаться Палей-рояля, гдѣ они могутъ быть увѣрены, что найдутъ всевозможную поддержку и нужныя свѣдѣнія. Депутатъ G. L. M. можетъ доставить имъ всѣ къ тому необходимыя инструкціи и объясненія.

„Повторяемъ, что эти депутаціи не должны болѣе ничего ожидать отъ приносимыхъ жалобъ, какъ только проложенія дороги къ будущему сближенію между Западомъ и возставшею Польшей и запугать тѣмъ русскихъ и нѣмцевъ опасеніемъ, что правительства Франціи, Англіи и Италіи въ тайныхъ сношеніяхъ съ польскимъ движеніемъ.“

„Мы должны довольствоваться тѣмъ, что всякая варшавская манифестація къ намъ приближаетъ италіанцевъ, венгерцевъ и всѣ національности, которыя ищутъ расторженія австрійскихъ цѣпей.“ Въ этомъ отношеніи существуетъ полное соглашеніе между Мѣро-славскимъ, Гарибальди и Кланкоу.“

Мырославскій готовилъ новый мятежъ и новую борьбу; онъ старался поднять духъ націи и нравственныя ея силы, старался поднять ее въ глазахъ Европы и распалять страсти къ предпріимчивости и отвагѣ между польскою молодежью. Идеализировавъ навісную Рѣчь Посполитую, онъ пишетъ: „Въ московскомъ войскѣ русскій командуетъ, а полякъ *начальствуетъ*.“ Тщетно царь Николай рѣшилъ послѣ 1831 г. производство въ чины сдѣлать недоступнымъ для поляковъ въ его арміи; онъ не могъ безъ нихъ обойтись. Всякій полякъ—студентъ или подмастерье, лакей или чиновникъ, писецъ или прикащикъ, приговоренный къ военной службѣ, всегда знаетъ что, въ короткое время, онъ сдѣлается необходимѣе всѣхъ боярскихъ сыновей. Намъ рассказывалъ одинъ офицеръ, что предъ экспедиціею Перовскаго, всѣ поляки въ томъ краѣ были созваны въ Оренбургъ: сосланные, солдаты, даже случайно тамъ пребывавшіе, чтобы ихъ распределить въ войска инженерами, адъютантами, топографами и т. п. Довѣренность генараловъ и войскъ къ ихъ энциклопедической непогрѣшимости была такъ велика, что никто не заботился о потеряхъ арміи.....“

Герцену предстоила другая цѣль; и *Колоколъ* дѣйствительно проводилъ, что „у насъ все позади отвратительно гадко“, а для изображенія настоящаго, его страницы пестрѣли всякаго рода дразнами. Щеголяя разнообразіемъ, *Колоколъ*, изъ политико-соціально-философическихъ декретовъ, обратился въ помойную яму всякихъ силетень. Если кому либо нужно было кинуть грязью въ кого нибудь, ему въ Россіи не достигаемаго, то онъ могъ смѣло обращаться въ *Колоколъ*; его столбцы были открыты для всѣхъ мерзостей, клеветъ, лакейскихъ разсказовъ, ему сообщаемыхъ его

корреспондентами; даже наглая ложь была такъ дорога *Герцену*, что, для помѣщенія подобныхъ извѣстій, онъ придумалъ особую рубрику: „Правда ли?“ *Герценъ* былъ увѣренъ, что всегда найдется такой нравственно или физически нечесаный и немытый, который повѣритъ и за удовольствіе себѣ поставитъ пересказать знакомымъ о томъ, что онъ вычиталъ въ *Колоколѣ*. Изъ *Колокола* русская публика могла узнать, какой городничій съ какою коротко знакомъ дамою; ничѣмъ не брезгалъ *Герценъ*, чтобы найти читателей, образовать ихъ на свой ладъ, развращать понятія и вкусъ русскаго общества, кормить его всякими нахальными мерзостями, уничтожать всякія основанія о долгѣ и чести, — и все подъ видомъ неуспѣшныхъ заботъ о блистательной его будущности. Современные статьи *Колокола* свидѣтельствуютъ что *Герценъ* твердо изучилъ выше приведенную инструкцію *Мирославскаго* и слѣпо руководствовался тѣми ея мѣрами, которыя для себя считалъ пригодными. *Колоколъ* былъ ничто иное какъ искусная мистификація русскаго люда и особенно русской молодежи. А было время, когда *Колоколъ* былъ въ модѣ. Пользуясь настроеніемъ общества, когда послѣ Крымской войны, уязвленное народное чувство искало причинъ нашей неудачи, *Герценъ* своеобразно началъ указывать наши недостатки и, при первыхъ успѣхахъ, ставъ на ходули, взялся быть руководителемъ русскаго общества; нѣкоторые люди хвастали *герценизмомъ*, нашлись сообщники, подражатели и ослѣпленные орудія; поляки не зѣвали, подзадоривали, наущали. Нашлись писатели, которые, считая строчки и листы, услужливые требованіямъ сочувствовавшихъ *Герцену* журнальныхъ изданій, ругали съ плеча не только наше настоящее, но, вторгаясь въ завѣтные архивы, искали въ нихъ только то, что можно было бы выставить скандальчиками; историческая литература запестрѣла историческими сплетнями; *Герценизмъ* хотѣлъ отнять даже народное наше достояніе, наше прошедшее; мужей, которыми гордится русская земля, подымали изъ могилъ, не для того, чтобы изслѣдовать ихъ дѣянія, для назиданія современникамъ, а чтобы глумиться надъ дѣятелями, создавшими славу Россіи. Этотъ потокъ увлекъ неоперившихся въ знаніяхъ юношей, которые, съ знаніями школьниковъ, судили и радили по увлеченіямъ, необузданнымъ ни наукою, ни положительною думою; онъ вывелъ на свѣтъ безбородыхъ и нечесаныхъ, не вѣсть откуда появившихся сотрудниковъ новой, такъ названной, *изобличительной* литературы и,

прискорбно вспомнить, что поддались этому одуренію и мужи, посѣдѣвшіе въ наукѣ, которые точно торопились отречься отъ своихъ точно прежнихъ убѣжденій.

Грустные слѣды на русской литературѣ; грустныя воспомина-нія тогдашней жизни оставили послѣ себя два союзника чадъ полонизма и *смада герценизма*. Хороши были тѣ гражданскія добродѣтели, которыя *Колоколъ* навѣвалъ на русскую землю.

Г Л А В А 13-я.

Ламберовъ отель и общество польской молодежи—Хлопоты старой эмиграціи ввязаться въ дѣло—Временная коммиссія—Временный комитетъ—Маркизь Велепольскій—Комитетъ соединенія—Раздѣлъ между Мѣрославскимъ и ренегатами.

По теоріи заговоровъ, послѣ достаточной пропаганды, усиленная дѣятельность всѣхъ пригодныхъ органовъ, возбуждая къ уличнымъ демонстраціямъ и манифестаціямъ, должна поставить населеніе въ явную и открытую оппозицію правительству и торопливо доводя распаденіе страстей и настроеніе толпы къ буйствамъ до наивозможно—большей степени азарта, перейти окончательно къ открытому мятежу; но эта наука, названная *Делевелемъ* наукою *заговора массъ*, не доставляла полякамъ вполне желаемыхъ результатовъ.

Два года почти длился такъ называемый манифестаціонный періодъ, апок коноводы рѣшились перейти *Рубиконъ*. Они чувствовали, что для дипломатическихъ сношеній имъ было необходимо представить залогомъ въ легкости побѣды и въ силѣ мѣстной крамолы; городское населеніе было подготовлено; но собственно масса народа, крестьяне далеко не изъявляли той же готовности; оставалось дѣйствовать на него страхомъ, терроромъ т. е. руководствоваться правиломъ польскихъ эмигрантовъ, принятымъ для производства мятежей: „съ народомъ должно обращаться суровѣе, нежели обращаются правительственныя власти“.

Существенная же причина замедленія была та, что на сцену дѣйствія предстояло выдти первымъ, самымъ творцамъ проектовъ огамечаемъ конфедеративнаго *славяно-польскаго* или *обще-славянскаго* государства, съ новымъ устроительствомъ гражданскихъ обществъ, основаннымъ на „взаимныхъ симпатіяхъ, уваженіи, согласіи, довѣ-

ренности, братствѣ, и самоотверженіи“. Но столбы *великаго будованья*—изгнанники и туземцы, ни поляки, ни къ нимъ примкнувшіе *ренегаты съ того берега*, никакъ не могли сговориться по этому предмету.

Отъ Парижа до Петербурга, отъ Лондона до Генуи, предтечею мятежа была возникавшая самая ожесточенная борьба между партіями, которая, конечно, подземно длится и понынь. Когда *власть* показалась близкою добычею, то на эту добычу, съ дружнымъ озлобленіемъ, накинулись всѣ соперники-сотрудники польской sprawy. Эта междоусобица стоитъ на первомъ планѣ въ бывшемъ мятежѣ, она была источникомъ всѣхъ *совершившихся фактовъ*, вліявшихъ на весь его ходъ. Описаніе этой борьбы принадлежитъ къ изображенію послѣднихъ польскихъ событій; мы приведемъ только нѣсколько свѣдѣній, дабы ознакомить съ этимъ періодомъ дѣятельности *польской эмиграціи* и довести ее до предполагаемаго нами времени.

Польская эмиграція, послѣ утраты въ ея рядахъ, сдѣланныхъ амнистіею, представляла множество разныхъ кружковъ, мало вліятельныхъ и физически мало способныхъ къ веденію мятежа. Вся сила сосредоточилась въ монархическомъ *Ламберовомъ отелѣ*, и въ диктаторѣ *Мирславскомъ*. *Ламберовъ отель* былъ могучъ средствами землевладѣльцевъ-туземцевъ, содѣйствіемъ клерикальных партій и своими ультрамонтанскими связями; *Мирславскій* располагалъ руками для дѣйствія, и общество *товарищества польской молодежи* приобрѣло все прежнее значеніе общества *демократическаго товарищества*. Диктаторъ *Мирславскій*, кинувъ своихъ старыхъ товарищей *централизовъ*, ко всѣмъ ударамъ, понесеннымъ *централизациею*, прибавилъ еще свой. Вербуя новыхъ сторонниковъ, онъ изъ нея сдѣлалъ пугало; онъ изобличалъ *централизацию* въ томъ, что она источникъ всѣхъ безобразныхъ принциповъ, предъ тѣми, которыхъ не устраивало ученіе коммунизма, но которыхъ онъ хотѣлъ оттянуть отъ Ламберова отеля. *Мирславскій*, предъ послѣднимъ мятежемъ, дѣйствовалъ по тойже тактикѣ, по которой дѣйствовали эмиссары централизаціи въ Галиціи, предъ мятежемъ 1846 года. Онъ, то пародировалъ Прудона, то изъ подтишка выставлялъ своего пріятеля *Высоцкаго*, человека права нерѣшительнаго и робкаго, тѣмъ яркимъ коммунистомъ, который не иначе какъ воровствомъ считаетъ чужую собственность; на дѣлѣ *Миро-*

славскій, признавая себя человекомъ политическимъ, постоянно держался своего изрѣченія, что *правда въ политикѣ — уступка* (*).

Въ то время какъ, по постановленіямъ Ламберова отеля и *Мирославскаго*, разыгрывались польскія манифестаціи въ Польшѣ и Западной Россіи, остальная эмиграція, ожидая близкій мятежъ и считая верховное руководство мятежемъ ей принадлежащимъ по праву, начала готовиться въ этомъ смыслѣ. Раздавались рѣчи, писались статьи о необходимости соединенія партій и согласіи въ дѣйствіяхъ; но къ большому удивленію польской эмиграціи, никто къ ней не обращался ни за начальствующими, ни за руководителями, ни за совѣтниками; не только она не получала донесеній, но кромѣ газетныхъ, получала одни только скудныя свѣдѣнія изъ края; мѣстныя секціи демократическаго товарищества туземцевъ обратились въ самостоятельные кружки, которые, на скорую руку, умножали свои силы новыми заговорщиками и готовили ихъ въ дѣятели; тремъ послѣднимъ центральщикамъ: Людвигу *Булевскому*, Антонію *Жабицкому* и Михаилу *Домагальскому*, нечѣмъ было наполнять свои протоколы; имъ оставалось на засѣданіяхъ только, въ дружеской бесѣдѣ, передавать о слышанныхъ ими новостяхъ. Централизація, въ сороковыхъ годахъ гремѣвшая именами *Мирославскаго*, *Ворцеля*, *Дараша*, *Гельтмана*, *Зотковскаго*, *Высоцкаго*, шумливая соперница молчаливаго Ламберова отеля, въ началѣ 1862 года исчезла; все общество *товарищества демократическаго* было уже въ разбродѣ, или, по выраженію поляковъ, „*розсызалося*“ (розвѣнзалосе).

Польская эмиграція, въ теченіи тридцати лѣтъ достигла полного убѣжденія, что она цвѣтъ и представительница польской націи. Не зная всей громадности подземныхъ новыхъ работъ ея рожденныхъ дѣятелей, эти *отцы* не догадывались, что ихъ *дѣти*, идя по ихъ стопамъ, въ своихъ замыслахъ и ихъ, старыхъ эмигрантовъ, причислили къ своимъ противникамъ, какъ поколѣніе отжившее, ни къ чему уже не способное, и только своимъ вмѣшательствомъ задерживающее дѣло. Старые эмигранты убаюкивали себя пріятными надеждами что время настаетъ имъ принять кормило власти; изъ разныхъ партій вызвались представители для начертанія согласныхъ дѣйствій и обсужденія предстоящихъ и, въ концѣ 1861 года, образовалась *временная коммиссія*, изъ 7 чле-

(*) Mensonge!—Mais savez vous se que c'est que la vérité en politique?— C'est tout bonnement la victoire. Débat pg. 38.

новъ, подъ предѣдательствомъ Леона *Чеховскаго*, съ секретаремъ *Леономъ Мазуркевичемъ*. (*) Подобная инициатива отъ личностей, игравшихъ второстепенныя роли, подстрекнула другихъ, считавшихъ себя столбами эмиграции, 12 Января 1862 года, явилось новое учреждение для согласенія дѣйствій старой эмиграции, подъ именемъ *временнаго комитета*, тоже въ составѣ семи человекъ, подъ предѣдательствомъ извѣстнаго самодура Графа Яна *Ледуховскаго*; членами были: такъ называемый патріархъ демократической партіи Янъ Непомуценъ *Яновскій*, служащій при кабинетѣ принца Наполеона Эдмундъ *Хоецкій*, Адольфъ *Крестовскій*, Янъ *Чинскій*, Эдмундъ *Карабьевичъ*; секретаремъ былъ Леонъ *Зенковичъ*. *Яновскій*, *Крестовскій* и *Зенковичъ* были прежде центральщиками.

Члены *временнаго комитета*, собравшіеся для согласованія мнѣній и проектовъ, съ трудомъ могли сговориться, а еще большаго труда стоило имъ сговориться съ временною комиссіею; даже панегиристъ эмигрантовъ, авторъ брошюры *Эмиграція Польска*, и тотъ подтверждаетъ слова подесудимыхъ: „*Временный комитетъ*, пишетъ онъ, достигъ цѣли соединенія, не безъ упорной и продолжительной борьбы (не безъ упорчивей и длугей вальки) съ временною комиссіею„.

Старые эмигранты, пребывающіе на западѣ, соединились, въ числѣ около 1400 человекъ, признали *временный комитетъ*; но не могли соединиться съ истинными, настоящими дѣятелями, которые, своими подземными путями, вели дѣло мятежа. Добыча казалась близкою и подзадоривала къ усиленной работѣ, но тѣ, у кого въ рукахъ была заговорная власть и сила, тѣ вовсе не желали къ дѣлежу допустить еще другихъ, однажды уже подѣвленныхъ столбовъ великаго будованія.

Принципы фамиліной программы, правила систематически выработанныя вѣковою тактикою *Чарторыйскихъ*, руководили Ламберовымъ отелемъ; хотя многолѣтній строитель воздушныхъ замковъ, до сих поръ усовершенствовавшій искусство интриги, князь *Адамъ* сошелъ въ могилу, но вмѣстѣ съ фамиліными традиціями, завѣщанныя имъ наставленія могли еще быть съ полнымъ успѣхомъ прямо, слѣпо примѣняемы, пока новые удары не сбили съ коленъ

(*) Остальные члены были: Руфинъ *Піотровскій*, Юліанъ *Михайловскій*, Александръ *Вамшурскій*, Игнатій *Богдановичъ* и Валентинъ *Левандовскій*.

преемника псевдо-королевской власти, его сына *Владислава* и представленнаго къ нему менторомъ графа *Владислава Замойскаго*.

Ламберовъ отель, держа бразды крамольныхъ работъ бѣлыхъ и направляя ихъ къ мятежу, вмѣстѣ съ тѣмъ отрекался отъ всякаго участія. Князь *Владиславъ* отзывался на всякія приглашенія, что онъ не хочетъ повторить опромѣтчивышагъ, (*le pas de clere*), своего отца въ 1846 году, и, посвоивъ традиціямъ и по значенію своей партіи, дая сохранить полную независимость дѣйствій, до крайности довелъ озлобленіе противниковъ открытымъ провозглашеніемъ, что онъ не признаетъ существованія ни положительнаго приготовленія къ возстанію, ни положительнаго, революціоннаго ржондоваго (правительственнаго) комитета. Подобно тому и диктаторъ *Мирославскій* отрицалъ возможность существованія какой либо заговорной силы, внѣ своего *товарищества польской молодежи*.

Наконецъ, во время предшествующее мятежу, явился третій—уже мѣстный источникъ польской дѣятельности—маркизь *Велепольскій*, прежній сторонникъ *Чарторыйскихъ*, но который, казалось, подымалъ проекты, забраккованные *Ламберовымъ отелемъ*. *Ламберовъ отель* озлобился въ свою очередь, полагая что маркизь *Велепольскій* силится образовать между туземцами русскую партію и пошелъ по давнимъ стопамъ *Чарторыйскихъ*, но вовсе не на пользу *Ламберова отеля*. Соперникъ становился со дня на день страшнѣе, и степень, до которой достигла наконецъ тревога въ *Ламберовомъ отелѣ* выясняется тѣмъ, что въ критическое для мятежа время недоумѣній о послѣдствіяхъ иноземнаго вмѣшательства, *Ламберовъ отель* сдѣлалъ отважный шагъ: на свѣтъ вылетѣли первыя строки изъ заветныхъ рукописей князя *Адама Чарторыйскаго*. *Ламберовъ отель* поручилъ самому искусному своему перу, статью, напечатанною въ Маѣ 1863 года: „*Опытъ русскаго либерализма*“ (*), предостеречь туземцевъ отъ всякихъ полюбовныхъ соглашеній съ Россією.

(*) *Essai d'un libéralisme russe* въ *Revue de deux mondes*, mai 1863 première livraison. Шарль де Мазадъ, черпая изъ рукописныхъ твореній князя *Адама*, доказываетъ изъ событій первой четверти нынѣшняго столѣтія, что въ Россіи постоянно существуетъ *старая русская партія*, съ которою, для возстановленія Польши, ничего подѣлать нельзя. *Ламберову отелю*, для силы аргументовъ, было необходимо выставить Императора Александра Павловича совершенно преданнымъ какъ полякамъ, такъ и ихъ интересамъ.

Три лица собственно стали представителями польской sprawy, въ новомъ для нея наступающемъ фазисѣ *Чарторыйскій*, *Мьрославскій* и *Велепольскій*, „три злые генія Польши,“ восклицаетъ Владиславъ *Мицкевичъ*, (*) и за тѣмъ продолжаетъ: „*Чарторыйскій* ненавидитъ *Мьрославскаго*, а *Мьрославскій* ненавидитъ *Чарторыйскаго*; оба они питаютъ непримиримую злобу къ *Велепольскому*, который обоимъ имъ платитъ тою же ненавистью.“

Но пока эти три дѣятеля, названные *Мицкевичемъ* злыми польскими геніями, раставляли по крайнему своему разумѣнью, паруса на томъ кораблѣ, который несъ судьбы Польши съ ея вѣковыми соперничествомъ, ненавистью и озлобленіемъ къ Россіи, что дѣлали другіе геніи, пребывающіе за границею? Видя, что дѣятеля ихъ оттираютъ отъ дѣла, они наступали тѣмъ съ большимъ рвеніемъ, совѣщались, обнародывали ими принимаемыя основанія, всякими тонкими ухищреніями заманивали молодежь, бѣгали за иноземнымъ милосердіемъ, выпрашивая складчины, сочиняли эксцентрическія статьи и закуная наводняли ими иностранную журналистику. Они раздували, для назиданія туземцевъ, свои заслуги, провозглашали объ огромныхъ, ими собранныхъ капиталахъ на возстаніе такъ, что и самый Варшавскій ржондъ поставили въ недоумѣнье, провозглашали о животрепещущей симпатіи, вливаемой статьями и X. и Y. и Z. въ европейскую публику и таинственно сообщали о громадномъ приобрѣтаемомъ ими дипломатическомъ вліяніи. Парижская секція, такъ называемой *Батиньольской школы*, особенно надрывалась, чтобы выказать все свое значеніе и свое патріотическое усердіе. Покровительство, которое принцъ Наполеонъ оказывалъ польской школѣ, служило конькомъ, на которомъ выѣзжала *Батиньольская школа*. Въ этому кружку принадлежали докторъ *Галензовскій*, директоръ школы, возвратившійся съ огромнымъ состояніемъ изъ Америки, а по темнымъ слухамъ, ходившимъ въ эмиграціи, присвоившій себѣ часть казны, вывезенной въ 1831 году изъ Варшавы, — *Ордема*, прежній центральщикъ, вхожій въ Пале-рояль, и котораго жена, на бывшемъ тамъ балѣ, по польскимъ извѣстіямъ, удостоилась пройти

(*) *В. Мицкевичъ*, хотѣлъ познакомить публику послѣдовательно съ дѣяніями всѣхъ этихъ трехъ личностей сочиненіемъ: „*Czartoryski, Mieroslowski et Wielopolski.*“ Доселѣ вышла только первая часть, еще въ 1863 году, о *Чарторыйскихъ*. *Мьрославскій*, откупился отъ продолженія, говорить за 30,000 франковъ.

кругъ польскаго съ Императоромъ Наполеономъ, *Хосикий*, служащій при Принцѣ Наполеонѣ, *Эльзановскій*, редакторъ польской газеты „*Przegląd pżeci polskiy*.“ Было время, но быстролетное, въ которое, казалось, партія соединились, эмигранты и туземцы, за исключеніемъ развѣ по имени самаго Ламберова отеля; тогда составилъ новый комитетъ соединенія изъ 9 членовъ: въ него поступили секретарь временной комиссіи *Мазуркевичъ*, изъ временнаго комитета графъ *Ледуховскій*, *Яновскій*, *Кристовскій*, *Карабьевичъ*, изъ батиньольскій секціи, вѣрный товарищъ *Герцена*, журналистъ *Эльзановскій*, отъ польской молодежи воспитанникъ генуезской школы Стефанъ *Бобровскій* и еще были приглашены *Иосифъ Высоцкій*, начальствовавшій въ 1849 г. легиономъ въ Венгрии, и *Антоній Жабичскій*, одинъ изъ трехъ послѣднихъ центральщиковъ. Комитетъ 12 Августа 1862 года издалъ выводъ своихъ соображеній: „Возстаніе собственными силами, это пробный камень и точка исхода нашей новой жизни. Современное настроеніе Польши и событія заявляютъ себя развитіемъ внутреннихъ силъ для добытія политической независимости, сознаніемъ этой обязанности всѣми частями нашей раздробленной ойчизны, обывательскимъ управленіемъ всѣхъ сословій и исповѣданій, вмѣстѣ съ надѣломъ крестьянъ землею.

„Демократичныя начала, во всей ихъ полнотѣ, были уже объявлены угнетенному народу. Подъ столь видимымъ штандартомъ мы обязаны всѣ соединиться и дѣйствовать; онъ указываетъ безошибочный путь къ возстановленію нашей независимости.

„Возстаніе собственными силами, такова главнѣйшая и святѣйшая обязанность народа. Собраніе и въ данный моментъ соотвѣтствующее употребленіе этихъ силъ могутъ быть достигнуты только внутреннею работою; потому краю, которому были разъяснены основанія къ его спасенію и все могущее ихъ осуществить, принадлежитъ начать и направлять приготовленія къ возстанію.

„Мы представимъ это на видъ народамъ Европы, представимъ всю святость нашей народной sprawy, ея требованія и значеніе, дабы пріобрѣсти ихъ сочувствіе и дѣятельную помощь. Имѣя въ виду эту цѣль, должно дѣйствовать на общественное мнѣніе, освѣщая его журналистикою, и на сколько возможно стараться завязать сношенія съ правительствами свободныхъ народовъ; но прежде всего намъ не нужно забывать угнетенный людъ (русскихъ); мы обязаны ему давать постоянныя доказательства непоколебимой нашей вѣры въ народную солидарность.“

Эмзановскій, для послѣдней фразы, воспользовался первою возможностью, чтобы въ первомъ декретѣ новаго подземнаго офиціальнаго польскаго міра, заявить *Герцену* свою благодарность за помѣщеніе въ декретѣ „Колокола“, отъ 15 февраля 1862 года, столь утѣшительныхъ и польской справѣ столь много обѣщавшихъ словъ: „старый императорскій міръ валится, съ нимъ вмѣстѣ валится и вся казенная Россія, дворянство, чиновничество, казенная армія, кабакъ, острогъ и казенная церковь.“ За этимъ приговоромъ, ренегаты съ того берега дагѣ постановили: „прежде всего подать руку оскорбленнымъ братьямъ полякамъ.“ Комитетъ закончиваетъ свой декретъ отъ 12 августа словами:

„Комитетъ не удовлетворитъ своему назначенію, если онъ не будетъ имѣть довѣрія своихъ товарищей по изгнанію и довѣрія всѣхъ тѣхъ мужей, которые въ угнетенномъ отечествѣ, среди тысячъ препонъ и опасностей, работаютъ къ приближенію времени избавленія ойчизны. Соотчичи и вы, товарищи по изгнанію, отъ вашего нравственнаго содѣйствія и отъ матеріальной помощи, которую вы намъ дадите, зависить успѣхъ всѣхъ нашихъ усилій.“

Въ этой кукольной комедіи, разыгрываемой польскими эмигрантами и ренегатами съ того берега, декретъ повторялъ тоже, что въ теченіи тридцати лѣтъ объявляла эмиграція; соотчичи могли узнать новаго только то, что они должны позаботиться въ польскомъ смыслѣ и о русскихъ, и что за границею образовался комитетъ, который всѣхъ ихъ принимаетъ подъ свою ближайшую опеку.

Но поляки не несли своихъ средствъ къ подножью комитета, а его члены не догадывались, что у нихъ, представителей партій, за собою партій уже не было; партіи были уже всѣ разобраны людьми въ интригѣ болѣе ловкими; члены не догадывались, что и самъ ихъ комитетъ былъ созданъ только для того, чтобы истиннымъ двигателямъ помѣрять свои силы; то былъ приступъ къ обходу одинъ другаго.

Комитетъ, пока его занимали китайскими фонарями, недоумѣвалъ, отчего власть и значеніе, какъ тѣнь, ускользали у него изъ рукъ и не только донесеній, но онъ не могъ добиться даже и какихъ нибудь положительныхъ свѣдѣній; всѣ члены полскихъ секцій, въ русской администраціи, обратились въ корреспондентовъ *Колокола*. Не по днямъ, а по часамъ, среди польской эмиграціи, росло значеніе *Герцена*, даже *Цверцякевича*, по кончинѣ централизаціи,

главный работникъ эмиграціи въ Лондонѣ, и тотъ обращался за свѣдѣніями въ редакцію *Колокола*.

Ламберовъ отель одержалъ рѣшительную побѣду въ Италіи и у себя въ Парижѣ, поведя далекими путями свои подступы. Съ возвращенія *Оуризки* изъ Познани, весною 1862 года, началась та колоссальная интрига, которая выказала все превосходство *петербургской* секціи передъ *батиньольскою*; она оттерла *Мьрославскаго* и выказала все искусство на этомъ поприщѣ *Чарторыйскихъ*. Ближайшія подробности этого дѣла мастера принадлежать самому мятежу, здѣсь скажемъ только то, что Ламберовъ отель ловко создалъ такой сумбуръ, такіе сапоги въ смятку, что, за изыятіемъ одного *Мьрославскаго*, всѣ дружно принялись на него работать, не исключая и *ренатовъ съ того берега*. Повидимому, согласно заявленію *Колокола*, они были одни, которые при своихъ связяхъ, были посвящены въ эту громадную подземную мистификацію.

Герценъ, начавъ сношенія съ европейскими геростратскими знаменитостями, какъ то: съ *Мадзини*, *Кошутомъ*, *Мьрославскимъ*, *Ледрю-Роленомъ*, *Прудномъ*, *Луи Бланомъ*, хотѣлъ примазаться къ варшавскимъ удалцамъ. *Потебня*, стоя во главѣ тамошнихъ *герценистовъ*, набираемыхъ подъ знамя „*Земля и Воля*“, примкнулъ къ *Хмьленскому*. *Хмьленскій*, промотавшійся панъ, ярый ультракрасный, трибунъ трактирный, искалъ своего значенія и опирался на имя *Мьрославскаго*, догадываясь, по событіямъ предшествовавшимъ, что у диктатора не хватитъ отваги пріѣхать въ Варшаву, ссаживать его съ предводительства разгульной, имъ набираемой ватаги. Плоды работъ *Хмьленскаго* были покушенія на жизнь сперва генерала *Лидерса*, потомъ Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя *Константина Николаевича* и наконецъ графа *Берга*.

Пока *Потебня* усердствовалъ передъ *Хмьленскимъ*, ренегаты съ того берега, ревнуя участвовать въ конспиративныхъ польскихъ работахъ, обратились къ *Мьрославскому*. *Герценъ* поручилъ дѣло *Бакунину* и, вѣроятно, предлагалъ заключить договоръ, какъ равный съ равнымъ. Но *Мьрославскій* едва ли не лучше самого *Герцена* зналъ суть герценизма въ Россіи; великій столбъ петербургской секціи *Сьраковский*, перебѣжавшій въ лагерь противниковъ, незадолго еще предъ тѣмъ былъ изъ самыхъ пламенныхъ поклонниковъ диктатора, потому его оморочить силою герценизма было трудно. *Мьрославскій* былъ слишкомъ опытенъ въ дѣлѣ мятежей и безъ

всякихъ увлеченій называль вещи по имени: работниковъ для мятежей, подзадоренныхъ философъ-мыслителей, настроенныхъ для благоденствія чловѣчества идти на баррикадные подвиги, онъ просто называль „*лигнанными героями, которыхъ должно, не теряя времени, обжечь пороховымъ огнемъ*, а герценистовъ онъ называль не болѣе какъ *молодыми людьми, совращенными польскими интриганами*.“ Произвести одновременно мятежъ въ Россіи и Польшѣ было предметомъ постоянныхъ мечтаній поляковъ, но диктаторъ вовсе не располагалъ себѣ набирать сотоварищей, а ему нужны были исполнители. *Герцену* съ компаніей было давно очень желательно покорчить изъ себя тоже людей, озабоченныхъ высшими революціонными заботами и работами, не терпящими отлагательства; теперь эта возможность для нихъ наступала, а какъ *Мьрославскій* зналъ, что чадъ, напущенный *Герценомъ*, поляки въ Россіи съумѣють раздуть далѣе и безъ него, то онъ не много и церемонился съ *Бакунинымъ*. Тутъ дѣло шло на чистоту, а не о симпатіяхъ. *Бакунинъ* не почелъ себя вправѣ подчиниться условіямъ, требуемымъ *Мьрославскимъ*, и они разошлись. *Герценовская* компанія за то отомстила и напакостила диктатору въ самое щекотливое для него время. Она напечатала въ *Courier de l'Europe*, когда была ведена горячая интрига противъ *Мьрославскаго*, что онъ въ разговорѣ съ *Бакунинымъ*, выразился что „только съ нимъ можно заключить договоръ отъ имени революціонной Россіи, а ни съ кѣмъ изъ поляковъ эмиграціи и даже туземцевъ; потому что видѣ его и его нѣсколькихъ друзей, ничего серіознаго нѣтъ, даже и въ Польшѣ.“ Для большей убѣдительности, было приложено и письмо *Мьрославскаго* къ нимъ—ренегатамъ, въ которомъ сказано: въ краѣ учрежденъ высшій совѣтъ, за его границами извѣстный только мнѣ одному, котораго я единственный представитель и отвѣтственный уполномоченный.“

Послѣ подобныхъ сношеній между проектерами федеративныхъ славянскихъ земель, трудно было рассчитывать на дальнѣйшую взаимную симпатію, довѣренность и братскую любовь. *Герценовская* компанія примкнула къ комитету соединенія и преимущественно къ членамъ батибольской секціи, уже дѣйствовавшихъ самостоятельно.

Г Л А В А 14.

Польская эмиграція во время мятежа.—Фазисы мятежа.—
Мѣрославскій и Герценъ.—Князь Владиславъ Чарторыйскій
и Шедо-Ферроти.—Заключеніе.

Ламберовъ отель одержалъ полную побѣду въ той громадной интригѣ, которая предшествовала мятежу; онъ подчинилъ своему нравственному вліянію *центральный Варшавскій комитетъ*, посадилъ своихъ людей въ *ржондъ народовый*, поставилъ своего диктатора *Ланевича* и князю Владиславу *Чарторыйскому* для польской sprawy, были ввѣрены международныя сношенія и веденіе дипломатическихъ дѣлъ народоваго ржонда, подобно тому, какъ эти обязанности были нѣкогда возложены эмиграціею на его отца, усиленными стараніями князя Адама, при началѣ ея заграничной дѣятельности.

Долго старая эмиграція не хотѣла разочароваться въ томъ, что она была ловко устранена отъ дѣла. Ей было совѣстно сознаться что мятежъ уже былъ въ полномъ ходу, а на нее смотрѣли, какъ на людей, къ нему вовсе непричастныхъ. Безъ средствъ проникнуть варшавскія тайнства, польскіе журналисты за границую ловили разныя летучія вѣсти, и наполняли свои страницы разною чушью, никакъ не подходящею къ дѣйствительному ходу дѣлъ; они создавали небывалые перевороты, сожалѣли о небывалыхъ расприхъ, соболѣзновали, а дѣйствительно бывшихъ и не подозревали.

Старымъ эмигрантамъ было очень досадно, что изъ края являлись сотни агентовъ, искавшихъ подышать безопасностью, съ разными порученіями дипломатическими и по части военныхъ снабженій, что эти агенты сорили деньгами, чванились таинственностью важныхъ на нихъ возлагаемыхъ порученій, и въ газетахъ эмиграціи являлись статьи, строго порицающія ржондъ; „этимъ вы-

сылаемымъ юношамъ, твердили они, было бы гораздо приличнѣе находиться въ рядахъ бойцевъ за родину, а для порученій ржондъ долженъ искать мужей болѣе опытныхъ, между старыми эмигрантами“. Въ видѣ офиря ржондъ исторгалъ милліоны изъ кошельковъ туземцевъ; но чѣмъ грабежъ этихъ милліоновъ становился явственнѣе, тѣмъ громче кричала эмиграція о скандалѣ, забывая то, что *дѣти* шли по стопамъ *отцевъ*.

Несторъ польской эмиграціи Янъ Непомуценъ *Яновскій* наконецъ желчнымъ письмомъ къ князю Владиславу *Чарторыйскому*, излилъ свое негодованіе, въ концѣ 1863 года, когда уже и въ царствѣ Польскомъ для митежа наступала агонія, когда въ Сѣверо-западной Россіи оставалось еще нѣсколько человѣкъ скитавшихся жандармовъ вѣшалщиковъ, и только митежъ оставался грознымъ и сильнымъ по однимъ лишь польскимъ журнальнымъ извѣстіямъ.

Въ сочиненіи Моллера, (*) находимъ отрывокъ этого письма Я. Н. *Яновскаго*, откуда помѣщенное вполнѣ и выписываемъ:

„Мнѣ остается представить вамъ, князь, нѣсколько поясненій на счетъ того что вы называете, недостаткомъ съ моей стороны уваженія къ нынѣ существующему національному правительству.

„По моему мнѣнію, что я имѣлъ уже случай высказать прежде, *достоинство всякой власти въ прямой зависимости отъ достоинства людей ею располагающихъ, а достоинство сихъ послѣднихъ зависитъ отъ достоинства ихъ дѣйствій*. По моему, изъ этого слѣдуетъ, что власть можетъ дѣйствовать удовлетворительно и полезно только при условіи ея открытаго существованія, когда она видна. Нынѣшнему ржонду недостаетъ этого настоятельнѣйшаго условія; я готовъ его сравнить съ *Консуломъ*, тѣмъ божествомъ римлянъ, которому они поклонялись въ мрачныхъ пещерахъ. Но недовѣріе, которое вселяетъ въ меня“ нынѣшній ржондъ зависитъ и отъ другихъ причинъ, между прочимъ:

1. Онъ, какъ я уже вамъ замѣтилъ, очевидно составленъ со времени распущенія центральнаго комитета, исключительно изъ личностей, даже противниковъ возстанія.

2. По нынѣ, т. е. въ теченіи семи мѣсяцевъ, онъ не хотѣлъ или не могъ вывести возстаніе изъ того положенія безсилія, которое вынуждаетъ его самаго скрываться; онъ не пользуется ни какимъ значеніемъ за границу, если даже пользуется имъ въ самой Польшѣ.

(*) Situation de la Pologne au 1-er Janvier 1865 стр. 337.

„Вамъ угодно, князь, утверждать что вся нація повинуется этому народному ржонду; къ сожалѣнію я не могу вѣрить этимъ словамъ, которыя вѣроятно проистекають отъ образа воззрѣнія совершенно противоположнаго моему. Дабы я могъ повѣрить мнѣ необходимо видѣть или знать:

а) Что театръ возстанія не уменьшается, но расширяется, охвативъ Жмудь, Литву, Волинь, Подоль и Украину.

в) Что какая нибудь часть территоріи, послѣ одиннадцати мѣсячной борьбы очищена отъ врага.

„Я вижу противное:

„Возстаніе дѣйствительно продолжается, но только на нѣсколькихъ изолированныхъ пунктахъ царства 1815 года, да и тамъ оно единственно походить, на то, будто единственная цѣль возстанія производить демонстраціи, (кидать пыль въ глаза) а не изгнаніе москалей.

„За исключеніемъ этихъ изолированныхъ пунктовъ, (*) москали по всей странѣ распространяють ужасъ и разрушеніе, они заключаютъ въ тюрьму, ссылають, вѣшаютъ и жгутъ.

„Помѣщики, и вообще шляхетство болѣе достаточное, по примѣру своихъ предковъ во всѣхъ прежнихъ возстаніяхъ, бѣгутъ за границу; землевладѣльцы были обязаны привязать сельское сословіе къ народному дѣлу съ 1831 года; а еще болѣе съ 1846; но двухъ лѣтъ еще не прошло, съ тѣхъ поръ какъ агрономическое общество, вмѣсто дароваго надѣла, торговалось съ нимъ объ условіяхъ оброка, и несчастное населеніе *не находя что возстаніе было предпринято тоже и для его выгоды (?)*, въ рѣдкихъ мѣстностяхъ ему сочувствуетъ и слегка оказываетъ ему помощь (**); таковы факты, порицающіе нынѣшній ржондъ народовой, факты которые бросаются въ глаза; потому я не могу ни довѣрять ему, ни питать къ нему глубокаго уваженія. Не знаю чѣмъ можно доказать готовность цѣлой націи ему повиноваться, на примѣръ можно ли принять за доказательства литовскіе и лифляндскіе адреса, (***) которые были обнародованы народо-

(*) Ясное указаніе до чего старой эмиграціи не сообщали ни какихъ подробностей и она должна была довольствоваться газетными извѣстіями.

(**) Т. е. добываемую терроромъ.

(***) Витебской губерніи. Дѣло идетъ объ тѣхъ контръ-адресахъ, которые литовскій псевдо-диктаторъ *Калиновскій*, приказалъ

вымъ ржондомъ въ прибавленіи къ № 10 газеты *Неподлеглиости*, присовокупляя что папа (вопреки его непогрѣшности) повидимому ищетъ нынѣ болѣе благоволенія къ Польшѣ, нежели въ минувшемъ году, (*) и что онъ приказалъ совершать за нея молебствія. Хочу вѣрить что эти адреса дѣйствительно подлинны и что они дѣйствительно скрѣплены почтенною цифрою 279,000 подписей; но они не свидѣтельствуютъ ни о дѣятельности народоваго ржонда, ни о всемогуществѣ его вліянія на націю; мы не заставимъ русскихъ бѣжать изъ Польши ни афинами, ни молебнями.

„Еслибы *ржондъ народовой* дѣйствительно былъ такъ силенъ, то не лучше ли бы онъ сдѣлалъ, если бы двинулъ противъ москалей половину ихъ подписавшихъ, хотя бы съ палками и съ вилами, при недостаткѣ ружей. Покрайней мѣрѣ, дѣйствуя такимъ образомъ, онъ заслужилъ бы передъ Польшею, выяснивъ что ему повинуются и въ тѣхъ областяхъ.

„Допуская что положеніе дѣлъ дѣйствительно таково, какъ вамъ угодно то утверждать, т. е. допуская что ржондъ народовой пользуется полною и всецѣлою довѣренностью націи, знаете ли, князь, что по моему все это доказываетъ? Это доказываетъ, что когда обстоятельства тому благопріятствовали, онъ могъ, но не хотѣлъ, поднять поголовно все населеніе (исполните рушеніе) что, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, одно только могло взять перевѣсъ надъ московскими силами, могло освободить какую нибудь часть страны, въ которой можно было бы организоваться. Польская нація обладаетъ *большими силами, нежели то предполагаютъ дипломаты.* (**) Но если народовой ржондъ

мѣстнымъ оставшимся ревнителямъ, во чтобы то настало, ему доставить, дабы парализовать за границею дѣйствіе адреса, поданнаго туземнымъ дворянствомъ Государю Императору. Въ захваченныхъ бумагахъ находится это распоряженіе *Калиновскаго*, отзывы о крайнемъ затрудненіи его исполнить, и если дѣйствительно, какъ пишетъ князь *Чарторыйскій* въ «Affaires de la Pologne», эти контръ-адрессы существуютъ, то этотъ новый подлогъ, для мистификаціи Европы, могъ быть состряпанъ только есендзами, въ чемъ убѣждаютъ подробныя свѣдѣнія о положеніи Сѣверо-западной Россіи, осенью 1863 года.

(*) Когда руковожденіе было передано краснымъ, не пользовавшимся благосклонностью Ватикана.

(**) Мнѣніе тѣми же словами высказанное *Бакунинымъ*, поступившимъ работникомъ къ *Герисну*, въ письмѣ къ *Гутри*, поступившему въ работники Ламберова отеля.

могъ то исполнить и не исполнилъ, то не слѣдуетъ ли изъ того, что у него одна только мысль утомить и исчерпать силы возстанія, и что подобно 1830 году, у нынѣшняго ржонда тоже на первомъ планѣ были иноземное вмѣшательство и иноземная помощь. Другаго вывода я не могу сдѣлать, князь, изъ всѣхъ вашихъ увѣреній.

Нынѣ подземныя работы по мятежу, выяснены вполнѣ, со всѣми подробностями его перехода чрезъ всѣ послѣдовательныя фазисы. Когда настало время польскую справу вести далѣе насилственными средствами, вести далѣе путемъ мятежа, то на практикѣ оказалась вся несостоятельность комбинацій, которыми столбы централизаціи въ безопасныхъ заграничныхъ пріютахъ, ублажали себя и своихъ сторонниковъ. *Бѣлые* берегли свои головы и свои имѣнья; посторонясь они пустили впередъ пылкихъ *красныхъ*, которыхъ они и терпѣли и готовили для этого дѣла; они вступили въ *новую партію движенія* (рухъ), которою они могли держать ихъ на возжахъ; *красные* должны были раскинуть мятежъ на возможно большее пространство, дабы предъ западными державами указать всю силу, и на дѣлѣ подтвердить завѣренія, что вся Польша и Западная Россія готовы возстать противъ русской власти. Лишь только явилась увѣренность въ *бѣлыхъ*, что вмѣшательство иностранныхъ державъ состоится, то они торопливо низвергли *красныхъ* и сами стали во главѣ; дипломатическія ноты шли, пока не разъяснилась суть мятежныхъ силъ; съ сильными ударами нанесенными крамолѣ, начали исчезать надежды на помощь иноземцевъ, *бѣлые* тотчасъ ступевались, а *краснымъ* власть тогда нераздѣльно перепала въ руки. Вожаки *красныхъ* во чтобы то ни стало, хотѣли сохранить власть въ своихъ рукахъ, и повсемѣстнымъ распространеніемъ террора, думали поднять народъ къ ополченію. Вся сила взбалмашенныхъ головъ и неопытныхъ юношей, была въ *таинственности* ржонда. При отсутствіи всякой превосходной способности, слѣпо придерживаясь теоріямъ революціонеровъ, которыя кромѣ топора, веревки и кинжала, ничего не придумали для исполненія своихъ экцентрическихъ ученій, руководители *красныхъ*, тоже жалѣя свои головы, пустили въ ходъ жандармовъ, вѣшателей. Нѣсколько тысячъ неистово ими замученныхъ жертвъ изъ туземнаго населенія, остались кровавыми памятниками теорій *централизаціи*, на русскій языкъ переложенныхъ *Колоколомъ*. Аристократическій Ламберовъ отель, безопасно сядя въ Парижѣ, вмѣстѣ съ *красными* не тѣрялъ надѣжды, что европейскія націи взмилуются надъ страданіями до отчаянія доведен-

ныхъ польскихъ патріотовъ. Князю Владиславу *Чарторыйскому* содѣйствіе къ мятежу было тѣмъ важнѣе, что по фамильной программѣ, имя *Чарторыйскаго* не должно было разставаться съ польскою крамолою. Надеялись еще до исхода мая 1863 г., и верховныя аристократическіе двигатели въ Сѣверо-западной Россіи; они взошли въ новыя сношенія съ краснымъ Варшавскимъ ржондомъ, но аресты пресѣкли дальнѣйшую ихъ дѣятельность. Правительство, испивъ чашу долготерпѣнія и видя что кроткія его мѣры польская справа принимаетъ за слабость, измѣнило систему дѣйствій и вся сила мятежа рухнула съ своихъ колоссальныхъ ходулей. Дѣйствія войскъ противъ шаекъ обратились совершенно въ охоту за дикимъ звѣремъ.

Затѣи эмиграціи дорого обошлись полякамъ и ополяченными туземцамъ. Изъ однихъ только бюджетовъ приходовъ Ламберова отеля по мятежу 1863 года, которые не могли быть скрыты, вытекаетъ крупная цифра въ 78,750,000 франковъ; а расходъ можно было набрать только на 27,144,920; итакъ 51,605,080 франковъ остались разхищенными въ рукахъ тѣхъ ревнителей польской sprawy, которые сѣумѣли быть у кормила власти и у ключей отъ собираемыхъ милліоновъ. За подавленіемъ мятежа послѣдовали скандальныя явныя распри между столбами великаго будованія, которые при дѣлѣжѣ оставленнаго мятежемъ наслѣдства, не могли разойтись полюбовно.

Конечно *Герцену* было очень досадно, что его герценисты такъ далеко отставали отъ патріотовъ поляковъ; въ нумерахъ *Колокола*, онъ хотя и печаталъ подзадоривающія увѣдомленія то о 125 франкахъ, то о 6 ф. стерлинговъ, то о 10 шиллингахъ полученныхъ въ „общій фондъ“, но съ наступленіемъ лѣта 1863 года, онъ долженъ былъ предупредить чтобы, спасающіеся изъ Россіи герценисты на него не рассчитывали и что его *касса пуста*. Бѣгство поляковъ не должно было имъ служить примѣромъ.

Мырославскій, мелькнувъ метеоромъ на польской границѣ, бѣжалъ въ безопасный Краковъ и оттуда обратно въ Парижъ; не менѣе того онъ не позволилъ себя оттереть даромъ. Ржондъ откупился отъ него, ассигновавъ ему 18 милліоновъ франковъ для вооруженія тѣхъ семи легіоновъ, каждый въ 1200 человекъ, съ которыми онъ провозглашалъ, что выгнать русскихъ изъ царства Польскаго и Западной Россіи, вооруживъ ихъ колесницами собственнаго изобрѣтенія. Эти колесницы были просто тележки на подобіе ящиковъ въ которыхъ перевозятъ бутылки съ кислыми щами; 500

кость составляли ихъ вооруженіе, а 12 человекъ, поставленные въ гнѣзды, должны были ихъ приводить въ движеніе. Въ документахъ обнародованныхъ *Мирславскимъ*, эти колесницы уподоблялись все уничтожающимъ атакамъ конницы и на приступъ идущимъ колонамъ пѣхоты. Ржондъ при разгромѣ мятежа, не доплатилъ много милліоновъ *Мирславскому*, а онъ печатно объявилъ, что князь *Чарторыйскій* и члены ржонда *народоваго*, предатели, измѣнники и грабители; за то эти въ свою очередь тоже печатно заявили что *Мирславскій* нахально, во время всего мятежа, навязывался въ распорядители и трусомъ, бѣжавъ изъ Польши, бѣзопасно пріютился окончательно въ Брюсселѣ, откуда хотѣлъ началствовать.

При той надеждѣ, которую *Герценъ* внушалъ полякамъ о своемъ могуществѣ, они все ждали за границею русской помощи; это обстоятельство давало ренегатамъ съ того берега возможность, едва ли не однимъ, имѣть точныя свѣдѣнія о составѣ и дѣйствіяхъ ржонда *народоваго*. Не преминулъ *Герценъ* указать герценистамъ высокое свое значеніе и когда какая то газета напечатала извѣстіе о составѣ таинственнаго подземнаго ржонда, перепечатанное Русскимъ Инвалидомъ, тогда *Колоколъ* съ непритворною радостью объявлялъ:

„Журналистовъ, открывшихъ кто члены зловреднаго комитета, тѣхъ же журналистовъ ждетъ еще открытіе—именно то, что члены то другіе, если не все, то *à peu près*. Вотъ сюрпризъ то будетъ.“

Истиннымъ джентельменомъ *Герценъ*, въ отвѣтъ одному поляку говорить: Вы пишете о грубомъ выраженіи въ журналѣ кн. Долгорукова противъ одного изъ вашихъ соотечественниковъ и на насъ вымѣщаете его; князь не состоитъ подъ нашей опекой. Видѣли ли вы въ *Колоколѣ*, бранныя слова? (*) Когда же русскіе, не внимали его убѣдительнѣйшимъ доводамъ о симпатіи къ полякамъ и поляки на дѣлѣ увидѣли, что *Герценъ* о силѣ имъ ведомой молодой Россіи нахвасталъ непомерно, и русскіе принялись усмирять мятежь, тогда въ безсильной злобѣ разочарованія, онъ началъ просто ругаться; русскія не черпали свои убѣжденія изъ руководящихъ статей *Колокола*, а потому на нихъ посыпались эпитеты мерзавцевъ, негодяевъ, подлыхъ и проч. и проч.

При послѣдовательномъ разборѣ номеровъ *Колокола* съ единовременно веденною конспиративною польскою интригою, нельзя не признать что *Герценъ* маскировался искусно, съ искусствомъ вель

(*) *Колоколъ* 8 Сентября 1862 года.

онъ и общую работу. Какая открывается коварная мистификація русскаго люда при сближеніи лицевой стороны *Колокола*, съ ея подкладкою, съ показаніями и перепискою польскихъ дѣятелей въ слѣдственныхныхъ дѣлахъ. Труды *Ворцеля*, варшавскаго 1830 года журналиста и десятилѣтняго впоследствии центральщика, специально назначеннаго польскою эмиграціею принять *Герцена*, подѣ ближайшую свою опеку и въ ученье, не пропали даромъ; *Герценъ* попалъ въ геніи, такъ какъ по польской интеллигенціи, основанной на іезуитско-шляхетскихъ началахъ, *сотрудники* вѣковой борьбы Польши противъ Россіи, признаются *великими геніальными благодѣтелями*; но польской интеллигенціи мы сопоставляемъ русскій смыслъ, а по русскому смыслу, мы именно людей подобныхъ *Герцену*, называемъ тѣми прилагательными, которыми онъ честитъ русскихъ, не пожелавшихъ исполнять желанія ренегатовъ съ того берега, а по крайнему своему разумію, разсудившихъ дѣло по своему.

Грозенъ былъ декретъ *Колокола* отъ 8-го Марта 1863 года. Разсерженный ренегатъ сверху до низу обругалъ всю Россію, за ея негодованіе на вспыхнувшій польскій мятежъ, на поруганіе русскаго имени и чести, за негодованіе на неистовства противъ русскихъ воиновъ; *Герценъ* обругалъ Россію за ея непослушаніе многолѣтнимъ увѣщаніямъ ренегатовъ съ того берега, быть солидарною въ дѣлѣ польской sprawy; въ декретѣ, для травли опять являются нѣмцы, для сравненія являются Стеньки Разины, камеръ-лакеи, гайдамаки; *Герценъ* новѣщаетъ что Россія—нѣмецкая Азія; ея правительство—татарское самовластіе; усмиреніе мятежа—русскими войсками производима жакерія, русскіе солдаты—падшіе звѣри, пьяные убійцы, одичалые грабители. Конечно *усмиреніе польскаго мятежа* было для *Герцена* съ его размахистою самоувѣренностью *сюрпризомъ* большимъ, нежели сюрпризъ русскихъ журналистовъ, когда участники предѣ слѣдственными комиссіями, называли истинныхъ членовъ *подземнаго ржонда*, конечно его положеніе было щекотливо на супротивъ его польскихъ друзей, которымъ онъ наобѣщалъ могучую помощь пресловутаго *герценизма*, а на дѣлѣ оправдался слишкомъ торопливо объявленный насмѣшливый отзывъ *Мырослава* о самихъ *герценистахъ*; но за то въ этомъ декретѣ, онъ грозитъ не болѣе, не менѣе, какъ тѣмъ, что настаетъ пора „*пасть Россіи*.“

Жидъ кричитъ *валтъ*, когда пьяный, имъ напоенный бѣлоруссъ у него однако отымаешь незаплоченнаго тѣленка, мошенникъ кричитъ *грабежъ*, когда хозяинъ вырываетъ вытаскиваемый изъ его

кармана кошелекъ, шулеръ пойманный съ фальшивою колодою, кричитъ караулъ, когда на его челѣ сыпятся пощечины и тычками его направляютъ къ окну, чтобы вышвернуть на мостовую изъ третьяго этажа, такъ и Герценъ неистовымъ возгласомъ оканчиваетъ свой декретъ: „Анаемы! что вы содѣлали изъ всѣхъ усилій нашихъ; все что мы лѣпили по песчинки—смыли ваши помои, унесла ваша грязь и чрезъ пятнадцать лѣтъ я снова, идя по улицѣ, боюсь чтобы не узнали что я русскій (*).“

Но чѣмъ же онъ стѣсняется? Россія конечно не заявитъ на него свои права, если ему подъ именемъ Герцена или Херцена, Искандера или даже по польскому прозвищу Сердежина угодно будетъ свою особу сопричислить ко всякой другой національности. Кляцко изъ жида прикинулся полякомъ, Утинъ изъ жида прикинулся русскимъ, почему же ему съ своими спутниками, не послѣдовать примѣру своего ученика, къ чему навязываться той націи, у которой, по понятіямъ редакторовъ Колокола, все прошедшее *отеративно* гадко, а настоящее только одна *казенщина*; кому удобнѣе подобныя метаморфозы какъ не самимъ проповѣдникамъ космополитизма и международныхъ симпатій. Чѣмъ объяснить это упорное желаніе Герцена продолжать слыть за русскаго?

Согласно заявленій Колокола, Россію составляютъ двѣ части *казенная* и *общество „Земли и Воли.“* Декретомъ 1-го Мая 1863 года, объявляя друзьямъ юношамъ новый наборъ подъ свои знамена, онъ имъ накрѣпко наказываетъ не справляться сильна ли и многочисленна ли, имъ отмѣжеванная для себя часть нашего отечества; на столбцахъ Колокола она могуча; на дѣлѣ, послѣ бѣгства Утина, ея оставшіеся представители просятъ у Литовскаго обанкротившагося ржонда, субсидіи хоть 150 руб. серебромъ, для поддержанія польскаго мятежа; на повѣрку вышло что *Мпрославскій*, этотъ enfant terrible, для своихъ враговъ, опредѣлялъ герценистовъ вѣрно.

Отрезвленные польскимъ мятежемъ, бывшіе герценисты инстинктивно поняли, что великій мистификаторъ—предатель не уступающій Шекспировскому Яго; въ лагерь *Земли и Воли*, остались только безнадежно очумленные.

Для разоблачаемаго Герцена настало время не хорошее; онъ думалъ пошлою попыткою возстановить свое значеніе между русскими его читателями и нашелъ въ Италіи, въ какомъ то Г. Мечниковъ,

(*) О чемъ шумите вы народные вѣти,
За что анаемой грозите вы Россія?

могучаго руководителя общественнымъ мнѣніемъ русскихъ (*), а чтобы снова задобрить, тоже въ немъ разочаровывавшихся его польскихъ друзей, онъ во время мятежа, на столбахъ *Колокола* помѣщалъ цѣлый рядъ польскихъ побѣдъ и подвиговъ и государственную премудрость ржонда народоваго, и рядъ поражений, бѣгства и изувѣрства русскихъ; это сливки, имъ снимаемые съ польской журналистики того времени, далеко оставляющія за собою французскіе бюллетени большой арміи 1812 года.

Предъ мятежемъ *Потембин* изъ Лондона возвратился въ Польшу съ инструкціею „собрать русскій отрядъ, сначала пристать съ нимъ къ польскому возстанію, и потомъ идти въ Россію подымать народъ,“ а по подавленіи мятежа *Колоколъ* гудѣлъ: „Проклятіе вамъ, проклятіе и если возможно — мсть.“

Послѣднимъ актомъ польской эмиграціи въ 1863 году былъ отчетъ о польскихъ дѣлахъ истекающаго года, (**) представленный въ Парижѣ княземъ Владиславомъ *Чарторыйскимъ* французскому правительству, для его назиданія по веденію польской sprawy; а для назиданія русскаго правительства, дополненіемъ къ труду *Чарторыйскаго*, вслѣдъ за нимъ въ 1864 году, вышло новое сочиненіе Г. *Шедо-Ферроти*. (***) Домогательства Ламберова отеля, проводимыя путемъ литературы остались безуспѣшными; Франція не растрогалась раздражающими картинами, представленными княземъ *Чарторыйскимъ* съ помощью *Мазада*, въ особо отпечатанныхъ экземплярахъ и Россіятакже не воспользовалась благами совѣтами для преуспѣнія Русской Имперіи, представленными *Шедо-Ферроти*, съ помощью Ламберова отеля. При грубозамаскированной обстановкѣ, Г. *Шедо-Ферроти* старается выяснитъ Россіи то, что выяснялъ покойный *Адамъ Чарторыйскій*, что для основанія благоденствія Русской Имперіи не только Польша, но и всѣмъ ея окраинамъ должно быть дано особое самостоятельное управленіе, *полная автономія*. Г. *Шедо-Ферроти* знать не хочетъ что эти окраины куплены русскою кровью и ему весьма желательно *Русскую* Имперію уподобить *Австрійской*.

(*) Подъ заглавіемъ „точка поворота“ *Колоколъ*, отъ 1-го Сентября 1863 г. въ передовой статьѣ сообщаетъ письмо изъ Флоренціи, отъ 8 Августа, отъ Л. *Мечникова*, который протестуетъ „противу ложно патріотическихъ чувствъ, заявляемыхъ официально Россіею по поводу польскаго возстанія“. Мы съ искреннею радостью, пишемъ по этому случаю *Герингу*, передаемъ первое слово проснувшейся русской совѣсти.

(**) Affaires de Pologne.

(***) Que fera-t-on de la Pologne?

Любопытна по теоріи Ламберова отеля, имъ рисуемая картина пересозданной Имперіи: „Всякій русскій, за исключеніемъ одного Императора, пишетъ *Шедо-Ферроти*, отправляясь въ Финляндію, въ Лифляндію, въ Польшу или на Кавказъ отправляется въ иностранную землю; одинъ Императоръ, только посѣщая ихъ, не перестаетъ быть въ своемъ отечествѣ, между своими дѣтьми, которыхъ передъ Богомъ и своею совѣстью, онъ обязался сдѣлать счастливыми. Пусть патріотизмъ поляковъ состоитъ въ томъ, что они любятъ только себя, патріотизмъ русскихъ, по крайней мѣрѣ сторонниковъ *Г. Каткова*, въ ненависти иностранцевъ, патріотизмъ Финляндцевъ въ желаніи удалить отъ себя русскихъ; патріотизмъ Императора Россіи, Царя Польши, Великаго Князя Финляндіи состоитъ въ томъ чтобы держать одинаково вѣсы для всѣхъ своихъ подданныхъ. Недосыгаемый духу партій и національному антагонизму, онъ не можетъ принести Польшу въ жертву крайне русской партіи“ . . .

Понятно что подобная эквилибристика весьма улыбалась Ламберову отелю и что князь Адамъ *Чарторыйскій*, надеясь на *тѣму* и *мѣлу* польскихъ дѣлъ, во время своего конспиративно-политическаго поприща, ублажалъ себя подобными мечтами; но на что рассчитывалъ *Шедо-Ферроти*, который при этихъ нонятіяхъ о русскомъ народѣ и его назначеніи, подобно *Герцену*, тоже ломится въ русскіе. Онъ выступаетъ съ такою самоувѣренностью, что врядьли онъ не былъ вполне убѣжденъ что, въ апрѣлѣ 1863 года предложивъ *отдѣлить окончательно Польшу отъ Россіи* (*) онъ новымъ своимъ твореніемъ 1864 года, замѣнить для Россіи всѣ памятники ея жизни отъ Несторовой лѣтописи до исторіи Соловьева, а народный разумъ—бреднями *Колокола*. Проводя буквально тѣже самыя идеи, которыя проводилъ князь Адамъ *Чарторыйскій*, когда находился въ русской службѣ, Ламберовъ отель именемъ *Шедо-Ферроти*, на перекоръ семидесяти лѣтнихъ проявленій *perpetuum mobile* польской конспираціи, все еще надеялся во *тѣмъ* и во *мѣлѣ* удержать польскія дѣла.

Много истинно курьозныхъ объясненій находимъ мы въ книгѣ *Шедо-Ферроти*, такъ напр. Владиславъ *Чарторыйскій* въ своемъ отчетѣ представляетъ французскому правительству, что мятежъ вспыхнулъ вслѣдствіе назначеннаго рекрутскаго набора: „Эта капля желчи, говорить онъ, заставила излиться чашѣ наполненной го-

(*) Question polonaise 1863 pg. 120:

речью.“ Конечно подобная вѣсть была рогатою для Россіи; *Шедо-Ферроти* съ изумительною недогадливостію въ 1864 году, когда уже послѣдній эмигрантъ зналъ что съ 1861 года, всякій шагъ въ Польшѣ творился по предварительнымъ совѣщаніямъ съ Парижемъ, пренаивно и почтительно пишетъ: „что князь *Чарторыйскій* высказалъ подобное заявленіе, должно особенно быть изумительно. Болѣе нежели кто нибудь, князь въ томъ положеніи, что онъ можетъ имѣть самыя точныя свѣдѣнія о происшествіяхъ въ Польшѣ, и если онъ утверждаетъ подобный фактъ, несомнѣнно ошибочный, то каждый въ правѣ себя спросить, зналъ ли онъ истину, или нарочно хотѣлъ ее извратить? Извѣстный, столь уважаемый характеръ князя *Чарторыйскаго*, не оставляетъ и тѣни сомнѣнія по этому вопросу; неспособный ни къ какой искусственной неправдѣ, онъ могъ высказать таковую, только потому что ложными извѣстіями, самъ былъ введенъ въ заблужденіе.“

Шедо-Ферроти еще наивнѣе рисуетъ характеръ польскихъ пановъ. Послѣ покушенія ^{22 Іюня}_{4 Іюля} 1862 года, сволочи *Хмьленскаго* на жизнь Его Императорскаго Высочества „болѣе 300 помѣщиковъ, пишетъ *Шедо-Ферроти* съѣхались въ Варшаву, по искреннему моему убѣжденію, съ цѣлью протестовать отъ имени польскаго дворянства противъ подобныхъ злодѣйствъ, не совмѣстимыхъ съ юрдымъ и рыцарскимъ характеромъ націи.“

Въ это время за границею рѣшался важный вопросъ о веденіи мятежа; паны медлили, совѣщались, выжидали и когда пришло рѣшеніе, пустить въ первый огонь красныхъ и имъ временно подчиниться, то вмѣсто предполагаемаго адреса, съѣхавшіеся паны написали другой къ Графу Андрею *Замойскому*, въ которомъ о злодѣйствѣ *Ярошинскаго* не упоминалось ни слова; но они поручали Графу *Замойскому* представить между прочимъ Его Высочеству: „Мы поляки и потому можемъ поддерживать правительство только когда оно будетъ польское и когда всѣ области, которыя составляютъ нашу ойчизну, будущъ соединены и будутъ пользоваться конституціею и свободными учрежденіями.“

Чему же приписываетъ *Шедо-Ферроти* это измѣненіе въ первоначальныхъ намѣреніяхъ польскихъ пановъ? Преизбытку (exubérance), личной храбрости, подчиненной вліянію общественнаго мнѣнія. „Между членами собранія, людьми испытанной храбрости, людьми изъ стали и гранита, говоритъ онъ, не нашлось ни одного, который могъ

бы устоять предъ руководителями *блмыхъ*, требовавшихъ подписи адреса или предъ насмѣшливымъ взглядомъ женщинъ, преслѣдовавшихъ осторожныхъ и нерѣшительныхъ.“

Книга Шедо-Ферроти, заключаая нами разсматриваемую дѣятельность польскихъ эмигрантовъ въ послѣднемъ мятежѣ, довершаетъ и тотъ *общій характеръ*, который постояннымъ спутникомъ сопровождаетъ *интриги польской sprawy*. Сводъ собранныхъ свѣдѣній о *perpetuum mobile* ксендзовско-шляхетской конспиративной дѣятельности представляетъ собою, какъ бы анатомическимъ ножомъ вскрытый трупъ и глазамъ наблюдателя представляются дѣйствовавшіе нервы и мускулы. Начиная съ 1802 года, при переходѣ отъ одного факта къ другому, являются постоянно ожесточенныя нападки на лица, на распоряженія, на проявленія русской жизни, если они являлись вредными *польской справѣ*, съ цѣлью ввести какъ правительство, такъ и общественное мнѣніе Европы и Россіи въ заблужденіе; нападки были тѣмъ болѣе настойчивы, чѣмъ они были для нея болѣе опасны. Полякамъ трудно разстаться съ убѣжденіемъ, что *тыма и мла* польскихъ дѣлъ уже рассеялись, несмотря на то, что правительство своими рѣшеніями имъ доказало, что предъ нимъ польскій вопросъ уже вполне выяснился.

Пока предъ высшимъ правительствомъ польскія дѣла были *во тьмѣ и во млѣ*, польская интрига работала между вліятельными личностями, и достигала въ теченіи четырехъ предшествовавшихъ царствованій того, что самыя рациональныя мѣры правительства не приводили къ цѣли, оставаясь мертвою буквою, парализованныя русскимъ ослѣпленнымъ добродушіемъ или другими свойствами ближайшихъ исполнителей, которые большею частью были поляки. Правительство, однажды раскрывъ истинное положеніе вещей убѣдилось, что польскія дѣла требуютъ особаго наблюденія въ точномъ и энергическомъ исполненіи; русскіе люди, всегда готовые содѣйствовать дѣлу родины, сами кинулись, для сознательнаго исполненія, къ изученію польскихъ дѣлъ; инстинктивно русскіе люди чувствовали, что крамола кроется въ громадныхъ размахѣхъ, но труденъ былъ путь къ широкому доступу въ этотъ *тьмоу и млоу* прикрываемый, точно заколдованный кругъ; русская журналистика явилась тогда полезнѣйшимъ подспоріемъ.

Польская эмиграція увидѣла грозу и торопливо хотѣла предупредить опасность, пустивъ въ ходъ своихъ работниковъ, пригодныхъ для этого дѣла; накинута на нее *Герценъ* со всѣмъ

своимъ острословіемъ и бранью. Имѣя постоянно въ виду сбить съ толку русское юношество, сбить съ пути долга членовъ русской семьи, *Герценъ* употреблялъ *туже страпачему*, которую поляки употребляли въ офицерскихъ кружкахъ, чтобы молодыхъ русскихъ своихъ товарищей, сдѣлать солидарными съ своими польскими затѣями. Они обрабатывали въ нихъ впечатленія, вынесенныя со школьной скамьи, что выдать наставникамъ провинившихся товарищей, въ школахъ почитается шпионствомъ; пока мятежъ не выяснилъ дѣло, они имѣли временной успѣхъ среди молодыхъ людей, не утвердившихся еще въ понятіяхъ, что съ эполетами, они стали гражданами русской земли, а правительство не сословіе воспитателей надъ недорослями. Поляки силились притупить то понятіе, что ревнители польской sprawy, работавшіе къ ниспроверженію общественнаго спокойствія и государственнаго строя, готовившіе кровопролитіе и разореніе, всю гибель мятежей, враги отечества; истинный русскій съ незатемненными польскою интеллигенціею понятіями долга гражданина, конечно несравненно строже смотритъ на нихъ, какъ на поджигателей, убійцъ, грабителей и такихъ преступниковъ, которыхъ каждый честный человѣкъ спѣшитъ указать властямъ, дабы избавить отъ нихъ общество; но такія понятія не были пригодны ни полякамъ, ни *Герцену*, и онъ доводами подобными польскимъ, старался уронить въ общественномъ мнѣніи русскую журналистику, разоблачавшую и источники и ревнителей гибельной крамольной дѣятельности *польской sprawy*. *Герценъ* выставилъ ее *казенною*, и бранью разражался противъ враждебныхъ ему редакторовъ, разрабатывавшихъ польскія событія; всякія унизительныя сравненія на страницахъ *Колокола*, могли найдти всѣ вносившіе свѣтъ во *тмѹ и мѹ* польскихъ дѣлъ, со стороны самаго пламеннаго на словахъ поборника свободы слова.

Съ такимъ же озлобленіемъ противъ русской журналистики выступаетъ и *Шедо-Ферроти*; но со всѣми дипломатическими приѣмами *Ламберова* отеля, который ублажалъ себя надеждою, что путемъ *Шедо-Ферроти*, онъ станетъ руководителемъ высшего русскаго общества. Онъ высказываетъ, что русская журналистика не имѣетъ ни *корня*, ни *отголоска въ массахъ*, и также что общественное мнѣніе не оказываетъ никакого или самое ничтожное вліяніе на журналистику, и вообще что въ *Россіи* общественное мнѣніе еще сидитъ на азбукѣ.

Г. *Шедо-Ферроти* силясь этимъ путемъ доказать всю од-

носторонность и ничтожность влияния журналистики на течение дѣлъ въ Россіи, посвящаетъ однако двѣ трети своего сочиненія истинному предмету своего труда. Русская журналистика для польской sprawy стала вопросомъ не меньшей важности нежели событія столь нѣкогда ее тревожившія, какъ напр. переселеніе шляхты, проводимое *Державинымъ*; конфискація имѣній пановъ землевладѣльцевъ изобличенныхъ въ стремленіяхъ къ отторженію западныхъ губерній отъ Россіи, проводимая *Сперанскимъ*; уясненія *Крассовскаго*, что уніаты русскіе люди и подъ русскою властью уже не должны подлежать вѣдѣнію латинскаго духовнаго начальства; упорное невѣріе князя *Трубецкаго* въ томъ, что *Конарскій* былъ простой туристъ, а для него устраиваемыя собранія, были съѣзды случайно съѣхавшихся гостей. Ламберовъ отелъ всю свою ловкость, всю изворотливость своей интриги излилъ въ книгѣ *Шедо-Ферроти* Que-fera-t-on de la Pologne? Въ ней резюмирована вся шестидесятилѣтняя дѣятельность князя *Адама Чарторыйскаго*; книга *Шедо-Ферроти*, это усиленная попытка новаго напуска *ммы и тьмы* на польскія дѣла; но часъ пріиспѣлъ для ихъ рассеиванія; *тьма и мма* всюду тѣсными гибнутъ безвозвратно, вопреки всѣхъ усилій, диктуемыхъ поляками *Шедо-Ферроти* и *Герцену*. Сколько не печатай *Герценъ* о точкахъ поворота, но для нихъ мѣсто только на столбцахъ *Колокола*. Указъ 10 Декабря 1865 года ясно опредѣлялъ что на русской землѣ, землею можетъ владѣть только тотъ, кто въ Россіи видитъ свое отечество, а не тотъ кто жаждетъ ея ослабленія, дабы плодами русской земли упоцать иностранныхъ враговъ и заманивать ихъ гостепріимнымъ пріемомъ, по городамъ и мызамъ Западной Россіи, какъ въ 1812 году; на этихъ гостей, поляки надеялись въ 1831 и 1855 годахъ и ихъ нетерпѣливо они поджидали въ 1863. Всего забавнѣе выходитъ сравненіе отзывовъ *Шедо-Ферроти* и *Герцена* о редакторѣ Московскихъ Вѣдомостей и Русскаго Вѣстника, Г. Катковѣ. Оба работника польской sprawy признали его въ высшей степени человекомъ *зловреднымъ*, только Ламберовъ отелъ, при шестидесяти двухъ лѣтнихъ своихъ заботахъ о преуспѣяніи Русской Имперіи, заставляетъ своего присяжнаго ходатая по дѣламъ, доказывать что *Катковъ* для нея человекъ самый опасный, что онъ смотритъ на свои статьи не какъ на разъясненія *тьмы и ммы* польскихъ дѣлъ, а какъ на декреты, обязательные для правитель-

ства; а *Колоколъ* рядомъ статей изображаетъ того же *Каткова*, редакторомъ казеннымъ, закупленнымъ правительствомъ, желающимъ только выслужиться передъ нимъ и для полноты стратагемы, по теоріи столь пригодной польской справѣ — донощикомъ. Впрочемъ и поляки бѣлые и красные сходились въ желаніи только мятежа въ Россіи, и расходились во всемъ остальномъ.

Послѣ мятежа къ старой польской эмиграціи примкнула новая; *Варшавскій Дневникъ* сообщаетъ свѣдѣнія о томъ; какъ чудитъ она снова, и по видимому она пошла по дорогѣ, открытой въ 1831 году, а *Герценъ* нисходя по ея іерархіи, по доставленнымъ свѣдѣніямъ, заключилъ союзъ для согласныхъ дѣйствій, съ партією *Хмѣленскаго*, тою партією, которую во время мятежа, сами Поляки называли *кабачною*.

Многочисленные работники польской эмиграціи, при щедрости сочувствовавшихъ туземцевъ и иноземномъ милосердіи, праздно проживая за границею, ломали голову надъ разными *стратегіями* и *революціонными теоріями* и заимствовали что могли отъ заграничныхъ революціонеровъ; такъ для мятежнаго настроенія протолюдиновъ, для *науки заговора массъ*, какъ выразился *Лелевель*, отъ *Мадзини* была заимствована мысль о *воскресныхъ школахъ*, изъ Ирландіи *братства трезвости*. Особенно дѣятельны были *красные*; такъ какъ бѣлымъ перепадала власть по ихъ средствамъ, то *красные* выработали до возможной крайности теоріи коммунизма, дабы, уравнивъ все состоянія, вырвать у бѣлыхъ эти средства къ преобладанію. Прокламація диктатора *Тыссовскаго* показываютъ, что теоріи въ 1846 году были уже исполнѣны приготовлены польскою *централизациею*. Краснымъ, по изобретеннымъ ими теоріямъ, было весьма выгодно возбуждать новыя желанія въ народѣ, и указывать на кровавыя средства къ ихъ достиженію. *Централизациа* взяла на себя своими теоріями обращать повсемѣстно живущихъ поляковъ въ заговорщиковъ, съ указаніемъ имъ безопасной, легальной обстановки; и вмѣстѣ съ тѣмъ она придумала учебныя, такъ сказать, конспиративныя работы, для поляковъ, воспитанниковъ учебныхъ заведеній, съ особою конспиративною іерархією; помощью ея юноши должны были легко попадать въ искусно расставленные сѣти. Въ четырехъ приложе-

ніяхъ читатели найдутъ плоды заботъ эмиграціи о туземцахъ. Начиная съ приведенныхъ въ 6-ой главѣ прокламацій *Тыссовскаго*, мы найдемъ труды *централизаціи*, въ заботахъ *Колокола* о русскомъ народѣ; по всѣмъ частямъ, труды польской *централизаціи* нашли свое мѣсто на столбцахъ *Колокола*; они дали направленіе дѣятельности *Герцена* и снабдили его своими теоріями новаго государственнаго устройства и принципами новой политической экономіи. Только для общества трезвости *Колоколъ* не даетъ наставленій, но таковыя требовались для пановъ къ благочестивому ими готовимому мятежу, который вовсе не входилъ въ расчетъ *Польско-герценовской* *справы*, для Россіи. Готовясь къ мятежу, паны успѣли нравственно подчинить себѣ и поляковъ, учениковъ *централизаціи*, успѣли произвести въ нихъ расколъ, а ренегаты до конца остались вѣрными ея кореннымъ принципамъ, тѣмъ болѣе что того требовала и общая программа; эти остались учениками польской *централизаціи* *pur-sang*.

Всѣ теоріи, всѣ планы, всѣ стратагемы, всѣ подготовленные работы, при свѣтѣ фонарей, казались подземнымъ работникамъ весьма складно и ладно приспособленными, но лишь только они приступали къ *великому будованію*, то оно тотчасъ обращалось въ *авилонское столотвореніе*, при которомъ работники никакъ не могли сговориться; впрочемъ трудно имъ было и сговориться, ближайшія подробности мятежа 1863 года указали, что возстановленіе Польши есть такое ея возобновленіе на новый ладъ, при которомъ для равенства *каждый* требуетъ ореола почета и значенія, котораго каждый жаждалъ въ давней Польшѣ, а для свободы каждый требуетъ неподчиненіе никакой власти ограничивающей шикетское своеволие, стремленіе бывшее постояннымъ спутникомъ жизни Рѣчи посполитой. Она пала, но при *тѣмъ и мѣлѣ* польская интеллигенція свободно могла передаваться отъ одного поколѣнія другому.

Время разрѣшить вопросъ вручать ли туземцы опять свою интеллигенцію польской эмиграціи и будутъ ли снова упитываться ея литературою, декретами, рѣчами, или раставшись съ нею станутъ жить собственнымъ смысломъ. Польская эмиграція со всѣми своими партіями, дрязгами была для массы туземцевъ — *terra incognita*; непосвящаемая масса поклонялась ей, какъ далекому лучезарному свѣтилу. Конечно польское общество не въ произведеніяхъ русской печати будетъ искать свѣдѣній; оно слишкомъ про-

питано убѣжденіемъ, что русская книга, не сочувствующая польской справѣ — произведеніе *казенное*, хотя бы документы были приложены въ фотографическихъ снимкахъ; но когда станутъ изцѣляться недавнія раны, стихнетъ раздраженіе, тогда сближеніе торжественныхъ, увлекательныхъ возгласовъ польской эмиграціи съ ея дѣлами и событіями, которыхъ современники были очевидцами, не заставитъ ли ихъ серіознѣе взглянуть на сущность дѣла. Перебранка, процессы, споры и даже драки между столбами великаго будованія, съ взаимнымъ озлобленіемъ, бросаемые на потѣху журналамъ послѣ недавней неудачи мятежа, не выяснятъ ли имъ какіе люди себя провозглашаютъ *цвѣтомъ нации, старшими братьями* и какими они заражаются побужденіями въ неестественной сферѣ эмиграціи.

Время разрѣшить вопросъ незаглохшіе подъ іезуитскою интеллигенціею остатки славянской народности, вступятъ ли съ нею въ борьбу и раздавятъ ли чуждый элементъ; водвореніе русскихъ землевладѣльцевъ разобьетъ ли кругъ польской замкнутости и облегчитъ ли борьбу. *Лелвель* съ изображеніемъ всѣхъ правъ и привилегій *польскаго шляхетства*, изслѣдуя событія *Люблинской унии*, какъ бы съ удивленіемъ прибавляетъ, что русскому дворянству, подписывавшему соединеніе съ Польшею, точно *чего то было жаль*, но не это ли *жаль* безсознательно проявляется въ вырывающихся иногда возгласахъ между развитыми туземцами Сѣверо-западной Россіи.

Своеволие легло заманкою стремленій шляхетской интеллигенціи; *раздолье*, при которомъ легко дышется и легко живетъ, легло въ основаніе жизни всего русскаго народа, вопреки всѣхъ *Герценовъ* и *Шедо-Ферроти*, вопреки всѣхъ членовъ вольныхъ и невольныхъ панургова стада, вопреки современныхъ сплетенъ *Колокола*, вопреки всѣхъ іереміевскихъ плачей, нагоняемыхъ на русскую литературу. Ни русскій баринъ, ни русской простолюдинъ не выселяются на всегда, добровольно изъ Россіи; всякаго тянетъ домой раздолье русской жизни. Все утонетъ въ этомъ океанѣ. Разложеніе *Польшею Россіи* (*dissolution de la Russie par la Pologne*), какъ выражается *Мирославскій*, останется одною только польскою мечтою; не остановитъ пигмеевъ развитія мужающаго молодого могучаго народа, не извратитъ имъ его народного разума.

В.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

Къ составленному очерку о тридцати-трехъ лѣтней дѣятельности польской эмиграціи, прилагаемъ три документа и одно свѣдѣніе, изъ знамѣнательнѣйшихъ ея руководствъ для конспиративной дѣятельности туземцевъ. Недавнія событія свидѣтельствуютъ, что они имѣли огромное вліяніе, какъ на предшествовавшія обстоятельства, такъ и на самый мятежъ 1863 года; не вѣдая ихъ, сколько русскихъ людей дѣйствительно невольно могли попадать въ *панурово стадо*.

I.

Наставленія Князя Адама Чарторыйскаго къ конспиративной дѣятельности туземцевъ,

(изъ рѣчи произнесенной въ годовщину возстанія 1830 года, 17 (29) Ноября 1844 года, въ засѣданіи польскаго историко-литературнаго общества въ Парижѣ).

.....
„Четырнадцатилѣтнее скорбное изгнаніе не могло изъ нашихъ сердецъ изгладить воспоминаній; но не объ этомъ я намѣреваюсь говорить. Истинныя, и если можно такъ выразиться, практическія надежды, каковыя таятся въ груди каждого изъ насъ, питаютъ огонь высшей жизни. Открыто ихъ высказать было бы и неумѣстно и опасно; но въ моихъ мечтахъ я ничѣмъ не связанъ.....

„Въ мірѣ фантазіи, въ которой я на время васъ переносу, дозволены разныя предположенія. Мнѣ чудится, что въ Польшѣ въ разныхъ мѣстностяхъ находятся мужи съ пылкимъ сердцемъ, спокойнаго и обдуманнаго ума, неpotrясаемой твердости и неутомимой настойчивости и что эти люди, издавна чувствуютъ свое призваніе руководить своими собратьями въ своей средѣ, и пользуются между ними значеніемъ, въ своемъ повѣтѣ, воеводствѣ или цѣлой области, для святаго дѣла освобожденія всецѣлой общей ойчизны.

Это призваніе главная цѣль ихъ существованія, единственный предметъ ихъ помысловъ, стремленій, усилій и пожертвованій.

„Людей такихъ качествъ много, очень много на нашей землѣ; но при способностяхъ, которыя я въ нихъ предполагаю, таковыхъ считаю человѣкъ двадцать совершенно достаточнымъ; они равномерно размѣщенные, образуютъ тѣ *столбы для фундамента*, на которомъ должно подняться все зданіе освобожденной ойчизны.

„Великая мысль, громадное предпріятіе, начатое во имя Бога и ойчизны, чистосердечная любовь и непоколебимая твердость воли обильно и плодоносно могутъ содѣйствовать дѣлу.

„Они нападаютъ на способы и средства, которые прѣдъ другими проходятъ не замѣченными, попадаютъ на пути, доселѣ еще не проходимые, встрѣчаютъ неожиданныхъ союзниковъ, которые безсознательно (*), *въ общей работѣ являются усердными сотрудниками и помогаютъ совершенію дѣла.*

„Я мечтаю далѣе что при сообразныхъ трудахъ руководителей, во всѣ стороны они даютъ цѣлебные толчки, которыми облагораживаются нравы, упрочивается вѣра, вызываются полезныя занятія и благотѣльные учрежденія; они воздерживаютъ юношество отъ порчи нравовъ и праздности, и прививаютъ любовь къ труду; отъ нихъ исчезаютъ злоупотребленія, ребяческіе расходы; сбереженіе даетъ средства въ руку, для веденія общаго дѣла и къ накопленію наличнаго запаса въ случаѣ неожиданныхъ и, въ рѣшительныя минуты, неустраиваемыхъ потребностей. Общественное мнѣніе, съ разныхъ сторонъ похвальнымъ образомъ направляемое, усиливаетъ свое могущество, развивается и способствуетъ своей самостоятельностью желаннымъ переменамъ.

„Каждый руководитель, въ своемъ мѣстѣ пріобрѣтаетъ исподоволь довѣренность округа и личностей; онъ избираетъ способнѣйшихъ, обсуживаетъ какими способами и средствами онъ можетъ употребить каждаго; кому въ извѣстное время ему поручить какое либо дѣло, на кого возложить извѣстную роль. Руководитель создаетъ различные планы, всматривается въ событія, предусматриваетъ затрудненія, дабы по возможности избѣжать колебаній; онъ *заблаговременно обдумываетъ какъ ему поступать, при всякомъ могущемъ быть случаѣ*, и какъ въ кругѣ своей дѣятельности сохранять доброту и порядокъ. При встрѣчѣ съ способнѣй-

(*) т. е. союзники изъ панургова стада.

шимъ, онъ самъ ему добровольно подчиняется и содѣйствуетъ ему собственнымъ послушаніемъ; тѣмъ онъ подаетъ прекраснѣйшій примѣръ благоразумія и любви къ ойчизнѣ. Никто не знаетъ его помысловъ; но не менѣе того всѣ вообще болѣе или менѣе слѣдуютъ по направленію данному руководителемъ.

„Иной разъ руководитель, когда нужда заставляетъ, на нѣкоторое время, удерживаетъ и обуздываетъ слѣпое нетерпѣніе неблагоразумныхъ, которыхъ *выходки преждевременныя, не подчиненныя расчету вѣроятности полезнаго усилія, только разрушительно вторгаются на путь, уничтожая вѣрный польскія надежды.*

„Въ другой же разъ руководитель, сообразнымъ воодушевленіемъ, отрываетъ иныхъ отъ овладѣвшихъ ими опасеній равнодушія, и лѣни. Руководители должны проникать во всѣ слои, во всѣ сословія; между всѣми личностями и націями должны снискивать симпатіи, и преслѣдуя свою мысль питать и оживлять ихъ постоянными и повторяемыми сношеніями. Евреи даже, которые враждебно и вѣроломно противудѣйствовали полякамъ, перейдя на сторону гдѣ сила и золото, и тѣ начинаютъ сознавать свое заблужденіе и свою вину. Преслѣдуемые тѣми, кому они передались, они въ своихъ воспоминаніяхъ возвращаются къ Польшѣ, воспоминаютъ то, что Польша имъ нѣкогда доставляла. Ихъ тоже унесетъ потокъ духа времени; они охотно для польской sprawy примкнутъ къ другимъ жителямъ страны, при убѣжденіи что Польша имъ доставитъ болѣе огражденій, болѣе свободы и болѣе выгодъ для ихъ благосостоянія.

„Мысль о возстаніи, никогда громко не произносимая, извѣстается по всѣмъ направленіямъ, распространяется, утверждается и всюду становится преобладающею; постоянно умалчиваемая, она не менѣе того охватываетъ всѣхъ, паритъ надъ всѣми, и не даетъ никому *ни покоя, ни отдыха*; по видимому самыя обыкновенныя явленія — на дѣлѣ, послѣдствія своеобразнаго, чарующаго обаянія, животрепещущаго участія.

„Я не останавливаюсь на этомъ; я предполагаю чудеса, предполагаю дѣйствительно чудеса, и именно такіе что всѣ руководители, а потому всѣ дѣятельность сосредоточивающіе пункты, по всей странѣ, устремляются къ одной цѣли, согласно признаютъ одно и тоже средство сообразнѣйшимъ, на немъ основываются и повинуются *одной власти* слѣдуя одинаковому направленію; въ этомъ слу-

чаѣ одно стремленіе не перечить другому; одно пламя не препятствуетъ сосѣднему; всѣ въ затаенныхъ очагахъ направлены въ одну сторону, чтобы произвести общій пожаръ и тѣмъ достигнуть несомнѣннаго успѣха.

„Этимъ путемъ нація достигаетъ самоувѣренности, и убѣжденія въ своемъ высокомъ предназначеніи, и что она до него созрѣла; тогда она не исказитъ наипригоднѣйшій моментъ гибельными, преждевременными вспышками; но внимательно слѣдя за ходомъ дѣлъ, не пропустить благоприятное столкновение обстоятельствъ, и исполнѣ и достойно имъ воспользуется.

„Въ одинъ моментъ возстаетъ вся Польша, нѣтъ закоулка, который не выставилъ бы своихъ защитниковъ; изъ каждой шляхетской мызы, изъ каждой хижины, хотѣлъ бы сказать изъ каждаго куста, выходить вооруженный воинъ.

„Господь благославляетъ первыя усилія, мгновенно пресѣчены сообщенія врага, его мѣстныя власти низвергнуты, отдѣльныя части войска обезоружены, запасы захвачены.

„Со всѣхъ сторонъ атакованный пришлецъ, будетъ поставленъ въ недоумѣнне, куда направить свои дѣйствія, если одновременно будетъ поднято оружіе по общему плану одной идеи, *одной правительственной власти*, заблаговременно подготовившей движеніе и дальнѣйшее ему направленіе; тогда успѣхъ не сомнѣненъ, но это условіе трудно исполнимо, особенно между нами.

„Частныя даже неудачи воодушевляють еще къ большимъ усиліямъ. Пламя борьбы за независимость, распространяется въ смѣшеніи успѣховъ съ неудачами; но мужество и настойчивость націи сохраняють перевѣсъ. Европа, доведенная до убѣжденія, что въ насъ есть такая сила къ собственной жизни и къ самоуправленію, которую нельзя уже разрушить въ нѣсколько мѣсяцевъ (какъ въ 1831 году), выступить съ своимъ посредничествомъ и придетъ къ намъ на помощь, чтобы остановить напрасное кровопролитіе; Европа признаетъ и громко провозгласить, то что будетъ само собою исполнѣ выяснено, что Польша — нація самостоятельная и что съ той поры никому уже не принадлежитъ право, у нея оспаривать ея достигнутую самостоятельность, какъ у всякаго другаго независимаго народа.....“

II

ПОЛЬСКІЙ КАТИХИЗИСТЪ.

Въ настоящій великій часъ возрожденія нашей возлюбленной ойчизны, каждый, считающій себя ея вѣрнымъ сыномъ, обязанъ, по силамъ своимъ и средствамъ, приносить посильную лепту на алтарь отечества и поддерживать на немъ ту божественную искру, которая всегда сохраняла народъ польскій во всѣхъ его тяжкихъ бѣдствіяхъ, и приготавлиала его къ новому великому возрожденію, на погибель злостныхъ и коварныхъ враговъ.

Искра сія въ настоящее время еще тлѣетъ, но настанетъ время, когда она вспыхнетъ, съ великимъ пламенемъ охватить всю вселенную, и народъ польскій, какъ чудная саламандра, возрожденный и облистаный огнемъ своего патріотизма, явится освободителемъ угнетенныхъ націй и представителемъ цивилизующей европейской миссіи. Время это настанетъ, но надо вооружиться терпѣніемъ, твердостью характера и силою воли. Вспомнимъ, братья, что Финикія, Венеція владѣли міромъ не силою оружія, но умомъ, просвѣщеніемъ и богатствомъ, послѣдуемъ ихъ примѣру и будемъ наблюдать прилагаемыя здѣсь правила, составленныя человекомъ опытнымъ и преданнымъ своей родинѣ безпредѣльно.

Польша нынѣ является, по преимуществу, страною для торговли и цивилизаціи. Была пора владычества Польши силою ея непобѣдимого и славнаго оружія; но судьбы Божіи неисповѣдимы; теперь предстоитъ ей владычество надъ тѣми странами, силою ума, торговли и просвѣщенія. Взгляните на Англію: нація исключительно торговая, сильнѣйшая въ мірѣ и владычица всего міра. Англія на морѣ, — Польша на сушѣ. У Англіи колоніи все ея богатство, но онѣ удалены; у Польши есть своя Индія: Украина и Литва, — колоніи эти съ Польшею составляютъ одно цѣлое и, при умѣ и знаніи вести дѣло, никогда въ матеріальномъ отношеніи не будутъ отъ нея отторгнуты. Мы предлагаемъ нашимъ братьямъ по крови и вѣрѣ принять слѣдующіе не безполезные для нихъ совѣты, для болѣе единообразнаго дѣйствованія, къ достиженію общей цѣли.

1) Въ *забранныхъ краяхъ помѣщики должны стараться всеми мѣрами не выпускать изъ рукъ своихъ имѣній*, а если необходимость заставить разстаться съ ними, то продавать своимъ только соотечественникамъ, или, въ крайнемъ случаѣ, — жидамъ; но не давать развиваться тамъ русскому элементу. Помогать во всѣхъ нуждахъ своимъ братьямъ; *русскимъ же помѣщикамъ дѣлать всякаго рода неприятности*, ничего имъ не продавать и не покупать у нихъ и т. д. Заводить съ ними процессы, кои легко будутъ ими проигриваемы, по случаю занятія судебныхъ мѣстъ въ *тамошнемъ краѣ*, нашими же единовѣрцами, — словомъ, дѣлать все, чтобы принудить ихъ продать свои неправопріобрѣтенныя имѣнія и выѣхать изъ этого края въ свою Московію; *продающіяся же русскія имѣнія стараться* хоть общими силами, въ компаніяхъ, *пріобрѣтать въ свое владѣніе*. Чрезъ это достигнемъ, со временемъ, въ этихъ странахъ исключительно польскаго господства и средоточія богатствъ края въ рукахъ нашихъ братьевъ — *на помощь и пользу своей ойчизны*.

Пускай алчная Россія считаетъ Украину и Литву своею собственностью, но кто ими *будетъ пользоваться матеріально*, того она, конечно, *понимать не будетъ*.

Кромѣ того, предлагаемыя средства будутъ препятствовать сліянію этихъ губерній съ ненавистною Московіею, а если будемъ пользоваться тупоуміемъ и неразвитостію тамошнихъ *поповъ*, то, дѣйствуя на *корыстолюбіе* ихъ деньгами, можемъ усыпить и этихъ *лютейшихъ по своему изувѣрству, нашихъ враговъ*; усыпивъ же *сихъ..... (*)* и дѣйствуя съ хитростію и умомъ на народъ, будемъ въ состояніи если не отвратить его отъ своей схизматической вѣры, то поколебать довѣріе къ своимъ попомъ, чего и достаточно, чтобы народъ смотрѣлъ на нихъ неприязненно.

2) Такъ какъ русскіе, большею частію, необразованы, лѣнивы и безпечны, то *стараться по всякому какъ можно болѣе образовывать себя спеціально*, чтобы имѣть всегда преимущество предъ русскими въ занятіи *лучшихъ выгоднѣйшихъ мѣстъ*, и тѣмъ самымъ подчинить себѣ эту грубую націю морально.

3) Людямъ, спеціально образованнымъ, *стараться непременно служить въ Россіи*, не обращая вниманія на возгласы неразвитыхъ людей (не посвященныхъ въ тайны политики), что „слу-

(*) Здѣсь пропущено слово, не приличное въ печати.

жить русскому правительству для поляка — безчестно;“ *служа на пользу своей родины* въ Россіи, каждый полякъ являетъ въ себѣ великую миссію и самоотверженіе для блага своихъ соотчичей.

4) Если ты намѣренъ вступить въ русскую службу, то *служи только тамъ, гдѣ можно разчитывать на вѣрный доходъ*, и какъ скоро наживешь достаточный капиталъ, оставляй службу и поселяйся на жительство въ твоей ойчизнѣ, чтобы нажитыя тобою деньги въ Россіи сдѣлать достояніемъ твоихъ собратій. Этимъ ты не только искупишь свое служеніе ненавистной тебѣ странѣ, но еще принесешь пользу своей ойчизнѣ; ибо всякая мѣра, которая можетъ вести къ обѣдненію общаго врага отчизны, не только дозволительна, но и необходима, — средствомъ этимъ ты подрываешь ему когти.

Стараться всеми мѣрами, гдѣ только откроется возможность *нажиться на счетъ русской казны*; это не лихоимство и не порокъ, а добродѣтель; потому что, обирая русскую казну, ты чрезъ то самое обезсиливаешь враждебное тебѣ государство и обогащаешь свою родину, а слѣдовательно, дѣлаешь добро своимъ собратіямъ, и святая церковь проститъ тебѣ такое преступленіе. Самъ Господь Богъ, запретившій убивать ближняго, разрѣшилъ чрезъ своихъ святыхъ мужей обнажать оружіе на покореніе врага израильскаго. Предлагаемое же здѣсь оружіе — не смертельно, и тѣмъ болѣе достойно уваженія, что, отымая отъ все-грабщаго награвленнаго имъ богатства, ты передаешь ихъ бѣднѣйшимъ твоимъ собратіямъ; когда же твое отечество будетъ богато, то оно будетъ и сильно.

5) *Стараться достигнуть всякаго вліятельнаго мѣста*; а получивъ такое мѣсто и сдѣлавшись сильнымъ, покровительствуй своимъ собратіямъ и доставляй имъ въ свою очередь выгодныя и доходныя мѣста. Для достиженія этой цѣли, всякія средства дозволительны, хотя бы онѣ казались для другихъ низкими; помни, что ты все это дѣлаешь для пользы своей ойчизны, а потому и униженіе твое должно въ глазахъ твоихъ соотчичей считаться великою жертвою; а что говорятъ противъ тебя другіе, — не соотчичи твои, на то не обращай вниманія и дѣлай свое дѣло. Русскій въ особенности любитъ лести и, отуманенный ею, готовъ скорѣе дать мѣсто тебѣ, чѣмъ своему, можетъ быть, и достойнѣйшему тебя собрату, но не способному, по своей грубой натурѣ, къ вѣжливому обращенію; а потому лести, какъ мо-

гущественный рычагъ противъ человѣка русскаго, по преимуществу употребляй вездѣ, гдѣ изъ нея можешь извлечь выгоду въ своихъ планахъ. Когда же, такимъ образомъ, всѣ вліятельныя мѣста въ Россіи будутъ въ рукахъ поляковъ, то и Россія не замѣтнымъ образомъ сдѣлается нашею данницею.

6) *Въ войскѣ русскомъ домо не служи*, чтобы, дослужившись до высшихъ степеней, не сдѣлаться невольнымъ орудіемъ ненавистнаго твоему народу правительства, — исполнителемъ его плановъ. Вообще *служи до того времени, пока изсякнутъ доходы и средства къ твоему обогащенію*, послѣ чего, не гоняясь за увлеченіями и постыдными украшеніями, покидай свою службу и скорѣе поселийся въ кругу своихъ соотчичей, чтобы пріобрѣтеннымъ тобою сокровищамъ не дать перейти въ руки враговъ твоихъ.

7) *Въ гражданской же службѣ служи сколько достанетъ силъ твоихъ* и всходи на самыя высокія ступени; отказывайся однако отъ занятія первыхъ государственныхъ должностей, а добивайся только всѣми мѣрами быть помощникомъ вельможъ, товарищемъ и вообще приближеннымъ къ нимъ лицомъ. Въ первомъ случаѣ правительство будетъ смотрѣть на тебя недоувѣрчиво, и ты не будешь посвященъ въ его планы; во второмъ, если съумѣешь взять своего начальника въ руки и пріобрѣсти его довѣренность, то тебѣ сдѣлаются извѣстны всѣ тайны правительства, а слѣдовательно и твоимъ соотчичамъ. Если правительство откроетъ обманъ, то отвѣтитъ твой начальникъ, а ты будешь въ сторонѣ и сохранишь себя для новаго служенія твоей родинѣ.

8) Будь во всемъ правою рукою твоего начальника и, для достиженія его довѣрія, не щади ничего, *брани въ его глазахъ даже своихъ соотчичей и осуждай ихъ дѣйствія*. Ничего нѣтъ легче, какъ этимъ средствомъ убѣдить каждаго русскаго къ преданности твоей къ Россіи и правительству. Вкравшись въ довѣріе твоего начальника, тебѣ будетъ легче покровительствовать тайно твоимъ собратіямъ.

9) *Если замѣтишь вреднаго для твоей родины вліятельнаго члена въ русскомъ обществѣ, старайся всѣми средствами приблизиться къ нему* и снискать его расположеніе для твоихъ собратій, чрезъ что, если не уничтожишь его, то зная всѣ замыслы врага, можешь отвратить грозящее бѣдствіе, противопоставивъ ему равносильное оружіе. Когда же, такимъ образомъ, во всѣхъ управленіяхъ Россіи будутъ наши агенты и все государство будетъ

покрыто, какъ бы съѣтъ единодушно дѣйствующихъ нашихъ собратій, то оно будетъ въ нашихъ рукахъ и, современемъ, дѣйствуя систематически на русское общество, затроивая нѣжныя чувства состраданія, мы подготовимъ его къ увѣренности, въ необходимости отдѣленія Польши. Все это можетъ произойти безъ всякой вооруженной силы и кровопролитія; а чрезъ то мы будемъ еще крѣпче и могущественнѣе въ будущемъ.

10) *Помни, что Россія — первый твой врагъ, а православный есть еретикъ (схизматикъ), и потому не совѣтись лицемѣрить и увѣрять, что они твои кровные братья, что ты противъ русскихъ ничего не имѣешь, а только противъ правительства, но тайно старайся мстить каждому русскому: онъ, по своей ненависти къ римской церкви и къ полякамъ, не будетъ никогда твоимъ другомъ и всегда поддержитъ въ насиліи противъ тебя свое правительство.*

11) *Между русскими говорѣ всегда, что нѣмцы — первые враги русскихъ и поляковъ, что они, для политическихъ цѣлей, всегда разстраиваютъ своими кознями дружеское согласіе между обоими народами. Русскіе ненавидятъ нѣмцевъ, а потому всегда этому вѣрять. Это самыя лучшія ширмы, для прикрытія твоихъ дѣйствій и, увѣривъ непріятеля въ искренней къ нему дружбѣ, ты легко усыпишь его. Во всякихъ обнаруженныхъ твоихъ планахъ, сваливай вину на нѣмцевъ, чрезъ то ты обратишь ударъ въ другую сторону и будешь способствовать уничтоженію одного врага посредствомъ другого, а самъ избѣгнешь подозрѣнія.*

Говоря съ русскимъ, старайся выводить его изъ терпѣнія: по всей глупой и откровенной натурѣ, въ спорахъ, русскій выскажется, а это тебѣ только и нужно; зная цѣль врага, ты противопоставишь ему вѣрное оружіе.

12) *Въ обществахъ русскихъ старайся болѣе молчать и невысказывать своихъ убѣжденій, потому что это не выгодно. На русскаго, въ своемъ обществѣ, старайся нападать, — сначала на ненавистное правительство, которому онъ, какъ рабъ, служить, потомъ на угнетеніе имъ другихъ народностей, и наконецъ на безчувственность его и черствость сердца къ угнетеннымъ братьямъ полякамъ.*

Старайся подѣйствовать на самолюбіе русскаго, и тогда, къ концу разговора, сдѣлаешь изъ него преданнаго тебѣ слугу въ твоихъ предпріятіяхъ. Русскій, при своей простодушной и грубой на-

туръ, весьма самолюбивъ, и названіе варвара его бѣситъ; чтобъ избавиться отъ этого ненавистнаго прозвища, онъ готовъ всадить ножъ въ ребро своего собрата. *Затроивай искусно самолюбіе русскаго и пользуйся имъ.*

13) Если имѣешь дѣло съ сильнымъ и хитрымъ врагомъ, который тебя разгадываетъ, всѣми средствами *старайся его уничтожить* и избери для этого оружіе надежнѣйшее, именно: содѣйствіе *влиятельнаго нѣмца*. Нѣмецъ, по враждѣ своей къ русскому элементу, тебѣ поможетъ, — врагъ твой погибнетъ, но будетъ думать, что обязанъ своимъ паденіемъ нѣмецкому вліянію. Этимъ средствомъ ты еще болѣе докажешь, что истинный врагъ русскихъ — нѣмецъ, а самъ, ни въ чемъ неподозрѣваемый, сдѣлаешь изъ врага себя пріателя и усерднаго помощника въ твоихъ планахъ.

III.

У Ч М Ы С Е Н Ъ

(станемъ учиться).

(изъ Виленскаго Вѣстника № 23 Января 28—1866 г.).

Послѣднее возстаніе, послужившее столь отрезвляющимъ средствомъ для русскаго общества, богато множествомъ матеріаловъ, доселѣ извѣстныхъ весьма не многимъ и обрисовывающихъ истинное значеніе польщизны въ средѣ нашего общества. Матеріалы эти важны не столько какъ документы историческіе, сколько какъ назидательное поученіе для настоящаго времени, какъ телескопы, которые открываютъ намъ мало изслѣдованныя доселѣ подробности организациіи шляхетскаго міра, вращающагося въ нашемъ обществѣ, снабжающаго насъ Огрызками, Сѣраковскими и Домбровскими, поджигателями и дѣлателями фальшивыхъ денежныхъ знаковъ и, что всего важнѣе, внушающаго всѣмъ этимъ дѣателямъ *свентой sprawy* весьма выгодное для подобныхъ господъ убѣжденіе, что преступленіе относительно Россіи, при всей гнусности его, есть въ сущности дѣло нравственное, высоко-патріотическое.

Знакомство съ матеріалами этого рода намъ необходимо и для насъ самихъ, въ видахъ огражденія себя отъ опасности, и даже для поляковъ, которые тогда только могутъ серьезно подумать о томъ, чтобы сдѣлаться честными гражданами русскаго земли, когда фактически убѣдятся въ полной несостоятельности завѣтной мечты своей о возстановленіи Рѣчи Посполитой, руками русскаго правительства.

Предлагаемый документъ: „Uczmy się“ (будемъ учиться) заключаетъ въ себѣ весьма любопытныя и поучительныя для насъ воззрѣнія польскихъ патріотовъ на то, какъ слѣдуетъ истому поляку пользоваться доставляемыми ему нашимъ правительствомъ средствами къ образованію; интересъ документа этого возрастаетъ еще болѣе, если мы вспомнимъ, что проповѣдуемая въ немъ теорія была прилагаема къ практикѣ.... Онъ найденъ былъ между бумагами одного молодаго шляхтича подольской губерніи, С...скаго, бывшаго нѣкоторое время передъ послѣднимъ возстаніемъ сту-

дентомъ университета св. Владиміра. Въ маѣ 1863 года, шляхтичъ этотъ задержанъ былъ, по подозрѣнію, нѣ Могилевѣ (подольской губ.). По слѣдствію оказалось, что онъ занимался *обученіемъ дѣтей* у одного тамошняго пана, не смотря на то, что письменные отзывы и черновыя бумаги учителя доказываютъ крайнюю слабость его въ русской и польской грамотѣ. У него же найдено было и переложеніе на мало-россійскій языкъ извѣстнаго революціоннаго гимна: *«Боже цось Польска.»* По объясненію С....скаго, данному при слѣдствіи, онъ списалъ переложеніе *«по лингвистическимъ побужденіямъ»*, а статью объ образованіи *«единственно изъ любопытства.»*

Печатаемъ послѣдній документъ, въ переводѣ. Мы считаемъ лишнимъ дѣлать къ нему комментаріи. Безобразіе доводовъ, приводимыхъ въ немъ въ доказательство того, что полякъ обязанъ пользоваться наукой, преподаваемой на русскія деньги, *какъ средствомъ наноситъ вредъ Россіи*, слишкомъ очевидно, чтобъ останавливаться на ихъ опроверженіи.

Но какъ ни краснорѣчиво документъ этотъ говорить самъ за себя, какъ ни поучительны выводы изъ него, какъ ни очевидна опасность, которой подвергаемся мы вслѣдствіе холоднаго взрѣнія нашего на русское дѣло и допущенія въ среду свою такой тлетворной язвы, какъ польщизна—мы далеко не можемъ покуда похвастаться, чтобы съ нашей стороны приняты были *всѣ* необходимыя мѣры для предохраненія себя отъ опасности въ будущемъ.

Здѣсь, въ громадной массѣ слѣдственныхъ дѣлъ, хранятся не мало поучительныхъ фактовъ, подтверждающихъ, на сколько зловреденъ для русскаго дѣла инородческій и враждебный элементъ, когда онъ занимаетъ самыя, повидимому, низшія служебныя должности.

СТАНЕМЪ УЧИТЬСЯ.

„Изъ просвѣщенія, управляемаго врагомъ и наклоняемаго къ исключительной его выгодѣ, можно извлечь выгоду и для Польши. Если изъ школъ, стоящихъ подъ прусско-австрійско-московскимъ попечительствомъ, могутъ выходить польскіе писатели, то почему же изъ тѣхъ же самыхъ школъ не могутъ выходить и польскіе граждане? Мы не говоримъ о великихъ ученыхъ, о ге-

ніяхъ, о Коперникахъ; напрасно мы выглядывали бы ихъ; что-бы дожидаться такихъ плодовъ надобно чтобы народная нива была прежде хорошо воздѣлана польски. Но мы совершенно въ правѣ отъ образующихся въ нѣмецко-московскихъ школахъ польскихъ юношей домогаться, чтобы они были гражданами, а имѣя это право, имѣемъ и обязанность, если не подать, то по крайней мѣрѣ припомнить имъ способъ, слѣдуя которому они не будутъ ни нѣмцами, ни русскими.

„Этотъ способъ есть желаніе, съ какимъ пріобрѣтается ученіе.

„Пусть только желаніе будетъ хорошее и польское, то нѣтъ такой науки, которой нельзя было бы приложить непосредственно къ нуждамъ нашего отечества и, что вѣрнѣе, — нѣтъ такой науки, въ которой бы оно не нуждалось; да и самое ученіе пошло бы успѣшнѣе и вѣрнѣе, имѣя предъ собою цѣль не навязанную, но свою собственную, родную, естественную. Примѣромъ можетъ служить познанская область въ эпоху между 1831 и 1846 годами. Эта небольшая провинція возвысилась вдругъ и просіяла ученостію и литературою на всю Польшу. Чѣмъ это сдѣлалось? Тѣмъ, что въ ея лоно влилось живительнымъ ручьемъ желаніе посвятить себя для Польши. Предъ нею явилась цѣль: Польша цѣлая, свободная и независимая. *Познанъ составляла заговоры и подземными заговорными работами утучняла нравственный грунтъ.* Тамъ не учились въ то время хлѣба ради только, или же науки ради, не трудились ради личной только выгоды и славы, но именно для возстановленія отечества изъ упадка. Когда же доброе желаніе, встревоженное (полагаемъ, временно) неудачами, вздремнуло, Познанъ, изъ передоваго, сразу низопла на очень, очень второстепенное мѣсто, какъ будто само провидѣніе хотѣло этимъ показать намъ, что безнаказанно мы не вольны ни на минуту переставать трудиться для Польши.

„Въ чемъ состоитъ нынѣ самая важная, главнѣйшая первенствующая предъ всѣми другими потреба нашего отечества? Разсматривая все поочередно и взвѣшивая все на вѣсахъ ума, чувства, или просто народнаго только разсудка, нельзя не прійти къ тому окончательному убѣжденію, что въ числѣ многихъ потребъ, первѣйшее мѣсто принадлежитъ народной независимости. Безъ независимости, самое изысканное, самое раціональное удовлетвореніе всѣхъ иныхъ нуждъ непремѣнно будетъ уродливо, не полно и, нерѣдко, вредно. Недостатка независимости ничѣмъ замѣнить нельзя. Можно вычеркнуть Польшу изъ карты Европы,

но невозможно изъ сердець и умовъ поляковъ, изъ ихъ желаній и стремленій исторгнуть и уничтожить народнаго „я.“ Оно всегда отзовется, сильнѣе или слабѣе, явственнѣе или незамѣтнѣе, но *отзовется всегда.*

„Народная независимость, доколѣ она не осуществится, составляетъ только желаніе, но она не осуществилась бы никогда, если бы оставалась всегда въ отвлеченной сферѣ желанія. Она принадлежитъ къ тому роду хотѣній, которыхъ не иначе, какъ насильствомъ, домогаться должно. А насильство это въ переводѣ на практическій языкъ означаетъ: вооруженное исторженіе ойчизны изъ объятій врага войною, посредствомъ народнаго возстанія.

„И такъ если перенесемся мыслію къ той ступени, которой нельзя миновать, если не хотимъ народную независимость представить милости непріятелей, то намъ сразу являются недостаточность средствъ и препятствія, изъ коихъ одни надобно пополнить, либо опрокинуть. И здѣсь тотчасъ становятся предъ нашими взорами науки, а изъ нихъ тѣ именно *спеціальности*, къ которымъ наклоняетъ врагъ для превращенія насъ въ послушныя ему и вредныя для отечества орудія. Когда мы учимся для врага, то какая бы ни ожидала насъ карьера, либо награда у послѣдняго предѣла ученія нашего, мы учимся нехотя, какъ за барщину, какъ наемные рабочіе. Когда же учимся для отечества, то къ побужденіямъ учиться присоединяется могучій рычагъ, который толкаетъ насъ впередъ и понуждаетъ въ тайнствахъ науки выискивать тѣ именно выводы, которые можно прямо примѣнить либо наклонить къ осуществленію главнаго нашего хотѣнія. И вотъ мы закапываемся въ книги и лабораторіяхъ, роемся, ищемъ, *отмѣчая особымъ знакомъ все то, что въ нравственномъ или физическомъ отношеніи можетъ быть передѣлано въ оружіе.* Техникъ замѣтитъ себѣ въ особенности и тщательно разсмотритъ слѣдующіе, напримѣръ, вопросы: какъ выдѣлывать порохъ скорѣйшимъ и дешевѣйшимъ способомъ? какъ и какія ремесла можно передѣлать въ литейныя, въ заводы для приготовленія ружей, сабель и боевыхъ снарядовъ? какимъ образомъ дорогіе, либо рѣдкіе матеріалы, необходимыя для сражающихся, можно замѣнить сподручными? *Военный* задаетъ себѣ слѣдующую задачу: чловѣка, не имѣющаго малѣйшаго понятія о войскѣ, передѣлать въ кратчайшій срокъ въ солдата, способнаго маневрировать въ порядкѣ, сражаться и побѣждать непріятельское войско; онъ из-

слѣдуетъ при томъ *сильныя и слабыя стороны* военной организаціи непріятели, его способы и тайны. И если-бы всякій выдѣлилъ такимъ образомъ 'изъ своей науки часть, примѣнимую къ возстанію, то возстаніе въ данное время увидѣло-бы въ своемъ обладаніи всесторонніе таланты и средства, которыя обезпечили-бы и ускорили его движеніе и развитіе и обнаружили-бы успѣхъ. Даже *мѣтатель*, даже *исендзь*, котораго правительство учить тому только, дабы онъ въ извѣстныхъ случаяхъ явился въ эпитахияхъ и ризѣ и со ступеней алтаря наклонялъ къ покорству незаконной власти и язычеству, если-бы они проникнулись насильствомъ желаніемъ служить отечеству, то дошли-бы векорѣ до убѣжденія, что для уврачеванія польскаго тѣла и польскаго духа нужны не аллопатія, не офиціозныя облаченія, но одно лишь: *"возстань и гради."* Изъ училищъ выходили-бы не недоучки, не противные верхогляды, но граждане, изъ коихъ каждый въ своей сферѣ и мѣрѣ несъ-бы за пазухой какое нибудь приношеніе для Польши.

„Однако на этомъ пути есть одинъ подводный камень, о которомъ мы должны предостеречь учащихъ въ непріятельскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Камень этотъ есть *карьеръ*. Не одинъ, съ самымъ честнымъ въ началѣ желаніемъ, какъ только увидитъ блестящія на его плечахъ въ перспективѣ генеральскіе эполеты, не въ силахъ противиться ихъ прелести и стремится къ нимъ съ тою мыслию: что донесетъ честность своего желанія до самой минуты украшенія ими себя и что съ высшаго поста расширится и его дѣятельность. Въ теоріи это кажется справедливымъ, на практикѣ же это чистая ложь. При переходѣ въ непріятельской службѣ со степени на степень, на каждой изъ нихъ теряется часть добраго желанія, а на послѣднюю приходитъ человекъ съ совѣстію, очищенною отъ патріотическихъ намѣреній. *Лучше по этому не заходить далеко на этомъ пути.* Безопаснѣе для тѣхъ, кому ужъ непремѣнно пужна карьера, выжидать таковой въ освобожденномъ отечествѣ и приспѣшать, торопить его освобожденіе. Нѣтъ такой высокой амбиціи, которой не могло-бы удовлетворить столь великое дѣло, каково есть отвоеваніе Польши, и нѣтъ амбиціи благороднѣе той, которая опирается на посвященіе себя отечеству.

«Станемъ же учиться, но только для Польши, будемъ трудиться, но только для отечества. Пусть оно всегда будетъ въ нашей мысли и сердцѣ; когда же доработаемся его, тогда

процвѣтетъ въ немъ и наука.... Въ настоящую минуту намъ должно всѣми силами, всѣми добродѣтелями, всѣми умами и талантами союзоваться для высвобожденія Польши. Потребность эта составляетъ нашу политическую специальность, по этому вовсе не будетъ не кстати наламывать къ ней и научныя специальности. Строго судя, это не науки, а ремесла, которыми непріятель вспомогательно окружаетъ важнѣйшее для него ремесло военное, изучая и совершенствуя оное непрестанно. *Военное ремесло теперь и для насъ самое важное.* И для насъ нужны специальности, ближе или далѣе относящіяся къ войнѣ, или же вспомошествоующія ей непосредственно. Само военное искусство, по общему мнѣнію, первое здѣсь занимаетъ мѣсто. Рядомъ съ нимъ становится важною выдѣлка оружія, пушекъ, снарядовъ, а также искусство революціоннаго управленія возстающимъ краемъ. Эти три отдѣла специальности вмѣщаютъ въ себѣ рядъ наукъ и примѣненій, съ которыми мы обязаны ознакомиться подробно и всесторонне, если хотимъ совѣстливо готовиться къ возстанію, если не хотимъ отдать народныя усилія въ жертву технической недоучки либо злоумышленію правителей (*).

(*) Предъ началомъ мятежа 1863 года, революціонный Варшавскій центральный комитетъ, собираясь вести правильно организованную войну, хотѣлъ завести тайныя мастерскія и фабрики для исправленія оружія, приготовленія капсулей и пороха и лабораторій. Командированный въ С. Петербургъ съ разными порученіями подземнаго правительства, исключенный изъ гвардейской конной артиллеріи подпоручикъ *Сигизмундъ Падлевскій*, въ Декабрѣ 1862 года, привезъ при возвращеніи увѣдомленіе, что *таковыя техники*, по требованію отправятся въ Варшаву.

IV.

С В Ъ Д Ъ Н І Е

о конспиративной организаціи для учащейся польской молодежи въ учебныхъ заведеніяхъ.

Централизація демократическаго товарищества польской эмиграціи, раскинувъ повсемѣстно *секціями*, уставы для единообразной констративной дѣятельности своихъ сторонниковъ и приверженцевъ, озаботилась и о пригодномъ для польской sprawy на правленіи подростающаго новаго поколѣнія, воспитываемаго въ учебныхъ заведеніяхъ. Цѣль была та чтобы юношество неминуемо попадало въ *польскіе патриоты*, и на случай мятежа, была готова въ данный моментъ, быть пущенною первою на всякія опасныя предпріятія подготовляющія и рѣшительныя. Устройство, конспиративной организаціи для учебныхъ заведѣній, вмѣстѣ съ распространеніемъ между туземцами, *секцій*, было внесено въ Западную Россію эмиссаромъ Симономъ *Конарскимъ* (въ 1839 году расстрѣляннмъ въ Вильнѣ) и имъ привито въ Кіевскомъ университетѣ и въ Виленской медицинской академіи. Приведенное свѣдѣніе относится къ состоянію этой конспиративной организаціи въ 1862 году.

Студенты составляютъ особое польское общество, которое для учебныхъ пособій и вспомоствованія неимущихъ товарищей, имѣетъ свою кассу и своихъ кассировъ; эта благонамѣренная цѣль была извѣстна и начальству заведеній.

Ближайшее устройство польскаго студенскаго общества существовало на слѣдующихъ основаніяхъ:

Конспиративная іерархія раздѣлялась на четыре степени, переходъ изъ одной въ другую сопровождался особою клятвою; нижнія степени могли только догадываться о существованіи и предметѣ занятій высшихъ. Польское студенское общество раздѣлялось по мѣсту рожденія на гмины, по давнимъ областямъ Рѣчи посполитой.

Вновь прибывшій, при поступленіи въ гмину давалъ обѣщаніе вносить 5% изъ своего ежемѣсячнаго прихода и хранить молча-

не о всякихъ могущихъ быть въ его присутствіи польско-патріотическихъ заявленіяхъ, за которые проступки виновный могъ-бы подпасть подъ отвѣтственность. Вступающій въ гмину имѣлъ право пользоваться нужными для занятій книгами изъ особой студентской библіотеки; гмина заботилась неимущимъ доставлять уроки или другія занятія и въ случаѣ крайности, членъ гмины имѣлъ право на вспомошествованіе изъ общей кассы. Новоприбывшіе снабжались отъ товарищей, произведеніями революціонной польской литературы, польско-патріотическое настроеніе давало студенту право на переходъ во 2-й разрядъ; т. е. быть членомъ съ голосомъ. Члены съ голосомъ имѣли ежемѣсячныя собранія по гминно; на этихъ собраніяхъ избирались *радный* (совѣтникъ) *кассиръ* и *библіотекаръ*; прежніе должностные могли быть избираемы вновь; *радный* былъ главный руководитель и распорядитель по дѣламъ гмины, *кассиръ* заведывалъ собираемыми деньгами, а *библіотекаръ*, тою частью общей библіотеки, которая ему поручалась на храненіе въ его квартирѣ. Библіотека имѣла два каталога, одинъ книгъ цензурованныхъ, а другой запрещенныхъ. (Въ Московскомъ университетѣ первые были подъ буквою Т, а вторые подъ буквою Z).

Радные, кассиры и библіотекари всѣхъ гминъ составляли *третью степень*, такъ называемую *администрацію*, которая изъ среды себя, избирала четвертый, высшій разрядъ *административный совѣтъ*, состоящій изъ трехъ членовъ: *главнаго раднаго*, *главнаго кассира* и *главнаго библіотекаря*.

Административный совѣтъ, по конспиративной дѣятельности входитъ уже въ сношенія внѣ круга дѣятельности самого заведенія.

